

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

444-25/xii

408-12/iv

Handwritten scribbles and numbers, possibly "11" and "28".

Handwritten scribble, possibly "g/v".

Pslov 620.5 (1903, no.7)

Handwritten numbers "1. 0. 1." arranged vertically.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

11# 1 2 3 4 5 6

2/15 - 904

195
9-89

4943

21

І Ю Л Ъ.

1903

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

№ 7.

135

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ИЗЪ ДНЕВНИКА УЧИТЕЛЯ ВАСЮ-ХИНА (Картинки станичной жизни). **Ө. Нрюкова.**
2. * * Стихотвореніе. **С. Синегуба.**
3. ИЗЪ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ. Окончаніе. **В. Мякотина.**
4. * * Стихотвореніе. **Л. Андрусона.**
5. НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ. Изъ старой записной тетради. Окончаніе. **А. Лугового.**
6. КОМАНДИРОВКА НА ХОЛЕРУ. Изъ записокъ женщины-врача. **А. Паевской.**
7. ЛИХОРАДКА. Этюдъ. **А. Серафимовича.**
8. * * Стихотвореніе. **К. Бархина.**
9. ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКА ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ. **П. Ю. Шмидта.**
10. * * Стихотвореніе. **Н. Шрейтера.**
11. ПЕПЕЛИЦЕ. Романъ. Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова. Продолженіе. **Ст. Жеромскаго.**
12. СВѢТЛАЯ НОЧЬ. Стихотвореніе. **В. Львова.**
13. ЗЕМЛЯ ОБЪТОВАННАЯ. Романъ. Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова. Продолженіе (Въ приложеніи). **В. С. Реймонта.**
14. ТЮТЧЕВЪ. **П. Ф. Гриневича.**

(См. 2-ую стр. обложки).

15. НОВЫЯ КНИГИ:

Эмиль Золя. Моя ненависть.—В. В. Подкольский. Вечеромъ.—П. Г. Мижуревъ. Средняя школа въ Германіи.—П. Г. Мижуревъ. Народное образованіе и реформа средней школы въ Норвегіи.—Е. Звягинцевъ. Даровитые питомцы народной школы.—А. Ф. Музыченко. Творчество учениковъ земскихъ школъ.—Всеобщее образованіе въ Россіи.—Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. В. Бузескула.—Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества.—Дѣло по обвиненію дворянина М. И. Джорджикія въ покушеніи на убійство сотника Н. П. Колокольцова.—Я. Г. Бандалинъ. Роль опыта въ медицинѣ.—Ф. Гизель. О радиоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

16. ИЗЪ АНГЛІИ. Діонео.
17. ИЗЪ ГЕРМАНИИ. Реуса.
18. ПОЛИТИКА. Смерть Льва XIII и его жизнь.—Папство въ прошломъ и настоящемъ. С. Южанова.
19. ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БЮДЖЕТѢ. А. Пѣшехонова.
20. ЗЕМСТВО И ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА. В. Ивановича.
21. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Л. Крживицкаго.
22. ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Г. КРЖИВИЦКАГО. Рецезента.
23. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.
24. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВАЯ КНИГА:

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

Записки бывшаго каторжника.

Т. II. Изданіе второе журнала «Русское Богатство».

Цена 1 р. 50 к.

ЮЛЬ.

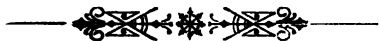
1903.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1903.

^Δ
Pslav 620.5 (1903, no.7)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24-го іюля 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
1. Изъ дневника учителя Васюхина (Картинки станичной жизни). <i>Ө. Крюкова</i>	5— 39
2. * * Стихотвореніе <i>С. Синегуба</i>	40
3. Изъ исторіи крестьянства въ первой половинѣ XIX столѣтія. <i>В. Мякотина</i> . Окончаніе	41— 78
4. * * Стихотвореніе <i>Л. Андрусона</i>	78
5. Николай Петровичъ. Изъ старой записной тетради. <i>А. Луговой</i> . Окончаніе.	79—120
6. Командировка на холеру. Изъ записокъ женщины-врача. <i>А. Паевской</i>	121—169
7. Лихорадка. Этюдъ. <i>А. Серафимовича</i>	170—178
8. * * Стихотвореніе <i>К. Бархина</i>	178
9. Природа человѣка въ новомъ освѣщеніи. <i>П. Ю. Шмидта</i>	179—215
10. Стихотвореніе <i>Н. Шрейтера</i>	215
11. Пепелище. Романъ. <i>Ст. Жеромскаго</i> . Переводъ съ польскаго <i>Н. Ю. Татарова</i> . Продолженіе.	216—249
12. Свѣтлая ночь. Стихотвореніе <i>В. Львова</i>	249—250
13. Земля обѣтованная. Романъ. <i>В. С. Реймонта</i> . Переводъ съ польскаго <i>Н. Ю. Татарова</i> . Продолженіе (Въ приложеніи).	257—288
14. Тютчевъ. <i>П. Ф. Гриневича</i>	1— 24
15. Новыя книги: Эмиль Золя. <i>Моя ненависть</i> .— <i>В. В. Подкольскій</i> . <i>Вечеромъ</i> .— <i>П. Г. Мижувъ</i> . <i>Средняя школа въ Германіи</i> .— <i>П. Г. Мижувъ</i> . <i>Народное образованіе и реформа средней школы въ Норвегіи</i> .— <i>Е. Звягинцевъ</i> . <i>Даровитые питомцы народной школы</i> .— <i>А. Ө. Музыченко</i> . <i>Творчество учениковъ земскихъ школъ</i> .— <i>Всеобщее образованіе въ Россіи</i> .— <i>Введеніе въ исторію Греціи</i> . Лекціи проф. <i>В. Бузескуда</i> .—	

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества.—Дѣло по обвиненію дворянина М. И. Джорджикія въ покушеніи на убійство сотника Н. П. Колокольцова.—Я. Г. Бандалинъ. Роль опыта въ медицинѣ. — Ф. Гивель. О радиоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	25— 50
16. Изъ Англіи. <i>Діонео</i>	51— 77
17. Изъ Германіи. <i>Реуса</i>	78—124
18. Политика. Смерть Льва XIII и его жизнь.—Папство въ прошломъ и настоящемъ. <i>С. Южакова</i>	125—135
19. Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ. <i>А. Пъшехонова</i>	135—158
20. Земство и церковная школа. <i>В. Ивановича</i>	158—168
21. Письмо въ редакцію. <i>Людвика Крживицкаго</i>	168—172
22. По поводу письма г. Крживицкаго. <i>Рецензентъ</i>	172—177
23. Отчетъ конторы редакціи.	
24. Объявленія.	

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

- (С.-Петербургъ — *Контора редакціи, Васкова ул., 9; Москва — Отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина*).
- С. А. Ан—скій.** Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
- П. Булыгинъ.** Разказы. Ц. 1 р. 50 к.
- Дюнео.** Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к.
- С. Я. Елпатъевскій.** Очерки Сибири. Изд. *третье*. Ц. 1 р.
- ” ” ” Очерки и разказы. Ц. 1 р. 50 к.
- Вл. Короленко.** Очерки и разказы. Книга 1-ая. Изданіе *десятое*. Ц. 1 р. 50 к.
- ” ” Очерки и разказы. Книга 2-ая. Изданіе *пятое*. Ц. 1 р. 50 к.
- ” ” Очерки и разказы. Книга 3-ья. Изданіе *второе*. Ц. 1 р. 25 к.
- ” ” Слѣпой музыкантъ. Изданіе *девятое*. Ц. 75 к.
- ” ” Въ голодный годъ. Изданіе *четвертое*. Ц. 1 р.
- ” ” Безъ языка. Разказъ. Изд. *второе*. Ц. 75 к.
- Н. Кудринъ.** Очерки современной Франціи. Ц. 2 р.
- Ек. Лыткова.** Мертвая зыбь. Разказы. Изд. *второе*. Ц. 1 р.
- ” ” Отдыхъ. Разказы. Изд. *второе*. Ц. 1 р.
- ” ” Рабъ. Разказы. Ц. 1 р.
- Л. Мельшинъ.** Въ мірѣ отверженныхъ.
- Томъ I. Изданіе *третье*. Ц. 1 р. 50 к.
- ” ” ” II. Изданіе *второе*. ” 1 ” 50 к.
- ” ” Пасынки жизни. Изданіе *второе*. Ц. 1 р.
- Н. К. Михайловскій.** Сочиненія. Томъ I. Ц. 2 р.
- ” ” ” ” ” II. ” 2 ”
- ” ” ” ” ” III. ” 2 ”
- ” ” ” ” ” IV. ” 2 ”
- ” ” ” ” ” V. ” 2 ”
- ” ” ” ” ” VI. ” 2 ”
- ” ” ” Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ I. Ц. 2 р.
- ” ” ” Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ II. Ц. 2 р.
- В. А. Мякотинъ.** Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Ц. 2 р.
- А. О. Немировскій.** Напастъ. Повѣсть. Ц. 1 р.
- Сборникъ „Русскаго Богатства“ (1899 г.).** Беллетристика. Ц. 2 р.
- ” ” ” ” ” Публицистика. ” 1 ”
- С. Н. Южаковъ.** Дважды вокругъ Азіи. Ц. 1 р. 50 к.
- П. Я.** Стихотворенія. Томъ I-ый. Изд. *пятое*. Ц. 1 р.
- ” ” ” Томъ II-ой. Изд. *второе*. Ц. 1 р.
- Подписчики „Русскаго Богатства“, приобретающіе эти книги, пользуются даровой пересылкой.

Шесть томовъ Соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Воляница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1878 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемену. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независимія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицензбрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные дбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Цюна, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ „Русскаго Богатства“, за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ.

Продолжается подписка на 1903 годъ

(XI-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ВЪЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой	9 р.
Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ	8 р.
За границу	12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*ул. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Книжные магазины, библиотеки, земскіе склады и потребительныя общества, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка, не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к., не принимается.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписнымъ деньгамъ въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятая рукопись, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленные въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., уничтожены.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

Изъ дневника учителя Васюхина.

(Картинки станичной жизни).

19-го августа я принялъ X-ское приходское училище. Приемъ состоялъ въ томъ, что о. законоучитель передалъ мнѣ ключи отъ шкафовъ съ книгами и сказалъ при этомъ, что не знаетъ, всѣ ли книги по народной и училищной библиотекамъ цѣлы,—такъ какъ мой предшественникъ въ мартѣ умеръ, а временно замѣщавшій его помощникъ ничего не принималъ и не сдавалъ.

— Ну, желаю вамъ всего благого,—сказалъ батюшка въ заключеніе.—Кстати сказать, предмѣститель вашъ умеръ отъ чахотки. Такъ что, если вы человекъ мнительный, то не мѣшало бы хоть стѣны побѣлить заново: всетаки дезинфекція въ нѣкоторомъ смыслѣ... Оно на душѣ-то поспокойнѣе... А впрочемъ, все Господь...

Въ училищѣ все оказалось въ порядкѣ. Сторожъ Никитичъ, горбатый старикъ, лицомъ и фигурой напоминавшій Эзопа, толково рассказалъ мнѣ все, что мнѣ надо было узнать, и принесъ огромную кипу газетъ и бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго моего предшественника, Алексѣя Егоровича Васюхина. Часть этихъ бумагъ, по словамъ Никитича, была уже употреблена въ дѣло, т. е. на цыгарки, съ разрѣшенія Арсенія Васильевича (временнаго замѣстителя), который, впрочемъ, ихъ не просматривалъ.

— Вотъ проглядите, — можетъ, что нужно есть,—говорилъ Никитичъ, плепнувши всю кипу на полъ у стола:—Алексѣй Егорычъ, покойничекъ, писать былъ большой любитель! Бывало, сидитъ ночь и все пишетъ... А потомъ—глядишь — рвать или жечь начнетъ. Сколько бумаги перевель!..

Я просмотрѣлъ. Большая часть этихъ рукописей оказалась выписками изъ журнальныхъ статей и отчасти изъ отдѣльныхъ сочиненій. Видно было, что человекъ не переставалъ учиться и шелъ къ просвѣщенію оцупью, пользуясь слу-

чайнымъ матеріаломъ, главнымъ образомъ, журнальнымъ и газетнымъ.

Только одна тетрадь, — подержанная, растрепанная, безъ переплета и, повидимому, безъ начала, — остановила мое вниманіе дольше другихъ. Это былъ дневникъ, который я прочелъ за одинъ присѣсть, — и беру смѣлость предложить благосклонному вниманію читателей...

9-го мая 19... г.

Сейчасъ вернулся съ улицы. Никогда я не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ и чужимъ для всѣхъ, какъ въ нынѣшній чудный вечеръ. Мимо меня сновали толпы молодежи; въ воздухѣ — свѣжемъ, почти влажномъ и чуткомъ — звенѣли пѣсни; женскіе голоса издали звучали такъ мягко, и нѣжно, и грустно. Дѣтскій смѣхъ и визгъ, шумъ и гамъ вспыхивали и по временамъ покрывали своими бурлящими, кипучими волнами плавно переливающуюся мелодію пѣсни. Сквозь нихъ пробивалась вдругъ яркая, смѣющаяся трель гармоникки; она вырывалась откуда-то изъ-за угла или съ самаго конца улицы, закутанной серебристымъ туманомъ луннаго свѣта... И все это сливалось въ воздухѣ въ чудную симфонію весенней, молодой, беззаботной жизни...

Было что-то странно возбуждающее, беспокойное, непонятно-влекущее — всюду, во всемъ: и въ этомъ мягкомъ воздухѣ, и въ высокомъ смутно-синемъ небѣ съ рѣдкими алмазными звѣздочками, и въ этомъ запахѣ сирени, тополей, кизяка и какой-то душистой травы, и въ залиистой трели лягушекъ, покрывающей страстныя соловьиныя трели, и во всѣхъ этихъ наполняющихъ воздухъ неуловимыхъ звукахъ, запахахъ, краскахъ, тѣняхъ, и въ волшебномъ лунномъ свѣтѣ

Я ходилъ по улицамъ станицы, смотрѣлъ на толпы молодыхъ людей, ребятишекъ, на стариковъ и старухъ, сидѣвшихъ на бревнахъ или заваленкахъ. И такъ какъ я былъ одинъ между этими оживленными группами съ ихъ беззаботнымъ весельемъ, то мнѣ было скучно, завидно, тоскливо и тяжело. Мнѣ казалось, что никому изъ этихъ людей нѣтъ никакого дѣла ни до моей одинокой тоски, ни до моихъ думъ и волненій, въ которыхъ, однако, ихъ интересы занимаютъ такое видное мѣсто.

Я остановился около училища. Одинъ... Группы дѣвчатъ проходили мимо меня; молодые казаки догоняли ихъ, смѣшались съ ними, толкались, смѣялись, перешептывались. Иногда раздавался визгъ, барахтанье, звонкій шлепокъ въ спину, хохотъ, крѣпкое словцо... Иногда близко около меня пробѣгала молодая парочка. Женскія юбки мягко захватывали меня по ногамъ; я встрѣчалъ лукавый, смѣющийся

взглядъ, даже чувствовали запахъ какихъ-то дешевенькихъ духовъ. Кровь вспыхивала во мнѣ, и сердце начинало стучать часто и громко... И хотѣлось бы мнѣ побѣжать туда, за ними, смѣшаться съ этой беззаботной молодой толпой, обниматься, шептаться, получать хотя бы звонкіе шлепки и не думать ни о чемъ...

Но вѣдь я... „культурный“ человѣкъ. Развѣ это не показалось бы удивительнымъ всѣмъ и каждому, не исключая и этой самой толпы? Да, можетъ быть, и мнѣ самому было бы стыдно послѣ встрѣтиться съ знакомыми? Воображаю, какія улыбки были бы у нѣкоторыхъ мѣстныхъ дамъ и барышень!..

Какъ бы то ни было, а въ данную минуту я чувствую только безнадежную тоску и полное одиночество. Меня не интересуетъ ни предстоящій экзаменъ моихъ учениковъ въ комиссіи, ни награда въ 60 рублей, которую столь великодушно обѣщаль мнѣ инспекторъ, ни мои дѣтища—народная библиотека и народныя чтенія, которымъ я посвятилъ весь свой досугъ...

Все это представляется мнѣ теперь прахомъ и суетой. Это не даетъ ощущенія счастья, а они вонъ веселятся такъ мило и беззаботно, поютъ, играютъ, бьются на кулачки, визжать, свистать, хохочутъ, шепчутся, обнимаются... и имъ хорошо!

И какая странная ночь... волшебная, раздражающая... Серебристый, таинственный лунный свѣтъ расписалъ все фантастическими узорами; душистый воздухъ весь наполненъ какими-то порогами, неуловимыми звуками, несущимися отъ каждой тѣни, куста, чудными, непонятными, но близкими сердцу... А блѣдныя серебряныя звѣздочки съ ихъ кроткой, сочувственной лаской трепетнаго мерцанія... Какая красота во всемъ! Даже крытые соломой казацкіе курени съ своими побѣленными стѣнами подъ блескомъ мѣсяца кажутся мраморными дворцами... И какая грусть на сердцѣ...

26-го мая.

Вчера пріѣхаль съ экзамена. Сошло хорошо: мои мальцы лицомъ въ грязь не ударили. Правду сказать, ребята довольно способные и прилежные. Былъ предводитель дворянства, былъ инспекторъ. Я получилъ 60 рублей награды. Сумма не малая, если принять въ соображеніе, что изъ моего жалованья я выдѣляю 120 рублей отцу на хозяйство.

Послѣ завтра ѣду въ свой родной хуторъ—Есауловъ, „на родительскіе хлѣбы“, отдыхать, на цѣлыхъ три мѣсяца... Выдержу-ли?..

20-го іюня.

Четвертая недѣля, какъ я въ Есауловомъ хуторѣ. Скучно

жарко, безлюдно... Хуторъ степной, маленькій—дворовъ тридцать. Кругомъ степь, побурѣвшая уже отъ солнца. Народъ весь въ полѣ. Зелени почти никакой. Купаться негдѣ. Прудъ весь покрытъ зеленой грязью, гусинымъ пометомъ и пухомъ; тѣнь только подъ сараями. Садики очень жалкіе, заморенные: почва солонцеватая, бѣдная влагой; колодцы глубоки, поливать трудно. Чего здѣсь много, такъ это—навозу и приготовленныхъ изъ него кизяковъ. Квадратные кирпичики—кизяки, сложенные въ невысокія пирамидки, наполняютъ всѣ дворы и даже кривыя улочки хуторка, поросшія колючкой и дуропьяномъ съ бѣлыми цвѣтами. Очень также много мухъ.

Старички мои, конечно, рады были моему приѣзду. Отецъ считаетъ меня, повидимому, за человѣка необыкновенной учености и первое время по приѣздѣ всегда говоритъ мнѣ „вы“ и все какъ-то конфузится. Мать—нездоровая, блѣдная, прекрасная—обыкновенно плачетъ и пичкаетъ меня съѣстными. Сестра—семнадцатилѣтняя дѣвушка, красивая, здоровая, рабочая—(учить ее не на что было) меня дичится. За нее предполагаютъ взять въ домъ зятя. Отцу одному съ работникомъ трудно вести хозяйство.

— Кабы послалъ Господь хорошаго человѣка,—со вздохомъ говоритъ мать. Сестра при этомъ молчитъ и краснѣетъ.

Хозяйство у моего отца, по здѣшнему, порядочное: три пары воловъ, четыре лошади, три коровы съ телятами, мелкаго скота—не знаю сколько. Нужды нѣтъ, но нѣтъ и денегъ. Богатство заключается въ скотѣ и хлѣбѣ—цѣнность мало подвижная, мало удобная и весьма переменчивая.

Милая моя матушка потчуетъ меня всевозможными яствами,—по преимуществу изъ сметаны и масла (блинцы всѣхъ видовъ и сортовъ, лапшевники, варенники и т. п.), и порой политично разговариваетъ о деликатной матеріи:

— Алешенька! а что бы тебѣ жениться-то?

— Все никакъ не соберусь, маманюшка.

— Вонъ у Сидора, говорятъ, дочь—хорошая дѣвка, одариваютъ дже.—„Вѣтрякъ“,—говоритъ,—„въ приданое отдамъ, если хорошій человѣкъ попадется“. Тамъ сколько платьевъ этихъ у ней понашито, шляпки съ перьями да съ лентами...

Я отмалчиваюсь.

По праздникамъ хуторъ нѣсколько оживляется. Народъ приѣзжаетъ съ полей. Молодежь собирается кучкой около маленькой лавочки, въ которой торгуетъ всевозможными товарами отставной солдатъ. Играютъ въ орлянку, въ карты, поютъ пѣсни, бесѣдуютъ, иногда бранятся. Поютъ здѣсь не дурно.

Я люблю слушать наши казацкія пѣсни, люблю и самъ пѣть тѣ изъ нихъ, которыя знаю. Одно время я собиралъ и записывалъ ихъ. Напѣвъ ихъ нѣсколько однообразенъ и унылъ, но характеренъ, оригиналенъ и замѣчательно гармонируетъ съ нашею монотонною степью и странною казацкою жизнью. Что-то близкое сердцу, непонятно-грустное слышится мнѣ всегда въ переливахъ этихъ пѣсенъ, воспѣвающихъ широкую шляхъ-дороженьку, мать-дубровушку, рѣчку лазоревую, орловъ сизокрылыхъ, тоску на чужбинѣ. Когда я заслышу ихъ, то всегда не утерплю, чтобы не подойти къ кругу.

Лавочникъ, человѣкъ довольно общительный и цивилизованный (онъ служилъ въ музыкантской командѣ и, по его собственнымъ словамъ, игралъ „разные европейскіе марши и солы“), считаетъ своимъ долгомъ занимать меня бесѣдою о разныхъ матеріяхъ.

— Посмотрѣть вышли на наши обстоятельства?—спросилъ онъ въ первый разъ, какъ я появился въ праздничный день около его лавченки.

— Да, посмотрѣть.

— Что-же, посмотрите. Только мало у насъ чего касательно къ любопытству вашему... Такъ, живемъ въ навозѣ! А между прочимъ...

Онъ слегка наклонился и сказалъ конфиденціальнымъ тономъ:

— Можетъ быть вамъ дѣвчонку или бабенку какую-нибудь требуется?

Я смутился отъ неожиданнаго вопроса, а онъ ухмыльнулся и продолжалъ тономъ ободряющимъ и отчасти покровительственнымъ:

— Ваше дѣло молодое... Это—ничего. А тутъ есть... и даже съ удовольствіемъ съ вами время раздѣлили бы. Изъ себя вы—не плохой, совѣсть у васъ мягкая, простая... Ежели угодно, я сію минуту разстарался бы... Славныя бабочки есть... жолмѣрки...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо, пожалуйста!—сказалъ я своему любезному собесѣднику и ушелъ, оставивъ въ немъ о себѣ мнѣніе, вѣроятно, не высокое.

Послѣ этого мнѣ было какъ-то неловко выходить къ лавочкѣ по праздничнымъ днямъ.

Нѣтъ, скучно въ Есауловѣ. Завтра уѣзжаю въ станицу, къ училищу.

Мать огорчена.

— Нѣтъ мнѣ счастья на бѣломъ свѣтѣ,—говорить она со слезами:—пріѣхалъ на часочекъ и опять отъѣзжаетъ... Другія матеріи всегда при дѣтяхъ живутъ...

Отецъ не показываетъ виду, что огорченъ: побесѣдовалъ со мной въ послѣдній разъ объ астрономіи и о паровыхъ плугахъ (старикъ любить-таки помечтать кое-о-чемъ) и сказалъ:

— Тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, скучно съ нами.... Тутъ жара, тутъ муха. А мать—ты ужь ее извини—она какой человѣкъ? Муха въ чашку къ тебѣ попадетъ, она ее пальцемъ выковыриваетъ. Чѣмъ бы ложкой...

— Ты ужь хорошъ!—сказала мать.

Славные старички...

27-го іюня.

Снова я въ своемъ училищѣ, читаю газеты, которыхъ за мое отсутствіе накопились цѣлая кипа. Когда читаешь,—не приходитъ въ голову мысль объ одиночествѣ своего существованія. Тѣсный міръ какъ будто раздвигается. Чувствую себя въ обществѣ людей, тоже, можетъ быть, не весело живущихъ, но бодрыхъ, краснорѣчивыхъ, умныхъ, смѣлыхъ, не слагающихъ оружія въ борьбѣ жизни. И желаніе трудиться, отозваться на ихъ призывъ, пожать имъ руки—охватываетъ меня всякій разъ, и я бодрѣе и пристальнѣй присматриваюсь къ жизни, окружающей меня, и обширные, иногда просто фантастическіе планы зарождаются въ головѣ и не даютъ мнѣ спать...

По буднямъ въ станицѣ безлюдно. Выйдешь за ворота, глянешь направо, глянешь налево—вдоль по длинной улицѣ, замыкаемой съ обѣихъ сторонъ сизыми рощами вербъ,—пустыня! Разгуливаютъ свиньи, телянокъ, двѣ-три курицы... Вдали ребенокъ безъ рубашки кричитъ благимъ матомъ и стучится въ запертыя ворота. Горячій вѣтерокъ пахнетъ иногда съ востока, и все опять тихо, сонно, мертво... Въ воздухѣ какъ будто застыло чуть слышное, едва улавливаемое жужжаніе безъ начала и безъ конца, то басистое, серьезное, заботливое, то тонкое, легкомысленное, раздражающее, то жалобное и плачущее...

Хороши вечера и ночи—лунныя, ясныя, тихія, немного душныя... Выйдешь-ли на улицу, съ одной стороны озаренные луннымъ блескомъ мраморныя, блестящіе стеклами оконъ маленькіе дворцы, съ другой—тоже маленькіе заколдованные замки съ синеватыми, темными стѣнами и раскрытыми бойницами-окнами. Неровные зубцы вербовыхъ рощъ, окружающихъ станицу, подъ блескомъ мѣсяца кажутся покрытыми сѣрымъ шелкомъ. Тѣни черны и таинственны, воздухъ чутокъ. Каждый звукъ, каждый порохъ отчетливо слышенъ. Сядешь въ саду на скамейкѣ. На песчаной дорожкѣ—причудливые мелкіе узоры. Тихо шелестятъ листочки молодыхъ топольковъ; звенящій стрекотъ кузнечиковъ

безбрежно разлить во всё стороны; надъ вишнями гудять жуки; комаръ дѣловито поетъ надъ самымъ ухомъ. Изъ-за церкви, отъ поповскаго дома доносится брэнчанье рояли: молодая попадья играетъ что-то грустное и пріятное... Тосленіе и грусть охватываютъ сердце...

28-го іюня.

Кажется, маленькое знакомство...

Вчера ночью я скитался по улицамъ станицы. Обыкновенно я занимаюсь этимъ въ сообществѣ станичнаго атамана или станичныхъ писарей, но на сей разъ я былъ одинъ. Было скучно. Эти лунныя ночи какъ-то особенно напоминаютъ объ одиночествѣ. Хотѣлъ было уже повернуть домой, — смотрю, на углу нашего переулка стоитъ... женщина. Я не волокита. Въ женскомъ обществѣ я, вообще, конфузивъ, неловокъ, неуклюжъ и, вѣроятно, смѣшонъ. Часто я искренне презиралъ себя за свою робость и неумѣлость, потому что я люблю... очень люблю женщинъ: онѣ вносятъ въ суровый и скучный тонъ жизни что-то нѣжное, свѣтлое, смягчающее и доброе. Откровенно сознаюсь, всегда отъ души завидовалъ людямъ, умѣющимъ дѣлать жизнь веселою и интересною, общительнымъ, находчивымъ и остроумнымъ, — хотя бы только въ обществѣ женщинъ...

Теперь меня охватило желаніе женскаго общества, женскаго разговора, болтовни, смѣха и можетъ быть... ласки. Набравшись смѣлости, я сказалъ, — поровнявшись съ молодой казачкой:

— Здравствуйте

— Здравствуйте, — отвѣтилъ молодой голосъ, и я тотчасъ узналъ его.

Это была Катя Медвѣдева, дѣвушка изъ довольно зажиточной казачьей семьи, моя сосѣдка, хотя не совсѣмъ близкая. Я былъ знакомъ съ ея отцомъ, — одинъ разъ „гулялъ“ въ компаніи съ нимъ у нашего атамана, былъ и у него въ домѣ, но дочку его и вообще младшихъ членовъ семьи не видѣлъ. Катю я встрѣчалъ только на улицахъ, не рѣдко окруженной цѣлой свитой молодыхъ казаковъ. Она пользовалась въ станицѣ репутаціей одной изъ самыхъ интересныхъ дѣвицъ, и около ея имени создалось уже не мало сплетенъ. Дѣвочка очень миленькая...

— Гуляете? — спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь, потому что чувствовалъ, какъ глупо выходить стоять молча.

— Нѣтъ. Такъ, стою...

— Можетъ быть, пройдемся? — съ трудомъ выговорилъ я, словно давился, и почувствовалъ, какъ голосъ мой прерывался отъ робости.

— Нѣтъ, я разувши. Послѣ когда-нибудь...

— А послѣ можно?

— Отчего-же... можно... — Она сказала это такъ просто и мило, что я невольно подумалъ:— „Какая прелесть!“—и мнѣ не хотѣлось уходить отъ нея. Но вдругъ стукнула калитка у ближняго двора, и сердитый женскій голосъ прокричалъ:

— Катюшка! Ты будешь нонче ночевать или нѣтъ?

— Фу, какъ строго!—сказала моя собесѣдница и засмѣялась. И когда я хотѣлъ было податься за уголъ, чтобы не навлечь на нее подозрѣнія, она сказала:

— Нѣтъ, ничего! это—сноха наша. Хотите сѣмячекъ?

Я взялъ отъ нея горсть подсолнуховъ.

— Вы садитесь,—сказала она и сѣла на заваленку:—что вамъ стоять? Вы и такъ большіе выросли...

Я присѣлъ, но бесѣда у насъ не клеилась. Она пощелкивала сѣмячки и въ бокъ съ любопытствомъ поглядывала на меня. Я не зналъ, о чемъ заговорить, и чувствовалъ себя мучительно и глупо.

— Вотъ вечеръ скоро будетъ вонъ въ томъ домѣ,—сказала она:—погуляемъ. Мою подругу замужъ отдають.

— Такъ...

— Придете смотрѣть?

— Приду.

— Приходите. Весело будетъ... Ну, прощайте, всетаки надо домой, а то ругать будутъ...

Она встала, встряхнула скорлупу съ своего фартука и поглядѣла на меня съ чуть замѣтной веселой, пріятельской улыбкой; потомъ, — видимо, послѣ нѣкотораго колебанія, — подала мнѣ свою руку, маленькую, сухую, съ тонкими, грубоватыми пальцами, очевидно, хорошо знакомыми съ черной работой,—и побѣжала легкой, неслышной побѣжкой домой. Я сидѣлъ еще нѣкоторое время на заваленкѣ и думалъ объ этой дѣвчкѣ. Ея худощавое и блѣдное при лунномъ свѣтѣ личико, веселая улыбка, мелкіе зубы, блестящій, веселый взоръ — долго не давали мнѣ уснуть. Было жарко и душно...

Я самъ родился и выросъ въ простой казачьей семьѣ. Отецъ мой пашетъ землю. Когда я былъ подростокъ, я помогалъ ему лѣтомъ въ полевыхъ работахъ,—теперь не могу. Я знаю казацкій бытъ; я люблю народъ свой, среди котораго я выросъ и которому служу, мечтаю объ его счастьѣ, скорблю о немъ сердцемъ; я—сынъ народа, смѣло могу это сказать... И, тѣмъ не менѣе, я неизмѣнно и постоянно чувствую, что что-то отрѣзало меня отъ моего народа, что на меня онъ смотреть уже не какъ на своего, со мной говорятъ не просто и не откровенно, и я не могу подойти близко, какъ мои сверстники по годамъ, молодые казаки, къ нашимъ милымъ

казачкамъ... А между тѣмъ, какъ я ихъ люблю! Онѣ веселы, смѣлы, остроумны, намѣренно-грубоваты и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣютъ быть нѣжными и неуволимо-привлекательными... Что-то есть въ нихъ такое, чего я не встрѣчалъ ни въ одной изъ знакомыхъ мнѣ культурныхъ женщинъ,—что-то свободное, смѣлое, увлекательно-разгульное, сообщающее жизни безпечную радость и красоту воли...

5-го іюля.

Всю эту недѣлю по вечерамъ я выходилъ за ворота, присаживался на лавочкѣ возлѣ палисадника и начиналъ невольно смотрѣть на слѣдующій перекрестокъ, по направленію того самаго угла, гдѣ я бесѣдовалъ съ Катей. Въ ясныя ночи по переулку все до степи видно отчетливо, даже полетъ ночной птицы. Иногда казалось мнѣ, что на бѣлой стѣнѣ углового дома, подъ окномъ, вырисовывается силуэтъ,—легкій, неуволимый, какъ тѣнь. Онъ быстро и неслышно начиналъ двигаться по направленію къ церковной оградѣ, потомъ подъ оградой къ училищу... Ближе, ближе... Сердце у меня начинало стучать. Но вдругъ силуэтъ какъ-то быстро таетъ, и вотъ уже нѣтъ его, и одна усталость чувствуется на сердцѣ...

Катю я видѣлъ вчера. Она съ подругами шла по нашей улицѣ—всѣ нарядныя, по праздничному одѣтыя. Навстрѣчу имъ шли два молодыхъ казака. Они остановили ихъ и стали разговаривать. Рассказывали, вѣроятно, что-нибудь веселое, потому что дѣвицы все смѣялись, закрываясь платочками, и отворачивались. Одинъ изъ казаковъ, высокій, смуглый, курчавый, въ фуражкѣ на бекрень,—вѣроятно, отчаянный сердцецѣдъ,—обращалъ преимущественное вниманіе на Катю. Я видѣлъ, какъ онъ угощалъ ее подсолнухами, трогалъ за плечо, усиленно жестикулировалъ правой рукой и, вообще, держалъ себя, какъ очень короткій знакомый. Мнѣ было и досадно, и завидно смотрѣть на это...

6 іюля.

Какая была странная, чудная ночь... И сейчасъ, сквозь дымку неясныхъ блаженныхъ ощущеній, которыя еще не улеглись въ моей душѣ, я вспоминаю сонную станицу, окутанную серебристой мглой луннаго сіянія, „дѣвичникъ“ съ звонкими пѣснями, танцами подъ гармонику, съ перебранкою молодежи, засматривающей въ окна, и, наконецъ, церковную службу раскольниковъ въ одномъ изъ домовъ, въ концѣ улицы...

Какъ все это странно, ново, интересно!.. Впрочемъ, попробую рассказать „по порядку“.

Когда я потушилъ лампу и сѣлъ у раскрытаго окна, охваченный впечатлѣніями только что прочитанной новой

книжки журнала,—звонкіе, заливчатые женскіе голоса, хлынувшіе вдругъ веселымъ ливнемъ изъ-за церковной ограды, сразу перенесли меня въ свой міръ... Сквозь беззаботное веселье въ нихъ пробивалась и звенящая нота грусти, но громче всего и увлекательнѣе звучала въ нихъ жажда жизни, жажда любви и радости. Эти звуки дразнили сердце и неудержимо манили куда-то на вольный просторъ, на безбрежный разгулъ...

Я вышелъ на улицу и пошелъ туда, откуда неслись эти звуки. Была вечеринка или „дѣвичникъ“ въ томъ самомъ домѣ, о которомъ говорила мнѣ раньше Катя. Въ раскрытыя окна были видны тѣсные ряды ярко одѣтыхъ дѣвицъ. Въ дверяхъ и въ окнахъ съ улицы торчали головы любопытныхъ—преимущественно бабъ и ребятишекъ. На дворѣ и на улицѣ стояли круги молодыхъ казаковъ. Было очень оживленно и шумно. Ребятишки гонялись другъ за другомъ, залѣзали на плетень палисадника и въ самый палисадникъ, дергали въ окна сидѣвшихъ въ комнатѣ дѣвчатъ, дранили ихъ... изъ оконъ плескали на нихъ водой изъ кружки, бранились, осыпали скорлупой подсолнуховъ. Потомъ, когда раздавалась бойкая трель гармоники, всѣ дѣвицы, одна за другой, вскакивали съ мѣстъ, и среди изумительной тѣсноты и, вѣроятно, духоты начинался бойкій танецъ съ хлопаньемъ въ ладоши, съ бойкими вскриками, съ поощрительными замѣчаніями съ улицы и изъ дверей.

Я простоялъ около получасу и потомъ пошелъ по улицѣ, удаляясь отъ этой толпы. Я думалъ о ней, о себѣ и о томъ что все-таки не захотѣлъ бы, вѣроятно, стать такимъ же, какъ каждый изъ ея членовъ, какъ ни завидно мнѣ глядѣть на ихъ беззаботное веселье, на ихъ бодрый трудъ, на ихъ простую, естественную жизнь, свободную отъ развѣдающихъ душевныхъ сомнѣній и размышленій. Есть что-то драгоценное и въ этихъ сомнѣніяхъ, и въ этомъ безпокойствѣ духа, и въ этихъ исканіяхъ смысла жизни...

И я безъ зависти и безъ особаго сожалѣнія удалялся отъ незамысловатаго веселья молодой толпы, которая издали казалась болѣе привлекательною и интересною, чѣмъ вблизи.

Вдругъ унылый, однообразный, какъ пустыня, суровый напѣвъ поразилъ мой слухъ. Отрѣшеніе отъ жизни, угрюмо-покорное, безрадостное до отчаянія слышалось въ немъ, и душа сжималась безнадежнымъ холодомъ, способнымъ убить всякую радость жизни...

Этотъ напѣвъ тянулся несмолкаемо и безконечно. Онъ царилъ надъ станицей, когда пѣсни дѣвчатъ замолкали и пиликала едва слышная гармоника. Его не смущалъ молодой смѣхъ и визгъ, доносившіеся съ улицы шумной струей,

когда зрители-ребятишки начинали держать себя слишкомъ безчинно.

Это было раскольниковъ всенощное бдѣніе. Невольно, подъ эти звуки сердце охватывала неясная тревога и томленіе...

Я долго стоялъ, очарованный этою странной обстановкой. Веселыя пѣсни слышались явственнѣе: дѣвчаты вышли изъ душевой комнаты и отправились гулять по станицѣ. Вотъ онѣ направляются сюда. Ближе, ближе... Повернули направо. Вотъ ихъ шумная толпа, въ которой теперь были уже и молодые казаки, прошла въ переулочъ.

— „Родимый мой батюшка! Что думаешь обо мнѣ?“

— Думаю—подумаю отдать Машу въ монастырь...—

разобралъ я слова пѣсни, въ напѣвѣ которой молодая грусть и неудовлетворенная жажда жизни звенѣли такъ трогательно-скорбно, нѣжно и подкупающе.

Я завернулъ тоже въ переулочъ, вслѣдъ за звонкою пѣсней, съ мыслью о Катѣ: въ этомъ потокѣ молодыхъ голосовъ звенить, вѣроятно, и ея голосъ.

— Добрый вечеръ!—вдругъ услышалъ я саади.

Я вздрогнулъ отъ неожиданности. Это была она, Катя.

— Я васъ видѣла въ окно,—сказала она, улыбаясь и подходя ко мнѣ ближе.

— Неужели? Откуда? А я васъ все время ждалъ,—сказалъ я ей:—но не думалъ, что увижу.

— Ждали? Зачѣмъ?

— Я не знаю, зачѣмъ,—но я все хотѣлъ... очень хотѣлъ увидѣть васъ... Пройдемся немножко?

— Да какъ-же... Вѣдь дѣвчаты далеко ушли... Еще замѣтятъ...

— Ну—ничего! На минутку...

Мы сѣли на лавочкѣ у какого-то палисадника. Я поглядѣлъ на свою собесѣдницу,—она такъ близко была теперь ко мнѣ, какъ никогда прежде. Цвѣтокъ въ волосахъ, какой-то блестящій поясъ, кружева на груди и вокругъ тонкой шеи,—все мнѣ показалось въ ней такъ прелестно и мило...

— Говорите, зачѣмъ вы меня ждали?—спросила она, и то безсознательное кокетство, которое присуще всѣмъ женщинамъ, какъ бы ни были онѣ различны по рожденію, воспитанію и положенію,—засвѣтилось въ ея глазахъ, глядѣвшихъ на меня въ бокъ и слегка исподлобья.

Вмѣсто отвѣта я молча обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Вотъ какъ!—воскликнула она и засмѣялась, блеснувъ своими мелкими зубами.

Я крѣпче охватилъ ее руками и потянулъ къ себѣ. Она не сопротивлялась и спрятала лицо у меня на груди.

— Будешь любить меня? Будешь? Да?—спрашивалъ я

ее шопотомъ, сжимая въ своихъ рукахъ ея тонкій, гибкій станъ.

Она молчала и не подымала лица отъ моей груди, и когда я нагибался, бѣлокурыя ея волосы щекотали мое лицо.

— Мнѣ чего васъ любить, я и такъ васъ люблю...— сказала она, наконецъ, и, обвивъ руками мою шею, прижалась къ плечу...

Стало разсвѣтать. По дворамъ зашевелились бабы, начали доить коровъ. Пѣсни дѣвчатъ слабо доносились издали.

— Пора домой,—сказала Катя:—теперь дѣвки хватятся, куда, молъ, дѣлась,—чего имъ говорить? Прощайте...

— Нѣтъ, до свиданія.

— Ну, до свиданія!

— Когда!

— Какъ-нибудь на дняхъ.*Выйду на уголь, замѣчайте...

Я пришелъ домой, словно опьяненный, и все улыбался глупою, блаженною улыбкой. Я не ложился еще спать и не лягу... Конечно, все это глупо, можетъ быть. Можетъ быть и несовсѣмъ хорошо? Но... не хочется думать... Хочется только жить...

19-го іюля.

Теперь мы встрѣчаемся часто. По вечерамъ я выхожу за ворота, сажусь на лавочку и жду. Вотъ какая-то тѣнь-выростаетъ на углу. Я иду ей навстрѣчу. Изъ-подъ большого чернаго шерстяного платка выглядываетъ сухощавое миленькое личико и беззвучно смѣется. Мы идемъ въ нашъ училищный садъ, садимся на скамейкѣ, болтаемъ, т. е. она болтаетъ, смѣется, пугается всякаго шороха и тутъ же, когда страхъ прошелъ, начинаетъ безъ всякаго опасенія напѣвать пѣсенку. Голосокъ у нея тоненькій, какъ звонъ серебрянаго колокольчика.

Я люблю держать на колѣняхъ эту худенькую, изящную пѣвунью, люблю чувствовать вокругъ своей шеи ея руку, люблю ея серебристый голосокъ, смѣхъ, пѣнье... Иногда все переговорено... Ей скучно. Молчимъ. Она охватитъ меня руками и задремлетъ. Я сижу... Оно и не совсѣмъ удобно и весело сидѣть такъ, но мнѣ нравится смотрѣть на ея блѣдное лицо съ закрытыми глазами и вздрагивающими изрѣдка губами. Есть въ ней что-то нервное и, кажется, нѣсколько болѣзненное. Во снѣ она внезапно и сильно вздрагиваетъ, потомъ просыпается и еще крѣпче хватается за мою шею...

— Сейчасъ скамейка подъ нами обломилась... Во снѣ... Я какъ полечу!..—говоритъ она испуганно.

Потомъ она опять усаживается поудобнѣй на моихъ колѣняхъ и снова начинаетъ дремать.

— Вамъ не больно?—спрашиваетъ она иногда и тутъ же прибавляетъ:—да все равно, вы не признаетесь, а я—все равно—не слѣзу... Буду спать! Какъ часъ пробьеть, разбудите: домой пойду.

Она приходила ко мнѣ часовъ въ одиннадцать. Изъ дома уходила тайкомъ, черезъ окно... Оригинальное и занимательное существо. Въ ней много удали и поэзіи; ея воззрѣнія на жизнь просты, ясны и смѣлы. И, не смотря на кривые толки о ней по станицѣ, она только странная, своеобразная, но безукоризненная и гордая дѣвушка...

— У васъ, Катя, много поклонниковъ? — спросилъ я однажды.

— А что?

— По праздникамъ за вами всегда толпа...

— О, они за мной, какъ собаки, всѣ бѣгають!—сказала она съ довольной улыбкой.

— Вамъ это нравится?

— Да... Я люблю кавалеровъ сроду.

— А не хорошо говорятъ объ этомъ по станицѣ...

— Это старушенки-то? Язычницы тамъ разныя?.. А о комъ онѣ хорошо скажутъ? Вѣдьмы! Всѣхъ оговорають, никого не оставляють... Только изъ кавалеровъ ужъ никто мною не похвалится... Они такъ потому за мной и бѣгають, что я ни съ кѣмъ изъ нихъ особенно не ватажусь... Всѣ мнѣ равны.

— Развѣ вамъ никто изъ нихъ не нравится?

— Ну ихъ! Щиплются, проклятые, да какъ медвѣди: поймаешь—мять начнеть... Что хорошаго! А Климка—такъ разъ укусилъ меня за плечо... „Я,—говорить,—любя“... Хороша любовь: недѣлю цѣлую плечо болѣло!

— А знаютъ они, что вы со мной видитесь?

— Н-ну!.. Развѣ вы имъ сказали?

Она посмотрѣла на меня широко раскрытыми глазами.

— Нѣтъ, — успокоилъ я ее.

— Тутъ бы было! Климка разъ увидалъ, что я съ Тимофеемъ поздно сидѣла, такъ онъ и то говоритъ: „меня какъ громомъ вдарило! Цѣлый день ходилъ, какъ оглушенный!“ Если бы узнали, что я къ вамъ прихожу, такъ и вовсе бы. Они вѣдь васъ не знаютъ, какой вы есть человѣкъ, а я знаю. Къ нимъ я не пошла бы такъ вотъ, какъ къ вамъ,—повѣрить имъ нельзя...

— А мнѣ можно?

— Вамъ можно.

Она обхватила руками мою шею и, близко заглядывая мнѣ въ глаза, заговорила шопотомъ:

— Васъ по глазамъ видать, что не насмѣтесъ и не оби-

дите... Я какъ взгляну вамъ въ глаза, такъ все хочется смѣяться!..

И она засмѣялась, сверкая глазами... Въ ней точно сидитъ прехорошенькій, задорный чертенокъ... Когда она принимается порывисто цѣловать мои глаза, приговаривая разныя нѣжныя названія, я погружаюсь въ какой-то чудный туманъ; кровь вспыхиваетъ, голова кружится и мучительно-сладкая, блаженная боль схватываетъ мое сердце... Я забываю обо всемъ... И мнѣ хочется этой ласки безъ конца, и хочется защитить ее отъ чего-то...

Вчера она мнѣ сказала какъ-то особенно просто.

— За меня сваты пріѣзжали. Съ Фролова съ хутора. Говорятъ, богато живутъ. Отецъ съ матерью все уговариваютъ меня.

— Ну, и что же?

— Ничего. Сказала: изъ станицы никуда не пойду. Они говорятъ: „Ну и за Климкой тебѣ не быть, за голышемъ“. Я говорю: „И не желаю“...

— А Климка развѣ сватался?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— О-о! Объ Святой еще присылалъ сватовъ. Отказали.

— Онъ вамъ нравится?

— Нѣтъ. Только изъ всѣхъ ребятъ онъ лучше. Сила, какъ у быка: подхватитъ меня, какъ перышко! А когда на кулачкахъ выйдетъ драться, такъ ужъ никогда не побѣжитъ, хоть сколько человекъ на него насадутъ... Я люблю такихъ. Простой совѣсти. Пѣсни какъ играетъ! Съ нимъ такъ бы и играла: легко, не устанешь... Только—бѣдный: голъ, какъ соколъ! И по старой вѣрѣ... Да онъ въ нашу вѣру перешелъ бы, кабы меня отдали за него.

— Мнѣ будетъ грустно, когда вы выйдете замужъ, Катя,—сказала я.

Она недовѣрчиво улыбнулась и сказала:

— Неправда ваша!

— Ей-Богу, правда! И теперь вотъ грустно, когда услышалъ о сватахъ.

— Вотъ, если въ станицѣ замужъ выйду, тогда будемъ видѣться. Ужъ я мужа обману да обману!

Она засмѣялась и спрятала свое лицо у меня на груди.

— Небось, вы подумали: „вотъ, моль, какая!“ Да, я—нехорошая! Только васъ люблю... право! А вы какъ хотите обо мнѣ думайте...

Она запѣла въ полголоса:

Садится солнце за горою,

Стоитъ казачка у воротъ...

Когда она поетъ, я люблю смотрѣть въ высокое небо, на безмолвные хороводы звѣздъ, на млечный путь и уноситья въ неясныхъ, туманныхъ грезахъ далеко-далеко. Я рѣдко вслушиваюсь въ слова ея пѣсенъ, но звуки ихъ ласкаютъ мое сердце своей нѣжной грустью; они такъ вкрадчиво вьются, дрожатъ, замирая, и манятъ куда-то въ невѣдомую даль, они общаются что-то прекрасное и таинственное, и сладкія слезы закипаютъ на сердцѣ...

27-го іюля.

Вчера опять была Катя. Я цѣлую недѣлю не видѣлся съ нею и скучалъ. Она сказала, что нельзя было ей выйти: два дня была въ полѣ, а послѣ ее возили на Фроловъ хуторъ—„мѣсто смотрѣть“, т. е. познакомиться съ домомъ и хозяйствомъ своего жениха. Сваты опять прѣбавали. Отецъ съ матерью очень хотятъ устроить эту партію: женихъ изъ богатой семьи, торгуетъ скотомъ,—слѣдовательно, Катѣ не придется работать тяжелую земледѣльческую работу,—а такъ какъ и Катинъ отецъ „перекидывается“ скотомъ въ добавокъ къ своимъ земледѣльческимъ занятіямъ, то ему и пріятно породниться съ компаньономъ, котораго онъ встрѣчаетъ почти на всѣхъ станичныхъ ярмаркахъ.

Катя собрала гдѣ-то свѣдѣнія о женихѣ весьма неутѣшительнаго свойства: онъ—вдовецъ; первую жену, какъ говорили сосѣди, преждевременно проводилъ въ могилу, забилъ.

— Смертнымъ боемъ, говорятъ, билъ... Такъ, просто забилъ и забилъ...—говорила уныло Катя.

— Ну, что же? Пойдешь за него?—спросилъ я.

— Нѣтъ.

— А какъ же... родители-то?

— Отецъ сказалъ: „убью, какъ собаку, если изъ моей воли выйдешь“. Хотѣлъ бичевой меня бить, да я убѣжала. А мать? Она—добрая, только тоже все больше на отцову сторону тянетъ. „Нужды,—говорить,—не увидишь, работать не будешь“... А я ей говорю: „скорѣй утоплюсь ай удушусь, чѣмъ за этого жениха иттить“...

Мнѣ стало грустно. А когда Катя сказала, что не долго намъ видѣться (свадьба предположена тотчасъ послѣ Покровской ярмарки) и заплакала, прижавшись ко мнѣ лицомъ, мнѣ стало такъ грустно, глядя на нее, что я едва самъ удержался отъ слезъ и ничего не могъ сказать ей въ утѣшеніе.

22-го сентября.

Пошла моя машина въ ходъ. Звонки, уроки, перемѣны, шумъ, гамъ, возня, ссоры, драки, разбирательства, облака пыли въ классахъ, звонкіе голосишки читающихъ „буканье“

новичковъ... Скоро двѣ недѣли, а все еще мое войско не дисциплинировано, какъ слѣдуетъ. Особенно новобранцы. Иной сидитъ-сидитъ, а потомъ вдругъ встанетъ и пойдетъ къ двери.

— Ты куда?

— Домой.

— Нельзя. Сядь на мѣсто!

— Я ѣсть хочу-у...

Нѣкоторыхъ первое время не приучишь называть меня по имени и отчеству, а не „дяденькой“. Другимъ приходится вытирать носы. Для третьихъ не существуетъ права собственности, особенно на съѣстное и на игрушки. У всѣхъ положительно развита склонность къ единоборству и набѣгамъ на огороды, на свиней, куръ, собакъ и проч. Было нѣсколько жалобъ. Пришлось горячиться, кричать, наказывать. Теперь—слава Богу—дѣло какъ-будто нѣсколько сгладилось. Ребятенки, по большей части, способные...

Съ Катей вижусь, но рѣдко. Ея дѣла тоже не важны. Отецъ уже постегалъ ее раза два за супротивныя рѣчи. Она стала совсѣмъ худенькая и нервная. Теперь за ней очень слѣдятъ: работы закончились, всѣ дома.

Наши свиданія уже не носятъ того беззаботнаго и милого характера, какъ прежде: Катя не поетъ, не щебечетъ, только любить молча сидѣть у меня на колѣняхъ, охвативъ мою шею руками и закрывши глаза.

Я стараюсь развлечь ее, чѣмъ могу, но безъ особаго успѣха. Теперь уже я болтаю, а она слушаетъ, и по ея лицу я не могу рѣшить, вслушивается ли она въ мои рѣчи, или бродитъ мыслями гдѣ-то совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Разъ я сказалъ ей:

— Пошла бы ты за меня замужъ!

Я ей говорю то „вы“, то „ты“; она мнѣ всегда „вы“, какъ я ни просилъ ее говорить мнѣ „ты“.

Она усмѣхнулась и, отрицательно покачавъ головой, сказала:

— Н... нѣтъ!

— Почему?

— А потому что... дѣла не подойдетъ! Я васъ такъ люблю, и вы меня такъ любите, а тогда не будете... Я на улицу люблю ходить, пѣсни люблю играть, бѣгать, драться, кусаться (я—кусачая! хотите—укушу?),—а тогда буду учительша, и люди скажутъ: „вотъ учительша, а дура,—на улицѣ пѣсни играетъ“... И вамъ со мной будетъ скучно...

— Нѣтъ, Катя, не будетъ. Теперь вѣдь не скучно!

— Ну, теперь—такъ, для разгулки времени...

— Мнѣ будетъ скучно, когда ты замужъ выйдешь, и я

не буду ужъ съ тобой видѣться, какъ теперь. Я все равно, какъ сирота здѣсь: одинъ—и никого вокругъ меня...

Мнѣ стало такъ грустно, что хотѣлось плакать. Она долго молчала.

— Я тогда буду избирать время къ вамъ приходить. Мужа какъ-нибудь обману,—засмѣявшись, сказала она.—За книжками буду приходить. Я книжки люблю... Особенно—въ какихъ пѣсни, стишки... Какіе на васъ есть стишки, какіе на меня, какіе на обоихъ вмѣстѣ на насъ... Я списываю.

— Какіе же такіе, на примѣръ?

— Какіе? переспросила она и задумалась.—Да разные! Не скажу, а то вы смѣяться будете,—прибавила она потомъ.

— Съ какой стати?

— Нѣтъ, я не смѣю... Не скажу!..

Вчера мы видѣлись съ нею только нѣсколько минутъ.

1-го октября.

Быль на ярмаркѣ,—сегодня открылась и продолжится пѣлюю недѣлю. Шумно, пьяно, безтолково, но оживленно и живописно. Нарядныя толпы движутся непрерывнымъ потокомъ взадъ и впередъ, тѣснятся около каруселей съ жалкой музыкой, собираются въ круги и съ пьяными, нестройными пѣснями распиваютъ водку, глазѣютъ у балагановъ и въ балаганахъ, на конной площади,—всюду, всюду... Крики, брань, говоръ, смѣхъ, свистъ ребятишекъ, пиликанье гармоникъ, пѣсни,—все кажется полнымъ здоровья, кипучей жизни и безопасности.

— Это—не ситець, это—перкаль, могу васъ завѣрить!—доносится изъ одного балагана убѣдительный голосъ:—давайте удивимъ Европу, отрѣжемъ на занавѣску...

— По двѣнадцати не дамъ!—возражаетъ ожесточенный голосъ старухи.

— Э, шиломъ моря не нагрѣешь! Извольте по одиннадцати!

— Ты обрати вниманіе, станичникъ, на доброту!—дребезжить еще болѣе убѣдительный голосъ въ сосѣднемъ балаганѣ:—сортъ—два ноля. То есть первый сортъ, а этотъ на два сорта выше его...

Большія толпы стоятъ и около ярко раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ и книженокъ. Сѣдой старикъ пріобрѣтаетъ „государей и властителей всего свѣта“, мальчуганъ за три копейки покупаетъ пѣсенникъ „Маргарита“, старушка за пятакъ уноситъ Николая Угодника. Рыжебородый торговецъ съ пріятной улыбкой показываетъ подходящимъ къ нему „барышнямъ“, картину „Эхъ, ты садъ, ты мой садъ“, на которой изображенъ бравый солдатъ и босоногая дѣвица...

Около картинъ встрѣтилъ я и Катю. Мы успѣли перекинуться въ толпѣ нѣсколькими словами. Сегодня она обѣщала придти въ послѣдній разъ; ее просватали; завтра— „вечерь“; свадьба— послѣ ярмарки, когда женихъ закончитъ свои торговныя операціи со скотомъ.

Сегодня она ушла отъ меня.

Это было самое грустное изъ всѣхъ нашихъ свиданій. Катя поплакала только разъ, немного, слезами озлобленія и отчаянія, когда рассказывала, сколько ей пришлось перенести бою изъ-за этого жениха.

— Ну, все равно: не поддамся!— сказала она съ рѣшительнымъ видомъ.

— Какъ же ты не поддашься? Теперь ужъ поздно завтра „вечерь“,— возразилъ я.

— Хоть сто вечеровъ, а я не пойду за него! Я съ ними устаканю такую штуку!.. Лучше въ петлю головой, чѣмъ въ эту семью итти...

Признаюсь, мнѣ въ этихъ трагическихъ заявленіяхъ, въ этомъ отчаянномъ тонѣ слышалось что-то напускное и фальшивое... И мнѣ стало тяжело и непріятно.

— Что же ты думаешь сдѣлать?— спросилъ я.

— Что? убѣгу куда-нибудь, скроюсь! Пускай догоняютъ! Небось, обглянку потомъ не возьметъ... Одно: матерю жалко... Она слезъ и такъ пролила черезъ меня конца-краю нѣтъ...

— Глупости, Катя,— сказалъ я:— некуда тебѣ убѣжать...

Она помолчала и, послѣ долгой паузы, проговорила рѣшительнымъ и озлобленнымъ тономъ:

— Я найду мѣсто!

— Нѣтъ, я шучу,— снова заговорила она другимъ, болѣе спокойнымъ тономъ:— придумала я одну штуку; удастся— мое счастье, а не удастся— прямо попу скажу: не хочу за этого... Пускай отецъ убьетъ...

Подъ конецъ она всетаки развеселилась, а мнѣ было грустно. Она старалась, можетъ быть, утѣшить меня, пѣла, пѣловалась, кусалась, плакала, смѣялась и болтала безъ умолку.

— Н-ну, какъ сердце болитъ, какъ вадумаешь про эту проклятую свадьбу!.. Лучше не думать... правда?

— Правда.

— Ну, давайте кутнемъ въ послѣдній разъ, да и заедемся!.. Говорите мнѣ что-нибудь... хорошенькое! Скажите, какъ вы меня жалѣете... О жизни мнѣ говорите... все, все!..

И вотъ она уже ушла. Я сказалъ: „больше не увидимся“. А она увѣряетъ, что увидимся.

— Если только живую оставить,—прибавила она весело и беззаботно. Пошла и даже зашла, не опасаясь, что ее могут слышать посторонние.

Я стоялъ долго, прислушиваясь къ ея легкимъ, торопливымъ шагамъ. Звуки ея негромкаго пѣнія мягко и скорбно отзывались въ моемъ сердцѣ. И я чувствовалъ, что вмѣстѣ съ этими удаляющимися звуками уходитъ моя короткая радость, что-то легкое, милое, родное, моя молодость, моя жажда жизни, мои неясныя грезы о счастьѣ... Уходятъ безвозвратно...

Я привыкъ всетаки жить надеждами и мечтами, потому что моя жизнь и та, которая меня окружаетъ,—жизнь въ достаточной мѣрѣ скучная, мелкая и бѣдная радостями. И теперь я задаю себѣ вопросъ: что же ждетъ меня впереди? Однообразная служба начальнаго учителя, со всеми ея раздраженіями, терзаніями, страхами и сознаниемъ ничтожности достигаемыхъ результатовъ?..

Ребячій шумъ, звонки, пѣніе—вотъ кругъ, въ который я заключенъ волею судьбы. Этого мало для сердца... Я не знаю, люблю ли я ихъ, или не люблю—этихъ мазаныхъ, шумливыхъ, драчливыхъ моихъ учениковъ? Я не знаю, люблю ли я теперь свое дѣло, такъ какъ не вѣрю уже въ него прежнюю пылкою вѣрой неопытности и самонадѣянности. Оно мнѣ прежде рисовалось подвигомъ увлекательнымъ, полнымъ борьбы, глубокаго интереса и въ конечномъ результатѣ торжествующимъ. Мечтая на учебной скамьѣ о своей будущей дѣятельности, я воображалъ себя не иначе, какъ героемъ этой жизни,—правда, скромнымъ, но героемъ, обращающимъ на себя вниманіе и враждебное, и сочувственное. Это были смѣшныя мечты, но въ нихъ было много свѣта, радости, бодрости и любви въ жизни. Опытъ охладилъ мое воображеніе. Онъ произвелъ это даже не постепенно, а сразу, безъ всякой деликатности. Онъ смахнулъ ихъ, мои мечты, равнодушно и грубо, какъ поблекшіе лепестки цвѣтовъ...

Я увидѣлъ сразу, что жизнь, которая тихо течетъ кругомъ меня, не подходитъ ни для подвига, ни для борьбы въ тѣхъ размѣрахъ и въ томъ видѣ, какъ я воображалъ. Это—слишкомъ „обыкновенная“, простая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мудреная и трудно уловимая въ своей сокровенной сущности жизнь. Вопросъ о хлѣбѣ насущномъ первенствуетъ въ ней надъ всеми другими вопросами, является центромъ, около котораго упорно и не всегда успѣшно сосредоточиваются наиболѣе серьезныя и безпокойныя мысли обывателя. И такъ какъ это вопросъ вѣковой, то и мысли, вызываемыя имъ,—мысли старыя, однообразныя, скучныя, су-

рово тяготящія надъ беззаботными радостями жизни,—придали этой жизни колоритъ тусклый и невеселый...

И моя жизнь стала такою же скучною, монотонною, трудовою жизнью, какъ и та, которую я видѣлъ кругомъ. Я пробовалъ всетаки копошиться. Не довольствуясь одной „мелкой“ аудиторіей, я взялся за взрослую. Не безъ мытарствъ, просьбъ, ухищреній и лести станичнымъ властямъ, клиру и всѣмъ виднымъ обывателямъ станицы добился я пріобрѣтенія волшебнаго фонаря и устройства народныхъ чтеній. Не мало усилій было положено на то, чтобы открыть народную бібліотеку и читальню. И пока я копошился, употреблялъ усилія, изворачивался, хлопоталъ,—было интересно и казалось, что если мои усилія увѣнчаются успѣхомъ, то выйдетъ что-то очень значительное, оживляющее, даже, можетъ быть, замѣчательное...

Помню, какъ въ первый разъ, когда полученъ былъ фонарь и разнеслась по станицѣ съ быстротою молніи вѣсть, что „волшебникъ пріѣхалъ“,—ломилась въ училище и взрослая, и малая публика. Какая была давка и толкотня, какой интересъ на всѣхъ лицахъ... Этотъ интересъ я принималъ, въ простотѣ души, за жажду свѣта, знанія. Но потомъ я не могъ обманывать себя: это былъ интересъ къ новинкѣ, къ диковинкѣ. Положимъ, аудиторія моя всегда полна. Иногда она бываетъ полна до такой степени, что полиція (чтенія происходятъ теперь въ станичномъ правленіи) выталкиваетъ, по собственной инициативѣ, часть публики—такъ называемыхъ „сопляковъ“—за дверь. Но, тѣмъ не менѣе, я уже не могу вернуться къ прежнимъ иллюзіямъ. Картины, дѣйствительно, производятъ нѣкоторый эффектъ, но къ тому, что читается, большинство относится съ поразительнымъ равнодушіемъ. Особенно это замѣтно, когда, за недостаткомъ картинъ и подходящаго матеріала для чтенія, приходится повторять уже то, что было прочитано. Въ самомъ разгарѣ чтенія „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ“ вдругъ раздается, напимѣрь, голосъ:

— Это кто же, Алексѣй Егорычъ, воитель что-ль какой?

— Да вѣдь я же говорилъ: это—царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

— Фу-у, братцы мои! Ну и правда, что Грозный: его и взоръ доказываетъ, что грозенъ былъ, упокойничекъ...

— И должно быть, сильный человекъ былъ, какъ по корпусу-то видать,—вступаетъ въ бесѣду другой голосъ.

— А-а-ха, Боже мой!—слышится сквозь аппетитный зѣвокъ третій, уже сонный и безучастный голосъ:—говорила баба мнѣ: „давай отужинаемъ, Васильичъ, тогда пойдешь“...

Не послухаль да и тужу: я думаль, эта музiя скоро живеть, анъ она часовъ до десяти не кончится...

Въ такомъ и иномъ родѣ разговоры ведутся во время чтенiя среди пожилой, „серьезной“ публики. Молодежь, кажется, интересуется еще меньше; она прячется по темнымъ угламъ обширной „майданной“ комнаты станичнаго правленiя; слышно оттуда щелканье сѣмачекъ, перешептыванiе и сдержанный смѣхъ. Иногда тамъ вдругъ завизжитъ кто-нибудь. Вмѣшивается для водворенiя порядка полиция и производитъ еще большiй безпорядокъ: кто-то нѣкоторое время пытитъ и возится, кого-то выталкивають за дверь, откуда доносится протестующiй голосъ:

— Вы не имѣете права толкаться! А то я и самъ...

— А ты веди себя правильно, безъ проталмадiй, — возражаетъ голосъ полицейскаго Кирѣя.

— А ты не толкайся, вотъ что! Въ головѣ недостаетъ, такъ руками махаешь!

— Намъ на то факты даны, чтобы порядокъ блюсть...

Аудиторiя въ это время, разумѣется, всецѣло поглощена этой полемикой. Слышатся поощрительныя замѣчанiя изъ публики:

— Дай ему хорошенько по шеѣ!

— Ишь, подлець, звякаетъ тамъ! Нар-родецъ!..

— Нѣтъ, утеръ бы ему носъ-то хорошенько, онъ бы скоро замолчалъ!.. Всякая, къ примѣру, тварь...

Даже по окончанiи этого „оживленнаго обмѣна мыслей“ вниманiе слушателей не скоро сосредоточивается на читаемомъ.

Что касается библіотеки, то и ея роль въ жизни здѣшняго обывателя черезчуръ скромна. Читаютъ „помаленьку“, и житаецъ исключительно только молодежь, зеленая молодежь, бывшіе ученики или самоучки. Исключенiя такъ рѣдки, что лишь подтверждаютъ первое положенiе. Впрочемъ, какъ-то хочется вѣрить, что имъ, этимъ исключенiямъ, принадлежить будущее: и въ теперешнемъ своемъ видѣ они даютъ большое утѣшенiе и надежду...

Между прочимъ, приходилъ ко мнѣ за книгами тотъ самый Климка, который извѣстенъ мнѣ, какъ неудачный претендентъ на руку Кати. Это—рослый, сильный молодой казакъ, съ красивымъ, слегка тронутымъ оспой, смуглымъ лицомъ. Онъ робко вступилъ въ комнату, помолился широкимъ, раскольничьимъ крестомъ на икону и сказалъ:

— Здравiя желаю Алексѣи Егоричъ! Къ вашей милости.

— Что скажете?

Онъ подаль мнѣ свернутый полулистъ сѣрой бумаги и, смущенно улыбнувшись, произнесъ:

— Вотъ...

Я взялъ листокъ и сталъ читать. На немъ крупнымъ и сравнительно не плохимъ почеркомъ написано было буквально слѣдующее:

„Милостивый Государь!

„Алексѣй Егоривичъ.

„Прошу васъ не аставляя моей просьбы, дайте книжекъ для чтенія мне такъ какъ у меня Ахота есть читать книги. Да всетаки, я думаю воспользоваться, которое поступить въ пользу маей жизни. Книжекъ Вы знайтѣя какихъ что бы я могъ понять Газетковъ Номеровъ 10-ть Да книжекъ Штукъ несколько, я ихъ соблюду, И представлю въ полномъ виде.

„Извѣсной Вамъ Климентъ Скачковъ“.

— Это вы писали?—спросилъ я, прочитавши эту оригинальную просьбу.

— Такъ точно.

— Вы бы лучше на словахъ...

— Можно и на словахъ. Но только, какъ я грамотѣ знаю, то „дай“,—думаю,—„напишу бумагу,—все какъ будто поприличнѣе“...

Я предоставилъ ему самому выбрать себѣ книги, и онъ долго путешествовалъ по полкамъ шкафовъ. Мы разговорились. Незамѣтно и осторожно я навелъ разговоръ на Катю. Климка отозвался объ ней чрезвычайно равнодушно, какъ мнѣ показалось.

— Балованная дѣвченка,—сказалъ онъ тономъ добродушнаго презрѣнія.

— За то—хорошенькая... правда?

— Да, на личико-то она—ничего... Ну нашему брату, рабочему человѣку, не подходяща: дюже жидка... скудна... При томъ же я по старой вѣрѣ. Хотѣлъ было въ вашу церкву перейти, —отецъ взволдырялъ, съ кулаками къ мордѣ лѣзеть... Такъ вотъ и хожу пока безъ предѣла...

Онъ приходилъ ко мнѣ послѣ этого не одинъ разъ и бралъ читать газеты. Въ книгахъ онъ почему-то разочаровался, но къ газетамъ относился почтительно и говорилъ, что даже отецъ его „старомуръ“—и тотъ глубоко заинтересовался политикой. И чѣмъ больше я узнавалъ этого добродушнаго, сильнаго и безпечнаго сына природы, тѣмъ больше завидовалъ ему: такъ въ немъ все было ясно, спокойно и ровно, такъ все дышало здоровьемъ, своеобразной красотой, мужествомъ и бодростью жизни. Онъ былъ, казалось мнѣ, богаче, счастливѣе меня: онъ обладалъ тѣмъ, что я невозвратно утратилъ...

3-го октября.

Ко мнѣ, нерѣдко заходятъ казаки и казачки за совѣтами

юридическаго свойства. Я плохой юрисконсультъ и всегда заявляю объ этомъ своимъ просителямъ. Но они не вѣрятъ и, показывая на два шкафа съ книгами, говорятъ:

— У тебя, гляди, всё законъ есть?.. Опречь тебя кто же тутъ могётъ? Сапа Сѣрый—лишь языкомъ набрешетъ, а по бумагѣ—ни къ чему... Никита Курдякъ—старый сталъ, плохо видить... Противъ тебя некому.

И, скрѣпя сердце, приходится писать всевозможныя прошенія, заявленія, условія, завѣщанія и проч. Въ послѣднее время я даже обзавелся десяткомъ томомъ и „Положеніемъ объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ“, такъ что могу теперь по праву занять первое мѣсто среди станичныхъ юристовъ. Безъ похвалыбъ скажу, что и популярность моя выросла непомѣрно. Рѣдкій праадникъ проходитъ безъ того, чтобы я не принялъ около десятка кліентовъ...

Сегодня послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ старикъ въ синемъ суконномъ халатѣ, въ широчайшихъ шароварахъ съ лампасами и въ чихченахъ. Онъ производилъ впечатлѣніе стараго, крѣпкаго, почтеннаго дерева, и было пріятно видѣть это благообразное лицо съ черными красивыми глазами и съ широкой, расчесаной бородой, въ которой сѣдина стала уже заглушать черные волосы.

Онъ долго молился на икону, шепча что-то губами. По тому, какъ онъ крестился, я заключилъ, что это раскольникъ.

— Доброга здравія,—сказалъ онъ, слегка поклонившись однимъ корпусомъ, степенно и съ достоинствомъ.

— Здравствуйте.

— Къ вашей милости имѣю надобность.

— Какую?

— А вотъ потрудитесь послушать.

Мы сѣли другъ противъ друга,—онъ у стѣны на сундукѣ, а я у окна. Онъ не спѣша завернулъ на колѣни полы своего стариннаго халата и началъ:

— Дѣло вотъ какое, Егоревичъ. Сынъ есть у меня—Климка, парень молодой, въ самомъ соку, холостой. Ну, это бы бѣды еще немного—холостой... добраго нѣтъ, ну и охулить нельзя... А вотъ бѣда: пьянствуетъ онъ у меня, стало быть, всё эти дни, всю ярмонку пропьянствовалъ. Дня не прошло, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь не подрался, кого-нибудь не оскорбилъ... Здоровый, с... с..., какъ бытъ! Выпьетъ и лѣзетъ на каждаго, придирается. Жалобы стали до меня доходить, стали люди меня совѣстить: что, молъ, не уймешь?

А какъ его унять? Впередъ, помоложе былъ—боялся, а какъ на майское ученье сходилъ, утвердился въ силахъ,—ничего не подѣлаешь съ нимъ! Впередъ, бывало, вдарю—

съ ногъ спибу, а теперь, какъ ни наловчусь, дамъ-дамъ, пятно сдѣлаю, а падать не падаетъ!.. То-ли я силы растерялъ? Вѣдь старое тѣло—какъ трухлявое дерево, а молодое—какъ дубъ... Ну, вотъ я говорю ему: „Климка! гляди, парень! цвѣтовъ въ полѣ много, всѣ не порвешь, а то кабы я и не охлыснулъ!“ А онъ мнѣ на это такое слово выразилъ, что стыдно сказать...—„Ахъ ты“,—говорю,—такой-сякой, с. с.! Это ты отцу такъ смѣешь говорить!“—„Я, — говоритъ,—черезъ тебя пропасть долженъ... Ты меня въ церковную вѣру не пускаешь, и я самъ себя долженъ черезъ это потерять! Изъявляю,—говорить,—добровольное желаніе въ полкъ безъ очереди... Черезъ это собственно!..“ Ну, тутъ я не вытерпѣлъ: прискорбно стало моему сердцу... Схватилъ его за русыя кудри и началъ водить.

Старикъ пріостановился и посмотрѣлъ на меня яснымъ взглядомъ. Мнѣ казалось, что онъ ждалъ отъ меня одобренія по поводу своихъ отечески-энергичныхъ дѣйствій, но я ничего не сказалъ.

— Началь водить,—повторилъ онъ, поглаживая бороду:—водилъ-водилъ... А онъ какъ крутнись,—и полетѣлъ я вверхъ тормашками... Ахъ, ты, с. с. Мать выскочила съ рогачемъ—и вдарить не успѣла: вырвалъ у ней рогачъ... Вскочилъ я тутъ на рѣзвыя ноги, ка-акъ разверну, да ка-акъ дамъ ему въ это мѣсто...

Старикъ потрогалъ широкой пятерней свое лѣвое ухо.

— И не покачулся!—съ изумленіемъ и сожалѣніемъ воскликнулъ онъ.—Я только было въ другой разъ наловчился, онъ ка-акъ сунетъ меня въ бокъ, вотъ подъ это мѣсто,—я какъ и на ногахъ не стоялъ!.. Вѣдь и заразъ,—вѣрите или нѣтъ,—какъ колбешка какая сидитъ тутъ...

Онъ привсталъ съ сундука и, отвернувъ полу халата, пощупалъ свой лѣвый бокъ. На груди его, поверхъ розовой рубахи, закачался большой потемнѣвшій мѣдный крестъ на красномъ гайтанѣ.

— Вотъ изъ-за этого собственно и пришелъ къ вамъ, Егорьевичъ. Не оставьте моей просьбы, напишите жалобу... Надо же его, подлеца, прекратить какъ-нибудь...

— Какъ же вы рассчитываете „прекратить“ его? — спросилъ я.

— Да ужъ какъ-нибудь надо... Кабы старинныя права, я бы зналъ, какъ прекратить: позвалъ бы на сборъ да при старикахъ отвозилъ бы палкой,—вотъ и судъ... А новѣ порядки-то какіе!.. Къ атаману пошелъ,—„подавай“, говоритъ, „въ судъ, это мнѣ не подлежитъ...“ Не подлежитъ! Кого же оно касается, скажите на милость?

— А вы были уже у атамана?

— Былъ.

— Что же онъ?

— „Не касается“,—говорить. „Въ судъ“, говоритъ, „обращайся, коли есть свидѣтели; судъ за это по головкѣ не поглядитъ“... А я отъ рода жизни ни съ кѣмъ не судился. Я говорю: „вы позовите его, вашбродь, въ правленіе, пускай онъ намъ со старухой въ ноги поклоняется, прощенья попроситъ,—все сердцу нашему сноснѣе“... „Ну что же“,—говоритъ,—„это, пожалуй, можно; въ тягулевку сутокъ на двое тоже можно посадить, а только ты напиши заявленіе“... Такъ сдѣлайте милость, Егорьевичъ, не оставьте моей просьбы...

— А вы знаете, зачѣмъ онъ въ православную церковь перейти хочетъ?—спросилъ я.

— Да зна-а-ю... Дѣвка тутъ есть одна... у Михайлы Медвѣдова... показалаась ему дуже, ну и того... хребтится ему...

— По-моему, не слѣдовало бы препятствовать ему. Вѣдь, все равно опять не поладите, хотя и въ тюрьмѣ онъ посидитъ.

Старикъ посмотрѣлъ на меня молча и пристально, и во взглядѣ его свѣтилась уже печальная строгость. Онъ вздохнулъ, и этотъ вздохъ говорилъ: „и ты того же поля, молодой за молодого...“

— Непочетчикъ отцу-матери, вотъ, что прискорбно,—проговорилъ старикъ сурово, не глядя на меня:—не будетъ ему счастья на бѣломъ свѣтѣ!.. Одинъ онъ у меня остался сынъ, и я, стало быть, и его лишиться долженъ?..

— Зачѣмъ же лишаться? Будете вмѣстѣ жить.

— Вмѣстѣ?! Это что-же—изъ разныхъ чашекъ-ложекъ ѣсть? Не годится! Нѣтъ, милый мой Егорьевичъ, рѣчь твоя—не туда она гнетъ. Я и самъ голову ломалъ надъ этимъ,—тоже вѣдь, небось, своо дитя жаль... Онъ давно ужъ проговариваетъ, что „пусти, молъ“... Нѣтъ, не такъ... не подходить дѣло...

Онъ вздохнулъ и хлопнулъ себя по колѣну рукой.

— Правду тебѣ сказать, — заговорилъ онъ, понизивъ голосъ:—я бы и не препятствовалъ, да старуха у меня дуже строга на этотъ счетъ... Слышать не хочетъ!.. А я—я самъ служилъ, я смѣшивался со всякими вѣрами и на это гляжу слободно: вездѣ люди и надъ ними одинъ Богъ, такой же, какъ и надо мной... И у насъ есть семьи разныхъ сектовъ, ѣдятъ врозь и—ничего себѣ... живутъ!.. А вотъ моя старуха... не того...

— Можно, я думаю, уломать и старуху?

— Э!.. Уломать?..

Мой собесѣдникъ махнулъ рукой и ничего не сказалъ

больше. Потомъ, послѣ долгой паузы, привсталъ съ мѣста, поклонился и заговорилъ:

— Такъ сдѣлай милость, напиши просьбицу-то... Пускай онъ поклоняется намъ со старухой при старикахъ, прощенья попросить... Поучить надо...

Пришлось-таки удовлетворить его желаніе.

5-го октября.

Сегодня утромъ Никитичъ, подавая самоваръ, поразилъ меня цѣлымъ рядомъ сенсационныхъ новостей.

— Ну, яр-монка!—воскликнулъ онъ съ несвойственнымъ ему оживленіемъ.

— А что? — спросилъ я.

— Перебѣсился народъ!..

И видя, что я смотрю на него вопросительно, ожидая разъясненій, онъ началъ неторопливо и съ явнымъ удовольствіемъ:

— Первое дѣло — нашъ сосѣдъ Антонычъ жену убилъ...

— До смерти?

— Хоть не до смерти, а половина головы безъ волосъ осталась... Второе: Климка, нашъ читатель (Никитичъ абонентовъ бібліотеки называетъ читателями), вчера удивлялъ тоже... потѣха!.. Напился пьянѣй грязи и къ попу пришелъ. „Желаю“, — говоритъ, — „перемазаться въ вашу вѣру“. Народу за нимъ ихняго, — по старой вѣрѣ, — страсть!.. Шумять, грають, свистять, ребятишки котяхами въ него шибаютъ... Просто—смѣхъ одинъ! пѣ-ный... безъ шапки...

Никитичъ захрипѣлъ отъ смѣха и покрутилъ головой.

— Теперь третья новость: Катерина бѣжала... Медвѣдева.

— Какъ „бѣжала“?—воскликнулъ я въ изумленіи.

— Такъ. Съ купцомъ, говорятъ, скрылась, съ тарханомъ съ какимъ-то... Отецъ поскакалъ догонять.

— Не можетъ быть!

— Чего „не можетъ быть“? Я самъ Михайлу видалъ: верхомъ поскакалъ давеча—чуть свѣтъ.—„Куда“?—спрашиваю. Махнулъ рукой, ничего не сказалъ. Бѣжала! Ночь-то ее по всей станицѣ искали: всю родню обошли и подругъ,—нигдѣ не оказалось... А съ вечера видали ее — съ купцомъ съ какимъ-то стояла, съ тарханомъ.

Я былъ изумленъ этой новостью, которую Никитичъ такъ коварно приберегъ къ концу. Мнѣ трудно повѣрить и сейчасъ въ возможность этого факта,—чтобы Катя убѣжала съ какимъ-то первымъ встрѣчнымъ, не желая выйти замужъ за нелюбимаго человѣка. Не такова она, я увѣренъ. Но то, что она скрылась, не подлежитъ сомнѣнію. Не болѣе часу назадъ встрѣтилъ я на улицѣ Климку: мраченъ, какъ туча. Спрашиваю: „какъ дѣла?“

— Идутъ.

Отвѣтъ былъ холодный, не располагавшій къ продолженію разговора, но я всетаки спросилъ шутливо беззаботнымъ тономъ:

— Что же это вы невѣсть-то плохо бережете?

Онъ хмыкнулъ, надвинулъ фуражку па глаза и процѣдилъ сквозь зубы:

— Одной шалавой меньше...

Потомъ, увидавъ полицейскаго Кирѣя, быстро повернулся и пошелъ ему навстрѣчу. На ходу, обернувшись ко мнѣ, онъ крикнулъ съ злобнымъ смѣхомъ:

— Не тужите, Алексѣй Егорычъ, не пропадетъ! Пригонять по этапу!..

6-го октября.

Вчера вечеромъ казаки, — Климка съ товарищами, съ участіемъ полицейскаго Кирѣя, — изувѣчили какого-то торговца, заподозрѣннаго ими въ томъ, что онъ укрываетъ у себя Катю. Раздѣляли, кажется, „подъ орѣхъ“. Мнѣ случилось зайти сегодня къ атаману насчетъ отчисления обычной суммы для выпіски учебниковъ — и тутъ я былъ свидѣтелемъ слѣдствія, которое производилъ по дѣлу объ этихъ увѣчьяхъ станичный атаманъ.

— Я васъ, с... сыновъ, всѣхъ подь судъ отдамъ! Это — блюстителѣ порядка (такъ и этакъ)!.. а!? — кричалъ внушительнымъ басомъ атаманъ, передъ которымъ стоялъ одинъ только полицейскій Кирѣй, огромный, красный, смущенный, съ вытаращенными глазами, высматривавшій довольно смѣшно и жалко.

— Ваше благородіе! — виновато хрипѣлъ Кирѣй: — дозвольте вамъ объяснить, — онъ у насъ человѣка задавилъ... Вамъ со стороны люди подтвердятъ... Федоръ писарь, Федоръ Иванычъ, — онъ при этомъ дѣлѣ былъ...

— Кто — онъ?

— Этотъ самый кошкодѣръ... То-есть, кошатникъ...

— За это его и убивать? Да кто вамъ, с... с..., даль такія права?! а? людей убивать?! а?.. ахъ, вы...

— Никакъ нѣтъ, вашбродь. Мы его не били... Но только онъ съ нами когда грубо поступать сталъ и обругивать... то-есть, онъ насъ такъ обкладалъ неподобными словами, что страшно слушать было!.. Тутъ, дѣйствительно, въ горячкѣ Климка его вдарилъ... А я въ этомъ кошатникѣ не виноватъ, вашбродь!..

— Я у васъ найду виноватаго! я найду! Всѣ, с... е..., въ Сибирь пойдете... Чѣмъ онъ вамъ виноватъ? чѣмъ?! у-у-у... такъ увѣчить человѣка? а?.. за что вы его изувѣчили? а?! за что?! я тебя спрашиваю, морда!.. а?!..

Атаманъ, стиснувъ зубы, трясъ своимъ внушительнымъ кулакомъ подъ носомъ у Кирѣя. Кирѣй слегка, очень почитительно и какъ-бы виновато, пожалъ плечами, не отводя рукъ отъ швовъ, и покорно склонилъ на бокъ голову.

— Вашбродь! дозвольте вамъ доложить: мы его не увѣчили. Я такъ и говорилъ ребятамъ: кулаками бейте, а ногами не смѣть... Чобы расколу кости никакого не могло быть... Предупредилъ я, вашбродь! Конечно, въ горячкѣ тутъ не усмотрѣли, вышла ошибка—два зуба ему вышибли... Климка, собственно, подлець... Ну, тутъ... онъ вѣдь какъ ругался-то, вашбродь! Никакой возможности терпѣть не было...

Въ выпученныхъ глазахъ и въ склоненной на бокъ головѣ Кирѣя появилось выраженіе оскорбленнаго и покорнаго недоумѣнія.

— Кабы не въ ошибкѣ дѣло, вашбродь! — продолжалъ онъ тономъ извиненія, сдѣлавши краткую паузу: — главное, Климка въ сердцахъ здорово билъ, — человекъкъ онъ при силѣ, мономентъ просто, — ну, онъ, дѣйствительно, и старался... „Отдай“, — говорить, — „дѣвку!“ ...

— У-у, м-мерзавцы!.. ффа!!

— Такъ точно, вашбродь! Онъ полагалъ, купецъ виновать, а купецъ въ дѣвкѣ не виновать оказался: она въ погребу сидѣла...

— Вотъ видите! (Атаманъ сначала обратился въ мою сторону, какъ бы приглашая меня въ свидѣтели, а потомъ энергически ткнулъ перстомъ въ сторону Кирѣя). А вы... а-ахъ, вы...

— Такъ точно, вашбродь... Въ ошибкѣ дѣло вышло, — сознаю, вашбродь... Черезъ нихъ, можно сказать, и я могъ оказаться передъ вашимъ благородіемъ мерзавцемъ, а я за конфузъ для себя всегда считалъ... Такъ точно, вашбродь... Я понимаю, къ чему я обвѣзанъ... И прочее... Вчера объявилась... Продиктованная дѣвка! Онъ, вашбродь, свою линію гнулъ, Климка: въ воскресенье, значить, запои будеть... Говорять, Катьку за него согласился отдать Михайла. „Послѣ такой страмоты“, — говорить, — „кто ее возьметъ? Пускай идетъ за этого черта!“ Въ церковную вѣру перемазывается Климка... Радъ с... с...! Сейчасъ, при радости, съ купцомъ ходилъ мириться... Вы, вашбродь, не сумлѣвайтесь, мы покончимъ дѣло безъ суда. Намъ самимъ, вашбродь, конфузъ на себя наложить не желательно. Мы сроду ни съ кѣмъ не судились и не желаемъ даже... Вотъ теперѣча Климка этого купца спиртомъ растеръ и внутрь ему спирту далъ. Купецъ говорить: „воздыханіе въ грудяхъ стало будто полегче“... Только вотъ въ деньгахъ не сойдемся: онъ проситъ пять рублей за два зуба и ведро водки, — это ужъ вонъ въ какую цифру

хлыщеть! А мы съ своей стороны согласны деньгами два цѣлковыхъ и полведра водки...

Усталъ-ли атаманъ выразать свой гнѣвъ или дальнѣйшія сообщенія доблестнаго представителя станичной полиціи дѣйствовали на него умиротворяющимъ образомъ, но онъ, сохраняя суровый, негодующій видъ, внималъ всетаки довольно спокойно своему сотруднику по охраненію порядка. И Кирѣй, точно чувствуя подъ ногами болѣе твердую почву, продолжалъ свое повѣствованіе уже съ чисто эпическимъ спокойствіемъ, которымъ, пожалуй, можно было бы даже полюбоваться, если бы не эта... святая простота...

Возвращаясь отъ атамана, я встрѣтилъ Климку. На лицѣ счастливое, глупое и торжественное выраженіе; въ рукахъ — узелокъ, повидимому, съ пряниками и орѣхами. Увидѣвъ меня, онъ широко улыбнулся и раскланялся. Что за сила, въ самомъ дѣлѣ, и какая красота въ этомъ могучемъ тѣлѣ, въ этомъ добродушномъ, смугломъ лицѣ съ пробивающейся бородкой.

— Какъ дѣла?—спросилъ я у него.

— Ничего, слава Богу! Въ вашу вѣру перехожу...

— Что-же, милости просимъ. Почему такъ?

— Да собираюсь жениться...

— Дѣло не плохое. Въ добрый часъ!

— Нижайше благодаримъ.

— А не секретъ—на комъ?

Улыбка его расплылась во всю ширину улицы, и, не глядя на меня, онъ отвѣтилъ:

— Гляди, небось, слышали? У Медвѣдовыхъ беру... Катерину...

— Вотъ какъ! А я слышалъ, что ее по этапу должны были прислать?..

Онъ придвинулся ко мнѣ такъ близко, что я могъ слышать отъ него запахъ водки, и, понижая голосъ почти до шопота, сказалъ:

— Да, вѣдь, она дома скрывалась! Съ снохой своей онѣ все это оборудовали. Два дня въ погребу высидѣла!..—воскликнулъ онъ громко, съ искреннимъ торжествомъ, и потомъ опять зашепталъ:—Туда ей сноха и ѣсть носила... Женитьхъ пріѣхалъ постелю брать,—ея нѣтъ... Скандаль!..

Климка комически зажмурилъ глаза, поднялъ брови, вздернулъ плечами и какъ-то особенно изогнулся. Видно было, что онъ находится въ чрезвычайно взынченномъ состояніи.

— Началъ онъ Михайлу страмотить. „Въ судъ“, — говорить, — „подамъ за безчестье! ста рублями со мной не раздѣлаешься за такое дѣло!..“ И Михайла осерчалъ: — „Ты, —

говорить, — не въ правахъ меня при всемъ народѣ конфузить.. Долой съ моего двора!..“ Прогналъ!..

Онъ произнесъ послѣднее слово тонкимъ, ликующимъ голосомъ и визгливо засмѣялся, качаясь всѣмъ корпусомъ.

— Прогналъ... — повторилъ онъ съ удовольствіемъ.—Ну, въ обѣды вчера прогналъ, а она сейчасъ же изъ погребѣ вылъзла, Катерина... Хвать-дѣвка? а?.. Молодчина!.. Отецъ за бичеву, она — утекать... Ну, тутъ мать вступилась, не дали ему бить... Вечеромъ приходитъ ко мнѣ братъ ея, Сашка,— онъ мнѣ другъ, близжающій...— „Идите,—говорить,—къ намъ...“ Я сейчасъ отцу въ копыта: „не лишнн, дражайшій родитель...“ и прочее... Ну, старикъ поломался—поломался и согласился. Мать долго-таки кричала... два раза костылемъ даже огрѣла, ну, тоже сдалась... И вотъ, значить, сегодня „стклянку“ распиваемъ...

Онъ глядѣлъ на меня счастливыми, смѣющимися глазами, и мнѣ даже завидно стало видѣть его добродушное, немножко пьяное, сіяющее лицо.

— А ты зачѣмъ это людей бьешь? — спросилъ я.

— Въ ошибокъ дѣло вышло... Ночнымъ бытомъ не разобрали. Да мы, ничего, помиримся!

Тотъ же эпически-спокойный тонъ, что и у Кирѣя.

12-го октября.

Былъ инспекторъ. Подготовкой новичковъ остался доволенъ. Провѣрялъ библіотеку. Отыскалъ книги, не допущенныя каталогомъ министерства, и придрался. Я показаль ему имъ же данное разрѣшеніе, и онъ нѣсколько даже изумился.

— Гм... это по недосмотру, — сказалъ онъ, строго посмотрѣвши сначала на меня, а потомъ на книги.

Послѣ минутнаго размышленія онъ всетаки прибавилъ:

— Вы бы ихъ куда-нибудь въ уголокъ, что-ль... подальше. А то какъ бы батя не донесъ. И вообще, молодой человѣкъ, я вамъ совѣтую: поосторожнѣй съ этимъ...

При ревизіяхъ библіотеки мнѣ приходится переживать и тревожныя, и веселыя минуты. Кажется, всякій ревизующій увѣренъ, что непременно онъ разыщетъ крамолу среди этихъ благонамѣренныхъ, серьезныхъ и молчаливыхъ рядовъ книгъ, тѣсно сжавшихъ другъ друга, а въ иныхъ мѣстахъ братски похилившихся другъ на дружку...

Въ прошломъ году провѣрялъ библіотеку нашъ полицейскій засѣдатель—Касьянъ Иванычъ Пташкинъ, титулярный совѣтникъ. Благодушный человѣкъ. Сначала взялся за дѣло ретиво, а потомъ видить — книгъ много (у насъ въ библіотекѣ уже болѣе тысячи томовъ), а провѣрка туго подвигается впередъ — сталь дѣйствовать наскокомъ. Выхватилъ брошюрку въ красной обложкѣ— „Тминъ и его разведеніе“.

— Это что за „тминъ“ такой? — подозрительно и строго спрашиваетъ онъ у меня.

— Растеніе такое.

— Гм... рас-те-ніе?..

Онъ прищурилъ лѣвый глазъ, поднялъ правую бровь и искоса посмотрѣлъ на книжечку, которая выглядѣла такъ нарядно, весело и даже легкомысленно.

— Растеніе... „Тминъ... и его... разведение“... Не слыхаль. Шестой десятокъ существую на бѣломъ свѣтѣ,—не слыхаль.

— Можетъ быть, водку тминную пили когда-нибудь?—сказалъ я, пытаюсь вывести изъ подозрѣнія злополучную брошюрку.

— Нѣтъ, не пилъ такой, — сухо возразилъ Касьянъ Ивановичъ: — разныя пиваль водки, а такой даже не слыхаль. Богъ съ ней!.. А вотъ, что вы скажете: въ каталогѣ значится это „разведение“-то?

— Ей-Богу, не знаю. Не справлялся. Книжка по сельскому хозяйству...

— Тэ-экъ-съ! Значить, нѣтъ? Ужъ я знаю... Такъ вы, голубчикъ, вотъ что: разведение это бросьте! Это намъ не по климату... да-съ! куда-нибудь подальше... А то разведения-то эти, бываетъ, и нехорошо кончаются. И вамъ влетитъ, да и мнѣ за недосмотръ тоже... да-съ! Вы-то холостой человѣкъ, а у меня пять дочерей, голубчикъ мой. Такъ-то-съ...

Инспекторъ нашъ, бывший преподаватель духовной семинаріи, вообще, тяжелъ, грубъ, какъ кутейникъ, деспотиченъ, но... въ концѣ-концовъ, все-таки прямой и неллицепріятный человѣкъ. Дѣло свое знаетъ педурно. Этого не отрицаютъ даже люди, къ нему весьма не расположенные,—какъ, напримѣръ, нашъ батюшка, который былъ его ученикомъ по семинаріи. Съ нимъ инспекторъ обошелся на этотъ разъ довольно сурово.

— У васъ дѣти язычники,—сказалъ онъ:—молиться не умѣютъ...

Батюшка ничего на это не возразилъ. Онъ не могъ, разумѣется, оправдываться тѣмъ, что! былъ занятъ всю осень хозяйственной ревизіей своего прихода, что казаки иронически называютъ „молотьбой“. На уроки Закона Божія онъ вадумалъ было присылать вмѣсто себя регента церковнаго хора, совершенно невѣжественнаго человѣка, но я запротестовалъ, и поэтому большая часть уроковъ такъ и осталась незамѣченной...

Я просилъ инспектора дать мнѣ помощника и сослался на нездоровье. Инспекторъ посмотрѣлъ на меня внимательно и сказалъ съ соболѣзнованіемъ въ голосъ:

— Постараюсь непремѣнно.

11-го ноября.

Сегодня была Катина свадьба. Я пошелъ было въ церковь посмотреть, но за толпой ничего не было видно, и я вернулся. Скучно...

Вообще, жизнь стала еще болѣе тусклая, сѣрая, безрадостная! Хорошее было время, когда я работалъ и когда хотѣлось работать, безъ усталы, съ радостью и увлеченіемъ... Теперь не могу: надорвался ли, или ужъ судьба моя такая... Какъ я завидую теперь всему здоровому, веселому, жизнерадостному, — всему тому, что для меня уже стало почти недоступно... Завидую и своему новому помощнику, Арсенію, пѣвцу, анекдотисту, кумиру мѣстныхъ барышень, вносящему всюду заразительное веселье, смѣхъ, оживленіе. Онъ и выпить не дуракъ, и всѣмъ доволенъ, и не знаетъ никакихъ душевныхъ терзаній. Къ обязанностямъ своимъ онъ относится исправно, но и безъ увлеченія; здоровья, во всякомъ случаѣ, онъ не теряетъ. Большинство изъ насъ, учителей, таковы, и это хорошо: они дѣлаютъ дѣло ровно, безъ порывовъ, и приходится какъ разъ по плечу нашей будничной жизни.

Пошли имъ Богъ успѣха и счастья! Свѣтомъ слабымъ и мерцающимъ свѣтятъ они, но въ сумеркахъ убогой и тусклой народной жизни и этотъ свѣтъ дорогъ...

16-го декабря.

За эти дни я почти забылъ о своемъ дневникѣ. Былъ боленъ; теперь мнѣ лучше.

Вчера встрѣтилъ Катю. Какъ она похорошѣла, и какъ мы обрадовались другъ-другу... Она говоритъ, что у меня лицо стало, „какъ у угодника на иконѣ“, — такой я худой и такіе грустные у меня глаза... Я смотрѣлъ на ея румяное съ морозу личико, на мелкія блестящія инея на воротникѣ ея шубки, и мнѣ было такъ сладко и жутко, и такъ хотѣлось ее обнять. Я не спрашивалъ ее, какъ ей живется... Она обѣщала зайти какъ-нибудь и поболтать, когда Арсенія не будетъ дома.

Мы прошлись немного. Длинные синеватые тѣни ложились отъ домовъ, — солнце садилось. Голубой и розовый дымокъ подымался изъ трубъ. Кресты церкви ярко горѣли. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Свѣтло и прозрачно было кругомъ. Какая кроткая, невыразимая красота на всемъ... Мы подошли къ училищу. Катя оглянулась кругомъ, — никого нѣтъ, — схватила меня руками за голову и поцѣловала крѣпко и горячо. У меня закружилась голова, и я почувствовалъ, что воздуху мало... А она уже побѣжала отъ меня легко и быстро, какъ бѣгала дѣвчушкой...

Какъ хорошо! Какъ красива жизнь... Какъ хочется хоть капелъку личнаго счастья...

14-го января.

Плохо начался для меня Новый годъ... На святкахъ ѳадила къ старикамъ, въ Есаулово, и, должно быть, простылъ дорогой. Капляю. Голова кружится и просто разбилась отъ кашля. Глаза болятъ,—ни читать, ни писать... Плохо...

16-го февраля.

Кажется, начало конца... И хотя я ясно сознаю это по временамъ,—какъ сейчасъ вотъ, напимѣръ,—но почему-то это мало волнуетъ меня... Ни страшно, ни жалко, а такъ... какъ-то безразлично.

По временамъ даже, въ эти душныя, мучительно-жаркія и сиротливо-безмолвныя ночи, мнѣ думалось: какъ хорошо—„умереть-уснуть“... Покой, глубокій и вѣчный, холодный покой... Передо мной вставало наше кладбище: сѣрые кресты; холмики, покрытые сизымъ полынкомъ и скудной, спаленной солнцемъ травой... Тихо и безмолвно кругомъ... Смиряется и робѣетъ сердце, окованное этой властной, угнетающей тишиной. Молчить въ сторонѣ станица съ своими гумнами, молчить и степь съ длинными холмами, сѣрыми и бурыми, изборожденными оврагами. Гаснетъ заря. Ночь спускается надо мной, тихая и безмолвно-холодная... Какъ покойно и страшно... Гдѣ-то далеко или высоко раздается плачущій и причитающій женскій голосъ. Какая невыразимая тоска стонетъ въ немъ, какъ надрываетъ онъ сердце... Какъ хочется туда, гдѣ звенить этотъ милый, родной и близкій мнѣ голосъ... Какъ алый лучъ зари, онъ освѣтилъ темный фонъ жизни, пѣснь которой сурова, безрадостна, безконечна и страшна, какъ пустыня, неумолима, какъ смерть; она звучитъ однообразными басами, унылыми, съ монотонными переливами, съ старческой дрожью и дребезжаніемъ... Изрѣдка на ней сверкнуть искорками, прольются живымъ весеннимъ дождемъ звонкія, жизнерадостныя пѣсни дѣвчатъ, смѣхъ дѣтей; яркое, здоровое, счастливое веселье молодости... Сверкнуть, освѣтять ее на мигъ и утонуть въ темной, однообразной, сурово-печальной пѣснѣ жизненныхъ заботъ и горя...

И было такъ отраднo, когда молодая жизнь врывалась ко мнѣ шумными, беспорядочными волнами. Звонкіе голосишки, крикъ, смѣхъ, бѣготня доносились въ смягченныхъ звукахъ до меня, когда Арсеній распускалъ ребятъ на перемѣну. Я слышалъ, какъ Никитичъ кричалъ:

— Воду не разливать, землеѣды! Вотъ скажу Арсенію Васильичу, чтобы онъ вамъ всѣ уши поболталъ!..

И мнѣ такъ хотѣлось туда, къ ребятамъ, посмотреть ихъ славныя лица, ихъ стриженныя и всклокоченныя головенки,

погладить ихъ, поговорить... И та жизнь, отзвуки которой долетали до меня и отъ которой я былъ оторванъ болѣзнью, казалась мнѣ необычайно привлекательной и интересной...

28-го февраля.

Вчера была Катя. Она все такая же, какую зналъ я ее дѣвочкой,—веселая щебетуха... Что-то много рассказывала она мнѣ... И въ первый разъ она говорила со мной на „ты“. Она тербила меня, смѣялась, пѣла, цѣловала и кусала мои руки...

— Ты вставай скорѣй... поправляйся! — говорила она: — а то я сердчать буду!.. Придетъ весна, загудуть опять комарики, сады зацвѣтутъ... И будемъ мы съ тобой сидѣть подъ вишней и на звѣздочки глядѣть будемъ... Я буду каждый вечеръ приходить къ тебѣ, лишь поправляйся, дорогой мой...

— А мужъ-то?

— О-о... Я его, какъ медвѣдя, на веревкѣ вожу! Онъ такой смирный... Да онъ и въ лагери уйдетъ, на майское... на два мѣсяца: онъ артиллеристъ... Если я захочу, все моему будетъ... Только ты лишь будь такой же, какой былъ вперёдъ... Ты... свѣтъ мой тихій, ясный мой соколикъ...

•Я смотрѣлъ на нее и... въ душѣ моей занималась музыка, чудная, нѣжная, сладостно-грустная, какъ прощальный поцѣлуй любимой женщины. Она росла, ширилась, трепетала въ сердцѣ, поднималась къ горлу и излилась, наконецъ, теплыми, тихими слезами... Катя притихла, потомъ расплакалась и ушла... О чемъ же она заплакала?.. И вообще—какая она странная. И какая странная была наша любовь...

Сегодня я попросилъ Арсенія привести ко мнѣ третье отдѣленіе. Я хотѣлъ поговорить съ ними, чтобы постарались хорошенько подготовиться къ экзамену и не ударили бы въ грязь лицомъ. Мысленно я заготовилъ имъ цѣлую рѣчь. Но... не сказала почти ничего.

Они столпились въ дверяхъ — мазаные, завѣтренные, милые мои мальчуганы. Глазенки ихъ — черные, сѣрые, голубые, ясные такіе, — смотрѣли на меня съ выраженіемъ радости и жалости, нѣкотораго испуга и изумленія. А я былъ въ валенкахъ и теплой поддевкѣ, такой худой, желтый и смѣшной, какимъ они никогда меня не видѣли... Впереди стоялъ Карташовъ, хорошенькій, растрепанный и оживленный; должно-быть, передъ этимъ успѣлъ уже съ кѣмъ-нибудь повозиться.

— Ну, какъ дѣла, ребяташи?—спросилъ я.

— Ничего, слава Богу! — услышался дружный отвѣтъ. И разомъ смолкли, опять глядя на меня широко раскрытыми глазами.

„Что же... еще бы имъ сказать?“ — думалъ я, глядя въ прелестные глазки Карташова и чувствуя тихую, умиленную

радость, поднимавшуюся къ горлу и глазамъ. Мнѣ хотѣлось и засмѣяться, и заплакать...

— Хорошо учитесь?—спросилъ я.

— Хорошо... Ничего... Не дуже...—послышались смѣшанные голоса.

— Надо постараться, экзаменъ не за горами... Постараться надо. Хорошенько...

Молчать.

— Можетъ быть, мнѣ не придется самому быть на экзаменѣ, — лѣчиться уѣду, — такъ вотъ Арсеній Васильевичъ васъ повезетъ...

И вдругъ сердце мое сжалось отъ невыразимой боли и жалости къ самому себѣ и къ нимъ... И я сказалъ совсѣмъ неожиданно:

— Можетъ быть, не придется намъ больше и увидѣться... Такъ вотъ, ребята... въ Священномъ писаніи сказано: „будьте мудры, какъ зми, и кротки, какъ голуби“... Такъ и вы...

Слезы подступили у меня къ горлу, и какъ я ни старался ихъ удержать, онѣ горячими ручьями потекли по щекамъ, и я не могъ больше говорить... Прелестные глаза Карташова, съ намернувшимися слезами, всколыхнулись и на мгновение мелькнули передо мной, уплывая въ окно; закачался Тарасъ Арбузовъ; кто то забунѣлъ въ голосъ за дверью и, затѣмъ, надъ самымъ моимъ ухомъ... Больше ничего я не видѣлъ и ужъ не помню, какъ ихъ увелъ Арсеній.

Вотъ я все мечталъ о личномъ счастьѣ, ропталъ, что жизнь безрадостна, однообразна и неинтересна. Нѣтъ! Лучше и интереснѣе жизни ничего нѣтъ на свѣтѣ, какая бы она ни была,—скорбная ли, или веселая, трудная ли, или привольная...

И какъ хочется мнѣ теперь жить, быть здоровымъ, работать, учить и самому учиться...

А на дворѣ уже весна. Сегодня долго свѣтило ко мнѣ въ окно солнце. Лучи его играли на полу, на стѣнахъ, на бумагѣ, разбросанной на столѣ, и на разноцвѣтныхъ флаконахъ съ лѣкарствами... И какъ стало свѣтло и бодро на душѣ! Опять она зазвучала радостнымъ гимномъ свѣту, теплу, приволью и жизни... Сейчасъ въ окно вижу голубое небо и бѣлыя круглыя облачка, похожія на лебедей... Весна, весна... За спиной у меня точно вырастаютъ крылья... Лишь взмахнуть ими, и полетишь въ это голубое, бездонное, ослѣпительно-яркое пространство, въ которомъ такъ чисто и привольно... Чувствую, какъ трепетно бьется мое сердце...

На этомъ обрывается дневникъ моего предшественника.

В. Крюковъ.

* * *

Хотѣлъ бы я отъ злой судьбины
Крупицу счастья получить
И не въ объятіяхъ чужбины—
Въ родныхъ предѣлахъ Украины,
Свободнымъ только, опочить!

Гдѣ запорожскія могилы,
Синѣя сумрачно, стоятъ,
О прежней жизни, полной силы,
Невнятно путнику твердятъ,
Гдѣ степь раскинулась безъ граней,—
Тамъ нашъ вишневый садикъ цвѣлъ,
И я до дней моихъ страданій
Тамъ дѣтство свѣтлое провелъ.
Тамъ рѣчка, змѣйка голубая,
Полудремотная течеть,
И тѣрна рощица густая,
И очеретъ надъ ней растеть.
Сухую пыль столбомъ вздымая,
Къ ней прилетаетъ вихрь степей,
И чайка грустная, рыдая,
Кричитъ „ки-ги“ свое надъ ней...

И тамъ подъ сѣнь вѣтвей терновыхъ
Хотѣлъ бы лечь я навсегда,
Когда прервется дней суровыхъ,
Тяжелыхъ дней моихъ череда.
Пусть надо мною тѣрнъ печальный
Поеть, качаясь, пѣснь свою
Про путь труда многострадальный,
Про долю скорбную мою!

С. Синегубъ.

Изъ исторіи крестьянства въ первой половинѣ XIX столѣтія.

II.

Личныя и имущественныя права удѣльныхъ крестьянъ.

При самомъ образованіи удѣльныхъ имѣній положеніе населявшихъ ихъ крестьянъ было въ общихъ чертахъ определено, какъ среднее между положеніемъ крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ, и Департаменту Удѣловъ были переданы нѣкоторыя права помѣщиковъ надъ населеніемъ отданныхъ въ его управленіе имѣній. Тѣмъ не менѣе права удѣльныхъ крестьянъ въ сферѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній не были установлены въ полномъ своемъ объемѣ совершенно точно, ни „Учрежденіемъ о Императорской Фамиліи“. 1797 году, ни какимъ либо послѣдующимъ законодательнымъ актомъ, а опредѣлялись лишь постепенно, по преимуществу путемъ частныхъ постановлений, принимавшихся самимъ удѣльнымъ управленіемъ или исходявшихъ непосредственно отъ законодательной власти, по мѣрѣ того, какъ та или другая сторона крестьянской жизни привлекала на себя особое вниманіе. Лишь съ составленіемъ и изданіемъ въ 1843 г. „Свода Удѣльныхъ Постановленій“, всѣ такія частныя мѣры, касавшіяся правъ крестьянъ, были собраны во-едино. Въ виду этого постепенное развитіе этихъ мѣропріятій представляется наиболѣе удобнымъ изложить въ порядкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, подвергавшихся путемъ ихъ разрѣшенію, при чемъ яснѣе выступить и общее направленіе совершавшагося въ данной области процесса.

„Учрежденіе“ 1797 г. совершенно обошло вопросъ о выходѣ удѣльныхъ крестьянъ въ другія сословія, не давъ никакихъ указаний насчетъ возможности и путей такого выхода. Черезъ четыре мѣсяца послѣ изданія „Учрежденія“ министръ Удѣловъ рѣшилъ даже, повидимому, прекратить такой переходъ и 31 іюля 1797 г. предписалъ департаменту послать въ казенныя палаты

тѣхъ губерній, въ которыхъ были расположены удѣльныя имѣнія, предложенія о пріостановкѣ записки удѣльныхъ крестьянъ въ купечество. Подобная пріостановка могла быть однако же лишь временною. Уже въ январѣ слѣдующаго года Департаменту Удѣловъ пришлось разбирать предложеніе о переходѣ значительнаго количества удѣльныхъ крестьянъ въ городское сословіе. Именно Вятскій губернаторъ, указывая на то, что въ городахъ Сарапулѣ и Елабугѣ имѣется лишь небольшое число купцовъ и мѣщанъ (въ первомъ 184, во второмъ 244), тогда какъ удѣльныхъ крестьянъ въ этихъ городахъ, учрежденныхъ изъ дворцовыхъ силъ, числилось въ Сарапулѣ 1047 и въ Елабугѣ 1059 душъ м. п., считалъ неудобнымъ такое смѣшеніе сословій и предлагалъ тѣхъ крестьянъ, которые пожелали бы остаться на жительство въ городахъ, причислить въ купечество и мѣщанство, а остальныхъ выселить въ другія мѣста. Департаментъ, впрочемъ, не согласился съ мнѣніемъ губернатора, найдя, что перечисленіе такого большого количества крестьянъ въ городское сословіе нанесло бы слишкомъ сильный ущербъ интересамъ Удѣловъ, а для переселенія ихъ не имѣется свободной земли. Къ этимъ соображеніямъ присоединился и министръ, рѣшившій оставить данныхъ крестьянъ въ прежнемъ ихъ положеніи. За то выходу отдѣльныхъ лицъ изъ удѣльнаго крестьянства въ городское сословіе около этого же времени данъ былъ новый толчокъ. Онъ заключался въ сенатскомъ указѣ 21 октября 1797 г., предписывавшемъ „главнымъ начальствамъ“ казенныхъ крестьянъ, въ случаѣ желанія послѣднихъ записаться въ купечество, входить съ представленіемъ объ этомъ въ Сенатъ, при чемъ къ казеннымъ крестьянамъ приравнивались и удѣльные. Когда вслѣдствіе этого указа въ департаментъ стали поступать изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ представленія объ увольненіи крестьянъ въ купечество, онъ въ февралѣ 1798 г. обратился къ министру съ вопросомъ, слѣдуетъ ли направлять такія представленія въ Сенатъ или отсылать ихъ въ удѣльныя экспедиціи, которыя, собравъ по нимъ справки, общали бы ихъ съ своимъ мнѣніемъ въ департаментъ. Министръ, исходя изъ мысли, что удѣльныя имѣнія существуютъ на положеніи помѣщичьихъ, а департаментъ исправляетъ обязанности ихъ опекуна, нашелъ, что „выпускъ крестьянъ въ купцы не можетъ отъ его воли зависѣть“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ однако департаментъ вошелъ съ новымъ докладомъ къ министру. Въ этомъ докладѣ указывалось, что по прямому смыслу указа 21 октября 1797 г. и статей 138-й и 139-й Городового Положенія удѣльные крестьяне „признаны казенными и... предоставлено имъ неотъемлемое право записываться, по желанію, въ посады“. Хотя со времени образованія удѣльныхъ имѣній просьбы о выпускѣ въ купечество поступило сравнительно немного со стороны удѣльныхъ крестьянъ, но департаментъ объяснялъ это какъ тѣмъ, что

самый приемъ имѣній былъ еще не законченъ, такъ и тѣмъ, что крестьяне ожидаютъ рѣшенія на подданныя уже просьбы, и опасаясь, что въ случаѣ благоприятнаго разрѣшенія послѣднихъ, „поощрены будучи примѣромъ, выйдетъ неоспоримо множество и самыхъ зажиточныхъ земледѣльцевъ“. По наведеннымъ уже нѣкоторыми экспедиціями справкамъ оказалось, что „на таковыхъ желающихъ записаться въ купечество и мѣщанство не оказалось ни малѣйшей недоимки какъ по государственнымъ податямъ, такъ и по сборамъ, поступающимъ въ доходъ удѣльный, что, упражняясь они съ успѣхомъ и выгодами издавна въ купечествѣ, болѣе привыкли къ торговлѣ, нежели къ хлѣбопашеству, что поведение и трудолюбіе ихъ одобрены всѣмъ міромъ и что, наконецъ, самые посады и магистраты желаютъ ихъ охотно принять въ званіе свое“. При такихъ условіяхъ департаменту, на основаніи дѣйствующаго законодательства, оставалось только признать, что просители должны быть уволены и просить Сенатъ объ утвержденіи этого мнѣнія. „Таковымъ образомъ исполнится въ точности указъ Сената и Городовое Положеніе, соблюдется польза короны, прямая надобность просителя удовлетворится, но имѣніе удѣльное понесетъ отъ того очевидный уронъ, оно лишится знатной части дохода своего и вмѣстѣ множества лучшихъ крестьянъ и время отъ времени уменьшаться будетъ самое, высочайше утвержденное, количество душъ, опредѣленныхъ для состава имѣнія сего, ибо весьма вѣроятно, что въ теченіе самыхъ первыхъ лѣтъ управленія оными департаментомъ выйдутъ уже не сотни, но тысячи крестьянъ. Подати, которыя доплачиваться поселянами будутъ до новой переписи, есть слабая и непримѣтная замѣна толь великаго ущерба“. Находя необходимымъ согласить законы „съ выгодами имѣнія удѣльнаго, тѣмъ болѣе, что имѣніе сіе, будучи всемилостивѣйше пожаловано Августѣйшему Императорскому Дому, входитъ, такъ сказать, въ родъ помѣщичьихъ“, департаментъ предлагалъ министру войти съ докладомъ къ государю о назначеніи выкупа за выпускъ крестьянъ въ городское сословіе; при этомъ съ выходящихъ въ купечество предполагалось взимать по 360 р. за cadaго совершеннолѣтняго крестьянина, отходившаго изъ владѣнія Удѣловъ, и половину этой суммы за несовершеннолѣтняго, а съ выходящихъ въ мѣщанство отъ 200—125 р., по четыремъ разрядамъ, съ совершеннолѣтняго и вдвое меньше съ несовершеннолѣтняго; такая плата проектировалась исключительно съ лицъ мужескаго пола, и департаментъ находилъ, что крестьяне, имѣющіе необходимый для торговыхъ операцій капиталъ, легко могутъ внести ее. Министръ, дѣйствительно, вошелъ съ докладомъ къ государю и 22 октября 1798 г. послѣдовалъ высочайшій указъ, предписывавшій увольнять удѣльныхъ крестьянъ въ купечество и мѣщанство „на правѣ помѣщичьихъ“; съ выходящихъ въ купечество и могущихъ предъявить „знатный капиталъ“ указомъ повелѣвалось взимать „такую часть

онаго, какая отъ мірскаго приговора и за утверждениемъ Департамента назначена будетъ, обращая оную въ доходъ удѣльный, за исключеніемъ осьмой доли, опредѣляемой на разныя вспоможенія поселянамъ, пришедшимъ въ разстроенное состояніе“; съ крестьянъ, которые могутъ только вступить „въ званіе мѣщанское или въ нижнюю степень купечества“, предписывалось взыскивать сумму, равную цѣнѣ рекрута; наконецъ, сохранялось въ силѣ правило Городового Положенія, по которому вышедшіе въ городское сословіе крестьяне должны были до новой переписи продолжать платить старыя подати свои по крестьянству. Департаментъ, извѣщая экспедиціи о новомъ порядкѣ, установленномъ указомъ 22 октября 1798 г., разъяснялъ, что „назначеніе части капитала при выпускѣ въ мѣщанство и купечество есть такое дѣло, въ которое не только приказные старшины, но и самыя удѣльныя экспедиціи вмѣшиваться не должны“; крестьяне, недовольные дѣйствіями міра, могутъ „жаловаться Департаменту и искать себѣ защиты въ милосердіи самого монарха“. Въ слѣдующемъ году департаментъ, отвѣчая на запросъ Архангельской экспедиціи, объяснилъ, что при выпускѣ крестьянъ въ мѣщанство и въ нижнюю степень купечества уплачиваемая ими цѣна рекрута должна цѣликомъ поступать въ удѣльный доходъ, безъ вычета восьмой доли на вспоможеніе крестьянамъ; для такого выпуска требовалось свидѣтельство приказа или волости, къ которымъ принадлежалъ проситель, что онъ по своему капиталу не можетъ вступить въ высшую степень купечества, при чемъ это свидѣтельство должно было быть подписано не только приказными властями, но и нѣсколькими грамотными крестьянами и приходскимъ священникомъ; самый выкупъ долженъ былъ уплачиваться просителемъ не только за себя, но въ одинаковомъ размѣрѣ и „за каждую изъ семейства его отходящую съ нимъ мужескаго пола ревизскую душу“ *). Мірскія общества однако и при выпускѣ въ нижнюю степень купечества брали иногда съ выпускаемыхъ деньги въ свою пользу. Въ томъ же 1799 г. до свѣдѣнія департамента дошелъ одинъ такой случай. Коломенскій приказъ Московской экспедиціи, давая свидѣтельство крестьянину Степанову, что онъ можетъ выйти лишь въ нижнюю степень купечества, взымалъ съ него, кромѣ узаконенныхъ 360 р., „еще въ доходъ мірскаго 200 р.“ Департаментъ своимъ указомъ отъ 21 іюня 1799 г. предписалъ взять эти 200 р. также въ удѣльный доходъ, а 8-ю долю образовавшейся такимъ путемъ суммы, т. е. 70 р., согласно указу 22 октября 1798 г., отчислить на помощь крестьянамъ, хозяйство которыхъ разстроено. На будущее время департаментъ

*) Архивъ Главнаго Управленія Удѣловъ, дѣла правителя канцеляріи по письмоводству, св. 7, № 177, лл. 1, 7 и 86 — 9; 1 отдѣл., 2 стола, св. 17 № 772, лл. 1—3, 17, 30—31; именныя повелѣнія, отъ 22 октября 1798 г.

предписывалъ „ни приказу, ни міру съ крестьянъ, просящихся въ купечество или мѣщанство, никакихъ особливыхъ взысковъ сверхъ платимыхъ ими за выпускъ на свободу не требовать; ибо каждый таковой уволенный поселанинъ долженствуетъ очищать и платить за себя всѣ подати до новой переписи по государству; слѣдственно, выходъ его и не можетъ причинить міру каковой-либо ущербъ или отягощеніе“. Въ 1800 г. состоялось нѣсколько новыхъ важныхъ распоряженій по вопросу о выходѣ крестьянъ въ городское сословіе. Прежде всего, 2 апрѣля этого года департаментъ „для избѣжанія всякаго недоразумѣнія“ постановилъ, чтобы и за рожденныхъ послѣ ревизіи, отходящихъ въ купечество или мѣщанство, и, словомъ, за каждую мужескаго пола душу, а не за однихъ ревизскихъ, вносили крестьяне удѣльные, желающіе вступить въ помянутыя званія, законенное количество денегъ“. Затѣмъ 30 апрѣля департаментъ предписалъ экспедиціямъ просить гражданскихъ губернаторовъ провѣрять истину показаній приказовъ о крестьянахъ, желающихъ выйти изъ своего сословія, и отъ себя обратился съ этою просьбою къ губернаторамъ. 28 сентября 1800 г. состоялся сенатскій указъ, по которому переходящіе изъ крестьянства и другихъ званій въ купечество и мѣщанство должны были впередъ представлять за себя поручителей въ платежѣ ими податей по обоимъ состояніямъ до ревизіи, и 3 октября департаментъ сдѣлалъ распоряженіе о примѣненіи этого указа къ удѣльнымъ крестьянамъ.

Выходъ для крестьянъ изъ владѣнія Удѣловъ затруднялся, кромѣ того, и увеличеніемъ цѣны рекрута. Именной высочайшій указъ 22 октября 1809 г. поднялъ эту цѣну съ 360 р. до 500 р., и тогда же департаментъ предписалъ взимать на будущее время съ удѣльныхъ крестьянъ, выходящихъ въ мѣщанство или нижнюю степень купечества, по 500 р. за каждую душу мужескаго пола. Скоро, однако, и эта цифра была увеличена. Въ 1812 г. министръ Гурьевъ представилъ государю докладъ, въ которомъ, указывая на то, что по манифесту 6 ноября 1811 г. дозволено откупаться отъ рекрутской повинности за 2,000 р., что купцы 1-й гильдіи объявляютъ за собой капиталъ въ 50,000 р., второй въ 20,000 р., а третьей въ 8,000 р., находилъ въ сравненіи съ этимъ цифру выкупа удѣльныхъ крестьянъ несоотвѣтственно низкой и предлагалъ повысить ее до 1,000 р. за душу мужескаго пола для выходящихъ въ купечество и до 700 р. для выходящихъ въ мѣщанство. 2 апрѣля 1812 г. докладъ этотъ получилъ высочайшее утвержденіе и новый порядокъ вступилъ въ дѣйствіе. Изъ этого общаго порядка дѣлались однако же порою частныя исключенія. Такъ, въ мартѣ 1824 г. состоялось высочайшее повелѣніе на имя министра Удѣловъ, воспреотившее переходъ въ мѣщане и купцы крестьянъ Коростинскаго и Бургскаго приказовъ Новгородской губерніи. Получивъ это повелѣніе, департаментъ распорядился, чтобы

управляющий Новгородской конторой, оставляя просьбы крестьянъ данныхъ приказовъ объ увольненіи ихъ въ гражданское вѣдомство безъ всякаго исполненія, доносилъ лишь о нихъ министру. За 1825 годъ поступило изъ этихъ при казовъ три такія просьбы, которыя и были оставлены безъ исполненія. Въ 1826 г. аналогичная мѣра была принята уже самимъ департаментомъ по отношенію къ крестьянамъ Велейскаго и Покровскаго приказовъ Псковской конторы. Въ виду того, что на селеніяхъ этихъ приказовъ накопилась значительная недоимка, департаментъ опасался, что при выпускѣ изъ нихъ достаточныхъ крестьянъ, можно будетъ лишиться всякихъ средствъ ко взысканію недоимокъ, и потому разрѣшилъ конторѣ представлять объ увольненіи въ купечество „крестьянъ такихъ только селеній, отъ коихъ всѣ недоимки и штрафы въ полности уже уплачены“ *). Впрочемъ, въ томъ же 1826 году произошло и новое общее измѣненіе въ условіяхъ выхода удѣльныхъ крестьянъ въ городское сословіе, измѣненіе, вызванное всеподданнѣйшимъ докладомъ департамента. Въ этомъ докладѣ указывалось, что со времени закона 2 апрѣля 1812 г. „перешло удѣльныхъ крестьянъ изъ первобытнаго состоянія въ гражданское званіе довольно значущее число душъ“ и постоянно вновь вступаютъ въ департаментъ представленія о такомъ переходѣ. Департаментъ объяснялъ такой фактъ тѣмъ, что назначенная для выкупа сумма „не только что не отяготительна, но даже, можно сказать, едва ощутительна для крестьянъ. „А какъ удѣльныя имѣнія,—говорилось въ докладѣ—находятся въ томъ же отношеніи къ Императорской фамиліи, какъ помѣщичьи къ помѣщикамъ, и поелику выгода сихъ послѣднихъ состоитъ въ томъ, чтобъ сохранять въ своемъ владѣніи сколько можно зажиточныхъ во 1) потому, что капиталъ богатаго болѣе или менѣе въ кругообращеніи между бѣдными и во 2) что въ случаѣ недоимокъ оныя пополняются всѣмъ обществомъ, то Департаментъ Удѣловъ признаетъ полезнѣйшимъ сколько возможно затруднить для удѣльныхъ крестьянъ переходъ въ купеческое и мѣщанское званіе“, повысивъ сумму выкупа до 5000 р. для переходящихъ въ купечество и до 2000 р. съ наличной души мужескаго пола для выходящихъ въ мѣщанство; при этомъ въ мѣщанство предлагалось выпускать лишь изъ малоземельныхъ селеній, сохраняя въ остальномъ прежнія правила. 4 декабря 1826 г. предположенныя департаментомъ измѣненія получили высочайшее утвержденіе **). Такимъ образомъ точка зрѣнія на удѣльныя имѣ-

*) Тамъ же, 1 отдѣл., 2 стола, св. 17, № 772, лл. 59—60, 83, 98—100, 104—6, 142—4; 157—8, 181—2; именныя повелѣнія, отъ 2 апрѣля 1812 г., тамъ же отъ 6 марта 1824 г. и дѣла 1 отдѣл., 2 стола, св. 17, № 762; 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, л. 424 и слѣд.

***) Тамъ же, именныя повелѣнія, отъ 4 дек. 1826 г. и дѣла 1 отд., 2 ст., св. 18, № 784.

нія, какъ на частное владѣніе, возобладала въ законѣ и это вело все къ большому стѣсненію выхода удѣльныхъ крестьянъ изъ ихъ состоянія. Та же точка зрѣнія сказалась и въ рѣшеніи одного изъ частныхъ, но немаловажныхъ вопросовъ такого выхода. 3 іюля 1824 г. было высочайше утверждено положеніе комитета министровъ, уничтожавшее двойныя подати при переходѣ изъ одной губерніи въ другую или изъ одного званія въ другое. На первыхъ порахъ по обнародованіи этого положенія сенатомъ оно было примѣнено и въ удѣльныхъ имѣніяхъ при переходѣ крестьянъ въ городское сословіе, но когда обнаружилось, что помѣщичьи крестьяне сенатскимъ указомъ 28 февраля 1826 г. изъяты отъ дѣйствія, даннаго положенія, то оно перестало примѣняться и къ удѣльнымъ крестьянамъ. Первоначально при выходѣ въ городское сословіе выкупъ взимался только съ лицъ мужескаго пола, за женщинъ же, вышедшихъ изъ состава удѣльнаго владѣнія вмѣстѣ со своими мужьями и отцами, никакого выкупа не полагалось; современемъ, однако, это измѣнилось. Въ 1829 г. департаментъ, разрѣшая просьбу одного крестьянина о выкупѣ его съ четырьмя дочерьми въ мѣщанское званіе, опредѣлилъ взыскаыть съ него за каждую дочь по 100 р., и съ той поры установилась такая плата за выпускъ дочерей вмѣстѣ съ отцами; за женъ и послѣ того ничего не платилось. Съ переводомъ денегъ на серебро плата за увольненіе въ купечество была опредѣлена въ 1500 р. сер. съ наличной души мужескаго пола, въ мѣщанство — 600 р. сер., за увольненіе дочери при отцѣ—30 р. сер. *).

Крестьянки удѣльнаго вѣдомства могли перейти въ другія сословія либо путемъ выхода въ послѣднія ихъ отцовъ и мужей, либо путемъ замужества съ лицами иныхъ сословій; личное же увольненіе ихъ совершенно не допускалось. Что касается выхода ихъ въ замужество за людей другихъ званій, то онъ въ свою очередь опредѣлялся особыми правилами, точно также не оставшимися неизмѣнными за все время существованія удѣльныхъ имѣній. Впервые вопросъ о возможности подобнаго замужества поднять былъ Казанской экспедиціей и тогда департаментъ, на основаніи резолюціи министра указомъ отъ 26 апрѣля 1798 г. предписалъ экспедиціямъ „выпускъ крестьянкамъ въ замужество въ каковое-либо казеннаго вѣдомства селеніе или помѣщичье не возобранять, стараясь, однако же, непременно по обряду помѣщичьему, чтобы вмѣсто выпускаемыхъ крестьянокъ браны были удѣльными крестьянами на обмѣнъ изъ тѣхъ же селеній другія въ таковое же замужество“. Въ слѣдующемъ году это постановленіе, вслѣдствіе представленій Смоленской и Московской экспедицій, было разъяснено департаментомъ болѣе обстоятельно.

*) Тамъ же, 1 отд., 2 ст., св. 17, № 781; Сводъ Удѣльныхъ Постановленій, ч. III, ст. 91, примѣчаніе; архив. Гл. Упр. уд., 2 отд., 5 ст., св. 19, № 532, л. 50.

Указъ департамента 31 августа 1799 г. предписывалъ экспедиціямъ, „чтобы выпускъ крестьянскихъ вдовъ и дѣвокъ въ помѣщичьи и казеннаго вѣдомства селенія былъ дозволенъ безъ всякаго препятствія, съ общаго той и другой стороны согласія міра, и чтобъ удѣльнымъ крестьянамъ изъ селенія помѣщичьяго или казеннаго вѣдомства предоставлено было свободное право по общему же согласію брать въ замужество безъ всякаго платежа“; во избѣжаніе нарушенія этихъ условій экспедиціямъ предоставлялось просить у епархіальныхъ архіереевъ „подтвержденія приходскимъ священникамъ, чтобы безъ писемъ отъ міра браковъ не совершали“, сельскіе же старшины должны были внушать холостымъ крестьянамъ „собственную ихъ чрезъ вступленіе въ бракъ пользу и чтобъ брали невѣсть преимущественно изъ своихъ удѣльныхъ селеній, однако же и въ семъ случаѣ принужденія никакого не чинить“. Относительно же выпуска удѣльныхъ крестьяночекъ въ городское сословіе 11 іюня 1800 г. состоялось по докладу департамента высочайшее повелѣніе выпускать ихъ замужъ за купцовъ и мѣщанъ съ платою за выходъ по 100 р., „въ купеческое же и мѣщанское состояніе лично женскаго пола не выпускать“. По обнародованіи этого повелѣнія, Петербургское удѣльное отдѣленіе примѣнило было требованіе объ уплатѣ выводныхъ денегъ при выходѣ замужъ удѣльной крестьянки за плотника адмиралтейской команды. Тогда департаментъ указомъ 9 іюня 1800 г. разъяснилъ, что выводныя деньги должны взиматься только при выходѣ замужъ крестьяночекъ за купца или мѣщанина, а выдача за помѣщичьихъ или казенныхъ крестьянъ и другого званія людей должна совершаться безпрепятственно на основаніи указа 26 апрѣля 1798 г. Установленныя всѣми этими распоряженіями правила соблюдались, однако, не особенно старательно и случаи вѣнчанія удѣльныхъ крестьяночекъ съ посторонними людьми безъ свидѣтельства отъ приказовъ, равно какъ безъ платежа выводныхъ денегъ, были, повидному, не рѣдки. По крайней мѣрѣ, еще въ 1809 г. управляющій Орловской конторой доносилъ министру, что всѣ предписанія департамента объ этомъ остаются безъ исполненія, и предлагалъ на будущее время нарушителей этихъ предписаній изъ удѣльныхъ крестьянъ отсылать къ суду или подвергать денежному взысканію въ пользу мірской суммы. Министръ, въ циркулярномъ предписаніи управляющимъ 15 февраля 1809 г., подтвердилъ ихъ обязанность наблюдать за выполненіемъ изданныхъ раѣе законовъ и распоряженій; нарушившимъ ихъ удѣльнымъ крестьянамъ приказы должны были опредѣлять „соразмѣрное наказаніе“, которое, по утвержденіи управляющимъ, и приводилось бы въ исполненіе „безъ всякаго послабленія“; тѣ же, кто выдалъ бы дочь безъ дозволенія и письменнаго свидѣтельства за купца или мѣщанина, тѣмъ самымъ лишивъ Удѣлы выводныхъ денегъ, сверхъ наказанія обязывались заплатить эти послѣднія. Приказнымъ же старшинамъ предписы-

валось, подѣ опасеніемъ строгаго взыскапія, безъ замедленія выдавать свидѣтельства на выдачу замужъ удѣльныхъ крестьянокъ *). Нѣкоторые управляющіе выказывали порою склонность еще болѣе увеличить установленныя закономъ въ этомъ вопросѣ ограниченія. Костромская контора въ 1810 г. возбудила вопросъ, могутъ ли свободно выходить замужъ крестьянки изъ удѣла вел. кн. Екатерины Павловны въ общее удѣльное вѣдомство. Департаментъ тогда же разрѣшилъ этотъ вопросъ положительно, а черезъ 6 лѣтъ ему вновь пришлось рѣшать его, на этотъ разъ по представленію Орловской конторы. Въ 1816 г. Нижегородскій управляющій предложилъ проектъ выдачи удѣльныхъ крестьянокъ замужъ за помѣщичьихъ крестьянъ съ изъясненіемъ выводныхъ денегъ, ссылаясь на неудобства дѣйствующаго порядка, при которомъ, будто бы, удѣльныя дѣвушки часто не могутъ найти себѣ жениховъ, при этомъ онъ предлагалъ увеличить и самый размѣръ выводныхъ денегъ со 100 до 150 р. Проектъ этотъ остался, однако, безъ результатовъ **).

Лишь въ 1820 г. въ установленномъ порядкѣ произошло нѣкоторое измѣненіе, именно департаментъ предписалъ при выдачѣ удѣльныхъ крестьянокъ за помѣщичьихъ крестьянъ брать съ владѣльцевъ послѣднихъ обязательство на гербовой бумагѣ въ согласіи выдать себѣ крѣпостную за удѣльнаго крестьянина, а при совершеніи такой замѣны возвращать это обязательство и брать съ помѣщика выводное письмо на его крѣпостную. Нѣсколькими годами позже установленъ былъ болѣе точно и порядокъ взыскапія выводныхъ денегъ при выдачѣ удѣльныхъ крестьянокъ за купцовъ или мѣщанъ: циркуляромъ департамента отъ 20 сентября 1828 г. предписывалось взыскивать эти деньги за крестьянокъ съ лицъ, берущихъ ихъ въ замужество, если не уплатятъ ихъ сами родители или родственники этихъ крестьянокъ, и съ родителей или родственниковъ послѣднихъ, если онѣ будутъ выданы замужъ съ ихъ согласія, но безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ начальства; если же крестьянка выйдетъ замужъ безъ такою свидѣтельства и безъ согласія родственниковъ, или, если послѣдніе, давъ согласіе на бракъ, не въ состояніи будутъ уплатить выводныхъ денегъ, взысканіе обращается на ея мужа, а, при его несостоятельности, на вѣнчавшаго ихъ священника. Болѣе серьезныя измѣненія были произведены въ данномъ порядкѣ въ 1833 г., когда платежъ выводныхъ денегъ получилъ болѣе широкое распространеніе. Изъ произведенныхъ дѣлъ департаментъ убѣдился, какъ гласитъ циркуляръ 5 мая 1833 г., что „установленный замѣнъ удѣльныхъ вдовъ и дѣвокъ, выходящихъ за казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, болѣею частью не имѣетъ мѣста въ

*) Тамъ же, 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, лл. 14, 45, 62, 63—4, 170—1.

**) Тамъ же, 1 отд., 2 ст., св. 16, № 733, лл. 1—2, 13—15 и 11—12.

самое время ихъ замужества; впоследствии же, по разнымъ причинамъ, дѣлается часто весьма затруднительнымъ, а иногда вовсе невозможнымъ, и такимъ образомъ Удѣль несетъ потерю безъ всякаго вознагражденія“. Въ виду этого департаментъ распорядился выходъ удѣльныхъ крестьянокъ безъ платежа за крестьянъ другого вѣдомства „допускать только тогда, если въ одно и то же время, по общему согласію, поступать другія, или, по крайней мѣрѣ, если отъ помѣщика или того вѣдомства, куда приходитъ удѣльная крестьянка, будетъ дана подписка на увольненіе крестьянки въ обмѣнъ, коль скоро пожелаетъ жениться кто-либо изъ удѣльныхъ крестьянъ того приказа, откуда вышла удѣльная вдова или дѣвка“. вмѣстѣ съ тѣмъ правило о взыскаініи 100 р. выводныхъ денегъ распространялось и на тѣхъ крестьянокъ, которыя выходили замужъ „за чиновниковъ, мастеровыхъ и вообще всѣхъ людей свободнаго состоянія, поелику въ семъ случаѣ никакого замѣна быть не можетъ“; исключеніе составляли лишь нижніе воинскіе чины, за которыхъ и впредь удѣльныя крестьянки должны были выходить безъ всякой платы. Что касается, впрочемъ, казенныхъ крестьянъ, то уже въ 1842 г. департаментъ разрѣшилъ выдавать за нихъ удѣльныхъ крестьянокъ безъ требованія какихъ бы то ни было обязательныхъ подписокъ, въ виду аналогичной мѣры со стороны министерства государственныхъ имуществъ. Съ лицъ остальныхъ свободныхъ сословій, равно какъ съ помѣщиковъ, не выдававшихъ обмѣнныхъ обязательствъ, выводныя деньги за удѣльныхъ крестьянокъ въ размѣрѣ 100 р. асс., повдѣе 30 р. сер., продолжали взиматься до 1858 года и еще 15 марта 1858 г. такой платежъ былъ установленъ при выдачѣ крестьянокъ за исключенныхъ изъ военнаго вѣдомства, но еще ни къ какому сословію не приписанныхъ солдатскихъ сыновей (кантонистовъ)*).

Существовалъ и еще одинъ путь выхода изъ владѣнія Удѣловъ для крестьянъ, именно,—уходъ въ монашество. Первый извѣстный намъ случай такого ухода относится къ 1802 г. Въ этомъ году удѣльный крестьянинъ Костромской губерніи, Абабковъ, подалъ вмѣстѣ со своимъ дядей на высочайшее имя прошеніе объ увольненіи ихъ за болѣзнями въ монашеское званіе. Просители объясняли, что они имѣютъ „увольнительный отпускъ“ отъ своего приказа и уже седьмой годъ находятся въ монастыряхъ, одинъ въ Фролицевой пустынѣ, другой въ Валаамскомъ монастырѣ, но мѣстная экспедиція и департаментъ не увольняютъ ихъ безъ разрѣшенія государя. 28 апрѣля 1802 г. состоялось высочайшее повелѣніе уволить просителей для постриженія въ монахи, если сообщенные ими факты окажутся справедливыми. Затѣмъ аналогичный случай,

*) Тамъ же, 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, лл. 325 и 660; № 529, л. 511; св. 19, № 532, л. 228; св. 54, № 2245, л. 16.

доложенныйъ министромъ государю въ слѣдующемъ году, вызвалъ общее повелѣніе отъ 17 авг. 1803 г. поступать во всѣхъ подобныхъ случаяхъ по общимъ государственнымъ узаконеніямъ. Въ виду этого департаментъ 8 октября 1803 г. разослалъ экспедиціямъ циркуляръ, въ которомъ предписывалъ имъ выдавать увольнительные виды тѣмъ изъ крестьянъ, просящихся въ монашество, которые имѣютъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, знаютъ грамотѣ, удовлетворяютъ другимъ требованіямъ Духовнаго Регламента *) и представляютъ свидѣтельство отъ духовнаго начальства о возможности принять ихъ въ избираемое ими званіе. Новыя ограниченія въ этомъ отношеніи были установлены циркуляромъ департамента отъ 30 ноября 1827 г., предписавшимъ управляющимъ при представленіяхъ объ увольненіи крестьянъ въ монашество сообщать свѣдѣнія о томъ, способенъ ли проситель къ работѣ, не состоитъ ли онъ на рекрутской очереди, какъ велико его семейство и можетъ ли оно за увольненіемъ просителя исправно платить подати. Наконецъ, циркуляромъ 4 мая 1835 г., во избѣжаніе излишней переписки, воспрещено было управляющимъ входить съ представленіями объ увольненіи крестьянъ, не достигшихъ—мужчины 30, а женщины 50-лѣтняго возраста **).

Отъ выхода крестьянъ изъ состава удѣльнаго владѣнія обратимся теперь къ постановленіямъ, опредѣлявшимъ право передвиженія крестьянъ внутри удѣльныхъ имѣній. Общія границы этого права были установлены еще „Учрежденіемъ“ 1797 г., которое (§§ 170 и 207) воспрещало крестьянамъ отлучки съ мѣста ихъ жительства даже и на самаго малѣйшее время безъ разрѣшенія начальства. На практикѣ однако же это правило соблюдалось на первыхъ порахъ лишь въ высшей степени слабо, и, не говоря уже о временныхъ отлучкахъ, даже переселенія въ другія мѣста практиковались нерѣдко крестьянами безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія. Объ этомъ свидѣтельствовали нѣкоторые ревизоры, объѣзжавшіе удѣльныя имѣнія въ 1803 г.; о подобныхъ самовольныхъ переходахъ крестьянъ еще въ 1808 г. нерѣдко, по словамъ министра, мѣстныя экспедиціи увѣдомляли департаментъ. Послѣдній

*) Статья 7-я Дух. Регламента гласила: «Смотрѣть прилежно о приходящихъ въ монахи, не обьязанъ ли онъ долгами, не бѣгаетъ ли отъ суда за воровство, нѣтъ ли за нимъ дѣла государева и симъ подобная... не принимать въ монахи изъ иной епархіи приходящаго и людямъ честнымъ не извѣстнаго».

***) Тамъ же, высочайшія повелѣнія, отъ 28 апр. 1802 г. и 17 авг. 1803 г.; дѣла 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, лл. 73—4, 84 и 558; № 530, л. 194. Помимо того, бывали случаи увольненія удѣльныхъ крестьянъ по спеціальному высочайшему разрѣшенію въ учебное званіе; такъ, напр., въ 1826 г. получилъ высочайшее утвержденіе докладъ министра объ увольненіи крестьянина с. Зернова (Берестовскаго приказа, Орловской конторы) въ учителя музыкальнаго класса въ елецкое уѣздное училище,—высочайшія повелѣнія, отъ 4 сентября 1826 г.

обыкновенно распоряжался општрафовать самовольниковъ денежной пеней въ пользу мірскаго общества, но, наконецъ, министръ нашелъ нужнымъ принять болѣе общія мѣры и 15 янв. 1809 г. предписалъ управляющимъ конторами составить списокъ всѣхъ самовольно переселившихся крестьянъ и объявить по удѣльнымъ имѣніямъ, что всѣ вновь переселяющіеся безъ разрѣшенія подвергнутся строжайшему взысканію, какъ „нарушители воли высшаго начальства и общественнаго порядка“; приказнымъ старшинамъ подѣ страхомъ наказанія поручалось бдительно слѣдить за крестьянами и предупреждать попытки самовольныхъ переселеній съ ихъ стороны. По установленному въ слѣдующемъ году департаментомъ правилу, внесенному и въ „Руководство для удѣльныхъ поселенъ къ познанію правъ и обязанностей“ 1811 г., желающій переселиться крестьянинъ долженъ былъ испросить увольнительный приговоръ отъ того приказа, въ которомъ жилъ, и приемный отъ того, въ которомъ хотѣлъ поселиться; приговоры эти представлялись въ контору, а послѣдняя переносила дѣло на утвержденіе министра. Тѣмъ не менѣе и эти правила не имѣли большого успѣха и при составленіи 6-й ревизіи было открыто „перешедшихъ изъ селенія въ селеніе разныхъ уѣздовъ и даже изъ одной губерніи въ другую крестьянъ довольно значительное число“. Въ виду этого департаментъ, руководясь представленіемъ Вятскаго управляющаго Жмакина, нашелъ необходимымъ установить новыя правила, которыми можно было бы руководствоваться въ данномъ вопросѣ. Суть ихъ сводилась къ слѣдующему: крестьянинъ, переселившійся на другое мѣсто безъ разрѣшенія министра, возвращался обратно и отдавался на мѣсяцъ въ рабочій домъ; крестьяне его селенія, равно какъ того, въ которое онъ перешелъ, платили штрафъ по 10 р. за каждую душу м. п. въ его семействѣ, а если послѣднее не принадлежало Удѣламъ, то штрафъ дѣлился между самимъ переселенцемъ и жителями того села, изъ котораго онъ ушелъ; приказные старшины и сельскіе начальники обѣихъ мѣстностей платили такой же штрафъ; крестьянамъ, которымъ разрѣшалось переселеніе, должны были выдаваться отъ конторы особыя свидѣтельства и безъ нихъ, по однимъ мірскимъ приговорамъ, запрещалось впредь принимать переселенцевъ; крестьяне, объявившіе о такомъ переселенцѣ въ ихъ селѣ, избавлялись отъ штрафа и получали $\frac{1}{5}$ долю „опредѣленнаго за самовольный переходъ взысканія“*). Въ 1826 г. министръ опять повторилъ эти правила 1811 г., присоединивъ, что управляющіе конторами, въ вѣдомствѣ которыхъ открываются вновь самовольные переходы крестьянъ, будутъ отрѣшаемы отъ должности. Уже изъ необходимости подобнаго

*) Тамъ же, дѣла по части правителя канцеляріи по письмоводству, св. 8, № 195; 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, лл. 155—6 и 246; 1 отд., 2 ст., св. 17, № 737.

повторенія можно видѣть, какъ мало въ сущности способствовали эти правила устраненію изъ жизни того явленія, противъ котораго они были направлены. Бывали случаи, когда въ виду поздняго открытія факта самовольнаго переселенія самому удѣльному начальству приходилось мириться съ нимъ и признавать всѣ его послѣдствія. Такъ, напр., въ 1826 г. открыто было 8 душъ удѣльныхъ крестьянъ Тотемскаго уѣзда Вологодской губ., самовольно переселившихся на пустое мѣсто въ казенномъ черномъ лѣсу того же уѣзда, на берегу р. Пешмы. Къ нимъ не были, однако, примѣнены обычные мѣры, но въ виду того, „что отъ переселенія ихъ прошло болѣе 15 лѣтъ и что по столь давнему обзаведенію тамъ, они должны потерпѣть крайнее разореніе“ въ случаѣ возвращенія на старое мѣсто жительства, состоялось высочайшее повелѣніе „оставить ихъ на томъ мѣстѣ не въ примѣръ другимъ и надѣлать законною пропорціею земли изъ близъ лежащихъ къ селенію ихъ казенныхъ дачъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, на будущее время высочайшее повелѣніе грозило отдачею подъ судъ управляющимъ конторами, которые допустили бы самовольное переселеніе, и предписывало возвращать переселенцевъ на счетъ тѣхъ, „кто не удержитъ оныхъ или не донесетъ при самомъ началѣ“. Въ слѣдующемъ году департаментъ издалъ правила для разрѣшенія переселеній крестьянъ изъ одного селенія въ другое, въ основныхъ своихъ чертахъ, впрочемъ, повторявшія правила 1811 г. Но въ нихъ заключалось и одно новое ограниченіе переходовъ: крестьянамъ общаго Удѣла воспрещалось переходить въ удѣлъ покойной королевы Виртембергской, равно какъ не разрѣшалось крестьянамъ изъ приказовъ, обложенныхъ высшимъ окладомъ, переселяться въ другіе, состоящіе на низшемъ, при чемъ изъ-подъ дѣйствія этого правила исключались лишь такъ назыв. бобыли. Хозяйственная тенденція этихъ ограниченій не требуетъ особыхъ комментаріевъ. Распоряженіемъ отъ 30 сент. 1828 г. департаментъ „для прекращенія самовольныхъ переселеній, которыя нерѣдко въ удѣльныхъ имѣніяхъ случаются, не взирая на строгія воспрещенія“, еще усилилъ существовавшія уже мѣры взысканія, наложивъ штрафъ въ 10 р. за каждую душу м. п. на самихъ переселенцевъ и приказныхъ старшинъ и увеличивъ до 25 р. штрафъ съ сельскихъ начальниковъ, которые, сверхъ того, при обнаруженіи самовольныхъ переходовъ должны были подвергаться отрѣшенію отъ должностей и заключенію въ рабочемъ домѣ въ теченіе мѣсяца и болѣе, смотря по числу переселившихся крестьянъ. Въ 1830 г. это распоряженіе вслѣдствіе неисполненія его нѣкоторыми конторами было вновь подтверждено департаментомъ. Слова послѣдняго о нерѣдкости самовольныхъ переходовъ крестьянъ продолжали, впрочемъ, и теперь оставаться справедливыми. Ограничимся немногими примѣрами въ подтвержденіе сказаннаго. Вологодскій управляющій

въ 1828 г. доносилъ департаменту, что „нѣкоторые селенія, составляя между собою приговоры, дозволили по онымъ переселяться крестьянамъ изъ селенія въ селеніе или входить въ дома совсѣмъ безъ разсмотрѣнія начальствомъ и даже приказами“, а нѣкоторые приказы разрѣшали крестьянамъ переселенія по однимъ мірскимъ приговорамъ, не дожидаясь дозволенія отъ конторы. Въ предѣлахъ Пензенской конторы въ 1833 г. было открыто самовольное переселеніе 25 д. крестьянъ с. Михайловскаго въ Оренбургскую губернію. Когда производилась 8-я ревизія, департаментъ призналъ невозможнымъ преслѣдовать всѣхъ самовольно переселившихся крестьянъ и циркуляромъ 3 ноября 1833 г. предписалъ возвращать на старое мѣсто жительство только перешедшихъ послѣ указа 4 дек. 1826 г., а тѣхъ, которые перешли до него, оставить на занимаемыхъ ими мѣстахъ. Немного спустя, въ циркулярѣ 21 окт. 1835 г., департаментъ опять сознавался, что хотя приняты уже мѣры и „долженствовали бы предотвращать безпорядки, но по производству дѣлъ оказывается, что не смотря на всѣ таковыя мѣры, самовольныя переселенія нерѣдко встрѣчаются и нынѣ“. „Изыскывая причину подобныхъ поступковъ,—говорилось далѣе въ циркулярѣ—и дѣйствительнѣйшія къ упрежденію оныхъ средства, Департаментъ находитъ, что безпорядки сіи преимущественно происходятъ отъ послабленія, а иногда отъ злоупотребленія сельскихъ начальниковъ и приказныхъ старшинъ, которые, не страшась довольно умѣреннаго взысканія, налагаемаго на нихъ существующими нынѣ правилами, допускаютъ подобные случаи и, быть можетъ, извлекаютъ изъ оныхъ собственную выгоду“. Поэтому департаментъ, оставивъ въ силѣ наказанія денежнымъ штрафомъ и отдачей въ рабочій домъ или въ общественную работу для домохозяевъ, виновныхъ въ самовольномъ переходѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилъ наказанія для старшинъ *). Всѣ эти наказанія перешли и въ „Сводъ Удѣльныхъ Постановленій“ 1843 г. Такимъ образомъ, удѣльному управленію почти за все время своего существованія пришлось вести упорную борьбу противъ стремленія крестьянъ къ свободному передвиженію и прибѣгать ради отстаиванія своихъ хозяйственныхъ правъ къ все болѣе суровымъ репрессаліямъ.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о самовольныхъ переселеніяхъ крестьянъ въ практикѣ удѣльнаго управленія стоялъ другой вопросъ, привлекавшій къ себѣ не меньшее вниманіе и подвергавшійся не менѣе тщательной регламентаціи путемъ за-

*) Тамъ же, 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, лл. 490, 451, 518 и 664; № 529, л. 179; отчеты Вологодскаго управляющаго за 1826 г. и Пензенскаго за 1833 г. о прекращеніи безпорядковъ; 2 отд., 5 ст., св. 18, № 529, л. 581; № 530, л. 238.

кона и административныхъ распоряженій. Мы говоримъ о семейныхъ раздѣлахъ въ крестьянской средѣ. Уже „Учрежденіе“ 1797 г. предусмотрѣло этотъ вопросъ и установило въ немъ строгія правила. „Поселянамъ—говорилось въ § 193 „Учрежденія“—безъ позволенія не дѣлиться и при могущихъ быть на то ихъ желаніяхъ весьма наблюдать, чтобъ оныя прямо въ ихъ общественную пользу, а не къ пущей иногда въ хозяйствѣ разстройкѣ служили“. Для достиженія намѣченной такимъ образомъ цѣли разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ крестьянъ возлагалось на экспедиціи, которымъ предлагалось дозволять ихъ не иначе, „какъ по обстоятельному и вѣрному изслѣдованію и расчисленію въ разсужденіи земли и принадлежащихъ до хлѣбопашества и иного хозяйства орудій и скота“, а „ежели бы таковыя раздѣлы происходили по одной враждѣ въ семействѣ и служили во злоупотребленіе, то вовсе оныя запрещать“. Слѣдовательно, въ данномъ вопросѣ законодатель руководился исключительно хозяйственной точкой зрѣнія, устраняя всѣ иныя соображенія, и самая возможность раздѣловъ ставилась имъ въ зависимость только отъ имущественныхъ средствъ крестьянскаго хозяйства. Въ дальнѣйшемъ эта точка зрѣнія получила еще большую определенность. Первые дѣйствія экспедицій, на долю которыхъ выпало приложеніе правила „Учрежденія“ на практикѣ, вызвали неудовольствіе со стороны центральнаго управленія Удѣловъ. Департаментъ находилъ, что экспедиціи поступаютъ въ этомъ вопросѣ или слишкомъ небрежно, какъ Казанская, разрѣшая раздѣлы безъ наведенія точныхъ справокъ, или неправильно, какъ Петербургская, собирая справки о семьѣ, въ которой только два работника и которой безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ „должно было совершенно запретить дѣлиться“, и вообще слишкомъ легко дозволяютъ раздѣлы крестьянскихъ семей. Въ виду этого департаментъ 11 іюля 1799 г. предписалъ всѣмъ экспедиціямъ, чтобы онѣ „всевозможныя употребляли старанія избѣгать раздѣловъ крестьянскихъ, а если оныя необходимо иногда по силѣ Высочайшаго Учрежденія позволить должно будетъ, то дѣлали бы оное не иначе, какъ съ обязательствомъ отъ приказа, что въ случай какого-либо упадка въ имуществѣ крестьянскомъ, тотъ приказъ съ миромъ, который удостовѣритъ о нужномъ раздѣлѣ, во всѣхъ убыткахъ отвѣтствовать долженъ“. Для предупрежденія же поводовъ къ раздѣламъ приказы должны были „имѣть точнѣйшее наблюденіе въ повиновеніи семействъ ихъ хозяевамъ“ *). Помимо того, что въ число необходимыхъ для раздѣла условій этимъ распоряженіемъ департамента, вполнѣ, впрочемъ, послѣдовательно, вводилась и наличность известной рабочей силы въ дѣлившейся семьѣ, раздѣлъ становился теперь

*) Тамъ же, дѣла правителя канцеляріи по письменоводству, св. 8, № 206.

возможнымъ лишь подъ условіемъ принятія на себя крестьянскимъ обществомъ всего риска въ случаѣ неудачи его въ хозяйственномъ отношеніи. Съ этой поры разрѣшительные мірскіе приговоры необходимо уже требовались для семейнаго раздѣла, хотя за недостаткомъ свѣдѣній мы не можемъ рѣшительно сказать, имѣло ли условіе объ отвѣтственности міра и въ послѣдствіи серьезное значеніе или оно съ теченіемъ времени обратилось въ одну форму. Зато на основаніи сохранившихся свѣдѣній можно съ увѣренностью сказать, что въ это время въ крестьянской средѣ имѣли широкое распространеніе такъ назыв. „самовольные раздѣлы“, совершавшіеся безъ всякаго разрѣшенія со стороны начальства. Ревизоръ Нѣмчиновъ, посѣтившій въ 1803 г. Вятскую губернію, говорилъ о такихъ раздѣлахъ, какъ объ обычномъ явленіи. Доносили объ нихъ повременамъ департаменту и мѣстные начальники, чаще всего выступавшіе горячими противниками раздѣловъ и сторонниками большихъ семей.

Такъ, напримѣръ, управляющій Псковскою конторой, сообщая въ 1809 г. о нѣсколькихъ случаяхъ самовольныхъ раздѣловъ крестьянскихъ семействъ, писалъ: „я знаю по опыту, сколько раздѣленіе для крестьянъ и въ избыточномъ даже ихъ при раздѣленіи состояніи вредно и какъ раздѣленіе такое нечувствительно доводитъ ихъ до нищеты, ибо раздѣлившіеся лишаются важнѣйшаго, числа работниковъ, на чемъ утверждается благосостояніе ихъ домовъ; испыталъ также я и то, что причины раздѣла ихъ такъ маловажны, что болѣе взысканія, нежели какого либо уваженія, заслуживаютъ“. По словамъ его, иногда въ основѣ просьбы крестьянъ о раздѣлѣ лежали ссоры дѣтей различныхъ жившихъ вмѣстѣ семействъ; „достоверно—прибавлялъ онъ—также и то, что нѣкоторые изъ крестьянъ раздѣляются для избѣжанія рекрутства“. Но болѣе интересны, чѣмъ объясненія Псковскимъ управляющимъ семейныхъ раздѣловъ,—объясненія, слишкомъ поверхностныя,—мѣры, какія онъ принималъ противъ даннаго явленія и общій результатъ этихъ мѣръ. Стремясь противодѣйствовать дробленію крестьянскихъ семей, управляющій предписалъ приказамъ своей конторы вмѣстѣ съ представленіями о желающихъ раздѣлиться семействахъ доставлять свѣдѣнія объ ихъ составѣ, имуществѣ, земельномъ надѣлѣ, занятяхъ и промыслахъ и о причинахъ, заставляющихъ ихъ просить раздѣла. При этомъ приказамъ предлагалось „взять себѣ одинъ разъ навсегда въ замѣчаніе то, что раздѣленные семейства рѣдко живутъ въ благополучіи и довольствѣ, ибо въ крестьянскомъ быту домъ тогда можетъ быть изобилень, когда есть въ немъ довольно работниковъ и когда управляющій хозяйствомъ или начальникъ дома знаетъ хозяйство, трезвъ, трудолюбивъ и всѣхъ, его семейство составляющихъ, къ тому же побуждаетъ; при недостаткѣ же работниковъ, сколько бы хозяинъ одинъ ни трудился, всего однако-

же одними руками не успѣть сдѣлать и оттого большею частію таковыя живутъ въ нищетѣ, бывъ почти бесполезны Государю, себѣ и въ тягость обществу“. Приказы обязывались внушать эти наставленія крестьянамъ, всячески удерживать ихъ увѣщаніями отъ раздѣловъ и лишь въ случаѣ полнаго неуспѣха такихъ увѣщаній доводить просьбу о раздѣлѣ до конторы. Самъ управляющій, какъ сообщалъ онъ тутъ же, въ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣла просили непокорные отцу сыновья, прибѣгалъ къ тѣлесному наказанію послѣднихъ, „по волѣ отца и согласію мірскому“. Но при всемъ томъ среди крестьянъ, по его словамъ, „оказываются такіе, которые, не взирая на предписанія и распоряженія начальства, о ихъ же пользѣ пекущагося, раздѣляются самовольно, не спросясь даже и деревенскаго выборнаго“. Такіе поступки управляющій всецѣло относилъ на счетъ „закоренѣлаго въ крестьянахъ упрямства и мыслей, что они собою и своею собственностію располагать могутъ, какъ хотятъ“, почему онъ и предлагалъ департаменту прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Послѣдній, дѣйствительно, въ своемъ предписаніи отъ 22 іюня 1809 г. приказалъ вновь соединить самовольно раздѣлившіяся крестьянскія семейства и оповѣстить объ этомъ крестьянъ, съ предупрежденіемъ, что на будущее время такіе ослушники предписаній не только подвергнутся насильственному соединенію, но и будутъ „строжайше наказаны“; желающіе же раздѣлиться должны запастись дозволяющимъ раздѣлъ мірскимъ приговоромъ и представить его конторѣ, которая, наведя справки, передастъ дѣло на разрѣшеніе министра *). Это предписаніе далеко не прекратило однако самовольныхъ раздѣловъ, и крестьяне проявляли иногда такую твердость въ отстаиваніи того, что они считали своимъ правомъ, что удѣльному управленію приходилось либо отступать передъ этою твердостью, либо прибѣгать къ новымъ средствамъ, чтобы сломить ее. Приведемъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ въ видѣ примѣра. Въ 1811 г. Симбирская контора сообщила департаменту, что въ дер. Селищахъ два крестьянина, братья Алексѣевы, жившіе вмѣстѣ и имѣющіе въ своихъ семьяхъ только двѣ души мужского пола, „по несогласію женъ ихъ раздѣлились самовольно на два разныя дома“, не отбывъ еще рекрутской повинности, хотя очередь доходить до двойниковъ; въ виду послѣдняго обстоятельства контора признала ихъ раздѣлъ незаконнымъ, хотя имущества у нихъ было достаточно на двѣ семьи, и предписала приказу соединить опять Алексѣевыхъ въ одно семейство, но они отказались повиноваться такому распоряженію. Департаментъ, усмотрѣвъ въ этомъ случаѣ „худой надзоръ за крестьянами самого приказа“, рѣшилъ оштрафовать голову и засѣдателей каждаго 5 рублями, Алексѣевыхъ же оставить въ раздѣлѣ, но счи-

*) Тамъ же, св. 8, № 195; 2 отд., 1 ст., св. 10, № 322.

тать ихъ за одно семейство и взять съ обоихъ братьевъ по 10 р. штрафу *).

Съ 1809 года, какъ мы уже видѣли, окончательное разрѣшеніе раздѣловъ принадлежало центральному управленію, къ которому конторы лишь обращались со своими представленіями. Такъ какъ масса этихъ представленій обременяла департаментъ, то рѣшено было выработать болѣе точныя правила для разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ и такія правила были, наконецъ, обнародованы 10 августа 1827 г. Согласно имъ, крестьянинъ, желавшій раздѣлить свою семью, долженъ былъ, заявивъ объ этомъ мірскому обществу, вмѣстѣ съ тѣмъ представить въ приказъ письменныя свѣдѣнія о составѣ своего семейства, количествѣ владѣемой имъ земли, описъ хозяйственныхъ построекъ, хозяйственнаго инвентаря и движимаго имущества, равно какъ свои предположенія о раздѣлѣ всего этого. Приказъ, провѣривъ эти свѣдѣнія и „лично удостовѣривъ въ возможности раздѣла, которая опредѣляется тѣмъ, чтобы въ главномъ и во вновь отдѣлившемся отъ него домѣ находилось, по крайней мѣрѣ, по 2 здоровыхъ и трудолюбивыхъ работника, не моложе 18 и не старѣе 60 лѣтъ, и чтобы отдѣлившееся семейство надѣлено было всѣмъ нужнымъ къ заведенію особаго хозяйства“, долженъ былъ отобрать приговоръ у мірскаго общества и представить его въ контору. Контора же, если находила раздѣлъ возможнымъ, предлагала его на утверженіе департамента, а въ противномъ случаѣ сама отказывала просителямъ. При этомъ отдѣлившіеся крестьяне вплоть до новой ревизіи должны были числиться состоящими въ прежнемъ семействѣ. Но и эти правила не удовлетворяли департаментъ, опасавшійся, что они поведутъ къ умноженію раздѣловъ, къ путаницѣ въ отбываніи рекрутской повинности и къ ослабленію малолюдныхъ семействъ путемъ отдачи изъ нихъ работниковъ въ рекруты. Поэтому онъ въ 1829 г. предложилъ на обсужденіе управляющихъ такой вопросъ: не будетъ ли полезнѣе дозволить раздѣлы только такимъ семьямъ, которыя въ теченіе ревизіи отбыли уже рекрутскую очередь и состоятъ еще изъ 8 душъ мужского пола, въ томъ числѣ 4 работниковъ, или лучше опредѣлить для раздѣловъ какой-нибудь одинъ срокъ, напр., время ревизіи, съ тѣмъ, чтобы семейства въ указанномъ составѣ могли въ эту пору заявлять о своемъ желаніи раздѣлиться и вносились бы въ ревизскія сказки порознь, тогда какъ во всякое другое время раздѣлы рѣшительно бы запрещались. Громадное большинство управляющихъ высказалось за первый изъ двухъ предложенныхъ способовъ, находя второй слишкомъ стѣснительнымъ для крестьянъ, особенно въ виду отсутствія опредѣленныхъ сроковъ для ревизіи. При этомъ только одинъ Тверской управляющій находилъ предлагаемую норму

*) Тамъ же, св. 10, № 323.

душъ въ семействѣ, которому дозволялся бы раздѣлъ, слишкомъ высокой и предлагалъ понизить ее, такъ какъ „таковыхъ большихъ семействъ по тверскому мѣнью весьма немного“. Остальные или соглашались съ этой нормой, или же совѣтовали еще возвысить ее, дозволяя раздѣлъ только такимъ семействамъ, въ которыхъ имѣется 6 работниковъ, какъ Казанскій управляющій, или такимъ, въ которыхъ, кромѣ 4 работниковъ, есть подростки 14—17 лѣтъ; иные предлагали считать возрастъ работника не до 60, а до 50 лѣтъ. Правда, за рѣдкими исключеніями, управляющіе рассматривали раздѣлы крестьянскихъ семей, какъ зло, противъ котораго необходимо принимать самыя рѣшительныя мѣры; только Орловскій управляющій предлагалъ допустить болѣе свободную практику раздѣловъ, да управляющій Вологодской конторой защищалъ ихъ пользѣ тѣмъ соображеніемъ, что работы въ большихъ семьяхъ отбываются лѣнивѣе, и что изъ этихъ семей, „имѣя съ набыткомъ работниковъ, отпускаютъ для разныхъ работъ и услугъ въ столицы и прочіе города по паспортамъ, которые, привыкая къ легкимъ по своему произволу работамъ, по возвращеніи въ дома свои дѣлаются неспособными къ земледѣльству и, наконецъ, съ испорченною нравственностью, чѣмъ заражаютъ и другихъ своихъ товарищей“. Противоположное мѣнью наиболѣе рѣзко выразилось въ отзывѣхъ Нижегородскаго, Петербургскаго и Московскаго управляющихъ. „Раздѣлъ семействъ на разные дома,—писалъ первый,—какъ причина, нерѣдко сопослѣдуемая упадкомъ котораго-либо изъ домовъ новыхъ, долженъ быть рѣшительно воспрещенъ“. „Допускъ раздѣловъ крестьянъ — читаемъ мы въ мѣнью второго—есть допускъ къ ихъ разоренію“. Различная оцѣнка послѣдствій раздѣловъ не мѣшала управляющимъ довольно сходно, хотя и въ различномъ тонѣ, опредѣлять причины, порождавшія частые раздѣлы. „Ссора бабъ, развратное поведеніе нѣкоторыхъ въ семействѣ или желаніе избѣжанія рекрутства суть по большей части главныя причины раздѣла“,—писалъ Петербургскій управляющій. Въ донесеніи Орловской конторы, написанномъ болѣе спокойно и мягко, къ этимъ причинамъ присоединялось еще, что раздѣлъ нерѣдко вызывается смертью старшаго въ семьѣ и споромъ оставшихся членовъ за старшинство, а сверхъ того и „желаніе каждаго пользоваться независимо отъ другого своею обязанностию трудиться и приобрѣтать для своего семейства, иногда же избавиться отъ лѣниваго и порочнаго сына, нина служить также поводомъ къ раздѣламъ“. Большинство управляющихъ соглашалось въ томъ, что раздѣлы, помимо желанія избавиться отъ рекрутчины, чаще всего порождались семейными ссорами, особенно между женщинами, стремленіемъ отдѣльныхъ членовъ семьи къ самостоятельности, ихъ пороками и, наконецъ, тѣсною дворомъ для размножившейся семьи. Всѣ эти причины въ связи съ рѣдкимъ разрѣшеніемъ раздѣловъ вызывали появленіе раздѣ-

ловъ самовольныхъ, опять-таки засвидѣтельствованное многими изъ управляющихъ. „Не смотря на строгія запрещенія, — говорилось, напр., въ донесеніи Пензенскаго управляющаго, — раздѣлились многіе крестьяне и, числясь въ одномъ семействѣ, давно уже самовольно живутъ въ раздѣлѣ“. Въ виду этого факта онъ признавалъ необходимымъ установить наказанія какъ для крестьянъ, самовольно прибѣгающихъ къ раздѣлу, такъ и для допускающихъ это сельскихъ властей. Московскій же управляющій предлагалъ за самовольные раздѣлы карать отдачей въ рекруты, а неспособныхъ къ военной службѣ тѣлеснымъ наказаніемъ; раздѣлившіеся ранѣ семьи онъ совѣтовалъ соединить насильственно, а къ тѣмъ, кто сталъ бы противиться такому соединенію, примѣнять тѣ же кары *).

Департаментъ не пошелъ однако же въ данномъ случаѣ по пути репрессалій такъ далеко. Еще 26 января 1827 г. состоялось распоряженіе, въ случаѣ обнаруженія самовольныхъ раздѣловъ, наряжать виновниковъ ихъ въ общественныя работы и брать съ нихъ штрафъ въ размѣрѣ 10 руб. съ каждой души мужского пола, подобно тому, какъ карались самовольныя переселенія, а раздѣлившіеся было семьи вновь соединять. Приказнымъ и сельскимъ властямъ за допущеніе раздѣловъ угрожали тѣ же наказанія, что и за допущеніе самовольныхъ переселеній. Во время восьмой ревизіи циркуляромъ 3 ноября 1833 г. было приказано семейства, раздѣлившіеся до этого предписанія 26 января 1827 г., оставить въ раздѣлѣ, равно какъ оставить на мѣстѣ семьи, раздѣлившіеся послѣ 1827 г., но имѣющія не менѣе двухъ работниковъ, крестьянъ, перешедшихъ въ семью, гдѣ нѣтъ другого работника, и наконецъ, всѣхъ пріемышей. Новое осложненіе въ допущеніе раздѣловъ было внесено изданіемъ въ 1831 г. рекрутскаго устава, § 110 котораго разрѣшалъ раздѣлъ семей только въ томъ случаѣ, если въ каждой изъ нихъ послѣ того будетъ не менѣе трехъ работниковъ въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ, при чемъ это правило, первоначально не воѣми конторами соблюдавшееся, было подтверждено циркуляромъ 27 февраля 1835 г. Другой циркуляръ, изданный 21 октября того же года, устанавливалъ за самовольный раздѣлъ крестьянъ, соединенный съ переселеніемъ, двойной штрафъ съ крестьянъ и старшинъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однако, удѣльное управленіе скоро нашло нужнымъ сдѣлать нѣкоторую уступку крестьянамъ и хотя немного ослабить регламентацію ихъ семейной жизни. Въ 1842 г. департаментъ, по представленію Вятской конторы, разрѣшилъ многолюднымъ крестьянскимъ семьямъ помѣщаться въ двухъ избахъ на одномъ дворѣ „съ тѣмъ только условіемъ, чтобы размѣстившееся такимъ образомъ семейство состояло по-прежнему подъ однимъ номеромъ по ревизскимъ

*) Тамъ же, 1 отд., 2 ст., св. 18, № 786 и 787.

сказкамъ и считалось за одно для отправления рекрутской и прочихъ повинностей; ибо цѣль запрещенія раздѣловъ состоитъ не въ томъ только, чтобы крестьяне не могли чрезъ это избѣгнуть рекрутской повинности, но и въ томъ, чтобы не уменьшить рабочихъ силъ въ крестьянскихъ семействахъ“. Это распоряженіе было подтверждено общимъ циркуляромъ департамента 15 апрѣля 1858 г., при чемъ однако для такого расселенія семей въ разные дома требовалось согласіе крестьянскаго общества, закрѣпленное мѣрскимъ приговоромъ *).

Такимъ образомъ удѣльное управленіе прилагало немалыя усилія къ задержанію процесса дробленія крестьянскихъ семействъ, но нельзя сказать, чтобы эти усилія увѣнчивались полнымъ успѣхомъ, хотя они и не оставались, конечно, вполне безрезультатными. Основною причиною направленія заботъ удѣльной администраціи въ данную сторону былъ взглядъ на семейные раздѣлы, какъ на явленіе, приносящее вредъ хозяйству крестьянъ или, точнѣе говоря, помѣщичьимъ интересамъ Удѣла. Та же хозяйственная точка зрѣнія породила и нѣкоторыя другія ограниченія въ личныхъ правахъ удѣльныхъ крестьянъ. То обстоятельство, что департаменту приходилось разбирать споры между крестьянами, подряженными на работы въ Петербургъ и его окрестности, и нанимателями, вызвало въ 1823 г. распоряженіе, согласно которому нанимавшіеся на подобныя работы крестьяне, не ограничиваясь словесными договорами съ подрядчиками, должны были чрезъ избраннаго изъ своей среды доводить о заключенныхъ ими условіяхъ до свѣдѣнія департамента, окончательно утверждавшаго ихъ. Это распоряженіе было повторено впоследствии и въ „Сводѣ Удѣльныхъ Постановленій“ **). Къ отхожимъ промысламъ крестьянъ удѣльная администрація вообще относилась несочувственно, видя въ нихъ источникъ обѣднѣнія деревенскаго населенія и распространенія среди него заразительныхъ болѣзней. Особеннымъ несочувствіемъ ея въ этомъ отношеніи пользовались работы на судахъ, привлекавшія къ себѣ большое количество крестьянъ изъ приволжскихъ и приокскихъ имѣній. Въ 1840 г. департаментъ, „имѣя въ виду, что сей промыселъ, отвлекая крестьянъ отъ домашняго хозяйства, не приноситъ имъ существенныхъ выгодъ и они, какъ извѣстно, возвращаются въ свои дома съ разными заразительными болѣзнями и безъ денегъ“, предписалъ управляющимъ Симбирской, Алатырской, Сызранской, Нижегородской и Костромской конторъ „изыскать способы, какіе по мѣстности представиться могутъ, для

*) Сводъ Уд. Пост., ч. III., ст. 70 и 71; Арх. Гл. Упр. Уд., 2 отд., 5 ст., св. 18, № 529, л. 581; № 530, л. 155; Сводъ Уд. Пост., ч. III, ст. 72; архивъ Гл. Упр. Уд., 2 отд., 5 ст., св. 19, № 532, л. 298; св. 54, № 2245, л. 24.

**) Тамъ же, 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, л. 372; Сводъ Уд. Пост., ч. I, ст. 402.

отклоненія крестьянъ отъ сихъ вредныхъ занятій, стараясь при томъ всѣми мѣрами обратить ихъ къ хлѣбопашеству“. Черезъ два года департаментъ уже прямо запретилъ отпускать въ работы на суда крестьянъ-одиночекъ, а изъ многолюдныхъ семействъ разрѣшилъ отпускать только „по точномъ удостовѣреніи, что въ отсутствіе крестьянъ земельные участки ихъ будутъ надлежащимъ образомъ воздѣланы и хозяйство не придетъ въ упадокъ“; при этомъ на обязанность управляющихъ по-прежнему возлагалось присканіе для крестьянъ выгодныхъ работъ на мѣстѣ ихъ жительства, которыя могли бы сдѣлать для нихъ ненужными далекія отлучки въ поискахъ за заработкомъ. Нѣкоторыя занятія по торговлѣ также были воспрещены, и при томъ уже безусловно, удѣльнымъ крестьянамъ. Такъ, департаментъ, „находя, что занятія крестьянъ должностями сидѣльцевъ въ питейныхъ домахъ и выставкахъ служатъ вообще ко вреду ихъ нравственности, тогда какъ и безъ сихъ занятій довольно имѣется предметовъ промышленности, которые могутъ безъ всякаго вреда способствовать ихъ выгодамъ“, рѣшилъ 30 сентября 1844 г. запретить крестьянамъ, подъ страхомъ наказанія, занимать названныя должности. На первыхъ порахъ, однако, распоряженіе это не вездѣ исполнялось, удѣльные крестьяне мѣстами продолжали служить по откупамъ, и департаменту приходилось нести немалыя издержки при командировкѣ чиновниковъ для разбора возникшихъ изъ этой службы тяжбебъ. Поэтому 3 ноября 1853 г. департаментъ повторилъ свое запрещеніе, а 3 августа слѣдующаго года предписалъ на выдаваемыхъ крестьянамъ для отлучки паспортахъ дѣлать надписи, что имъ запрещается вступать въ должности сидѣльцевъ по питейнымъ домамъ и выставкамъ *).

Помимо такихъ ограниченій, дожившихся одинаково на всю массу удѣльнаго крестьянства, повременамъ создавались и частныя ограниченія, касавшіяся какой-либо одной мѣстности или отдѣльной группы крестьянъ. Такъ, въ 1839 г. состоялось на имя министра Двора высочайшее повелѣніе, воспретившее крестьянкамъ дворцовыхъ имѣній Петербургской и Московской губерній поступать въ кормилицы Воспитательнаго Дома и брать оттуда дѣтей на выкормленіе, такъ какъ до свѣдѣнія государя дошло, что то и другое практикуется очень часто, при чемъ „собственныя ихъ дѣти остаются совершенно безъ призора и гибнуть въ значительномъ числѣ“, и онъ нашелъ „такое обыкновеніе, на корыстныхъ видахъ основанное, противнымъ нравственности и гласу самой природы“. Особое положеніе въ рядахъ удѣльнаго крестьянства заняли еще съ заведеніемъ въ 1839 г. такъ называемыхъ образцовыхъ усадебъ хозяева послѣднихъ, частью снабжен-

*) Архивъ Гл. Упр. Уд., 2 отд., 5 ст., св. 19, № 531, л. 454—5; № 532, л. 338; св. 52, № 2230, лл. 5, 60 и 67.

ные привилегіями, частью же болѣе стѣсненныя въ своихъ правахъ сравнительно съ остальными крестьянами. Они освобождались отъ рекрутской повинности и на два года получали льготу въ уплатѣ казенныхъ податей, земскихъ повинностей и удѣльнаго оброка. За то имъ запрещалось жениться безъ дозволенія начальства; управляющій конторой черезъ посредство приказныхъ головъ прискивалъ для нихъ невѣсть, а разрѣшеніе на бракъ они должны были испрашивать отъ товарища министра. Имъ предписывалось даже носить опредѣленную одежду, „имѣть пищу всегда вкусную и столъ сытную, сколько позволятъ собственныя ихъ средства“, воспрещалось пить вино и приказывалось заводить самоваръ и чашки „не прежде, какъ по надлежащему устройствѣ всего хозяйства и когда будутъ получать медъ отъ собственныхъ пчелъ“; словомъ, вся ихъ личная жизнь подчинялась сложной и вмѣстѣ съ тѣмъ порою довольно наивной регламентаціи *).

Вообще же, хотя личныя отношенія удѣльныхъ крестьянъ подчинялись регламентаціи, исходившей изъ началъ частнаго помѣщичьяго права, и крестьянскія права подвергались при этомъ немалымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, все же размѣръ этихъ ограниченій въ теоріи никогда не доходилъ до уровня того безправія, въ которомъ находились по закону и на практикѣ крестьяне помѣщичьи. Удѣльное управленіе, возвышая цифру выкупа до размѣровъ, сдѣлавшихъ почти невозможнымъ самый выкупъ, распоряжаясь личностью крестьянина, передвигая его съ мѣста на мѣсто и подвергая наказаніямъ, все же не могло, слѣдуя закону, видѣть въ этой личности только собственность владѣльца имѣнія и должно было признавать за нею нѣкоторыя права, хотя осуществленіе ихъ и было обставлено стѣснительными для крестьянъ правилами.

Подобнымъ же образомъ складывались отношенія и въ сферѣ имущественныхъ правъ удѣльныхъ крестьянъ. Остановимся сперва на тѣхъ постановленіяхъ, которыми опредѣлялись права крестьянъ по приобрѣтенію недвижимыхъ имуществъ. Именнымъ указомъ 21 марта 1800 г., послѣдовавшимъ по представленію департамента, удѣльнымъ крестьянамъ было позволено покупать земли у частныхъ владѣльцевъ, съ тѣмъ только, чтобы купчія совершались на имя департамента и купленные земли приписывались къ тому селенію, въ которомъ считался покущикъ; пользоваться такою землею могъ только покущикъ ея, и это постановленіе закона создавало серьезное различіе между удѣльными крестьянами и помѣщичьими, право собственности которыхъ по отношенію къ купленнымъ ими на имя помѣщика землямъ ни-

*) Тамъ же, св. 19, № 531, л. 154; Сводъ Уд. Пост., ч. III, ст. 510—511, 526—7, 531.

чѣмъ не было ограждено. Вслѣдъ за изданіемъ этого указа были составлены для удѣльныхъ крестьянъ особыя формы купчихъ, которыя и были разосланы отъ Сената гражданскимъ палатамъ, а отъ департамента удѣльнымъ экспедиціямъ, при чемъ послѣднимъ предписывалось, при заявленіи кѣмъ-либо изъ крестьянъ желанія купить землю, наводить справки, свободна ли она отъ другихъ обязательствъ и нѣтъ ли препятствій къ ея покупке, а затѣмъ передавать дѣло на разрѣшеніе департамента. Въ 1808 г. одинъ частный случай почалъ поводить къ дальнѣйшей регламентаціи покупки крестьянами земель. Помѣщикъ Смоленской губерніи Львовъ продалъ двумъ удѣльнымъ крестьянамъ 80 десятинъ земли за 1200 р. и взялъ съ нихъ деньги впередъ, обязавшись совершить купчую въ условный срокъ, но когда по истеченіи этого срока покупщикъ явился въ мѣстную палату гражданского суда, она отказала имъ въ совершеніи купчей на имѣніе Львова, какъ находящееся подъ задержаніемъ. Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ на будущее вр. мѣ министромъ Удѣловъ составлены были особыя правила для покупки крестьянами земли, разосланныя управляющимъ 15 декабря 1808 г.

Согласно этимъ правиламъ, крестьяне, желавшіе купить землю у частныхъ владѣльцевъ, должны были ограждаться заявленіемъ объ этомъ приказу, не заключая никакого предварительнаго письменнаго условія съ продавцомъ и не давая ему задатка. Приказъ, по полученіи такого заявленія, записавъ его у себя, передавалъ въ контору, управляющей которою долженъ былъ, лично справясь на мѣстѣ объ условіяхъ покупки и собравъ свидѣнія въ присутственныхъ мѣстахъ, нѣтъ ли препятствій къ продажѣ данной земли, представить дѣло въ департаментъ, а по полученіи разрѣшенія на покупку отъ министра сообщить его въ то присутственное мѣсто, которое должно совершить купчую. По выдачѣ послѣдней съ нея снимались двѣ копіи, изъ которыхъ одна хранилась въ конторѣ, а другая въ приказѣ, и купленная земля записывалась въ описную книгу удѣльныхъ имѣній во владѣніи покупщика, подлинная же купчая пересылалась министру и затѣмъ при особомъ свидѣтельствѣ возвращалась покупщику. При объявленіи этихъ правилъ удѣльнымъ крестьянамъ министръ предписывалъ вмѣстѣ объявить имъ, что начальство „не оставитъ тѣмъ отдать особой признательности, кои отъ собственныхъ трудовъ избытки свои употребятъ на пріобрѣтеніе себѣ покупкою земель въ наилучшее усовершенствованіе хозяйства и что не только похвальной ихъ благонамѣренности, служащей къ возбужденію и въ другихъ сообшатаеляхъ, отдана будетъ должная справедливость, но и въ вѣщее подтвержденіе права ими пріобрѣтенной покупкою земель собственности на непоколебимое и вѣчное оными потомственное владѣніе даваемо будетъ особенное свидѣтельство“. Указанныя правила, не нарушая правъ собственности крестьянъ,

должны были,—какъ предписывалось управляющимъ внушать крестьянамъ,—единственно облегчить крестьянамъ покупку земли и обезпечить ихъ отъ обмановъ, возможныхъ благодаря незнанію ими законныхъ порядковъ. Время отъ времени, впрочемъ, и въ слѣдствіи департаменту приходилось настаивать на необходимости точныхъ справокъ о продаваемой землѣ до совершенія акта покупки. Такъ, въ 1827 году онъ обращалъ вниманіе управляющихъ на то, что иногда послѣ совершенія купчихъ возникаютъ споры о купленной крестьянами землѣ, и требовалъ, чтобы конторы собирали болѣе полныя предварительныя справки. Въ томъ же 1827 году общее присутствіе департамента рѣшило на будущее время купчія на приобретаемыя крестьянами земли не возвращать покупателямъ, а хранить въ казначействѣ департамента, такъ какъ онѣ совершаются на имя послѣдняго, покупателямъ же, въ виду выдаваемыхъ имъ особыхъ свидѣтельствъ, онѣ совершенно не нужны. Въ виду этой долгой процедуры, какая устанавливалась указанными правилами для покупки земель, крестьяне нерѣдко обходили ихъ и приобретали землю безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія со стороны начальства; усматривая въ этомъ проступокъ, подлежащій наказанію, департаментъ 11 апрѣля 1828 года установилъ для такихъ „самовольныхъ покупателей“ штрафъ въ размѣрѣ десяти процентовъ съ покупной суммы. Кромѣ того, министръ двора вошелъ съ представленіемъ въ Сенатъ, указывая, что уѣздные суды нерѣдко заключаютъ купчія на имя самихъ удѣльныхъ крестьянъ, благодаря чему „земли, купленные ими, теряются изъ собственности и даже изъ виду Департамента Удѣловъ“, и Сенатъ 28 мая 1828 г. рѣшилъ предписать воѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ совершать купчія на землю для удѣльныхъ крестьянъ только съ разрѣшенія ихъ начальства и на имя департамента. Однако приобретаемая такимъ путемъ земли продолжали считаться собственностью покупателейъ и при введеніи въ удѣльныхъ имѣніяхъ поземельнаго сбора состоялось, 13 іюля 1831 г., специальное распоряженіе департамента не вводить купленной крестьянами земли въ число участковъ по этому сбору и не полагать за нее никакого оброка. Помимо земли въ деревняхъ, удѣльные крестьяне могли приобретать недвижимую собственность и въ городахъ: именно, высочайше утвержденнымъ 23 ноября 1827 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта имъ предоставлено было, наравнѣ съ казенными крестьянами, право приобретать на свое имя покупкою и строить дома въ городахъ, кромѣ столицъ, подъ условіемъ исправлять общія городскія и общественныя повинности и отбывать натуральныя полицейскія повинности, но безъ права участія въ городской службѣ по выборамъ *).

*) Архивъ Гл. Упр. Уд., 2 отд., 5 ст., св. 19, № 528, лл. 46, 144, 458, 540, 594 и 612; № 529, л. 323; № 528, л. 543.

Кромѣ этой недвижимой собственности и движимаго имущества, вполне свободно приобретававшегося крестьянами, въ ихъ владѣнїи, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, могли, повидимому, находиться и люди, въ лицѣ приобретаемыхъ покупкою отъ помѣщиковъ крѣпостныхъ. 2 августа 1798 г. Московская экспедиція сообщала департаменту, „что многіе крестьяне удѣльнаго имѣнїя, приходя въ присутствїе, просили словесно, чтобы было имъ позволено покупать у помѣщиковъ людей безъ земли для своихъ работъ и приписывать ихъ въ подушный окладъ къ тѣмъ селенїямъ и дворамъ, изъ которыхъ будутъ ихъ покупщики.“ Экспедиція нашла, что „удѣльному имѣнїю, какъ вообще, такъ и частно, можетъ произойти отъ позволенїя пользоваться симъ правомъ ощутительная прибыль“, и рѣшила „Департаменту Удѣловъ представить, не благоволятъ-ли въ удовлетворенїе просьбы крестьянъ и пользы, могущей отъ того послѣдовать, сдѣлать позволенїе экспедиціи для удѣльныхъ крестьянъ на ихъ деньги покупать отъ своего имени помѣщичьихъ людей безъ земли законнымъ порядкомъ“. Намъ неизвѣстно, впрочемъ, была-ли эта несовѣтъ законная, но и не особенно оригинальная по нравамъ XVIII вѣка, просьба удовлетворена департаментомъ, равно какъ не можемъ мы, за недостаткомъ данныхъ по этому вопросу въ извѣстныхъ намъ источникахъ, сказать и того, совершались-ли позже удѣльными крестьянами подобныя покупки крѣпостныхъ для обращенїя ихъ въ своихъ домашнихъ работниковъ. Законъ, во всякомъ случаѣ, не дозволялъ подобныхъ сдѣлокъ *).

Обращаясь теперь къ правамъ удѣльныхъ крестьянъ по распоряженїю своимъ имуществомъ, мы остановимся прежде всего на возможности отчужденїя недвижимаго имущества, какъ она опредѣлялась для нихъ законодательными актами и хозяйственными распоряженїями департамента. Первоначально послѣднїй и въ этой области крестьянской жизни немаловажное мѣсто отводилъ сельскому міру. Когда въ 1800 г. Костромская экспедиція представила департаменту, что одинъ изъ крестьянъ „по нерачителности къ хозяйству безъ дозволенїя приказа продалъ лучшее свое строенїе и остался при ветхомъ“ и испрашивала „повелѣнїя о запрещенїи крестьянамъ продажи строенїй своихъ, а особливо въ постороннїя руки“, департаментъ предписалъ ей отъ себя объявить по приказамъ, „чтобы крестьяне отнюдь въ постороннїя руки не осмѣливались продавать домовъ своихъ; если же которымъ необходимость будетъ продать, хотя и одного селенїя крестьянамъ, то и тутъ должно быть крестьянскаго міра на то согласїе **“ И позднѣе за крестьянами признавалось право

*) Тамъ же, дѣла по части правителя канцелярїи по письмоводству, св. 9 № 287.

***) Тамъ же, св. 8, № 200, л. 4.

продажи дворовъ или, точнѣе, дворовыхъ построекъ удѣльнымъ же крестьянамъ, но уже не съ согласія міра, а „съ вѣдома мѣстнаго начальства“, при чемъ строго запрещалось, однако, „дѣлать продажу и уступку дворовыхъ мѣстъ и усадебъ, составляющихъ собственность удѣла и не принадлежащихъ лично крестьянамъ“; покупщикъ дома могъ, по принятымъ правиламъ, только пользоваться усадебнымъ мѣстомъ, но не распоряжаться имъ, какъ своею собственностью *). Среди самого крестьянства былъ широко распространенъ взглядъ на обрабатываемую имъ землю, какъ на полную его собственность. Въ 1803 г. ревизоръ Нѣмчиновъ писалъ о крестьянахъ Яранскаго округа Вятской экспедиціи, что они „покупаютъ, продаютъ и закладываютъ земли своихъ тягольныхъ участковъ безъ всякаго позволенія отъ начальства, равно какъ и на покупку земель и другого недвижимаго имѣнія даже у постороннихъ попускаются“. Много времени спустя, уже въ 1829 г. министръ двора, кн. Волконскій, однимъ изъ мотивовъ введенія поземельнаго сбора, въ своемъ докладѣ государю выставлялъ и то, что благодаря этому сбору „крестьяне удостовѣрились бы, что земля не есть ихъ собственность, но находится у нихъ только въ оброчномъ содержаніи“. Иногда осуществленіе такого права собственности на землю со стороны цѣлаго общества даже отзывалось, благодаря преобладанію на сходѣ болѣе богатыхъ крестьянъ, довольно невыгодно на интересахъ бѣднѣйшихъ домохозяевъ. Такъ, въ 1830 г. въ предѣлахъ Костромской конторы „открылось—говоря словами отчета ея управляющаго—со стороны крестьянъ самовольное распоряженіе общественною землею, при которомъ бѣдные крестьяне лишаются послѣдняго средства владѣть полнымъ, принадлежащимъ имъ, участкомъ земли“. Именно, общество удѣльныхъ крестьянъ кирсановскихъ пригородныхъ слободъ сдало часть своей общественной земли въ наемъ подъ распашку нѣкоторымъ лицамъ изъ своей же среды, а полученные за эту сдачу деньги, въ размѣрѣ 616 р. 20 к., были отобраны отъ общества приказомъ и употреблены на платежъ недоимки по оброку съ мельницъ **). Въ законодательствѣ, однако, проводился взглядъ на отношеніе удѣльныхъ крестьянъ къ землѣ, прямо противоположный тому, какой былъ свойственъ самому крестьянству. Именной указъ 25 февраля 1798 г. гласилъ: „имѣнія, Департаменту Удѣловъ принадлежащія, по 5 статьѣ Учрежденія Нашего объ Императорской Фамиліи должны состоять на правѣ имѣній владѣльческихъ, а потому земли, мельницы и прочія хозяйственныя заведенія, внутри

*) См. циркуляры Департамента отъ 17 іюня 1841 г. и 20 окт. 1842 г., тамже, 2 отд., 5 ст., св. 19, № 532, лл. 113 и 407.

***) Тамъ же, дѣла по части правителя канцеляріи по письмоводству, св. 8 № 196; 2 отд., 5 ст., св. 18, № 529, л. 63; отчетъ Тамбовскаго управляющаго за 1830 г. о замѣченныхъ безпорядкахъ.

городовъ и на ихъ окрѣжности находящіяся, Департаменту подвѣдомственныя, повелѣваемъ мы оставить въ принадлежности ему навсегда ненарушимо“. Когда въ 1799 г. алатырскій купецъ П. Воденовъ просилъ департаментъ оставить за нимъ землю, отданную ему крестьянами д. Кученяева Симбирской губерніи въ залогъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ изъ дохода съ нея выручилъ взытая имъ отъ него въ долгъ деньги, департаментъ указомъ отъ 28-юня предписалъ всѣмъ экспедиціямъ, чтобы „онѣ пользованія землями крестьянскими подѣ видомъ залога ни въ какомъ случаѣ не терпѣли, ибо крестьяне земель въ собственности имѣть не могутъ“. Экспедиціи должны были въ свою очередь предписать приказамъ неослабно смотрѣть за крестьянами, чтобы тѣ „доставшихся имъ на участки земель, какъ не принадлежащихъ къ собственности ихъ, ни подѣ какимъ видомъ въ залогъ никому не отдавали“. Въ слѣдующемъ году до свѣдѣнія департамента было доведено, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ крестьянъ, не испрашивая разрѣшенія начальства, заключаютъ условія на сдачу находящейся въ ихъ владѣніи земли подѣ разныя постройки и заведенія съ посторонними лицами. Ссылаясь на то, что по силѣ „Учрежденія“ 1797 г. „Департаментъ Удѣловъ распорядитъ должнъ ввѣреннымъ имѣніемъ на правѣ помѣщика или владѣльца, слѣдственно, безъ дозволенія и утвержденія его таковыя и подобныя условія, коими крестьяне удѣльные предоставляютъ право кому-либо владѣть ихъ землями или строить на оныхъ, изъ платежа въ пользу свою оброка, не должны быть производимы“, департаментъ указомъ 12 апрѣля 1800 г. поставилъ всѣ подобныя сдѣлки подѣ свой контроль, обязавъ экспедиціи справляться по донесеніямъ приказовъ о всѣхъ условіяхъ сдѣлки и сообщать свое мнѣніе, „какая можетъ отъ того послѣдовать казнѣ удѣльной и крестьянамъ польза“ *).

Но въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ во владѣніи удѣльныхъ крестьянъ находились земли, по отношенію къ которымъ ихъ право собственности было обосновано совершенно особымъ и болѣе прочнымъ образомъ и къ которымъ поэтому указанный принципъ примѣнялся не такъ просто. Въ 1809 г. Вологодская удѣльная контора сообщила департаменту свое затрудненіе по слѣдующему поводу. Афанасьевскій сельскій приказъ просилъ ее, можно ли ему удовлетворить просьбу крестьянина Верхнетомской волости, Верхняго Конца, д. Алексѣевой, Дан. Воробьева, объ утвержденіи за нимъ земли, доставшейся ему по договорному письму за долгъ въ 150 р. отъ крестьянина д. Старой Ананьевской Ив. Перфильева; послѣднему данная земля „дошла отъ предковъ его по грамотѣ царя и вел. кн. Алексѣя Михай-

*) Тамъ же, 2 отд., 5 ст. св. 18, № 528, л. 13; дѣла правителя канцеляріи, св. 22 № 810. л. 2; 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, указъ департамента отъ 12-апрѣля 1800 г.

ловича и утверждена въ безпереоброчномъ владѣннн Департаментомъ Удѣловъ“. Контора, разбирая этотъ случай, нашла, „во 1) что, хотя Перфильевъ и имѣеть неоспоримые документы на правость владѣннн имъ тою землею, но на основаннн Высочайшаго Учрежденнн объ Императорской Фамилнн и Положеннн Департамента Удѣловъ крестьяне вѣдомства удѣльнаго не пользуются правами, по коимъ могли бы они владѣемые ими земли по своей волѣ продавать, закладывать и отказывать духовными завѣщанннми, такъ, какъ другнн, ибо собственность ихъ состоитъ ни въ чемъ болѣе, какъ въ движимомъ ихъ имѣннн, а земли никогда не выходили изъ единственнаго распоряженнн Департамента Удѣловъ; и во 2) что крестьяне, имѣя на земли грамоты и по онымъ располагая ими самовластно, производили всегда, какъ по дѣламъ конторы видно, многнн передачами ихъ различными образами во владѣннн родственникамъ своимъ или и посторонннмъ людямъ, по полюбовнымъ между собою сдѣлкамъ, ссоры и вздорные судные процессы, затруднявшнн присутственнн мѣста напрасно; да и нынѣ, въ проѣздѣ управляющаго по селеннмъ, въ каждомъ почти изъ оныхъ долженъ былъ онъ заниматься разбирательствомъ споровъ у родственникововъ крестьянамъ, кои владѣли землями по жалованнымъ грамотамъ, съ тѣми людьми, коимъ тѣ земли умершими крестьянами, обходя наслѣдниковъ, отдаваемы были по завѣщательнымъ письмамъ“. „Убѣждена будучи такими сильными причинами“, контора рѣшилась просить департаментъ, „не благоугодно ли будетъ для прекращеннн описанныхъ споровъ воспретить продавать, закладывать и отдавать по завѣщаннмъ владѣемые по грамотамъ угодья“. Департаментъ, въ свою очередь обсудивъ представившннся вопросъ, 16 октября 1809 г. постановилъ извѣстить Вологодскаго управляющаго, что „запрещеннн таковое согласно мнѣнню его утверждаетъ, съ тѣмъ, что ежели и впредь крестьяне самовольно таковыя земли изъ круга своего семейства перепродавать или инымъ образомъ передавать кому постороннему будутъ и чрезъ то заводятъ напрасныя ссоры и тяжбы, то объявить имъ, что навсегда оныя земли будутъ отобраны въ распоряженнн Департамента Удѣловъ“ *). Такимъ образомъ однимъ распоряженнмъ департамента была уничтожена сила царскихъ грамотъ на землю,—фактъ, который находилъ себѣ объясненнн въ общнхъ условннхъ положеннн удѣльныхъ крестьянъ, но который тѣмъ не менѣе долженъ обратнн на себя вниманнн историка рускаго гражданскаго права.

Будучи лишены права отчуждать какииъ бы то ни было образомъ свои тягловые участки, удѣльные крестьяне сохраняли это право по отношенню къ вновь прнобрѣтаемымъ ими покупкою землямъ, хотя и съ довольно существенными ограниченннми. Въ

*) Тамъ же, 2 отд., 1 ст., св. 8. № 232.

1828 г. управляющій Нижегородской конторой возбудилъ вопросъ, могутъ-ли крестьяне продавать купленные ими земли. Департаментъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашель, что „съ предоставленіемъ удѣльнымъ крестьянамъ права приобрѣтать земли въ свою собственность соединено и право распоряженія оными, сообразно общимъ узаконеніямъ“, и потому въ циркулярѣ 3 октября 1828 г. съ утверженія министра „постановилъ правиломъ, что удѣльные крестьяне могутъ приобрѣтенныя ими земли продавать удѣльнымъ же токмо крестьянамъ одной съ ними волости или приказа“. Это ограниченіе вытекало, конечно, не изъ общихъ узаконеній, а изъ хозяйственныхъ интересовъ Удѣла, но оно сохранилось и впоследствии, и 16 января 1835 г. было предписано даже въ свидѣтельствахъ, выдававшихся департаментомъ крестьянамъ, покупающимъ землю, на владѣніе ею, „для большей ясности всегда излагать, что продажа и всякаго рода уступка покупаемыхъ удѣльными крестьянами земель дозволяется токмо удѣльнымъ же крестьянамъ, но отнюдь не лицамъ посторонняго вѣдомства“. Въ предписаніи департамента Нижегородскому управляющему 15 февраля 1841 г. установленъ былъ и порядокъ совершенія такой продажи: условіе продавца съ покупателемъ, по засвидѣтельствованіи въ приказѣ, должно было доставляться въ департаментъ вмѣстѣ съ свидѣтельствующимъ принадлежность данной земли продавцу мірскимъ приговоромъ того села, къ которому продавецъ принадлежалъ. Въ томъ же году было разъяснено, что ограниченіе 1828 г. установлено для того, „дабы избѣгнуть чрезположности владѣнія: ибо удѣльные крестьяне покупаютъ большею частью такія земли, которыя лежатъ внутри удѣльныхъ дачъ“; поэтому циркуляръ 28 мая 1841 г. извѣщалъ управляющихъ конторами, что если, при желаніи кого-либо изъ крестьянъ продать купленную имъ рванѣ на собственныя деньги землю не найдется на нее покушника въ средѣ удѣльныхъ крестьянъ, „то оная будетъ приобрѣтена въ общій составъ удѣльныхъ имуществъ *).

Не имѣя возможности отчуждать землю, принадлежавшую къ удѣльнымъ селеніямъ, крестьяне сдавали однако же ее иногда во временное оброчное содержаніе. Правда, „Учрежденіе“ 1797 г. воспрещало такую сдачу постороннимъ, но въ дѣйствительности условія на сдачу въ оброкъ отдѣльными крестьянами съ согласія міра и цѣлыми сельскими обществами неудобной для хлѣбопашества земли подъ жилия и хозяйственныя строенія, кирпичныя заводы, фабрики и т. п. практиковались довольно часто и утверждались самимъ удѣльнымъ начальствомъ. 20 августа 1825 г. департаментъ вновь предписалъ, чтобы подобныя условія заклю-

*) Тамъ же, 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, л. 668; № 530, л. 129; св. 19, № 532, лл. 28 и 90.

чались лишь по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ конторами и съ утвержденія департамента. Вскорѣ были выработаны для нихъ и болѣе обстоятельныя и строгія правила. Циркуляръ 13 іюня 1827 г. установилъ эти правила въ слѣдующемъ видѣ: крестьяне могли отдавать находившіяся въ ихъ владѣніи земли въ наемъ не болѣе, какъ на 4 года,—срокъ, установленный для контрактныхъ сенатскимъ указомъ 30 іюня 1824 г.; условія должны были подписываться обѣими договаривающимися сторонами и быть явлены, гдѣ слѣдуетъ; на сдаваемой землѣ не должна была допускаться постройка каменныхъ зданій, а въ самыхъ условіяхъ не разрѣшалось помѣщать оговорки, что по истеченіи срока условія оно будетъ возобновлено съ тѣмъ же лицомъ, а „напротивъ того, въ каждомъ изъ таковыхъ условій должно быть со стороны удѣльныхъ крестьянъ постановлено, что земли, отдаваемые ими въ наемъ, не составляя ихъ собственности, по первому востребованію начальства должны быть нанимающими немедленно отданы въ его распоряженіе“. Когда въ слѣдующемъ году было представлено департаменту на утвержденіе условіе на сдачу въ наемъ 32 десятинъ земли крестьянами с. Измайлова вѣдомства Московской конторы купцу Колкунову, при чемъ въ этомъ условіи послѣдняя указанная статья была выражена словами, что земля будетъ возвращена, „если она потребуется не въ частныя руки, а для какихъ ни на есть казенныхъ употребленій“, департаментъ потребовалъ замѣны такой редакціи точными словами своего циркуляра, настаивая, что земля должна быть возвращена нанимателемъ и въ томъ случаѣ, если бы начальство потребовало ее для передачи въ частныя руки.

Вообще департаментъ относился къ сдачѣ крестьянами земли въ наемъ не особенно доброжелательно. Въ 1827 г. ему было представлено изъ Московской конторы на утвержденіе условіе крестьянъ того же с. Измайлова съ московскою мѣщанкой Миловановой на сдачу ей 3 дес. 917 саж. земли подъ кирпичные сараи на 4 года за плату 200 р. въ годъ. Не смотря на то, что это условіе составлено было по всѣмъ правиламъ, департаментъ не утвердилъ его, но, „видя изъ свѣдѣній о крестьянахъ с. Измайлова, что они имѣютъ одной удобной для хлѣбопашества земли значительное количество (около 6 десятинъ на душу) и соображая, что по смежности съ Москвою могутъ сбывать свои произведенія съ гораздо болѣею выгодною, нежели другіе, между тѣмъ, какъ платятъ оброкъ наравнѣ съ прочими“, находилъ несправедливымъ отдавать въ ихъ распоряженіе еще и неудобную землю, сдаваемую ими внаймы, тѣмъ болѣе, что она послѣ кирпичныхъ заводовъ сдѣлается негодной ни къ какому другому употребленію. Въ виду этого департаментъ запрашивалъ мнѣнія управляющаго, не слѣдуетъ ли какъ въ Измайловѣ, такъ и въ другихъ селеніяхъ, гдѣ крестьяне отдаютъ земли въ наемъ, отмежевать имъ

годную для хлѣбопашества, сѣнокоса и выгона землю, а остальную, сдаваемую въ аренду, принять въ распоряженіе удѣльной конторы. Въ слѣдующемъ же году состоялось и дѣйствительно распоряженіе департамента обратить 10 участковъ земли, сдававшихся измайловскими крестьянами, въ удѣльное имущество и съемщикамъ ихъ было предложено платить до истеченія срока заключенныхъ съ ними контрактовъ арендныхъ деньги уже не крестьянамъ, а удѣльному управленію. Что же касается сдачи удобной земли, то она безусловно воспрещалась и, когда, напримеръ, въ 1834 г. Воронежская контора сообщила, что нѣкоторые изъ крестьянъ тамошняго имѣнія, вопреки „Учрежденію“ 1797 г. и неоднократно объявлявшемуся имъ на сходкахъ запрещенію, не обрабатываютъ землю сами, а сдаютъ въ наемъ, департаментъ приказалъ „упомянутыхъ крестьянъ, за нерадѣніе и неповиновеніе начальству, наказать при мірской сходкѣ розгами и отдать на мѣсяцъ въ смирительный домъ на собственномъ ихъ содержаніи“; во избѣжаніе другихъ подобныхъ случаевъ, объ этомъ наказаніи велѣно было объявить по всѣмъ удѣльнымъ имѣніямъ, съ прибавленіемъ, что, если кто изъ крестьянъ, „по неимѣнію скота или другимъ уважительнымъ причинамъ не въ состояніи будетъ обрабатывать своего участка, таковому дѣлать необходимое пособіе со стороны мірскаго общества“ *).

Пользованіе даже купленными землями крестьянъ въ свою очередь подвергалось извѣстнымъ ограниченіямъ, установленнымъ именно для употребленія собственнаго (купленнаго) крестьянскаго лѣса. Циркуляръ департамента 16 іюня 1837 г. опредѣлялъ, что изъ своихъ, прибрѣтенныхъ покупкою, лѣсныхъ дачъ крестьяне могутъ пользоваться для домашняго употребленія ежегодно лишь опредѣленнымъ количествомъ лѣсныхъ продуктовъ, на продажу же могутъ рубить лѣсъ только тамъ, „гдѣ пространство крестьянскихъ лѣсовъ дозволить отдѣлить часть оныхъ, безъ оскуднѣнія дачъ, въ продажу“, и то каждый разъ съ особаго разрѣшенія департамента, по представленію конторы. По другому предписанію того же года, собственнымъ крестьянскимъ лѣсамъ, подобно удѣльнымъ, должно было быть составлено статистическое описаніе и ихъ также приказывалось, „въ предохраненіе отъ истребленія безпорядочною рубкою“, раздѣлить на лѣсосѣки **).

Пользованіе землями, не состоявшими въ собственности крестьянъ, находилось въ полной зависимости отъ хозяйственныхъ распоряженій департамента. Самое хозяйство крестьянъ состояло подъ бдительной опекой удѣльной администраціи при

*) «Учрежденіе о Императорской Фамиліи» 5 апрѣля 1797., § 117, п. 9; архивъ Гл. Упр. Уд., 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, л. 494; 2 отд., 4 ст., св. 28, № 1131, лл. 68 и 77; 109 и слѣд. и 143 и слѣд.; 2 отд., 5 ст., св. 18, № 530, л. 60.

**) Тамъ же, 2 отд., 5 ст., св. 18, № 530, лл. 553 и 569.

посредствѣ сельскихъ начальниковъ и „міровъ“, настолько бдительной, что, напр., съ 1841 г. мірскимъ обществамъ предписывалось съ осени отбирать у неблагонадежныхъ крестьянъ часть ярового хлѣба, необходимую для засѣва ихъ полей весною *). Опека удѣльной администраціи простиралась и на долговныя обязательства крестьянъ. Циркуляръ департамента 17 декабря 1825 г. разрѣшалъ имъ занимать деньги только съ дозволенія управляющихъ конторами и запретилъ сельскимъ приказамъ принимать къ явкѣ долговныя ихъ обязательства безъ такого разрѣшенія. Въ слѣдующемъ году, принимая мѣры къ взысканію недоимки съ разоренныхъ крестьянъ Велейскаго и Покровскаго приказовъ Псковской конторы, департаментъ обязалъ приказныхъ головъ и управляющаго конторой, если они „усмотрятъ, что бѣдные крестьяне дадутъ на себя богатымъ такія условія, которыя для нихъ чрезмѣрно отяготительны, стараться отратить сіе отысканіемъ другихъ людей или какихъ-либо средствъ, отъ коихъ бы можно было съ такою же скоростью и такое точно пособіе получить съ условіемъ, менѣе отяготительнымъ“; циркуляромъ 26 января 1827 г. это обязательство было распространено на головъ и управляющихъ всѣхъ удѣльныхъ имѣній, и затѣмъ эти правила еще разъ были подтверждены 14 мая 1842 г., при чемъ поводомъ къ этому подтвержденію послужило обнаруженіе въ московскомъ имѣніи „значительныхъ денежныхъ займовъ, сдѣланныхъ крестьянами безъ разрѣшенія управляющаго конторою, съ отяготительными для нихъ процентами“. 5 октября 1850 г. департаментъ опять предписывалъ строго подтвердить крестьянамъ, чтобы они безъ вѣдома управляющихъ не брали денегъ взаймы у постороннихъ лицъ, а самимъ управляющимъ дозволялъ разрѣшать имъ заемъ только въ томъ случаѣ, „если занимающій имѣетъ въ томъ нужду для промышленности, свойственной крестьянскому быту, и заемъ можетъ послужить ему въ пользу, не обременивъ его уплатою“. Подобнымъ образомъ, хотя удѣльные крестьяне имѣли право вступать въ казенные подряды, но контракты на эти подряды составлялись подъ наблюденіемъ командированныхъ отъ конторъ удѣльныхъ стряпчихъ; конторы же должны были слѣдить и за контрактами крестьянъ съ частными лицами, не допуская помѣщенія въ такихъ контрактахъ невыгодныхъ для крестьянъ условій **).

Намъ осталось сказать еще нѣсколько словъ о положеніи и правахъ удѣльныхъ крестьянъ на судѣ, которыя заключали въ себѣ опять-таки нѣкоторыя оригинальныя черты. Первоначально удѣльные крестьяне во всѣхъ дѣлахъ, какъ уголовныхъ, такъ и

*) Тамъ же, св. 19, № 532, лл. 128, 172.

***) Тамъ же, св. 18, № 528, лл. 411, 425 и сл.; св. 19, № 532, л. 291; св. 52, № 2230, л. 45; св. 19, № 531, лл. 494 и 526.

гражданскихъ, между собою и съ лицами другихъ вѣдомствъ и сословій, были подвѣдомы общимъ судамъ имперіи. „Учрежденіе“ 1797 г., предписывая приказнымъ старостамъ „въ маловажныхъ между поселянами ссорахъ и искахъ расправу чинить и примирять“, вмѣстѣ съ тѣмъ обязывало ихъ „въ случаѣ несоглашенія или неудовольствія предоставлять крестьянамъ волю развѣдываться въ судахъ“. На первыхъ же порахъ дѣйствія удѣльнаго управленія, впрочемъ, при искахъ частныхъ лицъ установлено было, въ охраненіе крестьянскихъ интересовъ, и нѣкоторое участіе въ судебной процедурѣ удѣльной администраціи. Поводъ къ провозглашенію необходимости такого участія доставленъ былъ однимъ судебнымъ дѣломъ 1802 г., именно состоявшимся безъ сношенія съ удѣльнымъ управленіемъ рѣшеніемъ Новгородскаго земскаго суда по земельному иску гр. Дебальмень на крестьянъ д. Перелѣска; рѣшеніе это, постановленное противъ крестьянъ, вызвало съ ихъ стороны сопротивленіе земскому суду при исполненіи имъ приговора и породило новое дѣло. Департаментъ Удѣловъ по поводу этого дѣла, ссылаясь на указъ 7 февр. 1774 г. *), просилъ Сенатъ предписать губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы они, при поступленіи къ нимъ жалобъ на удѣльныхъ крестьянъ, не разбирая этихъ жалобъ, давали знать объ нихъ предварительно удѣльнымъ экспедиціямъ и ожидали отъ послѣднихъ депутатовъ, и Сенатъ въ указѣ своемъ отъ 15 ноября 1803 г. исполнилъ эту просьбу, предписавъ соблюдать такой порядокъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ „важнѣйшихъ и нимаго не терпящихъ времени уголовныхъ преступленій“, возложивъ роль стряпчихъ на удѣльныхъ повѣренныхъ, учрежденныхъ при экспедиціяхъ еще по высочайше кофирмованному 28 апрѣля 1800 г. докладу департамента. Въ 1806 г. департаментъ обратился къ Правительствующему Сенату съ ходатайствомъ, чтобы губернскіе суды при постановленіи приговоровъ объ удѣльныхъ крестьянахъ по уголовнымъ дѣламъ ранѣе приведенія ихъ въ исполненіе сообщали объ нихъ экспедиціямъ; Сенатъ разъяснилъ однако же, что удѣльные повѣренные и безъ того могутъ слѣдить за дѣлами крестьянъ въ губернскихъ судахъ и апеллировать отъ послѣднихъ въ Сенатъ. Удѣльные крестьяне иногда пытались перенести свои дѣла прямо на рѣшеніе государя: такъ, въ 1800 г. крестьянинъ с. Борисова, Московской губерніи, Дм. Степановъ, заявилъ мѣстной экспедиціи, что онъ по спорному съ гр. Ал. Орловымъ-Чесменскимъ дѣлу о пустоши За-

*) Второй пунктъ этого указа гласилъ: «когда кто посторонній на дворовое село, деревню, волость или на одного крестьянина бить челомъ будетъ, тогда присутственному мѣсту, въ которое подается челобитная, требовать письменно повѣреннаго стряпчаго по тому дѣлу отъ вѣдомства, въ коемъ они состоятъ, которое безъ малѣйшаго промедленія и представить онаго должно».

водѣ послалъ по почтѣ прошеніе на высочайшее имя, „но какого оно содержанія, того не объявить“; департаментъ приказалъ предать Степанова „за ослушаніе повелѣній начальства сужденію по закону“ и распорядился объявить „всѣмъ вѣдомства своего крестьянамъ, чтобы они отнюдь не осмѣливались дѣлать подобнаго“. Равнымъ образомъ воспрещалось крестьянамъ посылать отъ себя мірскихъ ходяковъ по судамъ. Когда въ 1804 г. до свѣдѣній департамента дошло объ отправленіи такого ходока въ Петербургъ крестьянами деревень Шульчихи и Толстина вѣдомства Вятской экспедиціи по спору ихъ о земляхъ съ приказчиками Демидовскихъ заводовъ и о сборѣ для этого ходока 400 р. денегъ, онъ приказалъ экспедиціямъ объявить „съ подписками приказнымъ выборнымъ и прочимъ должностнымъ крестьянамъ, чтобы они отнюдь не осмѣливались давать подобныя дозволенія и довѣренности крестьянамъ на хожденіе по дѣламъ ихъ, а колыми паче собирать на таковыя случаи деньги“; крестьяне обязывались довольствоваться „неусыпнымъ призоромъ начальства своего“ и просить ходатайства за нихъ экспедиціей, а въ случаѣ, если бы отъ нихъ не получили законнаго удовлетворенія, обращаться съ просьбами своими въ департаментъ, „безъ личнаго пріѣзда въ С.-Петербургъ повѣренныхъ, которые долговременнымъ волокитствомъ своимъ отягощаютъ крестьянскій міръ“ *).

„Положеніе Департамента Удѣловъ“ 1808 г. довершило отстраненіе удѣльныхъ крестьянъ отъ суда. Согласно этому положенію, всѣ дѣла удѣльныхъ крестьянъ между собою должны были разбираться теперь исключительно удѣльной администраціей; слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ производились земскою полиціей въ присутствіи удѣльнаго стряпчаго, его помощника или спеціально командированнаго отъ конторы чиновника; удѣльный же стряпчий наблюдалъ за производствомъ этихъ дѣлъ въ судебномъ порядкѣ и охранялъ интересы крестьянъ; наконецъ, въ гражданскихъ дѣлахъ удѣльныхъ крестьянъ съ посторонними лицами первые отвѣчали передъ общими судами, но веденіе дѣла съ ихъ стороны принадлежало удѣльному стряпчему; избирать и нанимать частныхъ повѣренныхъ имъ рѣшительно запрещалось. Въ данной отъ министра инструкціи управляющимъ конторами имъ предписывалось „внушить поселянамъ, что отседѣ они не имѣютъ никакой нужды ходить сами по судамъ и терять на сіе время, нужное для работъ и ховяйства, но во всякомъ случаѣ, гдѣ только что коснуться до суда можетъ, будутъ сохраняемы и защищаемы начальствомъ“. За крестьянами оставлена была, впрочемъ, нѣкоторая возможность и самимъ слѣдить за ходомъ ихъ

*) «Учрежденіе» 5 апрѣля 1797 г., § 182; архивъ Гл. Упр. Уд., 3 отд., 1 ст., св. 5, № 70; тамъ же, № 72; тамъ же, № 68; тамъ же, № 61.

дѣлъ въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Когда отъ нѣсколькихъ крестьянъ поступили письменныя просьбы къ министру удѣловъ о доставленіи имъ свѣдѣній о положеніи производившихся въ Сенатѣ тяжбъ ихъ съ частными владѣльцами и казенными крестьянами, министръ, какъ писалъ онъ въ циркулярѣ управляющимъ 8 марта 1809 г., „принимая таковыя прошенія знакомъ довѣренности ихъ ко мнѣ, весьма для меня пріятной, и почитая, что незнаніе о положеніи дѣлъ, изъ коихъ нныя съ давняго времени производятся, должно быть для нихъ тягостно“, далъ разрѣшеніе на такія просьбы, съ тѣмъ только, чтобы онѣ поступали къ нему не прямо отъ крестьянъ и не отъ повѣренныхъ ихъ, запрещенныхъ „Положеніемъ“ 1808 г., а черезъ сельскіе приказы. Циркуляръ департамента отъ 30 октября 1824 г. установилъ еще одну важную подробность собственно удѣльнаго суда: лица постороннихъ вѣдомствъ, обращающіяся съ жалобами къ удѣльному управленію на крестьянъ за неисполненіе ими принятыхъ на себя обязательствъ, должны были предъявлять свои иски въ тѣхъ именно конторахъ, которымъ были подвѣдомы отвѣтчики, такъ какъ департаментъ призналъ, что „никакое посредство одной удѣльной конторы съ другою въ искахъ постороннихъ людей, на удѣльныхъ крестьянъ предъявляемыхъ, неумѣстно“ *).

Мы не беремъ на себя задачи въ предѣлахъ настоящаго очерка отвѣтить на вопросъ, насколько установленный всѣми этими узаконеніями и распоряженіями порядокъ оказался полезенъ и благодѣтеленъ для крестьянскаго населенія удѣльныхъ имѣній. Во всякомъ случаѣ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что удѣльному управленію пришлось положить много усилій на поддержаніе и упроченіе такого порядка и что эти усилія далеко не увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Не смотря на неоднократно повторявшіяся строгія запрещенія крестьянамъ посылать отъ себя повѣренныхъ, лично подавать жалобы министру, государю, особамъ императорской фамиліи и „постороннему начальству“, не смотря на частыя приказанія направлять жалобы къ управляющимъ конторами или „прямо къ министру Удѣловъ“ черезъ почту, въ полной надеждѣ, что онъ, имѣя вообще попеченіе о благосостояніи удѣльныхъ крестьянъ, не оставитъ разсматривать ихъ со всею подробностію и оказывать просителямъ должнаго справедливости удовлетворенія“, не смотря, наконецъ, на нерѣдко осуществлявшіяся угрозы строгаго наказанія за отступленія отъ этого порядка жалобъ, крестьянскіе ходяки періо-

*) «Положеніе Департамента Удѣловъ» 15 мая 1808 г., §§ 161—170, 171—179; архивъ Гл. Упр. Уд., 2 отд., 5 ст., св. 18, № 528, л. 126 и сл., инструкция управляющимъ конторами, § 22; тамъ же, л. 179, лл. 399—400.

дически являлись въ Петербургѣ, Москвѣ и даже въ Варшавѣ, пока тамъ жилъ пессаревичъ Константинъ Павловичъ, и находили возможность подать свои жалобы государю или кому-либо изъ членовъ царской семьи, не оставляя при случаѣ обращаться и къ „постороннему начальству“. Бывали даже случаи, когда удѣльное управление было поставлено въ необходимость само пользоваться услугами этихъ запрещенныхъ крестьянскихъ ходочковъ. Напримѣръ, въ 1822 г. повѣренный отъ селъ Старой и Новой Федоровки (Спасскаго приказа Пензенской конторы) кр. Ив. Степановъ, являсь въ Петербургъ, лично подалъ министру удѣловъ прошеніе по дѣлу о землѣ, за которую шелъ споръ у крестьянъ названныхъ селеній съ помѣщичьими крестьянами селца Мельцанъ. По этому поводу департаментъ предписалъ управляющимъ объявить крестьянамъ, „что буде и за симъ они осмѣлятся отлучаться изъ своихъ селеній для подачи прошеній, хожденія по дѣламъ и полученія справокъ, то какъ они, такъ и тѣ, кои избирать ихъ къ тому будутъ, подвергнуть себя неминуемому взысканію, какъ ослушники установленной надъ ними власти, и всякій, являющійся въ Петербургъ съ просьбою, обратится въ селеніе подъ присмотромъ“. На этотъ разъ, однако, Степановъ и его довѣрители наказаны не были, такъ какъ управляющій конторою не доставилъ по данному дѣлу никакихъ свѣдѣній, а необходимыя свѣдѣнія были представлены департаменту именно Степановымъ *). Такія частныя исключенія не колебали однако же общихъ основъ установившагося порядка, продержавшихся до коренной реформы быта удѣльныхъ крестьянъ, которая вывела послѣднихъ въ состояніе полноправныхъ гражданъ государства.

Нѣсколько иначе складывался порядокъ судебного разбирательства для лашманъ, однодворцевъ и другихъ казенныхъ крестьянъ Симбирской губерніи, переданныхъ въ концѣ 30-хъ годовъ въ удѣльное управление, но сохранившихъ свои личныя и имущественныя права. Министръ двора въ 1837 г. предложилъ временному совѣту для управленія департаментомъ государственныхъ имуществъ постановить, чтобы въ случаѣ споровъ между этими крестьянами объ ихъ общественныхъ земляхъ и угодьяхъ, данныхъ имъ въ надѣлъ отъ казны, эти споры разбирались порядкомъ, установленнымъ для тяжобъ удѣльныхъ крестьянъ между собою, а тяжбы ихъ о личныхъ обидахъ и о собственномъ имуществѣ ихъ разбирать добросовѣстнымъ и сельскимъ приказамъ, „съ тѣмъ, что если спорящіе не будутъ согласны на примиреніе и останутся недовольны притворомъ сель-

*) См. предписанія Департамента указаннаго содержанія, тамъ же, св. 18, № 528, л. 366; № 529, л. 10; 3 отд., 1 ст., св. 4, № 45, лл. 40—41; о дѣлѣ Степанова—св. 18, № 528, л. 337—9.

скаго приказа, въ такомъ случаѣ предоставить имъ вѣдаться въ судебныхъ мѣстахъ безъ всякаго уже вліянія на сін дѣла со стороны удѣльнаго начальства“. Принятое временнымъ совѣтомъ, это предложеніе 22 мая 1837 г. получило и высочайшее утвержденіе, и затѣмъ такой порядокъ по рѣшенію этихъ дѣлъ существовалъ до 1858 года *).

В. Мякотинъ.

* * *

Сосны старья тихо шумять.
 Въ блескѣ солнца смѣется рѣка.
 Высоко-высоко надо мной
 Въ синемъ небѣ плывутъ облака.
 Улыбаясь, плывутъ, какъ мечты
 Голубого весенняго дня.
 Солнце нѣжно цѣлуетъ цвѣты,
 Вѣтви сосенъ сѣдыхъ и меня...

Хорошо!.. Словно нѣтъ на землѣ
 Ни поруганной чистой любви,
 Ни страданій, ни слезъ... Тишиной
 Убаюканы думы мои.
 Грёзы свѣтлыя дремлютъ въ душѣ,
 Какъ въ лазури небесъ облака...
 Сосны старья тихо шумять,
 Въ блескѣ солнца смѣется рѣка.

Л. Андрусонъ.

*) Тамъ же, 2 отд., 5 ст., св. 18, № 530, л. 527; св. 51, № 2226, л. 175; Сводъ Уд. Пост., ч. I, ст. 429—30.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ.

Изъ старой записной тетради.

(Окончаніе).

XIII.

Прошло нѣсколько дней. Ни я къ Николаю Петровичу, ни онъ ко мнѣ. Встрѣтимся у дверей, поздороваемся. Онъ ласково потреплетъ меня по плечу: „тверди урки-то, — тверди!“ Я улыбнусь ему въ отвѣтъ, этимъ все и ограничивается.

Но однажды утромъ, уходя въ гимназію, онъ, чуть-чуть приотворивъ мою дверь, сунулъ мнѣ въ щель газету и изъ корридора, невидимый, сказалъ:

— На, вотъ, прочти какъ-нибудь. Это моя статья тутъ.

Я подошлѣ къ дверямъ, открылъ ихъ и, здороваясь съ нимъ, сказалъ:

— Да войдите же, Николай Петровичъ.

Я не могъ не оцѣнить его деликатную боязнь помѣшать мнѣ работать; но чувствовалось, что ему очень хочется видѣть меня, и передача статьи была, повидимому, простымъ предлогомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ онъ: — теперь спѣшу въ гимназію... а вотъ развѣ уже вечеркомъ. До свиданья!.. А статейку-то мою ты какъ-нибудь прочти. Очень хорошая статья.

„Очень хорошая статья!..“

Въ его тонѣ чувствовалась ѣдкая насмѣшка.

— А о чемъ она? — спросилъ я.

— О пользѣ держать козла на конюшнѣ.

На моемъ лицѣ выразилось недоумѣніе. Николай Петровичъ только улыбнулся, пожалъ мнѣ руку, кивнулъ головой и ушелъ.

Я развернулъ газету — и въ душѣ ругнулъ Николая Петровича за то, что онъ опять оторвалъ меня отъ работы; но,

подстрекаемый любопытствомъ, началъ читать его статью сейчасъ же. Статья какъ статья. Написано бойко, литературно, убѣдительно. Въ ней говорилось по поводу какихъ-то статистическихъ данныхъ о приростѣ населенія въ Россіи, проводилась параллель съ Франціей, особенно съ Парижемъ, гдѣ цифры рождаемости были ниже цифръ смертности; по этому случаю въ статьѣ было нѣсколько удачно выраженныхъ мыслей о преимуществахъ Россіи въ будущемъ передъ всѣми западными государствами; говорилось о томъ, что русскій народъ — молодой народъ, полный силы, и высчитывалось, каково должно быть увеличеніе населенія черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Статья мнѣ понравилась своимъ спокойнымъ, хорошимъ тономъ и той бодростью, которую она будила въ читателѣ. Если бы подъ ней не было подписано всѣми литераторами „Н. Хрусталева“, я бы никогда не подумалъ, что она можетъ принадлежать Николаю Петровичу. Вотъ это было то, что нужно для меня! Вотъ это то, съ чѣмъ я готовъ былъ охотно согласиться, съ чѣмъ, я знаю, согласился бы мой отецъ и весь его кружокъ, въ которомъ вѣдь такъ же охотно поднимались всякіе общественные вопросы. Послѣ этой статьи Николай Петровичъ сразу выросъ въ моихъ глазахъ.

Къ обѣду онъ не вернулся. Пелагея, убирая у меня со стола, съ философскимъ спокойствіемъ рѣшила: „закутить, вѣрно, опять!“

Но часовъ въ восемь вечера Николай Петровичъ вернулся; хотя навеселѣ, но не пьянъ. Меня такъ подмывало поскорѣе выразить ему мое одобреніе, что я сейчасъ же пошелъ къ нему. Мой радостно-оживленный видъ сразу обрадовалъ его, и онъ встрѣтилъ меня словами:

— А, Ньютонъ будущій!

Я сейчасъ же сталъ ему говорить, какъ мнѣ понравилась его статья, и что я съ самаго обѣда жду его, чтобы сказать ему это. Онъ съ лукавой улыбкой похлопалъ меня по плечу и говоритъ:

— А чаемъ меня напоишь за это?

— Съ удовольствіемъ! Пелагея уже самоваръ поставила.

— Ну, вотъ и отлично! А я, братъ, замѣшкался немножко. Зашелъ тутъ къ приятелю-учителю, у него и пообѣдалъ. Рюмахи по три опрокинули, по душамъ немного побесѣдовали... Да ему надо ученическія тетрадки править, ну, я и ушелъ.

— Такъ, значитъ, чай пьемъ?—сказалъ я.

— Иди, приготавливай. Какъ подастъ Полинька самоваръ, зови меня.

Минуть черезъ десять самоваръ былъ на столѣ, а вслѣдъ за Полинькой вошелъ и Николай Петровичъ. Онъ сѣлъ на

кресло и придвинулъ его поближе къ столу. Пока я наливалъ чай, Николай Петровичъ досталъ изъ бокового кармана носовой платокъ и сдѣлалъ видъ, что сморкается. Когда онъ положилъ платокъ опять въ карманъ, передъ нимъ на столѣ очутилось полбутылки рому. Онъ подмигнулъ мнѣ и, подражая тону Расплюева, произнесъ:

— Былъ въ Москвѣ профессоръ магіи — Боско, но передъ Николаемъ Хрусталевымъ — мальчишка и щенокъ!

Я улыбнулся; но большого сочувствія его фокусу не выразилъ.

— Ты какъ хочешь, — весело сказалъ онъ: — а я, братъ, съ ромкомъ! Отогрѣться надо... То-есть такъ душа у меня озябла!.. И холодище же у насъ въ гимназіи! Отъ каждаго виць - мундира, какъ отъ ледяной горы, — такъ и вѣть-вѣть.

Онъ досталъ изъ кармана ножъ со штопоромъ и откупорилъ бутылку. Себѣ онъ налилъ въ стаканъ порядочную дозу; я позволилъ ему налить немного и мнѣ.

— Такъ ты говоришь — хорошая статья?

Я сказалъ ему, что такія статьи возбуждаютъ бодрость духа; что, вотъ, она, если и не указываетъ прямо цѣли жизни, то, по крайней мѣрѣ, расчищаетъ путь къ этой цѣли: что, если и не знаешь, зачѣмъ собственно живешь, то чувствуешь все-таки, что ты охраняешь величіе твоей родины; что въ то время, какъ другіе народы пойдутъ къ упадку, будутъ стариться, убывать и двигаться къ исторической могилѣ, твой молодой народъ будетъ расти, расцвѣтать, и та цѣль, которую мы сами еще не видимъ, быть-можетъ откроется ему.

Николай Петровичъ хлебнулъ изъ стакана горячаго чаю съ ромомъ, посмотрѣлъ на меня, покачалъ головой и съ сокрушеннымъ видомъ произнесъ:

— Какой же вы, милостивый государь, молодой человекъ, огромнѣйшій дуракъ.

Я въ свою очередь, не выражая обиды, посмотрѣлъ на него очень серьезно, вопросительно.

Онъ, желая смягчить впечатлѣніе своихъ предыдущихъ словъ, уже ласково произнесъ:

— Ты не сердись! Ты вообще умница. Я потому съ тобой и говорю такъ... А въ эту минуту ты — дуракъ. И не ты одинъ — много такихъ дураковъ, какъ ты. Еще вѣдь пятячекъ за газету заплатятъ, прочтутъ, да смакують: „ахъ, говорятъ, какъ хорошо!“ Языкомъ прищелкиваетъ отъ удовольствія, точно ему рюмку водки поднесли.

— А развѣ это не хорошо? — сказалъ я Николаю Петровичу, указывая на лежавшую на столѣ статью. — Развѣ это не хорошо?

Онъ взялъ со стола газету, скомкалъ ее, швырнулъ въ уголь и сказалъ:

— Мерзко это, подло это, и я подлець. Понимаешь? Ты — дуракъ, а я — подлець. Вотъ сидимъ мы здѣсь съ тобой, пьемъ чай съ сахаромъ, съ ромомъ. За что?—За то, что ты дуракъ, а я подлець.

— Ничего не понимаю, Николай Петровичъ,—сказалъ я.

Онъ опять хлебнулъ большой глотокъ. Чай показался ему горячимъ, и онъ еще расхолодилъ его новой порціей рому.

— А ты пойми!—заговорилъ онъ, съ легкимъ раздраженіемъ.—Вѣдь, я за эту статью деньги получилъ! Вѣдь, пойми ты, я бы не написалъ ее, если бъ мнѣ не заплатили.

— Понимаю. И что-же?

— А то, что если бъ не за деньги, такъ я написалъ бы совсѣмъ другое.

— Я не знаю, что бы вы написали другое, но, вѣроятно, и то было бы интересно прочитать.

— Да пойми, что я не могъ *того, другого-то* написать.

— Почему?

— Потому что мнѣ за это денегъ не заплатятъ, а не заплатятъ, гдѣ же я ромъ возьму?

Послѣднія слова онъ выкрикнулъ съ такимъ напускнымъ азартомъ, какъ будто драться собирался.

— Почему-же не заплатятъ?—недоумѣвалъ я.

— Потому, что никто не напечатаетъ. Потому, несмысленнѣе ты этакій, что все, что я могу сказать, все это никому не понравится,—потому, что всѣ такіе-же дураки, какъ ты. И читаютъ дураки, и приросту населенія радуются дураки. „Ахъ, говорить, нашего полку прибыло“!.. Скажите, пожалуйста, какая радость!.. И дѣтей родятъ, дураки.

— Господи, Николай Петровичъ!—прервалъ его я, начиная раздражаться.—Да вы не ругайтесь, это скучно, а вы объяснитесь толкомъ, умный человѣкъ,—а я вотъ васъ слушаю.

Прихлебывая теперь чай, онъ, видимо, оставался доволенъ и его температурой и ромовой крѣпостью; съ наслажденіемъ онъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и, принявъ учительскій тонъ, какимъ спрашиваютъ урокъ, онъ спросилъ меня:

— Имѣешь ты право убить человѣка?

— Нѣтъ.

— А зря родить человѣка можешь?

Я промолчалъ.

— Ты думаешь, этотъ радостный приростъ населенія со-

вершается не зря? Ты Шиллеровыхъ „Разбойниковъ“ читалъ?

— Читалъ.

— Помнишь?

— Да, въ общихъ чертахъ.

— Помнишь, что говоритъ Францъ Мооръ, когда онъ говоритъ, что отца убить хочеть?

— Плохо... не помню, пожалуй.

— Единица! Ты, возьми-ка да прочти. Мудрый Францъ говоритъ тамъ, что когда убиваютъ человѣка, такъ все очень основательно обдумываютъ, и всегда на это очень уважительная причина находится. А вотъ когда родятъ его, то совершенно необдуманно, и безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, кромѣ собственнаго удовольствія. И посему—даже убійство есть преступленіе гораздо меньшее, чѣмъ рожденіе. Ты мнѣ скажи: если ни одинъ родитель не можетъ отвѣтить о цѣли собственной жизни, какое онъ имѣеть право безцѣльно производить такихъ-же безцѣльныхъ существъ?.. Ты мнѣ скажи: свобода не есть ли высшее благо человѣка? Или ты, можетъ быть, знаешь какое-нибудь благо выше этого?

Я послѣ минутнаго раздумья отвѣтилъ:

— Свобода несомнѣнно высшее благо. Но, можетъ-быть, есть и другое какое-нибудь равноцѣнное,—не придумаю...

— Равноцѣннаго нѣтъ, — внушительно произнесъ Николай Петровичъ. — Ибо при отсутствіи свободы ты не можешь пользоваться никакими другими равноцѣнными благами. Итакъ, другъ мой, свобода есть высшее благо. А если я имѣю свободу рождать человѣковъ, то почему же мнѣ не имѣть свободы и убивать ихъ. Можетъ-быть, рождая человѣка, я обрекаю его на всю жизнь на величайшія муки. Жизнь человѣка на сей землѣ, человѣка, рожденнаго мною для моего удовольствія, подъ пьяную руку, можетъ быть настоящимъ адомъ. А отправляя на тотъ свѣтъ какого-нибудь праведника среди безмятежнаго сна, когда ему снятся ангелы небесные, я, такъ сказать, споспѣшествую непосредственному переходу его въ рай. Почему-же за дѣйствіе первое я заслуживаю одобренія, почему возбуждаю я радость въ моихъ согражданахъ за то, что къ ихъ полчищу дураковъ прибавлю новаго дурака, и почему за дѣйствіе второе меня нарекутъ убійцей и подвергнуть наказанію? Отвѣтъ мнѣ, дитя мое!

Я не отвѣчалъ, а вопросительно глядѣлъ на него, ожидая, что онъ скажетъ дальше.

— Ты думаешь, — продолжалъ онъ: — что, увеличивая населеніе и пользуясь за это уваженіемъ людей, составляю-

щихъ съ тобой одно государство, и въ то же время не имѣя права никого убивать, ты дѣйствуешь, какъ свободный гражданинъ? Жестоко ошибаешься, другъ мой! Ты не больше, какъ рабъ, и всѣ твои права и обязанности въ этомъ случаѣ—рабскія. А рабовладѣльцемъ твоимъ является эта самая фикція, которую ты называешь отечествомъ. Слыхаль-ли ты, ангель мой, о томъ, что есть такая страна—Америка, и что есть въ этой Америкѣ человѣки бѣлаго и чернаго цвѣта, и что человѣки бѣлые говорятъ про себя „мы—люди“, а про черныхъ, что они—скоты?

— Ну, это было прежде,—возразилъ я.

— Это и теперъ. Да будетъ и во вѣки-вѣковъ, — съ усмѣшкой сказалъ Николай Петровичъ и продолжалъ:—Да суть не во времени. А въ томъ, какіе тамъ порядки до освобожденія негровъ были. Господа рабовладѣльцы видишь-ли, очень поощряли дѣторожденіе между неграми. Каждой такой негритянской бабѣ, если у нея было больше шести человѣкъ ребятъ, за cadaго сверхкомплектнаго выдавалась приличная награда. Вѣдь, привезти негра изъ Африки—надо было деньги заплатить, а это, такъ сказать, свои телята, доморощенные. Такъ вотъ, знаешь ли, что иногда выдѣлывали эти самыя негрскія чернавки изъ мести своимъ хозяевамъ? Разсердится на хозяина, возьметъ да вытравленіе плода и совершитъ: „На, дескать, тебѣ, собака,—не будетъ тебѣ дарового теленка!“ Ну, разумѣется, хозяину убытокъ, а бабѣ наказаніе. А она говоритъ: „я нечаянно!“ Поди и разбирай. Такъ вотъ и ты, дружокъ, по отношенію къ увеличенію родного населенія находишься совершенно въ условіяхъ негритянской бабы.

— Ну, это только остроумный парадоксъ, Николай Петровичъ,—горячо возразилъ я:—я сразу опровергнуть этого не сумѣю, но и согласиться съ вами не хочу.

— Наплевать, не соглашайся. А теперъ налей-ка мнѣ еще чайку.

Пока я наливалъ ему чаю, а онъ подливалъ себѣ рому онъ опять заговорилъ:

— Ты, вотъ, радуешься вмѣстѣ съ моей дурацкой статьей, что у насъ увеличивается населеніе, а во Франціи уменьшается. А я не вижу ни радости для насъ, ни горя для французовъ. Надо же намъ сказать себѣ рѣшительно: куда идетъ человѣчество? Къ улучшенію-ли, или возвращается къ эпохѣ родового быта? Было понятно, когда родоначальникъ для обезпеченія существованія рода, въ борьбѣ за существованіе съ дикими звѣрями и другими людоѣдскими родами, долженъ былъ заботиться о плодородіи своихъ женъ и радоваться увеличенію своего рода. Росла масса, росла

сила и выдавливала прочь другую массу, другую силу. Ote toi de là pour que je m'y mette! А вѣдь мы все толкуемъ о прогрессѣ, мы говоримъ, что человѣчество совершенствуется, и люди изъ млекопитающаго животнаго превращаются въ какихъ-то новыхъ существъ. Вѣдь, если это такъ,—тогда весь вопросъ не въ количествѣ людей, а въ ихъ качествахъ. Вѣдь, даже войны вести, можетъ-быть, будутъ новыми, усовершенствованными способами, а можетъ-быть—со временемъ ни войны, ни дѣленія людей на государства не будетъ. Такъ чему-же радоваться, если одинъ народъ поставяетъ на міровой рынокъ миллионъ идиотовъ, а другой тысячу человѣкъ, имѣющихъ право считать себя высшими существами.

Я хмурился, слушая его, и молчалъ. Николай Петровичъ съ снисходительной улыбкой потрепалъ меня по плечу, и отеческимъ тономъ произнесъ:

— Такъ-то, другъ! А ты повѣрилъ всему, что въ газетѣ написано. Мало ли, что я тамъ напишу!

Меня все болѣе и болѣе раздражалъ его цинизмъ, и я, впадая въ рѣзкій тонъ, сказалъ ему:

— Такъ зачѣмъ же писать, Николай Петровичъ? Зачѣмъ писать то, что противно вашимъ убѣжденіямъ? То ли, другое ли—вы должны говорить въ газетѣ только то, что вамъ кажется правдой... въ чемъ вы убѣждены...

— Ахъ, ты думаешь, что надо писать правду,—заговорилъ онъ съ злой ироніей:—писать то, въ чемъ ты убѣжденъ?.. Какой ты умный, какой ты хорошій! Дай я тебя по головкѣ поглажу. Голубчикъ, да ты, кажется, цѣль жизни нащелъ. Такъ, милый ты мой, объясни ты мнѣ, пожалуйста, чтò же по твоему правда-то: вотъ то, что у меня въ статьѣ написано и за что ты меня такъ сейчасъ хвалилъ, или вотъ то, чтò я тебѣ сейчасъ говорилъ? Которая она, правда-то?

Я на минуту замаялся, задумался, и уже менѣе рѣшительнымъ тономъ сказалъ ему:

— Правда для васъ будетъ то, что вы-то сами именно и думаете по этому вопросу, и это вы и должны высказывать.

— Такъ,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Потомъ, покачавъ головой, онъ съ грустной улыбкой заговорилъ опять тѣмъ же пьянымъ, саркастическимъ тономъ:

— Ну, а если я думаю и такъ, и этакъ. Ты воображаешь, поди-ка, что это удивительно большой подвигъ выйти на площадь да и крикнуть: *messieurs, j'ai le courage de mes opinions!*.. И потомъ пострадать за нихъ, за эти самыя убѣжденія?.. А почемъ ты знаешь, я, можетъ-быть, храбрѣе васъ всѣхъ!.. Я вотъ выйду да скажу: *messieurs, j'ai le courage de mes opinions, et quand je ne les ai pas, j'ai le courage de*

ne pas les avoir! Что ты подѣлаешь со мной, если я голову на плаху положу за право не имѣть ни одного изъ вашихъ убѣжденій? Не согласенъ я... ни съ тобой, ни съ Иваномъ, ни съ Кузьмой!.. Нѣтъ у меня убѣжденій, согласныхъ съ вами! Не нашель я „убѣжденій“!.. Ты, вотъ, учишься, учишься по книжкамъ-то, а прочиталъ въ газетахъ мою статейку, да и давай въ ладошки хлопать:—„Ахъ, какъ хорошо написано“!.. А я вотъ тебѣ завтра совсѣмъ противоположное въ другой газетѣ напечатаю, ты опять прочтешь и не замѣтишь... и опять въ ладошки захлопаешь... потому что ты молокососъ!.. Какіе могутъ быть у меня и у тебя убѣжденія, когда въ книгѣ, глаголемой Екклесіастъ, сказано: „не проворнымъ достается на землѣ успѣшный бѣгъ, не храбрымъ побѣда, не мудрымъ хлѣбъ, и не у разумныхъ богатство, но время и случай для всѣхъ ихъ“. Ты приходи ко мнѣ и скажи: „вѣрую, яко все чепуха есть!“ И Николай Петровъ всему тебя научить...

Онъ взялъ свой стаканъ и поднялъ его кверху, какъ будто это былъ стаканъ вина, поднятый для тоста. Хлебнувъ изъ него глотокъ, онъ поморщился:

— А чай-то, братъ, остылъ. Горяченькаго бы! Велика самоварчикъ-то подогрѣть.

Я всталъ и позвалъ Пелагею. Николай Петровичъ между тѣмъ продолжалъ:

— Да... газеты все трубятъ чепуху, все одно и то же... И зачѣмъ? Все давно написано, все сказано, новаго ничего нѣтъ... А ты еще требуешь отъ меня: пиши по убѣженію непременно то, что считаю истиной... А ты знаешь, что такое истина? Нѣтъ, не знаешь?.. Я тебѣ скажу. Истина одна. Какъ есть, одна только истина во всемъ свѣтѣ!

И Николай Петровичъ, въ поясненіе своей мысли, многозначительно поднялъ кверху указательный палецъ и внушительно съ разстановкой произнесъ:

— Богъ не всемогущъ. Вотъ тебѣ. И нѣтъ другой истины— за это поручусь!

Я смотрѣлъ на него съ снисходительной улыбкой, какъ смотреть на фокусника въ ожиданіи, что онъ васъ сейчасъ же, на глазахъ у васъ, проведетъ; и въ непоколебимой увѣренности, что это ему не удастся, я, поддразнивая его, сказалъ:

— До сихъ поръ считалось, что Богъ всемогущъ, Николай Петровичъ.

— Мало ли что! А это вотъ истина: не всемогущъ.

— Чѣмъ вы это докажете?

— Ежели всемогущъ, стало-быть, для него все возможно?

— Стало-быть, все.

— Ань вотъ есть такая вещь, которая не возможна и для Бога. *Сдѣлать, чтобы совершившееся было не совершившимся.* Понялъ? Былъ созданъ міръ. Всемогущій Богъ взялъ да и сдунулъ его. Такъ, превратилъ въ ничто,—то есть такъ, что даже духу никакого не осталось отъ всего міра. Всемогущъ,—можетъ,—признаю. А вотъ пусть онъ сдѣлаетъ такъ, чтобы этого самаго міра, который онъ создавалъ, какъ будто и не бывало никогда. Этого нельзя. Былъ — такъ стало-быть и былъ. Нѣтъ — стало-быть и нѣтъ его. Но осталось два несокрушимыхъ, неуничтожимыхъ факта: *былъ* и *нѣтъ*. Вотъ это и есть неопровержимая истина. А все остальное условно и спорно.

Въ это время вошла Пелагея взять остывшій самоваръ; она принесла уже и другой, кипящій. Пока она ихъ мѣняла на столѣ, Николай Петровичъ, ходившій по комнатѣ, подошелъ и обнялъ Пелагею за талію.

— Полинъка, прекрасная дѣвица! что есть истина?

— Оставьте, Николай Петровичъ! — отстранила она его руку.

— Милая Полинъка! Не пренебрегайте мной за то, что я убогъ, старъ и лысъ!.. Полинъка, погладьте меня по лысинѣ и скажите: „умная ты голова, Николай Петровъ, а дуракъ!“ Вотъ у этого юноши, видите, какая роскошная шевелюра, а я къ старости лѣтъ все утратилъ.

— Да пустите, Николай Петровичъ! — вырывалась Пелагея.

Но онъ держалъ ее крѣпче, чѣмъ она держала самоваръ.

— Вы думаете, Полинъка, что я облысѣлъ такъ себѣ, зря? Нѣтъ, милая моя, это по волѣ Божіей, молитвами святыхъ отецъ нашихъ. Потому знаете, въ Писаніи сказано, что и волосъ съ головы человѣка не упадетъ безъ воли Божіей. А вы вотъ говорите:— „чего ты пристаешь?“ Понимаете, милая Полинъка,—обо мнѣ самъ Господь Богъ всю жизнь заботился. Сѣдину мнѣ въ бороду пустилъ, бѣса въ ребро посадилъ и васъ изъ ребра Адамова для меня создалъ.

Пробуя увлечь Пелагею въ вальсъ, Николай Петровичъ запѣлъ:

— Я теперь уже иной:
Кой-гдѣ волосъ есть сѣдой.
А когда-то запѣвалой
На пирахъ я также былъ
И, какъ вы, друзья, бывало,
Полной чашей радость пилъ...

Пелагея огрызнулась, однако, довольно рѣшительно:

— Пустите же, Николай Петровичъ, а то вотъ изъ самовара на васъ такъ и плесну. Даромъ, что остылъ — все горячо будетъ.

И, вырвавшись изъ его объятій, она стала угрожать ему самоваромъ.

— Ну, зачѣмъ такъ грозно, Полинька! Къ чему все это, милая дѣвица? Подумали ли вы, для чего вы совершить поступокъ сей хотите? Вы мнѣ только отвѣтите: что есть истина?

Но Пелагея задомъ пятилась къ дверямъ и, отворивъ ихъ ногой, уже юркнула въ корридоръ. Николай Петровичъ громко, вдогонку, кричалъ ей:

— Что есть истина, Полинька? Quid est veritas?

И, такъ же въ открытую дверь, басомъ, торжественно произнесъ въ корридоръ:

— Христось не отвѣтилъ!

Закрывъ двери и вернувшись ко мнѣ, онъ, уже какъ бы разсуждая самъ съ собой, присаживаясь къ столу и опять наливая себѣ рому въ горячій чай, въ грустномъ раздумьѣ произнесъ:

— „Азъ есмь истина!..“

XIV.

Въ одно изъ ближайшихъ воскресеній мы съ Николаемъ Петровичемъ опять сидѣли въ трактирѣ. Мой отецъ почему-то раздобрился и прислалъ мнѣ въ этомъ мѣсяцѣ, вмѣсто 60 рублей, 75. Это и послужило мнѣ поводомъ отплатить Николаю Петровичу угощеніемъ за угощеніе. Намъ обоимъ надоѣли наши „домашніе“ обѣды, и я пригласилъ его освѣжиться и пообѣдать въ трактирѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ въ Москвѣ, я водки предъ обѣдомъ не пилъ; но, вспомнивъ, что въ отцовскомъ домѣ и я, не смотря на свою юность, придерживался этого обычая, я предложилъ теперь Николаю Петровичу:

— Выпьемъ водочки?

— Водку, братъ, не пьютъ, а глотаютъ, — поправилъ онъ меня. — Ну, что-жъ, пойдѣмъ, проглотимъ по рюмочкѣ.

Мы проглотили по первой, закусили, проглотили по второй, заказали обѣдъ, велѣли подать катехинскаго, и, слово за словомъ, у насъ опять завязалась бесѣда.

Николай Петровичъ разсказалъ мнѣ на этотъ разъ, какъ онъ, бросивъ свое мѣсто посольскаго псаломщика, скитался по Европѣ и бѣдствовалъ, ища какой-нибудь работы.

— Не хотѣлось мнѣ, братецъ ты мой, въ Россію возвращаться. Все-таки, тамъ, за границей, думалось, страна свободы, а у насъ дома — чортъ знаетъ что. Хотѣлъ я тамъ найти себѣ мѣсто, дѣло — по душѣ. Французскій языкъ я знаю порядочно, пробовалъ даже разные *articles* въ Женев-

скихъ газетахъ писать. Доходилъ до всего. И наконецъ—гарсономъ въ кафе былъ.

— Вотъ какъ!

— Да, только это уже не въ Женевѣ, — а занесъ меня чортъ въ Дижонъ. Выбраться было не съ чѣмъ, работы никакой, а какъ разъ новое café открылось и меня *portier* того дома, гдѣ я остановился, выручилъ—рекомендовалъ туда.

Николай Петровичъ немного помолчалъ; казалось, онъ не то старался припомнить, какъ это было, не то вовсе не хотѣлъ вспоминать. И заговорилъ онъ опять, хотя въ томъ же развязно-шутливомъ тонѣ, но безъ особаго увлеченія. Онъ, какъ будто оправдываясь, сказалъ:

— Ничего, братъ,—ремесло это прибыльное. Тамъ у французовъ, братъ, тѣмъ хорошо, что получка на чай вѣрная. Полагается на франкъ 5 сантимовъ. Подаль ты кому-нибудь на два франка — значитъ, у тебя ужъ вѣрныхъ два су въ карманѣ. А я, братъ, малый расторопный былъ: побойчѣе вотъ этого ферта въ бѣлыхъ штанахъ да въ бѣлой рубахѣ. Курточку себѣ добылъ,—бѣлымъ фартукомъ подпоясался,—то есть, вотъ какъ леталъ отъ столика къ столику!.. „*Garçon!*“ „*Voilà, mess-sieurs!*“ Идешь, бывало, въ рукѣ несешь на подносѣ напитки, и такъ это подносомъ въ воздухѣ на манеръ московскихъ половыхъ покачиваешь,—видишь вонъ онъ какъ несетъ: точно корабль на волнахъ моря житейскаго... У французовъ это не принято, ну а я выдѣлывалъ. Правилось, „многіе одобряли“ „*drôle de garçon!*“—бывало, говорятъ. Ужъ такъ, у меня свои кліенты образовались. Такъ и слышу бывало: „*Nicolas! un tazaragn!*.. *Nicolas! un boc!*..“

Онъ улыбался, смотря мнѣ въ глаза. Но мнѣ казалось, что въ улыбкѣ этой было что-то горькое. И я не ошибся. Въ его дальнѣйшемъ разсказѣ уже зазвучало раздраженіе.

— Да,—говорилъ онъ:—мѣсяца два это занятіе меня забавляло... а потомъ надоѣдать стало. Смотрю, бывало, я на французское стадо, которое сидитъ тутъ, предо мной, пьеть, курить, въ домино играетъ, вздоръ несетъ,—а я стою да караюлю, какъ бы который не удралъ, не заплативши,—случается, бываетъ и тамъ это,—стою да думаю: „ну, а цѣль вашей жизни, господа?.. цѣль твоего пребыванія здѣсь, Николай Петровъ?.. Свободный, вольный трудъ. Ха-ха!.. Служеніе вольнымъ гражданамъ. Ага!.. Да цѣль вашей жизни, чортъ васъ всѣхъ подери?! Цѣль вашей жизни, дьяволы вы этакіе!“

Ноты раздраженія въ его голосѣ, все ширясь, вырвались здѣсь громкимъ аккордомъ съ ферматой. И, точно чувствуя необходимость прибавить къ этому еще болѣе громкій аккомпаниментъ, Николай Петровичъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что сидѣвшіе за сосѣднимъ столомъ два почтенныхъ

чиновника оглянулись на насъ. Николай Петровичъ въ свою очередь оглянулся на нихъ и нѣсколько времени смотрѣлъ имъ прямо въ лицо, пока они не отвернулись,—тогда успокоился и онъ. Онъ на минуту занялся ѣдой, и потомъ вдругъ оживившись, возобновилъ свой разсказъ.

— Стоишь, бывало, у столика, слушаешь, о чемъ всѣ эти господа-публика, разговариваютъ. И не то что тамъ дуракъ на дуракъ,—это бы ничего, а такъ вотъ: мѣсяць пройдетъ, живой души не встрѣтишь,—такъ все двуногое животное какое-то! Никакихъ другихъ разговоровъ, кромѣ торговыхъ да чревоугодныхъ. А ужъ если въ политику пустятся—опять все то же. Вся политика на торговыхъ выгодахъ. „А вѣдь вы, господа граждане,—думаю себѣ, бывало,—народъ, который міру хартію Droits de l'homme далъ! Свобода, равенство и братство! Шутка сказать!..“ А какая тутъ къ чорту свобода, какое братство, когда вотъ я, магистръ богословія, служу какому-нибудь парикмахерскому ученику или приказчику изъ éricerie, и онъ съ важнымъ видомъ покрикиваетъ на меня: „Gagçon, un bos!“

Я возразилъ ему:

— Но вѣдь и вы въ свою очередь точно также, придя къ нему въ парикмахерскую, крикните ему: „Gagçon! Rasez-moi!“ Страна свободы, равенства и братства.

Николай Петровичъ взглянулъ на меня такимъ сурово-насмѣшливымъ взглядомъ, который долженъ былъ дать мнѣ ясно понять всю несостоятельность моего замѣчанія.

— Тамъ нѣтъ ни свободы, ни равенства, ни братства,—авторитетно произнесъ онъ; и, запивъ это изреченіе добрымъ глоткомъ вина, досказалъ свою мысль:—а есть только одни призраки всего этого... И править этой призрачной тройкой нѣкій фокусникъ, магъ и чародѣй, monsieur Badinguet!.. Да настоящихъ свободы, равенства и братства никогда и не будетъ... Этого газеты не допустятъ.

— Какъ такъ?—изумился я.

— Имъ это не выгодно. Гдѣ же тогда газеты скандаловъ возьмутъ? А безъ скандаловъ какая же это печать. Убыточно. То-есть вотъ гдѣ я, другъ мой, газеты возненавидѣлъ—такъ это въ этомъ моемъ кафе. Гляжу, бывало, сидитъ какой-нибудь идиотъ, читаетъ въ газетѣ политическую статью,—совершенно вотъ такъ, какъ ты мою читалъ,—и воображаетъ, что все это именно для него писано,—что онъ представляетъ общественное мнѣніе и судьбы міра рѣшаетъ! Помилуйте, какъ же! Вѣдь онъ и Бастилію взялъ, и Робеспьера казнилъ, и Наполеона I короновалъ, и опять республику учредилъ, и все не доволенъ порядками былъ... Теперь Наполеона III себѣ на шею посадилъ, везетъ его, и, дуракъ, очень

доволенъ. Какъ же-съ, помилуйте: емрегеур у него не то что бы тамъ какой-нибудь, съ неба свалился что ли... а *волею народа!* Par la grace du peuple! Каждый цирюльникъ въ плембисцитъ участвовалъ. Хоть на часъ да государственную мудрость проявилъ! А онъ только и умѣетъ, что побрить да постричь... Баранъ изъ Панургова стада...

— Позвольте, Николай Петровичъ,—прервалъ его я,—ну, вѣдь вы-то сами—были же гарсон'омъ? Почему же вы не хотите допустить, что и между парикмахерами и приказчиками могутъ быть люди такіе же развитые, какъ вы.

— Другъ мой, такъ вѣдь развѣ я правило? Я аномалія, я—исключеніе. Я и не выдержалъ этой жизни. Я бѣжалъ отъ нея при первой же возможности.—Грустно покачивая головой, Николай Петровичъ продолжалъ говорить тихо, не то стараясь внушить мнѣ свои мысли, не то ища у меня отвѣта на мучившіе его самого вопросы.—Неужели ты думаешь, что можно быть магистромъ богословія и найти нравственное удовлетвореніе въ роли гарсона въ кафе? Неужели ты думаешь, что для того, чтобы быть гарсономъ въ кафе или цирюльникомъ, нужно богословское или иное широкое образованіе? Да понимаешь ли ты, сколько это франковъ и сантимовъ стбѣтъ—дать широкое образованіе человѣку? Понимаешь ли ты, сколько времени нужно даромъ кормить его, пока онъ усвоитъ себѣ всякія премудрости? Неужели ты думаешь, что для роли брадобрѣя нужны люди съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ?

— Конечно, нѣтъ!—отвѣтилъ я.

— Ну, ихъ тамъ и нѣтъ. А я вѣдь тебѣ про то говорю, что онъ газету читаетъ такъ, какъ будто отъ его мнѣнія рѣшеніе судьбы всѣхъ государствъ Европы зависитъ.

— Что же, развѣ можетъ не нравиться такое уваженіе къ печатному слову и такое сознаніе собственнаго достоинства?

— Ахъ, и мнѣ сначала очень нравилось!—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ возразилъ Николай Петровичъ.—Но когда, мѣсяца черезъ два, зашли въ наше café двое русскихъ купцовъ, и я услышалъ русскій говоръ, такъ, вѣришь ли, точно предо мной дверь изъ тюрьмы на волю отворили... И тутъ же рѣшилъ я,—къ чорту кафе!—Напросился я къ кушамъ въ гиды. Спасибо, взяли. Потомъ они меня до самой Москвы довели. Выпьемъ-ка, вотъ, давай, за ихъ здоровье!

Онъ чокнулся со мной и опорожнилъ свой стаканъ.

— Хорошіе были кушцы,—продолжалъ онъ, икая отъ слишкомъ быстро выпитаго вина,—основательные! Я имъ про Каляма рассказывалъ—одобрили. Вино у насъ до самой Москвы не переводилось. Потомъ они дальше поѣхали, домой, не то въ Шую, не то во Владиміръ... Не встрѣчалъ съ тѣхъ

порь... Ну, такъ вотъ: какъ пріѣхалъ я опять сюда, да увидалъ стѣны кремлевскія, да сорокъ сороковъ московскихъ, да Василю Блаженнаго и Николу-на-курьихъ-ножкахъ,—и такъ-то у меня хорошо на сердцѣ стало. Ну, вѣришь-ли, первые дни, точно будто я цѣль жизни нашелъ. Ты Некрасова любишь? Помнишь:

„Родина мать, я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ возвратился...“

Все, братъ, я тутъ сразу понялъ. Вижу—душа моя была русская. Худая ли она, хорошая ли, этого, братъ, ни славянофилы, ни западники не рѣшили. И не рѣшатъ. Русская—и все тутъ. Какъ пахнуло на нее русскимъ-то воздухомъ, такъ мнѣ точно небо открылось. Къ чорту, думаю, ваши *liberté, égalité, fraternité!* Если есть у васъ тамъ справедливость,—хоть будь она справедливость самаго высшаго порядка,—это все, братъ, дѣло умственное! А не могу я жить умомъ. И никто не можетъ. Съ умомъ и обезьяну можно выучить: на цивилизованнаго гражданина двѣ капли воды походить будетъ. А человѣку—сердце нужно... Только сердцемъ можно жить!.. Сравнивалъ я нашего російскаго „мужичка“ съ „monsieur“, и—что ты тутъ будешь дѣлать, все мнѣ мужичекъ милѣе заграничнаго monsieur казался. И не то что какой-нибудь лапотникъ, ты не думай! Вонъ и тотъ тамъ, видишь, сидитъ, въ лакированныхъ ботинкахъ и въ бѣломъ галстукѣ, это онъ для праздника,—а все-таки мужичекъ! Ты разоблачи его, приложись къ груди, у него тамъ сердчишко бьется. А у настоящаго-то monsieur въ штіблетахъ—у того послушай:—часовой маятникъ чикаетъ. Время—деньги, говорить... А куда спѣшить?.. Всѣ умремъ... успѣемъ...

Николай Петровичъ поникъ на минуту головой и потомъ вдругъ сдѣлалъ неожиданный переходъ:

— Одно вотъ только жаль: одолѣли мужичка справедливостями. То-есть, кто только ему всякихъ этихъ справедливостей не навязываетъ: и попъ, и чиновникъ, и писатель, и нашъ братъ газетчикъ, и учитель,—нѣтъ, кажется, такого человѣка, который бы ему не твердилъ: „живи по Божьи“, „живи по правдѣ“. А ему, мужичку-то, тоже сладенькаго хочется... ласки надо. Ты его приласкай, ты ему сердцемъ правду-то внуши. И онъ тебѣ отъ сердца же откликнется. Ибо говоритъ апостоль Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ: если утверждающіеся на законѣ судьбы наслѣдники, то тщетно вѣра, бездѣйственно обѣтованіе...

Я не совсѣмъ ясно понималъ, что онъ хотѣлъ сказать всѣми этими послѣдними словами. Но вѣдь передъ нами

стояла уже третья початая бутылка кахетинскаго, нашъ обѣдъ былъ конченъ, и языкъ Николая Петровича начиналъ немного заплетаться. Поэтому я и не искалъ тогда строгой логической связи между отдѣльными его афоризмами, а bona fide ловилъ въ нихъ тѣ мысли, которыя казались мнѣ просто интересными, чтобы потомъ записать ихъ. Что касается текстовъ, то Николай Петровичъ иногда просто вставлялъ ихъ, ни къ селу, ни къ городу, чтобы напустить туману.

Убравъ со стола всю посуду, кромѣ стакановъ и бутылки, половой почему-то заблагоразсудилъ положить намъ на столъ двѣ газеты. Николай Петровичъ съ презрѣніемъ отодвинулъ ихъ отъ себя и сказалъ:

— Вотъ, говорятъ: „печать—великая сила! Будущее печати огромно! Ея воспитательное значеніе неизмѣримо!..“ Врутъ все—взоръ это! „Шестая великая держава!..“ Развѣ сила въ печати? Сила только въ личности, въ довѣрїи къ личности. Вотъ я пишу, я печатаюсь, а развѣ это моя личность? Только юнецъ, у котораго молоко на губахъ не обсохло, повѣритъ еще печатному слову. „Изостриша языкъ свой яко аминь, ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ...“ Христось не написалъ, братъ, ни строки. Сократъ лично училъ жить и пить... и умирать. Не дуракъ былъ выпить... да и цыкату выпилъ, какъ кубокъ хюсскаго... Такъ-то, милый человекъ!.. Ахъ, если бы я былъ московскимъ купцомъ! Я бы цѣлую школу составилъ!.. Сълъ бы—по бутылкѣ вина на брата—и училъ бы: вотъ, молъ, я—личность,—смотри на меня и поучайся.

Николай Петровичъ при этомъ сокрушенно вздохнулъ. И, помолчавъ, продолжалъ:

— А все, что я за деньги-то напишу, этому ты не вѣрь!.. Эхъ, я вотъ не купецъ и никого себѣ на поученіе пригласить не могу... Вѣдь если я своимъ мальчишкамъ въ гимназїи что-нибудь такое скажу, меня сейчасъ директоръ за ухо, да и скажетъ: „а, такой-сякой, ты что тутъ проповѣдуешь? Тебѣ,—скажетъ,—жалованье платятъ, чтобы ты внушалъ чувства любви къ отечеству и народной гордости, а ты куда гнешь?“ Ну, вотъ, я и играю въ гимназїи съ мальчишками въ дурацкую игру... Скучно, а ничего не подѣлаешь: кушать хочется... Меня, было, какъ я тогда вернулся въ Москву-то, добрые знакомые въ нѣкую комиссію на службу пристроили. Послужилъ, плюнулъ,—и пошелъ просить съ куда-нибудь къ педагогамъ. „Что такъ?“—спрашиваютъ.—„Ты бы,—говорятъ,—могъ тамъ въ гору пойти и деньги нажить.“—Нѣтъ! — говорю, — увольте, потому еще покойникъ Герасимъ скажетъ своимъ согражданамъ: „лучше,—говорить,—я съ ребятами играть буду, чѣмъ съ вами общественныя дѣла обдѣлывать“.

Николай Петровичъ, попивая теперь вино небольшими глотками, послѣ каждаго все морщился. Онъ былъ, видимо, уже пресыщенъ.

— А все-таки, братъ, за границей вино-то лучше!—сокрушенно произнесъ онъ.

И вдругъ, совершенно позабывая, какъ онъ только-что сейчасъ восторгался русскимъ духомъ, Николай Петровичъ, все болѣе и болѣе впадая въ раздражительный, пессимистическій тонъ, заговорилъ уже совсѣмъ другое. Какъ ни былъ я предыдущими разговорами съ нимъ подготовленъ къ противорѣчьямъ въ его взглядахъ, но и для меня его теперешняя рѣчь явилась неожиданностью.

— Эхъ, не купецъ я!—воскликнулъ онъ, ударяя кулакомъ по столу.—Будь я купецъ, выписалъ бы я боченокъ шабли... хо-ро-ша-го шабли!.. усадилъ бы всѣхъ пріятелей въ кружокъ и тако возопилъ бы: „Братіе! за что мнѣ, собственно, любить Россію?..“ Да... такъ бы и сказалъ: „за что?..“ „Братіе, все, что доставляетъ мнѣ наслажденіе, все дано мнѣ Европой... Братіе, что осталось во мнѣ русскаго? Позвольте васъ спросить, какіе русскіе пережитки старины дороги мнѣ въ современной моей жизни?.. Вѣра моя?—Нѣтъ ея у меня... Одежда моя?—Иноземная она... Напитки мои любимы?—Всѣ они фряжскіе, ренскіе, угрскіе. Порядки жизни моей?—Ежели они Домостроевскіе, старинные,—претятъ они душѣ моей; ежели они тѣ, что любы мнѣ,—всѣ изъ-за границы вывезены... Позвольте васъ спросить, граждане, какія права приобрѣли вы себѣ сами?.. Позвольте васъ спросить, граждане, какія идеи великія провели вы сами въ жизнь вашу?.. По-кланялись вы Перуну и всякой нечисти. Нашелся между вами одинъ хорошій человѣкъ... да и тотъ вотъ тоже выпить любилъ, какъ и я, грѣшный. Услыхалъ онъ, что въ чужихъ странахъ Перуна его—болваномъ называютъ. И не захотѣлось ему болвану кланяться, и послалъ онъ свѣдущихъ людей отыскивать, кому кланяться приличнѣе. Приходили къ нему разные люди: и татаринъ, и жидъ, и грекъ. Всякъ говоритъ: „моя вѣра правая“. Поторговался съ ними Красно-Солнышко,—съ грекомъ по рукамъ ударили. „Учи, говоритъ, насъ уму разуму.“ Давай болвановъ деревянныхъ рубить, давай ихъ топить. А пока они этимъ сурьезнымъ дѣломъ занимались, живые болваны деревянныхъ защищать было вздумали. Ну, не поцеремонились и съ живыми: и живымъ болванамъ голову долой, да въ воду ихъ. И вотъ стали наши русоперы гражданами... А то что были?.. Русоперы проклятые—и больше ничего!.. Предки-то наши, говорю?.. древляне, поляне, и вся эта чудь, меря и весь, что они были?.. Какъ медвѣди въ

берлогъ жили. Забрались, звѣрье, чортъ знаетъ, куда!.. Тамъ, посмотри-ка на Западъ,—люди-то, настоящіе, тамъ,—такъ какія себѣ мѣста выбрали? Красота одна!.. А русоперы, предки-то наши, говорю,—залѣзли въ лѣса темные, дремучіе... спрятались по предку за дерево, да и думаютъ, Богъ знаетъ, какой рай обрѣли!.. Туда же: „земля наша велика и обильна!..“ Русоперы!.. Вотъ только какъ деревянныхъ болвановъ изрубили, тогда и стали немножко на людей походить... Ну, жили они себѣ, поживали, „били ихъ батоги нещадно“, пороли ихъ, медвѣдями травили, въ застѣнкахъ пытали... Дальше какъ дѣло было?.. Ну, пришелъ Петръ Великій. „Нѣтъ, —говорить,—нельзя намъ по-русски жить, все это ни къ чорту не годится. Смотри, говорить, какъ тамъ, на улицѣ, за окошкомъ-то, живутъ,—вотъ и намъ безпремѣнно такъ же надо... Поѣду я, говорить, къ голландцу... голландецъ, онъ—человѣкъ дошлый, всему научить“. Самъ Петръ выучился и все російское царство выучилъ... то-есть, такъ здорово выучилъ, что даже сосѣдямъ на диво!.. Позвольте васъ спросить, граждане, въ чемъ ваша самобытность проявилась до той поры и втапору? Нѣтъ, вы позвольте васъ спросить, граждане, отъ крѣпостного права кто васъ освободилъ? Европа матушка, она все. Тамъ все это прежде васъ сдѣлали. Тамъ для васъ эту свободу человѣческой личности открыли, — а вы въ это время на лежанкѣ лежали. Тамъ великіе умы за васъ работали. Тамъ народъ грудью своей свободу отстаивалъ. Тамъ крѣпостные обычай изъ моды вывели, такъ и у васъ подражатели нашлись... Въмѣстѣ съ модами всякими понятіе о свободѣ переняли, да и говорятъ: „не прилично, что у насъ такъ-то!“ Чужимъ варяжскимъ умомъ вы отъ рожденія жили, чужимъ умомъ строились, чужими горбами свобода ваша завоевана. Пальцемъ о палець вы для себя не ударили!.. Кто васъ отъ пытокъ избавилъ? Европа матушка. Тамъ все это пережили, перестрадали, а вы только оттуда все, уже какъ моду, переняли... Вотъ, погодите, придетъ время, еще вы у жидка чему-нибудь учиться начнете... и еще жидъ вамъ какой-нибудь подарокъ гражданской свободы поднесетъ!.. Лѣзаетъ, да кричить: „я, говорить, этакъ жить не могу! мнѣ, говорить, никакъ невозможно, душно, говорить, и тѣсно на своемъ мѣстѣ!“ И вѣдь, чего добраго, гляди, выползетъ, разольется по всей матушкѣ Руси... И опять будетъ кричать: „душно мнѣ такъ-то, тѣсно мнѣ такъ-то!“ Ключъ подберетъ и замочекъ откроетъ. Ужъ если говорить: „тѣсно“,—такъ вылѣзаетъ. Ну, а ужъ тутъ и вамъ вмѣстѣ съ нимъ тѣсно станетъ... И опять вы, граждане-русоперы, ужъ вмѣстѣ съ жидомъ, кричать станете: „тѣсно намъ такъ-то! душно

намъ!..“ Русоперы, одно слово—русоперы!. Такъ всю жизнь чужимъ умомъ и живете. А то-же: „мы-ста, сила-ста!..“ Нѣтъ, вы мнѣ скажите, граждане, какія вы великія идеи въ вашу жизнь провели?.. Что вы сами удумали, чего бы другіе народы допрежъ васъ въ моду не ввели?..

Въ памятныхъ запискахъ, которыя сохранились у меня отъ того времени, значитъ, что послѣ обѣда мы продолжали наши похождения изъ трактира въ погребокъ, изъ погребка въ трактиръ, но цѣли жизни нигдѣ не нашли, и домой вернулись только поздно ночью. А въ скобкахъ около этой записи поставлено слово „перипатетики“ и два восклицательныхъ знака.

XV.

По мѣрѣ того, какъ я сближался съ Николаемъ Петровичемъ и перерабатывалъ въ своемъ мозгу все, что мой новый другъ и учитель наговорилъ мнѣ и въ трезвомъ, и въ пьяномъ видѣ, я начиналъ тяготиться его методомъ сужденія.

Я чувствовалъ, что этотъ человѣкъ, помимо своей воли, ведетъ меня въ тѣ же дебри, куда онъ самъ забрелъ,—въ тѣ терновые кусты, въ которыхъ онъ самъ запутался и испарался. Я увидаль, что найти цѣль человѣческой жизни, цѣль которая могла бы служить цѣлью для всѣхъ и каждаго и во всякое время...—да, это очень трудно. Но вѣдь если ее искать путемъ отрицанія всего, то, очевидно, ее никогда и не найдешь. На чемъ же остановиться? Я бралъ каждую отдѣльную мысль Николая Петровича и находилъ возможнымъ согласиться съ ней, но сейчасъ же находилъ и цѣльный рядъ опроверженій, а затѣмъ находились и опроверженія къ опроверженіямъ. Было ли это настоящее исканіе истины,—надъ этимъ я тогда не задумывался; но я чувствовалъ порой, что у меня, просто, кружится голова отъ распутыванія той сѣти противорѣчій, которую соткалъ вокругъ меня Николай Петровичъ изъ своихъ софизмовъ. Мои прежніе—домашніе—учителя научили меня уважать „твердыя убѣжденія“ не только у самого себя и своихъ единомышленниковъ, но даже и у противниковъ. Измѣна убѣжденіямъ, если она обуславливалась какой-нибудь выгодой,—была въ моихъ глазахъ величайшимъ позоромъ. Если можно было замѣнить свои прежнія убѣжденія другими, то только по убѣжденію же, по сознанію, что ты ошибался; открывъ свою ошибку и найдя настоящій новый путь, надо было вступать на него съ новыми „твердыми убѣжденіями“. И вотъ предо мной былъ

человѣкъ, который говорилъ, что этого пути не существуетъ вовсе, что идти некуда, что нельзя имѣть никакихъ твердыхъ убѣжденій, если у тебя нѣтъ ясно сознанной цѣли жизни, *общей и обязательной* для всѣхъ. А этой цѣли—такой цѣли—онъ не находилъ; и, вдумываясь въ его поиски, не видѣлъ пути къ искомому и я. Онъ показывалъ мнѣ на рядѣ историческихъ примѣровъ, какъ не только отдѣльныя лица искренно мѣняли свои убѣжденія, но и какъ все человечество въ его цѣломъ до сихъ поръ мечется изъ стороны въ сторону. Зачѣмъ же мнѣ сознательно идти съ заблуждающимися, какъ бы ни были они твердо убѣждены въ своей правотѣ, когда я вижу, что ихъ противники еще тверже убѣждены въ противоположномъ, и когда я... я чувствую, что настоящій-то путь гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, и ни имъ, ни мнѣ не вѣдомъ. Развѣ даромъ всѣ неразрѣшимые вопросы жизни носятъ названіе „проклятыхъ“ вопросовъ!

А не найти цѣль жизни нельзя!

Нельзя сказать, что для одного будетъ одна цѣль, для другого—другая, для третьяго—третья,—по силамъ и способностямъ каждаго. Пусть даже это будутъ такія цѣли которыя противодѣйствуютъ другъ другу, все равно, это не удовлетворяетъ. Дѣло вѣдь идетъ не о частностяхъ существованія, а о смыслѣ его. Допустить различіе цѣли въ вѣчности—это значитъ допустить утвержденіе безнадежнаго неравенства людей между собой, неравенства, необъяснимаго ничѣмъ, кромѣ какого-то рокового проклятія. А съ такимъ неравенствомъ никогда не могла помириться моя душа. Должна быть одна такая цѣль жизни, предъ которой всѣ люди равны, какъ всѣ равны предъ смертью и тлѣніемъ. Когда войско идетъ на войну, въ немъ всѣ неравны между собой, неравны и по положенію, и по шансамъ попасть подъ пулю: одни идутъ впередъ, другіе остаются въ аррьергардѣ, одни выдержать походъ, другіе умрутъ отъ болѣзней, даже не повюхавъ пороху. Но цѣль у всѣхъ одна—побѣда. Такая единая цѣль должна быть найдена и въ битвѣ жизни. Разъ ея нѣтъ, разъ я допущу возможность различныхъ цѣлей для отдѣльныхъ лицъ или группъ, вся жизнь сведется къ утилитаризму, къ самой простой выгодѣ каждаго отдѣльнаго лица въ каждую данную минуту. А если это такъ, то не будетъ ничего предосудительнаго и въ переходѣ отъ одной цѣли къ другой. Съ этимъ я тоже не хотѣлъ помириться.

И вотъ, я, уже и безъ Николая Петровича, каждый день повторялъ теперь себѣ: „цѣль нашей жизни, господа?“ Запись мыслей его, которую я было сжегъ, была восстановлена, и я окончательно завелъ дневникъ, куда почти ежедневно вносилъ все передуманное мной.

Теперь я уже не относился такъ самоувѣренно ретиво къ моимъ учебнымъ занятіямъ, какъ прежде. Число ежедневно разрѣшаемыхъ алгебраическихъ задачъ значительно сократилось. Я пропускалъ иногда часы практическихъ работъ въ пансіонѣ. Дрожаніе стеколъ въ окнахъ, когда я ворочалъ тяжелое прѣвно въ токарномъ станкѣ, уже не возбуждало во мнѣ прежняго радостнаго чувства, прежняго удовольствія отъ сознанія своей физической силы. Потому что я постоянно задавалъ себѣ вопросъ: ну, а потомъ? дальше что? зачѣмъ все это?

Я замѣчалъ, какъ я становился нравственно слабѣе подъ гнетомъ „исканія цѣли жизни“ и какъ вмѣстѣ съ этимъ ослабѣвала и моя сила физическая,—и если не сила, то, по крайней мѣрѣ, энергія.

А въ то же время съ каждымъ днемъ потребность видѣться съ Николаемъ Петровичемъ, поговорить съ нимъ становилась все настойчивѣе. Я находилъ, что это желаніе поковыряться въ собственной душѣ, поковыряться въ наболѣвшихъ проклятыхъ вопросахъ, становилось похожимъ на желаніе почесать больное мѣсто: такъ иногда хочется скovyрнуть коросту на болячкѣ. Я чувствовалъ, что моя душа, здороваго дотолѣ первобытнаго человѣка, была теперь какъ бы вся сплошь покрыта оспенными нарывами скептицизма. У меня они чесались, я думалъ надъ ними серьезно, я не могъ оставить въ покоѣ эти болячки, я старался обнажить ихъ. А у Николая Петровича онѣ, казалось, зажили; но зато весь его духовный обликъ былъ уже какъ бы рябой. Не было ни одного вопроса жизни духа и тѣла, который бы не былъ у него исковыренъ до степени настоящаго безобразія. Да, именно такимъ рябымъ онъ представлялся мнѣ; но въ то же время я не могъ признать это тревожное состояніе его души состояніемъ ненормальнымъ. Пьяный ли, трезвый ли, все, что онъ ни говорилъ, все казалось мнѣ логичнымъ, смотря по тому, съ какой стороны взглянуть на предметъ. Нелѣпой была иногда только форма выраженія его мысли,—грубая, циничная, иногда даже непонятная безъ особаго сопоставленія съ другими его словами и мыслями; но въ общемъ, зная его и разбираясь во всемъ, что онъ говорилъ, я все еще продолжалъ слушать его, какъ учителя.

А невольно вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ „отводить съ нимъ душу“, я пріучался и выпивать. Безъ этого обойтись вѣдь было никакъ нельзя.

XVI.

Незадолго до Рождества я получилъ отъ отца сверхъ обычнаго жалованья двадцать пять рублей на праздничные расходы. Онъ зналъ изъ моихъ писемъ, что я не хожу въ театры, не позволяю себѣ никакихъ развлеченій; этой присылкой денегъ онъ, повидимому, хотѣлъ самъ вызвать меня на нѣкоторый отдыхъ. Передъ этимъ Николай Петровичъ раза два угощалъ меня, теперь былъ мой чередъ угостить его.

— Вотъ, братъ, и отлично!—съ искреннимъ одушевленіемъ отозвался онъ на мое предложеніе.—Мнѣ, братъ, сказывали тутъ на Пречистенкѣ новый погребокъ кахетинскихъ винъ открылся, да настоящихъ!—И Николай Петровичъ при этомъ прищурился и причмокнулъ языкомъ.—Армянинъ торгуеть—дюша мая!—прямо съ Кавказа. Вотъ мы туда съ тобой и махнемъ въ дальнее плаваніе.

„Тутъ“—это было отъ насъ на худой конецъ верстъ пять.

— Что же, что далеко!—говорилъ Николай Петровичъ:—Кавказъ не близко. Кахетія-то вонъ она гдѣ!

Вечеромъ въ субботу мы отправились „въ Кахетію“.

Новый погребокъ оказался по внѣшности самымъ обыкновеннымъ погребокъ; но за стойкой стоялъ высокій армянинъ съ большими черными усами, съ типичнымъ армянскимъ носомъ и гортаннымъ говоромъ. Два типичныхъ армянскихъ мальчика подавали посѣтителямъ бутылки и стаканы. Въ большой комнатѣ за столиками было уже нѣсколько посѣтителей. Николай Петровичъ подошелъ къ стойкѣ, смѣрялъ армянина взглядомъ, словно примѣрялся, въ какомъ тонѣ заговорить съ нимъ, и рѣшительно сказалъ:

— Ну, дюша мая, какой ты намъ хорошей вино рекомендуешь?

— Какой хочешь!—отвѣчалъ, улыбаясь изъ-подъ своихъ густыхъ усовъ, армянинъ.—Бѣлый или красный тебѣ?

— Бѣлаго давай.

— Харашо!—сказалъ армянинъ.—Бичо, бичо!—крикнулъ онъ мальчика, сказалъ ему что-то по армянски, потомъ обратился къ Николаю Петровичу:—А ты, дюша мая, и красный папробуй, всякій сортъ пробуй.

— Давай сюда преись-курантъ,—сказалъ Николай Петровичъ.

— Зачѣмъ преись-курантъ. Вотъ преись-курантъ. Адинъ стаканъ—атсюда, другой стаканъ—аттуда—третій стаканъ—сюда, вотъ, прямо изъ бурдюка наливать буду.

— Вонять будетъ?—спросилъ Николай Петровичъ.

— Зачѣмъ воняетъ. Бурдюкъ не воняетъ. Видишь бурдюкъ!— Онъ показалъ намъ на виднѣвшійся въ открытую дверь за стойкой рядъ бурдюковъ; наполненные виномъ, они, точно мясныя туши, стояли на деревянныхъ козлахъ, какъ ставятъ боченки.

— Какъ же ты — изъ крапа цѣдишь? — допытывался Николай Петровичъ.

— Зачѣмъ изъ крапа? Изъ ноги цѣдимъ. Видишь: нога наверху торчитъ. Ремѣшкомъ завязана. Ремѣшокъ развяжетъ, вино стаканъ бѣжитъ, ремѣшокъ завяжетъ, вино не бѣжитъ. Панимаешь, душа мая?

— Давай, развязывай ремешки, — сказалъ Николай Петровичъ.

— Садись на мѣсто, — сказалъ армянинъ.

Мы выбрали столикъ. Передъ нами одинъ за другимъ начали появляться стаканы, то съ однимъ виномъ, то съ другимъ. Нѣкоторые изъ посѣтителей, сидѣвшіе за бутылками, искоса посматривали на насъ; за сосѣднимъ съ нами столикомъ сидѣли два молодыхъ армянина, такъ же, какъ и мы, спрашивавшіе себѣ стаканы разнаго вина. Николай Петровичъ одобрительно подмигнулъ имъ, тѣ въ свою очередь съ добродушной улыбкой кивнули ему головой.

А черезъ полчаса они уже сидѣли за нашимъ столомъ, и мы, всѣ вмѣстѣ, остановившись на одномъ сортѣ вина, пили его изъ бутылокъ: такъ выходило дешевле. Молодые люди назвалиcя студентами, пріѣхавшими изъ Тифлиса въ московскій университетъ. Студенческой формы тогда не существовало; наши новые знакомцы, одѣтые съ нѣкоторой изысканностью, принадлежали, видимо, къ состоятельному классу. Въ ихъ манерѣ держать себя и въ тонѣ ихъ разговора была замѣтна благовоспитанность и добродушіе, сразу расположившіе насъ въ ихъ пользу. Но русскимъ языкомъ они владѣли не въ совершенствѣ, и ихъ акцентъ придавалъ комическій отгѣнокъ даже и вполнѣ правильно произносимымъ словамъ. А Николай Петровичъ, уже достаточно вдохновившійся кахетинскимъ и почувствовавшій себя и съ этими студентами, какъ и со мной, въ роли наставника, еще болѣе отгѣнялъ этотъ акцентъ, отъ времени до времени позволяя себѣ ломать и свою рѣчь подъ армянскій говоръ. Наши добродушные собесѣдники принимали его добродушную насмѣшку съ снисходительной улыбкой людей, увѣренныхъ въ своемъ нравственномъ достоинствѣ и не придающихъ значенія мелочамъ внѣшности.

Говорили о Кавказѣ и хвалили его: они — какъ свою ро-

дину, мы съ Николаемъ Петровичемъ—по наслышкѣ о красотахъ его природы.

— Такъ-то такъ, страна-то хороша, — сдѣлалъ неожиданное замѣчаніе Николай Петровичъ, — да разбойники въ тамъ всѣ... черкесы-то... а армяне—плуты и мошенники.—Но, самъ почувствовавъ неловкость такого обращенія къ любезнымъ собутыльникамъ, онъ сейчасъ же ласково похлопалъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ студента по плечу, и, подмигивая, сказалъ: — Ты не сердись, душа мая! Скажи правду: плуты вѣдь?

И онъ протянулъ свой стаканъ, чтобъ чокнуться.

— Зачѣмъ плуты?—отвѣтилъ студентъ, улыбаясь и отвѣчая на чоканье. — Умные люди. Плуты живутъ въ Масквѣ. Плуты въ Гастинномъ Дворѣ, въ Замаскварѣчьи. Плуты — русскіе чиновники... и то только въ „Ревизорѣ“. А въ Тыфлисѣ только умные люди.

— Молодецъ!—одобрилъ его Николай Петровичъ. — Вотъ это то, что называется „замирить, да подъ тебя“!... Ну, а все-таки — что у васъ тамъ разбойники, этого ужъ ты отрицать не станешь? Ты дома кинжалъ носишь?

— Нашу! — отвѣтилъ студентъ. — Черкеску нашу, писталеть нашу, кинжалъ нашу.

— Ну зачѣмъ же тебѣ кинжалъ, если ты не разбойникъ?

— У насъ и благородный человѣкъ всегда съ кинжаломъ ходить.

— Чтобы кому-нибудь горло перерѣзать?—спросилъ Николай Петровичъ.

— Если нужно, атчего не перерѣзать? Можно перерѣзать.

— И въ самомъ дѣлѣ перерѣжешь?

— Перерѣжу.

— Ну, какъ же вы не дикари?

— Атчего дикари?—спокойно возражалъ студентъ.—Благородные люди, нѣ дикари. Вы мнѣ гаварите: дикари, — а я нѣ абижаюсь. Вы мнѣ гаварите: на Кавказѣ разбойники все, — я нѣ абижаюсь. Вы мнѣ сказали: разбойники; я гаварю вамъ: русскіе чиновники машенники все, — вы нѣ абижаетесь. Мы гаваримъ, какъ умные люди. Зачѣмъ абижаться? А если вы мнѣ скажете что-нибудь абидное, настоящее абидное, я абижусь.

— Ну, что тебѣ сказать обидное?—спрашивалъ Николай Петровичъ съ шутливымъ пьянымъ задоромъ. — Ты говори, я скажу.

— Зачѣмъ же, вы, хорошій человѣкъ, будете мнѣ гаварить абидное?

— Душа мая! — сказалъ размякшій Николай Петровичъ.

— Ты дѣйствительно хорошій человекъ. Дай, я поцѣлую тебя.

— Цѣловать можно! Съ хорошимъ человекомъ отчего не поцѣловаться.

И они поцѣловались и запили кахетинскимъ.

— Ну, а если вы мнѣ на Кавказѣ скажете что-нибудь абидное, я возьму кинжалъ и зарѣжу васъ, — сказалъ студентъ, ставя на столъ опорожненный стаканъ; и въ его тонъ послышалось какъ-будто что-то серьезное.

— Ишь ты, какой сердитый!—расхохотался Николай Петровичъ.—Да что тебя такъ разобидѣть можетъ, курица ты такая?

— Вы гаварите: курица, — я нѣ абижаюсь; вы скажете пѣтухъ,—я нѣ абижусь...

— Да говори, чортъ тебя возьми, что тебя обидѣть можетъ?!—съ напускнымъ раздраженіемъ выкрикнулъ Николай Петровичъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Ну, что можетъ абидѣть?—сразу отозвался студентъ— и сразу же осѣкся, задумался.

Его товарищъ, какъ и я, молчалъ. Мы оставались только свидѣтелями этого діалога.

— Ну, что можетъ абидѣть? — медленно придумывалъ словоохотливый студентъ и морщилъ брови. Кахетинское, вѣрно, подѣйствовало и на него. Это замѣчалось не столько въ содержаніи его рѣчи, сколько въ томъ, что русскій языкъ его становился все менѣе правильнымъ.—Ну, что абидить?... Ну, вы сказали бы: „твая сестра дурная дѣвушка“... Или — „ты у товарища дэнги укралъ“. Ну, я нѣ скажу тебѣ: врешь, — а возьму кинжалъ и тебѣ зарѣжу: зачѣмъ врешь!

— Какой грозный! — съ иронической усмѣшкой сказалъ Николай Петровичъ.—Человекъ чуть-чуть совралъ, а ты его сразу на тотъ свѣтъ.

— Зачѣмъ чуть-чуть,—съ серьезнымъ выраженіемъ лица говорилъ студентъ. — Нѣ надо ни чуть-чуть. На Кавказѣ нѣльзя чуть-чуть врать. Вы меня здѣсь абидите, что я буду дѣлать? Дратся буду, мнѣ руки свяжутъ. Мировому пайду, мировой скажетъ: „онъ чуть-чуть вралъ. Чуть-чуть три цѣлковыхъ даже много будетъ штрафа“. Вы другой разъ опять чуть-чуть врете. А на Кавказѣ — мировой судья — мой кинжалъ: меня никто нѣ абидить, я никого нѣ абижу. Я нѣ хочу ничѣй кинжалъ пробовать. Благородная страна, гдѣ кинжалъ носятъ. Благородные люди были прежде, когда все кинжалы носили. Чувства были благородныя. Я вижу, какой-нибудь дѣвушку абижаетъ. Онъ меня видитъ—я съ кинжаломъ иду: онъ убѣжить, а я догонять его буду. Каждый дурной чело-

вѣкъ другого хорошаго тамъ боится, а когда полиціи боится, такъ никого не боится. Что, не правда это?

Николай Петровичъ слушалъ его въ раздумьи, и вдругъ опять обнялъ его, чокнулся съ нимъ и сказалъ:

— А, вѣдь, ты правъ, Карапетъ!.. Хар-рошій ты малый!.. Это, братъ, правда!.. Замошенничались всѣ — кинжала не боится. Душа подла стала. Защищать никто никого не хочетъ. Зачѣмъ защищать, когда полицейскаго позвать можно... Правду, Карапетка, милый, говоришь, правду!..

— Ну, вотъ видишь! — говорилъ студентъ. — Вы хатѣли меня абидѣть, а я гаварю: я нѣ абижаюсь. Вотъ вы тѣперь гаварите: правду я сказалъ, — а я гаварю: умный вы человекъ!.. Приѣзжайте къ намъ въ Тыфлисъ. Увидите сами, какое благородное атнашеніе къ вамъ будетъ.

— А и въ самомъ дѣлѣ поѣду! — рѣзко сказалъ Николай Петровичъ. Въ его голосѣ, въ томъ, какъ онъ произнесъ эти слова, было что-то такое, что заставило меня съ удивленіемъ посмотрѣть на него. Человекъ какъ будто переродился; и рѣшимость у него появилась такая, что вотъ сейчасъ приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе. „Ну, — думаю, — совсѣмъ опьянѣлъ мой Николай Петровичъ.“ А онъ съ „непоколебимой твердостью“ продолжалъ: — Непремѣнно поѣду!.. Черкеску надѣну... Кинжалъ прицѣплю... благороднымъ человекомъ буду... Слышишь: благородно буду жить!.. По слову апостола... къ корифянамъ первое... да... сказано: „усмиряю и поработаю тѣло мое, дабы проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ“... Да, братъ, это ужъ не то, что въ дипломатической нотѣ: „лицу себя надеждой... что выраженные мною взгляды... встрѣтятъ сочувствіе“... Нѣтъ, братъ, шалишь! Тутъ, братъ, просто: будь благороденъ! А не хочашь — кинжалъ видишь?.. Вотъ! Кинжалъ, братъ, это — цѣль жизни. Война, братъ, это — понимаешь... благородно!.. А-то утонченность-то, утонченность-то какая! Тонкость обращенія... а все — подлецы...

Бесѣда на эту тему продолжалась еще долго. Николай Петровичъ и студентъ оказались неисчерпаемыми въ разсужденіяхъ. Меня только удивляло немного, какъ это Николай Петровичъ ни разу не задалъ студенту вопроса: „а цѣль вашей жизни?“ И даже, признавъ сейчасъ, что и кинжалъ годится стать цѣлью жизни, онъ не возвращался потомъ къ этому вопросу. Забылъ, очевидно. А по мѣрѣ того, какъ онъ пьянѣлъ, я терялъ интересъ къ его разговору и, уже не слушая его, завелъ съ другимъ студентомъ разговоръ совсѣмъ на другую тему.

Между тѣмъ, бутылка опустошалась за бутылкой. Требовали мы, требовали и студенты. Выпито было невѣроятно

много. На столъ стояла уже цѣлая батарея пустыхъ бутылокъ, и ставить больше было некуда. Мы подсчитали выпитое, велѣли очистить столъ и собирались начинать сызнова. Но „поклонникъ кинжала“ оказался не только „благороднымъ“, но и здравомыслящимъ человѣкомъ. Онъ сказалъ, что завтра надо на лекціи и пора домой. Былъ двѣнадцатый часъ ночи, когда студенты встали, уплатили свою долю и ушли. Мы съ Николаемъ Петровичемъ только-что потребовали передъ этимъ свѣжую бутылку и, чтобы допить ее, остались еще на нѣкоторое время. Это время тянулось медленно, мы допивали нехотя — мы налились кахетинскимъ по горло. Наконецъ, встали, бутылка была пуста, мы расплатились и пошли.

XVII.

Николай Петровичъ былъ такъ пьянъ, что уже почти не могъ говорить. Я долженъ былъ взять его подъ руку, чтобы провести черезъ выходныя двери, иначе онъ въ нихъ никакъ бы не попалъ.

Едва мы вышли на улицу, крѣпкій морозный воздухъ властно охватилъ насъ. Я почувствовалъ, что голова моя была точно набита туго-туго какой-то дрянью. А Николай Петровичъ какъ только сдѣлалъ два шага по снѣгу, такъ сразу и бухнулся лицомъ внизъ на землю. Я сталъ-было поднимать его, но онъ только мычалъ и махалъ руками. Шапка его свалилась, — я снова надвинулъ ее ему на голову. Съ трудомъ, но, наконецъ, я все-таки приподнял его, посадилъ на снѣгъ и застегнулъ воротъ его шубы на крючекъ, чтобы она не распаивалась. Сознаніе, что я трезвѣе его и играю теперь роль дядьки, возвышало меня въ собственныхъ глазахъ и настраивало такъ серьезно, что кто-нибудь трезвый, глядя на меня, разсмѣялся бы.

У подъѣзда стояло человѣкъ пятнадцать извозчиковъ. Я крикнулъ одному изъ нихъ: „къ Нѣмецкому рынку!“ Тотъ только пренебрежительно свиснулъ и отвернулся. Нѣсколько извозчиковъ обступило насъ и слегка зубоскалили надъ Николаемъ Петровичемъ, но ѣхать такъ далеко, ночью, желающихъ не находилось; кто-то изъ нихъ сказалъ:

— Еще бѣды наживешь, какъ очокурится одинъ этакій въ саняхъ-то у тебя!

Эти слова заставили извозчиковъ насторожиться, и одинъ за другимъ они стали отходить отъ насъ. Меня это раздражило. Я вспомнилъ только-что слышанную мною теорію армянина о благородствѣ кинжала и, за неимѣніемъ его, рѣшилъ прибѣгнуть къ кулаку. Мнѣ стало совершенно ясно,

что и съ точки зрѣнія студента армянина это была обида: извозчикъ говорилъ о моемъ товарищѣ въ пренебрежительномъ тонѣ. И я бросился на извозчика, поднявъ кулакъ. Въ свою кулачную силу я вѣроваль тогда по меньшей мѣрѣ такъ же, какъ любой горецъ въ свой кинжалъ.

Но извозчики были, очевидно, сообразительнѣе меня. Они понимали благородство по своему, и самымъ неблагороднымъ образомъ двое изъ нихъ захватили меня сзади за руки и сказали: „баринъ, ты не дури... драться мы тебѣ не позволимъ... а то вотъ, вмѣсто Нѣмецкаго-то рынка, въ участокъ тебя свеземъ—вотъ что!“

Въ это время извозчикъ, стоявшій поодаль отъ другихъ и не слышавшій перваго моего предложенія, узнавъ теперь, куда намъ надо ѣхать, взялся насъ везти.

— Въ Лафѣртово-то мнѣ по-пуги, къ дому!

Онъ назначилъ какую-то цѣну, я не торговался.

Извозчики помогли мнѣ поднять „тѣло“ Николая Петровича, и мы уложили его въ сани. Санишки были дрянненькія, узенькія, сидѣтъ вдвоемъ съ моимъ безпомощнымъ другомъ и наставникомъ, когда нельзя было даже застегнуть сани полостью, оказалось невыносимымъ. Извозчики уложили его прямо поперекъ саней внизъ, а я сѣлъ на сидѣнье, поставивъ ноги на края санокъ, поверхъ туловища Николая Петровича. Скорченный, со свѣсившимся въ одну сторону ногами, съ болтавшейся въ другую сторону головой, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Что ему такъ можетъ быть „несовсѣмъ удобно“, мнѣ и въ голову не приходило. Да я даже, кажется, и не замѣчалъ его. Я испытываль теперь такое опьяненіе, какого не знаваль раньше. Проклятая смѣсь разныхъ сортовъ кахетинскаго сдѣлала то, чего никогда со мною не бывало: я говорилъ всякій вздоръ. Распахнувъ свою шубу, я готовъ былъ признать московскій декабрь за іюль на Кавказѣ. Всю дорогу я доказываль старому извозчику, какой онъ хорошій, благородный человѣкъ,—человѣкъ еще той эпохи, когда люди ходили съ кинжалами,—и какіе мерзавцы его товарищи, которые готовы были оставить на снѣгу безпомощнаго человѣка или отдать его подъ защиту полицейскаго. Я наклонялся всѣмъ туловищемъ къ извозчику, клалъ ему руку на плечо, а другой, въ доказательство вѣрности моихъ словъ и мыслей, убѣдительно размахиваль по воздуху. Я не помню, когда и гдѣ попадались намъ встрѣчные ѣздоки и прохожіе, но, вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не пропустилъ незамѣченной нашу своеобразную группу.

Извозчикъ,—человѣкъ, видимо, бывалый,—во всемъ со мной соглашался; но, не обладая такимъ краснорѣчіемъ, какъ я въ

эту кахетинскую ночь, онъ, въ знакъ согласія, только потряхивалъ своей сѣдой бородой, приговаривалъ: „нешто!.. вѣрно такъ-то“!..—и отъ времени до времени понукалъ свою трусившую мелкой рысцой кляченку.

Наконецъ, мы приѣхали. Собираясь слѣзть съ саней, и осторожно поднимая надъ туловищемъ Николая Петровича свои затекшія отъ долгаго сидѣнія ноги, я взглянулъ на него и увидалъ, что онъ безъ шапки. Мы съ извозчикомъ сейчасъ-же осмотрѣли ближайшій путь, осмотрѣли сани: шапки не было. Я вспомнилъ, что видѣлъ болтавшуюся голову Николая Петровича въ шапкѣ въ послѣдній разъ на Покровкѣ. Это было далеко. Приходилось мириться съ потерей.

Я сталъ дергать звонокъ у калитки. Дворникъ вышелъ, не скоро. Я сунулъ ему на чай и велѣлъ разбудить и позвать Пелагею, а пока взялъ у дворника шапку и надѣлъ ее на Николая Петровича.

Черезъ четверть часа явилась вмѣстѣ съ дворникомъ и заспанная, сердитая Полинъка. Николая Петровича, какъ мертваго, внесли въ квартиру. Я успѣлъ уже немного протрезвиться, и мы съ Пелагеей раздѣли его и уложили въ постель. Онъ спалъ и храпѣлъ, но его состояніе не представляло, повидимому, никакой опасности; я пощупалъ его лысину: она была красна и тепла, признаковъ отмороженія не было. Сейчасъ-же легъ спать и я.

XVIII.

Когда я проснулся утромъ, было уже довольно поздно. За стѣной, у моего изголовья, визжала пила моей сосѣдки, и пискливый дѣтскій голосокъ склонялъ какое-то французское слово. Я повернулся на кровати, потянулся, окинулъ взглядомъ свою комнату и вскочилъ пораженный: на полу, среди комнаты, затылкомъ ко мнѣ, неподвижно лежалъ одѣтый въ свое овчинное пальто Николай Петровичъ. Положеніе его было странное; онъ лежалъ на боку, щекой вплотную къ полу; правая рука была откинута въ сторону и въ ней блеснулъ знакомый мнѣ большой складной охотничій ножъ.

Я вскочилъ.

— Что съ вами Николай Петровичъ?

Но онъ, не поднимаясь съ полу, только тихо произнесъ:

— Ш-шъ!—и, поднявъ ножъ, погрозилъ имъ въ воздухъ.

Я съ минуту постоялъ, потомъ зашелъ съ другой стороны. Вижу, Николай Петровичъ лежитъ съ открытыми глазами, приложилъ ухо къ щели и внимательно прислушивается. Я уже шопотомъ спрашиваю его:

— Да что такое?

И опять:— „Ш-шт!“

А подь поломъ не слышно никакихъ звуковъ.

Я постоялъ еще надъ нимъ, потомъ потихоньку сталъ одѣваться. Тревожная мысль „не сошелъ-ли онъ съ ума?“—мелькнула сама собой.— „Пожалуй, бѣлая горячка“... И я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ волненіемъ на ножъ въ рукѣ Николая Петровича.

Вдругъ онъ прошепталъ:

— Слышишь?.. слышишь?..

— Что такое?

— Слышишь?.. говорятъ...

— Что?—недоумѣвалъ я.

— Что! Что! — возмутился онъ моею недогадливостью.—

Что я разбойникъ!.. Ты слышишь? А?..

— Кто-же это говоритъ, Николай Петровичъ?

— Дворникъ. Тамъ, внизу... слышишь?..

Я сталъ его уговаривать:

— Полноте... что вы!.. встаньте.

Онъ сразу послушался. Неудобная поза, въ которой онъ лежалъ, очевидно, утомила его.

— Да расскажите, въ чемъ дѣло?—допытывался я, когда онъ всталъ и съ уныло опущенной головой стоялъ предо мной.

И Николай Петровичъ, все время робко посматривая на дверь, зашепталъ отрывочными фразами:

— Ахъ, знаешь, онъ, подлець, пришелъ сейчасъ ко мнѣ... дворникъ нашъ... да... и хотѣлъ схватить меня... и повѣсить!.. Говорить, что приказано. Я, изволишь ли видѣть—разбойникъ!.. А?! Ну, я не дался. Нѣтъ,—говорю,—шалишь! Досталъ вотъ ножъ да и показалъ ему... Убѣжалъ, подлець, струсиль... Только я знаю, куда онъ пошелъ!.. да... за другими дворниками. И извозчиковъ пошелъ звать... да.. Слышишь?.. Собираются... слышишь?.. Повѣсить меня!.. А! Я было хотѣлъ убѣжать, надѣлъ пальто, не могъ найти шапки...

Пальто на немъ было надѣто прямо поверхъ бѣлья; на ногахъ, вмѣсто сапогъ, туфли. Онъ растеряннымъ, жалобнымъ голосомъ говорилъ:

— Какъ же безъ шапки?.. Нельзя. На улицу-то. Подумають, что за сумасшедшій? А я воспитатель... И вдругъ безъ шапки. Рѣшилъ ужъ спрятаться у тебя. Голубчикъ, сирячь. Не давай меня вѣшать!.. милый!..

Онъ обнялъ меня и заплакалъ. Ножъ, который онъ не выпускалъ изъ рукъ, былъ теперь надъ моимъ ухомъ, и стальное лезвіе блестяло у меня передъ глазами.

Я всячески старался успокоить его и убѣдилъ, что прежде всего, чтобы его не считали разбойникомъ, нужно спрятать ножъ. Онъ задумался, посмотрѣлъ на блестящій острый клинокъ, какъ-то вдругъ сразу испугался и выронилъ ножъ изъ рукъ. Я поспѣшилъ поднять его, сложилъ и сказалъ:

— Я вотъ спрячу его въ свой чемоданъ. Тогда никто про васъ ничего и подумать не посмѣетъ.

Николай Петровичъ отнесся къ этому совершенно безучастно. Вдругъ онъ опять припалъ ухомъ къ полу и началъ шептать:

— Ш-ш!.. слышишь?.. слышишь?..

Я позвалъ Пелагею. Встрѣтивъ ее въ коридорѣ, я объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и велѣлъ дать скорѣе чаю.

Когда она входила съ самоваромъ, Николай Петровичъ спрятался отъ нея за кресло; онъ придвинулъ его къ изголовью кровати, присѣлъ на корточки и, приподнявъ воротникъ шубы, закрылъ имъ голову. Я погрозилъ Пелагеѣ пальцемъ, она догадалась и сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ спрятавшагося. Потомъ, когда все было подано, а я успѣлъ наскоро умыться и одѣться, я плотно затворилъ дверь въ коридоръ, и Николай Петровичъ, нѣсколько успокоенный, вылѣзъ изъ своей засады.

Я напоилъ его чаемъ и старался навести его на разговоръ о вчерашнемъ днѣ. Доискиваясь причины его галлюцинацій, я вспомнилъ, что онъ вчера говорилъ студенту, что сдѣлается кавказскимъ разбойникомъ; и я сталъ убѣждать его, что въ этой шуткѣ не было ничего предосудительнаго. Но онъ мало обращалъ вниманія на мои слова. Они какъ будто даже не достигали до его сознанія; онъ не вспоминалъ ни вчерашнихъ событій, ни студента, не вспоминалъ никакихъ прежнихъ разговоровъ и только твердилъ одно:

— Это все они... все извозчики!.. Я знаю ихъ манеру. Они давно до меня добираются. „А!—говорять,—ты—сочинитель, ты—разбойникъ!..“ Ты не знаешь, а я слышалъ—одинъ изъ нихъ меня жуликомъ назвалъ... а другой говорить: „какой онъ жуликъ, онъ настоящій разбойникъ.“ Они убьютъ меня, убьютъ... Надо бѣжать...

Со вчерашняго похмелья я и самъ чувствовалъ потребность выйти на воздухъ; и я предложилъ Николаю Петровичу погулять.

Онъ замахалъ руками:

— Они убьютъ меня!..

— Будьте покойны,—возразилъ я:—я васъ не выдамъ!.. И потомъ мы можемъ пойти по такимъ улицамъ, гдѣ ничего про васъ не знаютъ.

— А, да!.. пойдёмъ, пойдёмъ!—радостно согласился онъ.—
Пойдёмъ, гдѣ этого не знаютъ.

Забывъ теперь всякій страхъ, онъ пошелъ въ свою комнату и сталъ поспѣшно одѣваться.

И вдругъ онъ вернулся ко мнѣ, растерянный, съ глазами полными слезъ:

— А шапка? Нѣтъ шапки.

— Ничего,—успокоилъ его я.

Кромѣ той шапки, которую я всегда носилъ, у меня была еще дорожная, каракулевая. Я предложилъ ее Николаю Петровичу, онъ обрадовался какъ ребенокъ. Шапка оказалась немножко велика ему: его голова ушла въ нее съ ушами. Но именно это обстоятельство особенно обрадовало Николая Петровича. Онъ съ таинственнымъ видомъ подмигнулъ мнѣ:

— Не узнають.

Мы вышли и направились прямо изъ воротъ не въ ту улицу, по которой Николай Петровичъ обыкновенно ходилъ въ гимназію, а въ противоположную.

— Здѣсь не знаютъ!.. здѣсь не знаютъ...—радостно шепталъ онъ.

Но странный видъ человѣка въ шапкѣ, надвинутой на уши, обращалъ на себя невольное вниманіе всѣхъ встрѣчавшихся съ нами. Каждый прохожій съ недоумѣніемъ взглядывалъ въ лицо Николая Петровича.

— Узнають, подлецы, узнають! — въ отчаяніи шепталъ Николай Петровичъ. — Ты слышишь?.. Они говорятъ: „онъ самый... разбойникъ вчерашній...“ Говорятъ... Слышишь, слышишь?..

Повстрѣчался извозчикъ порожнемъ; это былъ молодой парень, съ веселымъ улыбающимся лицомъ; онъ, насмѣшливо посмотрѣвъ на Николая Петровича и, заподозривъ въ насъ именно то, чѣмъ мы были—господъ опохмеляющихся,—разлюбезно предложилъ:

— Господа кунцы, прокатить, что ли?

Николай Петровичъ крѣпко схватилъ меня за руку и ускорилъ шаги.

— Ты знаешь, — заговорилъ онъ, когда мы немного удалились отъ извозчика: — это мой старый, старый врагъ. Онъ давно до меня добирается. Это онъ все и началъ. „Я, — говорить, — тебя въ адъ упеку, будешь ты у меня тамъ въ смолѣ кипѣть!“ Вотъ какъ передъ Богомъ—это все онъ...

Мы долго шли въ этомъ настроеніи. Морозъ уже началъ оказывать свое дѣйствіе: нѣсколько разъ мы должны были оттирать себѣ носъ и щеки. А душевное состояніе Николая Петровича нисколько не улучшалось, — напротивъ, съ каждымъ новымъ встрѣчнымъ становилось все хуже: онъ пу-

гливо озирался и пряталъ лицо въ воротникъ. Мы пошли домой.

XIX.

Къ обѣду Николай Петровичъ мало-по-малу успокоился.

Мы пообедали вмѣстѣ, за моимъ столомъ. Я не говорилъ ничего о происшедшемъ, ожидая, что Николай Петровичъ самъ что-нибудь скажетъ. Но онъ не только ничего не вспоминалъ о случившемся,—все вчерашнее и сегодняшнее какъ будто выскочило у него изъ памяти,—но не велъ и прежнихъ разговоровъ: ни о „цѣли жизни“ ни слова, ни объ „истинѣ“. Даже и съ Пелагеей не шутилъ. Это былъ какъ будто совсѣмъ другой человекъ, спокойный, рассудительный. Я съ любопытствомъ присматривался къ нему, ожидая „поступковъ“. Когда подали жаркое, онъ обратился ко мнѣ въ очень серьезномъ тонѣ:

— А вѣдь, знаешь, я средство нашель.

— Какое средство?—спрашиваю я.

— Вѣрное. Если ужъ это не поможетъ, такъ и не знаю, что еще.

— Собственно противъ чего же?

— Да вотъ - оправдаться.

— Въ чемъ?

— Ну, ты что же зубы-то заговариваешь?.. Въ чемъ? Неужели ты думаешь, что я примирюсь съ этимъ званіемъ?.. Я имъ докажу, что я не разбойникъ. Вѣрно.

Я взглянулъ ему въ лицо. Глаза его были ясны и по внѣшнему виду никто не могъ бы признать въ немъ умалишеннаго.

Онъ дѣловымъ тономъ продолжалъ:

— Я уже обдумалъ. Я имъ отличную статью напишу. Я все расскажу... все по порядку... какъ случилось. Ни одинъ адвокатъ лучше меня не напишетъ, вотъ увидишь. Я вотъ только еще немного обдумаю и сейчасъ же напишу... У тебя есть бумага?

— Есть.

— И перо?.. и чернила?

— Вотъ все тутъ.

— Ты дай мнѣ, пожалуйста!—сказалъ онъ тономъ убѣдительной просьбы и повторилъ еще:—пожалуйста, я говорю, дай.

По окончаніи обѣда, я далъ ему бумагу, перо, придвинулъ и пузырекъ съ чернилами.

— Ну, вотъ, спасибо!—сказалъ онъ.—Ты знаешь, я вѣдь писать умѣю. Я такъ напишу, что они не могутъ со мной

не согласиться... Нельзя же безнаказанно губить репутацію порядочнаго человѣка. А то какая-нибудь сволочь,—извините за выраженіе,—какой-нибудь мальчишка извозчикъ можетъ разрушить твое счастье...

Онъ взялъ бумагу, перо и чернила и пошелъ въ свою комнату. Въ открытыя двери я отъ себя наблюдалъ за нимъ. Онъ принесъ это, положилъ у себя на столъ и вдругъ съ видимымъ недоумѣніемъ замѣтилъ, что тамъ на своемъ мѣстѣ стоитъ его чернильница и лежитъ его перо. Тогда онъ понесъ мой пузырекъ и ручку обратно и совершенно спокойно сказалъ:

— У меня тамъ есть.

Вернувшись къ своему столу, онъ отодвинулъ книги и газеты, разложилъ передъ собой нѣсколько листовъ бумаги, сѣлъ и началъ писать. Написалъ первыя слова и задумался. Немного погодя, онъ съ раздраженіемъ бросилъ на столъ перо, всталъ и, идя ко мнѣ, сказалъ:

— Знаешь что? Не могу послѣ обѣда. Не привыкъ. Если бы это не было такъ срочно, ни за что бы не сѣлъ сейчасъ писать... Но надо, надо... Что же дѣлать!..—И вдругъ—точно его что осяенило—взялся за перо.

— Вотъ, видишь, я уже написалъ,—сказалъ онъ, показывая мнѣ листъ.—Я это написалъ: „Милостивый Государь, господинъ редакторъ!“ Видишь. Это будетъ письмо въ редакцію. Я попрошу Гилярова напечатать его на первой страницѣ, и непременно цитеро. Вотъ произведетъ сенсацию!.. Ну, брысь! Не мѣшай мнѣ!

Я ушелъ въ свою комнату, захвативъ съ собой газеты Николая Петровича; думалъ развлечься хоть этимъ чтеніемъ. Заниматься я рѣшительно не могъ.

А Николай Петровичъ, въ своей комнатѣ, брзаль на стулѣ, шелестилъ бумагой, вскакивалъ, прохаживался, и опять садился.

Часу въ девятомъ вечера Пелагея подала самоваръ, я заварилъ чай и пошелъ къ Николаю Петровичу. Мнѣ не хотѣлось звать его къ себѣ, и я сказалъ:

— Принести вамъ сюда стаканчикъ?

— Вотъ облагодѣтельствуешь! — отвѣтилъ онъ, съ чувствомъ пожимая мнѣ руку.

Я налилъ чаю и поставилъ ему на столъ. Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ. И удрученно произнесъ:

— Усталъ, не могу больше.

Потомъ, взявъ исписанный имъ листъ, гдѣ строки были перепутаны, перечеркнуты, написаны и снова опять перечеркнуты, онъ сказалъ:

— Вотъ послушай. „Милостивый Государь, господинъ

редакторъ "... Нѣтъ, постой, не такъ,—сначала. „Письмо въ редакцію. Милостивый Государь, господинъ редакторъ! Честь имѣю просить васъ помѣстить это письмо, чтобы оправдать мою въ два дня пріобрѣтенную, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно печальную извѣстность въ Москвѣ. Дѣло было такъ. Я шелъ по улицѣ. Навстрѣчу мнѣ ѣхалъ порожній извозчикъ. Въ это время его обогналъ другой. Я изъ празднаго любопытства посмотрѣлъ на того и на другого, а обогнавшій подмигнулъ глазомъ первому и, кивнувъ головой въ мою сторону, сказалъ: „Экій дѣтина идетъ! Рожа-то какая! Настоящая разбойничья!“—А первый извозчикъ только ухмыльнулся себѣ въ бороду и отвѣтилъ: „Да, и впрямь разбойникъ!“ Я съ недоумѣніемъ оглянулся во всѣ стороны, ища къ кому относятся эти слова; но на тротуарѣ, кромѣ меня, никого не было, а уѣхавшій впередъ извозчикъ уже крикнулъ мнѣ издали: „Чего оглядываешься-то? Самый ты разбойникъ и есть!“ Въ это время изъ воротъ дома, мимо котораго я проходилъ, вышелъ по своему дѣлу дворникъ. Первый повстрѣчавшійся мнѣ извозчикъ, смѣясь, сказалъ ему: „Вонъ, бери, держи, разбойникъ прошелъ“. Дворникъ принялъ его слова за самую непреложную истину, но очевидно побоялся подойти ко мнѣ, потому что отвѣтилъ извозчику: „Одинъ-то съ нимъ, пожалуй, не справишься“. Но тогда онъ произвелъ губами извѣстный звукъ, въ родѣ свистка, которымъ дворники скликаютъ другъ друга, когда хотятъ задержать жулика. Я успѣлъ тѣмъ временемъ пройти еще нѣсколько шаговъ впередъ... Тамъ стоялъ у тротуара извозчикъ. Онъ, услыхавъ знакомый посвистъ дворника, уже громко крикнулъ: „Ребята! Смотри, жуликъ идетъ!“ У меня не было ни палки, ни кинжала, я ничѣмъ не могъ защищаться отъ нападавшихъ дворниковъ и извозчиковъ, которые сбѣгались и сбѣжались со всѣхъ сторонъ. По счастью, я успѣлъ сѣсть на Покровкѣ въ общественныя сани, увязъ между двухъ толстыхъ лавочниковъ, и, за ихъ тѣлами, дворники потеряли меня изъ виду. Но и здѣсь я замѣтилъ особое вниманіе ко мнѣ всѣхъ пассажировъ и, отбѣхавъ немного, долженъ былъ, изъ чувства самосохраненія, покинуть линейку и, едва переводя дыханіе, добрелъ пѣшкомъ домой. И всѣ толковали: „Ишь, какой чертище идетъ!“—Милостивый Государь, господинъ редакторъ! Вы знаете меня много лѣтъ. Позвольте васъ спросить, можно ли про мою низкорослую, неуклюжую фигуру сказать: „Экій дѣтина!“—А мое лицо скромнаго класнаго надзирателя напоминаетъ ли чѣмънибудь свирѣцую рожу разбойника? Печальная репутація, которую мнѣ составили московскіе извозчики, можетъ лишить меня мѣста надзирателя. Что такое разбойникъ? Человѣкъ,

который кого-нибудь ограбилъ или убилъ. Я не дѣлалъ ни того, ни другого. Гласный судъ здѣсь какъ нельзя болѣе кстати. Пусть каждый заявитъ свое взысканіе, если вѣрить въ его справедливость и признаетъ во мнѣ грабителя. Я же только писалъ въ газетахъ и давалъ уроки. Обращаюсь поэтому ко всеобщему суду Москвы. Въ свою защиту прошу прочесть басню „Сочинитель и разбойникъ“. Они сочинили мнѣ печальную репутацію, и они хуже разбойниковъ. Я же сочинялъ только статьи, которыя имѣли честь печататься въ вашей уважаемой газетѣ. Если я не виноватъ ни въ кражѣ, ни въ грабежахъ, зачѣмъ же...“

Здѣсь Николай Петровичъ остановился и сказалъ:

— Дальше вотъ не написалъ... Да!.. Надо будетъ пожалостнѣе... Пожалостнѣе. Пробрать ихъ хорошенъко, мерзавцевъ! Вотъ я послѣ чаю... Ты вѣдь согласенъ, что этого будетъ достаточно? Это ихъ заставитъ образумиться. И вотъ, когда дѣло пойдетъ въ судъ, я тебя въ свидѣтели. Ты имъ расскажешь, какъ они меня убить хотѣли. Я докажу, что они такое!.. У меня былъ ножъ, хорошій ножъ, складной, охотничій, съ ручкой оленьяго рога,—они его у меня украли и прислали мнѣ анонимное письмо, что они меня этимъ самымъ ножикомъ зарѣжутъ. Нѣтъ, ты мнѣ скажи, кто же разбойникъ: я или они?

Я ничего не могъ отвѣчать ему и только утвердительно кивалъ головой. Онъ хлебнулъ чаю и потомъ вдругъ сказалъ:

— Ахъ, ромку бы! Нѣтъ ли у тебя рому?

— Нѣтъ.

— Ахъ, жаль, жаль!.. Ну, я завтра утромъ куплю. А теперь писать, писать надо. Надо, чтобы еще сегодня ночью попало въ газету... Надо, надо... Не мѣшай!.. Иди къ себѣ.

Я ушелъ. Водворилась тишина.

Но минутъ черезъ десять слышу,—Николай Петровичъ на цыпочкахъ крадется ко мнѣ. Оглядываюсь, вижу—блѣдный, растерянный, онъ комкаетъ исписанный листъ, долго и неловко прячетъ его въ боковой карманъ, прячетъ и крѣпко прижимаетъ къ груди рукой. Тихонько пробрался онъ опять къ моей кровати, осторожно придвинулъ кресло и присѣлъ на корточки.

— Что вы, Николай Петровичъ?—спрашиваю.

Онъ многозначительно повелъ глазами по направленію къ своей комнатѣ и тайношвенно прошепталъ:

— Украсть хотятъ. Бумагу. Письмо. Украсть хотятъ. Въ окошко подсмотрѣли двѣ рожи, что я пишу, и другъ дружкѣ показываютъ, пальцемъ тычутъ на письмо. Они думаютъ, что я не слышу, а я и черезъ рамы все слышу. „Вотъ это—го-

ворять, нужно уничтожить“. Поди погаси, пожалуйста, у меня свѣчку.

Я исполнилъ его желаніе и закрылъ двери и въ его комнату, и въ мою. Тогда онъ немного успокоился и вылъзъ изъ засады. Онъ осторожно вынулъ скомканный листъ изъ кармана, разгладилъ его, тщательно сложилъ и снова спряталъ въ карманъ. Потомъ онъ разсмѣялся и умышленно громко, точно хотѣлъ, чтобъ его голосъ услышали на улицѣ, произнесъ:

— Они думаютъ, дураки, что у меня только эта одна. Это копія, а подлинникъ я уже давно отправилъ.

Но вдругъ онъ поблѣднѣлъ и опять взволнованно зашепталъ:

— Слышишь?.. Слышишь?..

Онъ опустился на колѣни и прилегъ ухомъ къ полу. Снизу дѣйствительно раздалось легкое поскрипываніе гармоники. Но оно сейчасъ же и прекратилось. Должно-быть дворникъ, ложась спать, переложилъ гармонику съ мѣста на мѣсто, и она загбѣла. А Николай Петровичъ все шепталъ:

— Слышишь?.. Собираются.—И въ отчаяніи поднималъ къ небу руки:—Неужели, это уже на сегодня?!

XIX.

Такъ я провозился съ нимъ добрую половину ночи. Мнѣ стоило большого труда удерживать его отъ попытки одѣться и уйти и отъ другихъ безпокойныхъ выходокъ.

Наконецъ, я уговорилъ его уснуть. Онъ поддался увѣщаніямъ, улегся и въ угоду мнѣ затихъ. Это было уже подъ утро. Самъ же я рѣшилъ не спать до тѣхъ поръ, пока не встанутъ Пелагея и хозяйинъ, и сѣлъ заниматься. Но сонъ одолѣлъ-таки меня: склонивъ голову на руки, я, сидя за столомъ, заснулъ.

Когда я проснулся, было свѣтло, и въ домѣ уже начиналась обычная возня. Я вскочилъ со стула и бросился въ комнату Николая Петровича. Онъ сидѣлъ уже совсѣмъ одѣтый и писалъ. При моемъ входѣ онъ повернулъ ко мнѣ лицо и улыбнулся. Боже! я не узналъ его. Усы и борода были сбриты! Незнакомыя мнѣ до сихъ поръ очертанія его губъ и подбородка, теперь обнаженные, дѣлали это лицо съ непривычки смѣшнымъ... пожалуй, даже отталкивающимъ.

А Николай Петровичъ лукаво подмигнулъ и, погрозивъ мнѣ пальцемъ, довольный своей выдумкой, сказалъ:

— Что братъ!.. Теперь ужъ не узнають,—шалишь!

Я невольно покачалъ головой. На столѣ около его руко-

писи, стояло маленькое зеркальце и лежала старая бритва. А въ умывальномъ тазу плавали ключья взмыленной бороды и тутъ же валялось запачканое кровью полотенце: Николай Петровичъ при бритвѣ порѣзался не разъ. Глядя на мелкія, кровавыя полоски на его щекахъ, я сказалъ:

— Экъ вы себя изуродозали!

Онъ очень серьезно отвѣтилъ:

— Что дѣлать! Пятнадцать лѣтъ не брился.—И съ торжествомъ указывая на бритву, сказалъ:—Да, вотъ невѣдомо зачѣмъ болталась пятнадцать лѣтъ въ чемоданѣ, и вдругъ, въ такую минуту, вспомнилъ: благодѣтельница!.. Само Провидѣніе тутъ... Да... сказано: „и волосъ не упадетъ съ главы вашей безъ воли Божіей!..“ Спасенъ! Не узнаютъ.

Я съ жуткимъ чувствомъ подумалъ, что послѣ этого серьезнаго предостереженія медлить больше нечего, надо везти его въ больницу.

Мы напились чаю, и я предложилъ Николаю Петровичу поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ редакцію, гдѣ я могу въ качествѣ достовѣрнаго свидѣтеля подтвердить содержаніе сочиненнаго имъ письма. Мысль показалась ему блестящей. Но какъ доѣхать, чтобъ дорогой его не схватили его враги?

Я взялся это устроить и привести извозчика, котораго я лично знаю, моего земляка: этого ужъ не выдастъ!

Какъ малый ребенокъ нянькѣ, Николай Петровичъ вѣрилъ теперь всему, что бы я ему ни сказалъ.

Я оставилъ его на попеченіи нашего хозяина, одобришаго мои намѣренія, а самъ, подъ предлогомъ, что иду искать своего извозчика, поѣхалъ въ Екатерининскую больницу. Подготовивъ тамъ приѣмъ больного и устроивъ всѣ формальности, нанялъ толковаго извозчика, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и вернулся за Николаемъ Петровичемъ.

Онъ уже ждалъ меня съ нетерпѣніемъ. Мы поѣхали. Я сейчасъ же сталъ приводить въ исполненіе мой планъ. Убѣдилъ Николая Петровича, что его письмо въ редакцію недостаточно сильно и, какъ письмо, не всѣми будетъ прочитано, а надо написать еще горячую статейку о клеветѣ и пустить въ томъ же номерѣ.

— Чего же лучше!—съ восторгомъ отозвался онъ.

— Но надо написать хорошенько, обдуманно,—говорю я ему.—Чтобъ вамъ опять не помѣшали, какъ вчера вечеромъ эти негодяи за окномъ?..

— Да, да,—уже сокрушенно отвѣтилъ онъ и задумался. А я продолжаю:

— Домой ѣхать не безопасно.

— Да, да... Гдѣ бы скрыться? Гдѣ бы скрыться! Мнѣ бы только на одну ночь.

Мы уже приближались въ это время къ больницѣ.

— Постойте-ка,—говорю ему,—вспомнилъ. Вотъ идея! Мы какъ разъ сейчасъ поѣдемъ мимо.

И я разскаалъ ему, что въ Екатерининской больницѣ есть докторъ—мой дальній родственникъ и прекрасный человѣкъ. Онъ, конечно, охотно пріютитъ и скроетъ его у себя, пока статья о клеветѣ не будетъ написана.

Николай Петровичъ, вмѣсто отвѣта, только съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

А черезъ часъ я уже могъ распрощаться съ нимъ, оставивъ его, совершенно спокойнаго, на попеченіи доктора, очаровавшаго его своей любезностью.

XX.

Когда я пріѣхалъ къ нему на другой день утромъ, я ожидалъ встрѣтить его негодующимъ, такъ какъ то обстоятельство, что онъ заключенъ въ больницу, должно же было обнаружиться. Но Николай Петровичъ, напротивъ, встрѣтилъ меня съ величайшей ласковостью, и первымъ словомъ его было:

— Ты знаешь, я уже написалъ.

— Статью?

— Статью. Вотъ! — И онъ протянулъ мнѣ исписанный листъ бумаги.—Отвези это въ редакцію, — продолжалъ онъ веселымъ, развязнымъ тономъ,—и скажи, что отъ меня. А письмо въ редакцію я уничтожилъ, не надо его. Скажи имъ, я самъ не ѣду потому, что скрываюсь. Мнѣ здѣсь хорошо. Буду скрываться, пока во всѣхъ газетахъ не будетъ перепечатана моя статья, и пока мнѣ не пришлютъ отъ губернатора удостовѣренія на безпрепятственное проживание въ качествѣ мирнаго гражданина, а не разбойника.—Принимая дѣловой озабоченный видъ, онъ, довольно рѣзко, внушительно добавилъ:—Ты исхлопочи мнѣ это... пожалуйста... будь другомъ.

Я, конечно, общалъ.

Въ комнатѣ, гдѣ онъ былъ помѣщенъ, находились еще четверо сумасшедшихъ. Всѣ они, оказывалось, пострадали въ жизни отъ разныхъ враговъ и отъ разныхъ преслѣдованій. И всѣ они встрѣтили Николая Петровича особенно дружелюбно, какъ газетчика, который можетъ возстановить не только собственную репутацію, но и дать надлежащее направленіе и ихъ запутаннымъ судебнымъ процессамъ съ людской неправдой.

Съ появленіемъ между ними Николая Петровича, настроеніе у нихъ въ палатѣ водворилось самое радостное; и

уваженіе, съ какимъ они относились къ нему, какъ къ ихъ адвокату, они проявили теперь и въ обращеніи со мной.

Они всѣ сознавали, что сидятъ въ сумасшедшемъ отдѣленіи общей больницы, — какъ давно? — этого они не помнили, — но были увѣрены, что докторъ ихъ благодѣтель, и что онъ нарочно выдумалъ для нихъ эту глупую болѣзнь — манію преслѣдованія: такой болѣзни въ дѣйствительности совсѣмъ, де, не существуетъ, и никогда не существовало; докторъ только даетъ имъ возможность жить здѣсь и заниматься восстановленіемъ ихъ поправныхъ правъ. И они тоже писали разныя бумаги, ходатайства, рылись въ законахъ, и все это передавали доктору для направленія въ подлежащія учрежденія. Ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался, что рано или поздно правда восторжествуетъ. Не будь этого благодѣтельнаго учрежденія, гдѣ имъ даютъ средства къ существованію подъ видомъ сумасшедшихъ, имъ бы пришлось или умереть съ голоду, или покориться злу и несправедливости и отказаться отъ своихъ тяжбъ.

XXI.

Я вышелъ изъ больницы, успокоенный относительно того, что Николай Петровичъ помѣщенъ тутъ хорошо; но зато я былъ совершенно удрученъ картиной людского безумія, которое я, юноша, видѣлъ впервые. А докторъ еще сказалъ мнѣ на прощаніе:

— Всѣ четверо безнадежны.

Онъ посовѣтовалъ мнѣ написать роднымъ Николая Петровича, чтобы они взяли его на домашнее попеченіе.

Изъ прежнихъ разговоровъ съ Николаемъ Петровичемъ, я зналъ, что у него жива старуха мать, въ Ярославлѣ. Я рѣшилъ написать ей обо всемъ случившемся и предложить пріѣхать за нимъ.

Я зашелъ также въ указанную мнѣ Николаемъ Петровичемъ редакцію, чтобы показать тамъ его послѣднюю статью. Ее прочли, съ грустью покачали головой, пожалѣли его, а мнѣ сказали, что если Николаю Петровичу нужны деньги, то редакція поможетъ ему, и обѣщали послать одного изъ сотрудниковъ навѣдаться.

— А статья?

— Куда же ее? Разумѣется, въ корзину.

Я попросилъ отдать мнѣ ее на память. Мнѣ охотно передали этотъ исписанный отчасти чернилами, отчасти карандашомъ листъ.

Придя домой, я развернулъ листъ со статьей и сталъ перечитывать.

Статья была написана, видимо, дурными чернилами и старым перомъ, но твердымъ, бойкимъ почеркомъ, съ характерной особенностью письма Николая Петровича: въ его рукописяхъ часто, вмѣсто малой строчной буквы *e* въ срединѣ словъ, стояло большое заглавное *E*. Помарки и вставки были сдѣланы карандашомъ и карандашомъ же надписано заглавіе:

Нѣчто о репутаціяхъ.

„Милая Москва—глубоко ты теперь излѣдована мною!“—такъ начиналась статья.—„Я знаю теперь не улицы твои и переулки, не музеи и театры, не церкви твои и дома, а знаю образъ мыслей, суть мозговыхъ отправленій, дыханіе разсудка твоихъ жителей. Мнѣ всегда хотѣлось знать, какъ слагаются понятія, составляются сужденія, творятся въ головахъ жителей репутаціи,—словомъ, что думаетъ Плющиха о Балканѣ, Вшивая горка объ Глухомъ переулкѣ, Тверская улица объ Козьемъ болотѣ. Напримѣръ, на Плющихѣ говорятъ: „этотъ Коля съ Балкана, что это за милый человѣкъ, какой онъ добрый, образованный, пріятный въ обществѣ молодой человѣкъ!“ Или въ глухомъ переулкѣ толкуютъ про Федора Федоровича съ Вшивой горки,—вотъ, говорятъ, человѣкъ даровитый, талантливый!—Или въ Мѣщанской части говорятъ про торговца въ Зарядьи: эхъ, говоритъ, Иванъ Иванычъ просто жюликъ“. Мнѣ и хотѣлось доискаться причины, почему Коля съ Балкана—милый, Федоръ Федоровичъ съ Вшивой горки—даровитый, а Иванъ Иванычъ въ Зарядьи—просто жюликъ, словомъ, какъ составляются репутаціи. Я спрашивалъ такъ скромно у знакомыхъ на Плющихѣ, отчего это Коля съ Балкана милый человѣкъ? Совсѣмъ, по-моему, онъ не милый, а гадкій, плюгавый болтунъ... Мнѣ сейчасъ же зажимала ротъ Анна Федоровна, важная дама на Плющихѣ,—„полноте, говоритъ, вся Москва его считаетъ за милого человѣка“. Спрашивалъ и объ Иванѣ Ивановичѣ въ Зарядьи у торговца на Сѣнной площади,—отчего Иванъ Иванычъ жюликъ? „Помилуйте,—говоритъ торговецъ,—да вѣдь это вся Москва знаетъ“. А кто-же именно въ Москвѣ вамъ говорилъ?—добивался я... О, милая Москва! Давно я знаю тебя и не зналъ, что и мнѣ ты составишь неожиданную репутацію!..“

Дальше Николай Петровичъ повторялъ рассказъ о томъ, какъ извочки назвали его разбойникомъ. Это было то же самое, что и въ его первоначальномъ „письмѣ въ редакцію“, только немного передѣланное.

XXII.

Мнѣ не удалось больше увидѣть Николая Петровича. Въ ту же ночь я получилъ изъ дому одну за другой двѣ телеграммы: въ одной дядя извѣщалъ меня, что моего отца разбилъ параличъ и что я долженъ сейчасъ же ѣхать къ отцу; другая—была банковскій переводъ денегъ на дорогу. И я, едва успѣвъ собраться и написать письмо матери Николая Петровича, съ первымъ же поѣздомъ выѣхалъ въ Нижній.

Зрѣлище, которое ожидало меня дома, оказалось для меня еще болѣе печальнымъ, чѣмъ то, что мнѣ пришлось только-что пережить въ Москвѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, уѣзжая, я оставилъ отца человѣкомъ цвѣтущаго здорovia и большой физической и умственной силы; такимъ онъ и оставался все это время въ моей памяти,—онъ, отъ кого я унаслѣдовалъ эту жажду захватить чуть не весь мiръ неустаннымъ трудомъ; онъ, проложившій себѣ дорогу къ богатству и къ почету только собственными силами; онъ, вышедшій въ люди самоучкой и не только научившійся уважать науку, но за свой умъ и начитанность пользовавшійся уваженіемъ и людей науки,—самородокъ, достойный подражанія въ своемъ богатырскомъ непреклонномъ стремленіи впередъ,—онъ лежалъ теперь предо мной, беспомощный, разслабленный, старикъ.

Онъ какъ-то сразу посѣдѣлъ, похудѣлъ, осунулся. Горѣвшіе, бывало, огнемъ глаза были безжизненны, голосъ слабъ; прежде мускулистыя, сильныя руки лежали теперь на подушкахъ, какъ плети. Онъ говорилъ, хотя и разумно, но мало и постоянно спотыкался на слогахъ. Лучшіе доктора нашего города лѣчили его и хотя обѣщали выздоровленіе, но медленное и во всякомъ случаѣ не полное.

Съ перваго дня болѣзни положеніе больного не ухудшалось; а состояніе духа становилось съ каждымъ днемъ спокойнѣе. Вначалѣ раздражительный, вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ энергичной дѣятельности къ невольному бездѣйствію и отъ сознанія силы и власти къ безсилію и зависимости въ каждомъ своемъ движеніи отъ помощи другихъ, онъ постепенно смирился и весь ушелъ въ покорность Богу и судьбѣ.

Я проводилъ теперь цѣлыя часы у его постели.

И, вмѣсто прежняго призыва къ работѣ, къ созиданію, къ борьбѣ, мнѣ приходилось выслушивать теперь отъ него отрывочныя сентенціи о суетѣ всего мiрскаго, о томъ, какъ надо быть готовымъ каждую минуту предстать на Страшный судъ Божій, о томъ, какъ неппрочны всѣ наши надежды, всѣ наши заботы о земномъ благополучіи.

Я не возражалъ ему, я не спорилъ. Но не могъ и согласиться съ нимъ, не могъ сочувствовать ему въ его настроеніи: у меня вѣдь еще не было паралича, все мое грядущее еще стояло предо мной таинственной, но и заманчивой загадкой.

У постели моего „смирившагося“ отца я не разъ вспоминалъ Николая Петровича, и иногда по цѣлымъ часамъ звучалъ у меня въ ухахъ его дразнящій пьяный голосъ:

— Цѣль вашей жизни?

...Не въ слѣпой покорности судьбѣ, во всякомъ случаѣ!

XXIII.

Мой отецъ вскорѣ выздоровѣлъ; физическія его силы постепенно возстановились настолько, что онъ прожилъ безболѣзненно еще 20 лѣтъ; а умственные... нѣтъ, это уже былъ совсѣмъ другой человѣкъ, съ другой душой, съ другими взглядами на жизнь,—и я не люблю вспоминать его такимъ...

Николай Петровичъ, какъ я узналъ потомъ, былъ увезенъ его матерью въ Ярославль и тамъ черезъ годъ умеръ.

А для меня наступила рабочая пора: я остался при дѣлахъ отца.

Прошло много лѣтъ. Я пережилъ въ эти долгіе годы много и радостнаго, много и горестнаго, и ничтожнаго, и поучительнаго. Но ничто не оставило въ моей душѣ болѣе устойчиваго слѣда, чѣмъ мое кратковременное знакомство съ Николаемъ Петровичемъ и всѣ связанныя съ этимъ временемъ обстоятельства. Зараза сомнѣнія, привитая мнѣ Николаемъ Петровичемъ, попала на воспримчивую почву, разрослась и глодала меня, а все, что я переживалъ потомъ, только давало ей новую пищу. Быть-можетъ,—будь мое дѣтство менѣе яркимъ, менѣе радостнымъ и беззаботнымъ; будь мои юношескія стремленія къ будущему захвату своей большой доли счастья въ этомъ мірѣ менѣе пылки и опредѣленны; или не сокруши болѣзнь отца его мощный духъ,—быть-можетъ я легче и проще нашелъ бы свой немудрый путь среди другихъ, идущихъ къ счастью или горю. Но теперь, при всѣхъ данныхъ условіяхъ, этотъ проклятый вопросъ: „цѣль вашей жизни?“ уже не покидалъ меня съ тѣхъ поръ никогда. Онъ часто отравлялъ мнѣ красоту наслажденія и радость успѣха, а въ минуты горя онъ вторгался ко мнѣ непрошеннымъ утѣшителемъ и гасилъ въ душѣ моей священное пламя, зажженное страданіемъ.

А. Луговой.

Командировка на холеру.

Изъ записокъ женщины-врача.

I.

Въ С.-Петербурѣ.

Въ маѣ 1892 г. мнѣ пришлось проѣхать по Волгѣ съ больною, которую я сопровождала. Мы должны были проѣхать отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани и затѣмъ вернуться обратно въ Москву. Это было очень пріятное путешествіе. Выѣхавъ въ 20-хъ числахъ мая, мы застали Волгу въ полной красѣ разлива. Больная моя чувствовала себя прекрасно; это была милая и образованная женщина. Общество на пароходѣ оказалось хорошее; многіе знали другъ-друга раньше, многіе перезнакомились теперь. Почти всѣ принадлежали къ одной средѣ, если не къ одному кругу.

Передъ глазами у насъ разстилалась необъятная волжская ширь, надъ нами синѣло безоблачное небо; нагорный берегъ, усыпанный цвѣтомъ яблонныхъ и вишневыхъ садовъ, бѣлѣлъ на цѣлые десятки верстъ; лугового берега иногда почти не было видно, иногда онъ зеленѣлъ сочными травами заливныхъ полей; дальше шли по правому берегу поля начинавшей колоситься ржи или лѣсистые холмы съ оврагами и обрывами... И все это было такъ хорошо... и восходъ и закатъ солнца, и звѣздное небо, и точно уснувшая рѣка...

Въ одномъ только мѣстѣ было непріятно: за Саратовымъ насъ дня три заносило песчаною пылью, которая летѣла съ востока и желтымъ туманомъ заслоняла солнце и окрестности: дышать было нечѣмъ отъ духоты... Потомъ говорили, что эта пыль неслась къ намъ чуть не изъ центра Азіи, и находили въ ней одну изъ причинъ появленія холеры.

Въ Царицынѣ мы пріѣхали 3 іюня. Больная моя рѣшила пересѣсть на низовой пароходъ и вернуться домой; я не настаивала на продолженіи нашего путешествія, такъ какъ больная, чув-

ствовавшая себя прекрасно все время, теперь уже начинала беспокоиться о своих дѣтяхъ, и я боялась, что если мы поѣдемъ дальше, то ея безпокойство вызоветъ снова нервные припадки, отъ которыхъ она только что поправилась.

Распростившись съ нашими спутниками, мы перешли на низовой пароходъ и пустились въ обратный путь. Теперь мы ѣхали съ людьми, возвращавшимися изъ Закаспійской области и изъ Закавказья. Здѣсь мы въ первый разъ услышали о томъ, что въ Баку было нѣсколько случаевъ подозрительнаго заболѣванія, имѣвшаго признаки остраго желудочно-кишечнаго страданія и кончавшагося смертью. Тогда, однако, никто изъ насъ, не переживавшихъ тяжелыхъ холерныхъ эпидемій, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, насколько эти слухи были серьезны.

Вернувшись съ Волги домой, я застала уже глухую тревогу и въ Петербургѣ. Скоро мы услышали о безпорядкахъ въ Астрахани и Баку — равьше, чѣмъ извѣстія о нихъ появились въ газетахъ. Тревога все разрасталась, такъ какъ болѣзнь начала быстро охватывать приволжскія губерніи. Началось отправленіе санитарныхъ отрядовъ изъ врачей, фельдшеровъ, фельдшерницъ, студентовъ и сестеръ милосердія.

Тяжелое было время для Россіи, но во многихъ отношеніяхъ и плодотворное время. Въ обществѣ подъемъ духа былъ необыкновенный. Я говорю о молодежи и о той части интеллигентнаго общества, гдѣ пожилые люди и даже старики сумѣли сохранить живыя струны въ душѣ. Такія времена даютъ мѣрку человѣка и обществу. Случалось мнѣ видѣть тогда людей, бросавшихъ все, что обѣщало имъ выгоды, чтобы идти на помощь страдающимъ отъ эпидеміи... Но нашелся и такой врачъ, который заявилъ мнѣ, что онъ теперь еще не поѣдетъ, а отправится тогда, когда по двѣ тысячи рублей будутъ платить въ мѣсяць...

Я очень боялась холеры, не смотря на то, что я врачъ. Впоследствии я видѣла, какъ мужчины-врачи блѣднѣли при малѣйшемъ намекѣ на то, что у пациентовъ, къ которымъ ихъ зовутъ, есть симптомы желудочно-кишечныхъ заболѣваній, могущихъ оканзаться холерой. Такіе врачи на эпидемію, конечно, не ѣздили.

Когда я задумала ѣхать, у меня началась борьба совѣсти съ трусостью.

Тѣ звѣрства, которыя совершались простонародьемъ надъ медицинскимъ персоналомъ меня какъ-то не страшили. Мнѣ много приходилось имѣть дѣла съ простымъ русскимъ человѣкомъ и никогда не случалось встрѣчать въ немъ продолжительнаго недовѣрія ко мнѣ, — такъ что я надѣялась на все лучшее. Но холеры я боялась всѣмъ своимъ существомъ и какъ-то даже больше физически, чѣмъ умственно. При мысли о ней у меня являлось сердцебиеніе и легкая тошнота, и мнѣ казалось, что желѣзнымъ обручемъ туго стягиваютъ мою голову и виски. Холера была

мнѣ противна и неизяществомъ заболѣванія: гибнуть и знать, что симптомы болѣзни, отъ которой умираешь, вызываютъ отвращеніе окружающихъ; знать, что служишь источникомъ гибели для другихъ...

Въ концѣ концовъ, однако, я рѣшилась ѣхать, отправилась въ медицинскій департаментъ и обратилась къ директору съ просьбой командировать меня въ качествѣ врача въ пораженныя холерою эпидемію мѣстности.

— Хорошо, — сказалъ онъ: — я пошлю васъ въ Баку или Астрахань, вы знаете — туда, гдѣ теперь происходятъ безпорядки.

— Согласна ѣхать, куда угодно, — отвѣтила я: — только пошлите.

— Оставьте свой адресъ, мы васъ извѣстимъ.

Я вернулась домой и стала ждать. Въ газетахъ уже появились подробныя извѣстія о безпорядкахъ въ Баку и Астрахани. Разказы, ходившіе по городу, были страшны: тамъ убили доктора, тутъ фельдшера. Во многихъ приволжскихъ городахъ разбивали больницы, поджигали и грабили квартиры врачей. Одного врача облили керосиномъ и сожгли. Другого заставили выпить всѣ найденныя буянами лѣкарства и дезинфекціонныя жидкости...

Въ это время я случайно встрѣтилась съ одною изъ своихъ знакомыхъ, женщиною-врачемъ, Д. Д., получившей медицинское образованіе въ Парижѣ. Она, вернувшись въ Россію, вышла замужъ и теперь уже имѣла двухъ дочерей — одну двѣнадцати, другую шести лѣтъ. Интересна ея исторія: она была дочь врача, небогатаго человѣка, который по ея желанію отпустилъ ее за границу учиться медицинѣ. Сначала она была въ цюрихскомъ университетѣ а, послѣ того, какъ намъ всѣмъ пришлось оттуда уѣхать, перешла въ парижскую медицинскую школу. Тамъ она занималась настолько же серьезно, какъ и въ Цюрихѣ, и приобрѣла репутацію дѣльной студентки. Она была очень некрасива, большого роста, полная, съ длиннымъ носомъ, толстыми губами и рѣдкими, прямыми, желто-блѣдыми волосами; она вѣчно шурила свои маленькіе, свѣтлосѣрые глаза и тяжело дышала. Одѣвалась она скверно и не къ лицу. Мы шутили звали ее молодымъ слономъ, хотя очень любили ее за умъ, доброту, отзывчивость на чужое горе, юморъ и необыкновенное безстрашіе. Она была изъ Закавказья. Въ 1877 г. она поѣхала въ Сербію (еще не кончивъ курса) для ухода за ранеными на войнѣ. Тамъ одна двусмысленная особа, нѣкто Кр—ва, прибывшая туда яко-бы съ тою же цѣлью, какъ Д. Д., утащила у нея паспортъ, переѣхала въ другой городъ, поселилась тамъ подъ ея именемъ и принялась за дѣльный рядъ очень некрасивыхъ дѣлъ. Д. Д. ровно ничего не подозрѣвала и думала, что сама затеряла свой паспортъ. Приѣхавъ въ тотъ городъ, гдѣ подвизалась Кр—ва, она была очень неприятно удивлена, когда ее черезъ нѣкоторое время попросили

удалиться на томъ основаніи, что она особа двусмысленнаго поведенія и что ей уже было воспрещенно проживать здѣсь. Много было хлопотъ бѣдной дѣвушкѣ, пока ей удалось доказать, что она вовсе не то лицо, за которое ее принимаютъ. Наконецъ, однако, все уладилось и ее назначили на санитарный пунктъ. Работала она самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Я приведу здѣсь одинъ эпизодъ изъ пережитаго ею. Подъ Алексинацемъ она съ санитарями подбирала раненныхъ съ поля битвы; когда сербскія войска ударились въ бѣгство, санитары разбѣжались еще раньше солдатъ. Возмущенная Д. Д. начала громко стыдить и звать убѣгавшихъ солдатъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ вернулись, объявляя, что „если баба не труситъ, то и имъ бѣжать зазорно“. Они начали помогать ей, подобрали раненныхъ и уложили ихъ въ повозки. Турки стрѣляли по фурамъ, но, къ счастью, никого не ранили. По пятамъ уходившаго санитарнаго отряда турки вошли въ Алексинацъ. Д. Д. не оставливалась здѣсь, а только проѣхала черезъ городъ и благополучно доставила своихъ раненныхъ въ ближайшій санитарный пунктъ.

Потомъ Д. Д. ужасно сердилась на турокъ за то, что они разграбили ея квартиру въ Алексинацѣ; всѣ ея вещи пропали: бѣлье, книги, часы и деньги. Для небогатой дѣвушки это было чувствительной потерей. Ее наградили за труды какимъ-то сербскимъ знакомъ отличія.

Когда Д. Д., окончивъ курсъ въ Парижѣ, вернулась въ Россію, за нее вскорѣ посватался весьма порядочный человекъ. Не буду называть ни города, ни учрежденія, гдѣ онъ служилъ, скажу только, что начальство его, узнавъ, что онъ женится на женщинѣ-врачѣ, поставило ему такой ultimatum: либо отказаться отъ невѣсты, либо подать въ отставку. Онъ подалъ въ отставку.

Вотъ съ этой-то Д. Д. мы и встрѣтились. Теперь она нисколько не напоминала бывшаго молодого слона. Она сдѣлалась почти красива, какъ ни мало элементовъ красоты было у ней въ молодости. Доброе и умное лицо ея какъ-то сложилось и оформилось; выраженіе его внушало съ перваго взгляда симпатію и довѣріе вся осанка была спокойна и полна достоинства. Одѣта была моя пріятельница просто и съ изящнымъ вкусомъ, а дочки ея были хорошенькія и благовоспитанныя дѣвочки.

Мы разговорились. Я сѣтовала на то, что мнѣ изъ медицинскаго департамента не даютъ никакого отвѣта относительно командировки на холеру, сколько я ни хожу туда. Директоръ, говорятъ, уѣхалъ на Кавказъ, а вице-директоръ не можетъ ничего сдѣлать для меня, такъ какъ я права практики въ Россіи не имѣю. Д. Д. тоже не имѣла русскаго диплома. У нея не было средствъ прожить по пріѣздѣ два-три года въ ожиданіи разрѣшенія на сдачу экзамена. Потомъ она вышла замужъ, пошли дѣти—такъ она экзамена и не сдала. Мы рѣшили совмѣстно при-

няться за хлопоты о командировкѣ и отправились въ медицинскій департаментъ. Тамъ намъ опять сказали, что нужно „ждать“. Тогда мы рѣшили искать протекціи сильныхъ міра сего. Много пороговъ мы обили и вотъ, въ одинъ прекрасный день, вслѣдствіе-ли нашихъ хлопотъ, или по какимъ-либо инымъ причинамъ, но въ газетахъ появился вызовъ врачей съ иностранными дипломами, желающихъ работать на холерной эпидеміи. Мы съ Д. Д. поѣхали въ департаментъ. Когда мы вошли въ кабинетъ вице-директора, онъ встрѣтилъ насъ словами: „Я зналъ, что вы первыя откликнитесь“, и тотчасъ назначилъ насъ въ Самарскую губернію. Дня черезъ два намъ велѣли явиться за маршрутами и деньгами.

Когда я ѣхала домой, на меня вдругъ нашло малодушіе: я горько расплакалась. Слезы лились неудержимо: „хочу жить, какъ ни тяжела жизнь... а вотъ сама выпросилась ѣхать на вѣрную смерть!“ Мнѣ стало ужасно жаль самоѣ себя. Не могу объяснить себѣ и теперь такихъ противорѣчій. Я находилась точно подъ вліяніемъ тяжелаго кошмара, настроеніе мое было возбужденно-унылое, если можно такъ выразиться; но въ то же время мысль отказаться отъ поѣздки даже и на умъ не приходила.

Теперь нужно было воспользоваться двумя днями данной намъ отсрочки для того, чтобы взглянуть на холерныхъ больныхъ, которые были уже и въ Петербургѣ. Начавъ проситься въ командировку въ концѣ іюня, мнѣ удалось быть назначенной въ Самару только къ началу августа; конечно, за это время я перечитала все, что могла найти печатнаго о холерѣ, но я не была знакома съ проявленіями болѣзни и ея лѣченіемъ на практикѣ. Я въ то время жила въ городской больницѣ Св. Пантелеймона для душевно-больныхъ, гдѣ служилъ мой мужъ, и не считала себя вправѣ пугать всѣхъ живущихъ въ ней посѣщеніями холерныхъ барачковъ, въ виду того, что у насъ въ больницѣ царилъ паническій ужасъ съ тѣхъ поръ, какъ холера проникла въ Петербургъ. Но теперь мнѣ было необходимо хоть разъ съѣздить въ Александровскую больницу, гдѣ помѣщались холерные; я рѣшила принять всякія мѣры, чтобы не занести заразы къ намъ и, скрѣпя сердце, отправилась.

Въ Александровской больницѣ меня весьма любезно принялъ дежурный врачъ и познакомилъ съ докторомъ С. С. Боткинѣмъ, который провелъ меня по палатамъ и далъ мнѣ множество драгоценныхъ указаній; за нихъ я здѣсь приношу ему искреннюю благодарность. Дежурный врачъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ слѣдующее: „при холерѣ живые похожи на мертвыхъ, а мертвые на живыхъ“. И дѣйствительно, ходя по палатамъ, я трехъ больныхъ приняла за мертвецовъ, а двухъ умершихъ за живыхъ, крѣпко-спящихъ людей.

Хотя я приняла искреннее намѣреніе не сторониться своихъ

будущихъ больныхъ, я, тѣмъ не менѣе, удивлялась сестрамъ милосердія и фельдшерницамъ, обходившимся съ холерными такъ же просто, какъ и съ другими больными.

Въ Александровской больницѣ меня поразила еще одна вещь, именно, что больные, не погибшіе отъ холерныхъ приступовъ, т. е. такіе, на выздоровленіе которыхъ была надежда, отличались замѣчательно свѣжимъ цвѣтомъ лица. Сестры милосердія и сидѣлки въ сравненіи съ ними казались желто-блѣдными и совершенно истощенными.

На слѣдующій день я закупила нужныя книги, запаслась рекомендательными письмами въ Самару и уложила свои вещи.

Наступилъ день отъѣзда. Мы съ Д. Д. сговорились ѣхать вмѣстѣ. Д. Д. провожали мужъ и дѣти; было пролито такъ много слезъ, что не только она, но даже и я пришла въ совершенно угнетенное настроеніе и почувствовала облегченіе только тогда, когда мы усѣлись въ вагонъ, поѣздъ тронулся и мы, наконецъ, уѣхали.

II.

Въ дорогѣ.

Въ Москвѣ я осмотрѣла приспособленія, устроенныя на желѣзныхъ дорогахъ на случай заболѣванія пассажировъ холерою. Санитарные вагоны были чисты, удобны и покойны,—аптечки правильно составлены и полны. За то ничего не было страннѣе докторскихъ обходовъ во время пути. При остановкѣ поѣзда на какой-нибудь станціи проходить спѣшно по вагону докторъ и, обращая направо и налево, не ожидая отвѣта, говоритъ: „Вы здоровы? Вы здоровы“. И изъ-за этого задерживаютъ поѣзда на станціяхъ, а пассажировъ въ вагонахъ—не даютъ не только поѣсть, но даже иной разъ чаю напитокъ. Эти осмотры также жестоко пугали ѣдущихъ: случалось, что дѣйствительно заболѣвшіе люди, нуждавшіеся въ помощи, скрывали свое состояніе, стыдясь обратиться на народѣ къ врачу и воображая, что ихъ сейчасъ потащутъ въ холерный вагонъ. Не лучше ли было бы, если бы даже не докторъ, а хоть только фельдшеръ былъ при каждомъ поѣздѣ, и кондукторъ заявлялъ бы объ этомъ въ каждомъ вагонѣ, при чемъ были бы и по стѣнамъ прибиты объявленія о томъ, что при поѣздѣ имѣется медицинская помощь. Первую помощь заболѣвшимъ во время пути подавалъ бы фельдшеръ, а пріѣхавъ на станцію, больной могъ бы быть осмотрѣнъ и докторомъ. Тогда всякій желающій могъ бы обратиться къ медицинской помощи, не привлекая на себя вниманіе публики.

Пробывъ сутки въ Москвѣ, мы съ Д. Д. отправились дальше по назначенію. Насъ посадили въ отдѣльное купе второго класса. Ря-

шириною своихъ улицъ; это были не улицы, а дуга, ярко зеленые и густо поросшіе гусиной травкой. Поражало меня и безлюдье улицъ; рѣдко, рѣдко поднимется, бывало, опускное оконце и оттуда выглянетъ чье-нибудь лицо, угрюмое, печальное, съ злыми и испуганными глазами. Ни говора, ни пѣсни, ни смѣха, ни сооры—даже, только собаки встрѣчаютъ и провожаютъ васъ яростнымъ и неумолчнымъ лаемъ... И вы чувствуете, что тутъ хозяевами гладь и морь...

Теперь даже отдѣльные черты всей этой картины, также, какъ и общій видъ ея, стоятъ передъ моими глазами ясно и отчетливо, не смотря на то, что позднѣе, когда острья бѣды населенія кончились, я увидѣла совершенно иное; тогда же, будучи въ первый разъ въ томъ краю и не зная его характера, я, тѣмъ не менѣе, невольно почувала во всемъ этомъ что-то недоброе.

Ямщики привезли насъ въ Старомъ Уренѣ на взвѣзжую. Хозяева взвѣзжей приняли насъ не могу сказать, чтобы особенно ласково, но и не враждебно. Взвѣзжая представляла двойную избу, раздѣленную холодными сѣнями, изъ которыхъ былъ выходъ на огороженный плетенымъ заборомъ довольно тѣсный и грязный дворъ; одна сторона его была занята плетеными-же хлѣвами и навѣсами; на право отъ сѣней была черная, налѣво чистая изба.

Взвѣзжая была очень тѣсна, мы и задумались, какъ намъ всѣмъ размѣститься въ ней. Служителей мы отправимъ въ черную избу; но три фельдшерицы, двѣ сестры милосердія, двѣ сидѣлки и я—вотъ уже семь человѣкъ... если мы даже въ повалку ляжемъ на полу рядомъ, такъ и то не помѣстимся... Хозяева, видя наше раздумье и отчасти понимая его, любезно замѣтили, что они уйдутъ на печку — ихъ было двое, мужъ и жена... а мы ихъ сожителства съ нами въ одномъ помѣщеніи и не предполагали... Мыслимо-ли было девяти человѣкамъ ночевать въ избѣ, имѣвшей трехсаженный фасадъ, три сажени въ глубину, низкій потолокъ, печку, занимавшую почти четверть всего пространства—да къ тому же еще ежедневную топку! Далѣе, куда намъ помѣстить лѣкарства? Оставить ихъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ въ незапирающихся ящикахъ, на произволъ судьбы, иска мы будемъ ходить по больнымъ,—невозможно; караулить ихъ тоже некому. Признаюсь, я на минуту смугилась, не видя исхода, такъ какъ меня предупреждали, что въ свои избы крестьяне ни за что насъ на житье не пустятъ. Но дѣло, однако, уладилось. Прежде всего сестры милосердія заявили, что онѣ здѣсь не останутся, такъ какъ для нихъ это было-бы слишкомъ неудобно и безпокойно, и что онѣ найдутъ себѣ отдѣльную квартиру; затѣмъ хозяева, которымъ мы обѣщали приплачивать три рубля въ мѣсяць, уступили намъ холодную кладовушку въ сѣняхъ для помѣ-

щенія лѣкарствъ.—Эту кладовую съ полками по стѣнамъ мы потому преобразили въ аптеку, очень удобную въ томъ отношеніи, что она запиралась на замокъ; кромѣ того, хозяева согласились предоставить намъ чистую избу въ полное владѣніе и перейти въ черную половину. Пишу обо всѣмъ этомъ такъ подробно потому, что въ каждой деревнѣ, куда мы прѣѣзжали, намъ приходилось встрѣчаться съ тѣми-же затрудненіями и вести тѣ-же переговоры, которые иногда ни къ чему ни приводили; намъ случалось останавливаться и жить въ теченіе нѣсколькихъ дней въ избахъ, гдѣ ночевало человекъ пять хозяевъ: мужиковъ, бабъ и ребятъ; и мы, послѣ шестнадцати—восемнадцатичасового трудового дня, не могли даже раздѣться и порядочно умыться. Спали мы почти всегда на полу, на какихъ-нибудь пальто и платкахъ; иногда удавалось достать сѣна или соломы... но случалось, что мы и вовсе не ложились по двѣ и три ночи, когда дѣла было слишкомъ много... Ёли мы, что Богъ послалъ: молоко, яйца, картофель, черный хлѣбъ, плата за все втридорога; когда случалось купить мяса, то варили супъ, но чаще пили чай, когда хотѣлось горячаго. Прибавлю, что всё мы это переносили очень легко, никто не хворалъ и всё были бодрѣ. Что касается меня, то никогда у меня не было ни лучшаго сна, ни лучшаго аппетита, какъ на командировкахъ. Каждый кусокъ, который я съѣдала, каждый глотокъ, который выпивала,—казались вкусны; сонъ на полу, на жесткой лавкѣ—являлся не только отдыхомъ, но наслажденіемъ. Поэтому нечего толковать о лишеніяхъ, о самоотреченіи и т. д. Народъ, во время эпидеміи, терпѣлъ несравненно болѣе лишеній, чѣмъ мы, даже при тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, при которыхъ мы находились. Одно, что было трудно, это постоянное умственное и нравственное напряженіе при работѣ—его нельзя бы было вынести болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ; оно непременно повело-бы къ какому нибудь тяжелому нервному или психическому заболѣванію, если-бы было продолжительно, даже при условіи той физической бодрости, которую мы всё вообще чувствовали.

Водвореніе наше на взѣзжей въ Старомъ Уренѣ взяло сравнительно очень мало времени послѣ того, какъ мы окончательно сговорились съ хозяевами; ящики съ лѣкарствами мы поставили въ кладовую, а наши чемоданы и корзинки внесли въ избу, — затѣмъ раскрыли ящикъ и достали походныя аптечки; пока шли переговоры съ хозяевами, Аннушка приготовила самоваръ, чтобы мы могли напиться чаю до обхода больныхъ. Тотчасъ по прѣѣздѣ я послала за старостой, бывшимъ въ полѣ. Когда онъ пришелъ, я показала ему наши бумаги и попросила его указать намъ тѣхъ людей, которые желаютъ нашей помощи. Со старостой пришло двое мужиковъ, вооруженныхъ длинными тонкими жердями; они не входили въ избу, но остались на крыльцѣ—намъ сказали, что эти люди будутъ провожать насъ

по деревнѣ и отгонять своими жердями злыхъ деревенскихъ собакъ. Староста изъявилъ готовность самъ сегодня вести насъ по избамъ. Мы надѣли бѣлые передники, повязали голову бѣлыми платками, захватили корзиночки съ походными аптечками и отправились. Софья Яковлевна осталась, чтобы разобрать лѣкарства,—сидѣлкамъ было поручено привести въ порядокъ предметы нашего домашняго обихода и помогать Софьѣ Яковлевнѣ.

Деревня тянулась одной длинной улицей по склону отлогато холма и оканчивалась у топкаго дуга. Наша въѣзжая и три другія избы, примыкавшія къ ней, стояли почти посрединѣ деревни, отдѣляясь отъ остальныхъ дворовъ двумя, шедшими слѣва и справа, прогонами, служившими выѣздомъ изъ селенія и въѣздомъ въ него; они вели къ мосту черезъ рѣчку Урень и примыкали къ дорогѣ въ село Рѣпьевку. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего дома, по направленію къ вершинѣ холма, на которомъ стоитъ Старый Урень, улица была перегорожена во всю ширину жердями, поддерживаемыми вѣзлами изъ тонкихъ колышковыхъ.

— Зачѣмъ тамъ перегородили?—спросила я старосту.

— А чтобы съ этого конца деревни туда никто не ходилъ. На горѣ живутъ богачи—у нихъ хвори нѣтъ. Подъ горой живутъ бѣдные, хворь здѣсь на концѣ улицы, на болотѣ... Теперь и на середину деревни отъ болота подвигаться стада... Вотъ богачи на свою сторону никого отсюда и не пускаютъ, чтобы къ нимъ кто не занесъ болѣзни.

Староста началъ обходъ по больнымъ съ того, что повелъ насъ на самый край деревни, на болото. Справа и слѣва отъ насъ шли мужики съ жердями. Начинало смеркаться. Широкая улица точно вымерла—ни души не было видно на ней, только собаки выскакивали чуть не изъ каждаго двора: бѣлесоватыя, худыя, длинныя, высокія, косматыя... онѣ озлобленно лаяли, бросались къ намъ какъ будто съ намѣреніемъ изорвать въ клочки всякаго, кто попадетсѣ, и натыкались на жерди нашихъ провожатыхъ, причемъ, инымъ жестоко попадало, такъ что онѣ съ жалобнымъ визгомъ убѣгали, уступая мѣсто новымъ стаямъ. Жутко становилось отъ всего этого! Отъ этого безлюдья, отъ надвигавшихся туманныхъ сумерекъ, отъ призрачныхъ силуэтовъ разъяренныхъ животныхъ и отъ мысли, что кругомъ въ душныхъ темныхъ избахъ сидятъ уныло несчастные люди, незримо слѣдящіе за нами и не только не ожидающіе помощи отъ насъ, но чувствующіе страхъ и ненависть къ намъ уже за одно то, что мы проходимъ мимо ихъ домовъ. Я слышала, что крестьяне говорятъ: „такая или такой-то заболѣлъ послѣ того, какъ милосердная сестра прошла мимо его дома“.

Мало-по-малу въ окнахъ начали мерцать огоньки. Пройдя всю деревню, мы пришли къ крайней избушкѣ, стоявшей почти совсѣмъ на болотѣ. Староста не вошелъ въ избу, провожатые

тоже остались на улицѣ, я вошла... и никогда не забуду того, что увидѣла.

Крошечная, низкая, курная изба: на дырявомъ, грязномъ полу вороха гнилой и мокрой соломы, на которой пластомъ лежать трое синевато-блѣдныхъ дѣтей. Направо, на залавѣ женщина... нѣтъ, не женщина, а что-то едва похожее на человѣческое живое существо: щеки ввалились и пышутъ горячечнымъ жаромъ, глаза полутерты,—взоръ ихъ бессмысленъ; носъ обострился, судорожно раздуты ноздри внутри черны отъ насѣвшей сажи... ротъ открытъ, запекшіяся губы, углы рта и обнаженные зубы тоже черны отъ сажи. Больная лежитъ, какъ-то неестественно изогнувшись и закинувъ назадъ голову; она не стонетъ, но только что-то жалобно мычитъ. Надѣво, у печки, копошится высокій, сгорбленный и неопрятный старикъ; въ рукахъ онъ держитъ маленькую копящую керосиновую лампочку безъ стекла—и при красноватомъ и дымномъ свѣтѣ ея я вижу, что сѣдая и вислооченная борода его мокра отъ рвоты...

Стѣны избы покрыты тараканами; въ ней такъ тѣсно, что повернуться негдѣ. Когда я все это увидѣла, мнѣ сдавило грудь и горло и въ глазахъ стало горячо. Меня охватила жалость, такая жалость, что я все на свѣтѣ забыла, кромѣ этихъ дѣтей, этой женщины, этого старика. Я стала на колѣни, наклонилась къ дѣтямъ и принялась ихъ осматривать. Мальчикъ былъ, по-видимому, лѣтъ восьми, одна дѣвочка пяти, а другая трехъ лѣтъ. Можно себѣ представить мой ужасъ, когда изъ осмотра и разспросовъ я убѣдилась, что дѣти уже не больны холерой, *но умираютъ* отъ голода. Я тотчасъ поручила ихъ сестрѣ Аннѣ Михайловнѣ, которая напоила ихъ мологомъ и сварила для нихъ тутъ же манной каши и бульона; прибавлю, что на другой день оба старшихъ уже безопасно играли на улицѣ; меньшая дѣвочка, Нюта, хворала еще три недѣли; впрочемъ, и она поправилась.

Не то было съ матерью; сначала она болѣла холерой, которая теперь перешла въ холерный тифондъ. Мы ее обмыли, перелѣдали, уложили покойнѣе и употребляли всякія средства, чтобы поддержать ея силы, но ничто не помогало, и на девятый день нашего пребыванія въ Старомъ Уренѣ она умерла. Судьба этой женщины, — звали ее Мариной, — была ужасна. Мужа ея мы не застали въ живыхъ, но когда она и дѣти заболѣли, онъ еще былъ здоровъ и ходилъ за ними, топилъ печку, варилъ пищу, носилъ воду и еще работалъ въ полѣ. Наконецъ, онъ почувствовалъ, что самъ заболѣваетъ; онъ перемогался нѣкоторое время, а когда силъ не стало и онъ понялъ, что тоже сляжетъ, то снялъ съ себя ременный поясъ и тутъ же, на глазахъ больной жены и дѣтей, удавился. Марина послѣ этого впала въ безпамятство и больше не приходила въ себя до самой смерти. Старикъ, котораго мы застали въ избѣ Марины, былъ ей чужой. Въ моей па-

мяти навсегда сохранится печальный обликъ этого безымяннаго труженика-героя. Это былъ одинокій человекъ, имѣвшій только одного уже женатаго сына, который не жилъ съ нимъ. Когда начались холерныя заболѣванія въ Старомъ Уренѣ, страшно пугавшія крестьянъ—пугавшія ихъ до того, что они бѣжали отъ больныхъ, оставляя ихъ на произволь судьбы,—старикъ началъ ухаживать за покинутыми. Ухаживая за Мариной и ея семьей, онъ заболѣлъ и скоро умеръ. Какъ крестьяне боялись холеры—это даже представить себѣ трудно. Что обходили домъ Марины—еще понятно: тамъ только-что совершилось самоубійство. Но приходилось встрѣчать и такія картины: пустая изба на замѣѣ и въ ней на полу мучится въ холерныхъ корчахъ голый человекъ. Семья ушла, унеся съ собою имущество и даже снявъ одежду съ больного, потому что: „вы (т. е. доктора) все это жечь будете!“ Стоило большого труда убѣдить крестьянъ, что мы ничего жечь не собираемся.

Послѣ смерти Марины дѣтей ея роздали по деревнѣ и избушку заколотили, а платье и утварь сожгли, но не мы, а сами мужики, думая, что этимъ особенно угодятъ намъ и угодятъ на даровщину, такъ какъ малолѣтнія дѣти не могли протестовать противъ уничтоженія своего добра, а заступниковъ у нихъ не нашлось.

Потомъ дѣтей этихъ, кажется, взяли въ устроенный для подобныхъ сиротъ пріютъ; по крайней мѣрѣ, я внесла ихъ въ списокъ дѣтей, родители которыхъ умерли отъ холеры. Передъ отъѣздомъ изъ Старого Уреня я въ послѣдній разъ видѣла маленькую Нюту: она, какъ раненый звѣрекъ, ползла на улицѣ по направленію къ своей избѣ.

— Куда это ты, маленькая?—спросила я ее.

Она посмотрѣла на меня ввалившимися, не по-дѣтски печальными глазами:

— Къ мамѣ!..—слабымъ полушопотомъ отвѣчала она.

Я приласкала ее, дала ей какого-то гостинца, послала къ ней женщину, которой она была поручена, и больше никогда не видѣла ее. И сколько такихъ было въ ту печальную годину.

Но вернусь къ тому, какъ трудно было дать народу правильное понятіе о нашей роли, о самой эпидеміи и о средствахъ борьбы съ нею. Вотъ когда приходилось особенно горячо желать, чтобы было больше школъ, больше умственнаго свѣта. Все то, что говорилось крестьянамъ, чтобы внушать имъ болѣе ясныя понятія о холерѣ и о томъ, какъ избѣгать заболѣваній, служило только для созданія новыхъ суевѣрныхъ предрассудковъ. Такъ, на примѣръ, то, что говорили о чистотѣ питьевой воды, именно, чтобы не загрязнять ее и, вообще, пить преимущественно кипяченую воду, только утверждало народъ въ мысли, что кто-то отравляетъ рѣки и колодцы. Положимъ, что всюду

на Западъ Европы, какъ и у насъ, во время эпидемій народъ всегда воображалъ, что злые люди отравляютъ воду, но я думаю, врядъ ли гдѣ-либо составлялись о происхожденіи болѣзней легенды, подобныя слѣдующей, слышанной мною въ Старомъ Уренѣ.

Гдѣ-то въ Индійскомъ морѣ (по другимъ вариантамъ на Волгѣ) есть подводный камень; на этотъ камень англичанка (читай: королева Викторія) напустила маленькихъ бѣлыхъ букашекъ, которыя на камнѣ плодятся и множатся и оттуда по рѣкамъ идутъ въ Россію. Отъ этихъ букашекъ:—холера. Холера же потому нужна англичанкѣ, что та собирается воевать съ Россіей и хочетъ холернымъ моромъ извести русское войско... „И почему вы-то больше бабъ, да стариковъ, да ребячь спасаете, а молодые мужики сплошь да рядомъ мрутъ?... Либо, значить, съ англичанкиными букашками вамъ не справиться... либо вы и сами за англичанку стойте... Кто-жъ васъ знаетъ?“

Дѣйствительно, было легче вылѣчить бабъ, стариковъ и ребятишекъ, чѣмъ молодыхъ парней и крестьянъ среднихъ лѣтъ. Мы объясняли причину этого тѣмъ, что старики и бабы меньше пьянствуютъ и раньше обращаются къ намъ за помощью для себя и дѣтей; при холерѣ же гораздо легче справиться съ начинающимся заболѣваніемъ, въ особенности у людей, не испортившихъ свой желудокъ водкой, между тѣмъ какъ весьма трудно спасти больного, у котораго дѣло дошло уже до судорогъ и который злоупотреблялъ спиртными напитками. Но намъ, разумѣется, никто не вѣрилъ.

Въ Старомъ Уренѣ было много тяжелыхъ случаевъ; особенно памятны мнѣ заболѣванія въ семьѣ Федора Матросова. На второй день нашего пріѣзда, на улицѣ, обыкновенно тихой и безлюдной, вдругъ поднялся шумъ и крикъ... люди бѣжали за какою-то скачущей лошадыю, запряженной въ телѣгу, въ которой лежалъ человекъ; лошадь подворотила къ двухъ-этажной кирпичной избѣ. Человекъ, лежавшій въ телѣгѣ, молил силнымъ, почти беззвучнымъ, холернымъ голосомъ: „Православные, помогите, смерть моя пришла!“ Это былъ Федоръ Матросовъ. Подбѣжавшіе люди вынули его изъ телѣги и понесли наверхъ, въ жилую избу. У него были судороги въ сильной степени. Какъ впоследствии выяснилось, ему недоровилось уже нѣсколько дней, но онъ, будучи самъ увѣренъ, что у него холера, не хотѣлъ лѣчиться: „Какъ такому молодцу, какъ онъ, не перемочь проклятую хворь!“ И когда у него начинало сводить руки и ноги, то онъ насильно выпрямлялъ члены, злобно ругаясь, стискивая зубы отъ боли и вызывая холеру: „А ну - ка! Скрути меня! Нѣтъ, я тебя стреножу!“

Въ то утро, о которомъ я говорю, Федоръ въ такомъ состояніи отправился въ поле на уборку ржаныхъ сноповъ и тамъ хо-

лера его одолѣла: онъ въ припадкѣ корчей упалъ на землю; потомъ, въ промежуткахъ между судорогами, ему какъ-то удалось всползти на телѣгу и онъ успѣлъ нахлестать лошадь, которая и помчалась домой. Тогда насъ позвали къ нему, Федору уже нельзя было помочь: онъ умиралъ при явленіяхъ гангрены кишекъ. Отецъ его также умеръ, какъ и маленькая дочь Федора, которую мы, такъ же, какъ и отца его, застали въ безнадежномъ состояніи. Жена Федора Матросова, или Матросиха, какъ ее звали, заболѣла уже при насъ, а затѣмъ и младшій сынъ ея, но эти обратились за помощью своевременно, и у нихъ все дѣло ограничилось холериной.

Вообще, въ первые дни по пріѣздѣ мы были завалены работой. Спать приходилось по два-три часа въ сутки. Помимо холерныхъ къ намъ обращалось еще множество другихъ больныхъ. Многие изъ нихъ требовали такихъ-то и такихъ-то лѣкарствъ, иногда за деньги, и не слушали никакихъ доводовъ о томъ, что у насъ не вольная аптека для продажи лѣкарствъ, а пріемъ больныхъ и даровая раздача лѣчебныхъ средствъ по нашему усмотрѣнію и разумію. Иногда просили рецептовъ, чтобы купить въ вольной аптекѣ такія средства, которыя были и у насъ и могли быть раздаваемы даромъ. Когда мы отказывали въ рецептѣ, предлагали дать лѣкарство бесплатно, намъ отвѣчали, что „земскія“ лѣкарства плохи: іодъ слабъ, ромашка выдохлась и тому подобное.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ много старовѣровъ; они сильно тормазили наше дѣло. Отъ пріема какихъ бы то ни было внутреннихъ средствъ они безусловно отказывались; относительно наружныхъ средствъ и дезинфекціи дѣло шло нѣсколько лучше. Изъ православныхъ иные соглашались принимать лѣкарства, иные нѣтъ, — что же касается дезинфекціи, то ее требовали всѣ безъ исключенія. Сулему часто сами покупали въ городѣ или большихъ слободахъ и къ намъ приходили только разспросить, какъ изъ нея приготовить растворы; вездѣ было запасено много негашеной извести; постоянно приходилось удовлетворять просьбы: „попрыскать избу и дворъ“. Дѣлалось это при помощи гидропультовъ, которымъ крестьяне дали весьма мѣткое, хотя и совершенно неудобное для печати названіе. Опрыскиванье доставляло большое удовольствіе мальчишкамъ-подросткамъ, которыхъ на всякую дезинфекцію набиралась толпа, врычавшая: „Тетенька, дай попрыскать!“ — что имъ и разрѣшалось, подъ наблюденіемъ санитаря. Сами крестьяне весьма искусно опрыскивали стѣны вѣниками — это было очень хорошо, такъ какъ гидропультовъ на весь отрядъ было всего три, да и то у одного какой-то части не хватало, а домовъ приходилось опрыскивать сразу сотни.

Работы въ Старомъ Уренѣ было столько, что я въ сущности отдыхала, когда ѣздила въ другія деревни, напримѣръ, по прось-

бѣ д-ра П., въ Рѣпьевку, а затѣмъ въ Сосновку, куда я черезъ нѣкоторое время командировала сестру Ольгу Алексѣевну. Ѣздила я также въ Часовню и пригласила къ намъ на подмогу двухъ дочерей почтмейстера, Анну Николаевну и Александру Николаевну Коз. Это были добрыя и трудолюбивыя дѣвушки, прекрасно ухаживавшія за холерными больными.

Въ Часовнѣ я слышала довольно интересный рассказъ по поводу беспорядковъ, возникавшихъ во время холерной эпидеміи. Одинъ богатый купецъ, кажется, въ Симбирской губерніи, построилъ на свой счетъ баракъ для холерныхъ больныхъ. Крестьяне не выказали никакого неудовольствія по этому поводу. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, населеніе разрушило и сожгло баракъ. Когда крестьянъ спрашивали, какъ они рѣшились уничтожить чужую собственность, да еще такую, которая была предназначена для помощи имъ же, они отвѣтили: „Какая помощь! Намъ тамъ морить хотять... Вѣдь еще даже и больныхъ-то не было у насъ, а въ баракѣ уже запасли пятьдесятъ новыхъ гробовъ... Такъ на глазахъ у всѣхъ передъ самыми окнами барака на дворѣ и сложены были“!..

Рассказывали также, что если бы въ Астрахани полицейскій персоналъ не тащилъ всякаго труднаго больного въ холерный баракъ, то и тамъ едва-ли бы были беспорядки. Дѣло въ томъ, что толпа собралась первоначально передъ астраханской больницей вовсе не съ намѣреніемъ разрушать ее, а съ тою только цѣлью, чтобы востребовать оттуда своихъ *не* холерныхъ больныхъ.

Очень поучительна въ такомъ отношеніи и наша исторія въ Старомъ Уренѣ. Если бы мы тамъ на первыхъ порахъ начали на чемъ-нибудь настаивать или струсили бы и вздумали призвать кого бы то ни было на помощь, то намъ пришлось бы очень плохо. Но я лучше расскажу все по порядку. Холера началась въ той мѣстности не со Старога Уреня, но за нѣсколько верстъ оттуда, въ деревнѣ Головкинѣ, тоже лежащей на рѣчкѣ Уренѣ. Близъ Головкина находится усадьба помѣщиковъ г. г. Н., всегда находившихся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ жителями окрестныхъ деревень. Г. Н., врачъ, былъ въ то же время предсѣдателемъ уѣздной земской управы. Въ усадьбѣ жила его мать и еще одна родственница, по отзывамъ крестьянъ: „святая душа“. Она во всемъ помогала народу и крестьяне шли къ ней по всякому своему дѣлу. Когда мы пріѣхали въ Старый Уренѣ, то крестьяне сходили къ родственницѣ г. Н. и спросили ее, принять-ли имъ докторовъ или нѣтъ. Они потомъ рассказывали намъ, будто она отвѣтила имъ, что видѣла сонъ, въ которомъ ей было открыто, что нашъ отрядъ принесетъ деревнѣ великую пользу; тогда крестьяне насъ приняли, хотя все еще не вполне охотно. За нѣкоторое время до нашего пріѣзда по рѣчкѣ Уреню гнали дрова или шли барки съ чѣмъ-то, хоро-

шенько сказать не умѣю. Я все это рассказываю со словъ крестьянъ и за полную точность не ручаюсь. Кто-то изъ людей на баркахъ заболѣлъ холерою, когда поровнялись съ Головкинымъ. Жители съ перепугу стали гнать прочь больного и его товарищей. Чѣмъ у нихъ дѣло кончилось и умеръ-ли больной или выздоровѣлъ,—не знаю, но только достоверно то, что въ Головкинѣ послѣ этого начались случаи холерныхъ заболѣваній. Крестьяне бросались туда и сюда за помощью и прежде всего, конечно, къ господамъ Н. Но тутъ вдругъ у нихъ явилось, какъ и вездѣ, недовѣріе къ барамъ. Они даже перестали лѣчиться у родственницы г. Н. и въ одно утро принесли нѣсколько гробовъ съ покойниками въ господскій домъ и оставили тамъ. Что они хотѣли выразить или доказать этимъ, трудно объяснить: крестьяне-рассказчики не приводили мотивовъ этой дикой выходки. Какъ и кто убралъ покойниковъ изъ Н—скаго дома, я тоже не знаю, но въ это время случилось вотъ что: когда земство прислало дезинфекціонныя средства въ Головкино, то урядникъ и волостныя власти собрались и начали тайно совѣщаться о томъ, что теперь нужно предпринять. Они и не подозрѣвали, что подъ окошкомъ подслушиваютъ ихъ. Говорили много и, между прочимъ, о запрещеніи выдавать крестьянамъ на руки сильнодѣйствующія средства, какова, напр., сулема. Боялись, что неумѣлое обращеніе съ этими средствами можетъ надѣлать бѣдъ. „Ага“, заговорили подслушивающіе: „они хотятъ оставить лѣкарства для однихъ себя“!

Собралась толпа и начали шумѣть, требуя, чтобы всемъ было выдано то, что прислано земствомъ. Урядникъ перепугался, побѣжалъ на чердакъ и въ слуховое окно два раза выстрѣлилъ на воздухъ; это окончательно разозлило крестьянъ, думавшихъ, что стрѣляютъ по нимъ; они стали брать домъ приступомъ. Урядникъ какъ-то сумѣлъ черезъ зады четырехъ смежныхъ избъ пробраться въ усадьбу г. Н., гдѣ его скрыли, переодѣли и на господскихъ лошадяхъ отправили дальше. Онъ далъ знать властямъ о бунтѣ въ Головкинѣ, туда прислали постой казаковъ и наказали зачинщиковъ розгами.

Досталось, между прочимъ, и одному старику, который уже раньше два раза подвергался тому же наказанію и за ту же вину въ сороковыхъ и семидесятыхъ годахъ. Черезъ недѣлю приблизительно послѣ ухода казаковъ изъ Головкина, отстоящаго верстъ на семь отъ Старога Уреня, прибыли мы—и насъ ни за что бы не приняли, если бы не вѣщій сонъ „святой души“.

Перешла ли болѣзнь въ Старый Урень изъ Головкина,—не знаю.

Интересно то, что если холера появлялась въ прирѣчныхъ деревняхъ, то она распространялась не внизъ, а вверхъ по теченію; это мнѣ пришлось наблюдать вездѣ. Иногда она перескаки-

вала черезъ деревню. Прибавлю, что передъ тѣмъ, какъ холера появилась въ Старомъ Уренѣ, туда приходилъ старикъ - нищій, бродившій чуть не по всему уѣзду; онъ былъ боленъ холерой и всё изверженія свои оставлялъ по дорогамъ и улицамъ, гдѣ они разлагались или высыхали, смотря по погодѣ. Умеръ онъ гдѣ-то въ полѣ за деревней, и первые случаи холеры появились черезъ дождь отъ пазы, гдѣ онъ одну ночь ночевалъ.

Черезъ недѣлю послѣ нашего пріѣзда тяжелыхъ случаевъ заболѣванія уже не было, и всё больные, захварывавшіе при насъ, — выздоравливали, такъ что я могла отправить Павлу Николаевну Ш. въ Рѣшевку, для завѣдыванія небольшою холерною больничкою на восемь человѣкъ, устроенною на средства тамошняго помѣщика г. Ш.—ва. Для ухода за больными я отправила съ нею одного только Степана, такъ какъ при баракѣ г. Ш. уже была нанята женщина. Анну Николаевну Коз., дочь часовенскаго почтмейстера, я послала въ деревню Сосновку, на помощь къ сестрѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Теперь намъ вообще было гораздо меньше дѣла. Сначала приходилось работать днемъ и ночью, и спали иногда только по дватри часа въ сутки; теперь насъ ночью уже никто не беспокоилъ, и мы иногда по вечерамъ отдыхали, сидя на широкомъ крыльцѣ въѣзжей, гдѣ около насъ собиралась цѣлая толпа крестьянъ. Мы съ ними мирно бесѣдовали. Чаше всего являлся молодой мужикъ Петръ, жившій напротивъ насъ; намъ пришлось лѣчить отъ холеры его шестилѣтнюю дочку, Нюрочку, прелестнаго ребенка съ большими карими глазами, блѣднымъ продолговатымъ личикомъ и косматою головкой въ золотистыхъ кудряхъ. Съ Нюрочкой у меня завязалась большая дружба. Еще слабая отъ болѣзни, она требовала отъ своей старшей сестры—няньки“, чтобы та на рукахъ приносила ее ко мнѣ подъ окно; я дарила ей красныя ленточки, а она отдаривала меня свѣжимъ яичкомъ, которое застѣнчиво смуглою рученкой протягивала ко мнѣ въ окно съ плутовскою дѣтскою улыбкой. Отецъ этой Нюрочки, какъ сказано, былъ каждый вечеръ нашимъ собесѣдникомъ.

Приходила и Матросиха съ сыномъ, и Егоръ Грунинъ, дочь котораго умерла отъ холеры, и еще другъ и пріятель Петра, Ванька-забубенная голова, мать котораго не умирала, но и не выздоравливала, такъ какъ въ перемѣшку съ нашими лѣкарствами ѣла и недозрѣлыя яблоки, и тяжелыя деревенскія лепешки, пила квасъ и холодную воду, а иногда и перцовку.

Но вся собиравшаяся около насъ толпа состояла изъ жителей бѣднаго конца деревни,—богачи не переходили за свою загородку и насъ къ себѣ не звали. Разъ только прислали за мною, когда одна лавочница по нечаянности хлебнула нашатырнаго спирта вмѣсто перцовки, перепугавшись, что сынъ ея заболѣлъ кишечнымъ разстройствомъ; мать и сынъ послѣ нашего лѣченія попра-

345600124

244800/18
18 157 1360

вились, но къ ²⁴вѣдь отъ этого на богатомъ концѣ деревни вѣ-
ры не прибавилось.

Иногда подходилъ къ намъ вечеромъ и пьяный ¹⁰⁹обыль, на ко-
торого деревня ввѣжила обязанность хоронить ⁹⁶у черной отъ
холеры. У него была ⁹⁶круглая голова, полное красное заго-
рѣлое лицо и ⁹⁶сплошной лобъ, на который налѣзали вѣчно потные и
сплывшіяся ⁹⁶брыли черныхъ волосъ: черные глаза его какъ будто
всегда плакали; ⁹⁶потное лицо, захватанное грязными пальцами,
выражало постоянную ⁹⁶унылость. Ему было, повидимому, ⁹⁶лѣтъ
тридцать пять и звали его Николаемъ.

Однажды, когда я стала уговаривать его не пить водки, онъ
вдругъ зарыдалъ и, всхлипывая, заговорилъ:

— Да какъ мнѣ не пить! Первое: вдовъ я, жена померла,
дѣти малыя, кормить ихъ надо... недоимки... вотъ и заставили
меня хоронить этихъ заразныхъ... А мнѣ и тошно, и жалко ихъ
страсть какъ!.. Вотъ и пью... Не былъ я никогда допрежь того
пьяницей... Какъ умереть такъ сразу бабочка какая, а дѣти ея
плачутъ, кричатъ: мамка! мамка! А я тещу ее за деревню, въ за-
городку, гдѣ холерныхъ хоронятъ, и думаю: жить бы тебѣ, голу-
бушка, жить—да дѣтей растить... а самъ рою да рою на нее
землю, да еще и притапываю... Какъ тутъ не пить!.. А ребеночка
хороню, думаю: выросъ бы ты, работникомъ хорошимъ сталъ бы...
А я вотъ тебя въ мать сыру-землю заталкиваю! И всѣхъ-то, всѣхъ
мнѣ ихъ жалко: и кто померъ, и кто остался!.. Ночью хороню...
иной разъ страхъ беретъ... и чудится мнѣ, будто изъ-подъ земли
стонъ идетъ, и мнѣ кажется, что земля черная, сырая да тяжелая
давить покойничковъ, и что вотъ они выбиваются изъ-подъ нея
и встанутъ, схватятъ меня, да за собой и утянутъ въ могилу...
Какъ не пью, такъ точно пудовики на сердце навалились, а какъ
выпью, такъ маленько какъ будто и отляжетъ... Вотъ и пью...

— Зачѣмъ же ты взялся за такое дѣло, которое тебѣ такъ
тяжело исполнять?..

— Да вѣдь надо же кому-нибудь покойничковъ хоронить... Вѣдь,
не на землѣ же ихъ оставлять! А я ужъ тебѣ сказывалъ, что ви-
новать я передъ міромъ—недоимщикъ! Міръ меня и назначилъ...
Противъ міра не пойдешь... Да мнѣ за эту мою должность дѣтей
кормятъ.

Иногда разговоры были не такіе печальные, въ особенности,
когда эпидемія начала утихать; крестьяне съ юморомъ рассказы-
вали разныя вещи, имѣвшія отношеніе къ „хвори“, напиримѣръ, о
томъ, какой непреодолимый ужасъ внушали большинству населе-
нія всякія бутылочки и пузырьки, въ особенности, когда они были
пусты или наполнены неизвѣстными жидкостями. По этому по-
воду рассказывали слѣдующее: были въ Старомъ Уренѣ двѣ
страшно бранчливыя старухи-сосѣдки; ругались онѣ каждый день,
но однажды дѣло у нихъ дошло до жестокой драки: спѣнились

онѣ на улицѣ, ихъ начали разнимать, но это не удалось ни бабамъ, ни мужикамъ—драчуньи дружно навидывались на разнимавшихъ и, когда тѣ, плюнувъ, отходили прочь, принимались снова теревить одна другую. Вдругъ прибѣгаетъ мальчишка и кричить: „постойте, я сейчасъ ихъ разгоню!“ и начинаетъ качать привязаннымъ къ веревочкѣ пузырькомъ по направленію ея вошедшимъ въ полный азартъ старухамъ.

— Батюшки свѣты, холеру пуцаютъ!—завопили вѣдьмы и въ дикомъ ужасѣ, мгновенно отскочивъ другъ отъ друга, юркнули каждая въ свои ворота.

Мужики смѣялись, но, тѣмъ не менѣе, подвергли мальчишку строгому допросу, откуда у него пузырекъ и не получилъ-ли онъ его отъ какихъ-нибудь незнаемыхъ людей или отъ докторовъ.

Наконецъ, эпидемія въ Старомъ Уренѣ совсѣмъ затихла. У насъ, въ сущности, оставался только одинъ тяжелый больной. Онъ жилъ наискосокъ противъ насъ и былъ очень непріятнымъ пациентомъ. Онъ былъ старъ, золъ и очень бѣденъ и уже недѣли съ двѣ приходилъ къ намъ за пищей, при чемъ грубо требовалъ ее, а, получивъ желаемое, уходилъ, никогда не говоря „спасибо“. Онъ думалъ, что мы раздаемъ „казенное“; намъ не отпускалось средствъ на прокормъ неимущихъ, но оказывалось, что въ иныхъ случаяхъ улучшение питанія было важнѣе лѣкарствъ. Мы и раздавали бульонъ, молоко, разные каши, а гдѣ нужно было и мясо. Средства, на которыя это дѣлалось, были частныя, но такъ какъ ихъ не хватало, то вотъ что мы придумали. Ильѣ Александровичу и мнѣ давалось прогоновъ на три лошади каждому, фельдшерицамъ и сестрамъ милосердія по двѣ лошади, а санитарамъ и санитаркамъ по одной; поэтому, если мы, на примѣръ, съ Ильей Александровичемъ ѣхали куда-нибудь, то садились въ тарантасъ вдвоемъ, беря еще санитаря на облучекъ, при чемъ у насъ оказывалось въ экономіи четыре лошади. Скажемъ, на примѣръ, что мы ѣхали за десять верстъ: это составитъ на семь лошадей по три копѣйки съ версты—два рубля десять копѣекъ, въ сущности же, мы платимъ по три копѣйки за трехъ лошадей—90 к., прибавьте сюда двадцать копѣекъ на чай ямщику и все-таки остается экономія въ одинъ рубль. Обратная поѣздка также даетъ одинъ рубль. Но это на земскихъ лошадяхъ; нанимая вольныхъ, намъ приходилось платить и до десяти копѣекъ съ лошади и версты; впрочемъ, вольныхъ мы нанимали очень рѣдко. Эти экономіи были подспорьемъ въ кормежкѣ больныхъ; но вообще намъ далеко не хватало бы средствъ на нее, если бы Павла Николаевна Ш. не помогла намъ. Я не знаю, была ли она богата, но мнѣ говорили, что она привезла около 2,000 рублей съ собой на эту командировку,—а уѣхала, едва имѣя чѣмъ оплатить путевыя издержки; вещи свои она также почти всѣ раздавала. Сестры Жол. тоже много раздавали.

Но вернусь къ своему больному старику. Высокій, костлявый, грязный, съ сѣдой растрепанной бородой, онъ теперь лежалъ, какъ говорится, пластомъ. Между тѣмъ д-ръ П. писалъ, что въ селахъ Большой и Малой Кандаля появились случаи холерныхъ заболѣваній и что туда нужно ѣхать. Мы и собирались уѣзжать, ожидая только, чтобы самые бурные симптомы холеры у старика прошли—намъ было жаль его: сынъ его и невѣстка съ дѣтьми совсѣмъ ушли изъ дому, какъ только отецъ расхворался, и бросили его на произволь судьбы. Было также еще съ полдесятка больныхъ, которыхъ нужно было поставить на ноги. Что касается старика, то мы первыя двое сутокъ послѣ его заболѣванія попеременно дежурили у него; теперь ему было уже настолько лучше, что его можно было навѣщать черезъ два-три часа.

Я говорила, что по вечерамъ мы въ сумерки отдыхали на крыльцѣ. Однажды около насъ собралось народа болѣе, чѣмъ обыкновенно. Пришелъ и могильщикъ Николай, и отецъ Нюрочки, Петръ, и Ванька забубенная голова и Матросиха, вполне теперь оправившаяся отъ холеры, также какъ и ея сынъ. Бабу, однако, по всегдашнему, было мало. Такъ какъ крестьяне теперь, повидимому, привыкли къ намъ и выказывали намъ даже нѣкоторое дружелюбіе, то я, между прочимъ, рѣшилась разспросить ихъ о постоѣ казаковъ и бунтѣ въ Головинѣ. Отецъ Нюрочки рассказъ мнѣ то, что я писала объ этомъ выше, и прибавилъ: „Знаешь, сестрица, когда урядникъ сталъ стрѣлять въ крестьянъ, то его порѣшили сжечь“.

Послѣ мнѣ говорили, будто богачи, подъ влияніемъ, съ одной стороны, страха холеры, которую считали совершенно искренно тѣсно связанною съ нами,—съ другой—отъ досады за то, что мы, кормя бѣдныхъ больныхъ, помогаемъ имъ ускользать изъ когтей кулаковъ—рѣшили насъ извести тѣмъ же способомъ, какъ и того урядника.

Въ концѣ концовъ, однако, богачи съ нами примирились. Я находилась въ то время въ Большой Кандаля, Павла Николаевна въ Архангельскихъ Озеркахъ, а Надежда и Софія Яковлевны въ какой-то деревнѣ недалеко отъ Старого Уреня, когда къ нимъ оттуда явились ходоки, съ просьбою вернуться въ Старый Урень, чтобы походить за больными. Дѣло въ томъ, что, прекратившись въ бѣдномъ концѣ деревни, эпидемія черезъ нѣкоторый промежутокъ времени перешла къ богачамъ. Тѣ сначала лѣчились своими домашними средствами, но такъ какъ это не помогало, то послали за сестрами Кол. Тѣ тотчасъ поѣхали въ Старый Урень, гдѣ имъ дали на пробу вылѣчить семидесяти-пятилѣтнюю старуху, бѣдную родственницу одного изъ лавочниковъ.

И побились же мои милыя фельдшерички два дня съ этой старухой, не ѣвши и не спавши. Онѣ и паровыя ванны ей дѣ-

лали, накаливая кирпичи, и растирали ее и даже рѣшились, будь, что будетъ, сдѣлать ей подкожное, выпрыскиванье камфоры. Старуха выздоровѣла. Тогда въ нихъ увѣровали. Онѣ едва успѣвали ходить по избамъ, куда ихъ требовали. Не знаю, умеръ ли кто въ эту короткую вспышку эпидеміи въ Старомъ Уренѣ во время пребыванія тамъ Надежды Яковлевны и Софьи Яковлевны, знаю только, что, когда все кончилось и онѣ уѣзжали, то старъ и младъ провожали ихъ чуть не со слезами.

Чтобы покончить со Старымъ Уренемъ скажу, что изъ нашихъ тяжелыхъ больныхъ послѣдняго времени: Нюты—дочери Марины, злого старика и еще двухъ-трехъ—ни одинъ не умеръ, а гробовщикъ Николай, переставъ хоронить холерныхъ, пересталъ и пить—онъ опять превратился въ трудолюбиваго и трезваго человѣка, какимъ былъ раньше.

VII.

Въ Рѣшевкѣ.

Я уже говорила, что д-ръ П. просилъ меня контролировать его медицинскій персоналъ, когда я буду въ деревняхъ, гдѣ этотъ персоналъ работаетъ, обѣщая мнѣ наблюдать и за персоналомъ десятаго санитарнаго отряда, когда представится къ тому случай. Дѣйствительно, д-ру П. немисливо было поспѣть всюду самому, имѣя еще значительный амбулаторный ежедневный пріемъ, при медицинскомъ участкѣ, занимавшемъ въ 1892 г. почти треть Ставропольскаго уѣзда съ болѣе чѣмъ 60 тысячами жителей.

Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ четырьмя или пятью человѣками изъ персонала д-ра П., и они въ большинствѣ не представляли ничего выходящаго изъ ряда ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ отношеніи, и только двое заслуживаютъ упоминанія: фельдшеръ въ Сосновкѣ и сестра милосердія въ Рѣшевкѣ. Проѣзжая черезъ Сосновку, я велѣла позвать къ себѣ фельдшера, при чемъ отъ старосты услышала жалобы на него за то, что онъ не бадитъ къ больнымъ, между тѣмъ, какъ д-ръ П. удивлялся количеству проѣханныхъ верстъ, выставленныхъ фельдшеромъ въ его рапортахъ. Подвыпившій фельдшеръ явился ко мнѣ съ весьма развязнымъ видомъ, тотчасъ полупокровительноственно протянулъ мнѣ грязную руку и, развалясь на лавкѣ, закурилъ папирску, приготавлиаясь, повидному, начать пріятную бесѣду. Я молча вынула изъ портфеля свои бумаги и попросила его прочитать ихъ. Онъ прочиталъ, сконфузился, затушилъ „цигарку“ между пальцами и началъ ее мять въ рукахъ.

— Бросьте вашу папиросу,—сказала я,—и потрудитесь дать мнѣ отчетъ въ томъ, гдѣ вы были и; что сдѣлали во время вашихъ безчисленныхъ разъѣздовъ.

Понятно, что фельдшеръ не могъ исполнить мое требованіе, а призванный староста уличилъ его не только въ приписываніи не сдѣланныхъ побѣдокъ, но и въ пьянствѣ, поборгахъ съ населенія припасами и деньгами и тому. подобныхъ гадостяхъ.

— Потрудитесь ѣхать тотчасъ же въ Чордаклы,—сказала я фельдшеру:—я напишу д-ру П. о вашемъ поведеніи—и знайте, что вы съ сегодняшняго дня больше на службѣ не состоите.

Фельдшеръ пытался оправдаться, просилъ прощенья, но я ничего не могла, да и не хотѣла для него дѣлать. Д-ръ П. подтвердилъ мою резолюцію.

Не мудрено, что народъ бѣжитъ отъ медицинской помощи, если ему приходится имѣть дѣло съ людьми, которые даже во время холеры думаютъ только объ удовлетвореніи своихъ низменныхъ инстинктовъ.

Въ Рѣпьевкѣ съ сестрою милосердія изъ „вольныхъ“ дѣло было нѣсколько иначе. Въ Самарѣ читались двухъ-недѣльные курсы для желающихъ изучить уходъ за холерными больными; потомъ лицъ, прослушавшихъ эти курсы, посылали въ холерныя мѣста за тридцати-рублевое ежемѣсячное жалованье въ качествѣ вольныхъ сестеръ милосердія. Раиса, рѣпьевская сестра, также прослушала эти курсы. Она была самарская мѣщанка, вдова лѣтъ тридцати, довольно симпатичной наружности, черноволосая, румяная, высокая. Ей нельзя было отказать въ желаніи принести пользу и въ добротѣ; въ сестры милосердія ее загнала, главнымъ образомъ, нужда, такъ какъ небольшая торговля, кою которой она занималась на самарскомъ толкучемъ рынкѣ, не доставляла ей средствъ къ существованію. Когда я въ первый разъ пріѣхала въ Рѣпьевку, Раиса очень обрадовалась, потому что ей одной самостоятельно справляться съ больными было трудно. Она слышала только кое-что объ уходѣ за холерными, а къ ней валомъ валилъ народъ со всевозможными хворобами. Будучи одарена большою смекалкою, она какъ-то выпутывалась изъ этого положенія, по крайней мѣрѣ я не получила ни одной жалобы на ея неумѣлость. Что касается меня, то я, какъ въ то время, такъ и впоследствии, только и дѣлала, что толковала всѣмъ этимъ набраннѣмъ съ бору да съ сосенки санитаркамъ и сестрамъ, чтобы онѣ помнили, что ничего не знаютъ и чтобы ходили хорошенько за больными, но не брались за лѣченіе ихъ, такъ какъ въ состояніи принести только вредъ, а ужъ никакъ не пользу... Впрочемъ, вѣдь кто не лѣчитъ у насъ? Никому не вздумается давать уроковъ китайскаго языка, не зная по-китайски,—но заниматься лѣченіемъ, этою китайскою грамотою для неучившагося медицинѣ, всякій человекъ считаетъ себя компетентнымъ. Мнѣ случалось видѣть умныхъ и образованныхъ людей, которые въ другомъ порядкѣ идей судятъ вполне здраво—по отношенію же

къ медицинѣ и рассуждаютъ, и поступаютъ наперекоръ всякой логикѣ и здравому смыслу.

Будучи сравнительно удовлетворительной въ смыслѣ ухода за больными, Раиса была почти невозможна въ другомъ отношеніи. Вслѣдствіе прирожденнаго скопидомства и развитаго въ ней торговлей стремленія къ наживѣ она сначала не смогла отказаться отъ добротныхъ приношеній крестьянъ, а затѣмъ начала даже „выбивать“ (по крестьянскому выраженію) разныя даянія и тѣмъ возбудила въ населеніи непріязненное къ себѣ отношеніе. Мнѣ на это пожаловались, и я постаралась уговорить и пристыдить ее. Ей, дѣйствительно, сдѣлалось стыдно, и она общалась больше поборовъ яѣцами, масломъ и т. п. не дѣлать. Общаніе свое она свято сдержала, а я не доводила ее прегрѣшеній до свѣдѣнія д-ра П., такъ какъ Раиса, въ сущности, была вовсе не плохой человекъ, оттирать холерныхъ не лѣнилась, давала точныя свѣдѣнія о санитарномъ состояніи деревни въ смыслѣ холерныхъ заболѣваній, и въ общемъ приносила болѣе пользы, чѣмъ вреда.

Разскажу здѣсь о жестокомъ испугѣ, который я пережила по милости Раисы. Отдавая мнѣ отчетъ о количествѣ больныхъ и о томъ, какъ она справляется съ ними, Раиса очень просила меня вмѣстѣ съ нею навѣстить самыхъ трудныхъ.

Мы пошли. Больныхъ было немного, но деревня была очень велика и разбросана; мы долго проходили и я немного устала.

— А вѣдь намъ нужно еще заглянуть въ одну избу, но это на другомъ концѣ деревни, за площадью, у оврага,—сказала Раиса.—Тамъ, видите-ли, умерла вчера женщина отъ холеры. Мужъ ея тоже боленъ, хотя еще на ногахъ; онъ приходилъ ко мнѣ сегодня утромъ съ расстройствомъ желудка. Я ему дала три порошка каломеля по пяти гранъ и соляной кислоты—и велѣла принимать сначала каломель, а потомъ, черезъ полчаса, соляной кислоты, и такъ три раза въ день.

— Ну и что-жь?—съ ужасомъ воскликнула я.

— Да вотъ теперь нужно сходить посмотрѣть что съ нимъ.

Признаюсь, моею первою мыслью было бѣжать изъ Рѣпьевки безъ оглядки, но потомъ мнѣ стало стыдно моего малодушія—вѣдь, можетъ быть, еще можно помочь отравленному мужику... а если онъ лѣкарствъ еще не принималъ, то отнять ихъ у него и замѣнить другими...

Я заторопила Раису и мы очень скоро дошли до избы на краю оврага и принялись стучать въ запертую дверь. Никто намъ не отворялъ, и на двери, какъ мы потомъ замѣтили, висѣлъ замокъ. Очевидно, мужику ушелъ, заперевъ тѣло своей покойной жены. Однако, на нашъ стукъ вышла женщина изъ сосѣдняго дома и сказала, что „шаберъ“ пошелъ ладить гробъ для покойницы, но гдѣ онъ это дѣлаетъ, она сказать намъ не могла.

Мы потихоньку отошли отъ запертой избы, словно ожидая, что вотъ-вотъ вернется ея хозяйинъ... Мое воображеніе въ это время рисовало мнѣ разные ужасы: вотъ больной принялъ каломель, потомъ черезъ полчаса—двадцать капель соляной кислоты, потомъ занялся уборкой избы и приготовленіями къ похоронамъ жены... ему сдѣлалось нехорошо и онъ заторопился идти таскать гробъ, но передъ уходомъ принялъ еще лѣкарство—порошокъ, а можетъ быть и два, да еще капель безъ мѣры, чтобы скорѣй полегчало, какъ это частехонько дѣлаютъ крестьяне... И вотъ онъ теперь лежитъ гдѣ-нибудь въ оврагѣ и корчится, отравленный судемою, которая образовалась въ его желудкѣ изъ каломеля съ соляною кислотою, и мы помочъ ему не можемъ, такъ какъ не знаемъ даже, гдѣ онъ... Да если бы мы и нашли его, то врядъ ли ему вообще можно было помочь—вѣдь вся эта исторія происходила утромъ, а теперь уже шестой часъ вечера.

— Послушайте,—сказала я Раисѣ,—вѣдь вы надѣлали вздору, который намъ, можетъ быть, не удастся поправить...—и принялась ей объяснять какъ, что и почему.

— Сестрицынька, а сестрицынька!—раздался въ это время за нами визгливый бабій голосъ. Мы обернулись. На большой площади, по которой мы въ это время шли, видѣлся вдали мужикъ, торопившійся повидимому къ намъ, а какая-то баба окликала насъ, чтобы мы его подождали.

— Вотъ, вотъ, это намъ бѣгутъ сказать, что въ оврагѣ нашли умирающаго—Господи, да помоги же Ты мнѣ!—внутренно съ отчаяніемъ взмолилась я.

Запыхавшійся мужикъ быстро приближался къ намъ.

— А вотъ это тотъ самый мужичекъ, къ которому мы ходили,—съ довольнымъ видомъ проговорила Раиса.

— Сестрица,—сказалъ онъ Раисѣ, поклонившись намъ объимъ въ поясъ:—меня дома не было, когда вы приходили, а я самъ хотѣлъ идти къ тебѣ... Принялъ я твое лѣкарства одинъ только разъ и то даже мнѣ худо стало...

— У тебя корова есть?—перебила я его нетерпѣливо и хрипло отъ волненія.

— Есть!—удивился мужикъ.

— И куры есть?

— Есть!

— Ну, ступай домой, пей молока, какъ можно больше, набей яицъ и глотай сырые яичные бѣлки,—тогда всю твою хворь какъ рукой снимешь, слышишь!—торопила я его.

— Да,—продолжалъ мужикъ:—дуже худо, такъ вотъ подъ сердце и подкатываетъ, да словно мнѣ тамъ въ нутрѣ кто руками кишки крутитъ.

— Ступай же, ступай,—настаивала я:—да и вы, Раиса, идите съ нимъ.

Часа черезъ два больной чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо, но у меня цѣлыя сутки еще голова была какъ будто стянута желѣзнымъ обручемъ.

Во второй разъ я побывала въ Рѣшевкѣ, когда весь нашъ отрядъ переѣхалъ туда изъ Старога Урена. На этотъ разъ мы остановились не на взѣзжей, а въ маленькой холерной больничкѣ, устроенной иждивеніемъ Н. А. Ш—кова, одного изъ выдающихся земцевъ Самарской губерніи, и порученной мною Павлѣ Николаевнѣ Ш. Больничка состояла изъ новой двойной избы съ большими сѣнями. Въ одной половинѣ помѣщались больные, въ другой—Павла Николаевна съ бабой-сидѣлкой, Елизаветой, нанятой г. Ш—ковымъ. Служитель, Степанъ, помѣщался въ сѣняхъ.

Дѣло у Павлы Николаевны шло очень хорошо. Больные, лежавшіе въ больничкѣ, чувствовали къ ней и довѣріе, и расположеніе; къ сожалѣнію, поступавшихъ въ больницу было мало, всѣ предпочитали лечиться на дому снадобьями Раисы, которые могли принимать или не принимать по своей волѣ. Раиса, впрочемъ,—нужно отдать ей эту справедливость,—старалась уговорить всякаго труднаго больного пойти въ больницу и это ей иногда удавалось; кромѣ того, она и за совѣтами прибѣгала къ Павлѣ Николаевнѣ. Управляющій г. Ш—кова, г. Л—съ, всѣми средствами старался помогать населенію, и больничка ни въ чемъ не терпѣла недостатка.

Когда я пріѣхала въ Рѣшевку, въ больничкѣ было человѣкъ шесть выздоравливающихъ и всего одинъ трудно больной, нѣкто Соханскій. Въ полубредовомъ состояніи онъ буйствовалъ, грозился всѣхъ разразить, искалѣчить, убить. Сидѣлка и Степанъ терпѣть его не могли; обходились съ нимъ неласково и не сдавались ни на какіе уговоры Павлы Николаевны, увѣрявшей ихъ, что Соханскій тяжело боленъ, умираетъ и не отвѣтственъ за свой буйный бредъ.

— Какое онъ тамъ боленъ!—не больнѣе другихъ...—твердила сидѣлка:—онъ просто озорникъ... онъ и здоровъ былъ да забилъ жену и ребятишекъ своихъ, не сумѣлъ ни съ кѣмъ изъ шабровъ въ ладу жить... Есть въ немъ, конечно, и болѣзнь, а больше озорства...

Павла Николаевна, не смотря ни на какое буйство Соханскаго, все время относилась къ нему, какъ и ко всѣмъ остальнымъ больнымъ, по своему обычаю, кротко и ласково. Главное субъективное страданіе Соханскаго состояло въ такъ называемой холерной тоскѣ *anxietas*. Многіе больные холерой лежатъ совершенно спокойно, безучастно относясь и къ тому, что ихъ окружаетъ, и къ самимъ себѣ; потомъ, выздоравливъ, они рассказываютъ, что вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ трудности своего положенія и знали, что находятся въ смертельной опасности, но это было имъ совершенно безразлично: жить—такъ жить, а уме-

реть—такъ умереть: все единственно. Другими, напротивъ, овладѣвала тоска, которая тяжелѣе всякихъ нравственныхъ и физическихъ страданій. Большой мечется въ постели, взглядъ его выражаетъ безнадежное отчаяніе, онъ умоляетъ васъ помочь ему... Тоска эта, повидимому, зависитъ отъ неправильной дѣятельности сердца и представляетъ одно изъ самыхъ мучительныхъ состояній, которыя я знаю. Впрыскиванья морфія подъ кожу отъ $\frac{1}{12}$ — $\frac{1}{6}$ гранъ очень часто помогали при холерной тоскѣ. Но у насъ въ этомъ отношеніи были связаны руки: крестьяне не допускали ни впрыскиваній, ни вливаній подъ кожу, говоря, что они помирать готовы, если на то Божья воля, но „докалывать“ себя не позволяютъ.

Съ Соханскимъ было много труда, пока онъ согласился на впрыскиваніе морфія. Состояніе его тотчасъ облегчилось, но, тѣмъ не менѣе, онъ вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Рѣпьевки умеръ.

Разсказывая мнѣ впоследствии о смерти этого человѣка, Павла Николаевна сильно волновалась. Дѣло было такъ: видя, что агонія Соханскаго наступаетъ, Павла Николаевна предупредила объ этомъ служителя и сидѣлку и подошла съ ними къ постели больного, чтобы заслонить его отъ остальныхъ больныхъ, находившихся въ комнатѣ. Вдругъ сидѣлка и Степанъ со слезами повалились на колѣни и начали, кланяясь до земли, просить прощенія у умирающаго за то, что не вѣрили его страданьямъ и обижали его. Онъ только посмотрѣлъ на нихъ не то съ укоризной, не то съ жалостью, перевелъ глаза на Павлу Николаевну и прошепталъ: „поцѣлуй меня“.

— Я поняла, что онъ хочетъ проститься со мной и выразить благодарность за то, что я его не обижала,—разсказывала Павла Николаевна,—но я въ первую минуту какъ-то растерялась отъ неожиданности просьбы и промедлила нѣсколько секундъ, а когда я нагнулась къ бѣдному человѣку, онъ уже умеръ.

Впоследствии не одинъ разъ приходилось многимъ изъ насъ цѣловать больныхъ, въ особенности дѣтей,—кого передъ кончиной, а кого и отъ радости, что ему удалось вырваться изъ когтей смерти. И пусть смѣются надъ нашей „сентиментальностью“ тѣ, у кого, вмѣсто живого, горячо трепещущаго сердца, въ груди лежитъ только кусочекъ papier-maché.

Въ Рѣпьевку вернулись къ намъ Илья Александровичъ съ Авдотьей. Оказывалось, что въ Бѣломъ Яру ему нечего дѣлать: холеры тамъ, кромѣ двухъ-трехъ случаевъ, не было. Я очень обрадовалась его пріѣзду въ виду того, что намъ предстояла поѣздка въ дальній конецъ уѣзда, въ село Большую Кандалу съ 6,000 жителей; въ трехъ верстахъ отъ Большой Кандалы находится селеніе Малая Кандала съ 3,000 жителей. Насъ предупреждали, что въ обѣихъ Кандалахъ „живетъ народъ разбойный“, и что въ Малой Кандалѣ совсѣмъ не хотять принимать меди-

динской помощи, что больных тамъ лечитъ священникъ, очень энергичный человекъ, который подчинилъ своему вліянію даже мало-гандалинскихъ старовѣровъ. Все это меня, однако, мало пугало: не первый годъ живя въ деревнѣ, я знала, что рассказы растутъ тамъ, какъ снѣжные комья.

Илья Александровичъ былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Бѣломъ Яру. Онъ тамъ въ теченіе дня дѣлалъ нѣсколько визитовъ къ больнымъ, къ нему тоже приходилъ десятокъ-другой амбулаторныхъ больныхъ на домъ, главнымъ образомъ хрониковъ. Устроился онъ на квартирѣ, безъ всякаго комфорта, конечно, но прилично и чисто; хозяйка готовила ему сѣдобный обѣдъ, Авдотья прислуживала... Онъ жаловался только на скуку, такъ какъ настоящаго дѣла у него не было, какъ не было ни книгъ, ни знакомствъ, ни развлеченій. Уѣхалъ онъ потому, что убѣдился, что холеры больше нѣтъ. Когда мы рассказали ему, что видѣли и слышали и при какихъ условіяхъ намъ пришлось жить и работать за это время, онъ удивился и пришелъ въ ужасъ, но въ то же время выразилъ мнѣніе, что мы навѣрное отчасти преувеличиваемъ.

Пришлось мнѣ разговориться и съ Авдотьей насчетъ ихъ житья въ Бѣломъ Яру.

— Какъ вы тамъ жили?—спросила я сидѣлку.

— Ничего, хорошо жили,—отвѣчала она;—Илья Александровичъ просто душевный баринъ: все такъ тихо да ласково и со мной, и съ фершаломъ, и съ больными, только...—она разсмѣялась и замаялась.

— Что такое, въ чемъ дѣло? — спросила я нѣсколько тревожно, такъ какъ была уже напугана открытіемъ весьма непріятныхъ сторонъ характера нѣкоторыхъ своихъ сотрудниковъ.

— Да вы не пугайтесь, барыня,—успокоительно проговорила Авдотья, — я только хотѣла сказать, что ужъ больно чудно баринъ по-русски говорить...

Я съ облегченіемъ вздохнула, Авдотья же продолжала:—придемъ мы, значить, къ больному, а онъ и заговорить, примѣромъ сказать:

— „Бабушка, что твой синь вирвался сегодня?“

— „Да куда ему вырваться,—отвѣчаетъ бабка:—онъ, видишь, батюшка, головы поднять отъ слабости не можетъ!“

— „Ахъ, нѣтъ, бабушка, я не то: ну, у него вирвалось сегодня?“

— „Да ты что же, батюшка, чудное такое спрашиваешь? Никакъ я въ толкъ не возьму!“

— А ужъ мнѣ-то чистая умо-о-рушка,—смѣшливо протянула Авдотья,—вотъ я и вступлюсь:

— Чего же это ты, бабушка, въ толкъ взять не можешь:

русскимъ языкомъ тебя баринъ спрашиваетъ, рвало ли твое сына сѣдни али нѣтъ...

— „Какъ же, какъ же, родименькій, было всего, вотъ только теперь утихъ.“

— „Ну, вотъ, бабушка, когда совсѣмъ утихъ, а синъ еще слабъ, надо черный хлѣбъ не давать, а только одна похлебка, когда кушать просить... И вари похлебка такъ: курица, соль и вода, и бери куры нѣсколько.“

— „Ахъ, ты, Господи, мой батюшка, да, вѣдь, у меня куръ-то всего двѣ *).“

— А я ужъ тутъ впрямь помираю со смѣху и сказать ничего не могу, а баринъ не сердятся, а только говорятъ:

— „Ахъ, бабушка, зачѣмъ двѣ? Я говорю: возьми и отрѣжь нѣсколько одной куры“.

Разсказъ Авдотьи насмѣшилъ и меня. Я была очень довольна, когда она заявила мнѣ, что Илью Александровича мужики одобряютъ, она же не иначе звала его, какъ „мой баринъ“, и ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ, косаясь по временамъ на всѣхъ, какъ бы его кто не обидѣлъ.

— И что я вамъ еще доложу, барыня, — разсказывала Авдотья: — вотъ вы все шутили да дразнили Илью Александровича разбойниками, а вѣдь, я такъ думаю, что только ради его простоты насъ Господь помиловалъ въ Богдановыхъ Выселкахъ, когда мы въ Бѣлый Яръ ѣхали. Онъ и до сихъ поръ не знаетъ, какъ близко отъ смерти былъ. Выѣхали мы, значить, изъ Чердакловъ съ ямщикомъ Степаномъ, сынъ котораго у д-ра П. въ больницѣ сторожемъ. И этотъ Степанъ съ д-ромъ П. всюду ѣдитъ давно и самый, значить, вѣрный человекъ; я обо всемъ ужъ до отъѣзда разспросила, потому, не ровень часъ, и всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Ну, поѣхали мы въ Бѣлый Яръ, и вовсе намъ бы и въ Богдановы Выселки попадать не зачѣмъ было, да дождь пошелъ и темень такая наступила, что Степанъ хоть всѣ пути-дороги чуть не по всему уѣзду знаетъ, а тутъ заблудился; колесили мы колесили по полямъ да по лѣсамъ и вдругъ видимъ огоньки... А дождь, что изъ ведра; и не хотѣлось бы намъ въ полночь въ незнакомую деревню привертывать, особенно по позднимъ временамъ, да дѣлать нечего: вѣдь если бы себя не пожалѣли, да остались въ полѣ, такъ скотину—лошадѣй пожалѣть надо. Вотъ въѣхали мы въ деревню... „Ишь, куда насъ занесло“, говоритъ Степанъ, „вѣдь это Богдановы Выселки“... и самъ жметя чего-то и чуть не шопотомъ говорить. Заныло мое сердечушко... только промолчу, думаю, — зачѣмъ мнѣ барина пугать, вишь, онъ, голубчикъ, ни о чемъ не помышляетъ, дремлетъ себѣ, покачивается въ тарантасѣ, такъ что въ иномъ мѣстѣ и поддер-

*) По простонародному «нѣсколько» равнозначуще «множеству».

жать его надо... Остановились мы на взъѣзжей, тутъ намъ самоваръ поставили. Вижу, хозяинъ какой-то пахмурый, невеселый и все молчить, слова отъ него не добьешься. Ну, напились мы чаю, улеглись спать: баринъ на лавкѣ, я на другой, а ямщикъ на печкѣ. Баринъ сейчасъ заснулъ, а мнѣ не спится... Только стала я маленько подремывать и вдругъ слышу что-то „жу-жу-жу“, точно ручьи журчатъ въ полую воду, либо гѣсь въ вѣтеръ макушками шумить... Какъ рукой сняло съ меня дремоту, а все въ толкѣ не возьму, что за гулъ такой... И вдругъ слышу тихохонькій Степановъ голосъ изъ сѣней: „Авдотья, а Авдотья, поди-ко сюда... да смирененько: не разбудить бы барина-то“... Встала я, выползла въ сѣни: „что, говорю, тутъ такое?“ — „А то, говоритъ ямщикъ, „что собрался народъ на дворѣ да на улицѣ около избы и ужъ допрашивали меня: „Кто, молъ, вы такіе и зачѣмъ къ намъ пріѣхали, и не дохтура ли?“

— А ты что сказалъ?

— Мнѣ что говорить? Я сказалъ: а почему мнѣ знать, кто такіе? Они мнѣ не докладывались, паспортовъ не показывали, — ямщикъ не урядникъ,—заказали лошадей, велѣли везти въ Бѣлый Яръ, я и повезъ... Вотъ и весь мой сказъ.

— Ахъ, ты, Господи! пропали наши побѣдныя головушки! А неужто-жъ такъ и пропали? Семъ-ко я сама съ народомъ потолкую. Вышла я на крыльцо: что, говорю, родименькіе, вамъ отъ насъ надоть? А какъ я вышла, такъ по народу точно ропотъ прошелъ, меня же по кожѣ морозъ деретъ,—слышала я, вѣдь, что съ фершалами да съ докторами дѣлали въ благодарность за ихъ труды: карасиномъ поливали да живьемъ сжигали, вмѣсто того, чтобы имъ ноги мыть, да ту воду пить... Вотъ и спрашиваю: что вамъ отъ насъ надоть? А они: „кто вы такіе?“

— Кто мы? Да хозяинъ мой приказчикомъ въ Симбирскѣ: а ѣдемъ мы по торговымъ дѣламъ въ Бѣлый Яръ на полгода, а я его стряпка...

— А не врешь ли, тетка?

— Чего мнѣ врать?

— Кто тебя знаетъ!

— Изъ Симбирска, что-ль, ѣдутъ?—спрашиваютъ у Степана.

— Оттуда,—говорить:—ѣздили въ Старую Майну и объ торговыхъ дѣлахъ, слышалъ, толковали.

— А къ намъ чего пріѣхали?

— Да мы къ вамъ вовсе не ѣхали, а заблудились... Чать, вы мѣня, ребята, не первый годъ знаете...

— Какъ не знать,—отвѣчаютъ.—Ну, можетъ ты и правду говоришь!—и стали потихоньку расходиться, а одинъ и молвить:—Счастье ваше, что ямщикъ знакомый, не то мы бока бы вамъ пощупали!

А у самихъ у всѣхъ здоровенные батоги въ рукахъ..

Разошелся народъ по домамъ, а тутъ и свѣтъ сталъ брезжить, ну, мы: давай Богъ ноги, чтобы часомъ не одумались мужики да не вернулись...—такъ-то вотъ!.. Барину я о томъ и по сейчасъ ни словечка, пусть его, голубчикъ, и не пугается.

Разохотилась Авдотья рассказывать и, между прочимъ, рассказывала мнѣ о томъ, какъ одинъ знакомый ей фельдшеръ въ первый разъ вѣздилъ къ холерному старовѣру.

— Дали знать фѣршалу, — повѣствовала Авдотья, — что въ старовѣрской деревнѣ холера; вотъ онъ и прїѣзжаетъ туда, спрашиваетъ старосту, въ какихъ избахъ больные. Привелъ его староста къ одной избѣ и самъ ушелъ. Входитъ фѣршалъ, видитъ — сидятъ мужики по лавкамъ, спрашиваетъ: „Кто у васъ больной?“ А одинъ старикъ и отвѣчаетъ: „А коли ты святой, такъ самъ и узнай, кто у насъ больной!“ — „Я съ вами не шутки прїѣхалъ шутить, говоритъ фѣршалъ, и я не святой, а холеру, прїѣхалъ лѣчить, такъ и сведите меня къ больному.“

— „Да и мы съ тобой не шутки шутимъ, — отвѣчаютъ, — а коли и самъ больныхъ отъ здоровыхъ отличить не умѣешь, такъ что и за дохтуръ... Ну, говори: кто изъ насъ больной?“

— „Кто изъ васъ больной, я не знаю, — отвѣчаетъ фѣршалъ, — это ты, старикъ, это мнѣ извѣстно...“

— „Ну, кто я такой?“

— „А вотъ кто: чортъ!“

— „Такъ я чортъ, такъ вотъ ты какъ!“

Всѣ вскочили, схватили фѣршала, связали его и заперли въ конюшню: сиди, молъ, тутъ, пока не скажешь, кто больной.

Просидѣлъ онъ тамъ до вечера и удалось ему какъ-то развязаться, онъ вылѣзъ изъ конюшни черезъ верхъ, да задворками и ушелъ... а додержали бы его до ночи, такъ ему бы и живу не быть, пожалуй.

Изъ Рѣпьевки я съѣздила въ Сосновку, гдѣ находилась сестра Ольга Алексѣевна. Она встрѣтила меня далеко не радушно и нехотя отвѣчала на мои вопросы. Населеніе, какъ оказалось, было неособенно расположено къ ней, но тогда я этому не придавала значенія, такъ какъ знала, насколько враждебно къ намъ вездѣ относятся вначалѣ. Рассказывая о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Сосновкѣ, Ольга Алексѣевна расхвасталась, что наварила себѣ варенья — что меня нѣсколько удивило, такъ какъ наша часть отряда не успѣвала не только варить варенье, но частехонько и пообѣдать. Анна Николаевна тоже какъ-то была вяла: — я спросила ее, здорова ли она, — она отвѣчала, что здорова. Такъ я съ ними и распростилась. Больные ихъ уже почти всѣ выздоравливали.

А. Паевная.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИХОРАДКА.

Сколько онъ ни идетъ, надъ нимъ все такъ же стоитъ безпощадное солнце, побѣлѣвшее отъ жара неподвижное небо, струится и дрожить горячій воздухъ.

Мелкій полынокъ, спутавшись въ сухой шаршавый войлокъ, покрываетъ сожженную, истрескавшуюся землю, насколько не защищая ее отъ почти отвѣсныхъ лучей июльскаго солнца. И кромѣ этого сизаго полынка, побѣлѣвшаго неба да струящагося отъ зноя воздуха, ничего кругомъ нѣтъ. Открытая во всѣ стороны сухая степь равнодушно простирается, лѣнливо, нескончаемо подымаясь по изволокамъ, отлого спускаясь въ широкія сухія балки, по которымъ краснѣетъ глина размытыхъ овраговъ. По балкамъ, чернѣя, расползается низкорослый терновникъ, да одиноко и затерянно стоятъ дикія яблони съ объѣденной червемъ, осыпавшейся сухой листвою. Не мѣняясь, неподвижно стоитъ надъ краемъ степи бѣлое округло-слоистое блестящее облако. Кажется, никогда и нигдѣ здѣсь не встрѣтишь людей. Но прошлогоднія пацни, пожелтѣвшее жнивье, далекія скирды хлѣба и сѣрыя пыльные дороги, тянущіяся по степи, служатъ признаками жизни. Да дальніе курганы стоятъ молчаливыми памятниками давно минувшаго.

А человекъ все идетъ да идетъ.

Поть безъ перерыва ползетъ по его сожженному, выдубленному лицу, съ втянутыми щеками и впалыми висками. Почернѣвшія босыя ноги растрескались, и кровь сочится, запекаясь на солнцѣ. Растрескались и иссохшія губы, краснѣя свѣжими тонкими трещинками. Изъ темныхъ ввалившихся ямъ глядятъ воспаленные глаза. Онъ качается, точно его колышетъ вѣтромъ, но кругомъ стоитъ неподвижный зной. Длинныя ноги заплетаются, какъ арбузныя высохшія плети, и плечи, острыми углами подымающіяся надъ вдавленной грудью, давятъ лежащій на нихъ полушубокъ и сума съ сапогами и пожитками. Холщевая рубаха, черная отъ грязи, со

стекающимъ потомъ, обвисаетъ на костлявомъ, длинномъ, угловатомъ тѣлѣ.

Зной стоитъ такой же неподвижный, слѣпящій, не слабѣющій, равнодушный, даль дрожить и все то же надъ головой побѣлѣвшее небо.

Изъ изсохшаго горла надъ раскаленной степью проносится, какъ шелестъ мертвыхъ сухихъ листьевъ:—О, Господи!..

Человѣкъ останавливается, поднимаетъ руку, чтобъ отереть потъ, но не доносить до лица и обводитъ кругомъ мутнымъ взлядомъ: по изволоку полазутъ овцы. Онѣ кажутся крошечными, какъ сѣрыя козявки, и такъ же медленно ползутъ, какъ козявки.

Тогда человѣкъ собираетъ всѣ силы, набираетъ горячаго, жгущаго легкія воздуху и кричитъ то слово, которое неотступно стоитъ передъ нимъ, которое жжетъ и палитъ внутренности, которое печетъ губы, одно только слово:—Воды!..

И онъ кричитъ это дикимъ, хриплымъ, казалось, разносящимся по всей степи голосомъ, но на самомъ дѣлѣ ни одинъ звукъ не нарушаетъ мертваго неподвижнаго зноя... Лишь черныя, залепчавшія губы слабо зашевелились, приликая къ клейкимъ деснамъ.

— Воды!..

Черныя тѣни ложатся на лицо, съ легкимъ шелестящимъ звукомъ вырывается изъ полуоткрытаго почернѣвшаго рта короткое дыханіе, и голова слегка качается изъ стороны въ сторону.

— Пойду... идти надо... до города бы только дойти...

И, раздувая ноздри и поправляя на плечахъ тулупъ съ мѣшкомъ, онъ идетъ, все такъ же качаясь изъ стороны въ сторону, точно подъ нимъ колеблется земля. Въ ухо вливается тонкій, звенящій звукъ, точно комариное пѣніе, держится нѣкоторое время, крѣпнетъ, ширится, полнѣетъ, какъ разгорающаяся искорка въ темнотѣ, постепенно заполняетъ голову шумомъ, звономъ, точно тамъ пересыпаются огромныя массы песку, и онъ несетъ эту громадную, переполненную, готовую раздаться голову...

Легкая, дымчатая мгла быстро поплыла и закрыла спускавшееся къ степи горячее небо, далекую, дрожавшую въ зноѣ черту горизонта, верхушки кургановъ, отлого раскинувшіяся балки, яблони, овецъ, пыльную дорогу, и кругомъ пропали очертанія, стало черно, прохладно, пусто, какъ въ погребѣ, и всѣ звуки мгновенно смолкли, какъ подрѣзанные... Потомъ черная тьма опять порѣдѣла, и открылась дорога, красные овраги, яблони, курганы, и опять зазвучали тысячи тонкихъ, звенящихъ звуковъ, переполнявшихъ ему голову. И въ ту же секунду онъ почувствовалъ, что дорога поплыла

изъ-подъ его ногъ, его шатнуло, и распухшія, истрескавшіяся подошвы стали ступать не по пыли, а по жесткому, сухому придорожному полынку.

— О, Господи!..

Теперь у него одно стоитъ въ головѣ—овцы. Надо дойти до овецъ, во что бы то ни стало. Въ сѣрыхъ, казавшихся издалека крохотными, животныхъ тайлся весь смыслъ его пребыванія въ этой горячей степи подъ жгучимъ небомъ. И онъ шелъ къ нимъ, переставляя ноги, не спуская горячечнаго взора.

До нихъ кажется близко, рукой подать. Онъ ясно различаетъ, какъ онѣ, столпившись, опустивъ головы, стоятъ сонно и неподвижно, и въ то же время чувствуетъ, что никогда не дойдетъ до нихъ: степь упорно и настойчиво идетъ вмѣстѣ съ нимъ, идетъ вмѣстѣ съ нимъ дрожащая даль, все на тѣхъ же мѣстахъ виднѣются дальніе курганы, стоятъ скирды хлѣба, тянутся широко раскинувшіяся балки, и бѣлѣтъ неподвижно блестящее круглое облако. И онъ, п-э-э вода горячее дыханіе, смотритъ на овецъ, какъ на свое спасеніе...

Оттого, что онъ пристально глядитъ на нихъ, въ глазахъ начинается рябить. Ихъ сѣрая масса сливается, тянется сѣрой каменной грядой, а изволокъ заслоняетъ горбомъ небо, терновникъ ползетъ по его склону темной листвою, а изъ-за этой лѣсистой горы бѣлое облако сверкаетъ ослѣпительнымъ блескомъ снѣговыхъ вершинъ. Внизу краснѣетъ глиной желѣзнодорожное полотно, копошатся люди, а дальше... дальше влажнымъ блескомъ сверкаетъ вода, много воды, безграничный просторъ воды, но это соленая, тяжелая, зеленоватая вода, и это еще больше увеличиваетъ муки жажды.

Семенычъ нисколько не удивляется: знакомыя мѣста. Вотъ карьеръ, вотъ насыпь, вотъ порохомъ скалу взрывали, вотъ длинный мостъ перекинуть черезъ оврагъ: въ весеннее время и въ дожди здѣсь бушуетъ горная рѣчка, а вотъ кресты, много крестовъ, какъ перелѣски, потянулись вдоль полотна: лихорадка поѣла нѣсть числа народу. Не одна тысяча російскихъ людей въ лаптяхъ полегла тутъ, какъ солома въ полѣ.

Все знакомый народъ:

— Семенычъ, здорово... опять къ намъ.

— Сказывали, не уйдешь, тутъ останешься.

Смѣются, на кресты показываютъ, а кресты растутъ, растутъ, лѣзутъ изъ земли, какъ молодая поросль, и уже не видно горы изъ-за ихъ чащи.

Семенычу становится страшно... Подошелъ балластный поѣздъ, съ платформъ сыплется песокъ, камень сбрасываютъ...

Кондуктора присѣли, цыгарки крутятъ, калякають, рабочіе съ лопатами, съ ломами подходятъ, и всѣ желтые, худые...

— Семенычъ, а Семенычъ...

Смѣются. Персюкъ здоровый, въ тряпѣ, почти голый, тоже смѣется, ему ничего:

— Ай, Семенычъ... опять наша Семенычъ...

— Братцы...

Семенычъ хочетъ имъ закричать, что онъ не виноватъ, что все это — не такъ...

— Письмо пришло... сынишка твой померъ... восьми годковъ...

Смѣются...

Семенычъ хочетъ плакать громко, по-бабы и... плачетъ страннымъ воющимъ голосомъ. Нѣтъ, это — не Семенычъ, это — шакалка... Ночью, подлые, спать не даютъ воемъ: сядутъ на заднія лапы, сидятъ и воютъ...

И какъ бы въ подтвержденіе, что это — шакалки, опять стало темно и прохладно, и опять освѣтлѣло, и показалось на минуту, будто овцы впереди, отлогій подъемъ изъ балки, бѣлое облако, — но на самомъ дѣлѣ ничего этого не было: тянулась сѣрая каменистая гряда, горбомъ заслоняли небо лѣсистыя горы, и больно сверкали на солнцѣ снѣговыя вершины.

— Отъ бабы твоей письмо, зоветъ... съ голоду помирають...

— Братцы... братцы...

Семенычъ старается разъяснить, растолковать, что онъ не виноватъ, что его нужно отпустить, что онъ уже все сдѣлалъ, больше съ него нельзя требовать... Шестъ лѣтъ работалъ, не покладаячи рукъ, не щадя себя, работалъ тяжелую работу: ломалъ камень, билъ щебень, возилъ землю, по колѣно въ болотѣ копалъ канавы, валялся въ лихорадкѣ... Онъ работы не боится... Вѣдь ему только лошаденку, коровенку, да землицы прикупить... Шестъ лѣтъ копилъ, гроша на себя лишняго не истратилъ, съ голоду не издохъ только потому, что кормился въ артели, тутъ ужъ ничего урвать у себя нельзя было... Шестъ лѣтъ... Баба кричала, убивалась, голосила, какъ по мертвому: „не ходи, али возьми насъ... съ тобой хошь черезъ два дня въ третій ѣсть будемъ, безъ тебя и этого не будетъ“... Онъ ушелъ, ушелъ, чтобъ придти для новой жизни... Шестъ лѣтъ... Сначала посылалъ домой, потомъ пересталъ посылать: все уходило туда, ничего нельзя было скопить, считалъ дни, часы, какъ медленно, тяжело, трудно больно, капающія кровавыя капли, накопились гроши, копѣйки, рубли... Пускай потерпятъ, все будетъ — корова, лошаденка, земляца, пусть не тужать, много терпѣли, немного перетерпѣть... Пересталъ и письма полу-

чать, слухъ пошелъ отъ земляковъ, что разбрелись, не то перемерли.

— Го-го-го... копи, копи... избу-то заколотили... разбрелись... живы ли... дѣтишки мерли здорово... баба на ладанъ дышетъ...

Смѣются, гогочутъ, скалятъ зубы. Всѣ скалятъ, и живые, и тѣ, кому не нужно уже никакого хозяйства — желтые, съ свалившимися глазами, съ длинными обнаженными зубами.

— Го-го-го... все есть, семьи нѣту...

— Братцы,—говорить умоляющимъ голосомъ Семенычъ,—братцы, развѣ для себя... мнѣ росинки не надо... братцы, для хозяйства...

Краснѣетъ полотно, сверкаетъ вода, соленая, соленая, пить нельзя, виднѣются вдаль мосты, станціи; народъ, какъ муравьи, копаются, а кресты все лѣзутъ, все растутъ. Уже не видно лѣса, заслонили лѣсъ, не видно полотна, густой чащей заслонили полотно, уже не видно моря, заслонили море, не видно горъ, заслонили горы, не видно солнца, неба,—кругомъ непроходимая дремучая чаща крестовъ.

Семенычу опять становится жутко:

— Сила-то, Господи... сила-то ихъ... все народъ былъ...

Онъ чувствуетъ, какъ по всему тѣлу пробѣгаетъ обжигающій ознобъ, и видитъ впереди сѣрыя пятна сбившихся кучками овецъ, чернѣющей по балкѣ терновникъ, видитъ одиноко и печально стоящія обѣденныя яблони и лѣнливо поднимающуюся изъ лощины на изволокъ сѣрую пыльную дорогу и медленно и трудно переступающія по этой дорогѣ чьи-то истрескавшіяся, почернѣвшія босыя ноги.

Семенычъ съ усиленіемъ соображаетъ, чьи бы это были ноги, и приходитъ къ заключенію, что это—его собственныя; потомъ вспоминаетъ, что ему нужно дойти до овецъ. Но овцы оказываются страшно далеко. Онъ кажется такими же маленькими, какъ изображенія въ отчищенныхъ солдатскихъ пуговицахъ. Но потомъ онъ оказываются возлѣ: неподвижно стоять, сбившись въ кучу, спаясь отъ жары и оводовъ. Но вотъ онъ поднимаются на дыбы и рычатъ на него страшными, хриплыми голосами. Онъ видитъ черныя усатыя морды съ бѣлыми клыками и вдругъ слышитъ человѣческій голосъ:

— Тю, скаженные... человѣка съѣли... цытѣте!..

И сейчасъ же раздается собачій визгъ. При этихъ звукахъ тулупъ и сума сами-собою сваливаются съ Семеныча. Теперь онъ отчетливо сознаетъ, что это—атара, овчарки, чабанъ, степь и зной, и безумное неутолимое желаніе снова прорывается, и онъ шелеститъ губами:

— Во... ды!..

Чабанъ, весь пропитанный жиромъ, точно его варили въ

котлѣ съ саломъ, широкоплечій и медлительный, съ изумленіемъ глядитъ наивными добродушными глазами на припелыца и шепчетъ:

— Господи Иисусе... человекъ али холера?

— Воды.. ради самого Господа...

— Васька, давай боченокъ.

Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, тоже вываренный въ салѣ, торопливо раскидываетъ кожу, достаетъ изъ ямки небольшой боченокъ и подаетъ Семенычу; Семенычъ крестится дрожащей рукой, беретъ боченокъ, но не въ состояніи удержать. Мальчикъ поддерживаетъ и Семенычъ дрожащими спекшимися губами, весь трясясь, начинаетъ пить. Онъ пьетъ, поднявъ глаза къ горячему небу, потомъ закрываетъ ихъ; пьетъ все больше и больше запрокидывая голову, и по длинной, худой, жилистой шеѣ, какъ пузыри, бѣгутъ глотательныя движенія... Чабаны молча смотрятъ. Наконецъ, Семенычъ отрывается отъ боченка, тяжело дыша. Съ раздувающимися ноздрями, съ округлившимися глазами онъ стоитъ, стараясь придти въ себя.

— Откель Богъ несетъ?

— Изъ-подъ... Дербента,—слышится хриплый голосъ,—съ желѣзной дороги... съ постройки... лихоманка нутро все выпила... мочи нѣту...

И онъ стоитъ, поворачивая дрожащую голову, переводя дыханіе, съ мучительнымъ недоумѣніемъ собравъ надъ переносицей перекосившіяся брови и кожу. Чабаны смотрятъ на него.

— Далече?

— Воронежскій... мнѣ бы теперича... только до города... только бы до города... а тамъ на пароходъ... почитай, до мѣста... только бы на пароходъ... хоть мертваго довезеть...

— Ты бы отдохнулъ, дядя, а то не дойдешь.

— Нѣтъ... пойду... лягу, не встану... цѣлый день буду лежать... знаю себя... перемогусь... лихоманка то перетрясетъ... на пароходъ только бы навалиться... спасибо, родные!..

— На здоровье, дядя... теперя прямо иди, прямо по дорогѣ, какъ ивнякъ увидишь,—тутъ и рѣка, перевозъ, а на той сторонѣ городъ... версты съ три осталось, може, кто будетъ вхатъ, подвезуть... дай-ка помогу...

Чабанъ подымаетъ и кладетъ-ему на плечи тулупъ и суму.

— Спасибо... простите...

— Богъ простить... прямо теперича, прямо, не сворачивай...

Собаки сдержанно повизгиваютъ и рычатъ, потомъ со всѣхъ ногъ кидаются на повернувшася спиной Семеныча.

— Цыть... у-у, скаженные!..

Опять зной, опять изсохшій полынокъ, сѣрыми извивами уходящая дорога, горячее небо, курганы, дрожащая даль. Переставляются распухшія, потрескавшіяся ноги по горячей пыли, переливается въ животъ вода.

Снова на секунду дорога уходитъ изъ-подъ ногъ, и черная мертвая полоса на мгновеніе застилаетъ степь, небо, солнце, но Семенычъ борется, борется съ этою охватывающею его темнотою и страшнымъ усиліемъ воли заставляетъ свои глаза смотрѣть и видѣть курганы, трепещущую даль, палящее солнце...

— Го-го-го... копыль, копыль... накопыль...

Онъ борется, съ безуміемъ отчаянія, никакихъ горъ тутъ нѣтъ, никого нѣтъ, только бы до рѣки, до рѣки добраться, на пароходъ, пускай хоть мертваго довезетъ къ семьѣ...

— Ха-ха-ха... къ семьѣ... была семья... у Семеныча семья кодысь-то была... опять къ намъ пришелъ... не уйдешь... гляди, кресты-то...

Ничего, ничего... вонъ овцы, чабаны стоятъ, стало быть— въ умѣ... понимаетъ, маленькими стали, —стало быть, отошелъ...

Онъ жалобно стонетъ, стараясь стономъ отогнать наплывающій мракъ, старается удержать сознание: осталось двѣ-три версты... Овцы... Пока видитъ овецъ — ничего, значить, еще понимаетъ...

И онъ часто дышетъ, подымаетъ тяжелыя, какъ свинець, вѣки, взглядываетъ на овецъ, цѣпляясь за нихъ, какъ за послѣднее спасеніе.

Мгновенно обжигающій ознобъ на секунду пронизываетъ все тѣло, сейчасъ же уступая мѣсто палящему жару, какъ будто внутри его раскаленная топка.

Недалеко впереди курится пыль, въ пыли видна повозка, дуга, лошадь: навстрѣчу ѣдутъ. Повозка, лошадь, дуга и клубъ пыли становятся все меньше и меньше — значить, не навстрѣчу, проѣзжали мимо, возлѣ него, а онъ не слыхалъ и не видѣлъ, а его могли бы подвезти.

Отчаяніе охватываетъ Семеныча.

— Господи, донеси!..

Измученныя ноги все такъ же идутъ, сознание мутнѣетъ... на дальнемъ увалѣ виднѣются овцы, а кругомъ, куда ни глянешь, все степь, степь и степь.

Семенычъ предается волѣ Божіей: пробѣгаетъ языкомъ по жесткимъ сухимъ губамъ, смотритъ, куда бы опуститься на землю, и видитъ впереди поникшія вѣтвями ивнякъ.

Семенычъ понимаетъ, что это затменіе и оборачивается: далеко, далеко сѣрѣютъ овцы, дрожатъ верхушки кургановъ, и все на одномъ и томъ же мѣстѣ надъ сгорѣвшей степью неподвижно стоитъ блестящее бѣлое съ округлыми краями

облако. Семенычъ чувствуетъ свое тѣло, чувствуетъ идущія ноги.

— Господи, благодарю тебя...—говорить онъ и изъ послѣднихъ силъ добирается до ивняка.

Изъ-за вѣтвей серебрится и играетъ широкая рѣка, и въ глубинѣ ея колыхается опрокинутое небо и.одинокое блестящее облако.

— Слава те, Господи...

Семенычъ тяжело дышетъ, смотритъ на влажную сверкающую поверхность и съ трудомъ соображаетъ: городъ виденъ далеко, затянутый голубой дымкой, и сквозь дымку сияютъ золотыми точками купола. Кругомъ пусто и тихо. Онъ сбился и не попалъ къ перевозу.

Молниеносной дрожью пробѣгаетъ ознобъ, небо, прибрежный песокъ, вода, ивнякъ,—все плыветъ кругомъ; руки, ноги отваливаются, какъ избитыя. Израсходованъ послѣдній остатокъ силъ, и неслушающимися, странно ворочающимися пальцами онъ развязываетъ тулупъ. На минуту онъ чувствуетъ себя лежащимъ въ полущубкѣ спиной на землѣ. Острый пронизывающій ознобъ мгновенно разбѣгается жгучими иглами, смѣняясь палящимъ огнемъ. Онъ стискиваетъ зубы, напрягаетъ всѣ мышцы до судороги, но и это одеревѣвшее, сопротивляющееся страшнымъ сопротивленіемъ тѣло не въ состояніи избавиться отъ мгновенно пронизывающей дрожи. Онъ мычитъ, какъ животное, глухо, подавленно, точно ему забили ротъ чѣмъ-то мягкимъ, кругомъ все становится черно и мертво, и онъ теряетъ представленіе о времени...

Проступая сквозь мракъ, гдѣ-то высоко, высоко, нестерпимо блеститъ голубымъ блескомъ клочекъ неба; на мгновеніе его заслоняютъ, нависая, вѣтви ивняка... Опять черно, холодно, пусто... Потомъ надъ нимъ наклоняется что-то молодое, безусое... Что это? У Семеныча голова лопается отъ страшнаго напряженія... Это—не небо, не ивнякъ, не сверкающій, колыхущійся воздухъ... Что это?... Оно близко, близко наклоняется къ лицу, и у него двѣ горящія точки, онъ впадаютъ, пронизываютъ... Это—шакалка ночью ѣсть падаль, и у него свѣтятся глаза...

Семенычъ чувствуетъ легкое щекотаніе на своей груди и отъ этого прикосновенія содрагается конвульсивно все его тѣло, судорогами ведетъ мышцы, дыбомъ становятся волосы...

Въ смертельномъ ужасѣ онъ не закричалъ, а заревѣлъ такъ, что заволновалось голубое небо, заструился горячій, сверкающій воздухъ, выпрыгало и исчезло близко наклонившееся лицо съ свѣтящимися глазами... А онъ все реветъ страшнымъ не человѣческимъ голосомъ, который заполняетъ

все пространство, всю степь, реветъ, какъ привязанный быкъ, котораго медленно рѣжутъ тупымъ ножомъ...

Но тѣ, кто торопливо отвязываетъ ловкими пальцами съ гайтана на груди пропитанную потомъ, пахнущую острымъ запахомъ больного человѣческаго тѣла сумочку, тѣ не слышать этого рева. Они только видятъ прилипшія къ клейкимъ деснамъ изсохшія губы; оскаленные, подернутые тонкой слизью зубы; слышать прорывающееся сквозь нихъ съ свистящимъ шипѣніемъ горячее дыханіе, видятъ неподвижно лежащій за зубами вспухшій языкъ и безсильно распростертое тѣло... Потомъ съ преступно-радостными лицами оба скрываются въ ивнякѣ.

А. Серафимовичъ.

* * *

Сегодня странный день!
Стоитъ безмолвный лѣсъ,
И смутной думы тѣнь
Все бродить средь небесъ.

Несутся облака,
Прозрачны и легки,
И не блеститъ рѣка,
И не горять пески.

Просторъ, покой и лѣнь...
Одинъ въ лѣсу брожу;
Присѣвъ на мшистый пенъ,
Безмолвно вдалъ гляжу.

А сердце въ тишинѣ
Чего-то смутно ждетъ
И шепчетъ въ полуснѣ:
„Оно придетъ, придетъ!“

К. Бархинъ.

Природа человѣка въ новомъ освѣщеніи.

I.

Въ исторіи науки бываютъ періоды, когда, подь вліяніемъ развитія той или другой плодотворной научной идеи, путь передь нами кажется расчищеннымъ на далекое разстояніе впередь, основныя задачи—если не рѣшенными, то, по крайней мѣрѣ, ясно поставленными и близкими къ окончательному рѣшенію. Бываютъ, однако, и другіе періоды, когда ученымъ приходится переживать разочарованіе въ той или другой теоріи или идеѣ, долгое время господствовавшей и пошатнувшейся подь напоромъ новыхъ фактовъ, новыхъ вѣяній...

Въ такія времена почва кажется колеблющейся подь ногами, горизонтъ впереди застилается туманомъ, утрачивается вѣра въ то, что прежній путь приведетъ къ цѣли, и начинаются исканія новаго. Такіе періоды наиболѣе благоприятны для развитія регрессивныхъ, метафизическихъ тенденцій, но они же являются и временемъ зарожденія и подготовленія новыхъ идей, которымъ, быть можетъ, суждено пышно расцвѣсть въ будущемъ...

Присматриваясь къ состоянію современнаго естествознанія, мы не можемъ не замѣтить, что многія отрасли его переживаютъ теперь именно такой переходный періодъ, полный колебаній и сомнѣній,—періодъ разочарованія въ прежнемъ и исканія новыхъ путей. Многое, что считалось всего лишь лѣтъ десять тому назадъ прочнымъ и незыблемымъ,—поколеблено и грозитъ разрушеніемъ.

Такое положеніе вещей сказывается уже въ области наукъ наиболѣе точныхъ и положительныхъ—физики и химіи. Открытія послѣднихъ лѣтъ въ области лучистой энергіи и *enfant terrible* современной физической химіи—радій—грозятъ произвести переворотъ въ установившихся представленіяхъ о сущности свѣта и эфира и заставляютъ думать даже о возвращеніи вспять и возста-

новленіи ньютоновой теоріи истеченія свѣта. Тотъ же радій и мало понятная для непосвященныхъ теорія „іоновъ“ подкапываются подъ казавшіяся достаточно прочно установленными воззрѣніи на электромагнитныя явленія и даже подъ атомистическую гипотезу. Въ спорахъ физиковъ по поводу этихъ вопросовъ чувствуется отсутствіе увѣренности въ справедливости самыхъ основныхъ положеній, въ то же время замѣчается исканіе новыхъ гипотезъ и новыхъ рѣшеній...

Такая же шаткость положенія наблюдается и въ наукахъ менѣе точныхъ, но за то болѣе близкихъ къ вопросамъ самымъ существеннымъ и важнымъ для человѣка, — въ наукахъ биологическихъ. Теорія естественной эволюціи и подбора, родившаяся въ началѣ второй половины недавно истекшаго столѣтія въ видѣ небольшой книжки Дарвина, разрослась затѣмъ мало по малу, какъ гигантская лавина, и захватила чуть не всѣ области человѣческаго знанія. При самомъ своемъ возникновеніи, правда, она встрѣтила серьезный отпоръ со стороны многихъ изслѣдователей и выдержала продолжительную борьбу. Тѣмъ не менѣе, теорія подбора постепенно укрѣплялась и, казалось, достигла апогея своего развитія въ 90-хъ годахъ, съ появленіемъ теоріи Августа Вейсмана, который во многомъ дополнилъ ученіе Дарвина, разработавъ до мельчайшихъ подробностей теорію наследственности и согласовалъ ее съ новѣйшими открытіями въ области жизни и строенія клѣтки.

Однако, именно съ этого времени замѣчается все болѣе и болѣе возрастающее охлажденіе къ дарвинизму, — быть можетъ, какъ реакція противъ чрезмѣрной законченности взглядовъ Вейсмана. Снова усилились голоса противниковъ теоріи Дарвина, одна за другой стали появляться новыя теоріи, старавшіяся измѣнить или даже замѣнить теорію Дарвина, — но и онѣ не дали полного удовлетворенія. До настоящаго времени происходитъ въ этой области мысли усиленное броженіе, чувствуется неудовлетворенность прежними и исканіе новыхъ идей, пока еще не достаточно ясно опредѣлившихся.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, подъ шумокъ возрождаются и приободряются старыя, казалось, ужъ похороненныя, полу-метафизическія воззрѣнія. Съ высоты университетской кафедры и у насъ, и даже на родинѣ Геккеля и Вейсмана, начинаютъ громить не только дарвинизмъ въ узкомъ смыслѣ слова, но и теорію естественной эволюціи органическаго міра. Пытаются низвергнуть съ пьедестала не одну теорію подбора и борьбы за существованіе, но и непрерывность происхожденія животнаго и растительнаго міра, стараются убѣдить насъ въ томъ, что органическій міръ возникъ не изъ одного источника и развился не путемъ совершенствованія низшихъ формъ и превращенія ихъ въ высшія, а что съ самаго начала „было

создано множество формъ, но—со стимулами эволюціи весьма различныхъ предѣловъ“ *).

Удивительно ли, что въ такое смутное, переходное время, быть можетъ, подготовляющее почву для блестящаго расцвѣта какой-либо новой научной идеи, начинаютъ раздаваться и голоса полного разочарованія? Говорятъ о крахѣ науки, о томъ, что наука не исполнила данныхъ (къмъ и когда?) обѣщаній, что наука бессильна дать человѣку что-либо выше нѣкоторыхъ матеріальныхъ благъ, что въ смыслѣ моральнаго усовершенствованія она подрываетъ лишь основы религіи и не даетъ ничего взамѣнъ. Въ соотвѣтствіи съ такимъ разочарованіемъ въ науки въ образованномъ обществѣ замѣчается возвратъ къ мистицизму, дѣлаются попытки создать новыя религіи или возстановить древнія, вродѣ буддизма.

Въ такое время особенно отрадно привѣтствовать появленіе книги полной вѣры въ силу науки, полной увѣренности въ томъ, что наука шла и идетъ правильнымъ путемъ и, рано или поздно, достигнетъ своей цѣли и дастъ человѣчеству ясное рѣшеніе всѣхъ тревожащихъ его вопросовъ,—однимъ словомъ, книги исполненной самаго свѣтлаго научнаго оптимизма. Такимъ произведеніемъ,—при томъ написаннымъ не новичкомъ или любителемъ науки, а ветераномъ ея, подарившимъ истекшіи вѣкъ цѣлымъ рядомъ открытій первостепенной важности и цѣлымъ рядомъ плодотворнѣйшихъ идей,—является вышедшая нѣсколько недѣль тому назадъ въ Парижѣ книга „Études sur la nature humaine.—Essai de philosophie optimiste“, нашего знаменитаго соотечественника проф. И. И. Мечникова.

Книга эта захватываетъ столь широкіе горизонты касается такихъ общените серьезныхъ вопросовъ, что, мы думаемъ, читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы на слѣдующихъ страницахъ остановимся подробнѣе на ея содержаніи и изложимъ его, поскольку это допускаютъ различныя независіяція отъ насъ обстоятельства. Наше изложеніе будетъ совершенно объективное, такъ какъ произведеніе почтеннаго автора достаточно говорить само за себя и едва ли ну ждается въ комментаріяхъ.

II.

Основная задача, которую ставить себѣ проф. И. И. Мечниковъ, заключается въ томъ, чтобы выяснить, что можетъ сдѣлать современная наука въ смыслѣ рѣшенія важнѣйшихъ моральныхъ

*) Проф. А. Тихомировъ. «Что дали зоологіи послѣднія 30 лѣтъ?» Естествозн. и Географія. № 2, 1903, стр. 44.

и жизненныхъ вопросовъ человѣчества. Дѣйствительно ли такъ безсильна она въ дѣлѣ рѣшенія вопроса объ истинной морали, о смыслѣ и сущности жизни и о назначеніи человѣка, какъ это утверждаютъ нѣкоторые, разочаровавшіеся въ ней адепты?

Попытка подойти къ вопросамъ моральнымъ на рационалистической почвѣ не нова. Неоднократно и съ давнихъ поръ мыслители старались обосновать мораль на чемъ-либо иномъ, кромѣ вѣры, и философы самыхъ различныхъ эпохъ думали, что сама природа человѣка содержитъ въ себѣ элементы, необходимые для обоснованія рациональной морали.

Въ древнемъ мірѣ природа человѣка пользовалась большимъ почетомъ и была даже предметомъ культа,—древніе греки преклонялись предъ красотой человѣческихъ формъ, придавали своимъ богамъ идеально-красивыя, но все же вполнѣ человѣческія черты, избѣгали въ своемъ обиходѣ всего, что нарушаетъ красоту естественныхъ формъ.

Это обожаніе человѣческой природы отразилось и въ искусствѣ, и въ философіи грековъ: греческое искусство имѣло своимъ идеаломъ воспроизведеніе тѣла человѣка, философскія же ученія Греціи трактовали о достоинствахъ всѣхъ сторонъ природы человѣка и стремились, по словамъ Целлера, къ наиболѣе гармоничному ихъ развитію.

Неудивительно, что на этой почвѣ обожанія человѣческой природы возникло ученіе — „метриопатія“, — имѣющее своимъ объектомъ изученіе основъ жизни, согласной съ моралью и съ природой человѣка. Это ученіе было принято большимъ числомъ философовъ, но при примѣненіи къ практической жизни принимало очень различныя формы. Такъ, стоики учили, что величайшее благо и счастье человѣка—не въ чемъ иномъ, какъ въ жизни, согласной съ природой, и что все поведеніе человѣка должно быть согласовано со всемірнымъ разумомъ. Въ то же время школа эпикурейцевъ изъ того же основного принципа—жизни, согласной съ природой человѣка—выводила, что „удовольствіе—высшее естественное благо и является состояніемъ, согласнымъ съ природою и дающимъ внутреннее удовлетвореніе“.

Та же основа морали была затѣмъ усвоена римскими философами: „возьмите природу своимъ вожатымъ,—поучаетъ Сенека,—пусть вашъ разумъ слѣдуетъ ей и справляется съ ней,—тогда и жизнь ваша будетъ счастливою и согласной съ природою“.

Въ позднѣйшія времена, съ паденіемъ классической культуры, исканіе рационалистической морали замѣнилось вѣрою и культъ природы человѣка не только палъ, но и подвергся гоненію. Возникло убѣжденіе въ томъ, что природа человѣка въ корнѣ своемъ испорчена и порочна, и что для своего спасенія человѣкъ долженъ бороться съ нею и покорять ее, долженъ отказываться себѣ въ самыхъ естественныхъ потребностяхъ, въ самыхъ невин-

ныхъ удовольствіяхъ, подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ...

Съ возстановленіемъ раціоналистическихъ воззрѣній, начиная съ эпохи Возрожденія, и въ особенности съ расцвѣтомъ положительныхъ наукъ въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, попытки обосновать моральную жизнь человѣка на почвѣ законовъ и свойствъ человѣческой природы возобновились. Дарвинъ, Спенсеръ и цѣлый рядъ ихъ послѣдователей пытаются согласовать новыя идеи эволюціи съ запросами человѣческой морали и найти основанія послѣдней въ природѣ.

Такимъ образомъ съ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшихъ, почти при каждой попыткѣ найти основу морали на почвѣ разума, приходилось искать ее въ самой природѣ человѣка, предполагавшейся въ корнѣ своемъ хорошей и даже совершенной.

Является вопросъ чрезвычайно важный для нашего міросозерцанія: дѣйствительно ли такъ совершенна природа человѣка, что на ней одной можно основывать нравственность и брать ее своимъ единственнымъ совѣтникомъ и вожатымъ, какъ предписываетъ Сенека?

Проф. Мечниковъ, опираясь на данныя современной науки, даетъ отрицательный отвѣтъ, обосновывая его длиннымъ рядомъ интереснѣйшихъ соображеній о несовершенствахъ и дисгармоніяхъ природы человѣка, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

Если обратиться прежде всего къ разсмотрѣнію природы помимо человѣка, то мы убѣждаемся, что органическій міръ отнюдь не представляетъ изъ себя сплошного совершенства. Въ немъ не проявляется даже и постоянной наклонности къ прогрессу, какъ это хотятъ видѣть нѣкоторые оптимисты. Правда, высшія существа не могли развиваться иначе, какъ изъ низшихъ,—однако, изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы всегда и во всѣхъ случаяхъ развитіе вступало на путь прогресса, и чтобы всюду въ органической природѣ царила полная гармонія. Насколько часто природа слѣдуетъ регрессивному пути, объ этомъ свидѣтельствуетъ несмѣтный легіонъ паразитовъ, и, между прочимъ, они, а не человѣкъ, являются вѣнцомъ, послѣднимъ звеномъ творенія,—не подлежитъ сомнѣнію, что многіе паразиты появились на землѣ уже послѣ появленія человѣка—таковы, напр., платяная вошь, нѣкоторые виды исключительно живущихъ въ человѣкѣ цѣпней, наконецъ, многіе болѣзнетворные микроорганизмы, хотя бы гонококки бленнореи.

Мы встрѣчаемъ, дѣйствительно, и въ животномъ, и въ растительномъ царствѣ замѣчательные примѣры идеальной приспособленности организмовъ другъ къ другу и ко внѣшнимъ условіямъ. Цвѣты орхидныхъ, напр., поразительно приурочены всѣмъ своимъ строеніемъ къ оплодотворенію насѣкомыми,—насѣкомое не можетъ добраться до углубленія, содержащаго медь, не за-

дѣвъ за тычинки и не захвативъ съ собою комочки пыльцы, которые на слѣдующемъ цвѣтѣ оплодотворяютъ плодникъ.

Еще удивительнѣе инстинкты нѣкоторыхъ насѣкомыхъ,—такъ, хищныя осы, откладываящія свои яички въ личинокъ насѣкомыхъ, обладаютъ замѣчательной способностью парализовать своимъ уколомъ личинокъ, такъ что тѣ остаются безъ движенія, но сохраняютъ все же жизненность. Лучше любого анатома находить оса своимъ жаломъ нервный центръ, завѣдующій движеніями, и без-ошибочно поражаетъ его!

Такія замѣчательныя приспособленія встрѣчаются нами въ изобиліи въ любой группѣ животнаго и растительнаго царства. Можно думать, что они служатъ неоспоримымъ доказательствомъ полной гармоніи, существующей между всѣми частями природы. Однако, столько же, если не болѣе, можно привести примѣровъ и дисгармоніи, неприспособленности и несовершенства организмовъ.

Тѣ же самыя орхидныя, которыя поражаютъ насъ цѣлесообразнымъ устройствомъ цвѣтка, содержатъ нерѣдко неразвивающіяся вовсе и непригодныя для оплодотворенія тычинки, не играющія никакой роли въ жизни цвѣтка, а между тѣмъ вызывающія затрату матерьяла. Очевидно, эти тычинки—остатокъ организациі предшествующихъ поколѣній, рудиментъ, утратившій свое значеніе.

Точно также и оса, парализующая съ такимъ замѣчательнымъ искусствомъ насѣкомыхъ и пауковъ, продолжаетъ таскать ихъ въ свое гнѣздо даже тогда, когда отложенныя ею яички похищены и, слѣдовательно, всѣ заботы ея о будущемъ потомствѣ бесплодны. Гусеница, мастерски свивающая себѣ коконъ, автоматически продолжаетъ работу и въ томъ случаѣ, если въ коконѣ вырваться огромное отверстіе,—ей не приходится въ голову починить его. Самка паука, носящая съ собою коконъ съ яичками, таскается съ такой же заботливостью подмѣненный восковой шарикъ, даже если онъ гораздо тяжелѣе.

Инстинкты наиболѣе глубоко вкореняющіеся, наиболѣе важныя для сохраненія вида—материнскій и половой—и тѣ весьма нерѣдко являются несовершенными. Всѣмъ извѣстно, какъ часто кроличихи и бѣлыя мыши поѣдаютъ своихъ дѣтенышей, хотя вовсе не голодны. Половыя извращенія также совсѣмъ не составляютъ рѣдкаго исключенія въ животномъ царствѣ и наблюдаются даже между насѣкомыми.

Иногда ошибки инстинкта прямо ведутъ животныхъ къ гибели. Кому не случалось видѣть, какъ тысячами летятъ ночныя насѣкомыя на огонь, влекомыя пагубнымъ инстинктомъ? Въ одной старинной книгѣ (Swammerdam. Biblia naturae, 1737) разсказывается даже, что рыбаки пользуются этимъ обстоятельствомъ для откармливанья рыбы: они зажигаютъ на лодкахъ солому, по-

дѣнки летятъ на огонь мириадами и, обжигая себѣ крылья, падаютъ въ воду и служатъ кормомъ рыбѣ.

Ошибки инстинкта въ еще большей степени, чѣмъ дисгармоничность строенія, гибельны для вида и, передаваясь по наслѣдству могутъ повлечь за собою полное исчезновеніе его. Такъ оно и происходитъ въ природѣ,—виды, получающіе вредные инстинкты, гибнутъ и исчезаютъ съ лица земли, тогда какъ не имѣющіе таковыхъ переживаютъ ихъ, плодятся и размножаются!

Вотъ почему, быть можетъ, мы и встрѣчаемъ въ организованномъ мірѣ все же чаще гармоничное соотвѣтствіе, чѣмъ дисгармонію.

III.

Итакъ, еще задолго до появленія на землѣ человѣка, въ природѣ наблюдались организмы счастливые, высоко приспособленные къ условіямъ существованія, поражающіе гармоничностью своихъ соотношеній съ окружающимъ, и организмы несчастные, слѣдовавшіе своимъ дисгармоничнымъ инстинктамъ и погибавшіе.

Если бы эти организмы могли думать и передавать свои мысли, то первые, несомнѣнно, выказали бы себя оптимистами и утверждали бы, что все на свѣтѣ въ высокой степени совершенно, тогда какъ вторые проявили бы, навѣрное, пессимистическое настроеніе и находили бы, что весь окружающій міръ исполненъ зла и страданія.

Возникаетъ вопросъ: къ какой изъ этихъ категорій должно отнести человѣка? Является ли онъ организмомъ высоко приспособленнымъ къ окружающимъ условіямъ, или же дисгармоничнымъ?

Внѣшнія формы человѣка, дѣйствительно, на столько совершенны и близки къ идеалу красоты и гармоніи, что едва ли могутъ быть въ чемъ-либо усовершенствованы. Культъ красоты человѣческаго тѣла у древнихъ грековъ вполне оправдывается и нашими современными эстетическими воззрѣніями.

Совершенно не то представленіе получается о природѣ человѣка при ознакомленіи съ его внутренней организаціей. Извѣстный сравнительный анатомъ проф. Видерсгеймъ въ своемъ недавнемъ произведеніи изслѣдовалъ вопросъ о томъ, какіе органы у человѣка являются прогрессивно развитыми по сравненію съ высшими антропоморфными обезьянами и какіе претерпѣваютъ регрессъ. Прогрессивныхъ органовъ и группъ органовъ онъ насчиталъ—15, въ томъ числѣ нижнія конечности, прекрасно приспособленные для поддержанія тѣла въ вертикальномъ положеніи, расширенный крестецъ и тазъ съ широкимъ отверстіемъ (особенно у женщины), изогнутость позвоночника, нѣкоторыя усовершенствованныя мышцы, нервные пути и части мозга, высокое развитіе кор-

коваго слоя мозга и, наконецъ, мышцы гортани, дающія возможность членораздѣльной рѣчи.

На ряду, однако, съ этими прогрессирующими органами Вндерсеймъ находить у человѣка 17 органовъ дегенерировавшихъ, но еще способныхъ къ выполнению физиологическихъ отправлений, и не менѣе *ста семи* органовъ, уже утраченныхъ для человѣка всякое значеніе, *рудиментарныхъ*. Къ первымъ онъ причисляетъ нѣкоторыя упростившіяся мышцы ноги, 11-ую и 12-ую пару реберъ, слѣзую кишку и т. п.; къ рудиментарнымъ же органамъ, не имѣющимъ существенной физиологической функціи,—копчикъ, являющійся остаткомъ хвоста, 13-ую пару реберъ у взрослыхъ, мышцы большого пальца, червеобразный отростокъ слѣпой кишки и длинный рядъ другихъ органовъ.

Что же такое рудиментарные органы, откуда они взялись и почему ихъ должно считать нарушителями гармоніи въ природѣ человѣка?

Лучшимъ примѣромъ рудиментарнаго органа можетъ служить червеобразный отростокъ слѣпой кишки человѣка—слѣпой на концѣ придатокъ, съ мизинецъ величиною, содержащій въ своихъ толстыхъ стѣнкахъ железки, мышечную ткань и лимфатическіе узелки, но, тѣмъ не менѣе, не играющій никакой роли въ жизни человѣка. Въ 25 случаяхъ изъ 100, въ особенности у пожилыхъ людей, этотъ отростокъ даже совсѣмъ или отчасти лишенъ просвѣта и не сообщается съ полостью слѣпой кишки.

Безполезность червеобразнаго отростка ясна уже изъ того обстоятельства, что послѣ оперативнаго удаленія его пищевареніе совершается нисколько не хуже, чѣмъ ранѣе. Не подлежитъ сомнѣнію, что органъ этотъ—наслѣдіе отдаленныхъ предковъ человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ удивительно похожъ на такой же органъ антропоморфныхъ обезьянъ. Однако, даже у обезьянъ уже червеобразный отростокъ представляетъ изъ себя рудиментъ, и лишь на еще болѣе низкой ступени въ системѣ млекопитающихъ—у жвачныхъ, грызуновъ и нѣкоторыхъ сумчатыхъ—онъ функционируетъ и, быть можетъ, играетъ даже выдающуюся роль въ процессѣ перевариванья растительныхъ веществъ.

Червеобразный отростокъ является органомъ не только бесполезнымъ, но и вреднымъ, даже опаснымъ для жизни человѣка. Очень часто въ него попадаютъ различныя твердыя постороннія тѣла изъ слѣпой кишки, вродѣ сѣмечекъ плодовъ и т. п.—они, благодаря слабости сокращеній отростка, остаются въ немъ долгое время и могутъ легко повредить стѣнки; при обилии въ кишечникѣ гнилостныхъ микробовъ возникаетъ воспаленіе отростка—аппендицитъ, тяжкое заболѣваніе, дающее 8—10% смертныхъ случаевъ. Аппендицитъ встрѣчается очень нерѣдко,—въ одномъ лишь парижскомъ госпиталѣ Труесо наблюдалось въ теченіе 5 лѣтъ 443 случая этой болѣзни. При томъ преимущественно

эта болѣзнь встрѣчается у дѣтей и молодыхъ людей, у которыхъ червеобразный отростокъ еще не успѣлъ зарости внутри и сообщается съ просвѣтомъ слѣпой кишки.

Данный органъ, слѣдовательно, въ своемъ полномъ развитіи можетъ причинить человѣку тяжкія страданія и безвреденъ для организма, лишь когда атрофируется; полное же отсутствіе его—совершенно не ощущается. Не разительный ли это примѣръ несовершенства организаціи и дисгармоніи природы человѣка?

Къ рудиментарнымъ органамъ должна быть отнесена и слѣпая кишка человѣка—она развита гораздо слабѣе, чѣмъ у обезьянъ и у многихъ травоядныхъ животныхъ и не играетъ особенной важной роли. Рудиментарными являются и „зубы мудрости“—задніе коренные, выходящіе очень поздно, почти не участвующіе въ жеваніи, но подверженные частымъ и тяжелымъ заболѣваніямъ. Извѣстны даже случаи неправильнаго прорѣзанія этихъ зубовъ со смертельнымъ исходомъ.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что зубы эти—наслѣдье, полученное отъ нашихъ предковъ и утратившее для насъ всякое значеніе. У 10% европейцевъ зубы мудрости не прорѣзываются вовсе, тогда какъ у негровъ и австралийцевъ нерѣдко замѣчаются добавочные коренные, повышающіе общее число зубовъ до 36; у антропоморфныхъ обезьянъ—зубовъ столько же, сколько у человѣка, а у болѣе низко организованныхъ обезьянъ Нового свѣта—ихъ 36, такъ какъ имѣются добавочные коренные.

Однако, не одни рудиментарные органы свидѣтельствуютъ о несовершенствѣ пищеварительной системы человѣка. Существуетъ цѣлый отдѣлъ пищеварительнаго канала, который развитъ у человѣка очень значительно, но долженъ разсматриваться тоже какъ бесполезное для насъ наслѣдство отдаленныхъ предковъ. Этотъ отдѣлъ—толстая кишка. Роль ея въ пищевареніи и усвоеніи веществъ ничтожна, и неудивительно, что оперативное удаленіе ея или полная атрофія переносятся человѣкомъ очень легко. Операция частичнаго или полнаго удаленія прямой кишки производилась неоднократно съ полнымъ успѣхомъ и не вліяла серьезно на пищеварительные процессы. Замѣчательнѣе всего, однако, случай атрофіи прямой кишки наблюдавшійся у одной женщины. Вслѣдствіе нарыва у нея образовалась фистула, ведущая изъ тонкой кишки прямо наружу, и потому, благодаря неупотребленію, толстая кишка совершенно атрофировалась. Тѣмъ не менѣе, женщина эта прожила 37 лѣтъ и могла не только правильно питаться, но и работать!

Съ довольно большою увѣренностью можно сказать, что сильно развитая толстая кишка унаслѣдована нами отъ предковъ, питавшихся растительными веществами. Дѣйствительно, она является наиболѣе массивной у травоядныхъ и грызуновъ, и для нихъ она органъ чрезвычайно полезный, такъ какъ въ ней, при помощи

кишащихъ мириадами бактерій, переваривается трудно усвояемая клетчатка (целлюлоза) растений. Кроме того, толстая кишка играетъ еще приблизительно такую же роль, какъ мочевого пузыря,—она является резервуаромъ для остатковъ переваренной пищи и позволяетъ животному не тратить время на частыя остановки для выведенія этихъ негодныхъ веществъ наружу. При подвижной жизни млекопитающихъ, изъ которыхъ постоянно одни являются добычею, другія—преслѣдователями, частые перерывы въ бѣгѣ были бы, разумѣется, условіемъ неблагоприятнымъ.

Для насъ, однако, какъ то, такъ и другое значеніе толстой кишки уже утратилось, но за то остались крупныя неудобства отъ ея присутствія. Вещества, скопляющіяся въ толстой кишкѣ при случайной задержкѣ (при запорахъ), начинаютъ разлагаться въ ней, и, попадая въ кровь, вызываютъ нерѣдко тяжкія отравленія. Толстая кишка является ареной многихъ тяжкихъ заболѣваній: здѣсь развивается дизентерія, уносящая, напр., въ Тонкинѣ 30% заболѣвающихъ европейцевъ, здѣсь же развиваются, главнымъ образомъ, различныя злокачественныя опухоли,—напр., 89% раковыхъ заболѣваній кишечника приходится на толстую кишку.

Болѣе полезнымъ, но все же не необходимымъ органомъ является желудокъ. Въ немъ совершаются начальные процессы пищеваренія; однако, они могутъ быть перенесены и въ тонкую кишку, какъ это достаточно убѣдительно доказывается случаями оперативнаго удаленія желудка, при чемъ пищевареніе мало затрагивается и только является потребность въ болѣе частомъ приеме пищи. Между тѣмъ, въ желудкѣ часто застаивается пища и это является причиной, почему въ немъ такъ же нерѣдко злокачественныя опухоли.

Итакъ, оказывается, что наши предки,—питавшіеся растительными продуктами,—наградили насъ цѣлымъ рядомъ пищеварительныхъ органовъ, которые являются для насъ большою обузой, причиняютъ намъ болѣзни и смерть и совершенно не соответствуютъ современнымъ условіямъ питанія человѣка. Послѣднее неудивительно,—благодаря своему высоко развитому интеллекту, человѣкъ научился такъ перерабатывать искусственно пищевыя вещества, какъ это не было доступно животнымъ. Между тѣмъ, организація его пищеварительной системы не измѣнилась въ такой степени, въ какой измѣнился способъ питанія, и обнаруживаетъ полнѣйшее несоотвѣтствіе съ его современными потребностями.

Дисгармонія замѣчается и въ инстинктахъ питанія,—человѣкъ утратилъ инстинктъ различенія вредныхъ веществъ, свойственный многимъ животнымъ, и нерѣдко отравляется пищею. Замѣчаются и настоящія ошибки инстинкта, влекущія человѣка къ поглощенію алкоголя и другихъ наркотиковъ,—алкоголизмъ, бичъ совре-

меннаго человѣчества, покоится на очевидной дисгармоніи инстинкта выбора пищи и инстинкта самосохраненія.

Пищеварительный аппаратъ, такимъ образомъ, можетъ служить примѣромъ несовершенства и дисгармоніи человѣческой природы. Примѣръ этотъ, впрочемъ, огнюдь не единичный, какъ мы сейчасъ увидимъ.

IV.

Всѣмъ извѣстно, что наши органы чувствъ далеки отъ совершенства и ведутъ насъ нерѣдко къ самымъ ложнымъ заключеніямъ. Нашъ глазъ, казалось бы,—перлъ творенія, между тѣмъ, извѣстный физиологъ I. Мюллеръ и еще болѣе знаменитый физикъ Гельмгольцъ единогласно утверждаютъ, что органъ этотъ полонъ несовершенствъ. „Природа, говоритъ послѣдній, какъ бы нарочно нагромоздила въ его устройствѣ всевозможныя противорѣчія, чтобы въ основѣ разрушить теорію о предсуществующей будто бы гармоніи между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ“.

Ни въ чемъ, однако, такъ не сказывается несовершенство и дисгармонія природы человѣка, какъ въ устройствѣ и дѣятельности органовъ, служащихъ для продолженія рода человѣческаго. Вмѣсто дивной приспособленности и въ высокой степени цѣлесообразнаго соотвѣтствія всѣхъ частей, что мы встрѣчаемъ у большинства растений,—здѣсь цѣлый рядъ несовершенствъ, пагубно отражающихся на функціонированіи системы.

Прежде всего и въ мужскомъ, и въ женскомъ аппаратѣ мы находимъ цѣлую серію рудиментарныхъ придатковъ, доказывающихъ, что у какихъ то отдаленныхъ предковъ органы обоихъ половъ были соединены въ одной, особи. Эти придатки утратили всякое значеніе, кромѣ... вреднаго! Они являются главнѣйшимъ мѣстомъ развитія водянки, различныхъ новообразованій и опухолей, опасныхъ для здоровья и жизни человѣка.

Наряду съ такими рудиментарными органами, унаслѣдованными отъ предковъ, у женщины существуетъ органъ, который является совершенно новымъ приобрѣтеніемъ человѣческаго рода и не находитъ себѣ аналогичнаго во всемъ животномъ царствѣ,—это органъ, свидѣтельствующій о дѣвственности. Органъ этотъ отсутствуетъ даже у человѣкообразныхъ обезьянъ и, несомнѣнно, является однимъ изъ самыхъ недавнихъ образованій у человѣка, при чемъ настоящее назначеніе его и причина появленія для насъ совершенно неясны.

Проф. Мечниковъ высказываетъ предположеніе, что, быть можетъ, причиной возникновенія его являлись гораздо болѣе ранніе, чѣмъ теперь, браки въ отдаленныя времена, у первобытныхъ людей,—браки, заключавшіеся при совершенно неполномъ развитіи обоихъ индивидуумовъ. Возможно, что органъ дѣвственности

тогда служилъ для повышенія полового чувства, и дѣлостность его не нарушалась до родовъ. Подтвержденіемъ такой гипотезы могутъ служить многочисленныя факты, извѣстные относительно дикихъ племенъ,—у многихъ изъ нихъ, напр. у обитателей Цейлона, у племени веда, у мадагаскарцевъ и обитателей Новой-Гвинеи, бракъ заключается въ возрастѣ 10—15 и даже 7—10 лѣтъ, т. е. задолго до наступленія полной зрѣлости.

Каково бы ни было происхожденіе даннаго органа, но въ настоящее время онъ является, безусловно, бесполезнымъ и даже нерѣдко вреднымъ. Отсутствие его нисколько не отражается на состояніи организма, и убѣжденіе въ этомъ настолько вошло въ сознаніе многихъ народностей (напр., китайцевъ, индійцевъ Бразиліи и камчадаловъ), что у нихъ дѣвственность не только не пѣнится, но регулярно нарушается искусственнымъ путемъ у дѣвушекъ въ молодомъ возрастѣ.

Присутствіе даннаго органа далеко не безразлично для организма: его чрезмѣрное развитіе ведетъ иногда къ самымъ фатальнымъ послѣдствіямъ, да и при нормальныхъ условіяхъ обусловливаетъ въ извѣстные періоды застаиваніе крови и загниваніе ея. Возможно, что во многихъ случаяхъ этотъ органъ является причиной развитія блѣдной немочи и другихъ страданій.

Другое явленіе въ области процессовъ размноженія у человѣка также поражаетъ своею ненормальностью—это извѣстныя періодическія потери крови у женщины. У млекопитающихъ наблюдается нѣчто подобное передъ наступленіемъ періода размноженія, но количество теряемой крови у нихъ минимально и главнымъ образомъ замѣчается истеченіе слизи. Въ то же время женщина совершенно непроизводительно теряетъ ежемѣсячно отъ 100 до 600 граммъ крови,—жидкости драгоцѣннѣйшей для человѣка.

Чѣмъ обусловливается появленіе у человѣка этого явленія, мы достовѣрно не знаемъ. Проф. Мечниковъ дѣлаетъ довольно вѣроятное предположеніе, что у первобытнаго человѣка оно совсѣмъ отсутствовало: вступленіе въ бракъ тогда происходило задолго до наступленія зрѣлости, какъ это наблюдается и теперь у многихъ первобытныхъ племенъ, напр., у племени веда, у сирійцевъ, у племени атье на о. Суматрѣ и у многихъ другихъ. Затѣмъ у женщины непрерывно чередовались періоды беременности и кормленія, вплоть до наступленія увяданія. Явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, могло встрѣчаться лишь въ видѣ исключенія.

Выйдя, однако, изъ первобытнаго состоянія, человѣкъ въ силу экономическихъ причинъ долженъ былъ сократить свою плодovitость и отдалить время вступленія въ бракъ. Съ прогрессомъ цивилизаціи возрастъ, въ которомъ вступаютъ въ бракъ, дѣлался все болѣе и болѣе позднимъ, и въ настоящее время, по Вап-

пеусу, у европейцевъ мужчины женятся въ среднемъ: англичане—25,94 лѣтъ, французы—28,41 лѣтъ, бельгійцы: 29,94 лѣтъ, женщины же выходятъ замужъ: англичанки—24,69 лѣтъ, французенки—25,32 лѣтъ, бельгійки—28,19 лѣтъ. Между тѣмъ возрастъ достиженія зрѣлости приходится въ среднемъ на періодъ между 12 и 14 годами.

Такое нарушеніе нормальныхъ условій, по всей вѣроятности, и повлекло за собой возникновеніе и сильное развитіе вышеуказаннаго явленія. Какъ извѣстно, явленіе это часто, даже въ большинствѣ случаевъ, сопровождается головными и нервными болями, общимъ недомоганіемъ и по всѣмъ даннымъ производитъ впечатлѣніе ненормальнаго, патологическаго процесса.

И такой то процессъ, очевидно, не имѣющій никакого полезнаго значенія, напротивъ, ослабляющій организмъ, свойственъ только человѣку!

Дисгармоничность природы человѣка сказывается далѣе въ крайней несогласованности различныхъ стадій развитія полового чувства. Тогда какъ у животныхъ влеченіе между полами проявляется съ наступленіемъ зрѣлости и непосредственно можетъ быть удовлетворено, у человѣка половое чувство очень нерѣдко развивается еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Гуршманъ и Фюрбрингеръ констатировали существованіе полового чувства уже у дѣтей 5—6 лѣтъ; это же утверждалъ Рамдоръ еще въ XVIII вѣкѣ, Извѣстно, что Данте въ возрастѣ 9 лѣтъ влюбился въ Беатрису. Канова, какъ говорятъ, былъ влюбленъ уже 5 лѣтъ, а лордъ Байронъ—7 лѣтъ.

Такая несогласованность времени появленія половой чувствительности съ наступленіемъ настоящей зрѣлости ведетъ къ возникновенію аномалій и заблужденій инстинкта, которыя называютъ обыкновенно „противными природѣ человѣка“. Въ дѣйствительности, однако, они не противны природѣ—природа сама въ нихъ повинна, такъ какъ обуславливаетъ появленіе ихъ своей дисгармоничностью.

„Возможность существованія явленій, столь противныхъ природѣ,—говоритъ Шопенгауеръ,—и столь несоотвѣтствующихъ ея конечной цѣли—размноженію организмовъ,—представляетъ изъ себя такой удивительный парадоксъ, что уяснить его—задача необычайной трудности“. Если смотрѣть на эти явленія съ точки зрѣнія дисгармоничности развитія и дѣятельности аппарата, служащаго для размноженія, то смыслъ такихъ заблужденій инстинкта для насъ значительно уясняется.

Дисгармоничность природы человѣка въ данной области причиняетъ намъ столько золъ съ самаго рожденія и до старости, что почти во всѣхъ религіяхъ установился взглядъ на половую дѣятельность, какъ на нѣчто нечистое, и почти всѣ онѣ признаютъ воздержаніе за средство къ совершенствованію и спасенію.

V.

Инстинктомъ, чрезвычайно важнымъ для сохраненія вида, является инстинктъ семейный или инстинктъ заботливости и любви къ своему потомству. У животныхъ встрѣчаются уклоненія половой дѣятельности, „противныя природѣ“, — никогда, однако, не наблюдается заблужденій семейнаго инстинкта, ведущихъ къ уничтоженію потомства въ самомъ корнѣ. Эта дисгармонія составляетъ опять-таки печальную привилегію человѣческаго рода.

Помимо различныхъ способовъ предотвращенія самой возможности беременности, широко распространенныхъ въ цивилизованныхъ странахъ, еще болѣе широкимъ распространеніемъ пользуется искусственное прекращеніе беременности. У большинства первобытныхъ народностей оно практикуется совершенно открыто и не преслѣдуется закономъ и обычаемъ,—такъ дѣло обстоитъ, напр., въ Индіи и даже въ Турціи, такъ какъ турки считаютъ, что до 5 мѣсяцевъ утробный младенецъ не является живымъ существомъ.

Дѣтоубійство также практикуется въ широкихъ размѣрахъ, но въ этомъ отношеніи человѣкъ не составляетъ исключенія въ животномъ царствѣ—очень многія млекопитающія пожираютъ свое потомство. Древніе греки и римляне не считали ребенка, появляющагося на свѣтъ, существомъ, пользующимся непремѣннымъ правомъ жизни; древніе германцы бросали дѣтей; арабы до принятія магометанства зарывали лишнихъ, по ихъ расчетамъ, новорожденныхъ дѣвочекъ живыми въ землю; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Китая и по настоящее время около $\frac{2}{3}$ рождающихся дѣвочекъ умерщвляется матерями.

Благодаря искусственному уменьшенію дѣторожденія и широкому примѣненію дѣтоубійства, безъ сомнѣнія, исчезла съ лица земли не одна народность,—основой же этого явленія въ данномъ случаѣ является ослабленіе у человѣка семейнаго инстинкта, которое, хотя и не угрожаетъ еще гибелью всему человѣческому роду, но все же никоимъ образомъ не можетъ быть причислено къ условіямъ, благоприятнымъ для развитія человѣчества.

Большое значеніе имѣетъ также для человѣка инстинктъ общности. Развитіемъ его человѣкъ значительно превосходитъ вышихъ млекопитающихъ, у которыхъ общественная жизнь еще очень примитивна. При попыткахъ обосновать мораль на рациональной почвѣ постоянно выдвигали на первый планъ инстинктивную потребность человѣка въ обществѣ себѣ подобныхъ и выводили правила поведенія его по отношенію къ ближнимъ изъ врожденнаго чувства симпатіи, существующаго будто бы у человѣка къ этимъ послѣднимъ.

Проф. Мечниковъ не раздѣляетъ, однако, мнѣнія Бюхнера, Геккеля и др., что на этомъ инстинктѣ можно основать всю теорію нравственности. Дѣло не въ томъ, чтобы обладать инстинктивной симпатіей къ ближнимъ, и даже не въ томъ, чтобы проявлять ее,—важно, къ кому въ какой степени она примѣняется.

Должно ли проявлять наши общественныя симпатіи лишь по отношенію къ нашимъ родственникамъ, или же ко всѣмъ нашимъ согражданамъ, къ людямъ одинаковой съ нами вѣры или къ людямъ одинаковой съ нами расы, или, наконецъ, ко всему человечеству?

Этого вопроса не рѣшаетъ инстинктивное чувство, а въ немъ-то и лежитъ центръ тяжести, какъ это доказываютъ тѣ разнообразнѣйшія рѣшенія его, которыя примѣнялись въ различныхъ времена. Прежде людей связывала главнымъ образомъ вѣра, теперь—общность политическихъ, а иногда и чисто-экономическихъ интересовъ.

На практикѣ вопросы такого рода встрѣчаютъ часто безчисленное множество препятствій,—объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., негритянской вопросъ въ С.-Америкѣ.

По мнѣнію проф. Мечникова, необходимо прежде всего опредѣлить: какую цѣль долженъ преслѣдовать социальный инстинктъ человѣка? Если цѣль эта—сдѣлать по возможности всѣхъ людей счастливыми, то должно условиться сперва, что такое счастье. Должно ли называть счастьемъ ощущеніе удовольствія и удовлетворенія, испытываемое самимъ субъектомъ, или же счастье опредѣляется убѣжденіемъ другихъ людей въ томъ, что данный субъектъ счастливъ? Вопросъ самъ по себѣ далеко не такъ простъ и легокъ, какъ кажется на первый взглядъ.

Извѣстно, что мнѣніе другихъ о счастья кого либо очень часто совершенно не совпадаетъ съ его собственнымъ мнѣніемъ, но, съ другой стороны, и самъ человѣкъ нерѣдко совершенно неправильно оцѣниваетъ свое состояніе. Какъ это ни странно, но ощущеніе счастья и довольства собою можетъ быть иногда просто симптомомъ прогрессивнаго паралича: паралитикъ чувствуетъ себя особенно сильнымъ, здоровымъ, хвастается, что можетъ поднять страшную тяжесть, совершить невѣроятныя подвиги,—но все это оказывается лишь преддверіемъ овладѣвшей имъ страшной болѣзни...

„Общественный инстинктъ, говоритъ проф. Мечниковъ, совершенно не въ состояніи рѣшить вопроса о справедливости,—вопроса, стоящаго въ тѣсной зависимости отъ общей проблемы цѣли существованія человѣка. Несомнѣнно лишь, что при современномъ состояніи нашихъ знаній неизбежно приходится совершать и, въ особенности, испытывать на себѣ множество несправедливостей. Это зло является еще однимъ изъ слѣдствій существенной дисгармоніи человѣческой природы“.

VI.

Если у человека слабо развит общественный инстинктъ, то это можетъ отчасти объясняться тѣмъ, что данный инстинктъ приобрѣтенъ недавно, не успѣлъ еще установиться и укрѣниться. Съ этой точки зрѣнія должно было бы ожидать полного и гармоничнаго развитія у человека инстинкта самосохраненія и любви къ жизни,—онъ проявляется въ животномъ царствѣ уже на всѣхъ, даже самыхъ низшихъ, ступеняхъ, при томъ сказывается и въ приобретении самыхъ разнообразныхъ защитительныхъ органовъ, и въ возникновеніи различныхъ врожденныхъ привычекъ, ведущихъ животное къ вѣрнѣйшему сохраненію жизни и къ наилучшей борьбѣ противъ смерти.

Нѣкоторыя животныя проявляютъ инстинктивный страхъ передъ смертью, но не подлежитъ сомнѣнію, что чувство это у нихъ очень смутное и неопредѣленное, сознание неизбежности смерти для всего живого у нихъ, безусловно, отсутствуетъ, — это сознание всецѣло приобретѣніе рода человѣческаго.

У человека инстинктъ сохраненія жизни и боязнь смерти развиты разное въ различные періоды жизни. Въ молодости привязанность къ жизни мало развита,—молодость нерѣдко рискуетъ своей жизнью изъ-за пустяковъ и безразсудно растрчиваетъ свои силы и здоровье. Въ то же время молодость является чрезвычайно требовательной къ жизни и, подводя итоги получаемымъ пріятнымъ и непріятнымъ впечатлѣніямъ, при перевѣсѣ послѣднихъ—легко впадаетъ въ пессимизмъ и разочарованность. Шопенгауеръ опубликовалъ свою теорію пессимизма въ возрастѣ всего лишь 31 года, а его продолжатель Гартманнъ проповѣдывалъ уже въ 26 лѣтъ, что жизнь наша — зло, отъ котораго слѣдуетъ возможно скорѣе освободиться.

Съ возрастомъ жизнь становится человеку дороже и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оптимизмъ, какъ это ни странно, наблюдается особенно часто въ старости. „Мы тѣмъ больше заботимся о нашей жизни, говоритъ Ж.-Ж. Руссо, чѣмъ болѣе она утрачиваетъ свою дѣйствительную цѣнность.“

Выраженіемъ нашей привязанности къ жизни является страхъ смерти, свойственный рѣшительно всѣмъ людямъ. Руссо справедливо замѣчаетъ, что каждый, кто увѣряетъ, что не боится смерти, лжетъ. „Это великій законъ всѣхъ чувствующихъ существъ, безъ котораго они бы погибли“. Если случается встрѣчать людей, которые искренне увѣряютъ, что не боятся смерти, то на провѣрку часто выходитъ, что это отсутствіе страха смерти—не болѣе, какъ результатъ болѣзни.

Страхъ смерти порождаетъ и религіозныя, и философскія те-

ченія и глубоко вліяетъ на всѣ мыслящія умы. Мечниковъ приводитъ поэтическую индійскую легенду о томъ, какъ молодой принцъ Сакіа-Муни (Будда) впервые познакомился со смертію и какъ глубоко онъ былъ потрясенъ при видѣ трупa. Мысли о бренности и суетности всего земного, овладѣвшія имъ при этомъ, легли въ основу буддійской религіи.

Тотъ же страхъ смерти породилъ современный пессимизмъ. Шопенгауеръ, отецъ этого ученія, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ былъ занятъ вопросомъ о смерти; боязнь смерти была едва ли не господствующей идеей его, и въ „Мірѣ, какъ воля и представленіе“ онъ открыто заявляетъ, что „самое большое несчастье, какое можетъ случиться,—это смерть, и самое сильнѣйшее чувство страха—это страхъ смерти“. Невозможность избѣжать смерти и вызвала у него идеи, положенныя въ основу пессимистической философіи.

Вопросъ о страхѣ смерти занималъ также и многихъ писателей. Додэ называетъ его „отравой жизни“ и говоритъ, что всегда, когда ему приходилось переѣзжать въ новое помѣщеніе, ему представлялся тамъ его гробъ и погребальная обстановка. Зола признается, что со времени смерти матери, какъ его самого, такъ и его жену неотступно преслѣдовалъ страхъ смерти — „мысль о смерти у насъ постоянно въ глубинѣ души... И часто ночью, смотря на жену, которая тоже не спитъ, я чувствую, что она думаетъ о томъ же самомъ, какъ и я, и, не подавая другъ другу вида о томъ, что догадываемся, мы молчимъ оба, изъ... стыда,— да, изъ извѣстнаго стыда... О, это ужасно—эта мысль!.. Въ глазахъ жены я читаю ужасъ... Бываетъ, ночью я вскакиваю съ постели и стою минуту—другую, объятый невыразимымъ страхомъ“...

У графа Льва Толстого многія страницы его произведеній посвящены страху смерти. Въ теченіе его творческой дѣятельности мнѣнія его относительно этого вопроса неоднократно мѣнялись, но въ концѣ-концовъ онъ приходитъ къ выводу, что человекъ боится смерти въ силу неправильнаго представленія о ней — смерть кажется ему какой-то пустотой, такъ какъ онъ не видитъ въ ней жизни. Между тѣмъ, бояться смерти не слѣдуетъ—она одно изъ такихъ измѣненій, какія человекъ претерпѣваетъ неоднократно въ теченіе жизни. Толстой считаетъ боязнь смерти суетвѣріемъ, которое исчезнетъ, когда люди поймутъ истинный смыслъ жизни.

Проф. Мечниковъ смотритъ на дѣло иначе; по его мнѣнію, страхъ смерти—чувство совершенно инстинктивное, независащее отъ сознанія. Таково же и убѣжденіе Шопенгауера — „съ точки зрѣнія нашего сознанія, говоритъ онъ, нѣтъ основанія бояться смерти. Умъ нашъ, руководимый знаніемъ, не можетъ признать смерть зломъ. Такимъ образомъ страхъ смерти исходитъ не отъ сознательной части нашего „я“, но исключительно отъ слѣпой

воли — она пораждает *fuga mortis*, которой исполнены всё живые существа“.

Инстинктъ страха смерти имѣетъ одну особенность—онъ увеличивается съ возрастомъ и развивается чрезвычайно сильно подѣ старость. Не смотря на то, что въ старости жизнь становится тяжелой и непривлекательной, что старые люди признаются своими окружающими ненужными и въ нѣкоторыхъ странахъ (напр., на многихъ островахъ Полинезiи) даже умерщвляются ими, человѣкъ все же никогда не хочетъ такъ сильно жить, какъ на склонѣ лѣтъ. Въ этомъ Мечникову приходилось постоянно убѣждаться при посѣщенiи богадѣленъ и больницъ. Если случаются самоубійства стариковъ, то развѣ подѣ особымъ давленiемъ экономической нужды и безвыходности положенiя.

Въ этомъ сохраненiи инстинкта жизни до глубокой старости проф. Мечниковъ видитъ такую же дисгармонiю въ природѣ человѣка, какъ и въ сохраненiи инстинкта размноженiя до такого возраста, когда онъ ужъ не можетъ быть удовлетворенъ. Инстинктъ жизни и страхъ смерти въ преклонныхъ лѣтахъ становится совершенно непонятнымъ и не лишенымъ глубокаго трагизма явленiемъ для человѣка.

Человѣчество съ давнихъ поръ пыталось найти ключъ къ этому явленiю, и какъ религiя, такъ и философiя въ значительной степени обязаны своимъ развитiемъ этимъ поискамъ пытливаго ума человѣческаго. „Смерть, утверждаетъ Шопенгауеръ, является истиннымъ вдохновителемъ философiи... Едва ли при отсутствiи смерти существовала бы и философiя“...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и въ организаци и инстинктахъ человѣка скрывается много несовершенствъ и дисгармонiй, которыя являются для насъ источникомъ цѣлага ряда золъ. Человѣческая природа, какъ она ни кажется совершенной, въ дѣйствительности значительно хуже приспособлена къ условiямъ жизни, чѣмъ, напр., организаци цвѣтка орхидныхъ,—въ гораздо большемъ числѣ случаевъ человѣка можно сравнить съ тѣми насекомыми, которыя летятъ на свѣтъ, влекомыя слѣпымъ инстинктомъ, и гибнуть, обжигая свои крылья.

VII.

Во всё времена, начиная съ самыхъ отдаленныхъ, человѣчество чувствовало дисгармонiю своей природы, хотя и не сознавало ея ясно; оно пыталось найти средство противъ этого великаго зла въ религiи и философiи. Желанiе жить, сохранять свое здоровье, удовлетворять своимъ инстинктамъ и согласовать ихъ съ окружающими заставляло человѣка съ самыхъ первыхъ шаговъ его сознательной жизни бороться при помощи разума съ несовершенствами своей природы.

Недостатки инстинкта питанія—неумѣніе инстинктивно различать полезную пищу отъ вредной—заставили его внимательно относиться къ вопросу о выборѣ пищи и выработать самыя основныя правила первобытной гигиены питанія. Недостатки инстинкта размноженія повели къ урегулированію и этого сильнаго инстинкта. Инстинктъ сохраненія жизни и боязнь смерти были причиною появленія религиозныхъ и философскихъ идей.

Съ самаго начала своей сознательной жизни человѣкъ могъ судить о неизвѣстномъ лишь по аналогіи съ тѣмъ, что ему было наилучше извѣстно,—именно, съ самимъ собою. Онъ приписывалъ всѣмъ окружающимъ неодушевленнымъ предметамъ свои человѣческія свойства, приписывалъ жизнь. Изъ этого воззрѣнія, получившаго названіе „анимизма“, возникло и представленіе о загробной жизни. Когда первобытный человѣкъ видѣлъ трупъ другого себя подобнаго, онъ и его надѣлялъ жизнью и думалъ, что и этотъ трупъ живетъ, но лишь особою жизнью, хотя и аналогичною его собственной. Отсюда возникъ обычай снабжать трупъ предметами, необходимыми въ домашнемъ обиходѣ, запасомъ пищи, вставлять ему въ ротъ сигару (какъ это дѣлаютъ американскіе индійцы), погребать покойниковъ вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ, убивать на могилѣ ихъ рабовъ, любимаго боевого коня... Какъ живучи подобныя представленія, показываетъ примѣръ, приводимый Тайлоромъ: еще въ 1781 году при погребеніи генерала Фридриха-Казимира въ Тревѣ (Trèves) его конь былъ умерщвленъ на могилѣ и похороненъ вмѣстѣ съ покойнымъ.

Увѣренность въ существованіи иной жизни послѣ смерти широко распространена на земномъ шарѣ и почти нѣтъ ни одной народности, у которой она бы не проявлялась въ той или другой формѣ, связанная съ самыми различными религиозными представленіями. Нерѣдко эта увѣренность у дикихъ племенъ настолько велика, что люди умираютъ безъ малѣйшаго колебанія или сомнѣнія въ томъ, что ихъ ожидаетъ впереди такая же точно жизнь, какъ и на землѣ или даже лучшая. У туземцевъ острововъ Фиджи стариковъ-родителей, становящихся въ тягость семьѣ, убиваютъ или даже просто хоронятъ за-живо съ ихъ собственнаго согласія; при этой церемоніи умерщвленный сохраняетъ полное спокойствіе, въ увѣренности, что онъ скоро оживетъ.

При болѣе высокомъ интеллектуальномъ развитіи, однако, увѣренность въ загробной жизни не можетъ заглушить страха смерти,—вотъ почему съ отдаленнѣйшихъ временъ человѣчество ищетъ еще какого-либо утѣшенія въ неизбежности смерти.

Будда, ученіе котораго носитъ явственный пессимистическій отпечатокъ, находитъ такое утѣшеніе въ отреченіи отъ всѣхъ благъ жизни. „Вотъ въ чемъ, монахи, — говоритъ онъ въ своей знаменитой Бенаресской проповѣди,—святая истина происхожде-

нія страданія,—въ немъ виновата жажда жизни, сопровождаемая удовольствіемъ и неутолимымъ стремленіемъ къ наслажденіямъ,—жажда удовольствія, жажда жизни, жажда власти... И вотъ въ чемъ, монахи, истинное освобожденіе отъ страданія, — оно въ подавленіи этой жажды полнымъ отреченіемъ отъ удовольствія, полнымъ изгнаніемъ и уничтоженіемъ его“...

Однако, и эта идея отреченія отъ всѣхъ земныхъ благъ не могла дать утѣшенія человѣчеству. Даже въ самомъ буддійскомъ вѣроученіи она отошла вскорѣ на задній планъ и замѣнилась проповѣдью будущей жизни...

Помимо основной своей цѣли давать утѣшеніе человѣчеству, томимому страхомъ смерти, почти всѣ религіи содѣйствовали и урегулированію другихъ дисгармоній его природы: онѣ вырабатывали правила и предписанія, какъ относительно основной гигиены питанія, такъ и гигиены размноженія. Всѣмъ извѣстно, какія подробныя указанія относительно питанія и даже приготовленія пищи даются въ законѣ Моисея. Точно также почти всѣ основатели религій проповѣдуютъ половое воздержаніе. У мало культурныхъ народовъ религіозные обряды нерѣдко соединяются и съ лѣченіемъ болѣзней, признаваемыхъ порожденіемъ темныхъ силъ.

Съ развитіемъ культуры гигиена питанія и размноженія, равно какъ и лѣченіе болѣзней поступили въ вѣдѣніе науки и въ области религіи осталась лишь проблема смерти.

Рѣшеніе этой проблемы, предлагаемое религіозными вѣроученіями, не давало полного удовлетворенія человѣчеству, и наравнѣ съ религіей и философія пыталась рѣшить мировую загадку о жизни и смерти.

Ученіе философовъ древности близко примыкало къ религіознымъ воззрѣніямъ,—Сократъ и Платонъ признавали безсмертіе человѣческой души и загробную жизнь. Аристотель, хотя и былъ проникнутъ нѣсколько большимъ скептицизмомъ, думалъ все же, что часть души—дѣйствующій разумъ—безсмертенъ. Позднѣе стоики, затѣмъ Цицеронъ и Сенека высказываютъ сходныя воззрѣнія.

По мѣрѣ того, однако, какъ въ философіи начинается брать перевѣсъ скептицизмъ, идея безсмертія уступаетъ мѣсто смутнымъ пантеистическимъ идеямъ, и Марка Аврелія, напр., уже не утѣшаетъ увѣренность въ жизни за гробомъ. Онъ рекомендуетъ человѣку жить согласно съ природой и смириться предъ необходимостью смерти, такъ какъ и она—явленіе согласное съ природой...

Въ теченіе новаго періода въ исторіи философіи идеалистическія воззрѣнія Спинозы и Канта смѣнились вскорѣ скептическимъ пессимизмомъ и нѣкотораго рода агностицизмомъ, и въ области проблемы смерти господствовали идеи близкія къ воз-

зрѣніямъ Марка Аврелія,—смерть признавалась неизбежной и согласной съ природой, почему ей слѣдуетъ подчиняться безо всякаго протеста.

Въ теченіе истекшаго столѣтія сильное развитіе въ философіи получило пессимистическое направленіе, корнемъ котораго является также страхъ передъ неизбежною смертью.

Увидѣвъ впервые свѣтъ въ далекой Индіи, въ ученіи Будды Саккіа-Муни, пессимизмъ проявился въ Европѣ первоначально въ поэтическихъ произведеніяхъ, затѣмъ былъ облеченъ въ форму философскаго ученія Шопенгауеромъ.

Основы этого ученія—признаніе существованія на землѣ человека ошибкой и зломъ—общеизвѣстны, и мы не будемъ на нихъ останавливаться. По отношенію къ вопросу о смерти Шопенгауеръ, Гартманъ и другіе послѣдователи пессимистическаго ученія высказываются различно. Признавая жизнь сплошнымъ зломъ и несчастьемъ, Шопенгауеръ считаетъ смерть желаннымъ избавленіемъ и признаетъ цѣлью человѣческой жизни „отрицаніе стремленія жить“,—однако, онъ не считаетъ цѣлесообразнымъ самоубійство и рекомендуетъ лишь „уничтожить желаніе жизни“ путемъ воздержанія отъ воспроизведенія себѣ подобныхъ.

Гартманъ также отрицаетъ счастье на землѣ и за гробомъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ далекомъ будущемъ, но не видитъ для человѣчества никакого исхода и призываетъ его къ смиренію передъ неизбежностью.

Наиболѣе послѣдователенъ, но и болѣе ужасенъ въ своихъ выводахъ Майлендеръ, который принимаетъ идеи Шопенгауера о несовершенствѣ и злѣ жизни, но выводитъ изъ его „стремленія къ жизни“—„стремленіе къ смерти“ и проповѣдуетъ самоуничтоженіе, самоубійство. Онъ и на дѣлѣ послѣдовалъ своему ученію и окончилъ жизнь самоубійствомъ, 35-ти лѣтъ отъ роду.

Въ заслугу пессимистическому ученію проф. Мечниковъ ставитъ, что оно впервые открыто высказало цѣлый обвинительный актъ противъ природы человека, считавшейся ранѣе идеально-совершенной. „Если считать, что физическая боль полезна, какъ моментъ, предостерегающій объ опасности,—говоритъ онъ,—то въ такой же степени должно признать шагомъ впередъ въ эволюціи человѣчества и пессимистическое ученіе. Безъ него мы легко могли бы впасть въ самодовольный фатализмъ и не вышли бы изъ состоянія квіетизма“...

Пессимизмъ, однако, все же не могъ удовлетворить мыслящее человѣчество и не является послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости. Цѣлый рядъ другихъ воззрѣній высказывался писателями и философами (Ренанъ, Гюйо, Мейеръ-Бенфи), но эти взгляды въ основѣ покоятся на пантеистической подкладкѣ и имѣютъ скорѣе поэтическій, чѣмъ философскій характеръ.

„Пробѣгая философскія системы,—заключаетъ проф. Мечни-

ковъ,—затратившія столь много силъ на выясненіе проблемы смерти человѣка, мы приходимъ къ выводу, что всё онѣ, или почти всё, отрицаютъ безсмертіе души и жизнь за гробомъ. Однако, большинство ихъ въ то же время допускаетъ существованіе нѣкотораго общаго, неспредѣляемаго точнѣе принципа, вѣчнаго и поглощающаго въ себѣ души индивидовъ. Чувствуя, что идеи эти слишкомъ расплывчаты и неясны, чтобы служить утѣшеніемъ для человѣчества, страдающаго отъ страха передъ смертью и уничтоженіемъ, философы проповѣдуютъ возможно полное смиреніе предъ неизбежностью“...

VIII.

Великія задачи, мучившія человѣчество, пыталась рѣшить и положительная наука—отпрыскъ человѣческаго разума наиболѣе молодой, расцвѣтшій лишь послѣ возникновенія и развитія научнаго скептизма. Первымъ, проложившимъ дорогу положительному знанію былъ Фрэнсисъ Бэконъ, который установилъ основы позитивнаго научнаго метода.

Главныя бѣды, составляющія несчастье рода человѣческаго, указалъ въ глубокой древности Будда: „Вотъ въ чемъ святая истина относительно страданій,—говоритъ онъ въ Бенаресской проповѣди,—рожденіе—страданіе, старость—страданье, болѣзнь—страданье, смерть—страданье“... Наука въ своемъ медленномъ прогрессивномъ движеніи рѣшилась серьезно приступить до сихъ поръ лишь къ рѣшенію наиболѣе легкой задачи, поставленной человѣчествомъ, именно къ выясненію и устраненію болѣзней.

Лѣченіе болѣзней въ древности находилось въ рукахъ жрецовъ и составляло всецѣло область религіи,—болѣзни считались порожденіемъ злыхъ духовъ, съ которыми борются слѣдовало жертвоприношеніями и молитвами. Такъ дѣло и по настоящее время обстоитъ у дикихъ племенъ: если у туземца о. Суматры неукротимое кровотеченіе — окружающіе утверждаютъ, что это дѣло злого демона, который сосетъ рану и не даетъ ей заживать; у нѣсцевъ кровотеченіе изъ носу у дѣтей считается ниспосланнымъ свыше наказаніемъ за то, что отецъ убилъ свинью во время беременности матери и т. д. Въ рѣдкихъ случаяхъ религіозныя предписанія медицинскаго характера имѣютъ какую-либо рациональную подкладку, основанную на правильномъ случайномъ наблюденіи, и никоимъ образомъ заслуги такой грубо-эмпирической народной медицины нельзя сравнить съ заслугами медицины рациональной, научной.

Послѣдняя поздно выступила на арену во всеоружіи, но сдѣлала за это короткое время столько, что въ правѣ гордиться успѣхами. Еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія Шопен-

гауеръ и Гартманнъ обвиняли науку въ безсиліи освободить человечество отъ такихъ страшныхъ бичей, какъ холера и чума. Въ настоящее время они не могли бы ей бросить этого упрека,— благодаря удивительнымъ успѣхамъ экспериментальной науки, мы не только знаемъ уже хорошо, въ чемъ сущность этихъ ужасныхъ болѣзней, но и умѣемъ успѣшно бороться съ ними.

Гартманнъ высказалъ мысль, что болѣзни увеличиваются въ численности на земномъ шарѣ, но это предположеніе едва-ли основательно. Напротивъ, можно съ увѣренностью сказать, что, вслѣдствіе успѣховъ и популяризаціи гигіены, онѣ сокращаются въ числѣ и, вслѣдствіе усовершенствованія способовъ лѣченія, становятся менѣе опасными и уносятъ меньше жертвъ.

Благодаря открытіямъ Листера, Пастера и примѣненію анестезирующихъ средствъ, хирургія сдѣлала колоссальные успѣхи. Нагляднѣе всего они становятся при сопоставленіи слѣдующихъ цифръ. Изъ числа раненыхъ въ англійскомъ отрядѣ въ крымскую кампанію умерло отъ ранъ 15,21%; во французскихъ войскахъ въ Италіи (1859 - 60) погибло даже 17,36%; въ 1870 - 71 гг., когда только что начали примѣняться антисептическія средства, въ германскихъ войскахъ убыль людей спустилась уже до 11,07%, тогда какъ въ испано-американскую войну (1898) она упала до 6,64%!

То же знакомство науки съ истинной причиной заразныхъ болѣзней понизило чрезвычайно сильно процентъ смертности при родахъ отъ зараженія крови, почти совсѣмъ устранило слѣпоту новорожденныхъ, обусловливающуюся зараженіемъ бленно-рейннымъ ядомъ матери, позволило хирургамъ производить съ увѣренностью такія операціи, о которыхъ они ранѣе не смѣли и думать.

Открытіе борьбы съ заразными болѣзнями путемъ прививокъ, сдѣланное Пастеромъ и его учениками, явилось также однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ подарковъ человечеству. Благодаря примѣненію этого метода, спасается ежегодно не одна тысяча жизней. Достаточно сказать, что антидифтеритная сыворотка Беринга понизила смертность отъ дифтерита съ 50—60% до 12—14%!

Если и существуютъ еще болѣзни, которыя не поддаются лѣченію новыми рациональными методами,—вродѣ самаго страшнаго врага человечества—чахотки и едва ли не еще болѣе ужаснаго—рака, то и по отношенію къ нимъ мы не имѣемъ основанія отчаяваться въ успѣхѣ. Отъ чахотки мы знаемъ уже какъ себя предохранять, что же касается до раковыхъ опухолей, то хотя мы и не знакомы еще въ точности съ причинами ихъ образованія, но имѣемъ все же довольно убѣдительныя доказательства тому, что и эти болѣзненные образованія зависятъ отъ паразитарныхъ микроорганизмовъ, — слѣдовательно, есть надежда, что со временемъ научѣ удастся справиться и съ ними.

Успѣхи экспериментальной науки въ области медицины настолько очевидны и неоспоримы, что отрицать ихъ не могутъ и противники ея. Они переносятъ, однако, вопросъ на другую почву. Дѣло не въ томъ, говорятъ они, чтобы вылѣчить человѣка отъ болѣзни или даже спасти его временно отъ смерти,— все равно ему приходится рано или поздно умереть. Дѣло въ томъ, чтобы сказать ему, каково его назначеніе на землѣ и почему ему придется стариться и умирать какъ разъ тогда, когда ему особенно хочется жить? Наука не можетъ отвѣтить на эти вопросы и въ этомъ ея безсиліе,—единственнымъ прибѣжищемъ человѣка въ этомъ случаѣ являются религія и философія, которыми наука вредитъ, подрывая скептицизмомъ основы первой и подкапываясь своею критикой подъ вторую. Такимъ путемъ наука не только не приноситъ пользы человѣчеству, но даже является вреднымъ факторомъ.

Къ такимъ возраженіямъ противъ науки сводились взгляды Ж.-Ж. Руссо въ концѣ XVIII вѣка, приблизительно такъ же резюмируются обвиненія, возводимыя на науку въ концѣ XIX вѣка графомъ Львомъ Толстымъ и извѣстнымъ французскимъ критикомъ Брюнетьеромъ.

Великій писатель земли русской ставитъ наукѣ въ вину, что она не можетъ рѣшить самыхъ крупныхъ и важныхъ вопросовъ, беспокоящихъ человѣчество: каково назначеніе человѣка и въ чемъ заключается счастье, къ которому долженъ стремиться человѣкъ?

По мнѣнію Толстого, всѣ теоретическія изслѣдованія о происхожденіи живыхъ существъ, строеніи тканей и т. д. не имѣютъ никакой цѣны для человѣчества и могутъ служить лишь для замаскированія незнанія ученыхъ. Нашу культуру, науки и искусства Толстой считаетъ лишь попытками обмануть моральныя потребности человѣка, гигиена же и медицина—являются попыткой обмануть естественныя физическія потребности человѣчества. Прогрессъ науки не улучшилъ, по его мнѣнію, до настоящаго времени, а лишь ухудшилъ положеніе большинства, т. е. рабочаго класса.

У мыслителей-материалистовъ (Бюхнеръ, Геккель) имѣются готовые отвѣты на всѣ запросы, предъявляемые къ наукѣ, но надо замѣтить, что хотя многие ученые склоняются къ крайней материалистической точкѣ зрѣнія, все-же и въ ученой средѣ она находитъ себѣ противниковъ.

Дю-Буа-Реймонъ, напр., высказывается за то, что цѣлый рядъ вопросовъ, и въ томъ числѣ всѣ наиболѣе важные для человѣчества, никогда не будутъ рѣшены, такъ какъ находятся за предѣлами человѣческаго познанія. Физиологъ Шарль Рише также полагаетъ, что хотя „каждый день приноситъ какую-нибудь новую побѣду знанія, все же не рѣшается конечная за-

дача—вопросъ о назначеніи человѣчества—загадка, которая, быть можетъ, никогда не будетъ рѣшена“.

Это безсиліе науки рѣшить наиболѣе важныя и сильнѣе всего мучащія человѣка вопросы—является причиной, почему отъ нея отворачиваются нѣкоторые выдающіеся умы и ищутъ утѣшенія въ религіи и метафизикѣ.

Вотъ почему „слѣдуетъ поставить вопросъ: не вредно ли для счастья человѣчества слишкомъ много знать?“—спрашиваетъ проф. Мечниковъ. „Быть можетъ, это стремленіе людей къ свѣту научной истины столь же вредно для рода человѣческаго, какъ стремленіе ночныхъ насѣкомыхъ къ огню, столь пагубное для нихъ?“

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, должно, однако, познакомиться еще съ двумя областями, которыя могутъ подлежать изученію науки.

IX.

Главнѣйшія бѣдствія, гнетущія человѣчества, были формулированы еще Буддою—это болѣзни, старость и смерть. Наука очень много занималась борьбою съ болѣзнями и, какъ мы видѣли, достигла въ этой области значительныхъ результатовъ,—она до настоящаго времени, однако, очень мало занималась изслѣдованіемъ причинъ и сущности старости и смерти. Первые серьезные шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы лишь въ самое послѣднее время.

Наружныя признаки старости извѣстны: человѣкъ слабѣетъ, тѣло его утрачиваетъ гибкость, сѣдѣютъ волосы, выпадаютъ зубы, организмъ утрачиваетъ способность противиться заболѣваніямъ и легко подпадаетъ болѣзни или же погибаетъ отъ старческаго истощенія, и такая смерть считается всѣми естественной и нормальной.

Въ животномъ царствѣ на низшихъ ступеняхъ не наблюдается настоящаго явленія старости. Инфузоріи при продолжительной культурѣ въ замкнутомъ сосудѣ хотя и вырождаются послѣ продолжительнаго и многократнаго безполага дѣленія, но вырожденіе это не можетъ быть поставлено въ полную параллель со старостью высшихъ животныхъ. Вырожденіе инфузорій предшествуетъ попарному сліянію или „конъюгаци“ ихъ, послѣ которой они снова могутъ дѣлиться долгое время непрерывно, тогда какъ настоящая старость представляетъ изъ себя стадію, въ теченіе которой силы ослабѣваютъ съ тѣмъ, чтобы никогда уже болѣе не возстановиться.

У безпозвоночныхъ и низшихъ позвоночныхъ старость проявляется мало замѣтно или вовсе не проявляется, всѣмъ извѣстно однако, что она сказывается у птицъ: попугай, напр., сѣдѣютъ,

слабѣютъ къ старости, утрачиваютъ гибкость членовъ и свою природную живость. Извѣстно также, что птицы пользуются большою долговѣчностью,—относительно гораздо большею, чѣмъ млекопитающія; вороны, гуси, лебеди, хищныя птицы нерѣдко живутъ по 50 лѣтъ, мелкія птицы, какъ канарейки, могутъ жить до 20 лѣтъ, а попугай доживаетъ до 80-лѣтняго возраста.

Домашнія животныя, равно какъ и дикія, напр., хотя бы челоѣкообразныя обезьяны, проявляютъ признаки старости совершенно подобныя челоѣческимъ: у нихъ наблюдается то же сѣдѣніе волосъ, выпаденіе зубовъ, слабость, неуѣренность въ движеніяхъ. Такимъ образомъ, не одинъ челоѣкъ обладаетъ печальною привилегіей стариться.

Въ чемъ же заключаются внутренніе признаки старости? Познакомиться съ ними для выясненія причинъ старѣнія организма столь же необходимо, какъ съ признаками болѣзни при изученіи послѣдней.

Всѣмъ извѣстно, что мясо старыхъ животныхъ жестко,—недаромъ его часто приравниваютъ къ подошвѣ. Въ сравненіи этомъ есть доля правды, такъ какъ подошва дѣлается изъ кожи животныхъ, т. е. изъ части организма, состоящей изъ такъ называемой „соединительной“ ткани. Последняя образуется массою прочныхъ волоконъ, перемѣшанною съ живыми соединительно-тканными клѣтками, вырабатывающими эти волокна. Такая же соединительная ткань развивается и въ старѣющемъ организмѣ, и она то и ведетъ къ тому, что органы становятся твердыми.

Развитіе соединительной ткани въ различныхъ органахъ, напр., въ мозгу, въ печени, въ почкахъ, въ артеріяхъ, носитъ названіе *склероза* и почти постоянно сопровождаетъ старость. Особенно часто наблюдается склерозъ артерій, благодаря которому стѣнки ихъ дѣлаются менѣе эластичными и болѣе хрупкими, артеріи начинаютъ плохо функціонировать. Явленіе это настолько постоянно сопровождаетъ старость, что еще Казались сказалъ— „возрастъ челоѣка опредѣляется его артеріями“.

Измѣненія въ старости претерпѣваютъ и части скелета: кости, раздѣленныя въ молодости, у стариковъ срастаются, даже позвонки иногда, вслѣдствіе окостенѣнія промежуточныхъ частей, сливаются между собой, большая часть хрящей окостенѣваетъ. Въ то же время, однако, многія кости дѣлаются болѣе легкими, такъ какъ изъ нихъ удаляется часть извести,—это обуславливаетъ ломкость костей, такъ часто наблюдающуюся у стариковъ, въ особенности хрупкость шейки бедра, поломъ которой влечетъ за собой смерть,—такимъ путемъ погибъ недавно Рудольфъ Вирховъ.

Проф. Мечниковъ самъ изслѣдовалъ вопросъ объ измѣненіяхъ тканей челоѣка въ старости и пришелъ къ выводу, что всѣ эти измѣненія сводятся, главнымъ образомъ, къ „атрофіи элементовъ благородныхъ и имѣющихъ какое либо специальное зна-

ченіе въ ткани и къ развитію за счетъ ихъ гипертрофированной (сильно разросшейся) соединительной ткани“. Въ головномъ мозгу въ старости атрофіи подвергаются кѣтки наиболѣе важныя для дѣятельности центральной нервной системы—онѣ исчезаютъ, а ихъ мѣсто заполняется разросшимися соединительно-тканными элементами такъ называемой „невроглии“, играющей при нормальныхъ условіяхъ роль чисто механическую. Въ печени—атрофируются элементы печеночной ткани, выполняющіе важную роль въ дѣлѣ питанія организма, въ почкахъ—исчезаютъ канальцы, служащіе для выдѣленія мочи, въ яичникахъ—развивающіеся яички. Такимъ образомъ, въ старости элементы активныя, служащіе для важнѣйшихъ функцій организма,—для нервной и умственной дѣятельности, для питанія, выдѣленія, размноженія, замѣняются кѣтками пассивными, не способными ни къ одной такой функціи.

Въ старѣющемъ организмѣ происходитъ даже своего рода борьба между различными кѣточными элементами,—борьба, въ которой главными дѣтелями являются *фагоциты* или блуждающія кѣтки (также—бѣлыя кровяныя тѣльца) свойственныя нашей крови и при нормальныхъ условіяхъ защищающія наши ткани отъ вторженія въ нихъ микробовъ и различныхъ постороннихъ тѣлъ.

Особенно дѣятельное участіе въ уничтоженіи тканей въ старѣющемъ организмѣ принимаетъ тотъ родъ фагоцитовъ, которыхъ Мечниковъ называетъ „макрофагами“. Эти то относительно крупныя блуждающія кѣтки и обуславливаютъ исчезновеніе болѣе благородныхъ тканевыхъ элементовъ. Онѣ нападаютъ и пожираютъ нервныя кѣтки головного мозга, онѣ же разрушаютъ и мочевые канальцы почекъ, подготавливая мѣсто для разрастанія соединительной ткани. Наконецъ, и наиболѣе осязаемый признакъ старости — сѣдвіе волосъ — обуславливается, по наблюденіямъ проф. Мечникова, разрушительной дѣятельностью особаго рода блуждающихъ кѣтокъ—„хромофаговъ“,—онѣ нормально покоятся въ полости волоса, съ наступленіемъ же старости приходятъ въ движеніе, нажираются зернышками пигмента, придающими волосу окраску, и выселяются изъ волоса, унося ихъ съ собою. Лишенный пигмента и наполненный воздухомъ, волосъ становится бѣлымъ.

Замѣчательно, что большая подвижность микрофаговъ въ теченіе старости и появленіе, отчасти благодаря ихъ дѣятельности, склероза сильно напоминаетъ такія же явленія при нѣкоторыхъ хроническихъ болѣзняхъ. Старческій склерозъ почекъ очень походитъ на склерозъ при хроническомъ нефритѣ (воспаленіе почекъ), склерозъ мозга — также близокъ къ склерозу при нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзняхъ, напр., при прогрессивномъ параличѣ, склерозъ артерій вызывается также иногда различными воспали-

тельными процессами. Такимъ образомъ старость по своимъ внутреннимъ проявленіямъ чрезвычайно походитъ на болѣзнь, и инстинктивное чувство протеста человѣка, полного силъ, противъ наступающаго старѣнія вполне законно, — *старость не есть явленіе нормальное, физиологическое, а болѣзненное, патологическое!*

Потому и борьба со старостью законна и возможна: для противодѣйствія ей мы должны стараться оказывать поддержку благороднымъ тканевымъ элементамъ нашего тѣла и стараться уничтожать чрезмѣрное размноженіе элементовъ соединительно-тканыхъ и враждебныхъ тканямъ макрофаговъ.

Проф. Мечниковъ предупреждаетъ, что задача такой борьбы со старостью отнюдь не рѣшена, — что и не удивительно: никто до сихъ поръ и не занимался ея рѣшеніемъ. Нѣтъ, однако, основанія думать, чтобы рѣшить ее было абсолютно невозможно: клѣточные элементы легко поддаются различнымъ воздѣйствіямъ и измѣняютъ свою дѣятельность подъ ихъ вліяніемъ, такъ что все сводится къ тому, чтобы найти подходящій способъ воздѣйствія на нихъ.

Благодаря открытію сыворотокъ, мы знаемъ уже теперь, что возможно бороться съ нѣкоторыми клѣточными элементами. Открытіе д-ромъ Бордэ такъ называемыхъ „цитолитическихъ“ (т. е. растворяющихъ клѣтки) сыворотокъ дало намъ возможность разрушать нѣкоторыя клѣтки и ткани въ живомъ организмѣ. Впрыскивая, напр., кролику извѣстнымъ образомъ приготовленную сыворотку, предназначенную противъ красныхъ кровяныхъ шариковъ его, мы можемъ вызвать у него раствореніе красныхъ шариковъ (гемолизъ), влекущее за собою смерть. Замѣчательно, однако, что впрыскиваніе *небольшого* количества такой сыворотки вызываетъ у кролика усиленное образованіе красныхъ шариковъ, и влечетъ за собою увеличеніе числа ихъ въ крови. Точно такимъ же путемъ можно впрыскиваніемъ другой сыворотки повысить или понизить образованіе бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ.

Правда, на дѣлѣ при такомъ сильномъ вмѣшательствѣ въ жизнь организма, какъ борьба со старостью, возникаетъ еще много трудностей, и неизвѣстно, удастся ли намъ ихъ когда-нибудь преодолѣть, но, во всякомъ случаѣ, нѣтъ причины считать невозможнымъ такое вмѣшательство. Мы видимъ, что уже теперь, на самыхъ первыхъ порахъ, наука располагаетъ средствомъ для усиленія дѣятельности нѣкоторыхъ клѣточныхъ элементовъ. Почему же не предположить, что удастся найти способъ укрѣпленія необходимыхъ для жизни клѣточныхъ элементовъ и уничтоженія вредныхъ макрофаговъ?

Имѣется, впрочемъ, и еще одинъ путь къ той же цѣли и едва ли даже не болѣе вѣрный.

Если тѣ клѣточные элементы, которые мы должны считать

ственной смерти, также при вскрытіи находятя обыкновенно значительныя патологическія измѣненія, обусловленныя склерозомъ или болѣзнетворными микроорганизмами.

„Итакъ,—говоритъ проф. Мечниковъ,— вмѣсто того, чтобы признать смерть врожденнымъ и неотдѣлимымъ отъ организма качествомъ, приходится искать реальныхъ доказательствъ ея существованія на землѣ!“

Давно уже была высказана мысль, что человекъ и всѣ высшіе представители животнаго царства обладаютъ элементами, которые настолько же потенциально бессмертны, какъ низшія одноклѣточные существа;—эти элементы; половыя клѣтки, яички и живчики. Дѣйствительно, оплодотворенное яичко самки даетъ начало зародышу, изъ котораго развивается представитель новаго поколѣнія, обладающій опять половыми продуктами и т. д. Большинство половыхъ элементовъ, правда, погибаетъ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій, но меньшинство ихъ выживаетъ бесконечно въ непрерывномъ рядѣ генераций.

Половымъ элементамъ нельзя даже отказать въ нѣкоторыхъ психическихъ свойствахъ, правда, очень элементарныхъ, сводящихся къ простой клѣточной чувствительности, но все же въ нѣкоторомъ смыслѣ можно говорить о „душѣ клѣтки“ и утверждать, что она бессмертна.

Бессмертіе половыхъ элементовъ или „души“ ихъ мало, впрочемъ, затрогиваетъ интересы человекъ, такъ какъ жизнь половыхъ клѣтокъ не доходитъ до нашего сознанія.

Рѣдкимъ по наглядности примѣромъ естественной смерти въ природѣ является смерть подѣнокъ,—насъѣкомыхъ съ четырьмя крылышками и длинными нитевидными придатками на концѣ тѣла, часто попадающихъ весной и лѣтомъ по берегамъ рѣкъ и озеръ. Подѣнка живетъ въ водѣ въ видѣ безкрылой личинки нѣсколько лѣтъ, затѣмъ выходитъ крылатымъ насѣкомымъ на воздухъ и послѣ роенія и жизни, длящейся лишь нѣсколько часовъ, умираетъ, отложивъ предварительно яички. Въ теченіе своей короткой жизни подѣнка даже не питается, и обладаетъ лишь рудиментами пищеварительныхъ органовъ.

По изслѣдованіямъ Мечникова, быстрая смерть подѣнки не обуславливается ни размноженіемъ какого-либо микроскопическаго паразита, ни дѣятельностью фагоцитовъ—всѣ органы умирающаго животнаго оказываются совершенно нормальными. Не играетъ роли и истощеніе, слѣдующее за актомъ любви, такъ какъ погибаютъ одинаково какъ насѣкомыя, выполнившія свою половую функцію, такъ и не выполнившія ея. Гибель подѣнокъ является загадочнымъ случаемъ естественной смерти. Интересную подробность его составляетъ то обстоятельство, что, повидимому, взрослые подѣнки утрачиваютъ инстинктъ самосохраненія, инстинктъ любви къ жизни. Тогда какъ личинку подѣнки не легко

поймать,—она пуглива и не дается въ руки, взрослое, крылатое-насыкомое свободно можно взять руками,—оно нисколько не пугается и не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки къ бѣгству или къ сопротивленію, не смотря на то, что обладаетъ крыльями и хорошо развитыми глазами.

Вопросомъ наиболѣе важнымъ въ связи съ естественной смертью должно считать слѣдующій: сопровождается ли естественная смерть человѣка такою же потерей инстинкта жизни, какъ у подѣнокъ, быть можетъ, даже развитіемъ новаго „инстинкта смерти“, или нѣтъ?

Проф. Мечниковъ усиленно искалъ проявленія такого инстинкта у стариковъ и старухъ, но нашелъ лишь два случая въ литературѣ. Особенно нагляденъ случай, приводимый Токарскимъ, который влагаетъ слѣдующія слова въ уста столѣтняго старца „если бы ты жилъ такъ долго, какъ я, ты могъ бы понять, что возможно не только не бояться смерти, но даже желать ея и *чувствовать потребность смерти*, подобно тому, какъ чувствуешь потребность уснуть“. Въ этомъ желаніи смерти проф. Мечниковъ видитъ новый пробудившійся инстинктъ, въ обыкновенное время далеко запрятанный въ самыхъ глубокихъ тайникахъ души человѣка.

Если обычно этотъ инстинктъ не проявляется, если даже совсѣмъ дряхлые старцы усиленно цѣпляются за возможность жизни, то это доказываетъ лишь, по мнѣнію проф. Мечникова, что обычная старость и смерть не есть нормальное физическое явленіе, а явленіе патологическое, вызванное дисгармоніями природы человѣка и преждевременнымъ отравленіемъ организма. Нормально инстинктъ жизни въ угасающемъ организмѣ долженъ смѣняться инстинктивнымъ желаніемъ смерти. Что такая смѣна диаметрально-противоположныхъ инстинктовъ возможна, объ этомъ свидѣтельствуютъ другіе подобные же случаи измѣненія инстинктовъ въ животномъ царствѣ. Мать, напр., нерѣдко съ удивительною храбростью защищаетъ своихъ дѣтенышей и готова за нихъ на всякое самопожертвованіе, но, стоитъ имъ подрости и сдѣлаться болѣе или менѣе самостоятельными, и она отворачивается отъ нихъ не только съ полнымъ равнодушіемъ, но иногда и съ явной враждебностью. Точно также грудной ребенокъ съ наслажденіемъ сосетъ грудь матери; выросши же, съ инстинктивнымъ отвращеніемъ отворачивается отъ женскаго молока.

„Въ настоящихъ условіяхъ, говоритъ проф. Мечниковъ, жизнь человѣка съ самаго начала подвергается вредному вліянію дисгармоній его природы. Это вліяніе въ теченіе жизни усиливается и ведетъ къ ненормальной, патологической старости. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что люди не ощущаютъ желанія стариться и у нихъ не проявляется инстинкта смерти“. Стариковъ при теперешнихъ условіяхъ можно, по мнѣнію Мечникова,

приравнять къ женщинамъ, вышедшимъ замужъ очень рано, до развитія у нихъ полового инстинкта, и умирающимъ при первыхъ родахъ, не имѣя понятія о томъ, что такое инстинктъ любви. Въ отдаленныя времена часто случались такіе браки, теперь же прогрессъ цивилизаціи и медицины уменьшилъ ихъ число, — возможно, что со временемъ точно также прогрессъ науки повліяетъ на увеличеніе продолжительности жизни и большее число людей будетъ умирать лишь тогда уже, когда у нихъ появится инстинктъ смерти.

Въ заключительной главѣ проф. Мечниковъ пытается дать отвѣтъ на наиболее важный и существенный вопросъ: что можетъ дать положительная наука человечеству? Можетъ ли она сказать: откуда мы, куда мы идемъ и что съ нами будетъ?

Вопросъ о происхожденіи человѣка и положеніи его въ системѣ животнаго міра биологическая наука достаточно уже выяснила, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ...

Человѣка интересуетъ, однако, будущее гораздо болѣе, чѣмъ прошедшее. Что ожидаетъ насъ послѣ смерти—полное уничтоженіе или особая форма жизни?—вотъ вопросъ, который болѣе всѣхъ другихъ мучаетъ человечество.

Положительная наука не можетъ дать на него утѣшительнаго отвѣта и не поддерживаетъ господствующихъ иллюзій...

Въ чемъ же въ такомъ случаѣ можетъ найти человечество утѣшеніе, въ чемъ—признать сущность и цѣль своего существованія? Не правы ли тогда пессимисты, утверждающіе, что жизнь наша—не болѣе какъ печальное недоразумѣніе и цѣли ея не стоитъ и искать?

По мнѣнію проф. Мечникова, съ точки зрѣнія положительной науки конечной цѣлью существованія человѣка должно считать завершеніе полнаго физиологическаго цикла жизни и достиженіе нормальной старости, характеризующейся потерей инстинкта жизни и приобрѣтеніемъ инстинкта смерти. Такому нормальному концу должна предшествовать полная и дающая удовлетвореніе жизнь, нравственныя основы которой должны быть согласованы съ природой человѣка. Наука показываетъ намъ, что природа человѣка, на ряду съ совершенствами, заключаетъ и много несовершенныхъ, дисгармоничныхъ чертъ,—въ силу этого нравственность должна быть согласована съ природой человѣческой—не такой, какова она теперь, а такой, какова она должна быть въ будущемъ—идеальной. Лишь путемъ науки можетъ человечество достигнуть превращенія дисгармоній своей природы въ гармонію, потому особенно тщательно должно оно культивировать науку и заботиться объ устраненіи всѣхъ пока еще столь многочисленныхъ препятствій для ея развитія.

Становясь на такую точку зрѣнія относительно конечной цѣли существованія человѣчества, мы способны лучше понять, въ чемъ заключается истинный прогрессъ и истинная культура. По мнѣнiю Герберта Спенсера, прогрессъ заключается, вообще, въ превращенiи формъ простыхъ въ болѣе сложныя, и, напримѣръ, по отношенiю къ пищѣ человѣчества прогрессъ выражается въ усложненiи разнообразiя кушанiй у цивилизованныхъ народностей по сравненiю съ первобытными. Съ точки зрѣнія проф. Мечникова, прогрессъ далеко не всегда будетъ усложненiемъ, — напротивъ, часто для достиженiя нормальнаго цикла жизни съ дѣятельной молодостью и спокойною, ненарушаемою страхомъ смерти старостью необходимо упрощенiе современныхъ условий, хотя бы, напр., условий питанiя. Слишкомъ изысканный столъ, богатый приправами, которыя лишь раздражаютъ кишечникъ, вредитъ сохраненiю здоровья и силъ. То же можно сказать и по отношенiю къ одеждѣ, жилищу и, вообще, роскоши современной обстановки.

Признанiе достиженiя нормальной старости цѣлью существованiя человѣчества можетъ дать намъ твердую опору въ вопросахъ жизни, признанiе науки единственнымъ средствомъ къ достиженiю этого идеала—можетъ сблизить между собою народности, образовать то связующее звено, котораго пока не хватаетъ для ихъ объединенiя.

Главная характерная черта положительной науки—это то, что она требуетъ дѣятельности, работы, тогда какъ ученiя метафизическаго характера обрекаютъ насъ на пассивный фатализмъ и покорность судьбѣ. Конечно, наше поколѣнiе не можетъ надѣяться на то, что намъ уже удастся окончательно разрѣшить всѣ великiя задачи, поставленныя наукѣ, и достичь нормальнаго цикла жизни, но мы можемъ найти утѣшенiе въ томъ, что слѣдующее поколѣнiе подвинется ближе къ этой цѣли и каждое новое поколѣнiе будетъ подходить къ ней все ближе и ближе, пока не настанетъ день торжества науки и человѣческаго генiя надъ природою человѣка!

Разумѣется, этотъ долгiй и тяжкiй путь потребуетъ отъ человѣчества многихъ жертвъ,—онъ потребуетъ прежде всего глубокой и всеобщей вѣры во всемогущество науки, потребуетъ многихъ реформъ въ нашемъ бытѣ, взглядахъ и обычаяхъ. Но за то преслѣдованiе такихъ цѣлей, несомнѣнно, поведетъ за собой коренное измѣненiе всего строя нашей жизни къ лучшему и вызоветъ появленiе значительно большей солидарности между людьми, чѣмъ теперь.

„Если возможно,—заключаетъ проф. Мечниковъ свою книгу,—появленiе идеала, способнаго подобно религiи объединить людей въ будущемъ,—онъ не можетъ быть основанъ ни на чемъ иномъ,

вромѣ принциповъ положительной науки. И если правильно, что, какъ утверждаютъ часто, нельзя жить безъ вѣры, то эта послѣдняя должна быть вѣрою не во что иное, какъ въ могущество науки!“

П. Ю. Шмидтъ.

* * *

Уснувшій міръ лучи позолотили,—
Плыветъ луна въ прозрачной синевѣ...
Блеститъ роса на листьяхъ, на травѣ,
Горятъ вокругъ алмазы влажной пыли.
Природа вся спокойно, ровно дышетъ
И, какъ дитя, волшебный видитъ сонъ;
Наивныхъ грѣзъ не потревожитъ стонъ,—
Ни мукъ она, ни ропота не слышитъ.

Я такъ усталъ... Мнѣ душу отравили
Людская ложь, безумье, жизни зло...
Но въ этотъ мигъ въ душѣ моей свѣтло,
И скорбь мою мечты позолотили!

Н. Шрейтеръ.

П Е П Е Л И Щ Е.

Романъ *Ст. Жеромскаю.*

Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова.

М а н т у я.

Окно тщательно закрыто внутренней, складной ставней... Но лучъ юльскаго солнца ворвался уже въ комнату и, скользнувъ по вытоптаннѣмъ кирпичамъ пола, разсѣялъ темноту. Ни шума, ни пороха... Какое наслажденіе!.. Князь Гинтулътъ проснулся и почувствовалъ прямо счастье отъ этой тишины: не грохочутъ выстрѣлы, не звенятъ стекла въ окнахъ, не сыплется штукатурка со стѣнъ, съ потолка. Погруженный въ сладкую дремоту, князь вспоминалъ своей пріѣздъ сюда въ апрѣль: медленно шелъ онъ изъ Порта-дель-Белвардо черезъ плотину, которая вела къ фортамъ Санъ-Джорджіо, на кладбище. Онъ только затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы посмотрѣть мѣсто подвиговъ Сулковскаго, увѣнчать въ воображеніи лавровымъ вѣнкомъ упоенную мечтами голову человѣка, котораго уже не было въ живыхъ. Весеннія воды наполняли до краевъ Лаго-ди-Меццо и Лаго-ди-Сотто. Синія волны колыхались и брызгали пѣной на рыжія стѣны; уносились къ Катенѣ, Анконѣ и убѣгали обратно, какъ будто испуганныя дикимъ видомъ старыхъ бастіоновъ. За плотинной дорога шла подъ воротами форта, затѣмъ—направо, къ небольшому холму. Весенній вѣтеръ чуть трогалъ дорожную пыль... Окопы, рвы, траншеи и насыпи фортовъ поросли роскошною травой. А вотъ и любимцы *Виргилія*—платаны, съ ихъ нѣжными листьями. Мантуя! Мантуя!

За крѣпостной стѣной тянется вверхъ, къ кладбищу, рядъ елей. Корни этихъ деревьевъ напоены кровью тысячи героевъ. Низенькія ворота тихаго кладбища... Вотъ и это мѣсто...

Открывъ глаза, князь съ отвращеніемъ подумалъ объ ожидавшей его работѣ. Онъ былъ измученъ, разстроенъ: по-

стоянно видѣть, какъ гаснуть на вѣки чьи-нибудь глаза... Теперь онъ возвращался изъ Египта, Палестины и Греціи домой, въ Польшу. Да, вернуться къ жизни, къ жизни! Начать упорную борьбу!..

Но, по капризу судьбы, его встрѣтили неожиданныя препятствія: онъ не могъ дожидаться въ Анконѣ парохода, который, благодаря войнѣ, застрялъ въ какомъ-то портѣ. Не желая терять напрасно времени, князь поѣхалъ на сѣверъ въ дилижансѣ, увѣренный, что паспортъ дастъ ему возможность пробраться даже черезъ линіи дѣйствующихъ армій.

Дѣло было въ апрѣлѣ 1799 г., во время неаполитанской кампаніи, послѣ сраженія подъ Вероной. Баронъ Край уже прорвалъ лѣвое крыло арміи Шерера. Республиканскія войска отступали на югъ. Первый польскій батальонъ, подъ командой Дембовскаго, прикрылъ отступление праваго крыла къ Витаччіо, а генераль-адъютантъ Косинскій лѣваго — къ Ногарѣ. Правое крыло направилось въ Мантую. Князь Гинтултъ уже собрался уважать съ родины Виргилія, гдѣ остановился лишь на ночлегъ, когда усталыя войска заняли Мантую. И для него было совершенной неожиданностью увидѣть земляковъ въ заднихъ рядахъ — батальонъ польской артиллеріи во главѣ съ Викентіемъ Аксамитовскимъ и второй легіонъ подъ командой генерала Вьельгорскаго. Въ предыдущихъ битвахъ польскій легіонъ оставилъ до тысячи труповъ на итальянской землѣ. По пути въ Миланъ погибли: генераль Рымкевичъ, маіоръ Липницкій, капитанъ Дашкевичъ, подпоручикъ Паціорковскій. Среди раненыхъ находились: капитанъ Богуславскій, Заблоцкій, Зеферинъ, Зеленевскій, Годабскій, Киркоръ, Беренсдорфъ, Маркевичъ, поручикъ Томашевскій и другіе. Оставшіеся въ живыхъ знали, что идутъ въ Мантую не для забавы. Гарнизонъ, собранный изъ французовъ, пьемонтцевъ, *garde de corps* короля Сардиніи, швейцарцевъ, нѣмецкихъ дезертировъ, цизальпинцевъ и цѣлаго польскаго корпуса, едва насчитывалъ десять тысячъ человекъ, изъ которыхъ не болѣе половины могли носить оружіе. Форты старой крѣпости были очень ненадежны. Недоступная, пожалуй, во времена катапульта и колесныхъ башенъ, а можетъ быть, даже въ эпоху маршала Вобана, Мантуя, собственно, защищалась исключительно фортами Мильоретто, дель-Те и укрѣпленными мостами съ западной и южной стороны. Съ сѣвера и востока городъ, какъ и цѣлые вѣка назадъ, надѣялся лишь на озеро ди-Меццо и простую низкую стѣну безъ вала. Командиръ гарнизона, генераль Фуассакъ-Лятуръ, на всѣ улучшенія имѣлъ сто тысячъ ливровъ. Между тѣмъ, баронъ Край наступалъ съ арміей

изъ 39 батальоновъ пѣхоты, 4 гренадерскихъ батальоновъ, 9 эскадроновъ драгунъ и 6 летучихъ отрядовъ. Въ рядахъ республиканцевъ поговаривали, что у него 600 пушекъ, что съ нимъ идутъ всѣ выдающіеся генералы: Кленау, Эльсницъ, С.-Жюльенъ, а во главѣ вспомогательной артиллеріи Ребиндеръ съ 270 бомбардирами.

Князь Гинтултъ, внимательно ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, пришелъ къ убѣжденію, что визированный всюду паспортъ пользы ему не принесетъ и что поневолѣ придется надѣть снова зеленый мундиръ артиллериста. Онъ, такъ и сдѣлалъ. А чтобы не быть поводомъ раздора изъ-за чиновъ среди случайно собранныхъ офицеровъ и не пользоваться привилегіей своего званія, началъ службу съ бомбардира. Скоро, однако, его военныя познанія были замѣчены: его сдѣлали адъютантомъ генерала Бортона, потомъ назначили въ штабъ Якубовскаго, стараго учителя изъ Вероны, который, подъ командой генерала Мейера, съ капитаномъ Миллеромъ, поручикомъ Горновскимъ и Маврикіемъ Гауке, укрѣплялъ предмѣстье Санъ-Джорджіо. Пятьсотъ польскихъ солдатъ работали тамъ подъ огнемъ каждую ночь. Всѣ были убѣждены, что атака можетъ быть только съ этой стороны. Когда непріятель началъ стягивать свои силы съ юга и запада къ Минчіо, это сочли уловкой и еще усерднѣе принялись насыпать форты, вырубать деревья и вооружаться по планамъ грознаго „Гамилькара“—Косинскаго. Со времени огромнаго майскаго разлива рѣки Минчіо, затопившей плюзы озера Пайоло, уровень всѣхъ мантуанскихъ озеръ повысился до такой степени, что плотина Санъ-Джорджіо покрылась водой на нѣсколько футовъ, сводчатыя крѣпостныя ворота Молини на половину тоже были залиты. Князь, въ интересахъ службы, перешелъ въ центръ города.

Мильоретто и островъ Те съ фортами Пустерли оказались отдѣленными. Началось самое опасное время. Непріятель на плотяхъ старался подойти къ затопленнымъ стѣнамъ. Приходилось быть непрерывно насторожѣ. Князю поручили наблюдать за глубиной воды въ нѣсколькихъ участкахъ. На небольшой лодочкѣ онъ безпрестанно шнырялъ во всѣ стороны. Въ темныя, дождливыя ночи ему нерѣдко удавалось пробраться даже къ Анджели на берегу Лаго-ди-Сопра, гдѣ австрійцы начали насыпать, —тоже, конечно, по ночамъ,—выдвинувшіеся влѣво форпосты. Передъ разсвѣтомъ князь возвращался домой.

Такъ какъ мельницы были затоплены, то скоро въ войскахъ начался голодъ. Солдаты добровольно отдавали двѣ трети своего жалованья на укрѣпленіе города, а князь занялся въ свободное время устройствомъ жернововъ. Пока

же онъ покупалъ на свой счетъ хлѣбъ солдатамъ, сначала своего отряда, потомъ болѣе широкому кругу земляковъ и, наконецъ, сталъ кормить cadaго, кто только приходилъ. Его видѣли работающимъ днемъ и ночью, за двоихъ, за троихъ, потомъ ужъ за десятерыхъ. При возрастающемъ безпорядкѣ никто не зналъ и не спрашивалъ, кто онъ, чей адъютантъ, гдѣ служить. Всѣ привыкли къ его предупредительности, къ его фигурѣ, прищуреннымъ глазамъ, иронически искривленнымъ губамъ и властному тону.

Впрочемъ, настоящая работа закипѣла въ половинѣ юня, со спадомъ воды, когда показались далекіе болотистые берега подъ Путоле и Вергилианой и открылись плотины. Тогда, чтобы преградить путь, прежде всего, немедленно открыли шлюзы въ Минчіо, и озеро Пайоло превратилось въ непролазную трясиину. Начались уже страшно жаркіе дни. Болота задымались. Ядовитые комары зажужжали среди стѣнъ, форпостовъ и башенъ. Сразу масса солдатъ слегла отъ лихорадки и скорбута. Число больныхъ съ каждымъ днемъ увеличилось. Даже тѣ, которые еще стояли подъ оружіемъ, дрожали отъ озноба,—зараза носилась надъ городомъ...

Князя теперь вездѣ можно было встрѣтить. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ польскихъ офицеровъ, которые по собственной волѣ несли ночью караульную службу на стѣнахъ и валахъ. Онъ полюбилъ эти ночные караулы,—кругомъ тихія бесѣды о далекой родинѣ, объ ея дѣлахъ; это говорятъ солдаты, чтобы отогнать сонъ и тоску... Разказы о пройденныхъ мѣстахъ и земляхъ, о моряхъ, страшныхъ битвахъ, неизмѣримыхъ, напрасныхъ трудахъ, о великомъ, возвышенномъ, о физической силѣ и скромной доблести... Въ такія ночи всѣ дѣлались близки другъ другу, всѣ откровенны, искренни. Смолкали обычные споры и зависть...

Князь Гинтултъ носилъ старымъ ветеранамъ, лежавшимъ въ скорбутѣ, вино изъ погребовъ, которые, какъ утверждалъ купецъ, помнили самого Виргилія. Когда у князя остался только старый мундиръ на плечахъ, зеленый плащъ, да несовсѣмъ форменные сапоги, онъ нашель въ еврейскомъ кварталѣ человѣчка, который даже о Груднѣ кое-что слышалъ. Чуть не каждый день у этого финансиста оказывалась новая закладная на деревню въ Южной Пруссіи или въ Западной Галиціи, взаменъ мяса, муки, вина, лѣкарствъ. Гинтулту теперь рѣдко приходилось спать въ постели, а все больше въ пути,—на низкой каменной оградѣ, среди мѣшковъ съ мукой, на паромѣ, подъ лафетами пушекъ Чеховскаго, подъ платаномъ по дорогѣ къ Ределю, который копалъ рвы и строилъ палисады за монастыремъ Санъ-Франческо суль-Те, противъ востокъ Пустерли.

Съ 4-го іюля австрійцы начали развѣртывать свой фронтъ отъ Чертозы до Спанаверы, употребляя для ночныхъ работъ, кромѣ солдатъ, по нѣскольку тысячъ окрестныхъ крестьянъ; они воздвигали все новыя линіи редутовъ,—и напряженная бдительность осажденныхъ достигла высшаго предѣла. Князь Гинтултъ тоже сталъ прихварывать: иногда въ сильнѣйшіе жары, его охватывала ледяная дрожь, начинались головныя боли, убивавшія сообразительность и память, появлялось полное отвращеніе къ пищѣ и питью, къ свѣту, солнцу и воздуху. Холодная рука подноситъ къ глазамъ подозрную трубу, а они видятъ не то, на что смотрятъ. Далекія полосы вырытой земли, ряды огней на валахъ, покрытыхъ уже травой, далекія рощи платановъ и тутовыхъ деревьевъ, тростники, вербы, эвкалипты на берегахъ, и вдругъ... что это? Какъ живая, встаетъ предъ усталымъ взглядомъ песчаная полянка родныхъ краевъ, свѣтлая, желтая, сыпучая, коегдѣ поросшая можжевельникомъ...

Внѣшній міръ точно оторвался отъ человѣка и болѣзненно виситъ на душѣ, давитъ, какъ тяжелая тряпка; она ненужна и чужда... но нѣтъ силы ее сбросить. Люди спуютъ, вертятся вокругъ въ легкомъ туманѣ. Ихъ поступки, глупые или грубые, падаютъ камнемъ на голову. Между тѣмъ, всѣ привыкли къ его услугамъ, всѣ требуютъ этихъ услугъ, какъ отъ наемнаго батрака. Гинтултъ продолжалъ дѣлать свое дѣло, но уже походилъ на возъ безъ лошади: толкнули его съ горы по проторенной колеѣ, онъ и катится. Лицо князя стало сѣрымъ, скулы отъ худобы обтянулись, глаза ввалились.

И вотъ теперь, проснувшись и сидя на своей постели, закутанный, слабый, думалъ онъ, что надо встать и идти на службу. Думалъ о тривіальности самопожертвованія. Вѣдь все, что онъ здѣсь сдѣлалъ, уйдетъ въ землю, такъ-же, какъ уходитъ дождь или кровь убитаго. Уйдетъ и слѣда не останется. Кто отличить дерево, вспоенное дождями отъ политого кровью?.. Чьи глаза прольютъ слезу? Чья грудь вздохнетъ?..

— Никуда больше не пойду! — громко проговорилъ онъ, думая о несчастныхъ, которые ждали его, какъ своего спасителя. Онъ легъ навзничъ и закрылъ глаза.

— Пусть умираютъ! Мнѣ все равно. Теперь и я, наконецъ, отдохну.

Закутавшись въ старый, зеленый плащъ, Гинтултъ старался преодолѣть дрожь и скоро опять уснулъ. Вдругъ грянулъ пушечный выстрѣлъ, окна задрожали, стекла жалобно зазвенѣли.

— Начинается... — прошепталъ онъ, вставая. Потомъ умылся,

по старой привычкѣ сѣлъ за дорожный туалетъ,—это была послѣдняя оставшаяся у него изящная бездѣлушка,—тщательно побрился. Пока князь чистилъ мундиръ, загрохотало уже нѣсколько десятковъ пушекъ, а когда вышелъ на улицу,—началась канонада. Онъ такъ хорошо изучилъ звуки пушечныхъ выстрѣловъ, въ зависимости отъ разстоянія, что сразу отличилъ батарею Ределя и гаубицы Аксамитовскаго... Вотъ летятъ бомбы съ бастиона С.-Алексисъ, съ бастиона Лютеревъ... Князь шелъ машинально, почти безсознательно считая бомбы. Нужно было скрыться отъ солнца. Подъ стѣнами лежала мертвая итальянская тѣнь... Улицы совсѣмъ опустѣли, словно ихъ вымели. Кое-гдѣ выглядывала изъ воротъ кудрявая голова улычнаго мальчишки, или проскальзывала въ темныя, сырыя стѣны встревоженная женщина. Привыкнувъ къ ежедневному грохоту орудій въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, Гинтулъ шелъ равнодушно, опустивъ голову. Вдругъ невдалекѣ послышался необыкновенный трескъ и шумъ. На перекресткѣ двухъ улицъ, у тихаго, спавшаго въ тѣни своихъ деревянныхъ жалюзи, дома внезапно обрушился громадный уголъ. Куча кирпичей свалилась на середину улицы въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ впереди князя. Сперва онъ даже не понялъ, въ чемъ дѣло. Но вотъ чье-то блѣдное лицо въ выбитомъ окнѣ... Еще ядро въ ту же стѣну, пробившее новую брешь. Вспыхнуло пламя, и тысячи осколковъ завертѣлись, по крайней мѣрѣ, на пространствѣ ста сажень. Къ счастью, князь стоялъ шагахъ въ пятидесяти, такъ что осколки бомбы пролетѣли у него надъ головой. Одинъ изъ ея кусковъ долго вертѣлся на каменной мостовой. Когда онъ, наконецъ, остановился, князь подошелъ и посмотрѣлъ на него съ такой осторожностью, какъ будто передъ нимъ очутилась пропасть. Это былъ продолговатый кусокъ желѣза, а на немъ остатки кованыхъ обручей, тлѣющей дерюги и смолистыхъ шнуровъ...

— Каркасъ...—съ дрожью прошепталъ онъ.

Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, на улицу упало нѣсколько новыхъ ядеръ. Страшные, въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, brandкугели извергали огонь черезъ свои три „глаза“, литые цилиндры разрывныхъ снарядовъ лопались въ воздухъ, „свѣтящіяся пули“ съ трескомъ, болѣе громкимъ, чѣмъ пушечные выстрѣлы, взрывали на мостовой воронки саженнаго диаметра. „Слѣбныя“ гранаты, одноглазья и ушастыя бомбы прыгали вокругъ, какъ резиновые мячи. Гинтулъ тяжело дышалъ, ноги его дрожали, сердце замерло и перестало биться... До сихъ поръ ему приходилось видѣть обстрѣливанье фортвъ изъ ружей, нападеніе въ

птыки, атаки конницы на конницу. Теперь была бомбардировка. Онъ съ тревогой двинулся дальше.

Отъ грохота падающихъ домовъ, отъ предсмертныхъ воплей невидимыхъ людей, стона взрываемой земли, выстрѣловъ, треска дерева, камней, — темнѣло въ глазахъ, спиралось дыханіе, зеленяя щепы ставней, куски разбитыхъ рамъ и косяковъ, свитки водосточныхъ трубъ, красный мусоръ глиняной черепицы—все это, какъ листья, носилось и рассыпалось въ воздухъ. Изъ отверстій прежнихъ оконъ и дверей вырывались клубы огня. Въ улицахъ стоялъ удушливый запахъ смолы, дегтя, пороха, тлѣющихъ тряпокъ и фитилей. Князь, спрятавшись въ нишѣ возлѣ колодца, смотрѣлъ на все, дрожа отъ озноба.

— Мадонна! Мадонна!.. — услышалъ онъ гдѣ-то неподалеку крикъ.

Князь кинувъ взглядъ на распростертаго на землѣ чело­вѣка, на черное лицо, на выпедшіе изъ орбитъ страшные глаза, на руки, беспомощно хватающіяся за камни мостовой... и еще плотнѣе прижался къ стѣнѣ...

— Хоть бы скорѣе...—промелькнуло въ его головѣ.

Но голосъ чело­вѣка, который извивался на камняхъ, все еще доносился.

Измученное тѣло князя дрогнуло отъ сдержанныхъ рыданій. Онъ прижалъ руки къ груди, стараясь успокоить расходившееся сердце. Наконецъ, вернувъ силой воли самообладаніе, онъ пошелъ дальше. Но у церкви Санъ-Рокко улица была загромождена. Здѣсь образовалась плавающая баррикада изъ разрушенныхъ домовъ. Пробираясь ощупью, Гинтултъ попалъ не то въ ворота, не то въ проломъ и очутился въ саду. Одни деревья были переломаны, — вѣтви съ плодами валялись въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ стволовъ, — а другія, въ томъ числѣ лимонныя, апельсинныя и фиговыя, тлѣли въ огнѣ... На мгновенье онъ остановился передъ стройной магноліей, которую ядро разсѣкло на половинѣ высоты... Въ прелестный садъ то и дѣло падали пяти-пудовыя бомбы. Врѣзавшись въ мягкую почву, онѣ выбрасывали снопы земли съ корнями фиговыхъ и миндальныхъ деревьевъ, раскидывая во всѣ стороны вазы съ цвѣтами, рододендроны, буксовые шпалеры, камелии и бѣлый бамбукъ. Князь безцѣльно шелъ впередъ и вдругъ наткнулся на бесѣдку изъ виноградныхъ лозъ, вившихся по аркѣ и тутовымъ деревьямъ. У входа на плоскомъ камнѣ сидѣлъ чело­вѣкъ и держалъ на рукахъ умиравшаго мальчика лѣтъ пяти. Ребенокъ казался совершенно размо­зженнымъ. Глаза мальчика уже помутились, истерзанное, окровавленное тѣло висѣло, какъ

ненужный доскуть. Грудь еще поднималась и опускалась, а бѣлая, словно цвѣтокъ камелии, шейка еще трепетала... Державшій его раскачивался, какъ маятникъ, цѣловаль холодѣющія губки, прислушивался къ дыханію... Человѣкъ не поднялъ глазъ на князя, когда тотъ остановился возлѣ него, желая помочь и не зная, какъ и чѣмъ. Грубыя руки только еще нѣжныѣ, тревожныѣ прижали къ груди окровавленное тѣлице. Напрасно вдыхалъ онъ въ открытый ротикъ дыханіе жизни...

Городъ былъ въ пламени, — точно улицы безъ отдыха, безъ перерыва изрыгали камень, дымъ и огонь. Пораженный князь смотрѣлъ остановившимся взглядомъ на агонію умирающаго города. Подъ градомъ бомбъ, избитый падавшими отовсюду камнями, израненный осколками снарядовъ, грязный отъ пороха, въ тлѣющемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ плащѣ, онъ достигъ, наконецъ, воротъ Праделли. Со стороны города доносился такой дымный раскаленный воздухъ, что нечѣмъ было дышать. Бомбардиры съ трудомъ держались на ногахъ. Подъ стѣной лежалъ поручикъ Кобылянской, которому оторвало руку. Князю пришлось стать рядомъ съ Чеховскимъ, который былъ теперь уже капитаномъ. Въ эти ворота наиболѣе бѣшено били ядра батарей австрійской параллели. Глухіе удары въ вѣковую стѣну и безпрестанный шумъ падающихъ въ гнилой ровъ кирпичей не умолкали.

Двѣ гаубицы защищали остатки башни. Прицѣлы ставилъ самъ капитанъ. Когда Гинтултъ подошелъ къ нему, онъ взглянулъ черезъ плечо, указавъ рукой на гаубицу и, свалившись на землю, мгновенно уснулъ. Князь схватилъ рукой два прицѣльные рычажка лафета, урегулировалъ мѣдную подвижную пластинку на линейкѣ для прицѣла и, едва различая далекіе огни австрійскихъ ретраншементовъ, сказалъ:

— Пли!

Почернѣвшій отъ порохового дыма бомбардиръ поднесъ фитиль. Полукруглый хвостъ лафета подался назадъ и стукнулъ о загородку. Грянулъ выстрѣлъ, а князь былъ уже у слѣдующаго орудія и снова говорилъ:

— Пли!

Пока бомбардиры заряжали первое орудіе, онъ выглянулъ въ амбразуру. Шоссе передъ воротами, залитое солнцемъ, было пусто. Дальше разстилалось болото Пайоло, такое зеленое, яркое отъ водяныхъ лилій, мокраго аира и камыша, что не хотѣлось оторвать отъ него глазъ. Изъ второго ряда австрійскихъ окоповъ, то и дѣло вспыхивали бѣлоснѣжные столбы дыма. Князь вернулся къ бомбарди-

рамъ, парусинные кителя которыхъ превратились въ грязные лохмотья. Потъ черными пятнами выступалъ на ихъ плечахъ и спинахъ. Руки нѣмѣли отъ постоянного передвиганья лафетовъ. Только бѣлки глазъ свидѣтельствовали о бѣшеной энергіи.

Когда пріѣхалъ генераль Бортонь со штабомъ, канонада уже слабѣла. Городъ пылалъ. Населеніе, скрывшись въ погреба и подвалы, бросило свое имущество. Вечеромъ бомбардировка пріостановилась, и князь передъ заходомъ солнца пошелъ въ Мильоретто, къ центральному пункту боя. Онъ миновалъ ворота Пустерли и сводчатый мостъ на *Corso delle Barche al Palio*. Зеленая, застоившаяся вода была покрыта мусоромъ и обломками; вербы и эвкалипты, высасывавшіе влагу изъ болотъ, переломаны; на изрытой дорогѣ валялись осколки бомбъ и пули. Смертельная тоска сжимала сердце при видѣ этого опустошенія. Пройдя палаццо дель-Те, князь направился по прелестной нѣкогда аллеѣ платантовъ. Здѣсь не уцѣлѣло ни одного дерева. Сады были уничтожены, плотины и форты полуразрушены. И все это за одну утреннюю бомбардировку, когда непріятель выпустилъ 5114 гранатъ и 824 бомбы. Переходя по плотинамъ, мимо шлюзовъ, среди вонючихъ каналовъ, князь побывалъ во всѣхъ фортахъ, но нигдѣ не нашелъ Аксамитовскаго, которому долженъ былъ передать приказъ генерала Бортона относительно сдачи непріятелю на слѣдующее утро всего предмѣстья Санъ-Джорджіо. Гарнизонъ выйдетъ ночью, безъ шума. Всѣ силы слѣдуетъ направить для защиты Мильоретто. Но въ Мильоретто князь нашелъ большія перемѣны: стѣны были наполовину разрушены, а палисады сожжены.

Аksamитовскій, послѣ нѣсколькихъ дней и ночей непрерывной работы, спалъ, какъ убитый. Измученные офицеры и бомбардиры дремали, стоя и полулежа, свѣсиваясь съ постелей, пороховыхъ ящиковъ и пушекъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали широкую полосу болотъ, тянувшихся къ Минчіо. Озеро Пайоло, превращенное теперь тоже въ болото, по срединѣ котораго лѣниво протекала гнилая рѣчка, было покрыто свѣтло-желтымъ шелестящимъ тростникомъ и айромъ. Надъ нимъ съ крикомъ носились скворцы. Плотина въ деревню видна была во всю длину.

Князь чувствовалъ такую усталость, что едва понималъ, гдѣ находится. Мысленно повторяя данное ему порученіе, онъ ждалъ, всѣми силами стараясь устоять на ногахъ... Угрюмыя орудія, казалось, дремали, какъ и люди. Гинтултъ чувствовалъ, что онъ здѣсь бодрствуетъ одинъ. Скворцы отчаянно кричали... комары набрасывались тучами. Тяжелыя мысли

бродили въ душѣ... Когда печальныя думы совсѣмъ уже начали его одолевать, доложили, что командиръ всталъ.

Представивъ рапортъ, Гинтултъ попросилъ разрѣшенія отправиться отдохнуть. Аксамитовскій при ужасномъ извѣстїи о предстоящей драчѣ схватился за голову и нѣкоторое время сидѣлъ безъ движенія. Потомъ, наконецъ, вспомнилъ о просьбѣ князя и проводилъ его въ баракъ, гдѣ только что спалъ самъ. Гинтултъ прилегъ на жесткую постель и тотчасъ уснулъ. Ему снились страшные сны-кошмары, которые не забываются всю жизнь: ужасныя ядра, вылетая изъ темноты, ударили сначала въ землю, а потомъ въ его грудь, или неслись мимо ушей въ видѣ чудовищныхъ майскихъ жуковъ. Ощущеніе отъ ихъ полета, отъ прикосновенія къ лицу жесткихъ крыльевъ было невыносимо. Со стонами, которые замирали въ груди, онъ бѣжалъ, чувствуя, что сейчасъ упадетъ, и крылатая пуля настигнетъ его... Вдругъ этотъ кошмаръ, болѣе ужасный, чѣмъ даже дѣйствительность, прервалъ страшный крикъ, стоны, громъ оружія. Князь пробудившись отъ крѣпкаго сна, пришелъ въ себя, но еще плохо сознавалъ окружающее. Въ полубреду онъ сидѣлъ на постели и смотрѣлъ на толпу артиллеристовъ, которые боролись, какъ будто продѣлывая гимнастическія упражненія. Солдаты громаднаго роста пролѣзали черезъ брустверы и, поражаемые на смерть кольями, штыками, разными тяжелыми предметами, рвались къ пушкамъ. Гинтултъ не могъ понять, что это за люди. Онъ видѣлъ при свѣтѣ огней ихъ низкія черныя шляпы съ бѣлымъ кантомъ, бѣлые съ темными нашивками мундиры, широкіе красные пояса, темныя штаны и черныя гамашы.

— Разини! бей ихъ, бей!—оралъ возлѣ него какой-то унтеръ-офицеръ, устремляясь впередъ со штыкомъ.

— Полкъ Франца Гюлая... — подумалъ князь и тутъ только понялъ, въ чемъ дѣло.

Между тѣмъ, пушки уже были въ рукахъ непріятеля. Австрійская пѣхота, которую велъ на штурмъ полковникъ Ридгъ-фонъ-Латтерманъ, лѣзла со всѣхъ сторонъ на валы. Громадный австрійскій бомбардиръ, въ темно-песочнаго цвѣта мундирѣ, обухомъ молота вбивалъ кровельный гвоздь въ запаль орудія. Но въ то же время сквозь узкій проходъ ретраншемента ворвалась, какъ пантера, толпа польскихъ гренадеровъ. Князь вскочилъ, выхватилъ изъ ноженъ шпагу и побѣжалъ въ ряды. Штыки врѣзались въ австрійцевъ. Сомкнутый строй гренадеровъ смялъ ближайшихъ. Но на валъ карабкались все новые. Дрались уже не штыками, а прикладами. Взабѣшенная горсть людей хватала непріятеля за горло. Сбрасываемые въ темнотѣ съ вер-

шины вала, враги тонули во рвахъ. Дрались даже въ рукопашную. Груда убитыхъ и раненыхъ все возростала. Наконецъ, редантъ опустѣлъ. Непріятель ретировался или былъ выбитъ. Гренадеры быстрымъ шагомъ удалились черезъ проходъ ретраншемета и исчезли въ темнотѣ. Гингултъ шелъ съ ними. Въ передовыхъ окопахъ тоже кипѣла смертельная борьба. Во рвахъ, между палисадами, на углахъ бастіоновъ слышались удары и стоны. Отрядъ Гингулта увидѣлъ впереди бѣлые мундиры, и началось преслѣдованіе. Но тотчасъ попали въ болото. Оттуда уже доносился шумъ боя. Настигли, наконецъ. Крики, команда офицеровъ, проклятія, вой раненыхъ—слились въ одинъ звукъ. Быстро, со шпагой наголо шелъ князь, охваченный общимъ пыломъ. Въ одномъ мѣстѣ группа „бѣлыхъ“, окруженная цизальпинцами и поляками, сражалась по поясъ въ болотѣ.

Въ высокихъ, сухихъ, шелестящихъ тростникахъ солдаты образовали сомкнутый кругъ. Всякій, кого касался штыкъ, падалъ въ готовую могилу—въ болото. Прикладъ добивалъ его, а ноги втапывали въ трясину. Чтобы не попасть въ нее самимъ, солдаты становились на живыя еще тѣла и съ нихъ колотили бѣгущихъ.

Вдругъ ракеты освѣтили все Пайоло. Это Редель выслѣдилъ отрядъ, подкрадывавшійся подъ командой капитана артиллеріи Шмита и отрядъ капитана Мартынова, переправлявшійся вплавъ черезъ рѣку. Тотчасъ грянула канонада съ батареей дель-Те. При вспышкахъ выстрѣловъ, князь видѣлъ вокругъ облитые кровью штыки, дула винтовокъ, груди и лица. Окровавленные пальцы, какъ когти, вцѣпились въ чьи-то волосы... Его собственная шпага въ горячей крови. Новый ударъ,—по рукоятку! Изъ глубины трясины судорожно хватаютъ за ноги; изъ грязи слышится подавленный гортанный хрипъ, лепетъ губъ... Трескъ тростника. Кто-то бѣжитъ. Ударъ прикладомъ о черепъ и тихій плачь. Въ самомъ каналѣ Пайоло схватывались грудь съ грудью, душили за горло... Все рѣже, но все отчетливѣе слышались ужасающіе стоны и крики мести.

Только къ утру штурмъ былъ отраженъ по всей линіи. Гренадеры тащили за собой плѣнника, схваченнаго въ камышахъ. Князь, весь въ грязи, путался между другими. Въ головѣ его была страшная тяжесть, холодная дрожь пронизывала тѣло, ноги подгибались. Едва различая дорогу и окружавшіе предметы, онъ дотащился до своей городской квартиры и безъ чувствъ упалъ на постель.

Въ поту, въ лихорадкѣ, князь спалъ тяжелымъ сномъ. Просыпаясь, онъ находилъ у изголовья глиняный кувшинъ съ разбавленнымъ водой виномъ и видѣлъ иногда склонен-

ное надъ собой безобразное лицо ростовщика. Какъ въ полу-снѣ видѣлъ онъ, что этотъ мантуанскій еврей съ сѣро-чернымъ лицомъ роется въ карманахъ его плаща, въ шкатулкѣ. гдѣ не было уже ничего цѣннаго. Пускай его, лишь бы было тихо... Два или три раза Гинтултъ съѣдалъ по ломтю хлѣба съ водой и опять погружался въ безсознательное состояніе.

На пятый день еврей вбѣжалъ въ комнату съ крикомъ и, растолкавъ больного, объявилъ, что французы уходятъ, сдали городъ, что Мильборетто уже занято австрійцами, а въ воротахъ Черезе стоитъ пятьсотъ человѣкъ. Князь сначала не хотѣлъ двигаться, не вѣрилъ, но, въ концѣ-концовъ, поднялся, приодѣлся, какъ могъ, и пошелъ. Еврей слѣдовалъ за нимъ. Онъ сказалъ правду: пѣхота генерала Фуассакъ-Латура медленно тянулась къ мосту Молини, къ цитадели, а за нею артиллерія съ орудіями. Фургоны генерала и офицеровъ, экипажи съ ихъ женами дребезжали по камнямъ разрушенной дороги. Протискавшись черезъ толпу, Гинтултъ увидѣлъ, наконецъ, своихъ. Они шли въ порядкѣ, съ саблями наголо. Впереди артиллерія, за ней конница и пѣшіе. Князю сообщили, что гарнизонъ сдалъ городъ, но съ почетомъ отступаетъ черезъ цитадель, а легіону приказано замкнуть колонну.

Онъ тоже обнажилъ шпагу и пошелъ рядомъ съ орудіемъ. Легкіе французскіе полки, пройдя цѣпные мосты, остановились. Узкіе дефілеи между озерами и на переднихъ валахъ, покрытыхъ жалкими строеніями, наполнились силошъ. Артиллерія Аксамитовскаго взшла на мостъ и исчезла въ темной пасте толстыхъ крѣпостныхъ стѣнъ. Пѣхота все еще стояла въ тѣсныхъ улицахъ. Глаза князя вяло скользили по старой паутинѣ, усыпанной мукой крѣпостныхъ мельницъ, по мѣстамъ бывшаго наводненія, по угрюмымъ окнамъ-бойницамъ, выходившимъ на заплѣснѣвшее озеро. Безмолвные въ этотъ моментъ мельницы казались какими-то орудіями средневѣковыхъ пытокъ.

Пока измученное войско ждало выхода изъ проклятаго города, вдругъ въ концѣ улицы появилась австрійская колонна. Приблизившись, она совершила странный маневръ и врѣзалась клиномъ между польской артиллеріей и пѣхотой, ваявъ ружья на перевѣсъ. Поляки имъ не мѣшали — вѣдь отступление было почетное, на основаніи капитуляціи, объявленной въ строю. Второй ея параграфъ прямо гласилъ: войска цизальпинскія, швейцарскія, польскія и пьемонтскія признаются во всѣхъ отношеніяхъ войсками французской республики. Но австрійцы направили оружіе противъ стоявшихъ. Въ то-же мгновеніе изъ всѣхъ переулковъ, съ дворовъ, изъ-за стѣнъ на захваченныхъ врасплохъ кинулся

громадный отрядъ пѣхоты. У солдатъ предательски выхватывали изъ рукъ ружья, сбивали шапки на глаза, тащили и, опрокинувъ наземь, связывали. Офицеры въ первый моментъ онѣмѣли отъ изумленья—ихъ тоже не щадили. Въ тѣсныхъ переулкахъ съ солдатъ и унтеръ-офицеровъ срывали погоны и били ими по лицу, топтали упавшихъ ногами, тащили по грязи, стаскивали офицерскіе мундиры съ людей, которые заслужили ихъ въ сраженіяхъ, предъ лицомъ двухъ армій; притягивали руки назадъ къ дуламъ винтовокъ, чтобы пустить затѣмъ сквозь строй.

— Къ оружію! — раздался крикъ.

Но было уже поздно: разорванную на нѣсколько частей колонну поляковъ окружили. Только стоявшіе ближе къ мосту нѣсколько сотъ человекъ избѣжали участи товарищей. На группу изъ двадцати артиллерійскихъ офицеровъ навалилась со штыками масса австрійской пѣхоты. Офицеры обнажили шпаги. Прижавшись другъ къ другу, они образовали кольцо, и началась безмолвная борьба. Шпаги наталкивались на винтовки и штыки. Быстрыми, какъ молнія, ударами офицеры пробивали себѣ путь. Однако, то одинъ, то другой, падалъ на землю. Оставшіеся въ живыхъ дрались съ бѣшенствомъ. Гинтултъ, врѣзавшись въ сомкнутую толпу солдатъ, колотъ и рубилъ, идя на вѣрную смерть.

Вдругъ всѣ разступились передъ ними. Въ улицу вѣзжала генеральская свита, а за нею, окруженный штабомъ, на чудномъ конѣ баронъ Край-де-Крайова. Маіоръ Круликевичъ, безъ шапки, съ окровавленной шпагой, блѣдный, какъ трупъ, направился къ нему навстрѣчу и издалека, показывая на происходившее, потребовалъ прекратить преступленіе. Фельдмаршалъ, презрительно прищурился и небрежно произнесъ:

— Это дѣлается въ силу дополнительнаго къ капитуляціи секретнаго параграфа. Здѣсь нѣтъ никакого безправія. Дезертиры знамени его императорскаго и королевскаго величества будутъ выданы, каждый въ отдѣльности, тому полку или батальону, къ которымъ они принадлежать.

Генералъ прищипорилъ лошадь, но маіоръ Круликевичъ угрожающе схватилъ ее за уздцы, хотя надъ нимъ сверкнули сабли. Голосъ его замеръ въ груди, налитые кровью глаза вперились въ генерала.

— Обѣщаю, что никто не будетъ лишенъ жизни...—процѣдилъ фельдмаршалъ.

Въ то же время съ противоположной стороны противъ воли ѣхалъ среди группы офицеровъ польской кавалеріи блѣдный Фуассакъ-Латуръ. Приближаясь къ мосту, онъ закрылъ глаза. Польскіе офицеры бросали ему въ лицо оскор-

бленія. Князь Гинтултъ сломалъ свою шпагу и съ презрѣньемъ швырнулъ ему въ грудь. Изъ строя слышались крики:

— Предатель!

— Клятвопреступникъ!

— Ты совершилъ величайшее преступленіе: обманомъ выдалъ бѣглецовъ!

— Смотри теперь въ глаза уцѣлѣвшимъ отъ огня, въ которомъ безъ трепета умирали ихъ братья!

— За наше дѣло, за нашу честь мы отдали тебѣ жизнь! Мы говорили, какъ рыцари: если хочешь спасти французовъ и себя цѣной нашей жизни, имѣй мужество сдѣлать это открыто. Мы бы тогда знали, какъ поступить. Ты солгалъ подь присягой.

— Мы говорили, запремся въ пороховомъ складѣ и взорвемъ себя на воздухъ. Позоръ тебѣ, предатель!

Фуассакъ-Латуръ поднялъ глаза, потомъ—бѣлую, дрожащую руку. Безмолвно, глядя на толпу плѣнниковъ, онъ долго отдавалъ имъ честь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ Прусской Варшавѣ.

Рафаиль прожилъ четыре года въ Тарнинахъ такъ же, какъ и первое время по возвращеніи домой: пахалъ, сѣялъ, косилъ, жалъ, возилъ снопы, молотилъ хлѣбъ. Отецъ помыкалъ имъ, какъ подстаростой. На личныя нужды старикъ изрѣдка давалъ ему какую-нибудь мелочь. Единственнымъ средствомъ приобрести сколько-нибудь модный костюмъ или покутить въ городѣ была тайная продажа изъ закрововъ, наложеніе на мужиковъ незаконной дани, присвоеніе части оброка и тому подобныя продѣлки. Это породило въ душѣ подневольнаго помѣщика раздраженіе. Никто его не понималъ, а онъ не хотѣлъ проще смотрѣть на людей. Рафаиль почти не выглядывалъ изъ дому, даже въ Сандомирѣ былъ всего нѣсколько разъ. Зимой, въ карнавалъ, Рафаиль навѣстилъ окрестныхъ помѣщиковъ, и это было бы пріятнымъ развлеченіемъ, если бы не муки, которыя онъ испытывалъ при встрѣчѣ съ людьми, одѣтыми по послѣдней модѣ.

Осенью 1802 года Рафаиль узналъ отъ одного изъ сосѣдей, побывавшаго въ разныхъ мѣстахъ Галиціи и южной Пруссіи, что князь Гинтултъ живетъ въ Груднѣ или въ Краковѣ. Въ душѣ Рафаила родилось тогда отчаянное рѣшеніе. Онъ написалъ князю пространное письмо, въ которомъ

благодарилъ за всѣ его благодаренія, а еще больше того— жаловался на свое настоящее положеніе. Долго, нѣсколько недѣль, въ величайшей тайнѣ, сочинялось это письмо; когда, наконецъ, тысячу разъ перечитавши, онъ переписалъ его на бѣло, то почувствовалъ облегченіе. Онъ совсѣмъ не думалъ о послѣдствіяхъ, былъ убѣжденъ даже, что ничего изъ этого не выйдетъ, и тѣмъ не менѣе одна мысль, что оно послано, доставляла ему большое удовольствіе. Онъ самъ отвезъ его въ Сандоміръ. Прошло нѣсколько недѣль, но отвѣта все не было, и понемногу Рафаиль сталъ жалѣть, что написалъ, потомъ вернулся къ прежней апатіи.

Между тѣмъ, князь отвѣтилъ, но на имя отца. Не упоминая о посланіи сына, онъ любезно спрашивалъ: не пожелаютъ ли они, чтобы Рафаиль занялъ на нѣкоторое время мѣсто секретаря при княжеской особѣ? Онъ увѣрялъ самымъ лестнымъ образомъ, что постарается достойно вознаграждать его трудъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, туманно намекалъ, что, вообще, займется судьбою юноши. Въ случаѣ согласія, князь просилъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Варшаву нынѣшнюю же осенью. Старый чесьникъ нѣсколько дней носилъ письмо въ карманѣ, раздумывая надъ предложеніемъ. Съ одной стороны, оно льстило его тщеславію, съ другой— имѣніе тогда лишится въ лицѣ Рафаила рабочей силы. Наконецъ, жажда карьеры побѣдила. Однажды, послѣ обѣда, чесьникъ велѣлъ всѣмъ остаться и прочиталъ княжеское письмо. При этомъ онъ ужасно кичился тѣмъ, что ему князь пишутъ запросто. У Рафаила отъ радости подкосились ноги... Чесьникъ дѣлалъ видъ, будто хочетъ знать, какъ смотрятъ на дѣло остальные, но въ дѣйствительности уже рѣшилъ. И вотъ начались приготовленія: починка бѣлья, стирка, хлопоты о паспортѣ въ южную Пруссію.

Въ ноябрѣ Рафаиль съ радостью покинулъ домъ; не жаль было никого и ничего... До прусской границы онъ доѣхалъ на собственныхъ лошадахъ, а оттуда до Варшавы въ почтовомъ дилижансѣ. Прямо съ дороги онъ отправился къ князю, въ старое магнатское гнѣздо, скрытое въ садахъ, вдали отъ главныхъ городскихъ улицъ съ ихъ шумомъ. Покинутый дворецъ, со стѣнъ котораго сыпалась штукатурка, съ заржавѣвшими рѣшетками, съ заросшимъ травою дворомъ, выглядѣлъ не особенно гостепривно. Окна были завѣшены темными занавѣсками, двери закрыты. Старикъ швейцаръ, наконецъ, замѣтилъ стоявшаго у входа юношу и спросилъ, что ему надо. Рафаиль, испытывая непріятное ощущеніе, объяснилъ, и старикъ провелъ его въ одинъ изъ боковыхъ флигелей. Миновавъ длинные корридоры и двѣ залы, они предстали предъ княземъ. Ра-

фаиль едва узналъ его. Лицо Гиятулта какъ-то почернѣло высохло, покрылось морщинами, глаза погасли. Только прежняя любезная улыбка проясняла ихъ.

— Я давно хотѣлъ взять тебя,—сказалъ онъ послѣ привѣтствія.—Когда ты написалъ мнѣ, я очень обрадовался. Ты мнѣ нуженъ.

Рафаиль поклонился, радуясь, что онъ говоритъ ему „ты“.

— Однако, предупреждаю,—продолжалъ Гиятулт,—тебѣ придется запрещеся въ постоянную работу. Я занятъ,—пишу. Каждый день ты долженъ будешь проводить со мной нѣсколько часовъ. А затѣмъ можешь дѣлать, что угодно. Согласенъ?

— Я къ вашимъ услугамъ, князь.

— Ты знаешь нѣмецкій языкъ?

— Да. Прежде зналъ довольно хорошо, но за четыре года, проведенные дома, по-нѣмецки почти не говорилъ.

— Это ничего, — тебѣ надо будетъ только писать. Сумѣешь?

— Сумѣю.

— Вѣдь, ты,—продолжалъ съ улыбкой князь,—посѣщаль „философію“?

— Да...

— Латинскій тоже знаешь?

— Знаю.

— Вотъ и прекрасно! Такъ какъ я въ латыни почти полный невѣжда, то ты будешь мнѣ переводить.

— Слушаю.

— Еще одно: ты обязанъ молчать о томъ, что мы будемъ здѣсь дѣлать, — молчать абсолютно. Въ этомъ дашь честное слово дворянина.

— Даю честное слово.

— Я предупреждаю сразу, чтобы ты съ первой минуты привыкъ къ тому, что ничего обо мнѣ не знаешь, ничего не слышалъ, ничего, наконецъ, не понимаешь.

— Слушаю, князь.

— Теперь иди ужинать и ложись спать. Комнатъ здѣсь безъ числа. Выбери, какая тебѣ понравится, и располагайся. Придется только ограничиться однимъ слугою на насъ обоихъ. Когда отдохнешь съ дороги, приходи ко мнѣ...

Ошеломленный Рафаиль не могъ собраться съ мыслями. Больше всего его прельщала перспектива отдыха послѣ нѣсколькихъ дней пути. Въ одной изъ ближайшихъ гостиныхъ старый камердинеръ приготовилъ ему постель и удалился. Проснувшись на другой день и не слыша ни малѣйшаго движенія, Рафаиль быстро одѣлся и началъ осматриваться

Съ большихъ деревьевъ, росшихъ передъ широкимъ окномъ, сыпались золотые листья. Толстая стѣна со всѣхъ сторонъ окружала уединенный царкъ. Въ длинныхъ тѣнистыхъ аллеяхъ липъ и грабовъ скользилъ блѣдный лучъ солнца. Въ домѣ стояла такая тишина, что доносился шелестъ листьевъ, падавшихъ на сухую траву. Рафаиль на цыпочкахъ вышелъ изъ спальни. Сосѣднія комнаты тонули въ полумракѣ, такъ какъ окна были завѣшены. Мебель оказалась въ чехлахъ, зеркала, канделябры, подсвѣчники закрыты. Холодъ и запахъ нежилого помѣщенія дѣйствовали неприятно на нервы. Проходя изъ комнаты въ комнату, Рафаиль наткнулся на полуоткрытую дверь кованого желѣза и вошелъ въ громадную высокую залу. Это была библіотека. Въ шкафахъ, вдѣланныхъ въ стѣну, за дверцами изъ проволочной сѣтки или стекла, было множество книгъ, уставленныхъ въ нѣсколько рядовъ. На половинѣ высоты проходила изящная рѣзная баллюстрада галлерей. Кое-гдѣ стояли статуи, глобусы, лежали громадныя папки и свитки. Рафаиль медленно шелъ, рассматривая обстановку, какъ вдругъ въ одномъ изъ угловъ послышался голосъ князя:

— Вотъ и мости секретарь! Пришелъ какъ разъ въ время. Я сейчасъ свободенъ и мнѣ хочется поговорить. Итакъ, ты сѣялъ въ деревнѣ пшеницу-сандомірку, рожь и даже ячмень?

— Да.

— И все это страшно тебѣ надоѣло?

— Да.

— И ты затосковалъ по свѣту?

— Затосковалъ.

— Ты совершенно правъ: нужно непременно о чемъ-нибудь тосковать, переноситься сердцемъ съ мѣста на мѣсто, отъ дѣла къ дѣлу, мѣнять даже стремленія, потому что иначе мы обросли бы землей. Видишь, пока ты сѣялъ и жалъ, у меня явилась манія читать. Раньше я не чувствовалъ въ себѣ этой жилки. Меня удовлетворяла дѣйствительная человѣческая жизнь, а то, что пишется въ книгахъ, — я считалъ годнымъ для крысъ и лысыхъ старичковъ. Вдругъ жажда знанія охватила и меня... Вашность къ книгамъ не чувствуешь особеннаго пристрастія? Да?.. Говори откровенно...

Рафаиль покраснѣлъ, какъ человѣкъ, пойманный на мѣстѣ первой кражи.

— Не конфузюсь, голубчикъ: въ этомъ нѣтъ стыда. Меня тоже только обстоятельства натолкнули на этотъ тяжелый, пыльный путь. Я въ послѣднее время много блуждалъ по свѣту, былъ въ Египтѣ... это въ Африкѣ...

— Да, знаю, — поспѣшилъ отвѣтить Рафаиль, совсѣмъ сконфуженный.

— Я отправился въ путешествіе послѣ войны, которая тамъ разыгралась. Хотѣлъ отыскать могилу одного пріятели, павшаго, гдѣ стоитъ сфинксъ. И вотъ пирамиды, обелиски, сфинксы, пустыня, погибшіе города, все, что тамъ происходило, — все это, видишь ли, такъ увлекло меня, что я началъ изъ книгъ узнавать, какъ и что было. Мои товарищи, и одинъ, котораго я очень любилъ, были убиты въ эту войну...

— Убиты!—вскрикнулъ Рафаиль, охваченный неудержимымъ любопытствомъ.

— Да. Полякъ, на французской службѣ, Сулковскій, былъ изрубленъ арабами. Онъ съ двадцатью солдатами сражался на жизнь и на смерть противъ нѣсколькихъ полковъ. Другой, французъ, вѣкій Вантюрь...

— Тоже изрубленъ?—

— Да, говорятъ, по приказанію главнокомандующаго, Наполеона, о которомъ ты, навѣрно, слышалъ.

Рафаиль опять вспыхнулъ отъ стыда: онъ слышалъ, пожалуй, не мало о Наполеонѣ, но самыя разнорѣчивыя вещи. Князь нѣкоторое время сидѣлъ неподвижно и молча, опершись головой на руку. Губы его были сжаты, глаза—печальны. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Твой братъ умеръ такимъ молодымъ послѣ спора со мной... Тотъ, генералъ, погибъ, едва я успѣлъ сблизиться съ нимъ, узнать его душу. Ни тѣла его я не нашель, ни слѣда. Кровь обагрила горсть песку въ Сахарѣ и—все кончено. Даже цвѣтокъ не выростеть на томъ мѣстѣ, гдѣ погасли глаза этого царя-человѣка... Да, братъ! Вотъ мы будемъ, если хочешь, вмѣстѣ писать разныя разности о тѣхъ далекихъ краяхъ, особенно о пустынѣ, Египтѣ, Святой Землѣ, Малой Азій, Сиріи. Тебѣ кажется страннымъ? Но ты забудь объ этомъ, не думай—потомъ я тебѣ объясню. А теперь возьми вотъ ту тетрадь и пиши, что я буду диктовать:

„Изъ перваго посланія святаго Иеронима къ Геліодору: О, пустыня, цвѣтомъ Христовымъ цвѣтущая!.. О, мѣсто одинокое, гдѣ рождаются тѣ скалы, изъ которыхъ по пророчеству будетъ воздвигнуть городъ великаго царя!.. О, пустыня, радостно дающая пріютъ Богу!“..

— Это будетъ эпиграфъ, а теперь дальше...

Но желѣзная дверь звякнула,—безшумно вошедшій слуга тихо назвалъ чью-то фамилію. Князь кивнулъ головой, и камердинеръ пропустилъ въ залу высокаго, широкоплечаго господина. Онъ былъ съ большой головой, необыкновенно крупными чертами, выпуклыми, упорно-внимательными глазами, смотрѣвшими какъ-то по дѣтски, съ высокимъ, выразительнымъ лбомъ, обрамленнымъ натуральными локонами

Перехваченные на затылкѣ, они на концѣ были завязаны бантикомъ. Въ прусскомъ мундирѣ съ красными отворотами, онъ шелъ, выпрямившись и громко стуча каблуками по мраморному полу. При видѣ Рафаила на его лицѣ отразилось удивленіе. Нѣсколько мгновеній онъ не отрывалъ отъ него глазъ, въ которыхъ сверкнуло неудовольствіе и безпокойство. Рафаиль сразу почувствовалъ къ этому человѣку необъяснимую симпатію. Князь всталъ, поклонился и, указывая взглядомъ на Рафаила, сказалъ успокоительнымъ тономъ, по-французски:

— Мой новый секретарь, Ольбромскій...—затѣмъ обратился къ Рафаилу:

— Теперь ты можешь идти погулять; дѣлай, что хочешь. Возьми у Луки денегъ и скажи ему, къ какому времени приготовить тебѣ обѣдъ.

Рафаиль поспѣшилъ удалиться. На улицѣ онъ обо всемъ забылъ,—чувствовалъ только, какъ онъ одичалъ: разучился ходить по мостовой, сталъ сутоловать, неловокъ. Когда мимо него проѣзжали прекрасные экипажи съ изящными кавалерами и дамами, Рафаиль нѣсколько подтягивался. Городъ подавилъ его своей величиной и, какъ ему казалось, необыкновенной роскошью. Онъ шелъ съ одной улицы на другую, мимо заборовъ, изъ-за которыхъ выглядывали раскидистыя деревья, мимо дворцовъ, блестящихъ среди зелени за рѣшетками, мимо костеловъ и новыхъ построекъ. Когда онъ, такъ безцѣльно блуждая, осматривалъ одинъ домъ за другимъ, кто-то неожиданно окликнулъ его. Рафаиль поднялъ голову и увидѣлъ вѣнскій экипажъ, а въ немъ важно разваливавшегося товарища по школѣ, Яжимскаго.

— Рафаиль!—крикнулъ Яжимскій:—если ты еще сердись за старое, то я даже не выйду, но если мысленно помирился, то я падаю въ твои объятія..

— Иди-же, иди!—вскрикнулъ Рафаиль съ искренней радостью.

Яжимскій выпрыгнулъ и обнялъ его, а потомъ спросилъ:

— Судя по опатовскому или сандомирскому костюму, заключаю, что ты прямо изъ дому?

— Конечно; а ты?

— Я здѣсь живу.

— Здѣсь? Въ Варшавѣ? Давно?

— Три года, съ тѣхъ поръ, какъ освободился отъ когтей дяденьки, сбросилъ съ плечъ его опеку. Но объ этомъ послѣ. Прежде всего, садись-ка, и поѣдемъ къ портному.

— Сейчасъ?..

— Ни слова! Въ такомъ одѣяніи можно производить

фуроръ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Ёдемъ къ портному и сапожнику.

— Ни въ какомъ случаѣ! Сейчасъ это невозможно...

— Какъ хочешь, но... по платью встрѣчаютъ... Вѣдь мы въ Краковѣ не ударили лицомъ въ грязь, и даже... Впрочемъ, если ты не хочешь...

Рафаиль не могъ противиться и сѣлъ въ экипажъ.

— Домой! - крикнулъ Яжимскій кучеру. Онъ небрежно раскинулся на сидѣнны. Рафаиль невольно сѣлъ къ нему бокомъ. Онъ только теперь замѣтилъ все изящество костюма своего товарища. На Яжимскомъ, не смотря на осень, былъ длиннополый, темно-зеленый суконный фракъ, съ чернымъ воротникомъ, золочеными луговицами и желтой подкладкой, жилетъ соломеннаго цвѣта, плюшевый цилиндръ и сапоги съ желтыми отворотами. Это былъ уже не мальчикъ, а блестящій самоувѣренный панокъ. Онъ пополнѣлъ, возмужалъ, хотя былъ изнѣженъ, словно женщина. Его бѣлый, какъ алебастръ, лобъ рѣзко выдѣлялся. Во всемъ лицѣ, во взглядѣ, въ улыбкѣ, въ движеніяхъ отражались сила, равновѣсіе, спокойствіе.

— Скажи мнѣ,—цѣдилъ онъ, не торопясь:—гдѣ ты живешь? На какомъ-нибудь дешевомъ постояломъ дворѣ, добрая слава котораго держится у васъ, между Копшивницей и Завихостомъ, со временъ Великаго сейма? да? Признайся... Я никому не скажу.

— Нѣтъ, я живу у князя Гинтулта.

— Гинтулта?—Яжимскій отъ удивленья даже привскочилъ на мѣстѣ.—Въ пустомъ, какъ мертвецкая, дворцѣ?

— Да.

— Откуда-же, извини, между вами такая близость?

— Я давно уже знакомъ съ Гинтултомъ.

— Правда, правда! Теперь припоминаю, что ты, кажется, былъ его питомцемъ. А здѣсь, видишь ли, никто не имѣетъ счастья съ нимъ... Слишкомъ много чести, конечно!

— Ну, а я у него секретаремъ.

— Секре... Ахъ, ты!

— Въ чемъ дѣло?

— Ничего, ничего...

— Что ты хочешь сказать?

— Да ничего! А кому же этотъ Гинтултъ, чортъ возьми, такъ много пишетъ, что ему нужно даже помогать? Вѣдь онъ теперь не занимаетъ никакой должности. Къ чему же это великолѣпіе?

Рафаиль вспомнилъ условія и отвѣтилъ:

— Не знаю, я только вчера пріѣхалъ.

— О немъ рассказываютъ удивительныя вещи. Это ка-

кой то скучнѣйшій чудакъ. Онъ нигдѣ не бываетъ, не принадлежитъ ни къ одному изъ здѣшнихъ обществъ, ни къ одной партіи. Сидитъ дома, а если изволить гдѣ нибудь появиться, то держитъ себя такъ нахально и высокомерно, что въ горячемъ человѣкѣ невольно кровь закипаетъ. Здѣсь молодежь точитъ на него зубы.

— Помилуй!.. за что?

— Какъ за что! Какой-то сумасшедшій, зазнавшійся резонеръ. Ходитъ, какъ павлинъ, не узнаетъ самыхъ почтенныхъ людей... Былъ, кажется, во Франціи, въ Италиі, ѣздилъ въ Египеть, шатался по Аравіямъ, по Азіямъ и привезъ оттуда какую-то фармазонскую ерунду, которой такъ кичится. Это говорятъ понимающіе люди. Я съ этимъ франтомъ незнакомъ, что, можетъ быть, и къ лучшему, потому что я сразу бы его обругалъ.

— Скажи: а ты что подѣлываешь? Какъ проводишь время?

— Я, миленькій... Да живу здѣсь, въ Варшавѣ...

— А кто хозяйничаетъ въ Непоренцицахъ?

Яжимскій печально улыбнулся и свиснулъ въ кулакъ:— Нѣтъ ихъ, братъ! Были Непоренцицы...

— Неужели?

— Ну да...

— Что ты говоришь?.. Такое имѣніе!

— Правду говорю.

— Однако, у тебя хватаетъ денегъ на такой экипажъ?

— Видишь.

— Какъ же ты устраиваешься?

— Держу лошадей, устраиваю приемы, вращаюсь въ высшемъ свѣтѣ, мой сандомірскій младенецъ... Жаль, что ты состоишь какимъ-то тамъ секретаремъ. Это такъ глупо звучитъ, что даже отвращеніе беретъ. Но мы уладимъ, я ручаюсь.

Они въѣхали въ большой дворъ и остановились передъ зеркальной дверью одноэтажнаго дома. Выбѣжавшій слуга въ ливреѣ помогъ имъ выйти. Довольно обширная квартира была обставлена нѣсколько странно: рядомъ съ изысканной мебелью стояли самыя грубыя вещи. Она походила скорѣ на грязныя меблированныя комнаты. Въ крайнихъ комнатахъ выходившихъ на пустую площадь, слышались шумные споры.

Яжимскій взялъ Рафаила подъ руку и провелъ именно туда. Вездѣ стояли огромные чубуки, приборы для кофе, подносы и бутылки. Табачный дымъ носился густыми волнами. Въ послѣдней, самой большой комнатѣ, за карточными столами, на которыхъ лежали кучи червонцевъ, сидѣли молодые люди, игравшіе, повидимому, уже давно. Тутъ были блѣдные послѣ безсонной ночи, въ однѣхъ рубахахъ, красивые и безобразные, но по преимуществу—красивые, молодые.

На Яжимскаго и Рафаила почти не обратили вниманія. Лишь кое-кто черезъ плечо поздоровался съ вошедшими. Лица всѣхъ были холодны, на видъ равнодушны, но глаза блестя тѣмъ дьявольскимъ огнемъ, которымъ, согласно крестьянской легендѣ, горять червонцы, закопанные въ землѣ. Молчаніе нарушалось только словами:

— Va banque!

Рафаиль смутился. Горло его судорожно сжалось. Онъ такъ давно не игралъ, а такихъ грудъ золота не видывалъ еще въ своей жизни. Дымъ дорогого табаку окутывалъ и туманилъ голову. Яжимскій посадилъ его поближе къ державшимъ банкъ, а самъ исчезъ въ сосѣднихъ комнатахъ. Сперва Рафаиль чувствовалъ себя очень недовко, но понемногу освоился, тѣмъ болѣе, что никто не обращалъ на него вниманія. За то онъ могъ внимательно рассмотреть лица игроковъ. Наконецъ, Яжимскій вернулся, присѣлъ около него и положилъ руку ему на плечо, какъ дѣлалъ въ былыя времена, на школьной скамьѣ. Теперь это проявленіе пріязни было особенно пріятно Рафаилу. Немного погодя, Яжимскій наклонился къ его уху и шопотомъ спросилъ, точно на урокъ стараго Непре:

— Хочешь сыграть, старина?

— Нѣтъ, нѣтъ! — также шопотомъ отвѣтилъ Рафаиль: — я только что пріѣхалъ... При томъ... я не могу вести такую азартную игру.

— Боишься, какъ бы не провѣдалъ старый чесьникъ?

— Не въ томъ дѣло, а только...

— Въ чемъ же?

— Это магнатская игра!

— Дитя мое... — съ улыбкой сказалъ Яжимскій: — мы не съ ними бы и играли. Я и самъ это понимаю... Ты совершенно правъ: здѣсь слишкомъ крупныя ставки... Если ты не прочь, перекинемся по старому въ вистикъ...

— Ну, въ вистъ... Хотя я уже столько лѣтъ не игралъ...

— Но не забудь, отрицать не станешь?

— Да, правда.

— Вотъ видишь...

Яжимскій велѣлъ провѣтрить сосѣднюю комнату и разставить тамъ столики. Потомъ покровительственно пошептался съ двумя молодыми людьми, которые такъ-же, какъ Рафаиль, только наблюдали за игрой, и познакомилъ ихъ съ нимъ. Это были литовцы; помѣщичьи сыновья. Когда подали карты, Рафаиль, покраснѣвъ до ушей, спросилъ:—по какой играютъ?

Яжимскій небрежно отвѣтилъ: — Какъ обыкновенно, — по червонцу, а ставки по три.

У Рафаила было всего нѣсколько червонцевъ, получен-

ныхъ въ счетъ секретарскаго жалованья, и его бросило въ холодный потъ, но отказаться стало стыдно.

Яжимскій наклонился и шепнулъ ему:— Не безпокойся о деньгахъ. Я заплачу за тебя,—а немного погоды, прибавилъ:— Играй смѣлѣе!

Но Рафаилу не требовалось поощренія: процессъ игры охватилъ его давно не испытаннымъ упоеньемъ. Онъ вспомнилъ свою юность, свои лучшіе дни. Машинально тасуя и сдавая, онъ переживалъ въ мечтахъ тѣ или другія событія. По странному капризу судьбы, ему сегодня страшно везло. Онъ не задумывался ни надъ возможными комбинаціями, ни надъ тѣмъ, какъ ходить, а выигрывалъ — точно его рукой водилъ самъ демонъ-искуситель. Литвины становились все чопорнѣе, глаза ихъ туманились все сильнѣе. Яжимскій посмѣивался, бесѣдовалъ слегка о сандомірскихъ дѣлахъ, о шляхтѣ изъ-подъ Копшивницы... По временамъ онъ пристально глядѣлъ на Рафаила, стараясь угадать тайну его удивительнаго счастья. Но затѣмъ опять расплывался въ добродушную улыбку. Того это только радовало. Онъ уже готовъ былъ увеличивать ставки — въ полной увѣренности, что вернетъ съ лихвой. Принесли свѣчи, и Рафаиль тогда лишь замѣтилъ, что почти весь день провелъ за ломбернымъ столомъ. Наконецъ, сдѣлали перерывъ. Изъ десяти роберовъ онъ взялъ семь, выигравъ около сотни червонцевъ. Когда онъ съ небрежнымъ видомъ спряталъ въ карманъ эту груду золота, Яжимскій отвелъ его въ сторону, дружелюбно говоря:

— Ну что, здѣсь веселѣе можно пожить, чѣмъ у стариковъ-родителей?

— Ну, конечно...—Рафаиль бессмысленно улыбнулся.

— Теперь ты рѣшительно долженъ войти въ свѣтскій кругъ. Я берусь тебѣ помочь. Только не очень-то рассказывай о своемъ секретарствѣ у Гинтулта...

— Да какъ же это...

— Ужъ я устрою. Прежде всего тебѣ нужно по-человѣчески одѣться. Сегодня мы собираемся въ клубъ и въ театръ. Ты могъ бы съ нами... но въ такомъ видѣ невозможно. Вотъ что,—надѣнь мой костюмъ, какъ бывало прежде. Мы одинаковаго роста.

Рафаиль согласился, послѣдовалъ за хозяиномъ въ гардеробную и вышелъ оттуда въ черномъ фракѣ, въ чулкахъ, съ моднымъ платкомъ на шеѣ. Картежники развѣзжались, и скоро Рафаиль остался вдвоемъ съ Яжимскимъ. Пока закладывали лошадей, пріятели прохаживались по накураннымъ комнатамъ. Они сперва заѣхали къ парикмахеру, а оттуда—причесанные по послѣдней модѣ—въ клубъ. Рафаиль, чув-

ствуя въ карманѣ тяжесть золота, сдѣлался самоувѣренъ, какъ завсегдатай. Смѣло, элегантно и высокомѣрно прошелъ онъ мимо ряда низко кланявшихся лакеевъ и очутился въ залитой свѣтомъ залѣ. Старый дворецъ, превращенный ловкимъ камердинеромъ въ англійскій клубъ, носилъ еще печать временъ Станислава. Остались тѣ-же самыя обои, карнизы, старые портреты и мебель; но тутъ и тамъ выглядывалъ отчаянно рѣжущій глазъ пришлецъ—какой-нибудь сосновый буфетъ, едва помазанный яркой охрой, складной столъ, стеклянный шкафчикъ съ рюмками. Обивка была истрепана, покрыта грязью. Въ залахъ было если и не полно, то необыкновенно шумно. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ громкій разговоръ превращался въ ссору, но всего шумнѣе было за дверью, къ которой направился Яжимскій. Почти у входа молодые люди наткнулись на человѣка въ расшитомъ позументами фракѣ, съ напудренной головой и краснымъ носомъ. Онъ поклонился до самой земли, окинувъ въ то же время Рафаила нахальнѣйшимъ взглядомъ.

— „Бляха“ пируетъ...—сказалъ онъ печально, прижимая руки къ груди.

— Мой пріятель, я ввожу. Слышишь, Качорось?

— Слышу, охъ, слышу! Да вѣдь не могу я... Пожалуйста въ другой кабинетъ, я вамъ предложу прелестный—графини Розалии,—жемчужника...

— Пропусти, чтобы я невзначай какъ-нибудь не искалѣчилъ тебя,—трогательно просилъ Яжимскій.

— Боюсь! Клянусь Богомъ, боюсь! Ротмистръ меня навсквозь прострѣлитъ отравленной пулей.

— Давно бы слѣдовало за то, что испакостилъ такой прекрасный дворецъ. Однако, ты слышишь, что я тебѣ говорю? Я ввожу!

Хозяинъ клуба поднялъ глаза къ грязному потолку, словно призывая Бога въ свидѣтели своей невинности, и отстранился. Яжимскій, съ шумомъ открывъ дверь, ввелъ Рафаила подъ руки.

Небольшая овальная зала была полна.

По срединѣ стоялъ большой столъ, покрытый батареей бульлокъ, корзинами съ фруктами, пирамидами конфетъ, громадными букетами осеннихъ цвѣтовъ, вокругъ котораго сидѣли товарищи пирушекъ князя Пепи. Всѣ были остужены à la Titus или à la Caracalla, и большинство въ бальныхъ костюмахъ. Эти воспитанные люди, собственники большихъ имѣній, наслѣдники историческихъ именъ, пѣли и кричали, какъ бѣсноватые. Когда дверь открылась, широкоплечій, громаднаго роста усачъ окликнулъ громовымъ голосомъ:

— Кто осмѣлился?

Но остальные закричали:

— Съ кѣмъ ты, пшемысльскій староста?

— Съ пріятелемъ, мости привратникъ!—такъ же громко отвѣтилъ Яжимскій и представилъ Рафаила:

— Мой коллега и самый близкій пріятель, Ольбромскій, сандомірскій помѣщикъ.

— Сандомірскій...—пробормоталъ усачъ.

— Просимъ...—послышался одинъ голосъ.

Рафаилъ нѣсколько мгновений свысока мѣрилъ всѣхъ глазами, точно вызывая, и затѣмъ слегка поклонился. Шумъ на время утихъ.

— Мы говорили здѣсь,—обратился къ Яжимскому черезъ столъ усачъ,—о Стахѣ Войсятычѣ, который жаждалъ попасть въ избранное общество, прибывъ прямо изъ околицъ Кобрыня...

— И попалъ, только, кажется, на собранье масоновъ... — перебилъ его молодой блондинъ, у котораго языкъ уже заплетался.—Эти фармазоны начали водить его по погребамъ... Велѣли ему — ха-ха-ха! — прикасаться съ благоговѣніемъ къ кочанамъ капусты, произносить при этомъ какія-то глупыя слова, опускать руки по локоть въ кислое молоко и чертить пальцемъ кресты на свиныхъ тушахъ... Держите меня!.. я умру отъ смѣха...

— Ты, навѣрно, знаешь его, Яжимскій, этого Войсятыча? Ты вѣдь знакомъ со всѣми безъ исключенія.

— А ты, ротмистръ, не стыдишься съ такими усищами служить подъ командой Заюнчка и знакомъ только съ богачами.

— Ты правъ. Я не привыкъ связываться съ каждымъ встрѣчнымъ... Я, видишь ли, съ рожденья не долюбиваю сволочи и черни.

— Особенно, когда приходится платить долги.

— Карточные, о аристократъ!—все громче оралъ ротмистръ среди всеобщаго гама:—сдѣланные въ твоемъ atelier...

— Я узналъ, что atelier Яжимскаго помѣщается не тамъ, не въ частной квартирѣ, а совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, — тихо процѣдилъ молодой человекъ, стройный, съ изящными движеніями, прекрасно одѣтый, шуршавшій шелками.

— Ба, да это извѣстно!—продолжалъ ротмистръ:—у него два, но я говорю объ игорномъ.

Яжимскій, слегка покраснѣвъ, небрежно стряхивалъ пылинки съ отворота фрака.

— Послушай, Шпилька, ты слишкомъ много говоришь...—обратился онъ къ блестящему, съ насмѣшливымъ лицомъ, молодому человѣку.

— Слишкомъ много? Ты шутишь!.. Я сдержанъ, какъ всендѣзъ Бодуэнъ. Если я говорю, что баронесса...

— Счастливецъ!—заораль усачь ротмистръ:—тысячу разъ счастливецъ! Баронеса дереть со стараго кастеляна, а онъ...

Въ это мгновеніе Яжимскій схватилъ со стола большой мокрый букетъ, но сидѣвшій съ нимъ рядомъ моментально удержалъ его руку, прижавъ къ скатерти. Кругомъ хохотали. Ротмистръ вытеръ потное лицо и проговорилъ съ разстановкой:

— Ты завтра отвѣтишь мнѣ за этотъ букетъ у барбера.

— Я обрѣжу тебѣ уши, старый трусъ!

— Хорошо слѣлаешь: по крайней мѣрѣ, я не буду слышать о тебѣ, о твоихъ лошадяхъ, о твоей баронессѣ. А теперь довольно! Качора!..

— Качоръ!—подхватили голоса.

Въ дверяхъ появился напудренный парикъ хозяина.

— Вина подай, разбогатѣвшій лакей! Разжирѣлъ, растолстѣлъ, какъ словарь Форчеллини, спишь тамъ на гетманскомъ ложѣ и забываешь о своихъ господахъ! — закричали ему.

Опять полилось рѣдкой шампанское, бургундское, старое венгерское.

Кто-то запѣлъ:

Je ne trouve rien de charmant
Comme les belles;
Je ne pourrais un seul moment
Vivre sans elles,
Mais sans jamais trop m'engager
Je les courtise...

Пьяный фальцетъ dokonчилъ:

Toujours aimer, souvent changer —
C'est ma devise!

— Яжимскій, это къ тебѣ не относится, — посмѣивался сидѣвшій на углу стола косоглазый юноша:—ты постояненъ.

— Я слышалъ отъ заслуживающихъ довѣрія матронъ...—говорилъ ротмистръ, какъ будто обращаясь къ пріятелю по прозванію „Шпицъ“, но такъ, чтобы всѣ слышали:—это вѣрно... она кормить его съ ложечки. Даетъ ему три раза въ день гущенное токайское. И только потому...

— Но за то онъ ей служить и за секретаря, и за куафера...—отвѣтилъ Шпицъ.

— Ошибаетесь!—возразилъ косоглазый:—не это даетъ ему главный доходъ. При такой роскошной жизни расходъ не мало. Я не хочу разглашать, но у меня есть данныя... Онъ почтенный труженикъ: у него тайный пивоваренный заводъ, только я еще не знаю, гдѣ: на Клопоцкой площади, или

возлѣ Варецкой. Онъ варить шляхетское пиво, такъ какъ самъ шляхтичъ по прапрадѣду. Утромъ, пока мы всѣ еще безбожно спимъ, онъ, переодѣтый кучеромъ, развозитъ свое пиво по еврейскимъ лавченкамъ. Да, этотъ человѣкъ работаетъ!

— Замолчи! молчи...—послышались голоса.

— Зачѣмъ его дразнить?

— Потому, что я хочу и могу...—закричалъ Шпицъ.

— Вы, господа, такъ опакостились,—ревѣлъ ротмистръ,— что хотите уничтожить послѣдній остатокъ клубной свободы, свободное слово! Никогда! Я лягу здѣсь трупомъ, но буду говорить, что мнѣ угодно!

— Дайте ему наговориться...—сказалъ Яжимскій.

— Я буду говорить,—и все о тебѣ. Я слышала, что ты устраивалъ въ Борховскомъ садикѣ на Медовой улицѣ...

— Онъ хочетъ не только проткнуть меня своей страшной шпагой, прославившейся въ двѣнадцать бѣгствъ съ поля сраженія,—смѣялся Яжимскій,—но еще обезчестить передъ смертью, чтобы не платить долга.

— Ошибаешься. Я буду плясать на твоей могилѣ, это вѣрно, и воздвигну тебѣ памятникъ съ эпитафіей на латинскомъ языкѣ, въ которой опишу ямбическимъ стихомъ твои заслуги.

— Не дѣлай этого,—и въ коротенькомъ стихѣ не выдержишь,—солжешь.

— Я замѣтилъ, — перекричалъ всѣхъ косоглазый, — что Бенедиктъ стремится къ *absolutum dominium*.

— Никто этого не замѣтилъ, кромѣ тебя,—возразилъ Бенедиктъ.

— О чемъ тамъ толкуютъ?—спросилъ кто-то.

— Я напоминаю блѣдноокому, что онъ мѣщанинъ, принадлежитъ къ третьему сословію, а не къ намъ, удрученнѣмъ столькими преступленіями, взводимыми на наши головы, украшенные париками..

— Докажи, иначе мы приговоримъ тебя къ уплатѣ за весь ужинъ.

— Нашъ блѣдноокій приписался въ варшавской ратушѣ къ цеху добродѣтельныхъ сапожниковъ или краснорѣчивыхъ портныхъ.

— Лжешь!—крикнулъ косоглазый.

— Пойдемъ въ ратушу и убѣдимся!

— Пусть Келеръ покажетъ этотъ документъ.

— Такъ какъ же?—кричалъ ораторъ:—если мы найдемъ тамъ его подпись съ соотвѣтственно патріотическимъ росчеркомъ, тогда что?

— Бросимъ его въ лоно скорняковъ, соединенныхъ съ сапожниками.

— Велимъ ему залѣзть до самыхъ локтей въ кадки съ огурцами и три раза произнести: такъ be пак! — бормоталъ блондинъ. Совсѣмъ осовѣвши, онъ уцѣпился за плечо Рафаила. Яжимскій, нисколько не смущаясь выходками товарищей, заботился о пріятелѣ: подливалъ ему, пододвигалъ тарелки. Рафаиль пилъ, чтобы не сидѣть неподвижно, въ неловой позѣ, обращавшей вниманіе. Вино придало ему смѣлости, онъ становился все самоувѣреннѣе, разсматривая пирующихъ, которые кричали, спорили и рассказывали сальные анекдоты. Въ послѣднемъ первенствовали французскіе эмигранты. На другой сторонѣ сидѣлъ, положивъ локти на столъ, мужчина лѣтъ сорока, съ краснымъ лицомъ и суровыми глазами. Разстегнувъ рубашку и развязавъ шейный платокъ, онъ громко сопѣлъ, уставившись въ Рафаила. И, наконецъ, спросилъ:

— Вашность изъ какихъ Ольбромскихъ?

— Вѣдь сказано тебѣ: изъ сандомірскихъ, — проворчалъ Яжимскій.

— Не съ тобой говорятъ, философъ! Изъ сандомірскихъ? Не родственникъ Петра?..

— Братъ.

— Вотъ какъ! Гдѣ же онъ теперь, этотъ мизантропъ?

— Умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Умеръ...—спокойно повторилъ спрашивавшій. — Жаль парня: хорошій былъ офицеръ, хотя педантъ и проповѣдникъ. Стоялъ онъ какъ-то въ моемъ имѣніи... Когда мы, молодежь, выписывали себѣ модныя пуговицы для фраковъ, каемочки для подтяжекъ, пряжки для башмаковъ, парижскіе штиблеты и отъ Карпантье сѣтки; когда мы говорили объ этомъ, спорили, вели диспуты, его отъ негодованія лихорадка била. Бывалъ онъ у меня въ Олесницѣ.

— Въ Олесницѣ?—съ живостью воскликнулъ Ольбромскій.

Одно изъ прекраснѣйшихъ воспоминаній его жизни, — о ночи съ соловьями, съ звѣздами, какихъ потомъ онъ никогда уже не видѣлъ, вдругъ пронеслось въ его воображеніи.

— Въ моемъ гнѣздѣ. Знаете, вашность, это мѣсто?

— Да. Я проѣзжалъ черезъ него по дорогѣ къ брату.

— Порядочный сдѣлалъ путь... Изъ Сташова на Броды, правда?

— Да, да! Тамъ громадныя озера, безконечныя луга...

— Озера хорошія, вѣрно. Теперь тамъ охотничья дача готова...

Онъ всталъ, протянулъ руку и, не сводя съ Рафаила тяжелаго взгляда, сказалъ:

— Коли вашмость добромъ вспомнилъ Броды и Олесницу и братъ стараго товарища, то самъ ты мнѣ товарищъ. Выпьемъ, братъ... какъ тебя зовутъ?

— Рафаиль.

— Выпьемъ, Рафаиль! Прежде всего за Петра. Вѣчный ему покой!

— Вѣчный покой...—повторилъ Рафаиль растроганно, осушая рюмку до дна.

— Онъ не былъ злодѣй, скотина и дармождъ, вродѣ насъ съ тобой! Коли ты сидишь между этими мошенниками и лопаешь винище, вмѣсто того, чтобы заниматься охотой, то, конечно, скотина. Ты думаешь, что твои гончія теперъ не сорвутъ охоты, что ты можешь почтеннаго пса годами держать взаперти? Вздоръ!

Рафаиль, добродушно кивая головой, смотрѣлъ сквозь слезы на лицо оратора.

— Братъ твой былъ политикъ, мудрецъ. Ого! Какъ начнеть, бывало, рассказывать *de publicis*, такъ мы только что не режемъ... Но насчетъ фехтованья былъ слабъ. Никогда я съ нимъ, благодареніе Богу, не дрался, но у меня взгляды спокойный, рука твердая. Изрубилъ бы я его, какъ капусту, дойди до поединка,—рука у него, скажу откровенно, была слаба.

Рафаиль подумалъ, что потому, вѣроятно, братъ и выбралъ пистолеты послѣ ссоры съ Гинтултомъ... Онъ усиленно началъ пить, стараясь отогнать нахлынувшія тяжелыя воспоминанія. Новый знакомый произвелъ на него пріятное впечатлѣніе, ему захотѣлось обнять его, вообще, чѣмъ-нибудь выразить свои чувства. Онъ всталъ и, торжественно поднимая рюмку, крикнулъ во все горло:

— Тостъ въ честь царни въ Олесницѣ!

— Этотъ еще чего хотеть?—раздались голоса.

— Вы слышали!

— Кто это?

— Берейторъ Калиновскаго...

— Я провозглашаю тостъ,—закричалъ косоглазый, въ совершенствѣ подражая немного дрожащему голосу Рафаила,— не только за царню въ Олесницѣ, но и за курятникъ въ Пацановѣ!

Этотъ возгласъ затерялся въ шумѣ. Рафаиль, сжавъ кулаки, хотѣлъ пробраться къ косоглазому насмѣшнику, но не могъ. Двое какихъ-то бросались другъ на друга съ крикомъ:

— Твои имѣнія въ Литвѣ? Лжеецъ, трепещи! Извѣстно вѣдь, что ты нажилъ деньги въ качествѣ клоуна на Братской улицѣ.

— Ха-ха-ха!—хохотала толпа.—Вотъ такъ поддѣлъ! Этого пятна ни одинъ химикъ не выведеть!

Общаго разговора уже не было, да и разговора вообще. Налитые кровью глаза едва-едва различали предметы. Въ одномъ мѣстѣ необыкновенно чувствительно обнимались, въ другомъ—смотрѣли исподлобья.

Черезъ открытыя окна врвался осенній холодъ.

Ротмистру удалось, наконецъ, перекричать всѣхъ:

— Вы собираетесь до утра здѣсь сидѣть? Въ театрѣ!

— Вѣрно! въ театрѣ!—подхватили голоса.—Представленіе началось. Живѣе собирайтесь! Кончайте!

И тотчасъ же откуда-то взялся хозяинъ. Когда, низко наклонивъ напудренную голову, онъ назвалъ сумму, со всѣхъ сторонъ посыпались червонцы. Онъ сгребалъ ихъ съ трогательной улыбкой, изогнувшись и зажмуривая глаза съ такимъ видомъ, точно каждую минуту ждалъ удара. Лакеи подавали шляпы, трости, плащи. Компанія съ шумомъ прослѣдовала черезъ залы и вышла на улицу.

Моросилъ мелкій, холодный дождикъ. Было адски темно. Такъ какъ не оказалось ни фіакровъ, ни проводниковъ съ фонарями, то съ громкими криками двинулись по серединѣ грязной улицы. Яжимскій, взявъ Рафаила подъ руку, пошелъ впередъ:

— Мы идемъ въ театръ...

— Театръ... Богуславскаго?

— Что ты мелешь?!

— Его всѣ хвалятъ, кто только видѣлъ...

— У васъ въ деревнѣ?

— Ну да...

— У Богуславскаго балаганъ, о которомъ не принято даже говорить. Онъ хорошъ для кучеровъ, лакеевъ, мѣщанъ и всякаго сброда. Никогда не вспоминай, если не хочешь себя скомпрометировать. А кстати—и меня... Мы идемъ въ *théâtre de société*, въ радивилловскомъ дворцѣ.

— Да ладно! Я вѣдь ничего не знаю...

— Нужно все знать, разъ ты попалъ въ порядочное общество. Правда, и туда ходятъ господа изъ шайки Солтыка и Сапѣги, на зло намъ афишируя свои патріотическія польскія чувства, но главный контингентъ зрителей въ этомъ балаганѣ—чернь. Понимаешь?

— Конечно!

Они сворачивали изъ переулка въ переулокъ, спотыкаясь въ выбоинахъ и лужахъ. Шедшіе впереди пѣли какую-то залихватскую пѣсню. Рафаиль на свѣжемъ воздухѣ все больше терялъ способность владѣть руками и ногами. Если-бъ не Яжимскій, онъ грохнулся бы въ первую лужу. Долго не

могъ онъ понять, гдѣ находится, и только на театральной лѣстницѣ немного пришелъ въ себя. Они толпились у закрытыхъ дверей, пытаясь войти, хотя первая комедія, „La feinte par amour“ Дора, кончалась. Рафаиль вслѣдъ за другими пробрался въ переполненную залу. Очутившись въ партерѣ, по сосѣдству съ ложами, въ которыхъ сидѣли дамы, пріятели притихли и успокоились. Ихъ появленіе обратило на себя всеобщее вниманіе, — въ ложахъ начались перешептываться. Ротмистръ замѣтилъ это и зашепталъ своимъ басомъ:

— Насъ видятъ насквозь. Мы смѣшны!

— Уйдемъ въ антрактѣ.

— Уйдемъ!

— Душно...

— Анизетка, — прошепталъ ротмистръ: — я предлагаю пойти *in cognate* въ балаганъ Богуславскаго. Тамъ тоже сегодня играютъ, — можно будетъ позабавиться.

— Идея!

— Идемъ!

Какъ только опустился занавѣсъ, вся компанія вышла изъ театра. У большинства передъ подъѣздомъ стояли уже экипажи и лакеи съ фонарями, и вотъ съ шумомъ, съ пѣснями двинулись на площадь Красинскихъ. Яжимскій ѣхалъ съ Рафаиломъ и еще съ какимъ-то Бурштынкомъ. Этотъ послѣдній все что-то говорилъ, захлебываясь отъ смѣха.

— Чтѣ они тамъ будутъ представлять? Яжимекъ, ты навѣрно знаешь?

— Какого-нибудь „Сида“, „Гамлета“ или чувствительную нѣмецкую оперу, вродѣ „Волшебной флейты“..

— Великолѣпныя декорации „кисти“ папа Смутлевича и вой оборванцевъ на языкѣ предковъ... Что же мы тамъ будемъ дѣлать?

— Посмотримъ. Есть буфетъ.

— Ну, буфетъ.. Я не особенно жажду ихъ лакейскаго пива. Виновать, можетъ, тамъ продаютъ шляхетское пиво?..

— Я выброшу тебя изъ экипажа!

— Въ виду этого...

— Сиди спокойно и жди!

— Я давно подозреваю, что тебя обуяло вулканическое пламя патриотизма *d'antichambre*. Ты какъ разъ и везешь меня въ такую минуту, когда меня тошнить.

— Повторяю, что если хочешь, то могу сейчасъ тебя выбросить.

— Извини, ты не имѣешь на это права, если въ перспективѣ буфетъ.

Скоро компанія очутилась въ полутемныхъ сѣнцахъ театра. Съ шумомъ, съ гамомъ потребовали они къ себѣ актера

уже закрывшего было кассу, и, громко разговаривая, вошли въ залу. Публика здѣсь была совсѣмъ особенная. Играли трагедію Расина „Британникъ“. Съ плохо освѣщенной свѣчами сцены неслись печальныя риемованныя рѣчи.

— Ужасно трогательно, господа, не правда-ли?—громко обратился къ товарищамъ ротмистръ, едва только успѣвъ сѣсть на мѣсто и взглянуть на сцену.

— Мы потрясены до глубины желудковъ...

— У меня печень сорвалась съ привязи и блуждаетъ на свободѣ.

— Растолкайте, пожалуйста, этихъ соотечественниковъ изъ Подвала и Кривого-Кола!—крикнулъ Анизетка.—Я не затѣмъ пришелъ въ эту дыру съ купленнымъ билетомъ, чтобы они топтали мои нѣжныя мозоли.

— Потребуй немедленнаго удовлетворенія отъ этой тощей актрисы, которая окончательно оглупѣла, увидѣвъ страданіе на твоёмъ лицѣ.

— Великій Боже! Я вижу моего лакея! Эта великолѣпная чепуха волнуетъ высокими чувствами его грудь. Однако, не смотря на возвышенность получаемыхъ здѣсь впечатлѣній, табакъ онъ крадетъ попрежнему.

— Гдѣ же буфетъ, обѣщанный въ программѣ зрѣлищъ?—спрашивалъ пріѣхавшій съ Яжимскимъ.

— Въ сосѣдней комнатѣ!—громко отвѣтилъ какой-то господинъ изъ ложи бенеуара.

— Благодаримъ неизвѣстнаго, сочувствующаго нашему несчастію...—дерзко проговорилъ ротмистръ по направленію къ ложѣ.

Онъ растолкалъ толпу, которая молча оглядывалась на него, и пошелъ въ буфетъ. Большинство товарищей послѣдовало его примѣру. Рафаиль тоже принялся пить. Онъ смутно сознавалъ, что слышалъ какой-то крикъ, но передъ глазами его мелькали то театральная публика, то закуска и бутылки, разставленныя на стойкѣ. Онъ вытаскивалъ изъ кармановъ червонцы, кого-то обнималъ, небритыя бороды кололи его лицо, усы щекотали, блестяли чьи-то горячіе глаза, кто-то дружелюбно съ нимъ говорилъ, и онъ съ чѣмъ-то безусловно соглашался. Черезъ опустѣвшую залу, освѣщенную одинокимъ фонаремъ, поздно ночью вышелъ онъ вмѣстѣ съ другими, чувствуя, что голова его горитъ. Онъ тащился по грязи, способствуя съ своей стороны шуму. Потомъ, въ непроглядной темнотѣ, увидѣлъ передъ собой два фонаря приближавшагося экипажа. Кучеръ грубо кричалъ имъ, чтобы посторонились. Въ то же мгновеніе правый фонарь освѣтилъ на оси колеса запачканные сапоги съ элегантными отворотами. Раздался басъ ротмистра:

и кучеръ съ крикомъ ужаса грохнулся съ козелъ въ лужу. Ноги въ сапогахъ съ отворотами очутились на мѣстѣ кучерскихъ. Лошади отъ удара кнута помчались, какъ безумныя, и карета скрылась въ переулкѣ. Нѣкоторое время слышались отчаянные крики сидѣвшихъ въ ней женщинъ.

— Ничего съ вами, бабы, не будетъ! Ротмистръ привезетъ васъ въ два раза скорѣе, чѣмъ это животное...

Улицы были совершенно пусты и темны, какъ пещеры. Паденіе кучера съ козелъ послужила для толпы, шедшей до сихъ поръ спокойно, какъ бы сигналомъ: всѣми овладѣло настоящее безумье. Сначала Рафаиль слышалъ удары палокъ по кучеру, а когда онъ вырвался, наконецъ, они посыпались на стѣны домовъ, двери лавокъ, желѣзныя рѣшетки садовъ. То и дѣло раздавался звонъ стеколъ. Съ трескомъ падали срываемя вывѣски; кулаки, палки и каблуки барабанили въ крѣпко запертыя ворота. Кто-то высѣкъ огонь, и Рафаиль увидѣлъ, что двое стоятъ на балконѣ второго этажа маленькаго дома. Они пробрались тула по желѣзной рѣшеткѣ сосѣдняго садика. Двое другихъ стояли еще на оградѣ. Общими силами они сорвали со стѣны вывѣску, прикрѣпленную къ желѣзному болту надъ запертой дверью лавки. Нѣсколько паръ сильныхъ рукъ раскачивало болтъ вверхъ и внизъ... Вламываемая дверь трещала; фельдшерскія тарелки звенѣли,—кто-то снялъ ихъ и принялся отбивать маршъ. Кое-гдѣ замелькалъ свѣтъ, испуганныя бѣлыя фигуры забѣгали за разбитыми окнами...

Уже половина улицы была разнесена, какъ вдругъ изъ глубины сосѣдняго переулка раздались мѣрные шаги и молніей блеснулъ свѣтъ потайного фонаря.

— Зибенкнопфы!—крикнулъ пріятель Рафаила, собственникъ олесницкой псарни.

— А злодѣи, вы тутъ!

— Бей прусака!

— *Нав acht!*—раздался въ темнотѣ спокойный голосъ.

Пьяная толпа сбилась въ тѣсную кучу. Новый лучъ свѣта озарилъ глубокою темноту, и Рафаиль увидѣлъ сильныя руки, державшія, точно знамя, вырванный болтъ съ вывѣской. Жестяная доска вывѣски лязгнула, послышался свистъ желѣзнаго прута и отрывистый вопль, другой, третій... Патруль обнажилъ сабли и началъ рубить съ плеча, наудачу. Анизетка, Бурштынокъ, Шпицъ, Шпилька—все ринулись на солдатъ съ палками, съ камнями, поднятыми тутъ же. Желѣзная полоса въ рукахъ силача изъ Олесницы сразу перетянула вѣсы побѣды. Патруль отступалъ подъ стѣнами домовъ, раздавались свистки, нѣмецкіе крики, взывавшіе о помощи, стоны и проклятія.

— Въ кучу! Въ кучу, господа!—командоваль случайный вождь.

— Беритесь за руки и назад!

— Насъ окружать, назад!—кричали всѣ.

У Рафаила не было даже палки. Не смотря на это, онъ все порывался впередъ—въ бой. Наткнувшись въ темнотѣ на жалкое деревцо, привязанное къ высокому, крѣпкому колу, онъ, въ мгновеніе ока, выхватилъ его и замахалъ, описывая большіе круги. Когда Рафаиль почувствовалъ, что въ кого-то попалъ, наконецъ, то началъ колотить уже по-сандомірски. Солдатъ, съ которымъ онъ сцѣпился, задѣлъ его раза два саблей по шеѣ и по рукѣ. Это возбудило Рафаила до бѣшенства: намѣтивъ, онъ съ размаху ударилъ его по головѣ, и прусакъ упалъ на землю. Убѣдившись, что солдатъ лежитъ безъ чувствъ, онъ потащилъ его за собой по грязи, что-то бормоча про себя.

Горсть воинственныхъ авантюристовъ отступала быстрымъ маршемъ. Патруль двинулся впередъ, освѣщая путь фонарями, подымая и приводя въ чувство раненныхъ.

Между тѣмъ „Бляха“, сомкнутой колонной, достигла площади и прилегающихъ къ ней улицъ. Тутъ всѣ торопливо распрощались и разошлись въ разныя стороны, чтобы скрыть слѣды. Отрезвившійся Рафаиль разыскалъ Яжимскаго. Нѣсколько человекъ, держась за руки, боковыми улицами и переулками, пробрались въ безопасное убѣжище: въ извѣстные Яжимскому роскошныя рощи ассирійской Мелитты.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВѢТЛАЯ НОЧЬ.

Побѣдный звонъ колоколовъ
 Меня съ постели поднялъ властно.
 Онъ сердцу говорилъ безъ словъ,
 Что міръ великъ, что жизнь прекрасна!
 Я вышелъ. Ночь была свѣтла
 И, какъ невѣста, улыбалась
 И пѣли гимнъ колокола...
 И въ сердцѣ что-то поднималось..
 Какъ будто вдругъ взломало ледъ,
 И тронулась рѣка людская,

Стремясь на волю—вширь, впередъ,
 Оковы жизни разбивая!
 Живымъ потокомъ и меня,
 Какъ льдинку, въ море, уносило,
 И сердце, съ прошлымъ связь храня,
 Участья въ праздникъ просило.
 Меня толпой прибило въ храмъ,
 И я, чужой, вошелъ несмѣло...
 Не помню я, что пѣли тамъ,
 Но помню—сердце также пѣло!
 И былъ ребенкомъ прежнимъ я,
 Съ душою дѣтски-безмятежной...
 Со мной опять—друзья, семья
 И мать съ своей улыбкой нѣжной.
 И няня тоже здѣсь со мной...
 Она со мною всюду, всюду...
 „Когда я выросту большой
 И самъ такимъ, какъ папа, буду,—
 Мечтаю я,—возьму тогда
 Я няню милую съ собою
 И ни къ кому и никогда
 Не отпущу ея...“

Судьбою

Не то мнѣ было суждено:
 Одинъ я, чуждый всѣмъ, усталый...
 И, слезъ не вѣдавшій давно,
 Я плачу, какъ ребенокъ малый!

Я вышелъ. Ночь была свѣтла
 И, какъ невѣста, улыбалась...
 Рѣка съ собой меня несла,
 А сердце... плакало, смѣялось...
 И пѣли гимнъ колокола!

В. Львовъ.

кія фігуры рабочихъ, сновавшихъ передъ магазинами и сдвигавшихъ вагоны.

Бухгольцъ съ трудомъ дышалъ воздухомъ, полнымъ дыма и угольной пыли.

Онъ сильно закашлялся, но не пошелъ домой: имъ овладѣло какое-то пріятное безсиліе.

Свѣтило весеннее солнце, мягкій вѣтеръ доносился съ залитыхъ водою полей, на голыхъ еще тополяхъ у забора съ крикомъ дрались и радостно чирикали стаи воробьевъ, привѣтствуя весну.

Наконецъ, Бухгольцъ поднялся и пошелъ домой съ чувствомъ полной беспомощности передъ силой этой колоссальной фабричной жизни. Онъ едва двигался и съ завистью смотрѣлъ изъ парка на красныя, громадныя зданія, съ блестящими окнами.

Не смотря на чудесныя средства Гамерштейна, Бухгольцу съ каждымъ днемъ дѣлалось все хуже. Онъ мало спалъ и часто проводилъ ночи въ креслѣ: ему казалось, что если онъ ляжетъ, то непременно умретъ. Страхъ смерти овладѣвалъ имъ все чаще, онъ сталъ бояться одиночества больше прежняго, но еще не рѣшался признаться себѣ въ этомъ и бороться всѣми силами.

Тѣмъ не менѣе, имъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала тягостная апатія: онъ уже ничѣмъ не хотѣлъ заниматься, все ему надоѣдало и перестало его интересовать. Бухгольцъ цѣлыми часами сидѣлъ безъ движенія въ конторѣ, бессмысленнымъ взглядомъ смотря на деревья въ паркѣ, забывая, гдѣ онъ и что съ нимъ; потомъ, когда возвращалось сознание, онъ плелся на фабрику, къ людямъ, безсознательно цѣпляясь за нихъ, съ отчаяніемъ тонущаго, который хватается за скользкіе, обрывистые берега.

Въ субботу, когда долженъ былъ пріѣхать Кнолль, онъ чувствовалъ себя еще хуже, но всетаки послѣ полудня пошелъ на фабрику.

Его охватило какое-то нетерпѣніе: онъ ни минуты не могъ усидѣть на мѣстѣ, переходилъ изъ павильона въ павильонъ, изъ залы въ залу, съ одного этажа въ другой; ему хотѣлось идти безъ конца впередъ, все видѣть, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всего бѣжать, такъ какъ машины его раздражали, а безчисленныя ленты безконечныхъ ремней, которые со свистомъ мелькали вокругъ, вызывали болѣзненное ощущение.

Онъ зашелъ въ ткацкое отдѣленіе и сталъ бродить между станками, которые порывисто вздрагивали, какъ звѣри, готовые сорваться съ цѣпей.

Огромныя залы гудѣли. Бухгольцъ торопливо проходилъ

мимо машинъ, взглядывая на рабочихъ, склонившихся надъ станками; они были точно прикованы къ нимъ, ничего не слышали и не видѣли, что творится вокругъ.

Хлопчатобумажная пыль заволакивала сѣроватымъ, колеблющимся облакомъ темныя, подвижныя очертанія машинъ и почти неподвижныя фигуры людей и искрилась въ полосахъ свѣта подъ длиннымъ рядомъ оконъ.

Бухгольцъ нигдѣ не находилъ успокоенія: монотонный, несмолкавшій лягъ желѣза, грохотъ станковъ, колеблющихъ стѣны и точно стонущихъ въ мукахъ сопротивленія, только еще больше раздражалъ его.

Въ ашпретурномъ отдѣлѣ испаренія соды, поташа, сѣраго мыла ѣли глаза, а машины, напоминавшія крокодиловъ, безпрестанно выбрасывали безконечныя ленты разноцвѣтныхъ матерій и вызывали въ немъ отвращеніе.

Онъ шелъ дальше и изъ какого-то корридора выглянулъ на дворъ: одни вагоны, съ хлопчатой бумагой, приближались къ магазинамъ, въ другіе—грузили готовый товаръ, а прямо противъ окна пыхтѣлъ локомобиль, передвигавшій пустыя платформы для угля.

Фабрикантъ слѣдилъ за паровикомъ, пока онъ не исчезъ гдѣ-то за фабрикой, и потомъ внимательно посмотрѣлъ на облако черной пыли, въ которомъ мелькали силуэты рабочихъ, складывавшихъ уголь.

— Зачѣмъ мнѣ все это!—думалъ онъ съ отвращеніемъ, и облокотился на перила, чтобы немного отдохнуть. Онъ чувствовалъ такую тяжесть, что не могъ уже двигаться, ему было трудно дышать, и по временамъ казалось, что подъ ногами все колеблется съ страннымъ шумомъ... Онъ собралъ всѣ силы и пошелъ далѣе.

Только видъ людей въ отдѣленіи нарузки товаровъ немножко успокоилъ его.

Это была большая зала, заваленная посерединѣ до самаго потолка товаромъ въ разноцвѣтныхъ тюкахъ.

Здѣсь работало нѣсколько женщинъ. Шумный говоръ, смѣхъ и шутки весело носились въ воздухъ, но когда вошелъ Бухгольцъ, голоса замолкли, улыбки замерли, взгляды омрачились, лица стали суровыми и тревожными.

Слышенъ былъ только монотонный шумъ машинъ, которыя мѣрили товаръ и навертывали его на доски, глухой стукъ бросаемыхъ на вагонетки штукъ, да рѣзкій шелестъ бумаги.

Бухгольцъ медленно двигался мимо столовъ, съ упорствомъ всматриваясь въ некрасивыя, обезцвѣченныя тяжелымъ трудомъ лица, но ни одна голова не поднялась ему

навстрѣчу; онъ ловилъ только взгляды исподлобья, испуганные, враждебные...

— Почему они меня боятся?—подумаль Бухгольць, услышавъ, что едва только онъ вышелъ, какъ въ залѣ снова заговорили.

Онъ подвигался съ такимъ трудомъ, что рѣшилъ уже вернуться домой и, для сокращенія пути, направился прямо черезъ склады.

Они помѣщались въ специальномъ одноэтажномъ зданіи. Окна тамъ были маленькія, съ такими частыми рѣшетками, что громадная зала, занимавшая весь этажъ, тонула въ полумракѣ. Груды товара доходили до самаго потолка, и извилистые проходы между ними напоминали узкіе, глубокіе каналы.

Этотъ полумракъ и глубокая тишина навѣвали какое-то серьезное настроеніе, которое только изрѣдка нарушалось появленіемъ рабочихъ съ новой партией матеріаловъ. Но вагоетки тотчасъ же безслѣдно и беззвучно исчезали въ боковыхъ проходахъ.

Бухгольць потерялъ послѣднія силы и опустился у окна, на кипу коленкора, думая, что, отдохнувши, пойдетъ дальше, но когда рѣшилъ встать, ноги его снова подкосились. Онъ хотѣлъ крикнуть, позвать на помощь—и не могъ произнести ни звука. Съ трудомъ открывъ глаза, онъ обвелъ взглядомъ, полнымъ ужаса, эти громадные дома, стоявшіе вокругъ въ величавомъ, грозномъ безмолвіи.

Дикій, безумный страхъ сжалъ его горло. Старикъ схватился за оконную рѣшетку и, конвульсивно вздрагивая, съ отчаяніемъ и мольбою уставился на рабочихъ, которые грузили во дворѣ вагоны.

Но никто не приходилъ его спасти. Фабрика шумѣла, какъ море. Бухгольць совсѣмъ обезсилѣлъ, руки его скользнули по рѣшеткѣ, и онъ упалъ на тѣкъ. Потомъ еще разъ вскочилъ и пошелъ, спотыкаясь о груды товаровъ, которыя со всѣхъ сторонъ преграждали ему путь, но снова упалъ. Теперь онъ уже не могъ подняться, — только ползъ. Тяжело дыша, Бухгольць хватался коченѣвшими пальцами за всѣ предметы и, наконецъ, точно пронзенный ножомъ въ самое сердце, вскочилъ на ноги, глубоко вдохнуль, издавъ отрывистый, ужасный крикъ и безпомощно свалился на землю.

Этотъ крикъ былъ услышанъ. Тотчасъ сбѣжались рабочіе. Они окружили его, испуганные, не зная, что дѣлать, не смѣя даже прикоснуться къ нему.

Онъ лежалъ, вытянувшись, съ посинѣвшимъ, искаженнымъ лицомъ, съ раскрытымъ ртомъ отъ послѣдняго, пред-

смертнаго крика, угрюмый, какъ эти груды товаровъ; безсильный, какъ миллионы, среди которыхъ онъ умеръ; только этотъ замершій на губахъ предсмертный крикъ, казалось, звучалъ еще въ мрачной залѣ, подъ желѣзнымъ потолкомъ, въ узкихъ проходахъ, среди горъ товара, уносился сквозь стѣны и терялся въ могучей волнѣ жизни города и фабрикъ.

XVI.

Два событія волновали Лодзь: смерть Бухгольца и небывалое еще повышеніе цѣнъ на хлопокъ.

Бухголецъ умеръ! Это извѣстіе разнеслось съ быстротою молніи и всюду произвело глубокое впечатлѣніе. Сперва никто не хотѣлъ даже вѣрить.

Бухголецъ умеръ! Тотъ Бухголецъ, который, казалось, былъ всегда? Вѣдь, пятьдесятъ уже лѣтъ всѣ говорили о немъ, интересовались каждымъ его шагомъ... Бухголецъ, ослѣплявшій своимъ богатствомъ? Властелинъ, душа и гордость Лодзи? Тотъ, кого проклинали и кому поклонялись? Онъ умеръ!

Въ конторахъ, въ мастерскихъ, на фабрикахъ уже начали создаваться легенды о его жизни, миллионахъ, счастья. Темная рабочая масса не могла понять этой желѣзной, непоколебимой воли, сокрушавшей все и всѣхъ, этой своеобразной гениальности, но каждый видѣлъ результаты—громадное богатство.

Про Бухгольца рассказывали чудовищныя вещи. Онъ оказывался, напр., фальшивымъ монетчикомъ; новые рабочіе, недавно попавшіе изъ деревни, увѣряли, что ему помогали самъ дьяволъ, а нѣкоторые готовы были даже присягнуть, будто видѣли у него на головѣ рога. И всѣмъ одинаково какъ-то не вѣрилось въ простую, обыкновенную смерть, хотя каждый могъ пойти посмотрѣть на покойника.

Бухголецъ лежалъ въ большой передней своего дворца, задрапированной чернымъ сукномъ, осыпанномъ серебряными слезками, на низкомъ катафалкѣ, среди пальмъ и цвѣтовъ. Многочисленный хоръ, почти не умолкая, пѣлъ печальные псалмы, и колыхалось пламя высокихъ свѣчей.

Толпы зѣвакъ приходили посмотрѣть, каковъ былъ этотъ повелитель десятковъ тысячъ, этотъ миллионеръ. Одни съ тревогой, другіе — спокойно становились около серебрянаго гроба, въ которомъ, съ застывшимъ синимъ лицомъ, сжимая въ рукахъ черный крестикъ, лежалъ неподвижно бывшій властитель. Его впалые глаза, казалось, смотрѣли черезъ темныя вѣки въ открытую настежь дверь,—на паркъ, на фабрику, на весь этотъ міръ, созданный изъ ничтожества его

„Нужно вознаградить себя за все!“ думалъ онъ, съ ненавистью вспоминая годы дѣтства, когда пасъ коровъ, прислуживалъ въ монастырѣ, терпѣлъ побои. Вильчекъ вспоминалъ нищету своей семьи, униженья, которыя переносилъ въ гимназіи, униженья, получаемыя отъ благодѣтелей вмѣстѣ съ помощью...

— За все вознагражу себя! — ожесточенно пробормоталъ онъ.

Пока же Вильчекъ добывалъ средства, торгуя, чѣмъ попало, зарабатывая, на чемъ только удастся.

Онъ завѣдывалъ складами Гросглюка, и кромѣ того, велъ самостоятельную торговлю углемъ, деревомъ, хлопчатобумажными отбросами, яйцами, которыя скупали ему по деревнямъ родственники, — словомъ, брался за все.

По слухамъ, онъ покупалъ „красный товаръ“, т. е. вынесенный изъ подожженныхъ фабрикъ, занимался ростовщичествомъ и въ компаніи съ Гросглюкомъ дѣлалъ какія-то темныя дѣла.

Стахъ Вильчекъ зналъ, что о немъ говорятъ, и презрительно улыбался.

— Ужасно мнѣ интересно! — думалъ онъ, сворачивая въ переулокъ, тянувшійся вдоль заборовъ, за которыми возвышались склады строительныхъ матеріаловъ, цемента, желѣза, извести, угля. Немоощенная улица представляла сплошную лужу, черезъ которую перебирались сотни тяжело нагруженныхъ возовъ.

Съ лѣвой стороны тянулись угольные склады, а вверху, на высокой желѣзнодорожной насыпи, передвигались тысячи товарныхъ вагоновъ, отъ которыхъ поднималась туча черной пыли.

Вильчекъ жилъ возлѣ склада, въ отвратительномъ дощаномъ сараѣ. Тутъ же была и его контора.

Онъ быстро переодѣлся, натянулъ высокіе сапоги и принялся за работу, но шла она плохо: Вильчекъ чувствовалъ себя взволнованнымъ, — то мѣшала радость при мысли о сегодняшней покупкѣ, то глухой шумъ сбрасываемаго съ вагоновъ угля, то вспоминались похороны. Стахъ то и дѣло откладывалъ перо и принимался ходить по конторѣ, поглядывая на склады.

Возы въѣзжали на платформу вѣсовъ съ такимъ грохотомъ, что все вокругъ дрожало. Гулъ голосовъ, лошадиное ржанье, стукъ выгружаемаго угля, свистъ локомотивовъ — врывались черезъ открытую дверь въ грязную, обдранную комнату.

— Васъ зовутъ какіе-то господа, — объявилъ рабочій.

На желѣзнодорожномъ полотнѣ стояли Боровецкій и Морницъ.

Вильчекъ выжидательно поздоровался. Морицъ пожалъ ему руку, а Боровецкій сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ея.

— Намъ нужны платформы для перевозки.

— Сколько? для чего? откуда?—отрывисто проговорилъ Вильчекъ, раздраженный выходкой Карла.

— Какъ можно больше; для хлопка; съ желѣзной дороги ко мнѣ,—отвѣтилъ Морицъ.

Они скоро сговорились и ушли.

— Шляхтичъ! — злобно пробормоталъ Вильчекъ, когда при прощаньи Боровецкій, сунувъ руки въ карманъ, милостиво кивнулъ ему головой.

Вильчекъ не могъ переварить этой обиды, въ его мстительномъ сердцѣ крѣпко запечатлѣлось новое униженіе,— тѣмъ болѣе обидное, что оно было незаслуженно.

Но сердиться было некогда: день кончался, и въ складахъ началось усиленное движеніе.

Ежеминутно локомотивы подавали вереницы нагруженныхъ вагоновъ, вводили пустые, выдыхая клубы дыма, со свистомъ, гуломъ, лягомъ мелькали тутъ и тамъ, или, отцѣпивъ вагоны, мчались на станцію.

А внизу, отъ складовъ, покрытыхъ угольной пылью, неслись тысячи лихорадочныхъ звуковъ, ржанье, щелканье бичей, крики возницъ, грохотъ улицы, глухой, могучій шумъ города, окутаннаго дымомъ.

Вильчекъ поспѣвалъ всюду: бѣгалъ въ контору, къ кучамъ угля, на насыпь, къ грузчикамъ, на станцію; проходилъ между возами, шлепалъ по грязи и, наконецъ, ужасно утомленный, присѣлъ на подножку одного изъ пустыхъ вагоновъ.

Уже начало темнѣть; заря разлилась по небу пурпуровыми полосами и покрыла точно кровью блестящія крыши, по которымъ сползали дымъ; угрюмая, мутная тьма уже заливала улицы, лѣзла на стѣны, копошилась въ переулкахъ, стирала очертанья, гасила краски, окутывала городъ грязными лохмотьями мрака, изъ котораго понемногу вспыхивали огоньки. Но Лодзь продолжала работать.

— Шляхетскіе отбросы! — ворчалъ Вильчекъ, все еще вспоминая Боровецкаго. Потомъ, презрительно плюнувъ, положилъ голову на руки и засмотрѣлся въ небо.

Его привелъ въ себя голосъ, раздавшійся съ улицы:

А на рынкѣ-то Гайера
Нашла себѣ кавалера —
Та-ра-ра-бумбіа!..

Но голосъ пѣвца тотчасъ замеръ вдали.

Вильчекъ зашелъ въ контору, кончилъ еще нѣсколько дѣлъ и отправилъ послѣдніе возы.

Велѣвъ все запереть, онъ поужиналъ и пошелъ въ городъ.

Вильчекъ любилъ бродить безъ цѣли, глазѣя на людей, на фабрики, любилъ дышать этимъ воздухомъ, насыщеннымъ угольной пылью и запахомъ красокъ. Могущество этого города, бѣшеный водоворотъ жизни, потоки золота опьяняли его, гипнотизировали, охватывали непреодолимой жадностью, давали силы для борьбы, для побѣды, для грабежа.

Онъ любилъ эту „землю обѣтованную“, какъ хищный звѣрь дикія чащи, гдѣ таится добыча. Онъ стремился къ ней, текущей золотомъ и кровью, протягивалъ цѣпкія руки, крича: моя! моя!.. И по временамъ ему казалось, что онъ уже овладѣлъ ею, что не выпустить ее, пока не высосетъ всего золота.

ЧАСТЬ II.

I.

— А теперь его въ спину, а теперь съ другой стороны, а теперь по головѣ. Ну, еще разъ, еще разочекъ, милостивый мой государь!

— Ксендзъ бьетъ картами, точно цѣпомъ, — сердито проговорилъ старикъ Боровецкій.

— Это напоминаетъ мнѣ одинъ случай. Дѣло было у Мигурскихъ, въ Сѣрадакомъ уѣздѣ...

— Цѣпомъ, не цѣпомъ, — прервалъ его ксендзъ, сладко зажмуривая глазки, — а великолѣпными козырями, милостивый государь. Припряталъ я и дамочку, чтобы прихлопнуть твоего короля, Заюнчковскій.

— Это мы посмотримъ! Однако, у ксендза безобразная привычка перебивать: только откроешь ротъ, а онъ ужъ тутъ... Такъ вотъ, говорю я, у Мигурскихъ...

— У Мигурскихъ или не у Мигурскихъ, — мы это слышали уже разъ сто, государь мой милостивый; не правда ли, пане Адамъ?

— Что это онъ постоянно дѣлаетъ мнѣ замѣчанія! Ей-Богу, всему должна быть мѣра! Вы бы, ксендзъ, больше думали о своемъ костелѣ, а не о томъ, кто что говорилъ и чего не говорилъ, — сказавъ это, старый шляхтичъ бросилъ карты на столъ и сердито вскочилъ съ мѣста.

— Оомка, злодѣй, запрягай лошадь! — крикнулъ онъ могучимъ басомъ, потомъ дернулъ себя за крашенные усы и громко засопѣлъ.

— Ну, скажите, пожалуйста! Я говорю для его же пользы, а онъ оретъ на меня, какъ на своего батрака. Ясекъ, иди сюда, — трубка потухла.

— Ну, сосѣдъ, идите играть, — панъ Баумъ сдаетъ ужъ.

— Не хочу, домой поѣду! Надоѣли мнѣ проповѣди. Вчера у Завадскихъ началъ я говорить о политикѣ, а ксендзъ — давай сейчасъ же опровергать меня и высмѣивать, — ворчалъ старикъ, шагая по комнатѣ.

— Потому что вы, пане, говорили страшную ерунду. Ясекъ, злодѣй, неси огонька, а то у меня трубка потухла!

— Я говорилъ ерунду? — закричалъ Заіончковскій, въ бѣшенствѣ подбѣгая къ ксендау.

— Ну, да, ерунду, — отвѣтилъ тотъ, пуская дымъ изъ длинной трубки, которую разжегъ ему маленькій мальчикъ.

— О, Господи, Іисусе, смилуйся надъ нами! — съ негодованіемъ закричалъ Заіончковскій.

— Вамъ, ксендзъ, — сказалъ Максъ Баумъ, пододвигая ему карты.

— Семъ пикъ, — объявилъ ксендзъ. — Заіончковскій, ты что?

— Я — пасъ, — отвѣтилъ шляхтичъ, поспѣшно садясь, но не успокоился и, разсмотрѣвъ карты, заговорилъ опять: — И какъ можно требовать, чтобы люди имѣли ясное понятіе о политикѣ, если ихъ естественные руководители такъ темны.

— Восемъ трефъ, нѣтъ, безъ козыря, — объявилъ ксендзъ.

— Я иду. Хорошо, ксендзъ, сейчасъ увидимъ, кто кого.

— Вотъ, какъ хватить панъ Баумъ бубной, тогда почувствуешь. То-то, сыночекъ, не хвастай, не говори амен прежде, чѣмъ скажешь in saecula saeculorum, государь ты мой милостивый, ха-ха-ха! — хохоталъ ксендзъ, видя ярость Заіончковскаго, и отъ восторга похлопалъ Макса по колѣну. — Ясекъ, дай-ка, злодѣй, огня, трубка потухла!

— Ксендзъ, точно язычникъ, радуется чужимъ несчастіямъ.

— Это ужъ ты оставь, а вотъ побили тебя, — такъ побили. Цѣлый годъ ты насъ обыгрывалъ, заплати-ка теперь и самъ.

— Я двадцать грошей въ недѣлю выигрывалъ, двадцать грошей, честное слово! — сказалъ Заіончковскій Максу.

— „Пошли дѣвки по грибы! по грибы! по грибы!“ — напѣвалъ старикъ Боровецкій. Онъ былъ разбитъ параличомъ и передвигался съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ со своимъ кресломъ.

На время въ комнатѣ водворилась тишина. Четыре свѣчи,

стоявшія по угламъ ломбернаго стола, ярко освѣщали зеленое поле сраженія и лица бойцовъ.

Заіончковскій молчалъ, сердясь на ксендаа.—Они ссорились въ теченіе двадцати лѣтъ и, по крайней мѣрѣ, по два раза въ недѣлю.

Поглаживая крашенные усы, шляхтичъ бросалъ грозные взгляды на Макса, оставившаго его „безъ трехъ“, и хлопалъ себя по лысинѣ, отбиваясь отъ мухъ.

Ксендзъ, склонивъ надъ столомъ худое, аскетическое, добродушное лицо, исчезалъ порою въ клубахъ дыма и заглядывалъ въ карты противника, что ему, однако, мало приносило пользы.

Максъ игралъ очень внимательно, такъ какъ противники были серьезные, и только по временамъ смотрѣлъ въ окна, любуясь лунной ночью, да оглядывался на сосѣднія комнаты, откуда доносились голоса Анки и Карла.

Панъ Адамъ Боровецкій все время напѣвалъ, поглаживалъ длинные, уже порѣдѣвшіе волосы, и, начиная новую игру, каждый разъ повторялъ:—Король съ дамой, а дворъ—за ними. Начнемъ атаку!—потомъ съ оживленнымъ лицомъ, стуча картами по столу, выкрикивалъ слова команды.

— Вы бы, пане, играли лучше по-человѣчески. А то всѣ эти ваши поговорки и пѣсенки—одинъ солдатскій развратъ и больше ничего. Ясекъ, дай-ка огонька, — трубка потухла.

— Ваша команда напоминаетъ мнѣ одинъ интересный случай, который произошелъ...

— У Мигурскихъ, въ Сѣрадзкомъ уѣздѣ? Мы слышали уже объ этомъ, слышали...

Заіончковскій свирѣпо взглянулъ на улыбавшееся лицо ксендаа, но промолчалъ и только повернулся къ нему бокомъ.

Максъ сдалъ еще разъ и пошелъ къ Карлу.

— Ясекъ, открой-ка окно, — очень ужъ хорошо поютъ соловьи.

Мальчикъ открылъ, и комната наполнилась звуками соловьиныхъ трелей и ароматомъ сирени.

Лампы въ комнатѣ не было—ее освѣщалъ лишь мѣсяцъ, плывшій по темно-сапфирному небу.

— Славная коллекція ископаемыхъ, — сказалъ Карлъ Максу, когда у игроковъ опять поднялась буря: Заіончковскій кричалъ въ окно, чтобы ему немедленно запрягали лошадей, а старикъ Боровецкій распѣвалъ во всю глотку.

— Часто они играютъ?

— Каждую недѣлю и, по крайней мѣрѣ, по два раза въ недѣлю ссорятся, разъѣжаются, что, однако, не мѣшаетъ имъ жить въ большой дружбѣ.

— Вамъ, панна Анна, часто приходится мирить ихъ?

— О, нѣтъ. Я разъ попробовала, но ксендзъ прикрикнулъ на меня: „вы, барышня, смотрите за своими коровами“!. Они не могутъ жить другъ безъ друга, хотя всегда ссорятся.

— Но что будетъ дѣлать безъ нихъ въ Лодзи твой отецъ?—спросилъ Максъ.

— Почему я знаю? Я вообще не понимаю, зачѣмъ ему туда ѣхать,—отвѣтилъ Карль.

— Вы не понимаете?.. — удивленно проговорила Анка и хотѣла еще что-то сказать, но у калитки зазвенѣлъ колокольчикъ.

Она вышла и скоро вернулась съ телеграммой Боровецкому.

Карль равнодушно взялъ ее, но, не дочитавъ, скомкалъ и со злостью сунулъ въ карманъ.

— Можетъ быть, неприятное извѣстие?—тревожно спросила Анка.

— Нѣтъ, просто глупое!—Онъ махнулъ рукой, раздраженный ея сочувственнымъ взглядомъ и любопытствомъ. Потомъ отправился къ игравшимъ и вторично перечиталъ телеграмму Люси.

— Вамъ очень скучно у насъ?—спросила Анка Макса.

— Знаете, меня изумляетъ вашъ уголокъ: я не предполагала, чтобы могла быть такая спокойная, удивительно простая жизнь. Жаль, что вы собираетесь въ Лодзь.

— Почему?

— Потому что мнѣ уже не къ кому будетъ сюда пріѣхать.

— А развѣ въ Лодзи вы не захотите бывать у насъ?—тихо спросила Анка, и, неизвѣстно почему, сердце ея забилось желаніемъ, чтобы онъ не отказался.

— Благодарю васъ. Я считаю это приглашеніемъ. Можно?

— Конечно. Но вы познакомите меня съ вашей матерью?

— Когда только прикажете.

— Ну, я должна васъ оставить: надо подавать ужинъ,— Анка направилась въ столовую, гдѣ горничная уже накрывала.

Максъ, расхаживая по комнатѣ, посматривалъ въ дверь на Анку.

Когда она склонялась надъ столомъ, онъ любовался ея стройной, прекрасно сложенной фигурой, ея лицомъ, черты котораго были не особенно правильны, но полны удивительной прелести, ея гладко причесанными, съ проборомъ по срединѣ, каштановыми волосами. Сѣро-голубые глаза Анки смотрѣли изъ-подъ черныхъ бровей ясно, спокойно, но нѣсколько строго.

Максъ наблюдалъ ее съ большимъ интересомъ; она такъ нравилась ему, что онъ ощутилъ почти враждебное чувство къ Карлу.

— Завтра вечеромъ мнѣ нужно домой,—сухо сказала Боровецкій.

— Что за поспѣшность? Даже рабочіе празднуютъ Троицу три дня,—воспользуемся и мы.

— Если тебѣ адѣсь хорошо, такъ оставайся; а я долженъ ѣхать.

— Поѣдемъ ужъ вмѣстѣ, — пробормоталъ Максъ, садясь на подоконникъ.

Баумъ чувствовалъ себя въ Куровѣ необыкновенно хорошо, и совсѣмъ не кстати собирались его увозить. Онъ посмотрѣлъ на Карла съ досадой.

— У меня важныя дѣла, при томъ я уже достаточно наслаждался деревней, — говорилъ Боровецкій, безпокойно расхаживая и заглядывая въ комнату, гдѣ играли въ карты. Обмѣниваясь на ходу безразличными словами съ Анкой, онъ не могъ подавить волненія, тревоги и вмѣстѣ съ тѣмъ — скуки.

Карлъ со страхомъ думалъ о Люси, которая заявляла въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, что если онъ не явится во вторникъ, то она сумѣетъ найти его и у невѣсты, что бы изъ этого ни вышло.

Боровецкій зналъ, что она способна выкинуть такую штуку, и рѣшилъ ѣхать.

Его такъ тяготила эта связь, онъ такъ уже возненавидѣлъ и красоту Люси, и узы любви, что ему опротивѣла жизнь.

А тутъ еще Анка...

Карлъ сдѣлался совершенно равнодушенъ къ ней, даже временами чувствовалъ неприязнѣ, встрѣчаясь съ ея яснымъ, довѣрчивымъ взглядомъ. Между тѣмъ, приходилось притворяться влюбленнымъ, говорить нѣжнымъ голосомъ. Ему хотѣлось проклинать, а онъ долженъ былъ казаться любезнымъ, довольнымъ, предупредительнымъ, какъ полагается жениху.

Эта отвратительная роль безконечно его тяготила, — онъ разныгрывалъ ее ради отца, ради Анки и самого себя, такъ какъ, истративъ ея приданое, связалъ себя на всегда.

— Женюсь поскорѣе, и все кончится. Вѣдь сколько браковъ заключается безъ любви! — думалъ онъ апатично, но гордость и самолюбіе не давали покоя.

Вѣдь изъ-за этой женитьбы онъ превратится въ ничтожество: ему придется работать цѣлые годы, выжимать деньги изъ машинъ, изъ людей, изъ всего, — и при томъ... когда старикъ Мюллеръ довольно ясно намекнулъ, что отдастъ ему

Маду, фабрику и сразу миллионное богатство, сразу громадное дѣло...

Съ нѣкоторыхъ поръ Боровецкій чувствовалъ отвращеніе къ маленькимъ предпріятіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ собственной фабрикѣ, которую строилъ съ весны, къ своимъ грошовымъ сбереженіямъ—въ какихъ-нибудь нѣсколько сотенъ рублей.

Его столько лѣтъ давило ярмо труда, столько лѣтъ онъ подавлялъ въ себѣ самыя разнообразныя желанія, столько лѣтъ жаждалъ широкой, независимой жизни, — и вотъ теперь, когда все можно имѣть благодаря Мадѣ, надо жениться на Анкѣ, т. е. снова подставить шею подъ ярмо.

Карлъ не могъ примириться съ этой неизбежностью...

Анка позвала ужинать; онъ сердито взглянулъ на нее и, ничего не отвѣтивъ на какой-то ея вопросъ, покатилъ къ столу отцовское кресло.

Ужинъ вышелъ оживленный: ксендзъ съ Заіончковскимъ принялись спорить о политикѣ; панъ Адамъ тоже вмѣшался, а Карлъ началъ безпощадно издѣваться надъ Заіончковскимъ, подсмѣиваться надъ ксендзомъ и раздраженно возражать отцу, утверждая, что международные вопросы разрѣшаются нынче не пушками, а дипломатіей.

— Та-та-та!—съ сердцемъ говорилъ старикъ. — Ты этого не рассказывай мнѣ,—я всегда могу доказать тебѣ, что правъ тотъ, у кого больше пушекъ. Государственный умъ—это большая армія.

— Нѣтъ, пане, государственный умъ это—справедливость, возразилъ ксендзъ.

— Государствами руководятъ требованія желудка, — сказалъ Карлъ, желая сдѣлать неприятность ксендзу.

Тотъ, дѣйствительно, заволновался и началъ доказывать, что все зависитъ отъ воли Божьей и что она-то и есть справедливость, на которой все основано.

Карлу уже надоѣли эти безплодныя разсужденія, онъ замолчалъ, но когда къ ксендзу присоединились отецъ и Заіончковскій, онъ сказалъ со злостью:

— Вы, господа, объясняете мірозданіе по катехизису. Не спорю, это легко, а иногда даже остроумно.

— Кошунствуешь ты, сударь, кошунствуешь и оскорбляешь насъ! Ясекъ, злодѣй, трубка погасла!—закричалъ ксендзъ дрожащимъ голосомъ и отъ волненія выронилъ чубукъ...

— Вамъ не жаль будетъ покинуть этотъ рай?—тихо спросилъ Максъ Анку. Они не вмѣшивались въ споръ. Макса не интересовала тема, а Анка была печальна.

Карлъ такъ перемѣнился, такъ, казалось, избѣгалъ ее, что дѣвушкой овладѣла глухая тревога, предчувствіе какого-

то несчастія, и она теперь, не отвѣтивъ Максѹ, тихо спросила:

— Вы не знаете, у Карла ничего не случилось?

— Нѣтъ. А вы развѣ что-нибудь замѣтили?

— Мнѣ такъ показалось... Правда, у него столько хлопотъ съ фабрикой,—прибавила она тише, какъ будто про себя, какъ будто для того, чтобы заглушить свои подозрѣнія.

Анка подняла голову и заботливымъ взглядомъ смотрѣла на его хмурое лицо.

— А что вы сдѣлаете съ землей?—спросилъ Максъ.

— Дѣдушка хотѣлъ продать, но Карль не соглашается, я ему очень благодарна за это. Я сжилась съ этимъ домомъ, и не могу безъ грусти подумать, что онъ станетъ чужимъ. Почти весь садъ насаженъ его матерью и мной. Подумайте, какъ тяжело было бы разстаться навсегда...

— Ну, вѣдь можно купить и болѣе красивое имѣние.

— Да, но это будетъ не Куровъ,—отвѣтила Анка, обиженная, что онъ не понималъ ея, не оцѣнилъ ея привязанности къ клочку земли, на которомъ она выросла.

Они замолчали, а ксендзъ съ Заіончковскимъ опять заспорили, и ксендзъ, возмущенно ударяя чубукомъ въ полъ, сказалъ:

— Любезный панъ, скажу тебѣ только одно: ты—Заіончковскій, а въ гербѣ твоёмъ „баранья шкура“. Ясекъ, огня!

— Ахъ, Господи Боже, что этотъ ксендзъ позволяетъ! Фомка, негодяй, запрягай лошадей! — закричалъ шляхтичъ, кидаясь къ окну. Онъ вышелъ, не прощаясь, одѣлся на крыльцѣ и побѣжалъ, но сейчасъ же вернулся, такъ какъ забылъ шляпу. Найдя ее, Заіончковскій отправился въ столовую и, ударивъ кулакомъ по столу, съ бѣшенствомъ крикнулъ:

— Поблагодарите, ваше преподобіе, Бога, что васъ охраняетъ ряса, — иначе я бы научилъ, что значитъ говорить у Заіончковаго въ гербѣ „баранья шкура“, я бы научилъ!.

— Не расплескивай, пане, чай, — спокойно отвѣтилъ ксендзъ Семень.

— Садитесь-ка, что сердиться, садитесь, сосѣдь,—пригласилъ панъ Адамъ.

— Не сяду! Нога моя больше не будетъ здѣсь, гдѣ меня оскорбляютъ!

— Не расплескивай, пане, чай и поѣзжай съ Богомъ,—повторилъ ксендзъ, взявъ въ руки плясавшій стаканъ.

— Іезуитъ, клянусь Богомъ, іезуитъ!—равкнулъ Заіончковскій, еще разъ стукнулъ и убѣжалъ.

На дворѣ, а потомъ и за воротами долго еще слышался его голось, смѣшанный съ грохотомъ брочки.

— Горячій старикашка! Слыханное ли дѣло, обижаться на каждое слово.

— Вы, ксендзъ, слишкомъ ужъ досадили ему.

— Зачѣмъ же онъ говоритъ глупости?

— У каждого можетъ быть свое мнѣніе.

— Съ условіемъ, чтобы оно не расходилось съ нашимъ,— насмѣшливо замѣтилъ Карлъ.

— Панъ мой любезный, значить, старикъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ? Ясекъ, каналья, дай-ка огонька!—взволнованно крикнулъ ксендзъ и пошелъ на крыльцо посмотрѣть.—Ну, скажите, пожалуйста, какой взбалмошный. Накричалъ, разругался и уѣхалъ, бестія.

— Вернется еще, это не первый и не послѣдній разъ,— замѣтила Анка.

— Гм! вернется? Конечно, вернется, но, всетаки, что подумаешь о насъ панъ Баумъ?

— Что вы, господа, крѣпко спите, хорошо ѣдите и имѣете много времени, если тратите его на такія дѣтскія ссоры,—проговорилъ съ ироніей Карлъ.

Ксендзъ грозно взглянулъ на него, но скоро глаза его снова прояснились; онъ вытряхнулъ изъ трубки пепель, набилъ ее опять табакомъ и, крикнувъ Ясека, сказалъ Карлу:

— Языкъ чешется у тебя, другъ любезный...

Немного погодя, онъ простился и пошелъ домой.

Въ комнатѣ водворилось продолжительное молчаніе. Старикъ Боровецкій дремалъ въ своемъ креслѣ. Анка съ горничной убирала со стола, а Карлъ, усѣвшись въ глубокомъ креслѣ съ папирсой, иронически посматривалъ на Макса, который горящими глазами слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Анки.

Наконецъ, всѣ разошлись спать.

Комната Макса выходила окнами въ садъ. Ночь была чудная, пѣли соловьи. Онъ не могъ уснуть и, открывъ окно, сталъ смотрѣть въ садъ. Онъ думалъ объ Анкѣ и вдругъ услышалъ ея тихій голосъ.

Она сидѣла у окна во флигелькѣ, расположенномъ подъ прямымъ угломъ къ главному корпусу дома.

— Почему ты не хочешь сказать, что тебя мучить?—спросила дѣвушка.

— Ничто меня не мучить, я просто не въ духѣ,—отвѣтилъ изъ другого окна Карлъ.

— Остайся на нѣсколько дней—и успокоишься.

Онъ пробормоталъ что-то неопредѣленное. Затѣмъ Анка заговорила такъ тихо, что Максъ ничего не могъ разобрать, и слышалъ только кваканье лягушекъ въ лугахъ, грохотъ

возовъ, ѣхавшихъ по шоссе, да трели соловьевъ, пѣвшихъ все громче.

Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, покрывая серебристой пеленой мокрые отъ росы листья.

— Ты романтичная особа! — снова послышался мужской голосъ съ отгѣнкомъ досады.

— Потому, что люблю тебя? Или потому, что каждую твою заботу близко принимаю къ сердцу, — ближе, чѣмъ свою собственную, — потому, что хотѣла бы видѣть тебя вполне счастливымъ!

— Нѣтъ,—просто потому, что, не смотря на рискъ получить насморкъ, желаешь непременно разговаривать со мною при лунѣ, подъ соловьиное пѣнье.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, пани.

Окно захлопнулось, и бѣлая занавѣска скрыла отъ глазъ Анку, хотя комната теперь освѣтилась.

Карлъ остался на прежнемъ мѣстѣ. Баумъ услышалъ чирканье спички, и тонкая струйка синяго дыма понеслась изъ его окна.

Максъ тоже закурилъ, но осторожно, чтобы его не замѣтили.

Ему было очень интересно, вернется ли еще Анка, и о чемъ будутъ они говорить съ Карломъ.

Возмущеніе противъ Карла росло у Макса съ каждой минутой.

Но окно Анки оставалось закрытымъ, и только около занавѣски поминутно появлялась ея тѣнь; можно бы уловить даже шорохъ ея шаговъ, если бы не соловьи и не вѣтеръ, который, поднявшись гдѣ-то въ лугахъ и болотахъ, прорвался между деревьями и началъ шумно встряхивать сирень, шуршать по соломенной крышѣ, обвѣвая лицо влажнымъ, теплымъ, насыщеннымъ запахомъ хлѣбовъ дыханіемъ.

— Завтра пріѣдетъ Карчмарекъ,—снова послышался женскій голосъ.

— Вѣдь, отецъ не продастъ землю.

— Но тебѣ, можетъ быть, нужны деньги?

— Да, мнѣ нуженъ миллионъ,—отвѣтилъ насмѣшливый голосъ.

— Карчмарекъ согласенъ даже взять въ аренду, ему нужно имѣніе для зятя.

— Завтра поговоримъ.

— Выѣздныхъ лошадей возьмешь съ собой или продашь?

— Зачѣмъ мнѣ клячи!

— Но дѣдушка къ нимъ привыкъ,—печально произнесъ женскій голосъ.

— Ну, такъ и отвыкнетъ. У тебя все ребячество: не пересадить ли еще въ Лодѣ половину огорода; можетъ, и коровокъ, и курочекъ, и гусей, и поросяточекъ прихватишь, чтобы все было свое, въ полномъ составѣ.

— Если ты думаешь, что насмѣшки помѣшаютъ мнѣ взять то, съ чѣмъ я не могу разстаться, то ошибаешься.

— Не забудь тогда фамилльные портреты. Сенаторы Рѣчи Посполитой, что валяются на чердакѣ, должно быть, тоскуютъ по Лодзи,—продолжалъ иронически Боровецкій.

Анка ничего не отвѣтила, слышался лишь тихій плачь,—такой тихій, что Максъ могъ принять его за плескъ ручья, протекавшаго за садомъ.

— Анка, прости меня! Я не хотѣлъ тебя огорчать. Я ужасно разстроень. Прости меня, Анка, не плачь!

Максъ видѣлъ, какъ Карлъ выскочилъ въ садъ, видѣлъ, какъ протянулись двѣ бѣлыя руки, и какъ близко очутились лица Карла и Анки.

Онъ больше не хотѣлъ ни слушать, ни смотрѣть. Онъ закрылъ окно и легъ, но сонъ не шелъ; Максъ ворочался, ругался, курилъ и не спалъ,—слишкомъ громко пѣли соловьи въ сирени, да и все казалось, что Карлъ съ Анкой продолжаютъ еще разговаривать.

— О чемъ такъ долго?—подумалъ онъ съ раздраженіемъ, вставая, чтобы убѣдиться, тутъ ли они.

Карлъ стоялъ подъ ея окномъ, но они говорили такъ тихо, что невозможно было ничего разобрать.

— Изъ-за этихъ амуровъ, кажется, не уснешь,—проворчалъ Максъ со злостью и громко захлопнулъ створки.

Но кипѣвшая жизнью весенняя ночь не давала уснуть.

Максъ пробовалъ спугнуть соловья, но тотъ, не обращая вниманія, разливался потоками звуковъ. Трели, какъ жемчугъ, падали въ садъ, на цвѣты, рассыпаясь волшебнымъ каскадомъ. Самочка отвѣчала гдѣ-то въ листьѣ соннымъ и равнодушнымъ чириканьемъ.

— Чортъ бы тебя взялъ съ твоимъ пискомъ!—крикнулъ Максъ возмущенно и швырнулъ ботинкомъ въ кусты; птица перелетѣла, но когда онъ закрылъ окно, вернулась на прежнее мѣсто; это такъ разсердило Макса, что онъ безнадежно повернулся лицомъ къ стѣнѣ, закутался въ одѣяло и заснулъ только подъ утро.

Кромѣ пана Адама, всѣ плохо спали въ эту ночь. Особенно Анка, смутныя подозрѣнія которой послѣ разговора съ Карломъ только усилились. Она видѣла, что онъ что-то отъ нея скрываетъ, но ни на одно мгновенье не допускала

мысли, чтобы скрывалось равнодушіе, чтобы Карлъ могъ притворяться. Вѣдь она сама любила его всею силою страстнаго, молодого сердца.

Не могла она заснуть и оттого еще, что мечтала о лодзинской жизни, о недалекомъ будущемъ, о томъ, какъ черезъ мѣсяць покинетъ Куровъ. гдѣ прожила столько лѣтъ.— „Что я буду дѣлать въ Лодзи?“ бродило въ ея головѣ, но шумъ на дворѣ—мычанье коровъ, уходившихъ на пастбище, и гоготанье гусей—прервалъ мечты. Анка встала, хотя было еще очень рано.

Панъ Адамъ, съ помощью мальчишки, уже развѣжалъ на своемъ передвижномъ креслѣ по двору, заглядывалъ въ сараи, покрикивалъ на пастуха, посвистывалъ на голубей. Они слетали съ голубятни къ нему на плечи, на ручки кресла, трепыхались надъ нимъ шумной стаей и ссорились изъ-за гороха, который онъ разсыпалъ имъ.

— Валекъ, стой смирно! Разомъ—въ атаку! Разъ-два, разъ-два, тра-ля-ля,—напѣвалъ старикъ, смотря на бѣлую волнующуюся стаю, которая слеталась со всѣхъ сторонъ.— „Жиль-былъ у бабушки сѣренькій козликъ, вотъ какъ, фить какъ, сѣренькій козликъ!“... Валекъ, въ садъ!—скомандовалъ онъ, отмахиваясь шляпой отъ голубей, которые кинулись за нимъ.—Ну, кати же, бестія!

— Да, вѣдь, качу!—сонно отвѣтилъ мальчуганъ, вкатывая кресло въ садъ, между рядовъ яблонь. Сплошь покрытыя цвѣтами, онѣ стояли на зеленомъ фонѣ травы, точно букеты. На вишняхъ кричали иволги, аистъ, стоя въ гнѣздѣ, вертѣлъ головой.

— Валекъ, а яблоки будутъ?

— Конечно, должны быть.

— Ну-ка, двигай скорѣе.

— Да, вѣдь, я же двигаю!

— А груши будутъ?

— Конечно, будутъ; почему имъ не быть?

— А ты не оборвешь ихъ, бестія?

— Я не рву, — пробормоталъ мальчуганъ, недовольный напоминаніемъ.

— А въ прошломъ году кто съѣлъ „панны“?

— Михалко Францевъ, а не я!

— Знаю, знаю, иначе тебѣ такъ досталось бы, что Боже тебя оборони! „Жиль-былъ у бабушки сѣренькій козликъ“...

Затѣмъ старикъ сталъ свистѣть дрозду, сидѣвшему въ клѣткѣ, снаружи окна. Дроздъ вынулъ голову изъ - подъ крыла, встряхнулся, вслушивался нѣкоторое время, потомъ, прыгнувъ на верхнюю жердочку, весело началъ отвѣчать своему хозяину, но сейчасъ же замолчалъ: въ воздухѣ раз-

дался тоненькій колокольный звонъ изъ монастыря колокола, башни и окна котораго возвышались надъ плоскими крышами.

— Валекъ, въ монастырь! Заѣдемъ къ ксендзу Либерату; да поживѣе, бестія!

— Я и такъ стараюсь, даже руки онѣмѣли.

Они поѣхали тропинкой вдоль рѣки, по лугамъ, надъ которыми носились еще остатки утренняго тумана, какъ ключья кисеи, и среди этихъ ключевъ фантастически мелькали ласточки.

Аистъ ходилъ по лугу и, то и дѣло, совалъ свой острый клювъ въ зеленую траву. Вытащивъ оттуда лягушку, онъ съ наслажденіемъ проглатывалъ ее.

Они миновали огороды, сады съ цвѣтущими деревьями; на межахъ паслись козы, а на кустахъ зеленого крыжовника провѣтривалась чья-то постель.

Въ монастырѣ было пусто и тихо.

Въ окна врывался вѣтеръ, заглядывали зеленныя вѣтки. Во дворѣ было нѣсколько орѣховыхъ деревьевъ, и весь онъ заросъ травой, среди которой мелькали бѣлыя, печальныя головки нарцисовъ.

— Благословенно имя Господне! — сказалъ панъ Адамъ, остановившись подъ окномъ.

— Во вѣки вѣковъ! — отвѣтилъ ксендзъ Либератъ, который шлепая вдоль стѣны въ своемъ доминиканскомъ одѣяніи, худой и согбенный.

Онъ поднималъ поблекшіе глаза и долго всматривался, прежде чѣмъ понять, кто это.

— Какъ здоровье? Вчера ксендзъ Семенъ говорилъ, что вы, отецъ, поправились.

— Нѣтъ, нѣтъ... не поправился, — прошепталъ ксендзъ блѣдными губами.

Его старое высохшее лицо, цвѣта окружавшихъ стѣнъ, какъ будто прояснилось улыбкой.

— Можетъ быть, вы, отецъ, пожалуете сегодня къ намъ обѣдать?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я уже ничего не могу ѣсть, не сегодня—завтра умру...

— Чтo вы говорите, отецъ! — энергично протестовалъ панъ Адамъ. Ксендзъ улыбнулся, погладилъ себя по лицу вѣткой сирени и, вдохнувъ ея ароматъ, глухо прошепталъ:

— Смерть стоитъ надо мной, смерть во мнѣ!

Панъ Адамъ невольно отшатнулся, а Валекъ испуганно перекрестился.

— Сегодня ночью ко мнѣ приходилъ пріоръ, — тихо прибавилъ ксендзъ.

— Господи Иисусе! Это привидѣніе, отецъ мой, и больше ничего. Пріоръ же умеръ пятнадцать лѣтъ тому назадъ!

— А вотъ былъ! Я возвращаюсь съ хоръ, а онъ идетъ впереди меня по корридору и стучитъ въ каждую келью, точно съѣзжаетъ всѣхъ. Потомъ сразу исчезъ на поворотѣ. Я уже легъ, было, въ постель,—вдругъ слышу стукъ въ дверь. Открываю, а онъ стоитъ передо мною... Долго такъ смотрѣлъ на меня, потомъ, поднявъ вверхъ руку и сказалъ:—„Иди!“— Я, конечно, пошелъ, изъ келій тоже стали выходить монахи. Всѣ мы направились въ ризницу, а тамъ ужъ полнымъ-полно народу, да все еще прибываютъ. Кто только когда былъ въ нашемъ монастырѣ, всѣ тутъ собраны. Какой-то старый-престарый братъ выкликаетъ по большой книгѣ, и каждый къ нему подходитъ. Когда онъ вырветъ листокъ съ фамиліей, броситъ на воздухъ, тотъ сразу загорится, вылетитъ въ окно огненнымъ шаромъ, а вызванный исчезнетъ. Остался ужъ я одинъ и слышу мое имя: „Отецъ Либерать“.

— „Иди!“—шепнулъ пріоръ.

— „Послѣдній!“ — объявилъ читавшій и такъ медленно сталъ вырывать мою страницу. Я почувствовалъ, что онъ вырываетъ у меня жизнь. „Послѣдній!“ — сказалъ пріоръ, посмотрѣлъ на монастырь, поцѣловалъ меня въ лобъ и повторилъ: „Иди!“

— Иду, господинъ, если ты зовешь меня къ себѣ! Иду!—шепталъ ксендзъ, засмотрѣвшись въ голубое небо. Онъ скрестилъ руки на груди и замеръ, какъ мертвецъ или статуя.

Надъ нимъ ласточки летали на деревьяхъ, воробьи чиркали, а онъ ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ, погруженный въ молитву, въ видѣнія ожидаемой смерти.

Монашескій орденъ весь вымеръ, а теперь наступала очередь послѣдняго изъ длиннаго ряда братьевъ.

Панъ Адамъ заторопилъ Валека домой. Ксендзъ Либерать всегда казался ему страшнымъ, а этотъ рассказъ нагналъ на него окончательный ужасъ.

На обратномъ пути онъ пробовалъ смотрѣть на зелень, на людей, свистѣть, напѣвать, но голосъ замиралъ въ горлѣ, и панъ Адамъ оглядывался, словно опасаясь, что сейчасъ увидитъ процессію мертвыхъ монаховъ.

— Валекъ, двигай-ка, бестія!—крикнулъ онъ.

Анка сидѣла на крыльцѣ, на низенькомъ табуретѣ, и кормила цыплятъ.

Максъ, стоя въ дверяхъ, съ восторгомъ наблюдалъ эту идиллическую сцену.

— Гдѣ вы были, отецъ?

— У ксендза Либерата.

— Онъ поправился?

— Какое! совсѣмъ mente captus, совсѣмъ. Рассказывалъ мнѣ неслыханныя вещи и говоритъ, что не сегодня—завтра умретъ.

— Тотъ ксендзъ, который вчера былъ у васъ?—спросилъ Максъ.

— Нѣтъ. Ксендзъ Семень — нашъ настоятель, а это послѣдній изъ доминиканскаго монастыря. Очень ученый, благочестивый, но... больной. Почти сумасшедшій. Онъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ не спитъ, не ѣстъ, сторонится отъ людей и все молится, растянувшись на полу старыхъ монастырскихъ хоръ. А по ночамъ ходитъ въ пустыя кельи и бесѣдуетъ съ давно умершими монахами. Кромѣ того...

Старикъ наклонился къ Максу и что-то прошепталъ.

— Тасеньки, тась, тась, тась!..—сзывала Анка утятъ, которые съ увлеченіемъ барахтались въ пруду, не обращая вниманія на отчаянные крики и бѣготню высидѣвшей ихъ курицы. Курица точно звала на помощь, валетала надъ водой и съ перепугомъ отскакивала прочь.

— Вы ежедневно кормите сами?

— Ежедневно.

— Вѣдь это большой трудъ,—говорилъ Максъ.

— Приходится дѣлать поневолѣ,—весело отвѣчала Анка, продолжая скликать. Птицы сбѣгались со всѣхъ концовъ двора и жадно набрасывались на ѣду, наполняя воздухъ веселымъ крикомъ.

Анка, спустившись на порогъ, черпала горстями то пшеничую крупу, то ячмень, то пшеницу и бросала своему драчливому стаду.

Тутъ были цыплята, которые розовыми носиками необыкновенно ловко выбирали пшено и ежеминутно бѣгали къ курицѣ, угощавшей ихъ новой пищей, добытой изъ земли; были стройныя бѣлыя индюшки, на зеленыхъ, будто бронзовыхъ ножкахъ, — нѣжныя, капризныя, онѣ на бѣгу поднимали короткія крылья, крича стонущимъ голосомъ; были и оперенные уже утятъ, до того грязные, что потеряли всякій цвѣтъ; эти шли сплошной массой, молча кидались на пищу и жадно глотали, потрясая клювами въ воздухъ; пришли, наконецъ, гусенята съ гусемъ, неловко колыхаясь, они трясли обвисшими животами и тревожно гоготали. Ихъ стремительный натискъ на ячмень произвелъ наибольшее замѣшательство.

Анку забавлялъ этотъ гамъ, и она все сыпала зерна на головы и крылья птицъ.

— Вы сейчасъ похожи на Зосю Мицкевича,—сказалъ Максъ.

— Съ той разницею, что Зося занималась хозяйствомъ только для развлечения.

— А вы почему?

— Ради выгоды. Вамъ это не нравится, правда?

— Напротивъ, я въ восторгъ отъ вашей практичности.

— Вынужденной, прибавьте.

— Она почти всегда бываетъ вынужденной. Но вы удивительно умѣете соединять ее съ чѣмъ-то другимъ, чего я не умѣю назвать...

Старикъ Боровецкій протяжно засвисталъ. Индюки тотчасъ наторпорщились, гуси закричали, курицы закудаhtали и, растопыривъ крылья, начали прятать своихъ цыплятъ, а голуби, какъ безумные, понеслись въ голубятню, въ сарай, на крыльцо, кругомъ поднялся такой гамъ, будто упалъ съ неба ястребъ. Панъ Адамъ заливался хохотомъ.

— Вотъ такъ штуку я выкинулъ!—крикнулъ онъ.

— Что это за гусиная идиллія? Я изъ-за нея не выспался,—сказалъ Карлъ, появляясь на крыльцѣ.

— Выспишься въ Лодзи.

— Въ Лодзи мнѣ не до того,—съ раздраженіемъ проговорилъ онъ, холодно здороваясь съ Анкой, и посмотрѣлъ скучающимъ взглядомъ на столбы синяго дыма надъ городомъ.

— Вы, господа, непременно должны сегодня ѣхать?—робко спросила Анка.

— Непременно, и лучше бы даже сейчасъ.

— Ну, ѣдемъ, я готовъ, — рѣзко сказалъ Максъ, разсерженный отвѣтомъ Карла.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, — вы поѣдете послѣ обѣда; сейчасъ я не позволю! Пойдемъ сперва къ обѣднѣ и сдѣлаемъ визитъ ксендзу Семену. Я пригласила его и пана Заіончковскаго обѣдать. Наконецъ, вамъ, пане Карлъ, нужно поговорить съ Карчмарекомъ; онъ придетъ въ три часа. А вечеромъ мы васъ проводимъ.

— Хорошо, хорошо!—отвѣтилъ Карлъ и отправился завтракать. Послѣ завтрака, жалуясь на жару, онъ забрался въ садъ и сѣлъ подъ цвѣтущими яблонями. Его поминутно обсыпало снѣгомъ розовыхъ лепестковъ. Пчелы жужжали между вѣтвей, какъ въ ульѣ, кричали иволги, пахло сиренью и яблонью.

Панъ Адамъ легъ, по обычаю, послѣ завтрака вздремнуть, такъ какъ онъ вставалъ на разсвѣтъ; Анка собиралась въ костель; Максъ расхаживалъ по заросшимъ травой аллеямъ, доходя до конца усадьбы, до рѣки. Встрѣчаясь съ Карломъ, онъ избѣгалъ его взглядовъ. Иногда, увидѣвъ, что между Черевьевъ мелькаетъ свѣтлое платье Анки, онъ спѣшилъ

направиться къ ней. Но, къ его удивленію, вмѣсто Анки, передъ нимъ оказывалась яблоня въ цвѣту. Максъ останавливался тогда возлѣ плетня и смотрѣлъ на широкую равнину зеленыхъ хлѣбовъ, колыхавшихся съ монотоннымъ шумомъ. По межахъ плелись въ кустель изъ далекой деревни вереницы бабъ въ красныхъ платьяхъ и мужиковъ въ бѣлыхъ кафтанахъ; Максъ жадно вслушивался, не раздается ли гдѣ голосъ Анки.

Онъ не могъ отдать себѣ отчета, что съ нимъ происходитъ.

— Не выспался, чтò ли?—думаль Баумъ, потирая рукой разболѣвшуюся голову.—Проклятая деревня!

Онъ вдругъ почувствовалъ такую тяжесть на душѣ, что пошелъ къ Карлу и спросилъ:

— Нельзя ли намъ уѣхать пораньше?

— И тебѣ надоѣло?

— Да, я совсѣмъ вышелъ изъ колеи—чувствую себя старой калошей. Ночью не могъ спать, теперь не нахожу себѣ мѣста.

— Лягъ на траву, дыши запахомъ цвѣтовъ, слушай шелестъ листьевъ, наслаждайся пѣніемъ птицъ, купайся въ солнечныхъ лучахъ и думай о пивѣ или о черной Анткѣ,—смѣялся Карль.

— Честное слово, я не знаю, что съ собой дѣлать! Двадцать разъ я обошелъ садъ; ну, что же? вижу, что онъ прекрасенъ, что деревья цвѣтутъ, что трава зеленая, но зачѣмъ мнѣ это? Былъ на лугу,—чудный лугъ, былъ въ конюшнѣ, вездѣ все видѣлъ, но довольно съ меня этого. Панна Анка хвалила лѣсъ,—сходилъ и туда, увидѣлъ, что тамъ большія деревья, что тамъ сыро и не на что сѣсть.

— Почему ты не сказалъ? Она велѣла бы принести диванчикъ.

— При томъ я беспокоюсь о матери и...—онъ оборвалъ и принялся злобно разбивать ногой свѣжую кротовую кучу.

— Успокойся,—скоро поѣдемъ, нужно только поприличнѣе отбить эту тяжелую барщину.

— Барщину?—переспросилъ Максъ.—Невѣста и отецъ—это барщина?

— Я не про нихъ говорю, а про тѣхъ болвановъ, которые будутъ на обѣдѣ,—старался поправить неосторожныя слова Карль, но Максъ, точно наперекоръ, началъ увѣрять, что Заюнчковскій необыкновенно симпатиченъ, ксендзъ очень уменъ и т. п.

Боровецкій съ удивленіемъ подыалъ на него глаза.

— Что это ты ломаешься? Вчера восхищался деревней,

сегодня зѣваешь и зовешь домой; вчера подсмѣивался надъ этими господами, а сегодня защищаешь.

— Я говорю, какъ мнѣ нравится,—смутившись, отвѣтилъ Баумъ и направился вглубь сада, но сейчасъ же вернулся, такъ какъ Анка звала:

— Господа, пора идти въ костель!

Онъ пересталъ нервничать, скучать и злиться, увидѣвъ Анку, которая стояла на крыльцѣ, надѣвая перчатки.

Она была сегодня очаровательна въ своемъ легкомъ платьѣ, цвѣта кремъ съ блѣдно-фіолетовымъ, очень изящнымъ рисункомъ, въ большой, плоской шляпѣ, отдѣланной бѣлымъ газомъ и незабудками.

Отъ нея вѣяло прелестью, молодостью, силой, ея глаза сіяли такимъ благородствомъ, что Максъ утратилъ способность говорить.

Уже идя съ ней рядомъ и нѣсколько успокоившись, онъ, окинувъ взглядомъ фабриканта ея платье, серьезно шепнулъ Карлу:

— Это твоя „брильянтина“,—совершенно тотъ же тонъ.

Анка размѣялась надъ его словами. Максъ почувствовалъ себя задѣтымъ ея смѣхомъ и, немного отставъ, началъ разглядывать широкую улицу, по которой они шли къ костелу.

Мѣстечко было бѣдно-населенное, по преимуществу еврейскими-ткачами. Почти у каждаго окна стоялъ станокъ, а въ длинныхъ грязныхъ сѣняхъ сидѣли старухи-еврейки, мотая на самопрялкахъ пряжу; сухой монотонный стукъ станковъ несся отъ каждаго окна и дрожалъ въ тихомъ горячемъ воздухѣ.

Двери жалкихъ лавченокъ были притворены точно отъ пыли, а между тѣмъ, на серединѣ улицы чернѣла большая лужа, и въ ней хлюпались утки,—здѣсь было не просыхающее болото.

Базарная площадь, напротивъ монастыря, представляла изъ себя сыпучій песокъ. Среди ея домовъ, съ ветхой колоннадой внизу, виднѣлось нѣсколько развалинъ послѣ недавняго пожара; между остатковъ стѣнъ торчали только обгорѣлыя печи.

Изъ-за полуразвалившейся ограды, покрытой травой и кустиками пепельнаго цвѣта, и большихъ березъ съ опущенными вѣтвями, съ бѣлой корой,—выглядывалъ облѣзлый фасадъ костела, его стройная колоколенка и кладбище въ углу двора.

Въ тѣни березъ, у ограды, стояло нѣсколько десятковъ крестьянскихъ фуръ и бричекъ, а немного подалѣе, посрединѣ рынка, подъ холщевыми навѣсами, пріютились лари

торговцевъ, около которыхъ было совершенно пусто, такъ какъ солнце жгло все сильнѣе.

Пробраться сквозь толпу внутрь костела оказалось невозможнымъ, и Анка стала молиться, присѣвъ на лѣсенкѣ, которая вела въ ризницу. Максъ съ Карломъ вернулись подъ деревья и примостились на старой позеленѣвшей могильной плитѣ. Эти плиты тянулись вдоль стѣны цѣлыми рядами.

Богослуженіе уже началось. Черезъ отворенныя двери храма долетали звуки органа, красивое пѣніе хора, возгласы органиста. Даже слабый голосъ ксендза раздавался иногда надъ колыхавшейся волной головъ, которая то прилиwała къ входу, то отлиwała, шепча молитвы, вздыхая и капляя; по временамъ все стихало, и тогда звенѣли острые, пронзительные голоса колоколовъ, которымъ отвѣчали глубокіе, тяжелые вздохи, вырывавшіеся изъ толпы. Тѣ, которые стояли на кладбищѣ, опускались на колѣни, били себя въ грудь и снова отходили въ тѣнь березъ и къ развалинамъ стѣны, гдѣ пріютились.

— Наши платки,—шепнулъ Максъ, указывая на группу женщинъ, которыя алѣбли, какъ маки на пескѣ въ яркій день. Женщины сидѣли съ поджатыми подъ себя ногами, перебирая четки.

— Ужъ полиняли,—отвѣтилъ съ ироніей Карлъ.

— Линяютъ пабяницкіе; а эти красныя съ зелеными разводами не могутъ полинять, вари ихъ хоть въ солнцѣ, и то не выгорятъ.

— Вѣрю... ибо во что мнѣ обойдется такой опытъ?

— Здравствуйте,—глухо послышалось около нихъ.

Стахъ Вильчекъ, раздушенный, эlegantный, держа въ одной рукѣ цилиндръ, другую—протягивалъ имъ, точно хорошій знакомый.

— Что дѣлаешь панъ въ Куровѣ?—спросилъ Максъ.

— Приѣхалъ на праздники къ роднымъ. Это мой родитель только что упражнялся на органѣ,—отвѣтилъ тотъ съ презрительной снисходительностью, играя своими кольцами.

— Долго пробудете?

— Ночью уѣду—кончается срокъ отпуска.

— А гдѣ вы теперь служите!

— У Гросглюка, но только временно.

— Приметесь окончателно за уголь?

— Нѣтъ. У меня своя контора на Николаевской. Гросглюкъ началъ вести свои грязныя дѣлишки вмѣстѣ съ Копельманомъ, служить у котораго я не желаю. Что, господа, достаточно запасли угля для своей фабрики?—спросилъ онъ тише, наклоняясь къ Боровецкому.

— Нѣтъ еще,—отвѣтилъ Максъ.

Тютчевъ.

(1803—1903)

Забывая страданія жгучія,
Жизни пасмурной скуку и гнеть,—
О, блаженъ тотъ, чьи крылья могучія
Высоко направляютъ полеть!
Тотъ, чьи мысли, какъ птицы свободныя,
Горделиво надъ жизнью парятъ,
Для кого дышутъ камни холодныя,
Съ кѣмъ ручьи и цвѣты говорятъ!

Бодлеръ.

I.

На 1903 годъ выпали двѣ знаменательныя годовщины памяти Тютчева: 15 іюля исполняется тридцать лѣтъ со дня его смерти, 23 ноября—сто лѣтъ со дня рожденія. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, два лишнихъ повода вспомнить и поговорить о поэтѣ, хотя и оставившемъ русской литературѣ наслѣдіе небольшое въ количественномъ отношеніи, но по глубинѣ, силѣ и оригинальной красотѣ своихъ произведеній мало имѣющемъ соперниковъ среди другихъ нашихъ поэтовъ.

Біографія Тютчева, къ сожалѣнію, мало разработана, и исторія душевной жизни поэта извѣстна намъ, главнымъ образомъ, изъ признаній его музы. Внѣшнія черты этой біографіи даютъ основаніе утверждать, что жизнь его протекла, въ общемъ, легко и безмятежно-ясно. Отъ рожденія и до глубокой старости Тютчевъ былъ, что называется, баловнемъ счастья. Но, можетъ быть, именно эта внѣшне-безмятежная жизнь, замкнутая, къ тому же, въ узкомъ кругѣ высшаго свѣта и протекшая на половину „за рубежомъ“, была своего рода тормазомъ для огромнаго стихійнаго дарованія поэта. Вдали отъ живой почвы родной дѣйствительности въ значительной степени атрофировались инстинкты общественности, сочувственнаго пониманія истинныхъ нуждъ и интересовъ родного народа.

Родители Тютчева были богаты помѣщиками начала прошлаго вѣка, глубоко проникнутые патриотически-православными началами.

№ 7. Отдѣлъ II.

Это не мѣшало имъ, однако, говорить и думать преимущественно по-французски, а о русской литературѣ не имѣть ни малѣйшаго представленія. Правда, когда будущему поэту исполнилось десять лѣтъ, въ воспитатели къ нему взяты были семинаристы Раичъ, небезызвѣстный впоследствии литераторъ и переводчикъ, и, быть можетъ, онъ-то и развилъ въ мальчикѣ-Тютчевѣ любовь къ стихотворству; но глубоко ли было это случайное литературное влияние—сказать трудно. Мы не знаемъ, что представляла собою въ ранней молодости умственная и нравственная личность самого Раича (писателя, какъ извѣстно, совсѣмъ мало одареннаго), каковы были его педагогическіе приемы и способности. Въ возрастѣ 15—18 лѣтъ юный поэтъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, но, къ сожалѣнію, и это обстоятельство не поставило его ближе къ родной дѣйствительности, такъ какъ во время лекцій при немъ неотступно находился воспитатель, который и привозилъ его въ университетъ, и увозилъ домой; такимъ образомъ, свободного соприкосновенія съ университетской жизнью и товарищами-студентами Тютчевъ не имѣлъ... По окончаніи же курса онъ уѣхалъ тотчасъ за-границу, гдѣ и провелъ *цѣлыхъ 22 года*, служа на дипломатическомъ поприщѣ.

Характерно, такимъ образомъ, что писатель, отличающійся такой яркой націоналистической окраской, до сорокалѣтняго возраста не имѣлъ случая познакомиться близко и самостоятельно съ жизнью родного народа и общества; да врядъ-ли основательно познакомился онъ съ нею и позже, въ томъ возрастѣ, когда впечатлѣнія человѣка уже предрѣшаются въ значительной степени составленными ранѣ взглядами и убѣжденіями.

Не мудрено, что экзотическое воспитаніе принесло и экзотическіе плоды. Въ тѣ самые годы, когда Пушкинъ (который былъ на пять лѣтъ старше Тютчева) писалъ оды „Вольность“ и „Кинжалъ“, Тютчевъ оставался совершенно чуждымъ либеральному теченію; въ то время, какъ Пушкинъ избѣгъ печальной участи декабристовъ, быть можетъ, лишь благодаря невольному удаленію изъ Петербурга, Тютчевъ отнесся къ жертвамъ движенія съ холодной и высокоумѣренной жесткостью. Тотчасъ же послѣ 13 июля 1826 года онъ писалъ:

Народъ, чуждаясь вѣроломства,
 Поносить ваши имена,
 И ваша память для потомства,
 Какъ трупъ, въ землѣ скоронена.
 О, жертвы мысли безразсудной!

Какъ далеко это отъ тѣхъ трогательныхъ утѣшеній, съ какими Пушкинъ почти въ это же время обращался къ своимъ несчастнымъ друзьямъ:

Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
 И думъ высокое стремленіе!

Не мало можно найти въ стихахъ Тютчева яркихъ свидѣтельствъ и того, что поэтъ былъ равнодушенъ и къ самой родинѣ, которая представлялась ему „сновидѣнемъ безобразнымъ“ и которую онъ всегда готовъ былъ промѣнять на „золотой, свѣтлый югъ“. Не радуется, а скорѣе пугаетъ его „родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ огромной тучи снѣговой“, и ему кажется, что усталая сѣверная природа спитъ, погруженная въ „сонъ желѣзный“.

Лишь кой-гдѣ блѣдныя березы,
Кустарникъ мелкій, мохъ сѣдой,
Какъ лихородочныя грѣзы,
Смущаютъ мертвенный покой.

Да и самъ человѣкъ не живетъ здѣсь, а лишь „снится самъ себѣ“...

Интересно, что въ одномъ и томъ же 1846 году Некрасовымъ и Тютчевымъ написаны стихотворенія, обращенныя къ родинѣ и проникнутыя однимъ и тѣмъ же настроеніемъ—равнодушія и даже отвращенія къ ней. Но въ то время, какъ Некрасовъ съ рѣзкой опредѣленностью мотивируетъ такое отношеніе свое къ „мѣстамъ, гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ завидовалъ житію послѣднихъ барскихъ псовъ“, Тютчевъ не находитъ въ своей душѣ ни одного звука сочувствія поработенному народу; нѣтъ у него никакихъ и личныхъ мрачныхъ воспоминаній, подобныхъ Некрасовскимъ: напротивъ, дѣтство глядитъ на него изъ отдаленія, какъ „смутный призракъ забытаго, загадочнаго счастья“. Поэтъ просто—выросъ духовно, и дѣтство уже представляется ему „братомъ меньшимъ, умершимъ въ пеленахъ“.

Ахъ, нѣтъ! не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ,
Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
Все, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!

Одной жизнью и одними страданіями съ родиной поэтъ-аристократъ никогда не жилъ; праздникъ молодости прошелъ для него на пѣвѣущихъ берегахъ Рейна, среди тревогъ и радостей салонной жизни, среди высреннихъ пареній шеллинговой и гегелевской философіи...

Въ литературѣ не разъ приходилось встрѣчать сопоставленія Тютчева съ Некрасовымъ именно на этой почвѣ—любви къ родному народу и правильнаго пониманія его характера. На нашъ взглядъ, трудно найти въ русской поэзіи два менѣе близкія и родственныя явленія. Основная струна Некрасова—жалость къ реальнымъ человѣческимъ страданіямъ, негодованіе по поводу соціальныхъ язвъ современности; ничего этого нѣтъ у Тютчева.

Слезы людскія, о, слезы людскія,
 Льетесь вы ранней и поздней порой,—
 Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
 Неистошныя, несчастныя,
 Льетесь, какъ льются струи дождевыя
 Въ осень глухую, порою ночной.

Стихи болѣе, чѣмъ прекрасныя; и все же приходится сказать, что это какія-то абстрактныя, лишеныя живой скорби и горечи слезы,—одинаково слезы нищаго, какъ и вельможи. Другая, не менѣе извѣстная, пьеска Тютчева того же настроенія—„Пошли Господь свою отраду“—столь же ясно обнаруживаетъ безучастное отношеніе автора къ страданіямъ людей, обусловленнымъ социальнымъ неравенствомъ.

Не для него гостепріимной
 Деревья сѣнью разрослись,
 Не для него, какъ облакъ дымный,
 Фонтанъ на воздухъ повисъ,—

говоритъ поэтъ про обдѣленного судьбой и людьми бѣдняка, даже не задумываясь надъ тѣмъ, почему же „не для него“, справедливо ли это, и вѣчно ли такъ должно продолжаться. Онъ ограничивается пожеланіемъ, чтобы голодному „послалъ Господь“... Зло социальныхъ условій, въ которыхъ живетъ современное человѣчество, вообще, не интересуется Тютчева, и въ поэзіи его можно встрѣтить лишь слабыя и очень ужъ неопредѣленные намеки на то, что въ людскомъ обществѣ не все благополучно, — напр., въ стихотвореніи. „Какое дикое ущелье“:

Вотъ, я взобрался на вершину,
 Сижу здѣсь, радостенъ и тихъ...
 Ты къ людямъ, ключъ, спѣшишь въ долину:
 Не пробуй—каково у нихъ!

Въ мрачную годовщину севастопольскаго погрома Тютчевъ вспомнилъ, однако, о тяжеломъ положеніи родного народа и написалъ свое знаменитое—„Эти бѣдныя селеня“. Но и тутъ нѣтъ слѣда „гражданской скорби“ или негодованія... Напротивъ, поэтъ упираетъ впередъ „долготерпѣніемъ“, „смиреной наготою“ и „рабскими видами“ русскаго народа, находя въ нихъ высшую красоту и поэзію.

Не пойметъ и не оцѣнитъ
 Чуждый взоръ иноплеменный,
 Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
 Въ наготѣ твоей смиренной!

Эта смиренная нагота представляется ему какъ-бы получившей благословеніе отъ самого Христа,—такова воля Божія, и возмущенію здѣсь нѣтъ мѣста... Пьеса эта, несомнѣнно, находится въ связи съ славянофильскими и, вообще, православно-патріотиче-

скими взглядами Тютчева. Но мотивы панславизма, вѣшняго величія Россіи и ненависти къ ея врагамъ, все, что составляетъ содержаніе такъ называемой политической поэзіи Тютчева, слишкомъ далеко отъ того, что мы понимаемъ подъ „гражданскими мотивами“ Некрасова.

Одинъ только разъ, въ ту пору, когда, подъ вліяніемъ неудачнаго исхода войны, и самымъ яркимъ націоналистамъ нашимъ стало очевидно, что нельзя идти дальше по пути узко-классового самодовольства и пренебреженія къ насущнымъ интересамъ массъ, Тютчевъ заговорилъ о „свободѣ“, какъ о чемъ-то благотворномъ и желанномъ:

Надъ этой темною толпой
 Не пробужденнаго народа
 Взойдешь ли ты когда, свобода,
 Блеснетъ ли лучъ твой золотой?
 Блеснетъ твой лучъ и оживить,
 И сонъ разгонитъ, и туманы...

Но радостно-боевое настроеніе не продержалось у Тютчева даже до конца этой маленькой пьески; ему тотчасъ же вспоминаются „старыя, гнилыя раны, рубцы насилій и обидъ, растлѣнныя души и пустота умовъ“, и онъ съ горечью невѣрія спрашиваетъ: „Что ихъ излѣчить, кто прикроетъ?“ Поэтъ некрасовскаго типа отвѣтилъ бы: раны залѣчить болѣе справедливый строй жизни, а умственную и душевную пустоту заполнить духъ просвѣщенія и гражданственности. Уму и сердцу Тютчева, къ сожалѣнію, надежды эти говорили слишкомъ мало, и онъ всѣ упованія свои возлагаетъ на небо, на „ризу чистую Христа“.

Какъ и всѣ наши славянофилы 40-хъ годовъ, Тютчевъ глядѣлъ на православіе, какъ на величайшее и единственное сокровище русскаго народа. Законенъ, однако, ли непосредственно вѣрующей души вытекающія изъ вѣровныя убѣжденія поэта? По крайней мѣрѣ, не лишенъ ли онъ его ко второй женѣ, гдѣ онъ откровенно признается къ порядкамъ розыскательнаго правосудія (во время наѣздовъ въ родовую усадьбу его удобства“. Это не мѣшаетъ ему въ старости и находить въ сѣдой старинѣ право необычайное“... Величіе поэзіи! Для эстетика поэзія — знаніе въ высшей степени характерное!

Совершенно не зная Россіи и, по собственному признанію, не любя ея, охотнѣе и даже свободнѣе въ стихахъ на французскомъ діалектѣ, мы сказали уже, Тютчевъ является крайнимъ славянофиломъ.

Умомъ Россію не понять,
 Аршиномъ общимъ не измѣрить,

У ней особенная статья—
Въ Россію можно только вѣрить!—

Кто не знаетъ этой, сочиненной Тютчевымъ и такъ пришедшей по вѣусу нашимъ „патріотамъ“, высококѣрной формулы? Нѣмцевъ, а особенно „родныхъ нѣмцевъ“, живущихъ въ Россіи, Тютчевъ-поэтъ ненавидитъ и презираетъ до глубины души. Усмиреніе польскаго мятежа въ 63 году и дѣятельность гр. Муравьева въ Литвѣ встрѣчаетъ съ яростнымъ восторгомъ и одобреніемъ.

Надъ русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты,
И звономъ мѣди православной
Всѣ огласились высоты.

.....
Преданье ожило святое
Первоначальныхъ лучшихъ дней,
И только позднее былое
Здѣсь въ царство отошло тѣней.

Заподозрѣвать искренность поэта мы не можемъ ни въ малѣйшей степени; писанныя большею частью за границей, въ совершенно свободныхъ условіяхъ, и лишь много позже опубликованныя, многія стихотворенія Тютчева этого рода отличаются неподдѣльнымъ жаромъ и порой истиннымъ вдохновеніемъ. И, тѣмъ не менѣе, чувствуется, что стихи эти не были выраженіемъ глубоко продуманныхъ, задушевныхъ убѣжденій. Семейныя традиціи, вліянія окружающей среды, а главное—двадцатилѣтнее пребываніе за границей въ качествѣ дипломата, т. е. присяжнаго защитника не только русскихъ интересовъ, но и престижа русскаго имени, все это пріучило поэта къ мысли, что слѣпой, не разсуждающій патріотизмъ, безъ оговорокъ принимающій все отечественное, все именуемое „русскимъ“,—первая и главная обязанность гражданина. Только ненормальнымъ, экзотическимъ воспитаніемъ Тютчева, который, несомнѣнно, обладалъ яснымъ проицательнымъ умомъ и высокой, жинной образованностью, можно, думается намъ, удовлетворительно объяснить и тѣ явные порой софизмы, какими полны, напр., его „политическія“ статьи. Банальность и мелкость политическихъ взглядовъ въ этихъ статьяхъ, отпечатокъ какой-то казенщины особенно бросается въ глаза, когда вспоминаешь живою образъ поэта, какимъ его рисуютъ рассказы современниковъ. Осторожный, почти хитрый, искусившійся въ политикѣ дипломатъ-писатель враждебно относится къ праву человѣческаго „я“; въ жизни Тютчевъ отличался, по выраженію Никитенка, „любезностью сердца“, „деликатнымъ, человѣчественнымъ вниманіемъ къ личному достоинству каждаго“. Въ теоріи—оплотъ реакціи, находившій доброе слово даже для николаевской цензуры, въ жизни Тютчевъ являлся самымъ горячимъ и надежнымъ защитникомъ русской литературы въ официальномъ мірѣ.

Остановимся, однако, нѣсколько подробнѣе на его немногочисленныхъ, извѣстныхъ намъ, политическихъ статьяхъ. Первая изъ нихъ написана и напечатана въ Мюнхенѣ въ 1844 г.; вторая— докладная записка, поданная Тютчевымъ императору Николаю въ апрѣлѣ 1848 г., непосредственно послѣ мартовскихъ событій въ Германіи. Идея обѣихъ статей одна и та же. Россія прежде всего—христіанское государство; русскій народъ—христіанскій не только въ силу православія, но еще благодаря „чему-то болѣе задушевному, чѣмъ убѣжденію“. Онъ христіанинъ въ силу способности къ тому самопожертвованію и къ тому смиренію, которыя составляютъ какъ бы основу его нравственной природы; въ противоположность ему, Западъ охваченъ духомъ протеста и освобожденія, враждебнымъ христіанской религіи. „Самовластіе человѣческаго я, возведенное въ политическое и общественное право,— вотъ новое явленіе, получившее въ 1789 году названіе французской революціи“... Въ противовѣсъ этому, Тютчевъ выдвигаетъ единственное „законное“ право—право историческое. Только тому, что опирается на длинный рядъ вѣковъ въ прошломъ, должно принадлежать будущее. Россія свыше призвана охранять священные завѣты вѣнскаго конгресса 1815 года. Правда, общественное мнѣніе Германіи, и особенно ея печать, проникнута ненавистью къ Россіи и ко всему русскому, но со стороны нѣмецкаго общества это лишь печальное недоразумѣніе... Ненавидѣть Россію за несовершенства ея соціального строя, недостатки администраціи, угнетенное положеніе низшихъ классовъ,—по меньшей мѣрѣ несправедливо: гдѣ же нѣтъ недостатковъ? Развѣ, въ концѣ концовъ, „мы одни на бѣломъ свѣтѣ“, и развѣ Англія, напр., не имѣетъ своей Ирландіи?.. Во всякомъ случаѣ, въ современномъ обществѣ нѣтъ ни одного желанія, ни одной потребности (какъ бы искренни и законны они ни были), которыхъ апокалипсическій звѣръ революціи не исказилъ бы и не превратилъ въ ложь! Но истина восторжествуетъ. Русское общество твердо увѣрено, что Германія еще опомнится и вернется къ только что разрушенной ею политической системѣ, въ которой одной спасеніе. Одно только тревожитъ поэта-дипломата: какъ бы злоторный духъ протеста не перекинулся и на Австрію, гдѣ такъ много родственныхъ и единовѣрныхъ намъ племенъ. „И, Боже милосердый, — патетически заключаетъ онъ,—какова была бы участь этихъ племенъ, если бы въ борьбѣ съ ненавистными силами они покинуты были единственной властью, къ которой они взываютъ въ своихъ молитвахъ? Нѣтъ, это невозможно... Тысячелѣтнія предчувствія не могли обманывать. Россія, страна вѣрующая, не ощутитъ недостатка вѣры въ рѣшительную минуту. Она не устрашится величія своего призванія и не отступитъ передъ своимъ назначеніемъ“.

Передъ нами, такимъ образомъ, прямой призывъ къ злополучной

венгерской кампаніи, какъ извѣстно, дѣною тысячь русскихъ живней спасшей на время Австрію, но не доставившей Россіи ни выгоды, ни славы въ потомствѣ. Свою защиту историческаго права (которое спеціально для Россіи заключалось, между прочимъ, и въ крѣпостномъ правѣ) Тютчевъ аргументируетъ какими-то „тысячелѣтними предчувствіями“, ссылками на русское „общественное мнѣніе“ (котораго и знать не можетъ, проживъ больше двадцати лѣтъ за границей!), наконецъ, на пресловутую, прирожденную, будто-бы, нашему народу любовь къ самопожертвованію (карась любить, чтобы его жарили въ сметанѣ)...

Что-то затхлое, мертвое слышится во всемъ этомъ, и тѣмъ большій интересъ приобрѣтаетъ извѣстное письмо Тютчева (1857 г.) къ члену государственнаго совѣта, а позже—канцлеру Горчакову „О цензурѣ въ Россіи“. Напомнимъ читателямъ, что записка эта отдѣлена отъ предыдущихъ статей Тютчева не только севастопольскимъ крахомъ, обнаружившимъ всю несостоятельность той системы опеки, которую за семь лѣтъ передъ тѣмъ поэтъ отстаивалъ съ такимъ софистическимъ краснорѣчіемъ, но и рядомъ лѣтъ, прожитыхъ имъ на родинѣ, среди пробуждавшагося русскаго общества.

Тютчевъ начинаетъ съ мужественнаго признанія: „Намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ долгое стѣсненіе и гнеть, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбежно влечетъ за собою усиленіе матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобства подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она соприкасается, образуется громадная умственная пустыня, и правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанія, ни малѣйшей точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ бы ей суждено пасть подъ ударами злополучныхъ событій. Къ счастью, этотъ жестокій урокъ не пропалъ даромъ. Здравый смыслъ и благодушная природа царствующаго императора (Александра II) уразумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умамъ недостававшей имъ просторъ“. Послѣ этого чистосердечнаго признанія странно и удивительно слышать изъ устъ Тютчева слѣдующее сужденіе о николаевской цензурѣ: „Я не питаю особенно враждебнаго чувства къ цензурѣ, хотя она въ эти послѣдніе годы тяготѣла надъ Россіей, какъ истинное общественное бѣдствіе. Признавая ея своевременность и относительную пользу, я, главнымъ образомъ, обвиняю ее въ неудовлетворительности въ смыслѣ нашихъ дѣйствительныхъ нуждъ и интересовъ“. Онъ не питаетъ враждебнаго чувства къ

„истинному общественному бѣдствію“! Что это — отзвукъ стараго, только что потерпѣвшаго жестокое крушеніе, образа мыслей, боязнъ довести идею до ея логическаго конца, или же просто — уклончивый слогъ опытнаго дипломата?..

Любопытно и дальнѣйшее содержаніе письма. Россія наводнена „Колоколомъ“ Герцена и другими революціонными изданіями. Это — фактическая отиѣна цензуры, только сдѣланная во имя вреднаго и враждебнаго вліянія. Съ этимъ зломъ необходимо бороться. И Тютчевъ забываетъ, что „пора даровать умамъ не достающій имъ просторъ“; въ запискѣ о цензурѣ онъ, какъ-будто, и хочетъ, и не хочетъ свободы печати. Русское правительство, по его мнѣнію, нисколько не менѣе церкви призвано печься о душахъ своихъ подданныхъ, и потому, не уничтожая вполнѣ цензуры, оно должно только въ сношеніяхъ съ печатью взять на себя роль серьезнаго руководителя умами; а для этого слѣдуетъ создать „свободную“ правительственную газету... Литературные таланты, думаетъ Тютчевъ, притекутъ къ такому изданію въ изобиліи, потребовавъ лишь гарантіи той доли свободы, какая необходима для серьезной и дѣйствительной борьбы съ подпольными органами. Однако, тутъ же Тютчевъ и оговаривается (какъ бы испугавшись собственной смѣлости), что въ благодарность за оказанное правительствомъ довѣріе издатели новой газеты, естественно, проявятъ сдержанность и умѣренность *еще большія*, чѣмъ всѣ прочія изданія государства... Но если такъ, то зачѣмъ же было и огородъ городить?

Такимъ образомъ мы видимъ, что общественно-политическіе взгляды Тютчева не отличались ни особенной глубиной, ни даже устойчивостью, и если стихотворенія его на политическія темы производятъ несравненно лучшее, сильнѣйшее впечатлѣніе, то объяснять это приходится лишь крупнымъ поэтическимъ талантомъ автора. Мы упоминали уже о стихотвореніи „Декабристамъ“. Незрѣлость мысли юнаго поэта, двойственность или какое-то безразличіе настроенія („развратило“ декабристовъ, по мнѣнію Тютчева, то же самое „самовластье“, мечъ котораго поразилъ ихъ) — все это сразу бросается въ глаза, — и однако нельзя не назвать великолѣпными хотя бы, напр., слѣдующихъ стиховъ:

О, жертвы мысли безразсудной!
 Вы уповали, можетъ быть,
 Что станетъ вашей крови скудной,
 Чтобъ вѣчный полюсъ растопить?
 Едва дымясь, она сверкнула
 На вѣковой громадѣ льдовъ:
 Зима желѣзная дохнула —
 И не осталось и слѣдовъ!

Превосходно также, по силѣ негодованія, стихотвореніе, написанное Тютчевымъ „По случаю пріѣзда австрійскаго эрцгерцога на похороны императора Николая“:

Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью,
 Безумству также мѣра есть...
 Клянусь его вѣнчанной тѣнью—
 Не все же можно перенести!
 И какъ не грянетъ отовсюду
 Одинъ всеобщій кличъ тоски:
 Прочь, прочь австрійскаго Іуду
 Отъ гробовой его доски!
 Прочь съ ихъ предательскимъ лобзаньемъ!
 И весь апостольскій ихъ родъ
 Будь заклейменъ однимъ прозваньемъ:
 Искаріотъ, Искаріотъ!

Къ 1863 году относятся извѣстныя тютчевскія стихотворенія, внушенныя вторымъ польскимъ возстаніемъ и дѣятельностью въ Вильнѣ гр. Муравьева. Читаешь ихъ—и кажется, что это писалъ не тотъ поэтъ, который въ стихотвореніи „На взятіе Варшавы въ 1831 году“ обращался къ „орлу одноплеменному“, къ „горестной Варшавѣ“ съ слѣдующими благородными словами:

Вѣрь слову русскаго народа:
 Твой пепелъ мы свято сбережемъ,
 И наша общая свобода,
 Какъ фениксъ, возродится въ немъ!

Фениксъ не вышелъ изъ пепла въ многолѣтній періодъ, послѣдовавшій за событіями 1831 года, — Тютчевъ самъ констатировалъ это въ письмѣ къ Горчакову о цензурѣ; и тѣмъ не менѣе, онъ обращается теперь къ полякамъ со словами:

Нѣтъ, никогда такъ дерзко правду Божью
 Людская кривда къ бою не ввала!

Они — „предатели“ и даже — „разбойники“... Гр. Муравьеву поэтъ слагаетъ пламенные дифирамбы, а кн. А. А. Суворова, съ неодобреніемъ относившагося, какъ извѣстно, къ суровымъ мѣрамъ виленскаго ген.-губернатора, осмѣиваетъ злыми сарказмами:

Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
 Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
 Что русскаго честимъ мы «людоѣда»,
 Мы, русскіе, Европы не спросяся!

Этому настроенію Тютчевъ не измѣняетъ и три года спустя, когда, по случаю смерти того же Муравьева, пишетъ:

На гробовой его покровъ
 Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова простыя:
 Не много было-бъ у него враговъ,
 Когда бы не твои, Россія!

И, что всего удивительнѣе, — въ это же время, тою же рукою Тютчевъ пишетъ „Два единства“ и „Euseuclisa“. Онъ возмущается „оракуломъ новыхъ дней“ Бисмаркомъ, провозгласившимъ, что

„единство народовъ можетъ быть спаяно лишь кровью и желѣзомъ“; „но мы попробуемъ спаять его любовью“,—самодовольно восклицаетъ поэтъ,—„а тамъ увидимъ, что прочтѣй!“ Не меньше негодуетъ онъ и противъ папы за „роковое слово“, которое должно погубить его: „свобода совѣсти есть бредъ!“

Словомъ, оставаясь вѣрнымъ собственному парадоксу, онъ отказывается мѣрить Россію общимъ съ Европой аршиномъ.

II.

Словно сознавая самъ свою отчужденность отъ реальной жизни, Тютчевъ главныя усилія своего прекраснаго таланта направилъ туда, гдѣ могъ быть всего пронизательнѣе и всего сильнѣе,—въ область философскаго анализа и самоуглубленія.

Мы сказали уже, что Тютчевъ былъ баловнемъ фортуны. Жизнь его прошла среди всякаго рода житейскихъ удачъ, въ довольствѣ и счастіи. Рѣзкимъ поэтскому диссонансомъ кажется та нерадостная, мрачно-скептическая нота, которая звучитъ въ задушевнѣйшихъ его стихотвореніяхъ. Въ литературѣ встрѣчается, правда, не мало такихъ видимыхъ противорѣчій между жизнью автора и его творчествомъ. Извѣстно, что философъ Гарманъ, внѣшняя жизнь котораго отличалась безоблачнымъ счастіемъ, явился творцомъ системы, проповѣдующей безнадежный пессимизмъ, и, наоборотъ, Дюрингъ, котораго постигло одно изъ величайшихъ бѣдствій—слѣпота зрѣнія,—философъ-оптимистъ. Повидимому, любимцы судьбы, которыхъ уже при рожденіи феи надѣляютъ всѣми дарами, часто не получаютъ главнаго дара—умѣнья быть счастливымъ, и, можетъ быть, только подъ ударами жизни, въ борьбѣ крѣпнеть въ человѣкѣ настоящая жизненная энергія, создается бодрое, свѣтлое міросозерцаніе.

Одинъ мрачный призракъ, одинъ тяжелый кошмаръ съ раннихъ лѣтъ тяготѣетъ надъ мечтами и помыслами нашего поэта: мысль о темномъ, безумномъ, беспорядочномъ доміровомъ хаосѣ... Бездна, надъ которою носился нѣкогда Духъ Божій, не исчезла совершенно изъ міра послѣ его созданія. Хаотическое начало, скрывшись подъ яркой жизнерадостной оболочкой внѣшняго міра, оставило неизгладимый слѣдъ и въ глубинѣ нашей собственной души. Меркнетъ день, наступаетъ ночь — и сбрасываетъ съ природы ея златотканый покровъ:

И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами...

Внѣшній міръ уходитъ, —

И человѣкъ, какъ сирота бездомный
Стоитъ теперь и немощенъ, и голъ,

Лицомъ къ лицу предъ пропастію темной.
И чудится давно минувшимъ сномъ
Ему теперь все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаеть наслѣдье роковое.

Правда, самъ по себѣ хаосъ не есть зло—онъ страшенъ намъ
лишь съ точки зрѣнія нашего временнаго человѣческаго сознанія.

Когда пробьеть послѣдній часъ природы,
Разрушится составъ частей земныхъ,
Все зримое опять покроютъ воды —
И Божій ликъ изобразится въ нихъ.

Такимъ образомъ, новое превращеніе всего существующаго въ доміровое хаотическое состояніе есть, собственно, идеальное соединеніе съ Божествомъ и, слѣдовательно, должно быть признано даже желательнымъ. И Тютчевъ, какъ извѣстно, даетъ своему Хаосу нѣжный эпитетъ „родимаго“, а страшную пѣсню о немъ ночной бури сравниваетъ съ „любимой повѣстью“; онъ называетъ „святою“ ночь—это самое страшное, но и самое близкое къ хаосу явленіе природы. Тѣмъ не менѣе, человѣкъ не въ силахъ преодолѣть естественное чувство ужаса передъ нимъ, „древнимъ“, смутнымъ, чудовищно-огромнымъ... Не только во мракѣ ночи бродитъ это страшное, хотя и родное людямъ начало зла, оно таится и въ блескѣ дня, подъ безоблачнымъ небомъ, среди аромата цвѣтовъ, и человѣка порой тянетъ къ нему, какъ маленькую птичку къ смертоносному взгляду змѣи.

Люблю сей Божій гнѣвъ! Люблю сіе, незримо
Во всемъ разлитое таинственное зло!

Какъ земной шаръ омывается кругомъ водами океана, такъ наша земная жизнь окружена отовсюду снами и тайнами, и ночью прибой ихъ лишь явственнѣе слышенъ. Вотъ, —

... въ пристани волшебный ожилъ челнъ...
Приливъ растеть и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.
Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающе бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Эта „пылающая бездна“, этотъ міръ сновъ и тайнъ и составляетъ подлинную сущность міра, въ которомъ мы живемъ. Все же прочее, что обыкновенно зовется жизнью, есть лишь свѣтлый призракъ, золотой покровъ, волею боговъ наброшенный на бездну для утѣшенія слабыхъ смертныхъ...

И прежде всего, призрачно, само „я“ человѣческое, которое мы—въ забывчивости—мыслимъ, какъ нѣчто самостоятельное и

независимое. Подобно весеннимъ льдинамъ, плывущимъ по рѣкѣ и такъ ярко сверкающимъ на солнцѣ, всѣ человѣческія индивидуальности, великія и малыя—одинаково, утратятъ въ концѣ концовъ настоящій свой образъ и сольются въ роковой безднѣ. Личнаго безсмертія нѣтъ, есть лишь безсмертіе родовое:

И снова будетъ все, что есть,
И снова розы будутъ цвѣсть
И терны тожь...
Но ты, мой блѣдный, блѣдный цвѣтъ,
Тебѣ ужъ возрожденія нѣтъ:
Не расцвѣтешь!
Ты сорванъ былъ моей рукой,
Съ какимъ безумствомъ и тоской —
То знаетъ Богъ...
Останься-жь на груди моей,
Пока любви не замерь въ ней
Послѣдній вздохъ!

Жизнь человѣческую можно сравнить даже не съ „свѣтлымъ дымомъ, блестящимъ при лунѣ“, а лишь съ „тѣнью, бѣгущею отъ дыма“. Мы рождены для власти надъ природой,—говоритъ гордость человѣческая; свободные, мы—перль творенія, но... вотъ, съ поляны поднялся коршунъ, неразумный степной хищникъ. Какъ легко и плавно взвился онъ! Все выше, выше — и, наконецъ, ушелъ за небосклонъ...

Природа-мать ему дала
Два мощныхъ, два живыхъ крыла:
А я здѣсь, въ потѣ и въ пыли,
Я — царь земли — приросъ къ землѣ!..

Но человѣкъ не одинокъ въ мірѣ, онъ не беспомощная жертва въ борьбѣ съ темной стихіей. Онъ могучъ общеніемъ съ собой подобными, и у него есть великое орудіе для этого общенія — слово, котораго лишена неразумная тварь. Такъ ли это? Выразить во всей полнотѣ и ясности то, что дѣйствительно происходитъ въ душѣ, наше слово, въ сущности, бессильно.

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь!

Не потому ли Тютчевъ, шутили отказываясь, подъ предлогомъ лѣни, сдѣлать въ сборникѣ своихъ стиховъ необходимыя поправки, въ сущности, вполне серьезно писалъ Погодину:

Въ нашъ вѣкъ стихи живутъ два-три мгновенья,
Родятся утромъ — къ вечеру умрутъ.
Чего-жь тутъ толковать? Рука забвенья
Исправить ихъ чрезъ нѣсколько минутъ.

Этимъ, быть можетъ, объясняется въ немъ и недостатокъ заботливости о сохраненіи своихъ произведеній для потомства, — черта столь рѣдкая въ писателѣ...

Но последуемъ за Тютчевымъ дальше въ его безпощадномъ анализѣ. У человѣка есть мысль и ея роскошное созданіе, наша гордость—наука. Однако, въ концѣ концовъ, такъ ли ужъ огромны успѣхи науки, такъ ли ужъ безконечны ея возможныя въ будущемъ завоеванія? Струя фонтана взлетаетъ вверхъ на огромную высоту и, сверкая на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, обольщается, быть можетъ, мечтой, что не будетъ конца ея гордому полету; а конецъ, между тѣмъ, такъ близокъ. Достигнувъ завѣтной черты, фонтанъ снова „пылью огнецвѣтной ниспасть на землю осужденъ“. Такъ же жадно рвется къ небу и „смертной мысли водометъ“;

Но дань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты...

Итакъ, мысль, какъ и слово, обладая призрачнымъ могуществомъ, есть лишь призрачное благо.

Дума за думой, волна за волной—
Два проявленія стихій одной!
Въ сердцѣ-ли тѣсномъ, въ безбрежномъ-ли морѣ,
Здѣсь—въ заключеніи, тамъ—на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой,
Тотъ же все призракъ тревожно-пустой!

Но, можетъ быть, мостомъ черезъ „пылающую бездну“ могло бы явиться чувство, и прежде всего—любовь?

Съ какою нѣгою, съ какою тоской влюбленный
Твой взоръ, твой страстный взоръ изнемогалъ на немъ!
Безмысленно-нѣма, нѣма, какъ опаленный
Небесной молніи огнемъ,
Вдругъ, отъ избытка чувствъ, отъ полноты сердечной,
Вся трепеть, вся въ слезахъ, ты повергалась ницъ.
Но скоро добрый сонъ, младенчески-безпечный,
Сходилъ на шелкъ твоихъ рѣсницъ.
И на руки къ нему глава твоя склонялась,
И матери нѣжнѣй тебя лелѣялъ онъ...

Къ сожалѣнію, любовь—чувство, менѣе всего прочное.

А днешь?.. О, если бы тогда тебѣ приснилось,
Что будущность для васъ обоихъ берега:
Какъ уязвленная, ты-бъ съ воплемъ пробудилась,
Иль въ сонъ иной бы перешла!

Мало того, что любовь скоро проходитъ: она, къ тому же, еще и слѣпая, темная страсть, сама по себѣ злое начало.

О, какъ *убійственно* мы любимъ!
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей

Мы то всего вѣрнѣ губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

И Тютчевъ рассказываетъ потрясающую повѣсть нѣжной, пламенной и вмѣстѣ роковой любви. У нея былъ „волшебный взоръ и рѣчи, и смѣхъ младенчески-живой“. И вотъ, не прошло года, какъ поблекли „розы ланитъ“, угасъ блескъ очей, исчезла очаровательная улыбка устъ... „Все опалили, выжгли слезы горючей влагою своей“... И одно только осталось—„боль ожесточенья, боль безъ отрады и безъ слезъ!..“

Не мудрено, что любовь занимаетъ въ поэзіи Тютчева такое третьестепенное, прямо ничтожное мѣсто. Это—явленіе мрачное, сердце „слиянъе роковое и поединокъ роковой“, и чѣмъ одно изъ этихъ сердецъ нѣжнѣе, тѣмъ скорѣе оно изноеть и истаетъ...

Читатель уже обратилъ, вѣроятно, вниманіе на эпитетъ „роковой“, столь излюбленный Тютчевымъ. Это не случайность, не первое попавшееся слово, которымъ поэтъ замѣняетъ болѣе точное, но не поддающееся выраженію, опредѣленіе. Понятіе о рокѣ, тяготящемъ надъ жизнью человѣка и надъ всѣмъ мірозданіемъ, естественно вытекаетъ изъ глубоко-пессимистической философіи Тютчева.

Изъ края въ край, изъ града въ градъ
Судьба, какъ вихрь, людей мятеть,
И радъ ли ты, или не радъ—
Что нужды ей?.. Впередъ, впередъ!

Знакомый звукъ доносится до нашего слуха—любви послѣднее прощанье... Оглянуться бы, остановиться, припомнить дорогой образъ... Нѣтъ! раздается грозный голосъ:

Не время выкликать тѣней,
И такъ ужъ мраченъ этотъ часъ!
Усопшихъ образъ тѣмъ страшнѣй,
Чѣмъ въ жизни былъ милѣй для насъ!

Слѣпыми стоимъ мы передъ судьбою, и—

Кто смѣетъ молвить: «До свиданья!»
Черезъ бездну двухъ или трехъ дней?..

Констатируя органическое родство души человѣческой съ міромъ безсознательнаго (мы—„лишь греза природы“, по картинному выраженію Тютчева), поэтъ съ недоумѣніемъ и скорбью останавливается передъ одной неразрѣшимой для него загадкой:

Невозмутимый строй во всемъ,
Созвучье полное въ природѣ,—
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаемъ.
Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего же въ общемъ хорѣ

Душа не то поетъ, что море,
И рошчетъ мыслящій тростникъ?

Образъ этого вѣкового разлада человѣка съ природой Тютчевъ даетъ намъ въ удивительномъ стихотвореніи „Итальянская вилла“. Окруженная кипарисной рощей, больше двухъ столѣтій мирно дремала покинутая людьми, заброшенная вилла.

... И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полусонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.
По-прежнему фонтанъ въ углу лепечетъ,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечетъ...
И спитъ она, и сонъ ея глубокъ.
И мы вошли: все было такъ спокойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ, все смутилось: судорожный трепетъ
По вѣткамъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ, и нѣкій чудный лепетъ,
Какъ-бы сквозь сонъ, невнятно прошепталъ.
Что это, другъ! Иль злая жизнь не даромъ,—
Та жизнь, увы, что въ насъ тогда текла,
Та злая жизнь съ ея мятежнымъ жаромъ—
Черезъ порогъ завѣтный перешла?..

Появленіе людей съ ихъ „злою жизнью“ и „мятежнымъ жаромъ“ прервало очарованный сонъ мирнаго уголка. И такъ всегда и вездѣ. Жизнь природы, со всѣмъ ея величіемъ и очарованіемъ, мертва для большинства людей:

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семь мѣрѣ, какъ впотьмахъ,
Для нихъ и солнца, звать, не дышутъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была.
И, языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза!

Все въ природѣ, къ чему ни прикоснется рука этихъ слѣпыхъ и глухихъ, утрачиваетъ свой первоначально-чистый обликъ, или же безвозвратно гибнетъ („Не даромъ милосерднымъ Богомъ пугливой птичка создана“). Съ своей стороны, и природа платитъ имъ тою же монетой равнодушія, если не прямой враждебности. Проѣзжая черезъ унылыя ливонскія поля, поэтъ вспоминаетъ ихъ буйную, кровавую быль.

И, глядя на тебя, пустынная рѣка,
 И на тебя, прибрежная дубрава,—
 Вы,—мыслилъ я,—пришли издалека,
 Вы—сверстники сего былого!
 . . . Вамъ однимъ лишь удалось
 Дойти до насъ съ береговъ кругого свѣта...

Но „съ улыбкою двусмысленной и тайной“ молчить природа, ничего не хотеть рассказать о быломъ,—ей чуждо и самое понятие наше о времени...

Только исключительнымъ, гениальнымъ натурамъ (Колумбъ, Наполеонъ) природа откликается созвучными ихъ душѣ головами,—шумомъ волнъ, крикомъ морскихъ птицъ; имъ она открываетъ свои вѣковыя тайны. Къ числу такихъ счастливецъ принадлежать и поэты... И среди нихъ, — скажемъ мы отъ себя, — лишь очень и очень немногіе обладаютъ такимъ тонкимъ чутьемъ природы, пониманіемъ сокровеннѣйшихъ глубинъ ея жизни, какими блистаетъ муза Тютчева. Здѣсь невольно напрашивается на сравненіе другой замѣчательной пѣвца природы и внушаемыхъ ею трудно уловимыхъ настроеній. Въ непосредственности умѣнья сливаться съ природой, сливаться почти до превращенія въ растительный организмъ, Фетъ, думается намъ, превосходитъ Тютчева: зависитъ это, быть можетъ, отъ крайней несложности душевной организаціи Фета, этого старца-ребенка. Тютчевъ, напротивъ, — необычайно сложная и глубокая душа умъ, философски мыслящій; никогда и ни въ какомъ положеніи онъ не умѣетъ забыть, что несчастный „царь“ природы осужденъ на вѣковѣчный, непримиримый разладъ съ нею... Фетъ, „пропадающій отъ тоски и лѣни“ въ душномъ зноѣ лѣтняго полдня и теряющій въ концѣ-концовъ способность различить—въ ухахъ ли у него раздается звонъ, или то пчела гудитъ на цвѣткѣ, и Тютчевъ, ощущающій въ вечерней тишинѣ, какъ вся природа входитъ въ его „я“, и какъ это „я“ присутствуетъ въ каждой частицѣ природы,—это двѣ величины, несоизмѣримо-различныя.

Мотылька полетъ незримый
 Слышенъ въ воздухъ ночномъ...
Часть тоски невыразимой!
 Все во мнѣ, и я во всемъ!
 Сумракъ тихій, сумракъ сонный,
 Лейся въ глубь моей души,
 Тихій, томный, благовонный,
Все залей и утши!
 Чувства мглой самозабвенья
 Переполни черезъ край,
 Дай вкусить уничтоженья,
 Съ міромъ дремлющимъ смѣшай!

Передъ нами мольба, а не картина беззавѣтнаго слиянія съ жизнью природы. Удастся ли поэту достигнуть желанной „мглы“

самозабвенья“, отрѣшиться отъ своей вѣчно тоскующей, вѣчно рефлексирующей личности,—остается неизвѣстнымъ.

III.

Въ этомъ всеограшающемъ анализѣ, казалось бы, должна погибнуть всякая радость жизни. Разъ все, чѣмъ гордится человекъ, такъ жалко-ничтожно, и самая личность его сжата такими тѣсными предѣлами, разъ такъ безнадежно оторвался онъ отъ матери-природы и, тѣмъ не менѣе, попрежнему находится во власти ихъ общаго праотца—„хаоса“, то каковъ же смыслъ существованія? Къ чему стремиться? Въ чемъ искать утѣшенія? Единственнымъ *логическимъ* выводомъ является стремленіе къ небытію...

Какъ птичка раннею зарей,
Миръ, пробудившись, вострепунся...
Ахъ, лишь одной главы моей
Сонъ благодатный не коснулся!
Хоть свѣжестъ утренняя вѣть
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
На мнѣ, я чую, тяготѣтъ
Вчерашній зной, вчерашній прахъ!

О, какъ провзительны и дики,
Какъ венавистны для меня—
Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
Младого, пламеннаго дня
О, какъ лучи его багровы,
Какъ жгутъ они мои глаза!
Ночь, ночь! о, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса?..

Натура сильная, необыкновенно - жизненная, Тютчевъ, къ счастью русской литературы, органически неспособенъ былъ остановиться на такомъ кладбищенскомъ настроеніи. Мрачныя и злыя стороны бытія, безстрашно раскрываемыя его же собственнымъ жестокимъ анализомъ, не импонировали ему настолько, чтобы онъ чувствовалъ себя раздавленнымъ ими, уничтоженнымъ. Въ этой глубоко-скептической душѣ таилось всегда слишкомъ много непосредственной любви къ той самой „неполной радости земной“, которую онъ такъ беспощадно изобличалъ, къ свѣтлому призраку жизни, „златотканному покрову“, хотя бы послѣдній и не закрывалъ отъ его глазъ безотрадной сущности міра. Его неодолимо привлекаетъ въ природѣ все грандіозное, мощное, бурное, и, напр., гроза—любимая тема его стихотвореній. „Какъ *весель* грохотъ лѣтнихъ бурь!“—говоритъ онъ,—и не мракомъ, а свѣжимъ, свѣтлымъ потокомъ врывается намъ въ душу этотъ грозовой вихрь, который

..... опрометчиво-безумно
 Вдругъ на дубраву набѣжить,
 И вся дубрава задрожитъ
 Широколиственно и шумно!

Характерно въ высшей степени, что ни у одного изъ крупныхъ поэтовъ русскихъ не найдется такого количества стихотвореній, посвященныхъ *веснѣ*, какъ именно у Тютчева, поэзія котораго вообще подернута траурными флеромъ. Вышній нарядъ этой поэзіи переливаетъ всѣми цвѣтами радуги, и обиліе въ ней понятій и словъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ солнцу, утру, дню, веснѣ, молодости, жизни—поражаетъ всякаго, кто только начнетъ знакомиться съ нею.

Люблю грозу въ началѣ мая,
 Когда весенній первый громъ,
 Какъ бы рѣзвяся и играя,
 Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
 Гремятъ раскаты молодые!
 Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ...
 Повисли перлы дождевые,
 И солнце нити золотить.
 Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
 Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
 И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный—
 Все вторить весело громамъ!
 Ты скажешь: вѣтреная Геба,
 Кормя Зевесова орла,
 Громокипящій кубокъ съ неба,
 Смѣясь, на землю пролила!..

Что за ослѣпительная роскошь звуковъ и красокъ, свѣжихъ и молодыхъ, какъ сама весна! А между тѣмъ, это хрестоматическое стихотвореніе взято нами совершенно на удачу. Знаменитыя „Весеннія воды“ отличаются точь-въ-точь тѣми же достоинствами:

Еще въ поляхъ *блѣтеть сныть*,
 А воды ужъ весной *шумятъ*,
Блутъ и будятъ сонный берегъ,
Блутъ и блещутъ, и *гласятъ*.

А за этими гонцами „молодой“ весны „весело толпится румяный, свѣтлый хороводъ тихихъ, теплыхъ майскихъ дней“...

Къ картинамъ утра и дня Тютчевъ питаетъ особенное пристрастіе, но и въ изображеніяхъ ночи рѣдко встрѣтите у него полный мракъ и глухую тишину.

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
 Какъ на небѣ *звѣзды рдѣютъ*,
 Какъ подъ сумрачнымъ ихъ *сѣтломъ*
 Нивы дремлющія *зрѣютъ*!
 Усыпительно-безмолвны,
 Какъ *блещатъ* въ тиши ночной

*Золотистыя ихъ волны,
Ублеленныя луной!*

Никто лучше Тютчева не умѣетъ изображать грозное и чудесное, что таитъ въ себѣ ночь (она, „какъ звѣрь стоюкій, глядитъ изъ каждаго куста“; зарницы, „какъ демоны глухонѣмые, ведутъ бесѣду межъ собой“); но сердечныя симпатіи его принадлежать „веселому“, „пышно-золотому“ дню. Удивительно передаетъ онъ ужасъ, внушаемый картиною Альпъ ночью, и радость наступленія утра:

Сквозь лазурный сумракъ ночи
Альпы свѣжныя глядятъ;
Помертвѣлыя ихъ очи
Льдистымъ ужасомъ разятъ.
Властью нѣжной обаянны,
До восшествія зари
Дремлютъ, грозны и туманны,
Словно падшіе цари...
Но востокъ лишь заалѣетъ—
Чарамъ гибельнымъ конецъ:
Первый въ небѣ просвѣтлѣетъ.
Брата старшаго вѣнецъ.
И съ главы большого брата
На меньшихъ бѣжить струя,
И блеснить въ вѣнцахъ изъ злата
Вся воскресшая семья...

Восходъ солнца—это „благовѣсть всемірный побѣдныхъ солнечныхъ лучей“. Вотъ смѣлый образъ, какъ нельзя болѣе характерный для Тютчева, съ его любовью къ жизни и свѣту!

Зима, какъ естественный символъ смерти, сравнительно рѣдко фигурируетъ въ стихахъ Тютчева; но онъ любитъ раннюю осень, ту краткую, но дивную пору, когда „весь день стоитъ какъ-бы хрустальный, и лучезарны вечера“, когда повсюду *блеститъ* паутина, „и льется чистая и теплая лазурь на отдыхающее поле“...

Непосредственная радость бытія, того самаго бытія, которое при свѣтѣ философіи представляется столь мало цѣннымъ въ своей призрачности и предѣльности,—у Тютчева чувство интенсивно-живое и глубокое, и прежде всего это—чувство природы и ея безсмертной красоты.

Для Тютчева природа не мертвая красивая декорація, на фонѣ которой движется человѣческая жизнь; поэтъ вѣритъ, что „въ ней есть душа, въ ней есть свобода, въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ“. Правда, подъ ея прекрасными формами для насъ часто таится смерть; „благоуханія, цвѣты и голоса“ часто являются лишь усладителями послѣдней нашей муки... Но, разъ созерцаніе красоты въ ея безпримѣсномъ, чистомъ отъ зла видѣ фатально-недоступно нашимъ чувствамъ и сознанію, то—да здравствуетъ „сей Божій гнѣвъ“! Да здравствуетъ реальная, несовер-

пенная природа! Умирающая женщина, прислушиваясь къ веселому шуму теплаго лѣтняго дождя по листьямъ сада, говоритъ у Тютчева: „О, какъ все это я любила!“ И если за чертой жизни людей ждуть глухія и безмолвныя могилы, то вѣдь и „звѣздные круги“ боговъ равно безмолвны? Предѣльность земного существованія, съ его борьбой, трудомъ и тревогами, не завиднѣе ли, по этому, мертвенной безконечности, удѣла небожителей?

Пускай Олимпійцы завистливымъ окомъ
Глядятъ на борьбу непреклонныхъ сердець:
Кто, ратуя, палъ, побѣжденный лишь рокомъ,
Тотъ вырвалъ изъ рукъ ихъ побѣдный вѣнецъ!

Пессимистъ-философъ, Тютчевъ страстно любитъ жизнь, всѣми силами сердца жаждетъ полноты жизни и мучительно томится „въ однообразьи нестерпимомъ“ своего существованія.

О, небо, если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И, не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы и погасъ!

Не тотъ-же ли это болѣзненно-протестующій крикъ, который десять лѣтъ спустя вырвался изъ груди несчастнаго Полежаева:

Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли—
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти?..

Къ сожалѣнію, какъ мы уже говорили, условія духовнаго развитія Тютчева не могли дать полнаго и правильнаго исхода „мощнымъ силамъ души“; такъ называемая политическая поэзія его вдохновлялась, какъ мы видѣли, не жизненными и не всегда гуманными идеалами.

Какъ бы то ни было, жизнь, со всѣми ея страданіями и сомнѣніями, имѣетъ высокую цѣнность. Если среди множества подобныхъ себѣ челоувѣкъ и одинокъ въ мірѣ, если слово—не надежное орудіе общенія, то кто можетъ отнять у челоувѣка сокровища его внутренняго „я“?

Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ!

Скептически-трезвый, вѣчно все изслѣдующій, Тютчевъ въ то же время удивительный мечтатель. Его поэзія представляетъ поучительную и трогательную повѣсть неустанныхъ исканій „нетлѣнной красоты“ и „нескудѣющей силы“,—такихъ мгновений, когда

„все пошрое и ложное уходитъ далеко, все *мило-невозможное* такъ близко и легко“.

И въ нашей жизни повседневной
Бываютъ радужные сны —

утверждаетъ поэтъ: неожиданно для себя, видимъ мы вдругъ иную природу, иное солнце; тамъ все лучше, все такъ разнится отъ нашего міра; тамъ, „въ чистомъ пламенномъ эфирѣ душъ такъ радостно-легко“... И когда кончается дивное видѣнье, и мечтатель снова превращается въ „тусклую тѣнь“, которую подхватываетъ теченіе жизни,

...долго звукъ неуловимый
Звучитъ надъ нами въ вышинѣ,—
И предъ душой, тоской томимой,
Все тотъ же взоръ неотразимый,
Все та-жъ улыбка, что во снѣ...

Это ужъ не просто мечтательность, это какъ-бы тоска по идеалу, правда, неясному, не оформленному, но все же не дающему человѣку уйти съ головой въ грязь жизни, вѣчно зовущему его на высоту.

И душа Тютчева, не уставая, паритъ на высотѣ... Прочтите, напр., его великолѣпную „Бессонницу“.

Часовъ однообразный бой,
Томительная жизни повѣсть!
Языкъ для всѣхъ равно чужой
И внятный каждому, какъ совѣсть!
Кто безъ тоски внималъ изъ насъ,
Среди всемірнаго молчанья,
Глухія времени стenanья,
Пророчески-прощальный гласъ?
Намъ мнится: міръ осиротѣлый
Неотразимый рокъ настигъ,
И мы, въ борьбѣ съ природой цѣлой,
Покинуты на насъ самихъ.
И наша жизнь стоитъ предъ нами,
Какъ призракъ, на краю земли
И съ нашимъ вѣкомъ и друзьями
Блѣднѣетъ въ сумрачной дали.
И новое, младое племя,
Межъ тѣмъ, на солнцѣ расцвѣло,
А насъ, друзья, и наше время
Давно забвеньемъ занесло!
Лишь изрѣдка, обрядъ печальный
Свершая въ полуночный часъ,
Металла голосъ погребальный
Въ тиши оплакиваетъ насъ!

Недаромъ излюбленный Тютчевымъ символъ вѣчной красоты и молодости—горныя вершины. И въ долинахъ блеститъ порой снѣгъ и цвѣтутъ цвѣты, но триумфъ ихъ недолговѣченъ.

А который вѣкъ бѣлѣтъ
Тамъ, на высяхъ свѣговыхъ?
А заря и нынѣ съетъ
Розы свѣжія на нихъ!

Самый тонъ его рѣчи всегда повышенъ, манера торжественна, языкъ временами архаиченъ... Чаше, нежели у Пушкина (всетаки старшаго современника), встрѣчаются у Тютчева слова „сей“, „берегъ“, „пеплъ“, „младой“ и т. п., а восклицаніемъ „о!“ онъ положительно злоупотребляетъ („О, вѣщяя душа моя! О, сердце, полное тревоги! О, какъ ты бьешься...“—„О, этотъ югъ! О, эта Ницца! О, какъ ихъ блескъ меня тревожить!“). Но къ Тютчеву, въ общемъ, идетъ эта пророчески-вѣщательная манера, и архаичныя слова и формы, въ большинствѣ случаевъ, не звучатъ въ его устахъ чѣмъ-то досадно-обветшалымъ, а кажутся вполне естественными.

И въ жизни духа есть также свои вершины. Не мысль, не страсть и не искусство возносятся, по мнѣнію Тютчева, красотою личности человѣческой на недосыгаемую высоту.

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
Деревья радостно трепещутъ,
Купаясь въ небѣ голубомъ
Поютъ деревья, блещутъ воды,
Любовью воздухъ растворенъ,
И міръ, цвѣтущій міръ природы,
Избыткомъ жизни упоенъ.
Но и въ избыткѣ упоенья
Нѣтъ упоенія сильнѣй—
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

Страданіе и, особенно, „возвышенная стыдливость страданія“, какъ прекрасно выразился Тютчевъ въ одномъ мѣстѣ,—вотъ что внушаетъ ему почти благоговѣйное уваженіе, въ чемъ прежде и больше всего видитъ онъ величіе и достоинство человѣка, превосходство его надъ окружающимъ міромъ неодушевленной природы. Этотъ культъ страданія,—свойственный, какъ извѣстно, многимъ русскимъ писателямъ,—тѣсно сплетается у Тютчева съ христіанскимъ идеаломъ. Незадолго до смерти онъ пишетъ въ альбомѣ А. В. Плетневой:

Чему бы жизнь насъ ни учила,
Но сердце вѣрить въ чудеса:
Есть не скудѣющая сила,
Есть и нетлѣнная краса!
Нѣтъ! увяданіе земное
Цвѣтовъ не тронетъ всеземныхъ,
И отъ полуденнаго зноя
Роса не высохнетъ на нихъ.

И эта вѣра не обманетъ
 Того, кто ею лишь живетъ;
 Не все, что здѣсь цвѣло, увянетъ,
 Не все, что было здѣсь, пройдетъ!..
 Но этой вѣры для немногихъ
 Лишь тѣмъ доступна благодать,
 Кто въ искушеньяхъ жизни строгихъ,
 Какъ вы, умѣлъ, любя, страдать,—
 Чужіе врачевать недуги
 Своимъ страданіемъ умѣлъ,
Кто душу положилъ за други
 И до конца все претерпѣлъ.

Среди утратъ и горестей жизни цѣлительное чувство резиньяціи вносить въ душу поэта сознание, что человѣкъ есть струйка огромнаго потока жизни, который несетъ впередъ, „неодолимъ, неудержимъ, и не вернется вспять“.

Душа впадаетъ въ забытьё—
 И чувствуетъ она,
 Что вотъ умчала и ее
 Великая волна...

Тютчевъ не пѣвецъ борьбы. Людская пошлость, по его мнѣнію, безсмертна, и торжество идеала можетъ осуществиться лишь внутри, а не внѣ насъ.

Ахъ, если бы живыя крылья
 Души, парящей надъ толпой,
 Ее спасали отъ насилья
 Безсмертной пошлости людской!..

Что же, спрашивается, можемъ цѣнить въ этой сложной странной душѣ мы, современники, измученные злобою жизни и, однако, не устающіе вѣрить, что „пошлости людской“ есть конецъ, и что мало убѣгать отъ нея—надо бороться съ нею?

Поэтъ, какъ-бы осязающій и насъ заставляющій почувствовать бездонный мракъ домірового Хаоса, злого и страшнаго, однимъ взмахомъ крыльевъ умѣетъ поднять насъ въ высь, въ царство безконечной лазури и солнца. Между этими рѣзко-различными состояніями души трудно, конечно, отыскать теоретическое примиреніе, и сердце поэта, дѣйствительно, полно было вѣчной тревоги, вѣчно билось „на порогѣ какъ бы двойнаго бытія“. Тревожная, полная горькихъ диссонансовъ, эта могучая поэзія цѣнна именно тѣмъ, что держитъ мысль и чувство читателя въ постоянномъ напряженіи, заигая тоской по идеалу...

Въ горделивомъ пареніи надъ жизнью, надъ „безсмертной пошлостью людской“—величіе подобныхъ Тютчеву поэтовъ. Правда, одного паренія слишкомъ мало для торжества надъ пошлостью, но оно—первое и необходимое условіе побѣды!

П. Ф. Гриневичъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Эмиль Зола. **Моя ненависть** и другіе публицистическіе очерки. Пер. съ франц., подъ ред. и съ предисл. З. Н. Журавской: Спб. 1903.

Если бы публицистическія и критическія статьи, собранныя въ этой книгѣ, принадлежали писателю менѣе выдающемуся, чѣмъ Зола, онѣ едва ли заслуживали бы вниманія. Какое намъ дѣло до того, что нѣкто болѣе или менѣе бойко нападалъ на Гамбетту и хвалилъ Додэ, поддерживалъ импрессионистовъ и полемизировалъ съ Прудономъ? Мало ли у французовъ критиковъ, несравненно болѣе тонкихъ и полемистовъ, неизмѣримо болѣе ѣдкихъ и сильныхъ: кто перечитываетъ ихъ статьи черезъ четверть вѣка? Но это—Зола; это создатель не только ненужной теории экспериментальнаго романа, но и великолѣпной эпопеи „Ругонъ-Макаровъ“, это одна изъ сложнѣйшихъ литературныхъ индивидуальностей прошлаго вѣка. Любопытнѣйшимъ проявленіемъ этой сложности является то, что Зола на первый взглядъ менѣе всего можетъ показаться сложнымъ. Взгляните хоть на это сытое, грубоватое буржуазное лицо—здѣсь ли, въ этомъ законченномъ, лѣнливомъ и успокоившемся выраженіи искать запутанныхъ сплетеній разнорѣчивыхъ элементовъ. И однако—всякая попытка подойти ближе къ основнымъ стихіямъ личности Зола всегда наталкивается на эти многообразныя противорѣчія. Этотъ натуралистъ былъ романтикомъ и символистомъ; этотъ поборникъ безыдейнаго искусства былъ сильнѣйшимъ художественнымъ обличителемъ и проповѣдникомъ; этотъ ненавистникъ политики ринулся со всѣмъ бѣшенствомъ своей неукротимой натуры въ злободневную борьбу; этотъ буржуа былъ искреннимъ демократомъ; подъ этимъ потухшимъ, безстрастнымъ лицомъ крылась натура, настолько боевая, что основной ея стихіей точнымъ экспериментальнымъ изслѣдованіемъ была признана наклонность къ бою—*combattivité*.

Многообразными проявленіями такихъ боевыхъ наклонностей полна эта книга „ненавистей“. Въ общемъ къ нимъ трудно не присоединиться: Зола ненавидитъ все косное, тупое, лицемерное, несправедливое, какими бы святыми, возвышенными и громкими именами оно ни прикрывалось. Но урокъ, который даетъ его книга, заключается въ иномъ; со всей силой, на которую способна крѣпкая и своеобразная индивидуальность Зола, она показываетъ, что если у такого виднаго художника и посредственнаго мыслителя есть какія-либо общія возрѣнія на ходъ вещей, то пусть

онѣ находятъ выраженіе въ его творческой художественной работѣ, а не въ его логическихъ разсужденіяхъ. Размахомъ своей энергіи и одушевляющимъ захватомъ убѣжденія онѣ, можетъ быть, сильнѣ въ частныхъ конкретныхъ случаяхъ: строить теоріи лучше предоставить другимъ.

„Меня по обыкновенію не поняли“,—эту фразу Зола повторяетъ неоднократно, и если бы рѣчь шла о тѣхъ уродливыхъ толкованіяхъ, которыя не разъ претерпѣвали его художественныя произведенія, онѣ были бы правы. Но онѣ говоритъ о своихъ критическихъ и эстетическихъ взглядахъ; ихъ не поняли—это болѣе чѣмъ естественно: въ этой путаницѣ такъ трудно разобраться; трудно—и не къ чему. Зола былъ могучій создатель живыхъ образовъ, но очень слабый теоретикъ, не оригинальный, не глубокий и не ясный.

„Напрасно ораторъ расшаркивается здѣсь передъ наукой“,—говоритъ онѣ о рѣчахъ Гамбетты, который принадлежалъ къ его „ненавистямъ“, и объ его опытахъ „экспериментальной политики“: „суть (рѣчей Гамбетты) какая то рыхлая, ускользающая—это наборъ общихъ мѣстъ... По моему, наука является здѣсь не основой рѣчи, но вводнымъ общимъ мѣстомъ, введеннымъ потому, что оно модное, и чтобы щегольнуть имъ передъ серьезными избирателями“. О кокетствѣ моднымъ словечкомъ у Зола нѣтъ рѣчи: онѣ слишкомъ честенъ для этого; но какъ эта характеристика подходит во всемъ прочемъ къ его теоретическимъ статьямъ. Достоинство вниманія самое требованіе, предъявленное имъ къ политическимъ рѣчамъ: онѣ должны быть „научны“. Что это значитъ?—Зола не скажетъ: онѣ не можетъ сказать. Научность была для него всегда какимъ-то манящимъ чудищемъ, смутнымъ, прекраснымъ и невиданнымъ. О томъ, что этотъ жупель по существу ничѣмъ не отличается отъ простаго нормальнаго мышленія, онѣ, вѣроятно, зналъ, но зналъ какъ то издали и носился съ „научностью“ громко и назойливо, обличая лишь свои отдаленныя отношенія къ ней. Если онѣ былъ чѣмъ-нибудь сильнѣ въ критикѣ и публицистикѣ, то, конечно, не этой возвышенной научностью, не строгой точностью метода, не исчерпывающимъ богатствомъ знаній, не тонкостью выводовъ, но простымъ житейскимъ смысломъ, здоровой совѣстью, боевымъ темпераментомъ.

Подборъ статей изъ многочисленныхъ сборниковъ Зола сдѣланъ для русскаго изданія широко и разнообразно. И художественныя теоріи теоретика „экспериментальнаго романа“, и его литературныя симпатіи, и его политическое мировоззрѣніе, отъ былого горделиваго презрѣнія къ политикамъ развившееся до знаменитаго „J'accuse“ величательно, и его лирико-автобиографическія сообщенія о своей писательской судьбѣ—все возбуждаетъ живой интересъ. Эстетическія теоріи его могутъ быть

спорны и слабы, но самонаблюдения, на которыхъ онѣ построены, суть драгоценныя признанія выдающагося мастера слова и чуткой художественной натуры. Общественной борьбы онѣ въ сущности чуждался—и въ нѣсколькихъ статьяхъ, вошедшихъ въ сборникъ, далъ рѣзкое выраженіе своему отчужденію отъ политической сумятицы, охватившей его родину; но, втянутый своей совѣстью въ эту великую борьбу, онѣ занялъ въ ея лѣтописяхъ выдающееся и непреходящее мѣсто не только благодаря своему таланту, но и въ силу своего мужества.

Одна только статья въ сборникѣ не привлекаетъ того сочувствія, какое вызываютъ прочія: статья о литературной конвенціи съ Россіей. Дѣло, конечно, не въ томъ, что Зола съ настойчивостью, едва ли объясняемой одними личными побужденіями, неоднократно выступалъ защитникомъ этого непопулярнаго проекта. Но доводы, которыми онѣ при этомъ дѣйствовалъ, рисуютъ его демократизмъ, о которомъ онѣ говорилъ не разъ, въ довольно оригинальномъ свѣтѣ. Онѣ ничего бы не имѣлъ противъ того, чтобы никто не охранялъ интересовъ французскихъ писателей. „Но тогда пусть современный капиталистическій строй будетъ замѣненъ коллективизмомъ Геда или анархіей Жюля Грера“—какіе ужасы для постояннаго читателя „Figaro“. „Жестоко приставлять сборщиковъ податей къ каждой своей фразѣ, не позволять ей выполнить свое назначеніе служить дѣлу цивилизаціи,—если она не принесетъ сначала столько то на сто. Ты геній—такъ и цвѣти для всѣхъ, и одѣлай плодами весь міръ“. Уже въ тонѣ этой утрировки слышится насмѣшка, едва ли достойная писателя. И вотъ его побѣдоносное опроверженіе: „Я тоже не прочь пометчать: человечество объединено въ одну счастливую дружную націю, поэты поютъ для всѣхъ, геній раздаетъ лучшія свои страницы прохожимъ, не имѣя открытаго счета у издателя.—Все это превосходно, но для этого надо сначала, чтобы вернулся золотой вѣкъ, чтобы вѣчная весна избавила насъ отъ необходимости носить одежду, чтобы природа кормила насъ медомъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ, а въ ручьяхъ текло молоко вмѣсто воды“.

Позволительно, однако, спросить: если писателю такъ ужъ хочется, чтобы „человѣчество было объединено въ одну счастливую дружную націю“, то слѣдуетъ ли ему настаивать на сооруженіи новыхъ перегородокъ, раздѣляющихъ націи; не умѣстнѣ ли пренебречь нѣкоторыми—право, не столь ужъ существенными—матеріальными выгодами ради приближенія къ великому идеалу; и во всякомъ случаѣ не достойнѣ ли было бы—во имя этого свѣтлаго будущаго—рѣшительно отказаться отъ таковыхъ аргументовъ: „Какъ! Нашъ врагъ, Германія, входитъ съ нами въ соглашеніе, признаетъ права нашихъ писателей и художниковъ, а другъ, Россія, отказывается заключить честный договоръ и гра-

бить насъ...". И страшный обличитель буржуазіи бросаетъ въ заключеніе самый грозный, самый убійственный доводъ: „Знаетъ ли нашъ другъ, Россія, что она осуществляетъ мечту анархистовъ, переводя наши книги и разыгрывая наши пьесы безъ разрѣшенія авторовъ!“. Да, далеко можно зайти въ исканіи аргументовъ ad hominem.

В. В. Подкольскій. Вечеромъ. Рассказы. Спб. 1903.

Рассказы г. Подкольского подкупаютъ прежде всего простою. Они безыскусственны до такой степени, что по первому взгляду кажутся чуть не сырьемъ, непритязательными замѣтками побродившаго на Руси рассказчика, по которымъ опытный писатель сумѣлъ бы сдѣлать литературныя произведенія. Лишь вчитавшись, видишь въ нихъ расчетъ и умѣніе, затраченные не безъ успѣха.

Это маленькіе рассказы о незначительныхъ людяхъ; не столько наблюдательность, сколько сердечное вниманіе автора къ изображаемому имъ мірку сообщаютъ его образамъ живой интересъ. Но онъ наблюдателенъ—онъ не выдумалъ, а видѣлъ самъ тѣ разнообразныя формы незамѣтной жизни незамѣтнаго люда, которыя встаютъ подъ его перомъ. Наша несчастная привычка жить въ обобщеніяхъ сразу мѣшаетъ намъ оцѣнить такія произведенія: *вообще* мы вѣдь все это уже знали: знали, что есть и богадѣлки, шатающіяся по поминальнымъ обѣдамъ, и мелкіе чиновники, изнывающіе отъ бездѣлья и сознанія своей ненужности, и провинціальныя обжоры, помѣшанные на новыхъ блюдахъ, и старыя гувернантки, тоскливо доживающія свою ненужную жизнь, и забытыя дѣвочки на побѣгущкахъ у толстыхъ модистокъ—и такъ далѣе. Мы объ этомъ слышали, мы объ этомъ знали, и эти готовыя общія представленія по началу не даютъ намъ воспринять и оцѣнить живыя конкретныя подробности, выносимыя художникомъ-наблюдателемъ изъ живого общенія съ дѣйствительностью. А между тѣмъ эти общія представленія держатся, живутъ, перетасовываются, видоизмѣняются и обновляются, только этими деталями, наполняющими ихъ содержаніемъ и связывающими съ жизнью. Какъ вербуетъ эта громадная армія сомнительныхъ дѣятельницъ искусства, полуартистокъ загородныхъ садовъ, хоровъ, дешевыхъ кордебалетовъ? Приблизительно это знаетъ всякій изъ насъ; если у кого нѣтъ никакихъ фактовъ, онъ можетъ себѣ это представить. Но просмотрите очерки „Любительницы искусства“ въ книжкѣ г. Подкольского—и вы увидите, какъ эти абстракціи оживаютъ и уясняются при прикосновеніи къ этимъ даннымъ непосредственнаго знанія и наблюденія. Удивительно простыми средствами здѣсь съ полной ясностью и силой изображено то ни съ чѣмъ несравнимое и непобѣдимое впечатлѣніе, которое производитъ зрѣлище на дѣтскую душу,

какъ втягиваетъ возможность принять въ немъ активное участіе, какъ внѣшнія условія быта и первобытная психика женщины-ребенка играютъ другъ другу въ руку, приводя къ исходу, столь же неизбѣжному, сколько печальному. Въ этомъ заслуга этихъ маленькихъ второстепенныхъ писателей. Лишь больные самолюбіемъ изъ нихъ могутъ отказываться отъ этого достойнаго, а не унижительнаго названія. Они дѣлаютъ свое дѣло, а если оно не замѣтно, то вина не въ нихъ, а въ тѣхъ, которые его не могутъ или не хотятъ замѣтить.

П. Г. Мижуевъ. Средняя школа въ Германіи. Спб. 1903.

Работа г. Мижуева ставитъ своей задачей восполнить существенный пробѣлъ въ нашей педагогической литературѣ, въ которой, не смотря на тѣсную зависимость нашей средней школы отъ германской, нѣтъ сколько-нибудь полнаго обзора послѣдней. Г. Мижуевъ, не стремясь къ трудно достижимой безъ обстоятельстваго изученія на мѣстѣ самостоятельности, даетъ толковую компиляцію изъ трудовъ двухъ американскихъ профессоровъ— Русселя и Больтона, имѣвшихъ возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучать германскую школу. Извлекая изъ своихъ американскихъ источниковъ не только факты, но и освѣщеніе ихъ, г. Мижуевъ даетъ намъ возможность, помимо состоянія германской школы, познакомиться со взглядами на нее представителей школы совершенно иного типа, что для насъ, русскихъ, какъ вѣрныхъ, хотя можетъ быть не особенно удачныхъ, учениковъ нѣмецкой педагогики, не менѣе интересно, чѣмъ знакомство съ самой нѣмецкой школой. Въ дѣлѣ школьной администраціи американцевъ прежде всего поражаетъ та роль, которую въ Германіи играетъ центральное правительство. Еще съ конца 18-го вѣка прусское правительство присвоило себѣ руководящую роль во всѣхъ вопросахъ школьнаго дѣла, предоставивъ обществу лишь совѣщательный голосъ. Такое положеніе кажется американцамъ странной опекой правительства надъ гражданами. Сравнивая картину школьной администраціи въ Германіи, которую мы находимъ въ книгѣ г. Мижуева, съ нашей русской дѣйствительностью, мы не можемъ не признать въ послѣдней рабской копіи съ прусскихъ порядковъ, съ той только разницей, что при большей закономѣрности отношеній въ Германіи, прусскіе порядки всетаки больше даютъ простора общественнымъ силамъ. Весьма поучительнымъ является сопоставленіе одной изъ статей изданнаго еще въ 1874 г. прусскаго „земскаго права“, съ соответствующими положеніями нашего современнаго школьнаго законодательства. „Никому,—гласитъ прусское положеніе,—не можетъ быть отказано въ пріемѣ въ общественное учебное заведеніе лишь въ виду его вѣроисповѣданія“. Крайне любопытными являются данныя относительно размѣра платы за ученіе въ разныхъ госу-

дарствахъ Германіи. Наибольше высокой является эта плата въ Лейпцигѣ: 80 марокъ въ младшихъ классахъ и 240 въ старшихъ. Такъ какъ стоимость марки нѣсколько ниже полтинника, то эта максимальная плата оказывается близкой къ русской; за то въ Баваріи плата оказывается значительно ниже русской: отъ 30 до 40 марокъ (т. е. меньше 15—20 рублей въ годъ!), въ Баденѣ максимальная плата 84 марки, въ Пруссіи 120 марокъ. Такимъ образомъ, среднее образованіе въ Германіи при значительно болѣе высокой стоимости школы обходится семьѣ значительно дешевле, чѣмъ въ Россіи. Американцамъ, однако, и эта плата кажется высокой, такъ какъ на ихъ родинѣ во многихъ штатахъ обученіе въ общественныхъ школахъ является даровымъ. Говоря о типахъ германской школы, американцы останавливаются на отсутствіи связи между средней и низшей школой и на замѣнотости классической гимназій, которая является единственной дорогой въ университетъ. Изъ существующихъ въ Германіи типовъ средней школы наибольшія симпатіи американцевъ привлекаетъ возникающій вновь франкфуртскій типъ, въ которомъ дѣленіе учащихся на классиковъ и реалистовъ происходитъ только на 6-мъ году ученія. Изъ внутреннихъ распоряжковъ нѣмецкой школы вниманіе американцевъ привлекаетъ пренебреженіе къ физическому воспитанію, недостаточное вниманіе къ гигиеничности обстановки, влекущее за собой повальное развитіе близорукости и другихъ болѣзней, въ числѣ которыхъ оообенно бросается въ глаза манія самоубійства среди учащихся (въ концѣ 80-хъ годовъ за четыре года среди воспитанниковъ германской средней школы было 705 случаевъ самоубійствъ дѣтей моложе 15 лѣтъ). Весьма любопытнымъ является характеръ мѣръ, предложенныхъ для устраненія развитія близорукости авторитетнымъ ученымъ врачомъ, проф. Кимплеромъ, къ которому обратилось прусское правительство. Кимплеръ, кромѣ чисто гигиеническихъ указаній, считалъ необходимымъ сократить число недѣльных уроковъ, уничтожить домашнія письменныя работы, сократить продолжительность средняго образованія. Продолжительность учебнаго года и количество часовъ занятій въ нѣмецкой школѣ американцы признаютъ не заслуживающими подражанія. Нѣмецкій мальчикъ смотритъ на школу, по характеристикѣ американцевъ, какъ на неизбежное зло, пребываніе его въ школѣ надо считать, по мнѣнію пр. Русселя, „настоящимъ мученичествомъ“. Дисциплину и весь режимъ нѣмецкой школы американцы признаютъ весьма цѣлесообразными съ точки зрѣнія... милитаризма и развитія „покорности“. Весьма характеренъ взглядъ американцевъ на привилегированное положеніе классической школы въ Германіи. Считая классицизмъ за наслѣдіе церковнаго происхожденія школы, американцы рассматриваютъ настоящую привилегированность классической школы, какъ средство въ интересахъ

высших классовъ закрыть доступъ въ университеты представителямъ народныхъ массъ. Привилегія гимназій создается въ силу не педагогическихъ, а социальныхъ соображеній. Гимназія есть аристократическое учрежденіе и поддерживается изъ классовыхъ интересовъ. Существующую въ Германіи школьную систему американцы признають цѣлесообразной съ точки зрѣнія сохраненія существующаго въ Германіи строя, но не заслуживающею подражанія. Въ книгѣ г. Мижужева есть данныя о современномъ положеніи вопроса о реформѣ средней школы, изъ которыхъ видно, что сторонникамъ классицизма пришлось сдѣлать довольно существенныя уступки.

П. Г. Мижуевъ. Народное образованіе и реформа средней школы въ Норвегіи. Спб. 1903.

Разсматриваемая брошюра, какъ почти всѣ труды ея автора, представляетъ собой хорошую компиляцію по солиднымъ иностраннымъ источникамъ. Въ данномъ случаѣ главными источниками являются официальное изданіе норвежскаго правительства „La Norvège“, выпущенное для парижской выставки, и статья норвежскаго педагога Отто Андерсена о реформѣ средней школы въ Норвегіи.

Если германская школа представляетъ для русскаго спеціальныи интересъ, потому что мы ей слишкомъ много подражали, то норвежская школа еще болѣе интересна потому, что ей слѣдовало бы подражать. Нѣкоторыя весьма важныя бытовыя условія чрезвычайно сходны въ Россіи и Норвегіи. Рѣдкость населенія, бѣдность страны, отсутствіе глубоко вкоренившихся культурныхъ традицій присущи какъ Россіи, такъ и Норвегіи, поэтому особенно важно познакомиться съ тѣмъ, что успѣли достигнуть при наличности этихъ условій наши болѣе счастливыя сосѣди.

Школьная система Норвегіи представляетъ собой стройное цѣлое, въ которомъ между отдѣльными частями существуетъ органическая связь, и учащійся изъ начальной школы, черезъ среднюю можетъ свободно проникать въ университетъ. Обученіе въ Норвегіи обязательно. Курсъ начальной школы *семилѣтній*. Въ норвежской начальной школѣ преподаются: законъ Божій, норвежскій языкъ, ариметика и геометрія, рисованіе, географія, исторія, физика, естественныя науки, пѣніе, гимнастика и ручной трудъ. Вся страна разбита на округа, число которыхъ 5923 (при двухъ съ небольшимъ милліонахъ населенія), каждый округъ обязанъ имѣть начальную школу. Въ наиболѣе растянутыхъ по пространству округахъ, кромѣ этой школы, въ отдѣльныхъ частяхъ округа устраиваются филиальныя школы, состоящія изъ младшихъ отдѣленій, наконецъ, въ округахъ съ наиболѣе рѣд-

кимъ населеніемъ устраиваются подвижныя школы, число которыхъ, впрочемъ, сильно сокращается, замѣняясь постоянными (въ 1837 г. въ подвижныхъ школахъ училось 92% дѣтей, въ настоящее время не болѣе 2%). Благодаря такой организаціи, достигается возможность давать школьное образованіе 97% дѣтей, 2,5% дѣтей получаетъ домашнее образованіе (что разрѣшается подъ условіемъ, чтобы оно было не ниже школьнаго) и только 0,5% дѣтей, живущихъ въ самыхъ недоступныхъ мѣстностяхъ, не получаетъ образованія въ размѣрѣ начальной школы. Для снабженія преподавательскимъ персоналомъ такого количества школъ въ маленькой Норвегіи существуетъ 10 учительскихъ институтовъ. Весьма характернымъ для Норвегіи является ростъ процента расходовъ на начальную школу со стороны государства. Въ 1870 г. государство тратило 145,832 марки, что составляетъ 6% всей суммы, затрачиваемой на начальную школу, въ 1895 г. сумма расходовъ государства возросла до 2.124,260 марокъ и составляетъ 26% общей суммы расходовъ на начальную школу (въ Россіи за тотъ же періодъ абсолютная сумма участія государства въ расходахъ на начальную школу не возрасла даже вдвое, а % участія казны понизился).

Не смотря на высокій уровень норвежской начальной школы, въ Норвегіи существуетъ цѣлый рядъ учрежденій, позволяющихъ крестьянину и рабочему дополнить получаемое въ этой школѣ образованіе: таковы дополнительные классы для окончившихъ школу, вечерніе классы для взрослыхъ, „областныя школы“ съ двухгодичнымъ курсомъ для окончившихъ начальныя школы, „высшія народныя“ школы для нихъ же, наконецъ „народныя университеты“, или рабочія академіи, число которыхъ въ маленькой Норвегіи достигало въ 1899 году 35. Если къ этому прибавить, что въ Норвегіи до 650 народныхъ библіотекъ, изъ которыхъ инны достигли 10,000 томовъ, то получится картина, которой нельзя не позавидовать.

Но молодому норвеждцу, проходящему курсъ начальной школы, открытъ доступъ и къ среднему и высшему образованію. Послѣ пяти лѣтъ ученія въ начальной школѣ, норвежскій мальчикъ или дѣвочка можетъ переходить въ среднюю школу. Средняя школа въ Норвегіи организована чрезвычайно своеобразно. Она состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ школъ: первая изъ нихъ у норвежцевъ носитъ названіе „средней школы“, вторая—гимназіи. При средней школѣ приготовительныхъ классовъ нѣтъ и въ нее поступаютъ послѣ 5 лѣтъ начальной школы. Курсъ этой школы 4 года, но тамъ, гдѣ начальная школа можетъ замѣнить ея младшіе классы, курсъ ея сокращается. Въ „средней школѣ“, кромѣ болѣе серьезнаго изученія тѣхъ же предметовъ, какіе мы видѣли въ курсѣ начальной школы, изучаются англійскій и нѣмецкій языки. Древнихъ языковъ въ этой школѣ нѣтъ совсѣмъ.

Окончившіе „среднюю школу“ могут поступать въ техническія училища, которыхъ въ Норвегіи 3. Для поступленія въ университетъ необходимо пройти послѣ „средней школы“ еще „гимназію“. Курсъ гимназіи трехлѣтній, при чемъ гимназія распадается на два отдѣленія, реальное и словесное. Въ первомъ преобладающее значеніе имѣютъ естествознаніе и математика, во второмъ новые языки (норвежскій, нѣмецкій, англійскій, французскій) и исторія. Только въ видѣ исключенія король, съ согласія парламента, можетъ сохранить въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ латинскій языкъ. Число среднихъ школъ въ Норвегіи 14, при каждой изъ нихъ есть гимназія. Норвежскій университетъ имѣетъ 5 факультетовъ (тѣ-же, что и русскій и, сверхъ того, богословскій), въ немъ 1,400 студентовъ, обученіе даровое. Особенностью норвежскаго университета является то, что передъ факультетскимъ обученіемъ, продолжительность котораго приблизительно равна русскому, всѣ студенты три семестра посвящаютъ общеобразовательнымъ занятіямъ, по окончаніи которыхъ сдаютъ такъ называемый экзамен philosophicum.

Такова картина стройнаго и въ высокой степени рациональнаго зданія норвежской школы. Конечно, намъ далеко еще до возможности построенія подобнаго же зданія у себя, но принципы его могутъ служить для нашей школы гораздо болѣе высокимъ идеаломъ, чѣмъ принципы нѣмецкой школы.

Е. Звягинцевъ. Даровитые питомцы народной школы. 1903 г.

А. Ѡ. Музыченко. Творчество учениковъ земскихъ школъ. 1903 г.

Брошюры гг. Звягинцева и Музыченка вызваны прошлогодней курской выставкой по народному образованію. Курское земское справочно-педагогическое бюро запросило учителей начальныхъ школъ о даровитыхъ ученикахъ школы; матерьяль, доставленный учителями былъ доступенъ посѣтителямъ выставки и имъ воспользовались гг. Звягинцевъ (одинъ изъ устроителей выставки) и Музыченко для настоящихъ работъ, отчасти повторяющихъ, отчасти дополняющихъ одна другую. Матерьяль, собранный курскимъ земствомъ, богатъ и разнообразенъ. Нельзя не согласиться съ г. Звягинцевымъ, что народная школа работаетъ надъ богатымъ матерьяломъ, но, увы, условія существованія талантливей личности въ современной деревнѣ слишкомъ неблагоприятны. Больше всего матерьяловъ собрано о поэтическомъ творествѣ учениковъ начальной школы. Брошюры гг. Звягинцева и Музыченка рисуютъ намъ литературные портреты трехъ поэтовъ изъ учениковъ начальной школы и всѣ они, какъ видно изъ приводимыхъ образчиковъ, обладаютъ если не крупнымъ, то во всякомъ случаѣ подкупающимъ своей искренностью дарованіемъ. Г. Музыченко дольше останавливается на этихъ поэтахъ, сосре-

доточивъ все свое вниманіе на литературныхъ дарованіяхъ, тогда какъ г. Звягинцевъ ставитъ вопросъ шире и характеризуетъ проявленіе даровитости въ разныхъ областяхъ. Между прочимъ г. Музыченкомъ отмѣчена очень любопытная черта творчества школьниковъ—его подражательность. Разсматривая сюжеты ихъ стихотвореній, г. Музыченко констатируетъ тотъ фактъ, что хотя поэты останавливаются на бытовыхъ мотивахъ, но выбираютъ изъ нихъ тѣ, которые уже были разработаны поэтами, съ произведеніями которыхъ юные писатели знакомятся по хрестоматіямъ, обходя не менѣе важныя явленія въ крестьянской жизни, по своей новизнѣ не успѣвшія отразиться у признанныхъ поэтовъ. Съ своей стороны мы прибавимъ, что книжность творчества замѣтна и въ формѣ стиховъ. Связи съ народной поэзіей нѣтъ никакой. Размѣръ чаще всего явно кольцовскій, иногда замѣтны даже отголоски псевдо-классицизма, проникшіе, повидимому, черезъ юношескіе стихи Пушкина. Очевидно, въ развитіи литературныхъ вкусовъ народа происходитъ приблизительно то, что происходило въ 18-омъ вѣкѣ въ развитіи вкусовъ интеллигенціи,—приобщеніе къ искусственному литературному творчеству покупается цѣной отрѣшенія отъ народно-поэтической традиціи. Впрочемъ, иного хода трудно бы и ожидать. Такія явленія, какъ Шевченко, внесшіе въ искусственную поэзію народно-поэтическіе приемы, представляютъ собой исключеніе возможное только въ силу отсутствія на его родномъ языкѣ досточно авторитетныхъ литературныхъ образцовъ. Г. Звягинцевъ указываетъ, что одинъ изъ крестьянъ-поэтовъ пишетъ не только на великорусскомъ, но и на малорусскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, ни одного изъ малорусскихъ стихотвореній онъ не приводитъ. Великорусскія стихотворенія этого поэта чисто книжнаго типа, было бы очень желательно сравнить ихъ съ его же малорусскими стихотвореніями. Вообще, нельзя не пожалѣть, что г. Звягинцевъ и г. Музыченко скупо знакомятъ насъ съ образчиками творчества юныхъ поэтовъ Вѣдь, если признается заслуживающимъ изданія мало-мальски сносный вариантъ народной пѣсни, то тѣмъ болѣе желательно сдѣлать доступными эти проблески *новаго* творчества нашего народа.

Обозрѣвая различныя проявленія талантливости учащихся, г. Звягинцевъ констатируетъ весьма любопытный фактъ, что, не смотря на всю неблагоприятность условий для развитія талантовъ въ этомъ направленіи, наибольшее число случаевъ приходится на долю изобразительныхъ искусствъ: живописи и скульптуры, особенно первой. Сравнительно немногочисленны случаи музыкальныхъ дарованій. Г. Звягинцевъ указываетъ на нѣсколько случаевъ декламаторскаго дарованія, на случаи способностей по физикѣ и техникѣ, на одинъ случай явно выраженныхъ способностей и склонностей дѣвочки, къ педагогической дѣятельности, а н

случай необыкновенной силы соображенія и памяти. Случаевъ страстной жажды учиться очень много. Вообще весь собранный въ двухъ разсматриваемыхъ брошюрахъ матерьялъ краснорѣчиво говорить, что „не бездарна та природа“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наводитъ на грустныя размышленія.

„Всѣ отвѣты, говоритъ г. Звягинцевъ, свидѣтельствуютъ, что народная школа работаетъ надъ богатымъ матерьяломъ; что не смотря на всѣ неблагоприятныя внѣшнія условія, народъ нашъ не пересталъ быть высоко-даровитымъ. Оставлятъ на произволь судьбы эти дарованія—значить мириться съ культурными потерями въ прямомъ смыслѣ слова. Эти естественныя богатства на-дѣи растрачиваются безъ слѣда для народной жизни и культуры также, какъ бесплодно уничтожены у насъ на огромномъ пространствѣ вѣковые лѣса, какъ хищнически истощена плодородная когда-то почва, какъ безжалостно растрачивается физически здорье миллионъ людей, какъ бессмысленно погибаютъ остатки народной старины, народныхъ пѣсенъ и народнаго творчества. Общественныя учрежденія и частныя лица, дорожащія развитіемъ духовной культуры, заинтересованныя дѣломъ народнаго просвѣщенія, должны, по моему, наряду съ заботами о количественномъ ростѣ школъ и внѣшкольныхъ просвѣтительныхъ средствъ, выработать мѣры для того, чтобы исключительныя дарованія, открытыя школой, не гибли“.

Нельзя, конечно, не сочувствовать всей душой призыву г. Звягинцева, но нельзя и не видѣть всей трудности сдѣлать въ этомъ направленіи что-либо существенное при наличныхъ условіяхъ. Г. Звягинцевъ намѣчаетъ два пути къ указанной имъ цѣли: 1) проведеніе талантливыхъ питомцевъ начальной школы черезъ среднюю и высшую, и 2) развитіе средствъ внѣшкольнаго образованія; вмѣстѣ съ тѣмъ, почтенный авторъ общаетъ болѣе подробно поговорить о мѣрахъ, какія представляются ему наиболѣе желательными и осуществимыми.

Всеобщее образованіе въ Россіи. Сборникъ статей Л. Н. Блинова, Н. П. Богодѣлова, Н. О. Бунакова, Н. М. Бычкова, В. Я. Муринова, Нагатор'а О. О. Ольденбурга, А. И. Шингарева и А. А. Штевень. Вып. I, подъ ред. кн. Дм. Шаховскаго. М. 1902.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія только что прожитый нами двадцатилѣтній періодъ будетъ несомнѣнно выдѣленъ въ особую главу и получить особую характеристику отъ всего, что ему предшествовало и что слѣдовало за нимъ. Періодъ этотъ начался, собственно говоря, не двадцать лѣтъ назадъ, а нѣсколько ранѣе, но именно за это время сложился опредѣленный характеръ борьбы за народное просвѣщеніе, отграничилось то русло, въ которомъ преимущественно стала прилагаться живая сила народнаго стре-

мленія къ свѣту. За эти 20 лѣтъ общественная энергія тратилась не столько на самое распространіе просвѣщенія, сколько на борьбу съ тѣми препятствіями, которыя встрѣчало просвѣщеніе въ своемъ распространеніи. И такъ какъ препятствія эти постоянно возникали вновь, то рѣшительно не предвидѣлось конца такому положенію вещей. Въ шестидесятыхъ годахъ сознаніе важности просвѣщенія до такой степени пронизывало русское общество, до такой степени безспорною казалась необходимость расходования возможно большихъ силъ на непосредственное его осуществленіе, что представлялось излишнимъ заниматься изслѣдованіемъ и указаніемъ тѣхъ путей, которыми надлежало стремиться къ этой цѣли. Всѣ пути казались открытыми. Баронъ Корфъ въ своей книгѣ „Русская Начальная Школа“, вышедшей въ 1871 г., мало останавливается, по словамъ автора первой статьи въ „Сборникѣ“, О. О. Ольденбурга,

на формальной сторонѣ—на томъ, какимъ образомъ въ каждомъ данномъ случаѣ получить официальное разрѣшеніе и утвержденіе. Говоря объ учебныхъ пособіяхъ, онъ разсматриваетъ ихъ со стороны пригодности для педагогическихъ цѣлей и не отмѣчаетъ, разрѣшены ли они министерствомъ къ употребленію въ школахъ. Говоря о читальняхъ для народа или объ учительскихъ сѣздахъ, опять-таки исключительно выясняетъ ихъ пользу и значеніе для дѣла просвѣщенія, а не то, какъ получить официальное разрѣшеніе на ихъ устройство.

Уже вскорѣ послѣ того, съ переменю отношенія къ образованію, рѣшительно возникла потребность въ иного рода содѣйствіи просвѣщенію—въ указаніи способовъ прилагать къ этому дѣлу частныя силы. Появился рядъ изданій, цѣлью которыхъ было прорыть ходы къ свѣту въ лабиринтѣ разнаго рода положеній, циркуляровъ временныхъ правилъ и распоряженій, загромождавшихъ всѣ пути частному почину. Эта „кодификаціонная“ работа легла крайне тяжелымъ бременемъ на общественныя силы и къ тому же во многихъ случаяхъ вела къ „косвеннымъ“ послѣдствіямъ, совсѣмъ не имѣвшимся въ виду. Весьма поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ изданной петербургскимъ комитетомъ грамотности брошюры, содержащей указанія къ устройству бесплатныхъ народныхъ библиотекъ-читаленъ, примѣрный уставъ ихъ и списокъ допущенныхъ въ нихъ книгъ. Это изданіе, вмѣстѣ съ поднятою одновременно комитетомъ агитаціей въ пользу учрежденія библиотекъ, оказало очень крупную услугу дѣлу народнаго просвѣщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло косвеннымъ послѣдствіемъ цѣлый рядъ мѣропріятій, создавшихъ новыя препятствія къ устройству библиотекъ и чрезвычайно сильно урѣзавшихъ каталогъ допущенныхъ въ нихъ книгъ. Любопытно, что и мѣропріятія эти заключались преимущественно въ изданіи разнаго рода „нормальныхъ“ уставовъ, „примѣрныхъ“ каталоговъ и проч. Въ дѣйствительности эти каталоги и уставы оказывались единственными до-

пустимыми, такъ какъ соотвѣтствующія инстанціи примѣня ли вплотную право неразрѣшенія всѣхъ библіотекъ, уклонявшихся отъ этихъ условій. Эта тенденція проявлялась не только въ сферѣ вѣтшкольнаго образованія, куда главнымъ образомъ направлялась общественная иниціатива, но всецѣло охватывала и самую школу, казалось бы и безъ того вполне подчиненную и регламентированную въ своихъ функціяхъ. Прекрасная статья г-жи Штевенъ „Чему учить въ народной школѣ?“ достаточно ярко характеризуетъ направленные въ эту сторону усилія.

Этотъ періодъ внутренняго тренія, скрытаго расходованія энергіи въ борьбѣ съ народнымъ невѣжествомъ если еще и не миновалъ, то, надо думать, близокъ къ своему концу. Одно, по крайней мѣрѣ, представляется довольно несомнѣннымъ: просвѣщеніе народа совершалось за все это время и совершается теперь въ нѣкоторой своей долѣ независимо отъ тѣхъ путей, во имя которыхъ тратилось за эти двадцать лѣтъ столько энергіи. Въ то же время настолько опредѣленно размежевались лагеря про и contra широкаго общаго народнаго просвѣщенія, что уже настало время, когда можно думать съ вѣрою о завтрашнемъ днѣ и подготавлять рѣшеніе задачи независимо отъ сегодняшнихъ стратегическихъ позицій. Книжка кн. Шаховского исходитъ, повидному, именно изъ такой точки зрѣнія на дѣло. Многія статьи въ ней какъ бы подводятъ итогъ недавней борьбѣ, другія же освѣщаютъ вопросы совершенно независимо отъ этой борьбы. Въ предисловіи редакторъ оговаривается, что книга вышла далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ она была задумана. Мы охотно вѣримъ этому признанію и не сомнѣваемся, что еще многое можетъ быть сдѣлано теперь же во имя завтрашняго дня, какъ не сомнѣваемся въ томъ, что составомъ сотрудниковъ перваго выпуска далеко не исчерпаны ряды дѣятелей по народному образованію, имѣющихъ возможность немало привнести въ эту работу.

Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. В. Бузескула. Харьковъ, 1903.

Книга проф. В. Бузескула, представляющая собою переработку лекцій, читанныхъ имъ въ харьковскомъ университетѣ (форма лекцій не сохранена въ книгѣ), распадается на двѣ части: первая, ббльшая по размѣрамъ, посвящена обзору источниковъ, вторая, меньшая, содержитъ въ себѣ очеркъ разработки греческой исторіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

Исторія древней Греціи принадлежитъ къ числу тѣхъ отдѣловъ всеобщей исторіи, научная разработка которыхъ сдѣлала наиболѣе значительные успѣхи въ теченіе минувшаго столѣтія, въ особенности за послѣднія три десятилѣтія. Въ своей книгѣ проф. В. Бузескулъ ставитъ себѣ задачею изложить въ общедо-

ступной и сжатой формѣ главнѣйшія изъ тѣхъ пріобрѣтеній, которыя сдѣланы въ этой области новѣйшею наукой. „На рубежѣ истекшаго девятнадцатаго и новаго двадцатаго столѣтій,—говоритъ онъ въ предисловіи,—мнѣ казалось особенно умѣстнымъ и полезнымъ обозрѣть тотъ разнообразный матеріалъ, которымъ, какъ въ видѣ источниковъ, такъ и въ видѣ пособій, располагаетъ современная наука по части греческой исторіи и, такъ сказать, подвести итогъ,—показать, что сдѣлалъ минувшій вѣкъ по разработкѣ этой исторіи, какъ мѣнялись точки зрѣнія и направленія въ ея изученіи; мнѣ хотѣлось дать очеркъ исторической мысли, насколько она проявилась въ обработкѣ греческой исторіи, изобразить то движеніе, которое происходило въ этой области, обозрѣть великія открытія за послѣдніи десятилѣтія и проч.“

Въ первой части, посвященной обзору источниковъ, авторъ знакомитъ читателя съ результатами новѣйшихъ раскопокъ въ различныхъ культурныхъ центрахъ древней Греціи и съ успѣхами эпиграфики; но особенно обстоятельно трактуется здѣсь о произведеніяхъ древне-греческихъ историковъ, при чемъ наибольшую обстоятельностью отличаются главы, посвященные Фукидиду и Аристотелю, что объясняется помимо того выдающагося значенія, которое имѣютъ произведенія этихъ авторовъ для греческой исторіи, очевидно, также и тѣмъ обстоятельствомъ, что каждому изъ этихъ двухъ авторовъ проф. Бузескуломъ было посвящено еще ранѣе по особому изслѣдованію (объ Аристотелѣ—„Аѣинская Политія“, о Фукидидѣ—„Периклъ и его время“).

Во второй части особенно интересны главы, посвященные очерку развитія греческой эпиграфики въ связи съ раскопками послѣднихъ трехъ десятилѣтій девятнадцатаго вѣка. Послѣдняя глава, трактующая о новѣйшихъ трудахъ по исторіи Греціи, къ сожалѣнію, слишкомъ сжата и въ значительной части носитъ характеръ конспективный и справочно-библіографическій. „Заключеніе“ могло бы быть также нѣсколько болѣе обстоятельнымъ. Слѣдовало бы болѣе подчеркнуть и выяснить связь между успѣхами исторической разработки древней Греціи, съ одной стороны, и общимъ прогрессомъ въ исторической наукѣ—съ другой.

Авторъ вполне добросовѣстно самъ отмѣчаетъ сознаваемые имъ недостатки своей работы, обусловленные, между прочимъ, медленностью ея печатанія (которое продолжалось въ теченіе трехъ лѣтъ). „Этимъ объясняется—говоритъ авторъ,—нѣкоторая, быть можетъ, непропорціональность въ изложеніи, не строго выдержанная система ссылокъ и библіографическихъ указаній, нѣкоторая непоследовательность въ передачѣ собственныхъ именъ и въ транскрипціи и проч.“. Благодаря указанному обстоятельству, первыя главы успѣли уже отчасти устарѣть, и къ нимъ пришлось въ концѣ книги сдѣлать „добавленія и поправки“. Всѣ эти недостатки, впрочемъ, легко могутъ быть устранены при новомъ изда-

ніи книги, въ которомъ, мы увѣрены, въ скоромъ времени явится надобность, такъ какъ ей, несомнѣнно, предстоитъ широкое распространѣніе не только въ качествѣ очень полезнаго и въ настоящую пору незамѣнимаго пособия для студентовъ, но и въ качествѣ цѣннаго пособия для самообразованія, тѣмъ болѣе, что сочиненіе проф. Бузескула соединяетъ въ себѣ достоинства книги для чтенія съ достоинствами справочнаго пособия (для удобства справокъ приложенъ въ концѣ алфавитный указатель собственныхъ именъ).

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Т. VII. Малороссія. Подъ редакціей В. П. Семенова составили: Б. Г. Карповъ, А. Я. Пора-Леонвичъ, Ф. А. Виноградовъ, Я. Ф. Ставровскій, Е. К. Замысловская, В. В. Морачевскій, И. М. Малышева. Спб. 1903. Изданіе А. Ф. Девриена.

— „Движенья нѣтъ!“ утверждалъ Зенонъ Элеатскій, а циникъ Диогенъ всталъ и началъ ходить. Такой, говорятъ, былъ случай лѣтъ 2¹/₂ тысячи назадъ. Иначе жилось тогда подъ яснымъ небомъ Милета, Колофонъ, Аеинъ и др. городовъ Греціи; мудрованія о томъ, есть ли движеніе—последовательность моментовъ покоя, смѣняющихъ другъ друга, догонитъ-ли Ахиллесъ черепаху, произошелъ ли міръ изъ воды, огня или воздуха и гдѣ „начало всѣхъ началъ“—цѣнились тогда больше, чѣмъ положительныя знанія. Но около того же времени, тамъ же, среди того же геніальнаго народа явились и такіе люди, какъ Геродотъ и Страбонъ, которые дали программы для описанія и чужихъ странъ, и своего отечества. По этимъ программамъ нужно было точно передавать чужія слова о томъ, чего самъ не видѣлъ и не знаешь. Прошло 2¹/₂ тысячи лѣтъ,—и въ гиперборейской столицѣ стали выходить одинъ за другимъ томы описанія нашего отечества. Заветы умныхъ стариковъ о вѣрной передачѣ того, что заимствовано у другихъ—забыты, а исходная точка зрѣнія на предметъ описанія не подвинулась впередъ ни на шагъ, не смотря на наличность богатаго результатами умственнаго труда такихъ корифеевъ науки, какъ Гердеръ, Гумбольдтъ, Риттеръ, Дарвинъ, Рихтгофенъ, Ратцель, Мушкетовъ, Иностранцевъ, Докучаевъ, Танфильевъ и мн. др.

Судите, читатель, сами, насколько точны цифровыя свѣдѣнія, напр. о землевладѣніи въ VII томѣ „полнаго описанія нашего отечества“. На 128 и 129 стр. этого описанія черною краскою на кружкахъ діаграммъ обозначенъ размѣръ „крестьянскаго надѣла“. По этимъ чертежамъ выходитъ, что въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ онъ занимаетъ половину (50%) „площади всей земли“, о которой тутъ идетъ рѣчь, а въ Харьковской губ.—даже 60%. По всей же территоріи области, какъ сказано въ текстѣ, земли, принадлежащія крестьянскимъ обществамъ (7.203.000 десятинъ) составляютъ 53,2%. Открываемъ позднѣйшія земскія статистиче-

скія изданія и находимъ въ „Ежегодникъ полтавскаго земства“ за 1897 г. цифру всей территоріи 4.518.707 десятинъ (стр. 8), а въ книгѣ, изданной тѣмъ же земствомъ въ 1899 подѣ заглавіемъ „Цифровыя данныя по хозяйственной статистикѣ“,—что крестьянамъ государственнымъ, воинскимъ поселянамъ, казеннымъ крестьянамъ, и крестьянамъ-собственникамъ во всѣхъ 15-ти уѣздахъ Полтавской губ. въ 1882—89 гг. принадлежало 860.149 десятинъ и 5.060 десятинъ за границами уѣздовъ и губерніи (стр. 131), слѣдовательно всего 865.209 десятинъ; это составляетъ только 19,1% всей площади Полтавской губерніи или 20,3% той уменьшенной площади, которая показана въ „Описаніи Россіи“ (4.250.000 дес.). Остальныя земли находились въ частной наследственной собственности дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, козаковъ и др. не крестьянскихъ сословій. Если крестьяне послѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія прикупили себѣ лишніе земель отъ лицъ этихъ сословій, то все же ихъ землевладѣніе не могло увеличиться въ 2^{1/2} раза!

Можно ли вѣрить другимъ цифрамъ? Въ „Описаніи Черниговской губерніи“, изданномъ въ 1898—1899 г. губернскою управою, также указано землевладѣніе крестьянъ: государственнымъ крестьянамъ всѣхъ наименованій, съ окончательною прирѣзкою въ 1895 г. отведено надѣльной земли 740,2 тыс. десятинъ, а помѣщичьимъ крестьянамъ по уставнымъ грамотамъ отведено 721,2 тыс. десятинъ; всего слѣдовательно въ этой губерніи надѣльныхъ, а не благопріобрѣтенныхъ крестьянскихъ земель—1.461,4 тыс. дес. (Черниг. губ., Т. I, стр. 250 и 248). Это составляетъ менѣ 1/3 всего пространства губерніи (30—32%), принимать ли послѣднее въ 4.752.363 десятины, какъ считаетъ земство, или въ 4.427.000 дес., какъ стоитъ на 128 стр. „Описанія Россіи“, но опять не 50%. Откуда заимствованы цифры авторами VII тома „Описанія Россіи“,—они не говорятъ, и оставляютъ въ читателѣ, сдѣлавшимъ такую справку, полное недовѣріе и къ другимъ статистическимъ даннымъ, находящимися въ книгѣ.

Геродотъ, когда писалъ, что египтяне рассказывали ему то-то, а финикіяне—что либо другое, дѣлалъ оговорку, что, пожалуй, всему и вѣрить нельзя, ибо источникъ его свѣдѣній не совсѣмъ надежный. Нынѣшніе землеописатели и источники, откуда они берутъ свои преувеличенныя цифры, не указываютъ и сомнѣній никакихъ не имѣютъ. Дальше, напр., они цифры центрального статистическаго бюрократическаго комитета о числѣ надѣльной земли въ 1887 году дѣлятъ на число дворовъ 1894 года для полученія размѣра на 1 дворъ, владѣющій надѣломъ, при чемъ не выражаютъ никакого сомнѣнія въ пользѣ такихъ вычисленій. Далѣе, о Полтавской и Харьковской губерніи они высказываютъ сужденіе по „приведенному примѣру Черниговской губерніи“ (стр. 132) и думаютъ то читатель останется удовлетворенъ такими сравненіями. Но

если послѣдній наведетъ такія справки, какія мы сдѣлали, ему остается недоумѣвать, почему авторы не желаютъ пользоваться цифровыми данными земскими? Вѣдь этимъ даннымъ они, кажется, вполне довѣряютъ, ибо на стр. 165, когда пришлось выводы изъ невѣрныхъ цифръ, изображенные на картограммѣ скотоводства, согласовать съ тѣмъ, что было сказано выше о средней надѣленности крестьянъ, но уже не представилось никакой возможности примирить непримиримые и неправильные выводы, они прибѣгаютъ къ *locus topica*, говоря: „связь между обезпеченностью крестьянскаго населенія скотомъ со степенью обезпеченности его землею составляетъ положеніе, уже установленное земскими (курсивъ нашъ) и другими данными“. Читателю остается жалѣть, что такое утвержденіе стоитъ въ полномъ противорѣчій съ прочитаннымъ имъ раньше; онъ рѣшаетъ, что цифровымъ свѣдѣніямъ „Описанія нашего отечества“ вѣрить нельзя. И дѣйствительно, если онъ сравнитъ, что говорится, напр., на стр. 202 о Кориюковскомъ сахаро-рафинадномъ заводѣ съ тѣмъ, что находится на 439 стр. той же книги, или что сказано о Клинцовскихъ суконныхъ фабрикахъ на 208 и 453 стр., то онъ придетъ къ заключенію, что при чтеніи „Малороссіи“ лучше всего пропускать цифры, ибо на одномъ и томъ же заводѣ и въ одно и то же время оказывается и болѣе 1000 душъ рабочихъ, и 600 и производства на $5\frac{1}{2}$ миллионъ рублей и на $8\frac{1}{2}$ и т. д.

Примѣрами несообразностей, какія только-что приведены, мы могли бы испещрить нѣсколько страницъ. Но это можетъ показаться придирчивостью. Оставимъ цифры въ сторонѣ и обратимся къ самому описанію страны, гдѣ, по словамъ А. Толстого, „все обильемъ дышетъ“, что и цитировано въ предисловіи. Тутъ приходится думать, что составители книги принадлежать къ школѣ тѣхъ древнихъ мудрецовъ, которые утверждали, что *πάντα ρεῖ*, что все куда-то стремится, но приближается ли къ какой-либо цѣли—неизвѣстно. „Наше стремленіе дать читателю, хотя бы въ главнѣйшихъ чертахъ, возможно полную исторію описываемаго края, не можетъ еще осуществиться въ желательной мѣрѣ“ говоритъ авторъ главы „о природѣ“ Малороссіи (стр. 13). И онъ правъ: такое „стремленіе“ его никакъ не можетъ дать результатовъ при той безсвязности изложенія этой главы и тѣхъ туманныхъ разглагольствованіяхъ, какими она переполнена. Начинается она съ чертежа профиля поверхности и неудобопонятнаго рисунка съ подписью „стенныя блюда“, на которомъ изображенъ „большой трактъ“, а около него—не то возвышенія, не то углубленія. Далѣе идетъ рѣчь о курганахъ, какихъ-то „маленькихъ крѣпостцахъ“ (?), рѣкахъ, геологическихъ породахъ, почвахъ, оврагахъ и т. п. Авторъ постоянно повторяетъ, что онъ „выше“ отмѣтилъ уже характерныя черты поверхности, какія ему „удалось выяснитъ“, „далъ общую схему“, но ему еще „придется

заглянуть“ въ тотъ или другой уголокъ описываемой имъ страны, хотя онъ уже и „упоминалъ“ о чемъ-то, „обращалъ вниманіе“ читателя на что то и т. д. Но когда читатель первыхъ 28 страницъ возвращается назадъ, чтобы справиться, „удалось ли“ уже что-либо выяснить, и было-ли упомянуто то, о чемъ говорится ниже,—онъ ничего не находитъ, кромѣ туманныхъ фразъ, выражающихъ лишь „стремленія“ автора. Риторическіе обороты рѣчи послѣдняго о „титаническихъ силахъ“, о причинахъ (?) возникновенія которыхъ будто-бы уже было упомянуто (стр. 17), его приемы такъ называемаго „паренія“ (напр., стр. 14; „нашему воображенію съ трудомъ удается воспроизвести картину земли“, когда на ней... „начали скопляться океаны горячей воды“) — не даютъ яснаго представленія о томъ, кого онъ разумѣетъ подъ „великимъ скульпторомъ ландшафта“, который, по его словамъ, въ Малороссіи „не такъ рѣзко запечатлѣлъ свою дѣятельность“, какъ на Сѣверѣ (стр. 23)? Попросту говоря, читатель, знакомый со спорами приверженцевъ нептунической и вулканической школъ, начавшимися еще въ XVIII вѣкѣ, никакъ не можетъ разобрать, какой изъ этихъ гипотезъ вѣрить авторъ: то онъ говоритъ о „стремленіи дѣятельности воды“ (стр. 27), то о „стремленіи“ же Докучаева и др. ученыхъ разъяснить условія происхожденія чернозема (стр. 25), то о морщинахъ и складкахъ, происходящихъ отъ охлажденія нашей планеты (стр. 16). А между тѣмъ читатель, не интересующійся тѣмъ, какія теоріи исповѣдуетъ авторъ, о природѣ Малороссіи, объ особенностяхъ ея поверхности, получаетъ самое смутное понятіе, и для него описаніе этой страны остается, по образному выраженію и самого автора,—„неосмысленно и мертво, какъ непрочитанный гіероглифъ“ (стр. 12). Картограмма рельефа, помѣщенная послѣ 16 страницы, можетъ ввести въ заблужденіе, ибо на ней обозначено, что отъ устья Трубежа до устья Орели полтавскій берегъ возвышается отъ 0 до 20 саженъ надъ поверхностью моря, чего совершенно не можетъ быть, такъ какъ Днѣпру предстоитъ еще на порогахъ сдѣлать большой спускъ къ Черному морю.

Въ слѣдующей главѣ („Климатъ“) претензіи на красоту слога меньше, но выраженія, заставляющія заподозривать у автора пантеистическое міровоззрѣніе и способъ мышленія миеологическаго періода жизни человѣчества, опять попадаются очень часто: вѣтры тутъ ведутъ „между собою постоянную борьбу изъ-за преобладанія“, весна наступаетъ позднѣе, чѣмъ можно было ожидать—„вслѣдствіе расходованія значительнаго количества тепла на таяніе снѣга“, сѣверная часть территоріи „оправдываетъ“ свой лѣсной характеръ и т. п. Впрочемъ, высказывая такія положенія, авторъ оговаривается, что „дѣлать обобщенія по нѣкоторымъ вопросамъ представляется весьма затруднительнымъ и даже невозможнымъ“ (стр. 29). Перечитавъ всѣ таблички и діа-

граммы, помѣщенные здѣсь, читатель всетаки не видитъ, сколько и когда дней бываетъ съ температурою ниже—10°, ниже 0, выше 10°, 20° и т. п., когда прилетаютъ птицы, когда цвѣтутъ какія растенія? И яснаго представленія объ отличіи Малороссіи отъ Новороссіи или Великороссіи—не выносить. Въ разсказахъ о флорѣ и фаунѣ встрѣчаются не подтверждаемыя ничѣмъ и не доказанныя утвержденія что тарпаны—одичавшія лошади печенѣговъ, половцевъ и татаръ, что лѣса въ Полтавскомъ уѣздѣ были только въ доисторическія времена, тогда какъ Докучаевъ, ссылаясь на карту Боцлана, указываетъ опредѣленный періодъ времени и т. п. Въ главѣ о населеніи мы опять встрѣчаемъ рядъ темныхъ, неясныхъ и противорѣчивыхъ фразъ, доказывающихъ, что авторъ не осилилъ тѣхъ источниковъ, которыми пользовался. Здѣсь, напр., говорится, что козаки въ Черниговской и Полтавской губ. „поселились“ въ XV вѣкѣ, а „впослѣдствіи образовали особое намѣстничество“, что „значительная часть крестьянъ живетъ въ городахъ, не порывая, однако, связи съ деревней“. Последняя фраза даетъ совершенно превратное понятіе о городахъ Малороссіи, которые авторъ очевидно представляетъ себѣ въ видѣ Варшавы или Петербурга, тогда какъ большинство городовъ малорусскихъ заселено такими же земледѣльцами, какіе встрѣчаются и въ селахъ, ибо земли вокругъ города обрабатываютъ горожане, ничѣмъ не отличающіеся отъ селянъ. Та же туманность терминовъ о „чистыхъ“ малоруссахъ, „настоящихъ“ великоруссахъ, о „смѣшеніи населенія со всевозможными племенами“, то же незнаніе дѣйствительности, приводитъ автора къ совершенно ложнымъ утвержденіямъ, что, напр., въ Малороссіи „можно встрѣтить грязную курную избу“ (стр. 104), что „очипокъ“ есть „родъ коробки съ овальнымъ дномъ“ (стр. 108), что малоруссы носятъ рубаху на выпускъ (стр. 106), тогда какъ тутъ же помѣщенный рисунокъ опровергаетъ послѣднее утвержденіе; нѣкоторыя названія искажены: „кѣмора, кѣшара“... Желаніе автора дѣлать остроумныя сближенія приводитъ къ тому, что онъ „понедилкуванье“ объясняетъ какъ занятіе шитьемъ приданаго дочерямъ (стр. 112) и какъ „остатки формъ первобытнаго коммунальнаго брака“ (стр. 110); на одной страницѣ (110) онъ говоритъ, что въ бытѣ малоросса, любящаго очень свое (хоть и латанѣ) есть „много рѣзкаго, отличающаго его отъ сосѣднихъ племенъ“, а на другой (103),—что у него „много замѣствованій“, что суевѣріемъ отличается лишь лѣсной житель, а степнякъ „совершенно его лишень“ и т. д., и т. д. Знакомый съ Малороссіею и малоруссами во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ необъединенныхъ характеристикахъ, часто противорѣчивыхъ, видитъ что-то неточное, неясное; а незнакомый и желающій познакомиться съ малоруссами—вынесетъ изъ чтенія книги или чень мало, или совсѣмъ ничего.

Мы могли бы много невѣрностей и неясностей указать и въ разсказахъ о сельскомъ хозяйствѣ, промыслахъ (напр., о числѣ отхожихъ рабочихъ на стр. 217), но боимся утомить читателя. Скажемъ коротко, что не требуютъ поправокъ только свѣдѣнія о путяхъ сообщенія, да можетъ быть еще названія растений, взятыхъ изъ точныхъ списковъ профессоровъ Роговича, Краснова, Шафгаузена и др.

Относительно второй части книги, планъ которой заимствованъ изъ путеводителей по Европѣ Бедекера, можно сказать тоже, что и о первой. Предположенія, выставляемые какъ факты, встрѣчаются постоянно, ошибокъ фактическихъ довольно, вслѣдствіе того, что составители текста пользовались устарѣлыми свѣдѣніями (напр. изъ Нѣжина „проходить“ почтовый трактъ на Черниговъ, въ Черниговѣ—3 раза въ недѣлю бываютъ базары и т. п., и т. п.) Виды городовъ взяты вѣроятно изъ гравюръ 40-хъ—50-хъ годовъ прошлаго столѣтія и вовсе не похожи на нынѣшнее ихъ состояніе; способъ изложенія („Вернемся къ станціи, которую мы оставили... Возвратимся...“ и т. п.) напоминаетъ подобныя же приступы абзацовъ первой части („Выше мы видѣли... Придерживаясь плана... Переходя къ описанію... Уяснивши... Покончивъ такимъ образомъ... Очертивъ... Охарактеризовавъ...“ и т. п.) и значительно затрудняетъ чтеніе. Подробности о помѣщикахъ, владѣющихъ крупными имѣніями, утомляютъ, и не знаешь: справочная ли это книга, или ученый трудъ?

Если книга, заглавіе которой выше выписано, претендуетъ на роль ученой или учебнаго пособія, то нужно пожалѣть объ учителяхъ, которые ею будутъ пользоваться; если же она справочная, то въ ней много невѣрныхъ свѣдѣній, чтобы быть „настойною и дорожною“, какъ прибавлено въ ея заглавіи.

Дѣло по обвиненію дворянина М. И. Джорджикія въ покушеніи на убійство сотника Н. П. Колокольцова. Судебный отчетъ. (Обвинительный актъ.—Судебное слѣдствіе.—Приговоръ.—Отголоски процесса въ русской печати). М. 1903.

Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь въ названной выше небольшой брошюрѣ (29 стр.), еще, вѣроятно, памятно читателямъ „Русск. Богатства“. *) Дворянинъ Джорджикія, заступаясь за жену сотника Колокольцова, подвергавшуюся самымъ возмутительнымъ истязаніямъ со стороны мужа, произвелъ въ послѣднюю пятъ выстрѣловъ, и нанесъ ему легкую рану. Все это происходило въ Ташкентѣ. Защитникомъ Джорджикія въ окружномъ судѣ явился редакторъ „Русскаго Туркестана“ Сморгунеръ. Послѣ разбирательства по городу пошла сплетня, приписывавшая Сморгунеру фразу, якобы „за-

*) См. «Русск. Бог.», октябрь 1899, ст. Вл. Кор. «Два убійства».

коммиссія, какъ видно изъ объявленій, приступила къ изданію особой „брошюрной серіи“ небольшихъ по объему научныхъ сочиненій. Къ числу послѣдняго рода изданій принадлежитъ и брошюра Ф. Гизеля о радиоактивныхъ веществахъ. Радій — послѣднее дитя науки минувшаго вѣка, — по справедливости занимаетъ теперь всеобщее вниманіе. И самая исторія его открытія, и чудныя, доселѣ невѣдомыя свойства матеріи, открытыя этимъ веществомъ, и производимый имъ переворотъ въ нашихъ физико-химическихъ воззрѣніяхъ, и громадная область практическаго приложенія въ будущемъ—все это представляетъ собой одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи человѣческаго знанія и даетъ весьма благодарный матеріалъ для популяризаціи. Къ сожалѣнію, выбранная „Библиотекой для самообразованія“ брошюра о радіи носитъ настолькоъ техническій характеръ, что для лицъ, не обладающихъ болѣе или менѣе основательнымъ знакомствомъ съ физикой и химіей, ее совсѣмъ нельзя рекомендовать. Въ цѣляхъ задачъ, преслѣдуемыхъ самообразованіемъ, полезнѣе было бы дать болѣе популярное сочиненіе по этому вопросу. Помимо этого, частыя повторенія автора: „я нашелъ, я показалъ, я предположилъ, мои замѣчанія, мои опыты, мои наблюденія“ и т. п., приводятъ въ концѣ-концовъ къ вопросу, да правильно ли озаглавлена эта брошюра? не лучше ли было бы написать на ней: „что сдѣлалъ г. Ф. Гизель по вопросу о радиоактивныхъ веществахъ“? Дѣло специалистовъ судить, насколько плодотворны были научныя работы Ф. Гизеля въ сравненіи съ трудами П. и С. Кюри, Беккереля, Дебьерна, Нивенгловскаго и др., но на простого читателя эта брошюра производитъ такое впечатлѣніе, что авторъ постоянно старается выставить напередъ свои маленькія дополненія и поправки, напомнить о своемъ приоритетѣ.

Въ предисловіи, которымъ снабжены всѣ изданія „Библиотеки для самообразованія“, редакція говоритъ:

популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго чело-вѣка, далеко не идетъ вровень съ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе... Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переведенныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которые соединяли бы въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ, и, наоборотъ, много книгъ, которыя были бы нужны всякому образованному чело-вѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ.

Намъ кажется, что брошюра Ф. Гизеля и принадлежитъ именно къ числу тѣхъ книгъ, которыя нужны только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и на нѣмецкомъ языкѣ. Да такъ, вѣроятно, и поступитъ тотъ, кто, зная нѣмецкій языкъ, ощутитъ потреб-

ность ознакомиться съ работою Ф. Гизеля, ибо несомнѣнъ легко сразу добраться смысла въ такихъ тяжеловѣсныхъ фразахъ, которыми пестритъ переводъ, вродѣ, напр., слѣдующей: „Повидимому, эти реакціи говорятъ въ пользу присутствія въ висмутѣ второго вещества, однако, ниже, при веществахъ съ наведенной активностью, мы увидимъ, что подобное раздѣленіе на болѣе активныя и менѣе активныя части удается воспроизводить и при однородныхъ веществахъ, содержащихъ лишь одинъ металл“ (стр. 11).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретению этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сочиненія **М. М. Филиппова**. Т. I. Исторія философіи съ древнѣйшихъ временъ. Изданіе Л. И. Филипповой. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Собраніе сочиненій **Артура Шопенгауэра**. Въ переводѣ и подъ редакцію Ю. И. Айхенвальда. Вып. VIII. М. 1903.

Е. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Книгоиздательство «Скорпіонъ». М. 1903. Ц. 2 р. 40 к.

Петръ Елунный. Вопросы жизни (стихотворенія). Ромны. 1903.

Стихотворенія **Валеріана Тарногородскаго**. Второе изданіе. Жмеринка. 1903. Ц. 55 к.

На страшный бой, или геніи и паравиты. Романъ въ римоваанныхъ стихахъ **Г. Е. Косткина**. Н.-Новгородъ. 1902. Ц. 1 р. 80 к.

Знаменитый и оригинальный полководец Суворовъ. Драматическая хроника **Г. Е. Косткина**. Н.-Новгородъ. 1902. Ц. 60 к.

Михаиль Гербановскій. Лестки. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Сергій Лемеховъ. (С. А. Жевайкинъ). Вездѣ жизнь. Разказы. М. 1903.

П. А. Росстевъ. Безъ героевъ. Разказы. М. 1903.

Сергій Хатунскій. Около волости (очерки). М. 1903. Ц. 50 к.

Е. Н. Лядовъ. Пустыня и внемлетъ. Романъ. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Мятюха-учитель. Очеркъ **В. Дми-**

тривой. Изд. 2-ое. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1903. Ц. 25 к.

Викторъ Гюго. Девяносто третій годъ. Переводъ съ франц. С. Круковской (Библіотека «Другъ», изд. В. Н. Поповой). Спб. 1903. Ц. 1 р.

Свенъ Леопольдъ. Струэнзе и Грандтъ. Съ датскаго. Вопросы Форселдеса. Подъ редакціей съ введеніемъ и примѣч. проф. А. Трачевскаго (Рядъ историческихъ романовъ. Изд. картографическаго заведенія А. Ильина). Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Помощь. 2-е изданіе (Сборникъ въ пользу о-ва для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, на нужды начальныхъ школъ). Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Переводъ съ 6-го нѣм. изд. Б. Юргенсона, подъ ред. Ю. Энгеля. Вып. XII. Москва-Лейпцигъ. 1903.

Н. Ѳ. Нечаевъ. Основные законы чувствъ. М. 1903. Ц. 30 к.

Т. Циллеръ, проф. Страсбургскаго университета. Очеркъ общей педагогики. Переводъ съ нѣмецкаго М. Ефремовой, подъ ред. М. Лихарева. Изд. редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1903. Ц. 50 к.

С. Н. Гальперинъ. Современная социологія. Екатеринбургъ. 1903. Ц. 2 р.

Е. В. Анничковъ. Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ.

Часть I. Отъ обряда къ пѣснѣ. Спб. 1903.

П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. С. Скирмунта. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Генрихъ Улашинъ. Польскія библиографическія изданія за послѣдніе годы (1898—1901). (Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ», т. VII). Спб. 1903.

Афоризмы, парадоксы и избранныя мысли русскихъ писателей. Вып. V. Леонидъ Андреевъ. Составилъ **М. К.** М. 1903. Ц. 25 к.

Биографическая бібліотека Дмитрія Языкова. V. Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ. М. 1903. Ц. 20 к. VI. Графиня Параскева Ивановна Шереметева. М. 1903. Ц. 20 к.

Д. П. Сильчестній. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Спб. 1903. Ц. 15 к.

Краткій очеркъ русской исторіи съ древѣйшихъ временъ до 1881 г. Составила **Е. Щепкина.** Изданіе В. Яковенко. Спб. 1903. Ц. 1 р.

П. Неждановъ. О старомъ вопросѣ (по поводу новой книжки: Е. Смирновъ. Цѣна и трудовая стоимость). Спб. 1903. Ц. 25 к.

Ант. Ант. Радцигъ. Финансовая политика Россіи съ 1887 года. Сборникъ статей по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Спб. 1903. Ц. 2 р.

М. В. Муравьевъ. Что нужно деревнѣ. Докладъ въ Новгородскій уѣздный комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. М. 1903.

В. Н. Тьебо. Запѣтки деревенскаго практика о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности Кутаисской губ. Кутаисъ. 1903. Ц. 50 к.

И. Левитовъ. Желтый Босфоръ. Докладъ, читанный въ обществѣ собраніи о-ва для содѣйствія русской промышленности и торговли). Спб. 1903.

А. Идельсонъ. Сионизмъ. Лекція первая (теоретическое обоснованіе). Саратовъ. 1903. Ц. 15 к.

Хозяйственно-противопожарное водопроводное дѣло въ Россіи, какъ возможный рынокъ для увеличенія потребности желѣза въ Россіи. Докладъ инженера **Н. Г. Зилина.** М. 1903.

Черепица цементная и цементно-волокнистая. Несгораемыя стѣны. Вѣтряныя турбины. Сообщенія, сдѣланное въ засѣд. полтавскаго о-ва сельскаго хозяйства инженеромъ **А. Т. Гилевичемъ.** Кіевъ. 1903.

№ 7. Отдѣлъ II.

Я. С. Гогобашвили. Какъ улучшить кавказскую народную школу. Тифлисъ. 1903. Ц. 30 к.

П. Руссофиль. Къ вопросу о малоуспѣвающихъ учащихся въ начальныхъ школахъ. Харьковъ. 1903. Ц. 20 к.

Сборникъ стихотвореній учениковъ Гадячскаго четырехкласснаго городского училища. Составилъ **П. М. Клуный.** Ромны. 1903.

И. Я. Анцифьевъ. Лѣса. Деревья и кустарники южно-русскихъ степей. Биологическія свѣдѣнія. Пособіе для экскурсій съ учениками. Съ рис. Екатеринославъ. 1903. Ц. 60 к.

И. Козыревъ. Учебникъ географіи. Курсъ первый. (Для школъ и элементарнаго самообразования). Кіевъ. 1903.

Л. Давидъ. Руководство фотографіи. Перев. съ нѣм. Ф. Ф. Александрова. Съ рис. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 1 р. 20 к.

Б. Гофманъ. Радій и его лучи. Переводъ съ нѣм. Ф. Н. Индриксона, подъ ред. проф. И. И. Боргмана. Изд. 2-ое. Спб. 1903. Ц. 70 к.

М. Ластинъ, пр.-доцентъ московскаго университета. Этюды по исторіи медицины. М. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Вспомогательныя средства преподаванія и изученія исторіи медицины въ Западной Европѣ. (Труды кафедры исторіи и энциклопедіи медицины И. Московскаго унив. Т. I, в. I). М. 1903.

Его-же. Къ исторіи фармацевтической терапіи въ XVII столѣтіи (изъ журнала «Фармацевтъ»). М. 1902.—Къ исторіи психіатріи въ Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1902 (стр. 4).—Religion und Medicin als Factoren der Evolution (Separatabdruck aus der Wochenschr. «Das Wissenschaft für alle»). Wien 1902.—Studien über die Geschichte der Medicin (Extrait de «Janus»). 1902.

Н. Новомбергскій. Нѣкоторые спорные вопросы по исторіи врачебнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Гипнотизмъ. Руководство къ изученію гипноза и внушенія д-ра **Л. Левенвольда** (Мюнхенъ). Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ С. А. Лясъ. Саратовъ. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

В. В. Фавръ. Опытъ изученія маляріи въ Россіи въ санитарномъ отношеніи. Харьковъ. 1903.

І. А. Литвинскій. Общераспространенныя болѣзни. «Болѣзнь вѣка»—неврастенія. Спб. 1903. Ц. 30 к.—Совре-

менная «чума» — чахотка. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Врачъ **А. А. Црноскій**. Аболиционизмъ и борьба съ сифилисомъ. Одесса. 1903. Ц. 45 к.

Фельдшерскій сборникъ. По поводу десятилѣтня газеты «Фельдшеръ». Изд. «Медицинскаго журнала» д-ра Окса. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Бодѣанъ глазъ — трахома. Составилъ земскій врачъ **М. И. Марголинъ**. Спб. 1903. Ц. 5 к.

Фабрично-заводская промышленность и положеніе рабочихъ въ Екатеринославской губ. въ 1899 — 1900 годахъ. (Изъ отчета старшаго фабричнаго инспектора С. С. Аксенова). Изд. Екатеринбургск. статист. комитета. 1903.

Отчетъ Главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. 1901 г. Вып. I. Спб. 1903.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1903 г. Вып. III, подъ редакціей **А. К. Голубева**. Спб. 1903.

Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. 1901—2 уч. годъ. Изданіе Русской высшей школы. Парижъ. 1903. Ц. 1 р.

Врачебно-воспитательное заведеніе въ С.-Петербургѣ, основанное въ 1882 г. Ив. Маляревскимъ. Краткія свѣдѣнія изъ исторіи заведенія за 20-ти-лѣтній періодъ его существованія. Спб. 1903.

Отчетъ общества для вспоможенія нуждающимся переселенцамъ. Вып. 3-ій. Съ 10 ноября 1896 по 10 дек. 1900 г. Спб. 1903.

Экспортъ ситца. Справочный матеріалъ. Товарищество мануфактуры «Эмиль Циндель» въ Москвѣ. М. 1903.

Отчетъ благотворительнаго общества изданія общественныхъ и дешевыхъ книгъ за 1902 г. Спб. 1903.

Благотворительное общество изданія общественныхъ дешевыхъ книгъ. — № 1. **О. Степовыхъ**. Корыстни звирятка, кажанъ, икакъ да критъ. Выданія друге. Спб. 1902. Ц. 3 к. — № 2. **О. Степовыхъ**. Про городыну. Выд. друге, доповнене. Спб. 1902. Ц. 5 к. — № 18. **В. Ижиеніцкій**. Про пошести або лыхи хворобы. Выд. друге. Спб. 1902. Ц. 3 к. — № 21. Кто робить, той и мае. Оповиданія про Джамса Гарфильда. Спб. 1903. Ц. 6 к. — **Е. Цицаленно**. Розмова про сельске хозяйство. — № 19 2-га книжка, выд. друге доповнене. Спб. 1902. Ц. 6 к. — № 20. 5-та книжка. Садъ. 1903. Ц. 10 к. — № 22. 1-ша книжка. Выд. третье-выправлене и доповнене. Спб. 1903. Ц. 4 к.

Библиотека «Народнаго Блага». М. 1903. **В. Е. Ермиловъ**. Начатки русской грамматики для дѣтей младшаго возраста. Изд. 2-ое. Ц. 15 к. — **Его же**. Жизнь и сердце поэта (Памяти Н. А. Некрасова). Ц. 10 к. — **Его же**. Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію. Изд. 4-ое. Ц. 10 к. — **Л. Андреевъ**. Гостинець. Ц. 5 к. — **Его же**. Баргамоть и Гараська. Разказъ. Ц. 5 к.

Le Matérialisme historique par **Guillaume De Greef** Recteur de l'Université Nouvelle de Bruxelles (Extrait du t. VIII des «Annales de l'Institut International de Sociologie»). Paris. 1902.

Die Kulturanschauung des Socialismus, Ein Beitrag zum Wirklichkeits-Idealismus von **David Koigen**. Berlin. 1903.

Statistique des grèves en Belgique 1896—1900. Royaume de Belgique. Ministère de l'industrie et du travail. Office du travail. Bruxelles. 1903.

Потомъ Уэддербёрнъ постоянно вспоминалъ свою первую любовь но не могъ найти ее. И оказывается, что она Руфъ Хольтъ, мать Лавендеръ. Послѣдняя, такимъ образомъ, — дочь пріемнаго отца Клемента разорившагося банкира. Уэддербёрнъ, конечно, соглашается на бракъ Клемента съ Lavender. Но безъ денегъ какъ же жениться? „Миссисъ Гранди“ не въ достаточной степени умилилась бы. И вотъ адвокатъ Уэддербёрна приноситъ неожиданную и радостную вѣсть. Послѣ первой паники, вызванной бѣгствомъ партнера, вкладчики рѣшили поддержать банкъ Уэддербёрна. Отецъ Lavender теперь опять богатъ, какъ прежде. Пьеса кончается всеобщими объятіями и слезами умиленія. Всѣ довольны и счастливы. Публика Пинеро „плачетъ въ театрѣ, тронутая собственной добродѣтелью“, какъ сказалъ Искандеръ о буржуа, умиляющіхся пьесами Скриба.

Въ колоніяхъ, по всей вѣроятности, произведенія Пинеро имѣли успѣхъ, какъ пріятная волшебная сказка. Въ ней люди всѣ такіе хорошіе, такіе благородные! Даже ограниченность ихъ — не бѣда. Еще лучше: можно вложить въ пьесу собственное содержаніе и найти въ ней не то, что есть, а то, что хочется найти! Любопытно, что въ Англии больше всего нравится публикѣ банкиръ Уэддербёрнъ и пріемный сынъ его Клементъ, тогда какъ колонисты въ пьесѣ больше всего любятъ безпугаго, но великодушнаго адвоката Дика Фенила. Онъ терпитъ почти нищету; но вотъ узнаетъ, что у него умеръ дядя, завѣщавшій ему 40 тысячъ ф. ст. Деньги эти хранятся въ банкѣ Уэддербёрна. Въ сущности говоря, Дикъ спасаетъ банкъ: когда началась паника и всѣ потребовали вклады, адвокатъ не только не взялъ своихъ денегъ, но внесъ еще на текущій счетъ. Это сразу успокоило публику и рѣшило судьбу банка. Читатели, я думаю, имѣютъ уже свой взглядъ на достоинство пьесы. Покуда мы не видимъ еще смѣлаго новатора, рѣшительно кинувшаго перчатку публикѣ и вдохновенно воскликнувшаго: „эксельсіоръ!“ Такимъ именно бойцомъ считаютъ Артура Пинеро его восторженные поклонники, но мы не знаемъ еще главнаго произведенія Пинеро, на которомъ держится преимущественно его слава реформатора англійской сцены; — мы должны познакомиться съ „Second Mrs Tanqueray“, которую такъ подробно разбираетъ Вильямъ Арчеръ въ послѣднемъ изданіи „Британской энциклопедіи“. „Second Mrs Tanqueray“ поставлена въ первый разъ 27 мая 1893 г... Будутъ ли ставить ее и черезъ 50 лѣтъ, — вопросъ, разрѣшеніе котораго лучше предоставить нашимъ потомкамъ, — говоритъ авторъ. Намъ интересуютъ здѣсь лишь историческій фактъ: съ появленіемъ этой пьесы современная англійская драма перестала быть простымъ отечественнымъ продуктомъ, а заняла опредѣленное мѣсто среди европейской литературы. Предъ нами пьеса, которая, несмотря на свои недостатки, можетъ быть поставлена рядомъ съ

произведеніями Дюма, Зудермана, Бьерсона и Эчегарай *). Быть может, въ одномъ отношеніи пьеса эта хуже произведеній упомянутыхъ авторовъ, быть можетъ, въ другомъ отношеніи лучше; но по литературному значенію „Second Mrs Tanqueray“ занимаетъ такое же положеніе, какъ „Магда“ или „Гибель Содома“. Уже одинъ фактъ, что такая пьеса не только могла быть поставлена въ Лондонѣ, но имѣла колоссальный успѣхъ,—сильно содѣйствовалъ прогрессу драматическаго искусства. Она пробудила въ авторахъ честолюбіе, а въ антрепренерахъ—предпримчивость. „Second Mrs Tanqueray“ послужила такимъ же толчкомъ для серьезной англійской драмы общественныхъ нравовъ девяностыхъ годовъ, какъ „Hernani“ для романтической драмы тридцатыхъ или какъ „La Dame aux Camélias“ для реалистическаго движенія пятидесятыхъ годовъ. Робертсоновскій реализмъ, замѣна искусственной живости скрибовской школы мощнымъ порывомъ, порожденнымъ гениемъ Ибсена,—все это совпало вмѣстѣ и сдѣлало постановку пьесы Пинеро историческимъ событіемъ, знаменующимъ эпоху“ *).

Подобный отзывъ лучшаго англійскаго критика, такъ же какъ и солидность того изданія, въ которомъ это мнѣніе помѣщено, заставляеть меня нѣсколько подробнѣе остановиться на пьесѣ „Second Mrs Tanqueray“.

IV.

Богатый джентельмэнъ Обери Тэнкерей находится въ томъ критическомъ возрастѣ, когда, по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ, „мужчины становятся или стойками, или сатирами“: ему сорокъ два года. Онъ женился очень рано. „Первая миссисъ Тэнкерей,—разсказываетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ,—называлась до замужества миссисъ Херриотъ. Она была очень хороша, чертовски хороша, по религіи—католичка. Мнѣ она напоминала кусокъ мрамора, закутанный въ бархатъ. Мужъ ее любилъ, какъ говорится, до безумія. Чортъ возьми! какъ пылко ухаживалъ бѣдняга за ней! но я сомнѣваюсь даже, чтобъ она ему позволяла пожать руку. Она представляла изъ себя настоящую

*) Современный испанскій драматургъ, изъ пьесъ котораго особенно славятся «El Gran Galeoto», «Сынъ Донъ-Жуана» (El hijo de Don Juan) и «El loco Dios». Послѣднія произведенія чисто-символическаго характера и навѣяны драмами Ибсена. Пьесы Эчегарай имѣли громаднй успѣхъ не только въ Испаніи, гдѣ имъ отводится второе мѣсто послѣ комедій Лопеца де Аіяла и Тамайо-и-Бауса (Tamaño y Baos), но также въ Германіи и въ Скандинавскихъ государствахъ. У насъ, въ Россіи, если не ошибаюсь, есть передѣлка пьесы «El hijo de Don Juan».

**) Статья Вильяма Арчера въ десятомъ изданіи «Encyclopaedia Britannica» (т. XXVII, p. 521).

льдину. Что касается поцѣлуевъ, то, навѣрно, если бы Обери попытался, кожа его губъ отстала бы отъ прикосновенія къ ея губамъ. Знаете, какъ бываетъ, когда дотронешься на морозѣ до куска желѣза. Бѣдняга рассчитывалъ, что миссисъ Тэнкерей растаетъ послѣ замужества; но ошибся. Мнѣ всегда казалось, что, оставшись съ женой, Обери принимается усиленно топить каминъ, чтобы разогрѣть льдину. Но оттепель никогда не наступала. Я думаю, она всегда держала за корсажемъ термометръ и слѣдила, чтобы ртуть никогда не поднималась выше 10°." Миссисъ Тэнкерей была ревностной католичкой. Она приходила въ отчаянье, что не могла обратить мужа; но настояла, чтобы единственную дочь ихъ отдали на воспитанье въ монастырь. Вскорѣ послѣ того миссисъ Тэнкерей умерла, а дочь осталась въ монастырѣ до 18 лѣтъ и, наконецъ, заявила, что желаетъ постричься въ монахини. Такъ обстоитъ дѣло, когда Обери Тэнкерей, совзавъ своихъ пріятелей на холостой обѣдѣ, объявляетъ имъ неожиданно, что дружбѣ приходитъ конецъ, такъ какъ онъ вторично женится.

— Вы не допускаете никакихъ вопросовъ?—спрашиваетъ одинъ изъ друзей. Вы не скажете намъ даже имени дамы?

— „Дама эта, мой милый, появится во второй главѣ,—загадочно отвѣчаетъ Обери.—И тогда ея имя будетъ миссисъ Тэнкерей“. Гости, оставшись одни, сильно заинтригованы таинственностью. Я предвижу ужасный *mésalliance*,—догадывается одинъ.—По всей вѣроятности, эта деревенская дѣвушка, которая поднесла ему стаканъ молока во время охоты или анемичная приказчица изъ магазина“. Какъ почти всѣ герои Пинеро, и друзья Тэнкерей заражены классовыми предрасудками. Одинъ изъ нихъ рассказываетъ о нѣкоемъ баронетѣ, женившемся на танцовщицѣ, какъ о „покойникѣ“. „Для общества онъ умеръ. *Mésalliance*—мертвое море. Неразъ я сидѣлъ на берегахъ его и дождался поглощенныхъ имъ друзей. Они *никогда* не выплывали“. Женщина, на которой желаетъ жениться Обери, даже не танцовщица. Ее знали „въ свѣтѣ“ подъ различными именами. Она мѣняла поклонниковъ и сожителей. Ей около двадцати семи лѣтъ; она удивительно хороша, умна, имѣетъ доброе сердце, томится по истинной любви и чистой привязанности. „Я сильно и искренно люблю ее, — объясняетъ Обери своему другу. — Она никогда не встрѣчала еще человѣка, который поступилъ бы съ нею хорошо. Я желаю сдѣлать это. Вотъ и все. И черезъ нѣсколько лѣтъ я докажу вамъ, что можно быть счастливымъ, женившись на женщинѣ безъ репутаціи.“ Невѣста Обери рассказала ему честно всю свою жизнь, назвала всѣхъ своихъ поклонниковъ. Исторію одного сожительства ей трудно было рассказать и она описала его; но Обери бросаетъ письмо не распечатаннымъ въ огонь. Въ день свадьбы Тэнкерей получаетъ письмо отъ своей дочери. „Во мнѣ произошла великая перемѣна,—пишетъ она.—Я думаю, мать въ небѣ подала мнѣ

совѣтъ и я оставляю монастырь и раздѣлю ваше одиночество въ деревнѣ.“ Второй актъ происходитъ черезъ годъ. Обери Тэнкерей женатъ и живетъ въ своемъ помѣстьѣ. Отъ супруговъ отвернулся „весь свѣтъ“. Постоянное одиночество раздражаетъ миссисъ Тэнкерей.

— У меня нѣтъ больше терпѣнія! — восклицаетъ она. — Эта жизнь убиваетъ меня. Какъ проходитъ время отъ воскресенья до субботы? Утромъ я ѣду съ грумомъ въ деревню за закупками. За завтракомъ я вижу васъ и Эллинь (дочь Тэнкерей) После обѣда чтеніе романа или газеты, Если погода хороша, я выѣзжаю еще разъ. Если она хороша! За чаемъ опять вы и Эллинь. Потомъ сумерки, и затѣмъ — обѣдъ. И опять съ вами и съ Эллинь. Далѣе партія въ безіекъ. Я играю съ вами, а Эллинь въ углу читаетъ душевспасительную книгу. Затѣмъ зѣваю я, потомъ вы, потомъ Эллинь. Всѣ трое поднимаемся разомъ. „Спокойной ночи, спокойной ночи, спокойной ночи! (Подражаетъ поцѣлую). Господь съ вами!“ Ахъ!

— Да, да! Паола, — ласково отвѣчаетъ мужъ. — Таеъ теперь. Но мало по малу, когда сосѣди станутъ навѣщать насъ...

— Увы! милый Обери! Вотъ гдѣ именно заключается ваша ошибка! (Указываетъ въ окно). Неужели вы вѣрите, что эти люди когда нибудь пріѣдутъ къ намъ? Кто же это явятся? Не ваша ли старая пріятельница Кортлайонъ? Или старый суровый священникъ? Или жена его, громадный носъ которой рѣшительно неприличенъ? Неужели явятся Улляторны или лэди Вильямъ Патресеъ? Я лучше знаю. Даже тогда, когда на смѣну старикамъ мало-по малу явится молодое поколѣніе, — все еще останутся традиціи, освященные временемъ, что на горѣ живетъ особа, съ которой ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ знаться. И такимъ образомъ, мы будемъ жить изъ года въ годъ, повуда мы не высохнемъ и не заплѣсневѣемъ въ нашей одинокой респектабельности. Честное слово! Мнѣ кажется, мы были бы гораздо счастливѣе, если наша жизнь шла бы, какъ прежде, беззаботно, въ городѣ, въ кафѣ! У меня былъ, во всякомъ случаѣ, кругъ знакомыхъ. Правда, я сильно, сильно желала быть замужней женщиной. Но можно ли гордиться своимъ замужествомъ... (Видитъ, что Обери закрываетъ лицо руками). Обери! Дорогой мой! Вы плачете?

Миссисъ Тэнкерей желаетъ искренней привязанности, основанной на уваженіи человѣческаго достоинства. Она шибко привязалась къ Эллинь, къ дочери Тэнкерей, къ серьезной дѣвушкѣ съ лицомъ Мадонны; но Эллинь холодна къ своей мачихѣ. Дѣвушка не знаетъ прошлаго миссисъ Тэнкерей; но, согласно Пинеро, минувшее, какъ каинова печать, выжжена на лицѣ мачихи. Дѣвушка „съ лицомъ Мадонны“ инстинктивно, поэтому, питаетъ отвращеніе къ миссисъ Тэнкерей.

— Эллинь! — молить она, — почему вы не желаете считать ме-

Паола (*измѣнившимся голосомъ, но спокойно*). Какъ вы поживаете.

Хью. Здравствуйте.

Паола. Я встрѣчала мистера Ардейла раньше въ Лондонѣ, Эллинъ. Такъ это вы—капитанъ Ардейлъ.

Хью. Да.

Эллинъ. Въ Лондонѣ?

Паола. Дорогая Эллинъ! Я хочу переговорить наединѣ съ мистеромъ Ардейломъ, т. е. съ капитаномъ Ардейломъ. Возвратитесь черезъ нѣсколько минутъ. (*Эллинъ уходитъ*). Скорѣе! Что нужно сдѣлать? Тэнкерей возвратится черезъ нѣсколько минутъ.

Хью (*испуганно*). Что дѣлать?

Паола. Да, да. Нужно что-нибудь сдѣлать!

Хью оказывается прежнимъ любовникомъ миссисъ Тэнкерей, тѣмъ самымъ, о которомъ она наканунѣ свадьбы рассказала жениху въ письмѣ, брошенномъ Обери въ огонь. Хью уфхаль потому въ Индію; онъ слышалъ, что Тэнкерей женился на миссисъ Джармэнъ; но не подозревалъ, что это—его бывшая любовница.— Я съ ума сойду!—воскликаетъ Паола;—затѣмъ, въ порывѣ бѣшенства обращается къ капитану: „негодяй! затѣмъ вы на моемъ пути!“—„Паола, я съ вами всегда обращался хорошо!“—отвѣчаетъ онъ.

Паола (*слабымъ голосомъ*). Простите. Вы правы. (*Отпускается въ кресло и рыдаетъ истерически*)... Эллинъ поцѣловала меня сегодня. Я могла бы добиться ея любви. Я такъ упорно и долго искала этого. И теперь, какъ разъ тогда, когда она начала меня любить, вы тутъ.

Хью. Не приходите въ отчаянье, миссисъ Тэнкерей. Все устроится хорошо. Увѣряю васъ.

Паола (*всхлипывая*). Что намъ дѣлать теперь?

Хью. Молчать.

Но миссисъ Тэнкерей не согласна съ этимъ. „Есть только одинъ исходъ, — говоритъ она, — нужно рассказать все мистеру Тэнкерей“. — „Какъ, вашему мужу! Но я потеряю Эллинъ!.. Я съ ней поступилъ честно въ Парижѣ и признался, что прежде велъ нѣсколько безпутную жизнь. Эллинъ была въ отчаяніи; но, наконецъ, сказала, что прощаетъ мнѣ въ виду того, что я сдѣлалъ потомъ въ Индіи... Теперь я не хочу потерять ее, потому только, что жилъ какъ всѣ. Нѣтъ. Я и на половину не безпутничалъ, какъ другіе. Паола, не выдавайте меня съ головой изъ-за пустяковъ! Будьте справедливы ко мнѣ. Я теряю дорогую мнѣ дѣвушку“. Но миссисъ Тэнкерей твердо настаиваетъ на томъ, что безчестно скрыть все отъ мужа. Она беретъ сама рассказать ему. Сцена признанія—одна изъ самыхъ сильныхъ въ драмѣ. Паола. Помните ли вы, Обери, то письмо,

въ которомъ я описала всю мою жизнь? *Обери.* Письмо?—*Паола.*—Вы сожгли его! Припоминаете? *Обери.* Да, а что? *Паола.* Въ этомъ письмѣ было имя капитана Ардейла. *Обери (отступаетъ и испуганно смотритъ на жену).* Я не понимаю васъ. *Паола.* Знайте же, что я жила когда-то съ Ардейломъ. (*Тэнкерей стоитъ въ оцѣпенѣннѣи*). Почему же вы не бьете меня. Ударьте меня по лицу. Я хочу этого. Бейте меня! Бейте же!

Приносятъ въ это время записку, въ которой капитанъ извѣщаетъ, что уѣхалъ въ Парижъ. Эллинь поражена, когда узнаетъ про внезапное исчезновеніе жениха и про то, что бракъ невозможенъ. *Эллинь.* Что вы могли узнать про Хью? Вы можете судить только по слухамъ, по сплетнямъ постороннихъ! Какъ могли вы отказать... (*Внезапно умолкаетъ. Обѣ женщины молча глядятъ нѣсколько мгновеній другъ на друга. Затѣмъ Эллинь медленно отступаетъ*). Это сдѣлала Паола! *Паола.* Что такое? *Эллинь.* Вы знали капитана Ардейла въ Лондонѣ? *Паола.* Что вы хотите сказать? *Эллинь.* О! (*Направляется къ дверямъ, но Паола хватается ее за руку*). *Паола.* Вы должны мнѣ сказать, что думаете. *Эллинь (Рѣшительно и пристально глядитъ Паолѣ въ глаза).* Вы знаете, что я хочу сказать. *Паола.* Вы обвиняете меня? *Эллинь.* Ваше лицо васъ обвиняетъ. *Паола (хрипло).* Такъ вы намекаете, что я... я безпутная женщина? *Эллинь.* Пустите меня. *Паола.* Отвѣчайте! Вы всегда ненавидѣли меня (*трясетъ ее за плечо*). Говорите же! *Эллинь.* Мнѣ больно! *Паола.* Вы всегда меня ненавидѣли. Отвѣчайте. *Эллинь.* Такъ знайте же, что я всегда... всегда... *Паола.* Что? *Эллинь.* Я всегда знала, чѣмъ вы были. *Паола.* Ахъ! Кто вамъ сказалъ? *Эллинь.* Никто. Вы сами. Съ перваго момента, какъ увидала васъ, я знала, что вы не похожи на тѣхъ честныхъ женщинъ, съ которыми я встрѣчалась раньше. Встрѣтивъ васъ въ первый разъ, я сейчасъ догадалась, что сдѣлалъ отецъ. Васъ удивляло, почему я сторонюсь васъ! Знайте же причину. *Паола.* Ложь! это ложь! (*заставляетъ Эллинь упасть на колѣни*). Просите прощенія! (*Эллинь кричитъ отъ страха*). Эллинь! Я — честная женщина! Клянусь вамъ. Я всегда была честной женщиной. Вы смѣете сказать, что это не такъ. Вы лжете (*отталкиваетъ ее съ силой*). — Паола заявляетъ мужу, что оставляетъ его. „Не бойтесь, — говоритъ она, — я не возвращусь къ прежней жизни. Я не могу теперь.“ *Обери.* Тсъ! Бога ради! Уѣдемъ отсюда. Поѣдемъ за границу. Начнемъ жизнь сначала. *Паола.* Нѣтъ, Обери. Вы этого никогда не забудете. Нашъ прїездъ сюда, Эллинь, наши ссоры, послѣдній случай, — все это будетъ преслѣдовать васъ, какъ кошмаръ. *Обери.* Вы разстроены сегодня. Встрѣча съ этимъ человекомъ испугала васъ. Но подобный случай врядъ-ли повторится. Уѣдемъ! Свѣтъ, наконецъ, не такъ тѣсенъ. *Паола.* О, да! Велики только тѣ разстоянія, которыя отчуждаютъ насъ самихъ, напри-

шулеры, Иваны проворовавшіеся *) и прочая почтенная братья всегда горой стоятъ за прописную мораль и говорятъ о добродѣтели съ большимъ чувствомъ, даже со слезой въ глазахъ и съ дрожью въ голосѣ. Утѣшительный („Игроки“) съ большимъ паеосомъ говорить о долгѣ. „Не могу, не могу!—воскликнулъ онъ.—Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю: „Господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право увлекусь“ А между тѣмъ профессія Утѣшительнаго нѣсколько своеобразная). Итакъ, есть старинная драма, кажется, Коцебу „Ненависть къ людямъ и раскаянне“. Въ противоположность ей, должно полагать, Пинеро написалъ пьесу „Знаменитая миссисъ Эббсмитъ“, которую можно было-бы назвать „Ненависть къ освященному ѣками обычаю и раскаянне“. Вильямъ Арчеръ говоритъ, что въ каждой пьесѣ Пинеро разрѣшаетъ какіе-нибудь важные психологическіе или соціальные вопросы. При этомъ онъ проявляетъ поразительную смѣлость мысли и гордо бросаетъ вызовъ рутинѣ. Повидимому, въ словахъ Арчера есть какое-то недоразумѣніе. Все, что можно выжать изъ пьесы „The Notorious M-rs Ebbsmith“, я бы сформулировалъ такъ: „Бываютъ браки счастливые и несчастливые. Первыхъ очень мало, а вторыхъ очень много. Но счастлива жена или нѣтъ, она должна прилѣпиться къ мужу, потому что любовь, на которую пасторъ или хотя бы магистратъ не выдалъ разрѣшенія,—грѣшна“. Мысль эта, быть можетъ, и очень нравственная; но, какъ видитъ читатель, нѣсколько неновая. Даже если жена несчастна, она должна показывать видъ, что мужъ ея—идеаль. „Послѣ первыхъ недѣль замужества,—говоритъ Гертруда, которую Пинеро выставляетъ идеаломъ женщины,—мужъ сталъ обращаться со мною жестоко. Слушайте же. Былъ тогда другой человекъ, котораго я любила. Я могла бы обрѣсти спокойствіе и счастье съ нимъ; но я осталась вѣрна мужу. Я—честная, добродѣтельная женщина. Меня спасла милость неба“.

Я не стану разбирать всѣхъ произведеній Пинеро. Коснусь еще только послѣдней комедіи его „The Gay Lord Queux“, которой удивительную рекламу сдѣлалъ епископъ Векфильскій. Въ письмѣ, помѣщенномъ въ „Times“, онъ объявилъ пьесу безнравственной и убѣждалъ всѣхъ, кому добродѣтель дорога, не ходить въ театръ. Послѣдствіемъ было, что на другой день расхватили всѣ мѣста на шесть недѣль впередъ. „Безнравственность“ пьесы епископъ усмотрѣлъ въ томъ, что въ третьемъ актѣ герцогиня назначаетъ ночью свиданье въ своей комнатѣ своему бывшему поклоннику, маркизу Кэксу. Правда, маркизъ—женихъ дѣвицы

*) См. «Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго», Н. К. Михайловскаго.

Мирель—пребывает непоколебимъ, какъ гранитъ. Онъ категорически заявляетъ, что пришелъ противъ воли, единственно за тѣмъ, чтобы порѣшить окончательно съ прошлымъ. Маркизь говоритъ герцогинѣ, что покончилъ съ прежней безпутной жизнью. *Герцогиня.* Я никогда не видала васъ прежде въ такомъ расположеніи. *Кэксъ.* Это наше первое tête-à-tête съ тѣхъ поръ, какъ я помодвленъ съ миссъ Иденъ. *Герцогиня.* А, понимаю. *Кэксъ.*—Сказать ли вамъ, въ чемъ заключается прискорбность настоящаго положенія? *Герцогиня.* Да, пожалуйста. *Кэксъ.* Въ томъ, что я поступаю непростительно, находясь здѣсь. *Герцогиня.* Непростительно? *Кэксъ.* Вы знаете, что я далъ слово моей теткѣ и миссъ Иденъ вести себя нравственно. *Герцогиня* (слегка пожимаетъ плечами). Неужели? *Кэксъ.* Да (скрываетъ зубами). И вотъ какъ я держу слово! (Онъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). *Герцогиня.* Да вѣдь вы ведете себя безупречно. *Кэксъ.* Безупречно! А то что я нахожусь ночью въ вашей комнатѣ?—Маркизь Кэксъ вѣрно держитъ слово, данное невѣстѣ; но епископъ усмотрѣлъ безнравственность въ томъ, что мужчина находится въ 11 часовъ ночи въ комнатѣ женщины. Я припоминаю нѣчто аналогичное, случившееся осенью въ 1896 г. Каждый годъ „мюзикъ-холлы“ должны возобновлять свое разрѣшеніе, выдаваемое совѣтомъ лондонскаго графства. Тогда каждый желающій можетъ высказать причину, почему онъ считаетъ возобновленіе разрѣшенія невозможнымъ. Въ 1896 г. такой протестъ поступилъ отъ „Лиги охраненія общественной нравственности“. Мотивы, выставленные уполномоченнымъ лиги пасторомъ, заключались въ слѣдующемъ. На сценѣ показывали живыя картины, въ которыхъ участвовала женщина въ такомъ трико, что казалась голой. Это вводило въ соблазнъ.—Живая картина поставлена по великому произведенію Рубенса, находящемуся въ національной галлерей,—заявилъ адвокатъ антрепренера.

— Въ такомъ случаѣ,—невозмутимо отвѣтилъ пасторъ,—мы потребуемъ, чтобы эту картину, какъ соблазнительную, убрали изъ національной галлерей.

Второй пунктъ обвиненія заключался въ томъ, что на экранѣ кинематографа показали цѣлующуюся пару, въ нѣсколько небрежномъ костюмѣ. „При этомъ не было объявлено, что цѣлующіеся мужъ и жена. Это—можетъ ввести въ соблазнъ“,—прибавилъ пасторъ. Предосудительнѣе всего, однако, суровый цензоръ нравовъ нашель „сцену съ ногами“. На экранѣ показывали только ноги, повидимому, женскія и мужскія, при томъ въ такомъ положеніи, что невольно могутъ родиться самыя дурныя мысли. Лига охраненія общественной нравственности потерпѣла тогда неудачу: мюзикъ-холлы получили разрѣшеніе. Въ „Gay Lord Quez“ Пинеро развиваетъ „психологическое“ положеніе: настоящими влюбленными могутъ быть только мужчины въ почтенномъ

возрастѣ подѣ пятьдесятъ; двадцатипяти-лѣтніе увлекаются рѣшительно всѣми въ одно и то же время. Послѣ пламеннаго объясненія съ невѣстой, черезъ десять минутъ, они въ состояніи погнаться за горничной ея. Этотъ „серьезный“ психологическій вопросъ Пинеро разбираетъ и въ другой комедіи „The Princess and the Butterfly“. Послѣдняя пьеса окрашена особо приторнымъ, слащавымъ колоритомъ. Мнѣ она напоминаетъ старинныя комедіи XVIII вѣка съ возлюбленными маркизами, которымъ перевалило за пятьдесятъ. Свое притупленное чувство они разогрѣвали такими эпизодами, какъ экспериментальнымъ урокомъ Лицеіоны Дафнису *)..

Подведемъ, однако, кое-какіе итоги. Посмотримъ, съ какимъ „новымъ словомъ“ явился Пинеро. Признаться, я поставленъ въ большое затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, англійскій критикъ говоритъ о „голкондѣ новыхъ мыслей“ въ произведеніяхъ Пинеро, а я теряюсь, когда нужно найти хоть одну. Попытаюсь, однако, формулировать. Порядочные люди встрѣчаются только въ „вышемъ свѣтѣ“. Дѣйствительно, Пинеро выводитъ только маркизовъ, герцоговъ и баронетовъ. Къ нимъ онъ питаетъ великую слабость. Это—характерный недугъ миссисъ Гранди къ титулу. „Женщина съ *прошлымъ* не можетъ быть хорошей женой, хотя-бы она была умна, добра, привязана къ мужу, хотя-бы даже послѣдній искренно любилъ ее. *Прошлое*—призракъ, который долженъ отравить всю жизнь“. „Внѣ брака нѣтъ любви“. „Высшее назначеніе женщины—любить мужа и читать библію“. Вотъ, кажется, весь багажъ, съ которымъ явился Пинеро. Комедіи его, не лишеныя талантливости, не смотря на громадное ослинное ухо, назойливо показывающееся каждый разъ, когда Пинеро думаетъ „фидософствовать“,—являются крайне характерными документами для изученія „миссисъ Гранди“. Съ дѣйствительно „новымъ словомъ“ мы встрѣтимся тогда, когда познакомимся съ драматургомъ, изучающимъ среду нѣсколько пониже той, въ которой витаютъ маркизы и герцоги, герои и героини Пинеро. Я говорю о Бернардѣ Шоу, которому посвящу слѣдующее письмо.

Діонео.

*) См. «Daphnis et Chloë», въ передѣлкѣ d'Amvot, livre III, p. p. 109—110 (изданіе Marpon et Flammarion).

Изъ Германіи.

Воистину нѣтъ другой страны конституціонной Европы, въ которой такъ сильно было-бы представлено монархическое начало, какъ въ Германіи. 23 монарха на 56 милліоновъ населенія—это цифра нигдѣ, кромѣ Германіи, не встрѣчающаяся. Это составляетъ въ среднемъ почти по одному государю на каждые два милліона населенія, т. е. почти столько же, сколько въ другихъ государствахъ губернаторовъ или префектовъ на то же число жителей. И всѣ эти монархи Германіи далеко не приврачные царьки или декоративныя украшенія политическаго быта. Нѣтъ, это все настоящіе монархи, у которыхъ имѣются не только дворцы и придворные штаты, но и дѣйствительная власть и вліяніе въ дѣлахъ государственныхъ. Не надо забывать, что ни одно государство Германіи не обладаетъ парламентарной системой, что всѣ они при наличности безотвѣтственныхъ министровъ являются только государствами конституціонными, что, наконецъ, само народное представительство въ цѣломъ рядѣ союзныхъ государствъ построено на началахъ сословнаго и имущественнаго ценза. Всѣ эти условія создаютъ чрезвычайно сильное развитіе монархическаго начала, которое и находитъ свое завершеніе въ организаціи Германской имперіи. Союзный совѣтъ, созданный изъ уполномоченныхъ германскихъ государей, которымъ такимъ образомъ принадлежитъ право не только имперскаго законодательства, но и управленія, императорская власть, которая опирается не только на прусскую гегемонію, но и на право управленія при помощи неотвѣтственныхъ (передъ парламентомъ) министровъ,—это такія двѣ опоры монархическаго принципа, которыя всему союзному государству придаютъ типъ и характеръ монархически-организованной страны. Если же присоединить къ этому еще тѣ особенности въ характерѣ и дарованіяхъ Вильгельма II, которыя дѣлаютъ изъ него положительно типъ просвѣщеннаго самодержца, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаютъ фактически широту его вѣконституціоннаго вліянія, то мы поймемъ, что страна 23-хъ государей есть страна глубоко-монархическая, и о слабости правительства здѣсь уже, конечно, и рѣчи быть не можетъ. И этотъ характеръ государства придаетъ особый интересъ и значеніе недавно законченнымъ выборамъ въ рейхстагъ.

Рейхстагъ въ Германіи основанъ совершенно на иныхъ началахъ. Народное представительство здѣсь организовано демократически. Имперскій парламентъ черезъ каждыя пять лѣтъ умираетъ, за тѣмъ, чтобы возникнуть на-ново путемъ всеобщей,

тайной и прямой, подачи голосовъ. Рейхстагъ рождается прямо изъ среды народа; его создаетъ большинство голосовъ безъ различія того, кому принадлежитъ тотъ или другой голосъ. Каждая пятая лѣтъ на одинъ день выходитъ нѣмецкій народъ въ лицѣ своихъ управомоченныхъ гражданъ на политическую арену и превращается въ грандіозный непосредственный органъ государства, органъ, права котораго также самостоятельно вытекаютъ изъ конституціи, какъ права монарховъ, и такъ же неотчуждаемы и священны, какъ и права государей. Безъ преувеличенія можно сказать, что на время выборовъ какъ бы рождается однодневный носитель народного суверенитета и становится рядомъ съ монархомъ для того, чтобы опредѣлить на пять лѣтъ основные принципы дѣятельности своихъ представителей. Правда, это однодневное владычество народа далеко не имѣетъ здѣсь того значенія, какое принадлежитъ ему въ республиканской или парламентарно-управляемой странѣ: прерогативы монарховъ остаются въ Германіи неизблѣмыми; но за то здѣсь съ особенной выпуклостью выясняется идеальная цѣнность демократическаго выборнаго права, какъ средства дать правительству вѣрное представленіе о нуждахъ и настроеніи страны и обезпечить ей такихъ представителей, которые будутъ всегда на стражѣ народного благосостоянія и правопорядка. Сильная монархія и демократическое представительство—таковы два основныхъ начала, которыми живетъ и движется современная Германія. И понятной становится послѣ этого та теорія неудавшагося основателя новой соціально-національной партіи Науманна, который именно въ сочетаніи монархическаго и демократическаго принциповъ искалъ обоснованія новой партійной программы *).

Однако, истинно демократическимъ представительство Германіи стало съ очень недавняго времени. Все дѣло въ томъ, что фактическое осуществленіе § 20 имперской конституціи, который устанавливаетъ тайную подачу голосовъ, до настоящаго времени не было въ достаточной степени гарантировано, такъ какъ не было установлено конвертовъ и однообразной формы для избирательныхъ бюллетеней, съ одной стороны, и не было предписано устройство особыхъ помѣщеній, гдѣ избиратели могли бы дѣйствительно тайно приготовить свой бюллетень—съ другой. И этими-то пробѣлами дѣйствовавшаго до сихъ поръ регламента пользовались иногда для производства незаконнаго давленія на избирателей, — въ особенности аграріи консервативнаго лагеря, которые вынуждали этимъ путемъ голоса въ пользу консервативныхъ кандидатовъ отъ своихъ рабочихъ. Какъ показываетъ опирающійся на массу фактовъ послѣдній отчетъ парламентской комиссіи для изслѣдованія выборовъ (Reichstag, 10

*) Fr. Naumann. Demokratie und Kaisertum, Berlin, 1900.

Legislatur-Periode II Session 1900—1903, Drucksache № 948), эти махинации со стороны помещиков производились следующим образом. Перед выборами, через старших служащих, управляющих, лесничих и т. д., рабочим экономии или имения давалось понять, что барин был бы, вообще говоря, очень доволен, если бы был выбран такой-то консервативный кандидат. Иногда к этому присоединялось обещание устроить праздник для рабочих в господском парке. Иногда, если дело шло о перебаллотировке после главных выборов, лицам, о которых было известно, что они подали голоса за либерального кандидата, прямо советовали не идти совсем на перебаллотировку. Все подобные переговоры, конечно, велись в такой выраженной и в такой неопределенной форме, что прямого давления, доступного потом разследованию, здесь не производилось, но тем не менее барская воля давала себя чувствовать с полной реальностью, и только очень наивный человек мог рассчитывать на безнаказанность в случае подачи голоса за другого, для помещика неприятного кандидата. Впрочем, как показывают избирательные акты, иногда помещики не отступали даже перед прямыми угрозами, и не только потеря места, выселение из квартиры, лишение пастбища, но и оскорбляющей честь и достоинство служащего отказ ему от службы часто являлся результатом подачи им голоса за либерального кандидата. Для того же, чтобы проверить „тайную“ подачу голосов „подданных“, помещики, которые в громадном большинстве случаев являются вместе с тем и председателями выборных комитетов в мелких сельских выборных участках, употребляли следующие приемы. Во-первых, ими заготавливались консервативные билетки, сложенные самым причудливым образом, и со всякими бросающимися в глаза или доступными опознанию на ощупь приметами, с той целью, чтобы безошибочно отметить уже по внешнему виду консервативный бюллетень от всякого иного, либерального и т. д. По совершенно вѣрному замечанию депутата рейхстага Пахнике из партии свободомыслящих (см. Reichstag, 292 Sitzung am Dienstag den 21 April 1903), „в изобретении формы билетиков и их свертывания была обнаружена такая виртуозность и сила дарования со стороны юнкеров, „которой, кроме этого случая, может быть найдено только очень мало следов“.

Приготовленные таким образом бюллетени передавались затем помещиком особому агенту, который и становился с ними у самого входа в выборное помещение. Таким агентом обыкновенно являлся кто-нибудь из господских служащих, кучер, сторож, или даже иногда кто-нибудь из членов барской семьи. На обязанности этого агента, которого помещики выставляли, по их утверждению, не в качестве председателей выборных комитетов,

„мы не стоимъ за политику мира во что бы то ни стало“; и это вполне понятно: разъ въ своихъ кастовыхъ интересахъ аграріи стоятъ за развитіе внѣшней политики имперіи, за политику колониальныхъ приключеній, за усиленіе армии и флота, то, конечно, войны чураться здѣсь не приходится; война при такихъ условіяхъ является только необходимымъ выводомъ изъ указанныхъ причинъ. Итакъ, „мы стоимъ за здоровую морскую политику“, „мы стоимъ за здоровую колониальную политику“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „за крѣпкую нѣмецкую военную силу на сушѣ и на морѣ“, „за поддержаніе стараго нѣмецкаго отношенія вѣрности и твердой нѣмецкой дисциплины въ войскѣ, съ устраненіемъ и законнымъ запрещеніемъ всего, что угрожаетъ ее погубить“, „за усиленіе и увеличеніе нѣмецкаго флота“! Такова патриотическая программа юнкерства: пушки, пушки и пушки; любовь къ родинѣ здѣсь неизбѣжно дополняется ненавистью и страхомъ по отношенію къ чужбинѣ; патриотическій восторгъ вырождается въ угрозы арміей и флотомъ; а стремленіе дорогихъ соотечественниковъ къ огражденію ихъ національныхъ благъ отъ воображаемаго врага упреждаетъ ихъ подъ ярмо тяжелой воинской дисциплины и все возрастающаго бремени вооруженій, перевооруженій, сооруженій и т. д. безъ конца; ненавистью и выставленіемъ „броненоснаго кулака“ оканчивается здѣсь умиленіе передъ національнымъ единствомъ и полнымъ мощи предводительствомъ Пруссіи. Но еще болѣе откровенно рисуется обратная сторона патриотическаго чувства аграріевъ въ области внутренней политики; здѣсь, съ одной стороны, выясняется, что дисциплина и вооруженная сила нужны не только для международнаго престижа единой Германіи, но и для чего-то другого; съ другой же — вырисовываются и тѣ новые внутренніе враги, которыхъ необходимо истребить въ патриотическомъ одушевленіи; такими представляются аграріямъ, во-первыхъ — социаль-демократія, во-вторыхъ — всѣ ненѣмецкіе подданные имперіи. „Мы стоимъ за то“, гласитъ катехизисъ консервативной вѣры: „чтобы лишенная отечества социаль-демократія, съ ея подрывающими отечественный духъ и отечественныя установленія подстрекательствами, была остановлена и отражена всѣми законными средствами“, „мы выступаемъ противъ притязаній всѣхъ принадлежащихъ германской имперіи немцевъ (поляковъ, датчанъ, французовъ), насколько они хотятъ ихъ осуществленія такимъ образомъ, что этимъ вредятъ величію и силѣ нашего отечества или нѣмецкой національности“. Отсюда же слѣдуетъ, что „мы выступаемъ“ и „за польскую политику прусскаго правительства“, а главнымъ образомъ, „за расширеніе“ въ Польшѣ „нѣмецкихъ поселеній“. Итакъ, и здѣсь стремленіе къ национальному единству приводитъ не столько къ объединенію, сколько къ разъединенію. Любовь къ родинѣ и здѣсь ищетъ прежде всего враговъ, а не друзей, и призываетъ

всѣ „законныя мѣры“—вплоть до исключительнаго законодательства, т. е. поставленія внѣ закона—на головы миллионнѣ германскихъ подданныхъ. Впрочемъ, „германскій“ патриотизмъ юнкерства—дѣло сравнительно новое; еще очень недавно онъ былъ только „прусскимъ“, мѣстнымъ патриотизмомъ. И этотъ прусскій характеръ остался до сихъ поръ, не смотря на принятіе общегерманскаго знамени, созданнаго въ свое время нѣмцами либералами. И въ приведенныхъ нами выше положеніяхъ юнкерскаго катехизиса очень недвусмысленно дѣлается удареніе на прусское главенство, прусское предводительство, на верховенство въ имперіи короны прусскаго королевства. Прусскій полицейскій духъ, уступившій поле битвы во время объединенія общегерманскому конституціонализму, живетъ еще въ воззваніяхъ и стремленіяхъ прусскаго юнкерства. Юнкерскій патриотизмъ—это спекуляція на нѣмецкомъ національномъ чувствѣ въ кастовыхъ корыстныхъ цѣляхъ. Народность въ ихъ устахъ такое же извращеніе понятій, какъ и христіанство.

Изъ консервативной триады „вѣра, монархія, народность“ мы подъ самый конецъ оставили пунктъ второй, а именно—отношеніе юнкерства къ коронѣ. И здѣсь мы съ чувствомъ удовлетворенія должны отмѣтить, что и въ этой области послѣднія событія въ рейхстагѣ привели къ значительному выясненію запросовъ этой „правительственной“ партіи и сдѣлали ясной ея игру за счетъ государства; ея вѣрность и преданность престолу идетъ только до тѣхъ поръ, пока она не поглощается безмѣрными аппетитами крупнаго землевладѣнія. Такъ это случалось не только въ свое время по вопросу о проведеніи канала, который долженъ былъ содѣйствовать дешевому подвозу хлѣбныхъ грузовъ въ промышленныя мѣстности, но и въ особенности въ настоящее время съ новымъ тарифомъ. Не смотря на все желаніе правительства идти на помощь сельскому хозяйству путемъ повышенія таможенныхъ ставокъ на сельско-хозяйственные продукты, пошлины, которыя были выдвинуты аграріями въ послѣднюю сессію, оказались настолько велики, прямо невозможны, что для правительства принять эти ставки значило бы немедленно вступить на рискованный путь таможенной войны съ Россіей. И вотъ мы наблюдаемъ весьма интересное явленіе. Партія „переворота“, какъ ее называютъ ея политическіе враги, социаль-демократія становится болѣе правительственной партіей, чѣмъ консерваторы, являющіеся официальными вождями юнкерства и ихъ чисто-аграрныхъ союзниковъ въ видѣ знаменитаго „союза сельскихъ хозяевъ“. И не даромъ консерваторы, въ обычное время столь преданные коронѣ, въ настоящее время не только обнаруживаютъ недвусмысленную оппозицію правительству, но и не останавливаются передъ самой рѣзкой характеристикой отдѣльныхъ актовъ правительственной „измѣны“. А что эта измѣна совершилась—это уже

не подлежитъ никакому сомнѣнiю. Во-первыхъ, таможенный законъ, не смотря на его проведенiе въ рейхстагѣ, до сихъ поръ еще не вступаетъ въ жизнь; пока все еще остается въ силѣ старый тарифъ, и какъ показалъ опытъ въ прусскомъ ландтагѣ, никакiя интерпелляци по этому поводу не помогаютъ. Правительство на нихъ даже не считаетъ нужнымъ отвѣчать. Во-вторыхъ, правительство провело ненавистный юнкерству „кловетный законъ“, съ очевидной цѣлью прекратить тѣ давленiя на избирателей, которыя практиковались до сихъ поръ въ широкихъ размѣрахъ въ консервативныхъ округахъ. Въ-третьихъ, правительство устранилось отъ всякой помощи аграрiямъ въ избирательной борьбѣ и не дало имъ никакого избирательнаго пароля, при помощи котораго они могли бы прикрыться въ своей агитацiи авторитетомъ правительства и опереться на помощь правительственныхъ агентовъ. Наконецъ, въ-четвертыхъ, въ майской книжкѣ „Preussische Jahrbücher“ появилась явно инспирированная свыше статья профессора Дельбрюка, въ которой ни болѣе, ни менѣе, какъ предлагается избирать при перебаллотировкахъ лучше социаль-демократа, чѣмъ аграрiя: это уже нѣчто съ консервативной точки зрѣнiя совершенно невообразимое! Социаль-демократъ призывается въ настоящее время болѣе соответствующимъ видамъ правительства, чѣмъ христіански - патриотически - монархически настроенный аграрiй! Измѣна полная. И хотя - тотъ-же Дельбрюкъ и намекаетъ довольно опредѣленно, что такой анти-аграрный составъ парламента нуженъ только для исправленiя новаго тарифа, потому-де онъ будетъ распущенъ, и можно будетъ созвать новый, уже болѣе консервативный составъ, но и это заявленiе Дельбрюка симптомъ весьма значительный, который въ серьезной степени подтверждаетъ нашъ взглядъ на значенiе и цѣнность юнкерскаго консерватизма. Онъ былъ въ свое время прекрасно резюмированъ графомъ Клинковштремомъ въ „Золотой книгѣ нѣмецкаго народа на поворотѣ столѣтiя“.

„Внѣшняя политика—только нѣмецкая! Хозяйственная политика—здоровый эгоизмъ! Социальная политика—христіанская любовь! Противъ социаль-демократическихъ вождей и соблазнительей—сила!“ Увы, какъ мы видѣли выше, эти девизы нуждаются въ исправленiи: патриотизмъ и христіанскую любовь здѣсь тоже надо замѣнить эгоизмомъ и насилiемъ...

Менѣ всего намъ приходится говорить объ идеологiи либеральныхъ партiй. Если партiя центра есть представительница вѣковой католической мечты, а консерваторы стремятся воскресить въ новой формѣ свое феодальное величiе, то все горе либеральныхъ буржуазныхъ партiй въ томъ, что онѣ партiи настоящаго, что ихъ требованiя и стремленiя почти всѣ удовлетво-

рены, что имъ нечего желать и некуда стремиться. У этихъ партій нѣтъ будущаго. И въ самомъ дѣлѣ, политическая, промышленная и индивидуальная свобода — этотъ вѣнецъ либеральныхъ требованій—уже достигнуты въ такой степени, что дѣлать ихъ далѣе боевымъ лозунгомъ прежняго значенія и силы уже не имѣетъ никакого смысла. Каждый гражданинъ нѣмецкаго государства защищенъ уже закономъ въ такой степени въ своей личной неприкосновенности и духовной жизни, что теперь выдвигать эти требованія современной культурной жизни на первый планъ значило бы стрѣлять по воробьямъ изъ пушекъ. Правда, эти индивидуальные права и здѣсь еще нуждаются въ дальнѣйшемъ развитіи. Господство военной, чисто-кастовой исключительности и въ настоящее время дѣлаетъ личную неприкосновенность нѣмецкаго гражданина иллюзорной. Доказательство на лицо—это случай съ морскимъ кадетомъ Гюссенеромъ, вѣсть о которомъ облетѣла всю Германію и возмутила одинаково всѣ партіи и всѣ классы населенія. Случай этотъ заключается въ слѣдующемъ: гардемаринъ Гюссенеръ встрѣтилъ при входѣ въ ресторанъ одного вольноопредѣляющагося въ состояніи сильного опьяненія и въ сопровожденіи студента. Когда этотъ нижній чинъ не отдалъ чести гардемарину, этотъ послѣдній рѣшилъ отвести его на гауптвахту и приказалъ слѣдовать за собою; вольноопредѣляющійся сначала повиновался, но затѣмъ бросился бѣжать. Тогда Гюссенеръ догналъ бѣглеца и безъ всякаго предупрежденія всадилъ ему кинжалъ въ спину. Черезъ нѣсколько часовъ раненый скончался. Гюссенера судили въ двухъ инстанціяхъ, и судъ этотъ окончился назначеніемъ убійцѣ двухлѣтняго тюремнаго заключенія даже безъ разжалованья. Причиной къ такому милостивому приговору послужило то обстоятельство, что Гюссенеръ, будто бы, такъ дѣйствовалъ вслѣдствіе неправильно понятой инструкціи. Вся отвѣтственность за убійство, такимъ образомъ, была прикрыта преувеличеннымъ пониманіемъ воинской дисциплины. Воинскій мундиръ здѣсь спасъ убійцу отъ заслуженнаго наказанія, и вполне понятно, что подобный инцидентъ невольно заставилъ призадуматься cadaго. Мало ли какъ нелѣпо могутъ понимать свои инструкціи морскіе кадеты, мало ли какого преувеличеннаго представленія о своей чести могутъ быть гардемарины, но убивать подъ вліяніемъ такихъ причинъ своихъ ближнихъ—это показалось слишкомъ даже для нѣмецкихъ милитаристовъ. Однако, какъ ни печальны подобные инциденты, все-таки должно признать, что ихъ устраненіе не требуетъ провозглашенія новаго либеральнаго принципа, а только дальнѣйшаго развитія уже наличныхъ правовыхъ началъ. Въ общемъ, несмотря даже на частые эксцессы прусской полиціи, личную безопасность должно признать въ Германіи обеспеченной, и то же можно безъ натяжки сказать и про обезпеченіе здѣсь духовной жизни лица.

ніемъ: они прекрасно понимаютъ, гдѣ истинные враги европейскаго мира, и противъ нихъ они направляютъ свои вѣрно рассчитанные и сильные удары. А такъ какъ первымъ врагомъ вѣчнаго мира является то непомѣрное увеличеніе арміи и флота, которое придаетъ всей Германіи видъ и характеръ какого-то военнаго стана, то вполне естественно, что именно борьбу съ „милитаризмомъ“ и „маринизмомъ“ социалисты и дѣлаютъ своей главной задачей. И въ этой области они уже показывали тотъ практическій смыслъ и политическій тактъ, который привлекъ теперь на ихъ сторону такую массу избирателей: они вовсе не проповѣдуютъ утопію немедленнаго обезоруженія всего нѣмецкаго народа или совершеннаго упраздненія арміи; они борются противъ ея увеличенія, они стремятся къ распространенію и къ облегченію для всѣхъ гражданъ военнаго образованія, къ замѣнѣ дорого стоящей постоянной арміи общенародной милиціей, къ улучшенію современнаго дорогого и рассчитаннаго только на парады снаряженія нѣмецкаго солдата — другимъ, дешевымъ и приспособленнымъ къ условіямъ современнаго боя; они возстаютъ противъ дорогихъ заморскихъ экспедицій на манеръ знаменитаго крестоваго похода Вальдерзее въ Китай; они добиваются строгой цѣлесообразности и бережливости въ военныхъ расходахъ, постояннаго контроля ихъ со стороны народнаго представительства, а слѣдовательно и годичнаго бюджета на военныя цѣли въ отмѣну нынѣшнихъ квинквеннатовъ и септеннатовъ. По мысли социаль-демократовъ, третейскій судъ долженъ стать единственнымъ средствомъ для разрѣшенія международныхъ столкновеній. Не менѣе гуманны и цѣлесообразны далѣе и тѣ возраженія социалистовъ, которыя направлены противъ новаго увлеченія маринизмомъ въ извѣстныхъ сферахъ германскаго общества; плоскій и недоступный для глубоко сидящихъ морскихъ судовъ берегъ Германіи настолько хорошо защищенъ самой природой отъ заморскаго нашествія, что созданіе сильнаго флота для цѣлей защиты страны оказывается совершенно излишнимъ; увлеченія же колониальной политикой и имперіалистскими мечтами совершенно не обосновано въ дѣйствительномъ торговомъ развитіи имперіи. вполне естественно далѣе, что, вооружаясь противъ милитаризма, какъ противъ вреднаго пережитка средневѣковья, социаль-демократы не менѣе борются и противъ его юридической исключительности и кастовой оболочки. И здѣсь они являются только вѣрными послѣдователями той основной идеи, которая устранила совершенно наемныя войска и призвала весь народъ безъ различія званій и состояній подъ воинскія знамена. Вооруженный народъ—такова современная форма образованія арміи; всякія феодальныя привилегіи и кастовыя перегородки, по общему сознанію европейскаго общества, здѣсь не у мѣста. Въ этомъ пунктѣ нѣмецкіе социаль-демократы не обнаруживаютъ

ничего специально классового или антинационального, но являются представителями идей, которые можно смѣло причислить къ наиболѣе здравымъ требованіямъ истинно-національной политики.

Еще болѣе, однако, сходства между социаль-демократической и обще-либеральной программой найдемъ мы, если рассмотримъ хотя въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ принципы государственнаго устройства, которыхъ придерживаются нѣмецкіе социаль-демократы въ своихъ требованіяхъ дальнѣйшихъ преобразованій. Они требуютъ, прежде всего, дальнѣйшаго развитія положеннаго въ основу имперской конституціи принципа всеобщаго и тайнаго избирательнаго права; они желаютъ, чтобы каждый нѣмецкій гражданинъ по достиженіи 20 лѣтъ былъ признанъ избирателемъ; чтобы женщины были признаны равноправными съ мужчинами; чтобы срокъ легислатуры былъ сокращенъ до двухъ лѣтъ, чтобы самые выборы производились во время праздниковъ. Всѣ эти требованія ничего специально-соціалистическаго въ себѣ не содержатъ, а есть только часть общей демократической программы,—соціалисты здѣсь являются только болѣе послѣдовательными либералами, чѣмъ сами нѣмецкіе либералы, и ничего больше. И слѣдующія требованія социаль-демократовъ совершенно такого же характера. По примѣру Швейцаріи и наполеоновской Франціи, они требуютъ всенароднаго референдума; по примѣру Америки и англійскихъ колоній, они добиваются широкаго проведенія выборнаго начала, начиная съ общины и кончая имперіей, при чемъ избирательное право вездѣ должно быть равнымъ и тайнымъ. По примѣру Америки, они желаютъ окончательнаго раздѣленія государства и церкви. Подобно Англій, желаютъ они полнаго обезпеченія личной и общественной свободы, и въ духѣ современной Франціи мечтаютъ о полномъ очищеніи школы отъ всякаго клерикальнаго гнета. Таковы основныя политическія требованія социаль-демократіи. Если присоединить къ нимъ еще тѣ пункты программы, которые направлены ко введенію въ Германіи истиннаго парламентаризма съ отвѣтственными передъ парламентомъ министрами, то мы исчерпаемъ всѣ существенные моменты того государственнаго преобразованія, котораго добиваются соціалисты въ Германіи и которое, какъ мы видимъ, совершенно не выходитъ изъ предѣловъ общей либеральной, хотя и съ сильной демократической окраской, программы. И если три милліона нѣмецкихъ гражданъ голосовали за эту программу, то отсюда слѣдуетъ только одно: Германія желаетъ болѣе полнаго и послѣдовательнаго проведенія представительнаго и демократическаго принципа, чѣмъ это сдѣлано до сихъ поръ; и въ этомъ пунктѣ социаль-демократія является представительницей не только одного какого-нибудь класса населенія, но и значительнаго большинства всей націи.

Еще болѣе важно, однако, то обстоятельство, что социаль-

демократія получила во время послѣднихъ выборовъ общее и принципиальное одобреніе своей культурно-экономической программы со стороны широкихъ круговъ нѣмецкаго народа. А это означаетъ очень много. Народное голосованіе 16 и 25 іюня 1903 г. получаетъ значеніе важнаго историческаго факта: искусственное поддержаніе аграрныхъ интересовъ за счетъ всего населенія этимъ голосованіемъ осуждено безвозвратно, вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ, бывший главнымъ содержаніемъ всей выборной агитаціи, разрѣшенъ безусловно въ отрицательномъ смыслѣ. Здѣсь опять-таки весьма трудно было бы признать социаль-демократію дѣйствовавшей исключительно на почвѣ чисто-классовыхъ интересовъ пролетаріата; дешевыя цѣны на предметы питанія оказались нужны не однимъ рабочимъ; подъ знаменемъ социаль-демократіи здѣсь голосовали всѣ тѣ, кто уже проникся сознаніемъ роли Германіи, какъ индустриальной державы, и заинтересованъ именно въ этой сторонѣ ея дѣятельности; здѣсь сказались не социалистическіе, а въ широкомъ смыслѣ слова индустриальные и торговые интересы молодой имперіи, и социаль-демократы только сумѣли угадать ихъ существенный характеръ и значеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы либералы сумѣли остаться вѣрными интересамъ стараго либерализма, они и здѣсь не очутились бы за флагомъ. Къ сожалѣнію, однако, только часть свободомыслящихъ (*freisinnige Vereinigung*), съ д-ромъ Бартомъ во главѣ, осталась въ этомъ пунктѣ вѣрною своему либерализму. И вотумъ трехъ милліоновъ избирателей былъ наградой социаль-демократамъ за ихъ героическое отстаиваніе опять-таки не классовыхъ, а широко-національныхъ интересовъ населенія. Нельзя не признать, однако, съ другой стороны, что не одни аграріи получили со стороны социаль-демократовъ хорошій урокъ; съ ними вмѣстѣ осуждены и тѣ представители крупнаго капитала, которые пытались поддержать созданную ими громаду индивидуалистическаго хозяйства при помощи охранительныхъ пошлинъ. Это тоже симптомъ. Само обращеніе крупной буржуазіи къ такимъ мѣрамъ, есть уже измѣна принципу свободной конкуренціи, подъ знаменемъ котораго она начинала свой путь, есть недвусмысленное признаніе своего банкротства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и крупныхъ трещинъ во всемъ капиталистическомъ хозяйствѣ, построенномъ на старыхъ началахъ. Принципы экономической свободы и индивидуалистическаго капитализма этимъ сильно скомпрометированы. И если крупный капиталъ, не надѣясь на свои силы, нашелъ вполне своевременнымъ обратиться къ государству, этому величайшему представителю народной коллективной мощи, то уже вполне естественнымъ и логичнымъ является провозглашеніе принципа коллективизма и социализма тамъ, гдѣ уже давно слышатся жалобы на недостатки господствующей системы, на тяжелыя отрицательныя стороны полного практиче-

скаго осуществленія принципа „laissez faire, laissez passer“. Коллективизмъ—таковъ второй девизъ социаль-демократіи, который рядомъ съ девизомъ индустриализма сослужилъ хорошую службу социаль-демократамъ даже внѣ чисто-рабочихъ круговъ. Не надо забывать, что въ Германіи образовался новый „Mittelstand“, новое среднее сословіе, которое далеко не похоже на прежняго бюргера и филистера. Этотъ новый „Mittelstand“ стоитъ уже внѣ всякихъ особыхъ попеченій и консерваторовъ, и центра, которые все еще, не разстаются съ мыслью о воскрешеніи добраго стараго времени и того „Mittelstand'a“, который былъ въ эпоху абсолютизма носителемъ незатронутыхъ капиталистическимъ процессомъ добродѣтелей. Новое „среднее состояніе“ стоитъ уже дѣликомъ на почвѣ капиталистическаго хозяйства, и представляетъ собою тѣхъ слугъ капитала, которые продаютъ ему не свои руки, а художественный талантъ, знаніе, опытъ и занимаютъ привилегированное мѣсто среди его наемниковъ. Это—управляющіе, директора, контористы, бухгалтера, техники, художники и мастера, которые въ послѣднее время тоже подвергаются тяжелейшымъ послѣдствіямъ капиталистическаго перепроизводства; ихъ оказывается слишкомъ много; по газетнымъ свѣдѣніямъ число лицъ одного торговаго персонала, ежедневно ищущихъ мѣста, доходитъ до 4000 человекъ. Эта цифра довольно изрядная. И она несомнѣнно обѣщаетъ дальнѣйшее увеличеніе, если принять во вниманіе, что приливъ новыхъ силъ въ составъ новаго „Mittelstand'a“ будетъ такъ же расти, какъ онъ росъ до настоящаго времени. Не лишнее припомнить, что число служащихъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ почти удвоилось съ 1882 по 1895 годъ; и если даже принять вмѣстѣ съ социалистами, что только менѣе обезпеченные и привилегированные въ средѣ этого многочисленнаго капиталистическаго чиновничества (на 10,000 зарабатывающихъ своимъ трудомъ жителей въ 1895 году приходилось 329 такихъ чиновниковъ) имѣютъ насущный интересъ въ исправленіи недостатковъ современнаго капитализма, то и тогда получится весьма вліятельная и интеллигентная группа населенія, которая именно въ принципѣ „коллективизма“ будетъ искать спасенія отъ того гнета картелей и синдикатовъ, который грозитъ превратить прежнія начала „индивидуализма“ въ настоящую хозяйственную олигархію. Новый „Mittelstand“ силою необходимости долженъ примкнуть къ социаль-демократіи, разъ другія партіи не дѣлаютъ ничего для противодѣйствія перешедшимъ всякую границу предпринимательскимъ аппетитамъ. И здѣсь, такимъ образомъ, социаль-демократы работаютъ далеко не для однихъ пролетаріевъ. За ними стоятъ и другія общественныя группы. Только послѣ этихъ предварительныхъ соображеній мы можемъ перейти къ оцѣнкѣ того социальнаго идеала, который является завершеніемъ всей социаль-демократической программы и болѣе всего вы-

уже съ ранняго утра. Малары съ кистями и краской старались изукрасить всё заборы и доступныя имъ мѣста именами партійныхъ кандидатовъ, замазать или передѣлать надписи противниковъ. Печатные плакаты и воззванія агитаціоннаго содержанія не только запестрили на плакатныхъ столбахъ, но и на стѣнахъ домовъ, на вывѣскахъ, въ окнахъ магазиновъ. Нѣкоторые партіи ухитрились развѣсить свои плакаты даже въ самыхъ выборныхъ помѣщеніяхъ. Цѣлыя шеренги раздавателей листовъ и бюллетеней вытянулись передъ входами въ выборные „локалы“ или заняли свои посты на стратегическихъ пунктахъ. Началась отгѣтка отсталыхъ и „служба тасканія“, массы велосипедистовъ разсыпались по всему округу съ визитами къ отсталымъ, чтобы тащить ихъ къ избирательной урнѣ. Приблизилось обѣденное время и нахлынули къ урнамъ массы служащихъ и рабочихъ. Агитаціонная работа и служба тасканія еще усилились; передъ нѣкоторыми выборными помѣщеніями образовались хвосты, въ аристократическихъ частяхъ города появились господа министры для исполненія обще-гражданскаго долга. На улицахъ стало оживленнѣе. Но высшаго пункта напряженія достигла уличная жизнь къ вечеру, когда стали дѣлаться уже приблизительные подсчеты поданныхъ голосовъ, а возлѣ партійныхъ бюро стала собираться толпа, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидавшая результата выборовъ. Но вотъ выборы закончены. Первые результаты подсчета обнародованы. Побѣдители торжествуютъ и криками ура привѣтствуютъ радостныя вѣсти. Среди побѣжденныхъ слышатся раздраженныя рѣчи и обвиненія противниковъ въ недобросовѣстности и обманахъ. По улицамъ уже раздаются особыя приложенія вечернихъ газетъ, съ объявленіемъ о выбранныхъ кандидатахъ и о числѣ полученныхъ каждымъ изъ нихъ голосовъ. Въ партійныхъ штабахъ къ единомышленникамъ выходятъ кандидаты партій и въ небольшихъ рѣчахъ дѣлаются съ союзниками своими планами или впечатлѣніями. Происходятъ небольшія манифестаціи. Торжествующіе побѣдители отправляются въ свои изблюбленные рестораны и кафе, гдѣ отдыхаютъ отъ тяжелыхъ трудовъ бурнаго дня, повѣствуютъ за кружкой пива о комичныхъ и печальныхъ приключеніяхъ избирательной борьбы, поучаютъ молодежь и неопытныхъ новымъ приемамъ и манѣврамъ агитаціи, поютъ торжествующія пѣсни, говорятъ рѣчи о значеніи побѣды, о будущемъ страны, о тѣхъ блестящихъ перспективахъ, которыя теперь должны открыться передъ нею, разъ такіе сильные, самоотверженные и разумные люди выбраны въ число представителей народа, и народное благо довѣрено ихъ опытнымъ рукамъ... Поздно ночью расходятся по домамъ исполнившіе свой долгъ граждане и спокойно засыпаютъ послѣ дня народнаго празднества.

Однодневный народный суверенъ исполнилъ свой долгъ; среди всѣхъ прошедшихъ передъ нимъ партій онъ выбралъ тѣ, которыя

наибольше отвѣчаютъ его экономическимъ, политическимъ и духовнымъ запросамъ. Онъ послалъ въ парламентъ большую черную армію, которая своимъ девизомъ провозгласила „истину, право и свободу“—католической церкви; рядомъ съ ними онъ далъ цѣлый рядъ мандатовъ носителямъ бѣлой хоругви феодальнаго землевладѣнія; онъ довѣрилъ свои интересы цѣлой арміи разрозненнаго и разбитаго либерализма, но больше всего онъ повѣрилъ тѣмъ, кто подъ знаменемъ социаль-демократіи такъ мужественно боролся въ послѣднюю сессію противъ хлѣбнаго ростовщичества и иныхъ посягательствъ на народное благосостояніе. Правда, рядомъ съ этими народными избранниками вошли и теперь въ парламентъ представители не только національнаго сепаратизма, но и угнетенія, но они играютъ такъ мало значенія въ общей системѣ политическаго самосознанія народа, что ихъ можно пока игнорировать. Клерикалы, консерваторы, либералы и социаль-демократы—таковы основныя группы, которыя созданы демократическимъ избирательнымъ правомъ Германіи. Судъ народа произнесенъ. Среди всѣхъ партій народнымъ голосованіемъ выдвинута на первый планъ одна. Въ сильномъ монархическомъ государствѣ наибольше сильной партией оказалась социальная демократія. Но партія эта не преслѣдуетъ революціонныхъ или узко классовыхъ цѣлей. Она приняла на себя осуществленіе величайшихъ задачъ народнаго благосостоянія, и трудно думать, чтобы результатомъ ея усиленія былъ непремѣнно конфликтъ между нею и монархическимъ правительствомъ. Сильная монархія и сильная демократія—таковы два основныя элемента современной нѣмецкой жизни; но ихъ противоположность смягчена средними партиями; ихъ сфера дѣятельности объединена законностью и правомъ. Ближайшее будущее покажетъ намъ, какъ примирятся эти двѣ могучія силы на служеніе народному благу въ дѣлѣ общаго для нихъ дѣла національнаго законодательства.

Реусъ.

П о л и т и к а.

Смерть Льва XIII и его жизнь. — Папство въ прошломъ и настоящемъ.

20 (7) июля 1903 года въ 4 часа 4 минуты дня скончался въ Ватиканѣ папа Левъ XIII, двѣсти шестьдесятъ четвертый епископъ Рима, считая въ томъ числѣ и апостола Петра, и первыхъ трехъ его болѣе или менѣе легендарныхъ преемниковъ. Выбранный на конклавѣ 1878 года, Левъ XIII стоялъ во главѣ католической церкви четверть вѣка и уступаетъ мѣсто неизвѣстному преемнику на двадцать шестомъ году понтификата и на девяносто четвертомъ году жизни. Винченцо-Иоакимо-Рафаэль-Луиджи Печчи, какъ въ мѣрѣ звали Льва XIII, родился 2 марта 1810 г., въ городѣ Карпинето, затерянномъ въ горахъ древней страны Вольсковъ, на юго-западныхъ склонахъ Аппенинъ, въ области, пограничной между бывшимъ Неаполитанскимъ королевствомъ и бывшими папскими владѣніями. Иоакимъ былъ шестымъ сыномъ Луиджи Печчи и Анны Франчески, урожденной Кори, которые принадлежали къ старой патриціанской фамиліи изъ Сиены. Этимъ происхожденіемъ отъ стариннаго дворянскаго рода Иоакимъ Печчи очень гордился, и однимъ изъ его первыхъ учено-литературныхъ трудовъ было изслѣдованіе, установившее родство Печчи, карпинетскихъ и сиенскихъ. То же тщеславіе сказалось и въ двухъ другихъ характерныхъ фактахъ его юношеской жизни: послѣ посѣщенія папою Львомъ XII его родителей въ Карпинето, Иоакимъ увѣковѣчилъ это событіе надписью, выгравированной на мраморной доскѣ, которую и прибилъ къ наружному фасаду наслѣдственнаго дома, а узнавъ о значительномъ вкладѣ одного изъ своихъ предковъ въ мѣстную церковь, онъ увѣковѣчилъ и это событіе соотвѣтственною надписью въ церкви. Юношей онъ былъ крѣпкимъ и здоровымъ, любилъ охоту и дальнія пѣшеходныя прогулки. Образование получилъ въ римской духовной семинаріи, гдѣ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ, Иосифомъ, былъ всегда въ числѣ первыхъ учениковъ. Семинарію Иоакимъ окончилъ въ 1830 году и получилъ здѣсь же въ Римѣ, въ нѣмецкомъ колегіѣ, мѣсто репетитора философіи. Блистательное окончаніе теологическаго факультета и особаго дополнительнаго курса въ лицей для духовныхъ знатнаго происхожденія (спеціально для будущихъ прелатовъ) сразу открыло талантливому и честолюбивому Иоакиму Печчи быструю и блестящую духовную карьеру. Въ 1837 году молодой Печчи былъ уже „монсиньоръ“ и въ томъ же году принялъ обѣтъ монашества. Вскорѣ онъ былъ назначенъ

беневертскимъ легатомъ св. престола, какой титуль носили губернаторы провинціи церковной области.

Беневертъ—небольшая провинція, пограничная Неаполитанскому королевству, славилась, какъ средоточіе знаменитаго южно-итальянскаго разбойничества, какъ главная опора контрабанды и въ церковной области, и особенно въ сосѣднемъ королевствѣ. Для искорененія разбойничества и контрабанды и былъ папою Григоріемъ XVI, по рекомендаціи кардинала Сала, назначенъ Іоакимъ Печчи. Потребовавъ для себя свѣжихъ войскъ, еще не успѣвшихъ сблизиться и спѣться съ контрабандистами и разбойниками, среди которыхъ находились первыя дворянскія фамиліи Беневерта, и, употребивъ нѣкоторое время на изученіе организаціи и географическаго распредѣленія этой организаціи, молодой Печчи выработалъ планъ кампаніи и привелъ его въ исполненіе съ обычною ему быстротою, обдуманностью и энергіей. Оразу двинутыя многочисленныя колонны войскъ съ надежными проводниками накрыли врасплохъ всѣ притоны разбойниковъ, вожди которыхъ были всѣ захвачены, а члены частью тоже взяты, частью разбѣжались и очистили провинцію. Замокъ одного маркиза пришлось брать приступомъ, но за то съ нимъ сломлена была главная опора разбойничества и контрабанды.

Этотъ замѣчательный успѣхъ порученнаго Іоакиму Печчи дѣла и выказанныя имъ замѣчательныя административныя способности побудили Григорія XVI перевести его на болѣе значительный и отвѣтственный постъ папскаго легата въ Перуджу, провинцію, не одержимую разбоемъ и контрабандой, но извѣстную своей враждой къ церковному правительству и заподозрѣнную въ стремленіи къ революціи и республикѣ. Въ 1841 году прибылъ Печчи на свой новый постъ. Карбонаризмъ обывателей Перуджи (древней Умбріи) оказался, конечно, скорѣе легендою, но недовольство перуджійцевъ было, дѣйствительно, велико и питалось злоупотребленіями администраціи и отвратительнымъ состояніемъ всего мѣстнаго хозяйства. Главный городъ провинціи, тоже Перуджа, мало-по-малу сталъ почти недоступенъ, благодаря порчѣ путей сообщенія. Печчи повелъ энергичную борьбу съ злоупотребленіями и, продолживъ прекрасныя дороги, очень скоро заслужилъ широкую популяриность среди перуджійцевъ, такъ что, когда Григорій XVI, всего черезъ годъ послѣ назначенія Печчи перуджійскимъ легатомъ, посѣтилъ эту „мятежную“ провинцію, населеніе приняло его съ такими манифестаціями преданности, что папа вывелъ заключеніе о необыкновенныхъ способностяхъ своего молодого легата. Въ 1843 году онъ его назначилъ пунціемъ въ Брюссель, для чего первоначально тридцати трехъ-лѣтній прелатъ былъ посвященъ въ санъ епископа и получилъ званіе епископа дамьеттскаго (in partibus infidelium).

Три года епископъ Дамьетты пробылъ въ Брюсселѣ и это

именно онъ положилъ основу тому огромному вліянію римской юрїи, которое такъ отличаетъ бельгійскую политическую жизнь и которое было сравнительно не велико до Печчи. Демократическая нація, свободомыслящее среднее сословіе, скептикъ король и дезорганизованное духовенство,—вотъ что засталъ молодой прелатъ. Элементы клерикализма были и тогда въ Бельгїи очень значительны, но разрозненны; либералы господствовали въ обществѣ, парламентѣ и правительствѣ. Сдержанный, широко образованный, очень интересный въ обществѣ, Печчи заслужилъ общую симпатію въ Брюсселѣ и не создалъ, но организовалъ при этомъ бельгійскій клерикализмъ. Въ это же время онъ посѣтилъ Лондонъ и Парижъ, здѣсь и тамъ завязавъ дружескія и вліятельныя отношенія. Въ 1846 году Григорій XVI вызвалъ Печчи въ Римъ для новаго назначенія, но епископъ Даміетты засталъ папу на смертномъ одрѣ. Конклавъ остановилъ свой выборъ на кардиналѣ Матаи Феррети, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Пія IX. Новый папа зналъ раньше бывшаго брюссельскаго нунція и назначилъ его архіепископомъ въ Перуджу, но непріязнь главнаго совѣтника Пія IX, его статсъ-секретаря, кардинала Антонелли, надолго прервала столь быстрое до сихъ поръ возвышеніе честолюбиваго прелата.

Тридцать лѣтъ пробылъ Іоакимъ Печчи архіепископомъ Перуджи и этимъ огромнымъ срокомъ почетнаго бездѣйствія воспользовался въ учено-литературныхъ интересахъ, приобрѣвъ извѣстность, какъ тонкій богословъ и свѣдущій церковный историкъ. Всѣ бурныя событія, приведшія къ паденію свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ и къ столкновенію папскаго престола со свѣтскою властью большей части правительствъ Европы, будущій папа провелъ въ сторонѣ отъ большой исторической дороги, изучая прошлое и внимательно наблюдая настоящее. Правда, еще въ 1853 году онъ получилъ кардинальскую шапку, но только послѣ смерти Антонелли Пій IX вспомнилъ о знаменитомъ уже архіепископѣ Перуджи. Въ 1876 году Пій назначилъ Іоакима Печчи на постъ камерлинга, высшаго духовнаго сановника Ватикана, замѣняющаго папу въ случаѣ вакантности святого престола. 7 февраля 1878 года папа Пій IX умеръ, черезъ полтора года послѣ возведенія нѣкогда столь отличеннаго, а потомъ такъ долго забытаго, теперь уже престарѣлаго прелата на высшій постъ св. коллегіи. Этихъ полутора лѣтъ было, однако, довольно, чтобы члены святой коллегіи оцѣнили выдающіяся способности кардинала Іоакима Печчи.

II.

Собрался конклавъ. „Князя церкви“, какъ называютъ себя кардиналы, были утомлены войною со всѣмъ міромъ, которую велъ Пій IX. Не то, чтобы прелаты не одобряли идей, внушившихъ Пію его воинственную политику, но неудачи этой политики и мучительное напряженное состояніе непримиримой борьбы требовали одинаково перерыва и передышки. Это сознавало большинство святой коллегіи, но выборъ былъ очень затруднителенъ. Значительные персонажи были всѣ непримиримые, если не по убѣжденію, то по отвѣтственному прошлому. Былъ одинъ только значительный человекъ, не принимавшій отвѣтственнаго участія въ главныхъ событіяхъ только что тогда завершившагося тридцати-двухъ-лѣтняго понтификата. Этотъ единственный въ своемъ родѣ и былъ Іоакимъ Печчи, кардиналъ-камерлингъ, архіепископъ Перуджи. На немъ конклавъ и остановилъ свой выборъ. Участвовало въ конклавѣ шестьдесятъ кардиналовъ; состоялось всего только три голосованія (по одному ежедневно). Въ первое голосованіе за Печчи было подано 19 голосовъ, во второе—29 и въ третье 44, т. е. больше двухъ третей голосовъ конклава, какъ того требуютъ правила для избранія папы. Такимъ образомъ, уже на третій день послѣ открытія конклава было возвѣщено избраніе новаго папы, принявшаго имя Льва XIII. „Я выбираю имя Льва,—сказалъ новоизбранный папа,—въ виду особой признательности, которую я питаю къ папѣ Льву XII“. Напомнимъ, что именно Левъ XII (царствовавшій съ 1823 по 1829 гг.) и былъ посѣтителемъ дома Печчи въ Карпинето, о чемъ мы упоминали выше, и чѣмъ такъ тщеславился тогда юный Іоакимъ. Левъ XII отличался крайней нетерпимостью, возстановилъ въ полной силѣ всѣ ужасы средневѣковой инквизиціи, наполнилъ тюрьмы жертвами этого преслѣдованія просвѣщенія; все это какъ будто не подходило къ просвѣщенному дипломату, какимъ былъ Іоакимъ Печчи, но Левъ XII своимъ посѣщеніемъ впервые возбудилъ честолюбіе юнаго Іоакима и указалъ ему духовную карьеру, приведшую къ папской тиарѣ. Признательный прелатъ на шестьдесятъ-девятомъ году жизни помнилъ эту честь и это указаніе и, въ изъявленіе благодарности, принялъ имя высокаго гостя своихъ родителей. Это очень характерная черта для Льва XIII. Вступая на престолъ, онъ не столько думалъ о томъ, къ какой традиціи папской исторіи примкнуть выборомъ имени (какъ это обыкновенно дѣлаютъ), сколько о своихъ личныхъ успѣхахъ, объ этапахъ своего возвышенія. Съ широкимъ образованіемъ, съ тонкимъ саркастическимъ умомъ, Іоакимъ Печчи былъ скептикомъ и религіозные вопросы мало интересовали его, но

служитель церкви добросовѣстно служилъ ей интересамъ. И теперь, становясь во главѣ церкви, онъ не волновался религиозными вопросами, не искалъ воплощенія истины, но собирался заботиться единственно объ интересахъ церкви, понимая подъ церковью не союзъ вѣрующихъ, а католическое духовенство и его учрежденія. Вопросъ шелъ не о принципахъ политики римской куріи, а объ ея выгодахъ и удобствахъ примѣнительно къ условіямъ мѣста и времени, съ сохраненіемъ того престижа, который и есть главный и основной интересъ святого престола.

20 (8) февраля 1878 года былъ избранъ Левъ XIII; 3 марта онъ короновался въ Сикстинской капеллѣ внутри Ватикана, а не въ соборѣ св. Петра, какъ дѣлали раньше и какъ сначала думалъ сдѣлать и новый папа. Это, однако, могло быть истолковано, какъ нарушеніе заявленія Пія IX, что папа—плѣнникъ. Сторонники ультрамонтанской политики Пія представили это соображеніе Льву и тотъ призналъ его основательнымъ. Этимъ шагомъ Левъ XIII сразу заявилъ, что не отказывается отъ притязаній своего предшественника, но въ увѣдомленіяхъ о своемъ воцареніи, разосланныхъ державамъ, Левъ XIII усвоилъ примирительный тонъ и произвелъ повсюду самое благопріятное впечатлѣніе. Императору Германіи, гдѣ въ это время процвѣталъ культуркампфъ, папа выразилъ сожалѣніе о нарушеніи тѣхъ отличныхъ отношеній, которыя дѣлые вѣка соединяли св. престолъ и домъ Гогенцоллерновъ, и этою готовностью простить открылъ первую калитву для новаго путешествія германскаго государя въ Каноссу.

Зная скептицизмъ и образованность новаго папы, многие ожидали, что наука, просвѣщеніе и новыя идеи, руководящія новою исторіей, будутъ признаны съ высоты папскаго престола. Забывали, что наука, просвѣщеніе и новыя идеи невыгодны католическому духовенству, т. е. церкви, какъ ее представляютъ въ Ватиканѣ... А можно ли было ожидать отъ главы католической церкви, чтобы онъ дѣйствовалъ въ ущербъ католичеству, вся сила котораго въ невѣжествѣ массъ и ихъ преданности не новымъ, но средневѣковымъ идеямъ.

Первая же энциклика Льва XIII должна была устранить всякія въ этомъ отношеніи сомнѣнія. Въ этой энцикликѣ (Incrustabili) всѣ притязанія Пія IX были подтверждены. Авторъ началъ съ обзора современнаго состоянія міра, которое описываетъ въ самыхъ печальныхъ краскахъ и причину котораго указываетъ въ отчужденіи между церковью и націями и государствами. Энциклика рекомендуетъ епископамъ слѣдить за образованіемъ юношества; объявляетъ гражданскій бракъ простымъ конкубинатомъ; предлагаетъ духовенству больше единенія съ римской куріей; обращается къ вѣрующимъ съ увѣщаніемъ отвергать рѣшительно всѣ идеи, хотя бы самыя распространенныя, если только

онѣ находятся въ малѣйшемъ противорѣчїи съ ученїемъ католической церкви. Левъ XIII заключилъ эту первую свою энциклику похвальнымъ словомъ Пію IX и объявилъ, что церковь должна быть свободна и независима, для чего необходима свѣтская власть папы (т. е. независимое папское государство). По своей ясности, энциклика не оставляла ничего желать. Она разочаровала однихъ, успокоила другихъ. Успокоила весь вѣрующій католическій міръ. Это было необходимо, чтобы не оскудѣвала лепта св. Петра, чтобы не ослабѣвало значеніе и вліяніе католической іерархіи, чтобы не сокращалась армія борцовъ за католицизмъ. Это было необходимо, и Левъ XIII это сдѣлалъ. Принципы ультрамонтанства были снова самымъ торжественнымъ образомъ провозглашены съ высоты непогрѣшимаго престола; но принципы и ихъ примѣненіе не одно и то же. И въ этомъ отношеніи Левъ XIII очень скоро далъ почувствовать разницу между только-что окончившимся понтификатомъ непримиримаго Пія IX и своимъ собственнымъ, исполненнымъ самыми примирительными намѣреніями. Всемирное духовное господство римскаго престола и совершенное ниспроверженіе свѣтскаго просвѣщенія, науки и свободного гражданскаго строя, попрежнему, поставлены идеаломъ и цѣлью католической церкви. „Примирительныя намѣренія“ новаго понтифика должны были служить достиженію этого идеала и осуществленію этой цѣли, подобно тому, какъ ради того же идеала и для той же цѣли должна была служить и непримиримость Пія IX. Вопросъ былъ не въ программахъ, а въ цѣлесообразности того или иного метода. Много разочарованій принесъ католическому духовенству боевой методъ Пія IX и коллегія кардиналовъ, составленная изъ приверженцевъ и сторонниковъ Пія IX (въ теченіе тридцати-двухъ лѣтъ его понтификата вымерли всѣ кардиналы, до него назначенные, и въ конклавѣ 1878 года участвовали исключительно назначенные Піемъ), избрала единственнаго въ своей средѣ чловѣка, который, благодаря тридцатилѣтнему отчужденію отъ дѣятельной жизни Ватикана, сохранилъ свободу выбрать другой методъ. Это сознаніе привело къ избранію архіепископа Перуджійскаго, и это сознаніе новый избраніиъ и положилъ въ основу новаго курса ватиканской политики. „Не порохъ рѣшаетъ дѣла, а тѣ, кто его выдумали“ — говоритъ одинъ дипломатъ въ „Войнѣ и мирѣ“ Толстого. Дипломаты всего міра полагаютъ, что именно они то и выдумываютъ порохъ. Такъ думалъ и Левъ XIII, дипломатъ по натурѣ и по карьерѣ. Дипломатія Льва XIII и замѣнила войну Пія IX.

изъ „бюджетныхъ остатковъ“ на постройку новыхъ дорогъ, еко было выдано железнодорожникамъ по гарантіи имъ чистаго дохода (до 1901 г. только) ни много, ни мало, какъ 1.325.370,568 рублей, изъ коихъ 1.250.411,882 рубля уже списано со счетовъ*). Недоборы казны по собственнымъ дорогамъ въ общемъ составили тоже кругленькую цифру.

Если бы хотя половина этихъ громадныхъ суммъ осталась въ распоряженіи населенія, ихъ заработавшаго, то, можетъ быть, мы и не знали бы голодовокъ...

III.

Посмотримъ теперь на железнодорожное хозяйство казны съ другой точки зрѣнія, а именно каково бюджетное его значеніе.

Если какая-либо отрасль въ хозяйствѣ изъ года въ годъ даетъ громадные убытки, то, казалось бы, о томъ, что она ухудшаетъ общіе результаты этого хозяйства, и говорить нечего. По крайней мѣрѣ, неблагоприятный характеръ непосредственнаго вліянія ея на бюджетъ хозяйства, казалось бы, долженъ быть стоять внѣ сомнѣнія. Министерство финансовъ держится, однако, на этотъ счетъ иного мнѣнія и полагаетъ, что железнодорожные убытки не могутъ неблагоприятнымъ образомъ отразиться на бюджетѣ Россіи.

Аргументируя свою мысль, оно ссылается, прежде всего, на общій результатъ по выполненію государственной росписи 1901 г. По отчету государственнаго контроля за этотъ годъ получилось превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ 169,9 милл. руб. „Этотъ результатъ фактическаго исполненія росписи 1901 г.,—читаемъ мы въ сообщеніи министерства,—свидѣтельствуетъ о прочномъ положеніи бюджета Россіи, каковы бы ни были послѣдствія эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ томъ же году, какъ коммерческаго предпріятія“.

Можно ли, однако, по превышенію обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами судить о прочномъ положеніи бюджета? Вѣдь, если руководиться этимъ признакомъ, то необхо-

*) См. М. Капкаръ. Финансовыя итоги послѣдняго десятилѣтія. Спб. 1903 г., т. I, стр. 214. Для характеристики «коммерческаго предпріятія» казны не лишнимъ представляется отмѣтить еще слѣдующее обстоятельство. Суммы, выплаченныя по гарантіи, начисляются долгомъ за желѣзными дорогами и по нимъ должны бы начисляться проценты. Съ 1896 года, однако, государственный контроль такихъ начисленій не дѣлаетъ. Выходить такимъ образомъ, что казна въ качествѣ «коммерсанта» не только довольствуется бездоходнымъ помѣщеніемъ капиталовъ въ собственномъ дѣлѣ, но и отдаетъ миллиарды на сторону, не ожидая за нихъ процентовъ. Если бы начислить эти проценты, то, само собою понятно, что коммерческіе убытки казны по железнодорожному дѣлу оказались бы значительно больше.

димо будетъ признать, что за послѣдніе три года прочность нашего бюджета значительно поколеблена, такъ какъ превышеніе доходовъ надъ расходами по обыкновенному бюджету за это время, какъ указалъ уже государственный контроль, уменьшилось вдвое.

Мы не склонны, однако, означенное превышеніе считать сколько-нибудь серьезнымъ аргументомъ въ пользу благоприятнаго положенія государственныхъ финансовъ. Въ печати неоднократно уже указывалось, что обычное у насъ съ нѣкотораго времени превышеніе доходовъ надъ расходами всецѣло является результатомъ принятой министерствомъ финансовъ системы по составленію росписей. Мнѣ лично приходилось указывать и тѣ вѣроятные мотивы, которыми оно руководится при этомъ. Судить по такому признаку о положеніи государственныхъ финансовъ, конечно, нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что по обыкновенному бюджету доходы превзошли расходы на ста милліоновъ, но въ томъ же году израсходовано внѣ всякаго бюджета, — скажемъ, на воспособленіе голодающимъ, — двѣсти милліоновъ. Неужели такое положеніе дѣлъ могло бы свидѣтельствовать о прочности государственныхъ финансовъ? Между тѣмъ, для этого нѣтъ даже надобности дожидаться голоднаго года или искать расходовъ внѣ росписи. Въ чрезвычайной части русскаго бюджета найдутся такія статьи, которыя могутъ значительно ослабить впечатлѣніе отъ избытка въ доходахъ по обыкновенному бюджету. Громадныя затраты на устройство желѣзныхъ дорогъ, хотя онѣ и помѣщаются въ отдѣлѣ чрезвычайныхъ расходовъ, давно уже сдѣлались „обыкновенными“ и при данной финансово-экономической системѣ являются въ сущности столь же неотложными и неизбежными, какъ и расходы на самыя будничныя нужды государства. Сопоставляя итогъ всѣхъ расходовъ въ счетъ росписей съ обыкновенными доходами, г. Кашкаровъ вычислилъ, что за десять лѣтъ (1892—1901) послѣднихъ оказалось меньше, чѣмъ первыхъ, на 1.119.386,868 руб., каковую сумму государство почти цѣликомъ должно было покрыть займами. Въ частности, въ 1901 году, на который ссылается министерство финансовъ, обыкновенныхъ доходовъ не хватило для покрытія всѣхъ государственныхъ нуждъ 75 милліоновъ.

Допустимъ, однако, что общіе результаты выполненія росписи за этотъ годъ были благоприятны. Значитъ ли это, однако, что желѣзнодорожные убытки не оказали на бюджетъ неблагоприятнаго вліянія? Конечно, нѣтъ. Если бы не было этихъ убытковъ, то общіе результаты были бы еще лучше. И если въ 1901 г. желѣзнодорожные убытки не помѣшали благополучно выполнить обыкновенный бюджетъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и въ 1905 году, когда эти убытки утратятся, обыкновенные доходы также превьсятъ обыкновенные, хотя бы въ официальномъ

смыслѣ, расходы. Тогда и въ обыкновенномъ бюджетѣ, можетъ быть, придется посчитаться съ дефицитомъ.

Не ограничиваясь ссылкой на общій результатъ выполнения обыкновеннаго бюджета за 1901 г., министерство настаиваетъ, что и въ частности по желѣзнодорожному хозяйству въ бюджетѣ за этотъ годъ не было дефицита. „Точныя цифровыя данныя за 1901 годъ,—говоритъ оно,—показываетъ, что не только текущія эксплуатаціонныя расходы, но и такія единовременныя затраты по желѣзнымъ дорогамъ, которыя увеличиваютъ капитальную стоимость и инвентарное имущество дорогъ, были съ избыткомъ покрыты въ 1901 году поступившими доходами“.

Чтобы получить и въ данномъ случаѣ „избытки“, министерство въ своемъ расчетѣ вовсе не приняло во вниманіе платежей по желѣзнодорожнымъ займамъ, ссылаясь на то, что послѣдніе „покрываются изъ общихъ государственныхъ доходовъ“. Мы рѣшительно не понимаемъ, однако, почему при оцѣнкѣ бюджетнаго значенія желѣзныхъ дорогъ платежи по желѣзнодорожнымъ займамъ слѣдуетъ относить за счетъ общихъ государственныхъ ресурсовъ. Отчего же въ такомъ случаѣ не отнести за тотъ же счетъ и эксплуатаціонныя расходы, и доплаты по гарантіи и, тѣмъ болѣе, расходы на усиленіе дорогъ и приобрѣтеніе подвижнаго состава для нихъ? Тогда „избытки“ выразились бы въ сотняхъ милліоновъ руб., и выводъ о благотворномъ вліяніи желѣзнодорожнаго хозяйства на государственный бюджетъ былъ бы еще эффектибѣе.

Дѣло, однако, не въ эффектахъ, достигаемыхъ нехитрыми ариметическими приемами, а въ той серьезной опасности, которая грозитъ финансовому положенію Россіи. Слѣдуя приглашенію министерства финансовъ и оставаясь вѣрными той точкѣ зрѣнія, которую оно указало, мы, оцѣнивая бюджетное значеніе желѣзныхъ дорогъ, не только не можемъ игнорировать такія расходы, какъ платежи по займамъ на желѣзнодорожныя нужды, но и считаемъ необходимымъ принять во вниманіе тѣ обыкновенныя и чрезвычайныя расходы, которые мы оставили въ сторонѣ, оцѣнивая желѣзнодорожное хозяйство казны съ коммерческой точки зрѣнія. Правда, эти затраты—капитальныя и, можетъ быть, когданибудь окупятся тѣми доходами, которые будутъ приносить дороги. Однако, когда это будетъ,—объ этомъ бабушка и не гадала еще. Въ ближайшіе же годы вновь строящіяся дороги обѣщаютъ, какъ мы видѣли, не барыши, а убытки. Предоставимъ же нашимъ потомкамъ учесть бюджетное значеніе гадательныхъ для насъ доходовъ. Передъ нами стоитъ вопросъ о возможности сохранить бюджетное равновѣсіе въ ближайшіе годы. Для этого мы должны принять въ расчетъ всѣ расходы казны на желѣзныя дороги, не покрываемые доходами отъ нихъ. При этомъ для

опѣнки бюджетнаго значенія послѣднихъ мы будемъ имѣть такія цифры: *)

Г о д ы:	Прѣвышеніе желѣзнодорожныхъ доходовъ (+) или расходовъ (—) в ъ м и л л і о н а х ъ р у б л е й:		
	по обыкновенному бюджету.	по чрезвычайному бюджету.	и т о г о.
1898	+ 7	— 136	— 129
1899	— 22	— 162	— 184
1900	— 39	— 217	— 256
1901	— 94	— 128	— 222
1902	— 131	— 166	— 297
1903	— 148	— 181	— 329

Такимъ образомъ, уже въ 1899 г., когда казна имѣла еще коммерческую прибыль отъ желѣзныхъ дорогъ, послѣднія даже для обыкновеннаго бюджета имѣли отрицательное значеніе. Этотъ дефицитъ изъ года въ годъ быстро и неуклонно увеличивается. Что касается вообще государственнаго бюджета (какъ обыкновеннаго, такъ и чрезвычайнаго), то даже во второмъ періодѣ желѣзнодорожное хозяйство имѣло для него отрицательное значеніе. За послѣдніе 5—6 лѣтъ количество желѣзнодорожныхъ расходовъ, не покрываемыхъ доходами, рѣзко увеличилось **) и къ текущему году возросло до громадной цифры трехсотъ съ лишнимъ милліоновъ. До какой цифры эти расходы дойдутъ въ ближайшемъ будущемъ, сказать трудно. Не трудно, однако, предвидѣть, что если желѣзнодорожное строительство будетъ продолжаться въ нынѣшнемъ масштабѣ, то они примутъ еще болѣе грозный характеръ. Какъ бы то ни было, отрицательныя величины, вносимыя уже теперь желѣзными дорогами въ государственный бюджетъ, таковы, что предъ ними блѣднѣютъ получаемые и ожидаемые коммерческіе убытки.

*) Цифры 1898—1901 гг. взяты изъ цитированной уже работы г. Кашикова, составленной по отчетамъ государственнаго контроля. Цифры за 1902 и 1903 г. вычислены нами приблизительно, по сметнымъ назначеніямъ съ принятіемъ нѣкоторыхъ данныхъ по отчетамъ предыдущихъ лѣтъ.

**) Паденіе цифры этихъ расходовъ въ 1901 г. объясняется нѣкоторою сдержанностью въ постройкѣ новыхъ дорогъ. Эта сдержанность, обусловленная, какъ извѣстно, китайскими осложненіями, немедленно связалась въ экономической жизни страны промышленнымъ кризисомъ. Съ 1902 г. правительство было вынуждено вновь усилить желѣзнодорожное строительство, прибѣгнувъ для этого къ чрезвычайнымъ даже ресурсамъ, полученнымъ путемъ поспѣшной реализаціи китайскаго займа. Суммы послѣдняго нами не включены въ таблицу. Если бы ихъ включить, то непокрываемые доходами желѣзнодорожные расходы за послѣдніе годы выразились бы въ еще болѣе крупныхъ цифрахъ.

или 65⁰/₀; такимъ образомъ, по этому вопросу мы имѣемъ данныя, охватывающія большую часть земской Россіи.

Изъ 228 уѣздныхъ земствъ, доставившихъ свѣдѣнія, 50 земствъ, или почти 22⁰/₀, никогда не принимали никакого участія въ дѣлѣ субсидированія церковныхъ школъ. Число земствъ, субсидировавшихъ эти школы, будучи вначалѣ незначительнымъ, до самаго послѣдняго времени все увеличивалось. Такъ, въ 1880 году такихъ земствъ было 28, черезъ пять лѣтъ число ихъ почти удвоилось (51), черезъ слѣдующія пять лѣтъ они составляли уже 96, а въ 1895 году ихъ было 144. Слѣдовательно, въ теченіе 15 лѣтъ число уѣздныхъ земствъ, оказывающихъ пособіе церковнымъ школамъ, увеличилось болѣе чѣмъ въ пять разъ. Въ слѣдующіе четыре года число это все еще продолжаетъ расти, такъ что въ 1899 году уже почти всѣ уѣздныя земства (94,9⁰/₀) изъ числа принимавшихъ участіе въ содержаніи церковныхъ школъ дѣлали тѣ или иныя ассигнованія на этотъ предметъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ періодъ времени съ 1880 по 1895 г. ни одно уѣздное земство, разъ начавши субсидированіе школъ духовнаго вѣдомства, ни разу не прекращало окончательно своихъ пособій; даже временное прекращеніе наблюдается всего въ 3—4 случаяхъ. Съ 1899 года дѣло мѣняется: среди земствъ уже не замѣчается прежняго единодушія въ назначеніи субсидій, начинается колебаніе, оспариваніе цѣлесообразности ассигновокъ и послѣднія нерѣдко остаются въ земскихъ смѣтахъ, только благодаря губернаторскимъ протестамъ. Съ 1900 года начинается постепенно падать и абсолютное число субсидирующихъ церковныя школы земствъ: съ 169 въ 1899 году число ихъ уменьшилось къ 1902 году до 158, т. е. сократилось почти на 9⁰/₀. Во время послѣднихъ сессій земскихъ собраній эта тенденція опредѣлилась еще яснѣе. Было бы очень любопытно прослѣдить такимъ же образомъ измѣненія въ размѣрахъ земскихъ ассигновокъ на церковныя школы за разные годы, но саратовское обследованіе даетъ эту цифру только за одинъ прошлый годъ. Въ 1902 году общая сумма субсидій церковнымъ школамъ со стороны 158 уѣздныхъ земствъ составляетъ около 300 т. р., т. е. почти по 2 т. р. въ среднемъ на уѣздъ. По отношенію къ земскимъ расходамъ на земскія и министерскія школы (около 7 милл. р.) субсидіи церковнымъ школамъ не превышаютъ 4⁰/₀.

Что касается губернскихъ земствъ, то изъ 22 земствъ, при-
славшихъ отчеты, оказываютъ помощь церковнымъ школамъ всего
только четыре земства; нѣкоторыя земства никогда не оказывали
подобныхъ субсидій, другія прекратили ихъ за послѣдніе годы. По
даннымъ департамента окладныхъ сборовъ, относящимся къ нѣ-
сколько болѣе раннему времени (1900 г.), изъ общаго числа 34
губернскихъ земствъ въ пособіи школамъ духовнаго вѣдомства

участвовало всего 7 земствъ, затратившихъ на это въ совокупности около 16 т. р.

Въ одномъ изъ пунктовъ саратовской программы былъ, между прочимъ, поставленъ вопросъ: „не поднимался ли въ земствѣ вопросъ о передачѣ земскихъ школъ въ духовное вѣдомство?“ Полученные отвѣты показываютъ, что почти всюду, гдѣ этотъ вопросъ обсуждался, возникновеніе его относится къ половинѣ 80-хъ годовъ, когда появилось положеніе о церковно-приходскихъ школахъ. Значеніе собственно церковно-приходскихъ школъ въ это время особенно превозносилось, и центръ тяжести дебатовъ въ земскихъ собраніяхъ сосредоточивался на коренномъ вопросѣ—какая школа лучше, церковно-приходская или земская? Къ началу девяностыхъ годовъ на первый планъ выдвигаются уже не церковно-приходскія школы, а школы грамоты; съ этого времени вопросъ о замѣнѣ земской школы церковно-приходскою въ земствѣ уже не ставится и принципиально не обсуждается.

Не смотря на весь поднятый шумъ и на всю внѣшнюю поддержку, коренной вопросъ объ отказѣ отъ собственной просвѣтительной дѣятельности и передачѣ своихъ законныхъ и общественныхъ обязанностей другому вѣдомству, серьезно ставился лишь въ самомъ ничтожномъ числѣ земствъ. На такой рѣшительный шагъ приглашали земства, или отдѣльные гласные, или единичныя уѣздныя управы. Изъ 232 земствъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, этотъ вопросъ поднимался въ 30 земствахъ, при чемъ категорическое рѣшеніе въ пользу передачи всѣхъ земскихъ школъ духовенству состоялось лишь въ слѣдующихъ земствахъ, имена которыхъ, безъ сомнѣнія, долго будутъ памятны въ исторіи нашего народнаго образованія: вольскомъ Саратовской губерніи, яренскомъ Вологодской губерніи, елатомскомъ Тамбовской губерніи, угличскомъ Ярославской губерніи. Сольвычегодское и велико-устюжское земства Вологодской губерніи замаскировали свое рѣшеніе такимъ образомъ, что закрыли свои земскія школы, а взамѣнъ ихъ признали желательнымъ устройство церковно-приходскихъ. Кромѣ того, частичныя передачи земскихъ школъ были сдѣланы вотельничскимъ (Вятской губ.), хвалынскимъ (Саратовской губ.), вельскимъ (Вологодской губ.) и еще нѣсколькими земствами (до 5), передавшими духовенству по 1—2 школы. Къ первой группѣ земствъ слѣдуетъ присоединить еще кузнецкое Саратовской губерніи: не передавая своихъ школъ въ полное вѣдѣніе духовенства, оно предложило священникамъ замѣнить собою „свѣтскихъ“ учителей—„скрутучниковъ“, за что имъ обѣщалось по 60 рублей годового вознагражденія.

Остановимся теперь на болѣе типичныхъ мотивахъ и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ рѣшеніе перечисленныхъ земствъ передать свои школы духовенству, а также на практическихъ результатахъ этихъ рѣшеній. Въ елатомскомъ земствѣ инициато-

ніе для народнаго образованія, соответствующее потребностямъ деревенскаго населенія“. Внявъ этой аргументаціи, собраніе отпустило церковнымъ школамъ 1000 р. Но уже черезъ два года въ собраніи раздается, хотя и безуспѣшно, голосъ В. В. Гардера о полной передачѣ земскихъ школъ духовенству: отъ земскихъ школъ, по его мнѣнію, „пользы нѣтъ“; „онѣ отрываютъ крестьянъ отъ сохи и деревни“, мало того—благодаря имъ, учащіяся „перестаютъ помнить Бога.“ Совершенно въ томъ же духѣ провинилась земская школа и передъ гласнымъ балашовскаго земства Нѣмцовымъ. Послѣдній вполне присоединяется къ слѣдующему мнѣнію митрополита московскаго Филарета: народное образованіе, несогласное со званіемъ, породитъ недовольство своимъ состояніемъ; народное образованіе, помимо церковно-приходскаго, породитъ неблагонадежныхъ учителей; наконецъ, въ образованіи, помимо церковно-приходскаго, нѣтъ пользы еще потому, что появятся вредныя вѣянія. Не смотря на увѣреніе гл. Нѣмцова, что „все это исполнилось“, земское собраніе хотя и сократило смѣту на народное образованіе на 36%, однако, никакого постановленія о передачѣ своихъ школъ духовенству не сдѣлало.

Сообщенія о послѣдствіяхъ принятаго перечисленными земствами рѣшенія избавиться отъ заботъ о народномъ образованіи рисуютъ очень яркую картину, вездѣ сохраняющую одинъ и тотъ же характеръ. Вотъ что докладываетъ, напримѣръ, своему собранію елатомская земская управа уже въ 1893 г.: „когда было сдѣлано предложеніе о церковно-приходскихъ школахъ, мы какъ будто обрадовались, что можемъ снять съ себя тяжелую обузу... и наотрѣвъ отказались отъ участія въ дальнѣйшемъ развитіи народнаго образованія“. Исполняютъ ли, однако, наши замѣстители ту обязанность, которую мы поспѣшили имъ передать?—спрашиваетъ управа и констатируетъ, что „каждый изъ гласныхъ убѣдился, что дѣло идетъ плохо“. Въ настоящее время этотъ уѣздъ уже снова имѣетъ свои земскія школы. Въ Вольскомъ и Хвалынскомъ уѣздахъ рѣшенная передача школъ фактически могла состояться только черезъ два года, послѣ долгой переписки съ архіереємъ и съ синодомъ. Положеніе школъ было крайне печальное; многія школы, по принятіи ихъ духовенствомъ, долго оставались безъ учителей; другія шли крайне плохо вслѣдствіе отсутствія особаго учителя, свободнаго отъ постороннихъ обязанностей, или вслѣдствіе неудовлетворительности назначенныхъ учителей. Въ результатѣ вольское земство ежегодно увеличиваетъ число земскихъ школъ, а въ Хвалынскомъ уѣздѣ въ послѣдніе три года въ каждую сессію происходятъ страстные дебаты о неудовлетворительности церковныхъ школъ. По поводу попытки кузнецкаго земства привлечь къ учительству церковный причтъ, мѣстный уѣздный училищный совѣтъ докладывалъ земскому собранію въ 1885 г., что „священники долго не давали согласія, а

тѣ, которые приняли на себя учительскія обязанности, получали содержаніе, а въ школу не ходили“. Въ результатѣ въ увѣдѣ уменьшилось число школъ, а въ оставшихся пришлось удержать „свѣтскихъ“ учителей.

Въ девяностыхъ годахъ въ русскомъ обществѣ выдвинулся на очередь вопросъ объ осуществленіи всеобщаго обученія. Наряду съ вопросомъ объ обезпеченіи большихъ селеній организованными школами возникъ вопросъ объ обезпеченіи образовательными средствами маленькихъ селеній и главнымъ средствомъ къ тому было признано открытіе дешевыхъ школъ грамоты. Между тѣмъ, съ 1891 года духовное вѣдомство присвоило себѣ монополию ихъ открытія и завѣдыванія; земству оставалось, такимъ образомъ, только помогать этимъ школамъ своими субсидіями. И дѣйствительно, изъ 165 земствъ, отвѣтившихъ на вопросъ программы о мотивахъ субсидированія школъ грамоты, почти половина (78) мотивируютъ свою помощь именно стремленіемъ „распространять грамотность въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ земскихъ школъ“, „невозможностью для мелкихъ селеній имѣть правильно организованныя школы“ и т. д. Такимъ образомъ, благодаря внѣшнимъ условіямъ, субсидіи земствъ на школы грамотности въ большинствѣ случаевъ были въ значительной степени вынужденными: невозможность имѣть свои земскія школы низшаго типа, съ одной стороны, скудость земскихъ средствъ и невозможность вслѣдствіе этого быстро создать необходимое количество организованныхъ школъ для обезпеченія всему населенію возможности получать образованіе, съ другой—заставляли земство пока пользоваться въ этомъ дѣлѣ содѣйствіемъ духовнаго вѣдомства.

На вопросъ программы, считаетъ ли земство нынѣшнія школы грамоты удовлетворительнымъ средствомъ распространенія первоначальной грамоты, прислали отвѣтъ 186 земствъ. Изъ нихъ только 4,3% дали безусловно положительныя отвѣты, 19,3% дали отвѣты болѣе или менѣе положительныя, 17,2% дали отвѣты неопредѣленнаго характера, громадное же большинство (63,5%) отвѣтило вполне отрицательно: школы грамоты они считаютъ суррогатомъ настоящей школы и допускаютъ возможность не только субсидированія, но и самаго существованія ихъ лишь вслѣдствіе вышеупомянутыхъ условій. Таковы земскіе взгляды на школы грамотности, какъ на средство распространенія первоначальной грамоты. Не менѣе характерны отвѣты земствъ на другой вопросъ программы — придаютъ ли они школамъ грамоты какое либо образовательно-воспитательное значеніе. Изъ 186 сообщеній на этотъ вопросъ, отвѣтовъ положительнаго характера имѣется только около 30, изъ которыхъ лишь 20 категорично признаютъ за названными школами несомнѣнное образовательно-воспитательное значеніе. 79 другихъ земствъ не признаютъ за школами грамоты почти никакого образовательно-воспитательнаго

Рецензентъ пишетъ:

„Вмѣстѣ съ Лапужемъ Крживицкій принимаетъ, что *каждой группѣ, однородной въ физико-антропологическомъ отношеніи*, т. е. обладающей известной формой головы, соединяемой съ тѣмъ или другимъ цвѣтомъ волосъ или глазъ, или съ иными какими-нибудь морфологическими признаками, *присущи разъ на всегда* опредѣленные рѣшающія психическія свойства, напр., типу длинноголового блондина свойственна энергія и предприимчивость, короткоголовому брюнету пассивность и осторожность и т. д. Одни типы... являются *разъ навсегда* избранными двигателями жизни, это—такъ называемые эвгенисты, другіе—пассивными жнецами того, что сѣютъ эвгенисты. А такъ какъ всякая этническая группа представляетъ собой результатъ скрещиванія различныхъ антропологическихъ типовъ, то *тайны судьбы* каждой такой группы нужно искать *въ томъ или другомъ количественномъ* распредѣленіи въ ней типовъ эвгеническихъ и пассивныхъ. Общество, богатое первыми, будетъ прогрессировать, скудное въ этомъ отношеніи—дряхлѣть и умираетъ. Римъ, Греція, Франція, Польша и т. д. процвѣтали, пока въ нихъ было достаточно длинноголовыхъ блондиновъ. Но когда, благодаря войнамъ, революціямъ, междоусобіямъ, энергичные блондины постепенно погибли, арену исторіи заняли безталанные и пассивные короткоголовые, и началось паденіе. Только насчетъ Польши авторъ категорически открещивается отъ утвержденія Лапужа, будто гибель ея связана съ гибелью блондиновъ“.

Цѣлое это мѣсто—полнѣйшее извращеніе моей точки зрѣнія! Рецензентъ изложилъ теорію Лапужа, но на какомъ основаніи онъ приписываетъ мнѣ эти воззрѣнія? Въ §§ 49—55 я излагаю объективно теоріи Аммона, Лапужа и пр. Въ самомъ началѣ изложенія этихъ теорій я говорю: „мы останавливаемся на этихъ гипотезахъ главнымъ образомъ вслѣдствіе ихъ *методологическаго значенія*. Подтвердятъ-ли дальнѣйшія изслѣдованія теорію этихъ ученыхъ, или опровергнутъ ее, къ этому мы равнодушны“.

Въ §§ 49—55, излагая теорію Лапужа, я дѣлаю нѣсколько критическихъ замѣчаній; кончивъ же изложеніе этихъ воззрѣній, я пишу слѣдующее:

«Мы старались въ §§ 49—55 объективно представить основные принципы «антропо-соціологической школы», довольствуясь лишь незначительными возраженіями. Обобщенія и выводы разсматриваемаго направленія *идутъ далѣе, чѣмъ это допускается требованіями научнаго метода*. Приходится часто очень сильно сомнѣваться въ справедливости приводимыхъ доказательствъ. Лапужь объясняютъ, напр., паденіе Польши процентнымъ уменьшеніемъ блондиновъ, и на такомъ предположеніи строятъ уже дальнѣйшіе выводы! Онъ обращается съ фактами небрежно: если фактъ годится для его цѣлей, онъ приводитъ его, не осведомляясь объ его достовѣрности; въ случаѣ надобности то, что слѣдовало бы лишь доказать, превращается въ доказанное, умозаключеніе же находится часто въ рѣзкомъ разногласіи съ значеніемъ и содержаніемъ посылокъ. При анализѣ значенія антропологическихъ факторовъ

въ общественной жизни *нельзя забывать*, что общество представляет собой нечто большее, чѣмъ простое соединеніе особей различнаго типа въ одномъ и томъ же социальномъ организмѣ. Уменьшеніе роста народонаселенія, распредѣленіе по классамъ лицъ, которыя отличались на попріицѣ умственной дѣятельности, богатство народа и т. д. являются результатомъ *многихъ факторовъ. Въ окончательномъ итогѣ трудно рѣшить, какія причины и въ какой степени вызвали извѣстный результатъ.* Антропо-соціологическая школа *иницируетъ все это и объясняетъ изслѣдуемыя явленія исключительно расовыми факторами.* Построенныя ею теоріи заслуживаютъ вниманія лишь, какъ *побужденія къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ*, и потому мы такъ долго остановились на нихъ. Эта школа считаетъ свои гипотезы доказанной истиной, между тѣмъ какъ онѣ лишь открываютъ новые научные горизонты и оплодотворяютъ умъ изслѣдователя. Тѣмъ не менѣе, онѣ заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ методологическихъ указаній» (184—185).

Жаль, что рецензентъ не обратилъ вниманія на главу VII, въ которой я излагаю результаты, полученные до сихъ поръ расовой историографіей. Тамъ онъ нашелъ бы мои воззрѣнія относительно антропологическаго фактора въ исторіи:

«раса являлась потенциальной силой, которая, при возникновеніи въ обществѣ опредѣленныхъ отношеній и учреждений, выдѣляетъ изъ себя опредѣленные типы дѣятелей и вообще историческихъ орудій, исполняетъ опредѣленнымъ образомъ опредѣленныя задачи, придаетъ общественно-исторической жизни тотъ или другой колоритъ, двигаетъ развитіе въ опредѣленномъ направленіи, или задерживаетъ его, наконецъ, пользуется существующими отношеніями опредѣленнымъ образомъ, т. е. играетъ въ общественной эволюціи ту же роль, какая — въ качественномъ отношеніи — выпадаетъ на долю отдѣльной личности, потому что существуетъ вѣдь громадная разница въ силѣ и успѣшности между влияніями отдѣльной личности и цѣлой группы. Впрочемъ, въ качествѣ историческаго фактора, *данная раса не обладаетъ настолько характеромъ въ теченіи вѣковъ*; она подвержена подбору, т. е. преобразовывается своей психической обликомъ. Всякая раса представляетъ собою *измѣняющійся, неустойчивый по своему характеру историческій факторъ.* Она *дѣйствуетъ, какъ резервуаръ опредѣленныхъ эмоциональныхъ и умственныхъ типовъ.* Но такъ какъ каждая раса въ психическомъ отношеніи представляетъ собою нѣкоторое разнообразіе, то и на практикѣ вопросъ никогда не ставится такъ прямолинейно, какъ въ нашихъ теоретическихъ изысканіяхъ, въ которыхъ, съ цѣлю упрощенія анализа, мы придаемъ расѣ рѣзкій и выразительный психическій обликъ. Еще одно замѣчаніе. Нашъ анализъ влияній расы не полонъ. Чтобы исчерпать эти влиянія вполнѣ, мы должны были бы познаться раньше съ совокупностью факторовъ общественнаго развитія, и лишь на основаніи такого анализа мы могли бы опредѣлить то, что принадлежитъ расовому фактору. Общественная эволюція заключается въ преобразованіи общественныхъ учреждений, мы же коснулись лишь *поверхностно* причинъ, влияющихъ на суть этихъ учреждений и на ихъ послѣдовательность. Если бы мы не опасались слишкомъ сжатаго и сравнительно не точнаго обобщенія, то мы сказали бы, что *раса не рѣшаетъ вопроса ни о сущности учреждений, ни объ ихъ исторической послѣдовательности, такъ какъ они — продуктъ матеріальныхъ условий*; но что раса является потенциальнымъ резервуаромъ историческихъ орудій, матеріаломъ, на которомъ и съ помощью котораго происходитъ эволюція» (193—194).

Въ концѣ же главы VII слѣдующимъ образомъ я говорю о попыткахъ Ладужа и другихъ представителей расовой историографіи:

«Безъ сомнѣнія они (т. е. расовые факторы),—читаемъ мы на стр. 189 этой главы—дѣйствуютъ и своимъ влiянiемъ *рѣшаютъ вопросъ о путяхъ и еще болѣе о способахъ историческаго движенiя*».

Энергичнѣе этого едва ли выразился бы и самъ Лапужь. И далѣе:

«Расовый типъ проявляетъ свое дѣйствiе въ исторiи и въ общественной жизни, благодаря своимъ психическимъ свойствамъ, напр., блондинъ своей энергiей и предприимчивостью, бѣлый короткоголовый своей пассивностью и осторожностью» (стр. 189).

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ примѣровъ изъ исторiи различныхъ народовъ земного шара, при чемъ приведенные выше тезисы примѣняются опять-таки вполнѣ въ лапужевскомъ духѣ.

Г. Крживицкiй въ своемъ возраженiи съ особеннымъ ударенiемъ цитируетъ то мѣсто изъ VII гл., въ которомъ онъ оговариваетъ, что „въ качествѣ историческаго фактора, данная раса не обладаетъ *постояннымъ* характеромъ въ теченiе вѣковъ: она подвержена подбору, т. е. преобразовываетъ свой психическiй обликъ“. Но эта оговорка мало мѣняетъ сущность дѣла. Вѣдь извѣстную измѣнчивость расовыхъ типовъ не отрицаетъ и Лапужь (см. объ этомъ, напр., стр. 186 книги Крживицкаго). А затѣмъ—и самое главное—подъ „преобразованиемъ психическаго облика“ г. Крживицкiй совсѣмъ не подразумеваетъ *коренное* измѣненiе психическихъ свойствъ даннаго физическаго типа (что самое существенное въ вопросѣ), а только нѣкоторое приспособленiе сообразно измѣнившимся условiямъ быта. Это видно хотя бы изъ того примѣра, который приводится г. Крживицкимъ (въ его книгѣ) непосредственно за цитированнымъ въ его возраженiи общимъ положенiемъ.

«Длинноголовый блондинъ *сохранилъ свою предприимчивость* (т. е. свою основную особенность, что и требовалось доказать. Рец.) или, быть можетъ, ее отчасти проматалъ, но подѣ дѣйствiемъ подбора, свойственнаго эпохѣ цивилизации, приобрѣлъ способность къ интенсивному, систематическому труду...» (стр. 193).

Я могъ бы еще продолжать эти цитаты, но полагаю, что совершенно достаточно и приведеннаго. Предоставляю читателю самому судить, насколько можно считать „совершеннымъ извращенiемъ“ сдѣланное въ нашей замѣткѣ изложенiе основныхъ положенiй книги г. Крживицкаго.

Не могу, точно также, принять и второго упрека г. Крживицкаго—въ искаженiи рецензентомъ его словъ по поводу „антропотехники“.

Г. Крживицкiй говоритъ, что сдѣланные въ рецензи выводы объ антропотехникѣ, какъ его *ultimum refugium* и о непримиримости этого какъ съ концепциями марксизма, такъ и съ собственными взглядами автора на фатальность гибели эвгенистовъ при капи-

талистическомъ строѣ,—основываются исключительно на *нѣсколькихъ*, цѣликомъ имъ цитируемыхъ, совершенно невинныхъ строкахъ, которыми заканчивается его книга.

Къ сожалѣнію, это не совсѣмъ такъ. Матеріалъ для этихъ выводовъ можно найти на протяженіи цѣлой половины книги. Приведу, на выдержку, нѣсколько мѣстъ.

«Каждое цивилизованное общество подвергается подбору, *истребляющему его антропологическую силу*» (стр. 65). «Подборъ, свойственный *массовому* обществу, уничтожалъ эвгенистовъ прежде на поляхъ битвы и въ домашнихъ междоусобіяхъ, теперь городской жизнью и другими средствами... Эпоха цивилизаціи живетъ наслѣдіемъ варварскихъ временъ, расточая его немилосердно... Мирныя и смиренные типы возрастаютъ въ процентномъ отношеніи и несомнѣнно составляютъ въ современномъ обществѣ превышающее большинство. Представители антропологической силы, истребляемые средой, разсѣиваютъ свои доблести еще и посредствомъ браковъ съ представительными спокойныхъ типовъ» стр. 210—211), «Наше время, не истребляя малоспособныхъ, не въ состояніи создавать умственныхъ эвгенистовъ въ значительномъ количествѣ... *Наша цивилизація истребляетъ умственныхъ эвгенистовъ*... Браки, не разсчитывающіе на дальнѣйшую передачу способностей истребляютъ уже въ слѣдующемъ поколѣніи всякую счастливую, умственную комбинацію» (220).

«Прогрессъ будетъ идти впередъ, лишь бы существовало *небольшое* число изворотливыхъ умовъ» (223)... «По мѣрѣ развитія цивилизаціи,—говоритъ авторъ устами одного изъ своихъ неизвѣстныхъ единомышленниковъ,—прежнія благодѣянія естественнаго подбора превращаются въ бѣдствіе и несчастье для человѣческаго рода. Всякій прогрессъ, скорѣе вышній, чѣмъ дѣйствительный, дорого оплачивается капиталомъ отваги и энергіи, воли и интеллигенціи. Поэтому столько великихъ народовъ исчезло съ историческаго горизонта. Ни одна раса не могла избавиться отъ этого оскуднѣнія и уничтоженія. Наша цивилизація прокладываетъ себѣ путь со всей интенсивностью... Но челоуѣкъ, съ точки зрѣнія антропологической, представляетъ собою все меньшую цѣнность» (68). «Вліяніе просвѣщенія, другого повсюду восхваляемаго двигателя всеобщаго прогресса приводится къ нулю съ точки зрѣнія антропологіи» (63).

«Эволюція является лишь подборомъ, но никогда не представляетъ движенія *всего народа*» (63).

А подборъ, какъ мы видѣли, при вышнемъ строѣ уничтожаетъ эвгенистовъ и сохраняетъ слабыхъ. И мы видѣли также, что только „расовые типы рѣшаютъ вопросы о путяхъ исторіи“. Получается безысходное положеніе. Эвгенисты, которые одни могли бы измѣнить порядокъ вещей, фатально истребляются и некому перестраивать общество!

Но на помощь можетъ придти наука.

«*Наука*—говоритъ г. Крживицкій, *указываетъ челоуѣку средства для повышенія его способностей и силъ, необходимыхъ для всеобщаго органическаго благосостоянія, какъ физическаго, такъ и психическаго*» (стр. 223).

Непосредственно за этимъ мѣстомъ идутъ цитируемыя г. Крживицкіимъ заключительныя строки книги.

Г. Крживицкій толкуетъ ихъ въ своемъ возраженіи, какъ простое напоминаніе о „нравственной отвѣтственности родителей

по отношенію къ потомству“ (нѣчто вродѣ запрета браковъ между завѣдомо-большими субъектами и т. п.). Но все предыдущее изложеніе (стоитъ припомнить хотя бы цитаты, приведенныя выше) должно было подсказывать читателю совершенно иные выводы изъ сказаннаго, которые и сдѣланы были въ нашей замѣткѣ. Указаніемъ въ такомъ направленіи могло служить и утвержденіе г. Крживицкаго о томъ, что „создавъ новую постоянно-дѣйствующую среду“, возможно придавать племенной психикѣ произвольныя черты, въ чемъ *не сомнѣвается ни одинъ антропологъ*,—и приводимое далѣе, въ поясненіе этой мысли, безъ всякихъ оговорокъ, мнѣніе Лапужа, считающаго несомнѣннымъ, что

«если бы при помощи исключительной привилегіи родъ человѣческій ограничилъ бы право оставленія потомства, допустивъ къ пользованію этимъ правомъ лишь совершенныхъ личностей, то по истеченіи одного или двухъ вѣковъ, мы встрѣчали бы на каждомъ шагѣ гениевъ, а людей, равнозначущихъ самымъ славнымъ ученымъ, употребляли бы для копанія канавъ, но сомнительно, чтобы даже самое полное просвѣщеніе могло дать такіе результаты въ продолженіе милліона лѣтъ» (стр. 71 и 72).

Теперь г. Крживицкій заявляетъ, что его мнѣніе „искажено“ рецензентомъ. Думаю, что и въ этомъ случаѣ онъ такъ же мало правъ, какъ и въ предыдущемъ.

Что касается утвержденія г. Крживицкаго, что выводы его книги нисколько не противорѣчатъ марксизму, то скажу ему на это коротко:

Либо расовые факторы рѣшаютъ вопросы „о путяхъ и еще болѣе о способахъ историческаго движенія“, либо „производственныя отношенія и борьба классовъ“; либо „антропотехника возродитъ капиталистическое человѣчество“, либо „эволюція капитализма къ своей противоположности“. Тутъ середины быть не можетъ. Искреннему и честному старому публицисту, какимъ несомнѣнно является г. Крживицкій, слѣдовало бы помнить, что въ умы читателя безобидными на видъ философскими теоріями о „расовыхъ факторахъ, рѣшающихъ вопросы о путяхъ и еще болѣе о способахъ историческаго движенія“, вносится слишкомъ нежелательная смута; что, конечно, всего менѣе могло входить въ его намѣренія.

Рецензентъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На устройство школы имени Гл. И. Успенскаго въ д. Сябринахъ, Новгородской губ., поступило:

Отъ **Ө. С. Конопко** изъ Саратова—1 р., **А. Н. Гусева** изъ Данкова — 1 р., служащихъ въ **К. О. П. У.**—7 р., **М. П. Пономаренко** изъ Одессы—1 р.

Итого . . . 10 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 1136 р. 25 к.

На приобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библиотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова**:

Отъ **А. Н. Гусева** изъ Данкова—1 р., **І. И. Годлевскаго** изъ Архангельска — 1 р., г.г. **Кудрякова** и **Быкова** изъ Вологды—2 р.

Итого . . . 4 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 224 р. 60 к.

Въ пользу еврейскихъ семействъ, пострадавшихъ отъ погрома въ Кишиневѣ:

Отъ **А. З.** изъ Новаго Баязета — 4 р., г. **Тагеръ**, Спб.—3 р., **З. Базириной** изъ Тихвина—2 р.

Итого . . . 9 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 231 р. — к.

Редакторы-Издатели: { **Вл. Г. Короленко.**
Н. К. Михайловскій.

Довз. пенз. Спб., 24 июля 1903 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.

Отъ конторы редакціи.

Контора редакціи доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, выписывающихъ журналъ съ разсрочкою подписной платы, что въ іюлѣ истекаетъ срокъ для окончательнаго расчета за журналъ, и покорнѣйше просить при высылкѣ денегъ сообщать № своей подписки, означенный на печатномъ адресѣ, или прилагать самый адресъ.

Лицамъ, не приславшимъ къ выходу іюльской книжки полной доплаты до подписной суммы 9 руб.,
ВЫСЛКА ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.

Подписчики, живущіе въ Москвѣ, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ отдѣленіе нашей конторы (Никитскія ворота, д. Гагарина), обязательно представляя печатный адресъ, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

Продолжается подписка на 1903 годъ

(XI-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫИ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой	9 р.
Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ	8 р.
За границу	12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Емзешные магазины, библиотени, земскіе склады и потребительныя общества, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка, не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к., не причисляется.